

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Том 1

МОСКВА
2024

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

АРХЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

ТОМ 1

Под общей редакцией д. и. н. А. В. Огорокова,
И. Б. Барышева

МОСКВА
2024

УДК 902.2
ББК 63.48(2)
А87

Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Житенев В. С., доктор исторических наук;
Путрик Ю. С., доктор исторических наук

А87 **Археология Российской Арктики : в 2-х томах** / под общей редакцией А. В. Огорокова, И. Б. Барышева. — Москва : Институт Наследия, 2024. — ISBN 978-5-86443-486-4.
Том 1. — 334 с. — DOI 10.34685/НИ.2024.36.20.005. — ISBN 978-5-86443-484-0.

В монографии приводятся краткие результаты археологических исследований, проводимых в арктическом и субарктическом регионах Сибири и посвящённых изучению истории освоения данных территорий. Рассматриваются проблемы археологической изученности Арктики в контексте освоения Русского Севера, вопросы сохранности археологических памятников. В представленных материалах также отмечены значимость и перспективность изучения археологических памятников освоения Русской Арктики в научном, общественном и политическом контекстах, рассматривается их использование как объектов культурно-туристского характера.

УДК 902.2
ББК 63.48(2)

На обложке: Географическая карта части северного полушария от полюса до широты 60° и 66°. Составлена при чертежной Адмиралтейского Департамента 1820-го года. — [Санкт-Петербург], 1820. Фрагмент.

DOI 10.34685/НИ.2024.36.20.005
ISBN 978-5-86443-484-0 (том 1)
ISBN 978-5-86443-486-4

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Окороков</i> Введение _____	4
<i>В. Я. Шумкин</i> Изучение исторического наследия западной части Российской Арктики (этнография, археология, антропология Кольского полуострова) _____	7
<i>А. М. Мурыгин</i> Освоение арктической тундры Восточно-Европейской равнины по данным археологии эпохи железа _____	47
<i>И. Б. Барышев, А. В. Окороков</i> Археологическое наследие архипелага Земля Франца-Иосифа _____	177
<i>В. Л. Державин</i> Открытие Шпицбергена и связанные с этим вопросы _____	264
<i>И. Б. Барышев</i> Архипелаг Новая Земля. Объекты археологического наследия _____	273
Сведения об авторах _____	330

ВВЕДЕНИЕ

Арктика — северная полярная область земного шара, которая занимает примерно шестую часть поверхности земли, включающая окраины материков Евразии и Северной Америки и почти весь Северный Ледовитый океан.

Слово «Арктика» имеет греческое происхождение и означает «медведица» или «находящийся под созвездием Большой Медведицы». В русской традиции Арктика также называется Заполярьем или Крайним Севером. В Финляндии арктические земли известны под названием Лапландия.

Долгое время Арктика считалась территорией, непригодной для жизни людей. Тем не менее археологические исследования показывают, что древний человек появился в Евразийской Арктике около 45 000 лет назад и уже никогда не покидал её. Об этом, в частности, ясно свидетельствуют находки из стоянки Мамонтова курья в Северном Приуралье в долине реки Усы (Республика Коми) и Янского комплекса палеолитических стоянок, открытого в нижнем течении реки Яны в арктической Восточной Сибири (Республика Саха (Якутия)). В различных регионах Арктики, в том числе вблизи побережий Северного Ледовитого океана и на его островах, имеются и другие, не менее яркие свидетельства успешного многотысячелетнего существования людских популяций.

С XV века начинается первая волна европейской колонизации Севера, происходит экспансия Норвегии, Финляндии, Швеции и Дании на Север. Россия также начинает расширять свои территории за счёт северных и восточных регионов. Русский священник Стефан из Перми основал финно-угорскую Пермь, затем последовало установление власти Московского государства на Севере и в Сибири. В этот период также происходит экспансия Исландии и Дании на территории Северной Америки и Гренландии. Позднее, в XVI веке, европейская экспансия началась на американском континенте¹.

В XI веке русские мореплаватели вышли в моря Северного Ледовитого океана, в XII–XIII веках открыли острова Вайгач, Новая Земля, а в конце XV века — острова архипелага Шпицберген, остров Медвежий. В XV веке поморы сумели добраться до устья Оби, а затем до Енисея, Лены.

В первой половине XVI века появилась первая известная карта бассейна Ледовитого океана, составленная по чертежу Д. Герасимова, к этому же времени относятся и освоение западного участка Северного морского пути — от Северной Двины до Тазовской губы в устье Оби (так называемый Мангазейский морской ход).

В период с конца XVI века к середине XVII века появились русские города, остроги, зимовья, заставы, волоки по всей протяжённости арктических и субарктических территорий от Уральских гор до Тихого океана.

С именами русских промышленников Ильи Перфильева, Ивана Реброва, Ивана Ерастова, Василия Сычева, Якова Семенова, Михаила Стадухина, Семёна Дежнёва, Дмитрия Зыряна, Исаяи Игнатьева, Федота Попова, Курбата Иванова,

¹ Серикова У. С. История освоения Арктики // История и педагогика естествознания. — 2016. — № 4. — С. 35–40.

Ивана Рубеца, Владимира Атласова, Меркурия Вагина, Якова Пермякова связано первенство открытия Ямала, Таймыра, Якутии, Чукотки, Камчатки, Дальневосточья с Беринговым проливом и других арктических земель.

В результате Великой северной экспедиции (1733–1743 гг.) всё сибирское побережье Северного Ледовитого океана до мыса Большой Баранов было исследовано, описано и нанесено на карты.

В начале XIX века русские мореплаватели продолжали активно исследовать Арктику. В 1820–1824 годы Фердинанд Врангель и Фёдор Матюшкин обследовали и нанесли на карту материковый берег от устья Колымы до Колочинской губы и совершили в этом районе четыре беспримерных похода по дрейфующим льдам. В 1821–1824 годы крупный исследователь Арктики Фёдор Литке описал берега Новой Земли, сделал много географических определений мест по берегу Белого моря, исследовал глубины фарватера и опасных отмелей этого моря.

С 1874 года начались плавания на паровых судах через Карское море в устье Оби и Енисея, получившие названия Карских экспедиций.

Результативной была и русская Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана 1910–1915 годов на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач». Базируясь во Владивостоке, она за три года выполнила детальную гидрографическую опись от мыса Дежнёва до устья Лены и соорудила на побережье навигационные знаки.

Значительный вклад в изучение арктических земель внесли экспедиции под руководством Георгия Седова, полярных исследователей Александра Колчака, Георгия Брусилова, Владимира Русанова, Бориса Вилькицкого, океанолога Николай Зубова и многих других.

В советское время исследование Арктики было активно продолжено. Были проведены героические экспедиции на ледокольных судах «Г. Седов», «Красин», «Сибиряков», «Литке». Их возглавляли известные полярники Отто Шмидт, Рудольф Самойлович, Владимир Визе, капитан Владимир Воронин. В эти годы впервые в одну навигацию была пройдена трасса Северного морского пути, совершены героические перелёты через Северный полюс, которые создали принципиально новые возможности для достижения и изучения Северного полюса.

В настоящее время проблема освоения арктического региона стала особенно актуальной. Это связано, в первую очередь, с геополитическими интересами России в Арктике и с растущей политической и экономической конкуренцией в данном регионе. В связи с этим изучение истории освоения арктического региона представляется важнейшей темой исследований.

На сегодняшний день эта история освоения арктических земель освещена в историографии главным образом на основе письменных и архивных источников, позволяющих воссоздать хронологический и событийный ряд. В то же время архивные данные не дают полноценной информации ни о географическом местоположении поселений, ни о духовной и материальной культуре русских первопроходцев². Их недостаточность, в свою очередь, порождают различного рода толкования и вызывают разногласия и споры. Заполнить этот пробел позволяют археологические исследования.

² *Кухтерин С. А.* Памятники археологии освоения Русской Арктики. Проблемы изучения, сохранения, популяризации // Полярные чтения на ледоколе «Красин» — 2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации : Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2016 г.). — Москва : Издательство «Паулсен», 2017. — С. 128–138.

Памятники археологии являются неоспоримым фактическим доказательством открытия, освоения и принадлежности территорий Российскому государству, как материковых, так и островных, расположенных в Северном Ледовитом океане, включая акватории и шельф, что на сегодня является актуальной международной проблемой. Археология даёт фактический материал, который трудно или даже невозможно опровергнуть. Таким образом, памятники археологии русского освоения Арктики являются опорными стратегическими объектами культурного наследия, материально доказывающими открытие и освоение в XVII веке арктических регионов Русским царством, а позже — Россией. Археологические памятники — это маркеры своей территории, своих политических интересов.

Теме арктической археологии и посвящена данная монография. Её авторами являются ведущие специалисты-историки, многие годы занимающиеся археологическими исследованиями в рассматриваемом регионе, сделавшие не одно научное открытие в этой области.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ (ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА)¹

«Если Россия не займётся изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задач, как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим».

Карл Максимович (Карл-Эрнест) Бэр
(1792–1876)

ИСТОРИОГРАФИЯ (КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ)

Территория, гуманитарное освоение которой мы будем рассматривать, в отдельные исторические периоды называлась по-разному: «неведомые земли», «птерофор» («земля снежинок»), «страна мрака и холода», «Лапландия», «запад Русского Севера», «Кольский полуостров», «Мурманская область». В настоящее время используются последние четыре наименования для земель, лежащих за Полярным кругом на крайнем северо-западе нашей Родины.

Изучение истории и культуры аборигенного населения (коренных народов) требует обращения к результатам этнографических, археологических и антропологических исследований. Между тем, являясь отраслями исторической науки, эти научные дисциплины имеют свою, достаточно сложную историю взаимодействия. Поэтому коротко охарактеризуем основные этапы исследования коренного народа Кольского полуострова — саами.

В трудах древних авторов — Геродота Галикарнасского (илл. 1), Публия Корнелия Тацита (илл. 2), Помпония Мелы (илл. 3), Клавдия Птолемея (илл. 4), Прокония Кесарийского (илл. 5), средневековых — Павла Диакона (илл. 6), монаха Иордана (илл. 7), норвежского мореплавателя Оттера из Холугаланда, датского летописца Саксона Грамматика (илл. 8), содержатся отрывочные и не всегда достоверные сведения (Ельницкий, 1961. С. 18), тем не менее, имеющие историографическую ценность.

Русская Лапландия, находясь рядом, по российским меркам, от Архангельска и обеих столиц, но располагаясь полностью за Полярным кругом, долго считалась глухой окраиной. Власть и историки мало обращали внимания на лопарей (правильнее — саамы, саами) удивляясь своеобразием их духовной и ма-

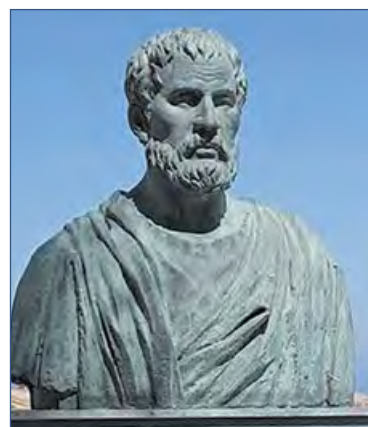
¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственной программы ФНИ ГАН: «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

Илл. 1. Геродот Галикарнасский (др.-греч. Ἡρόδοτος Ἀλικαρνασσεύς, около 484 г. до н. э. – около 425 г. до н. э.) – древнегреческий историк и географ, «отец истории», автор первого сохранившегося значительного трактата «История»

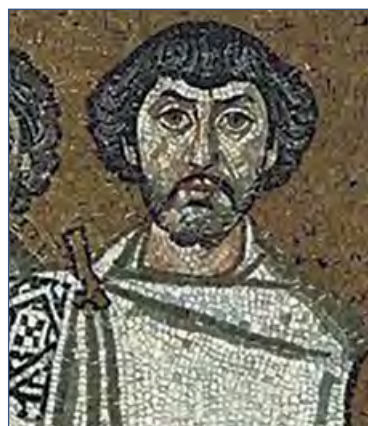
Илл. 2. Публий Корнелий Тацит (55–120 гг. от Р. Х.), древнеримский историк

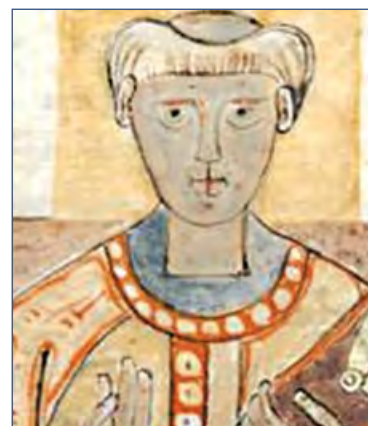
Илл. 3. Помпоний Мела (15–60 гг. от Р. Х.), римский и ранневизантийский географ

Илл. 4. Клавдий Птолемей (др.-греч. Κλαύδιος Πτολεμαῖος, лат. Claudius Ptolemaeus, ок. 100 – ок. 170), позднеэллинистический астроном, географ

Илл. 5. Прокопий Кесарийский, византийский историк

Илл. 6. Павел Диакон (около 720 – около 799 гг.), бенедиктинский монах, историк эпохи Каролингов

Илл. 7. Иордан (VI в. н. э.), готский историк

Илл. 8. Саксон Грамматик (около 1216 г.), датский историк

Илл. 9. Знаменитая «Лаппония», впервые изданная на латинском языке в 1763 г. во Франкфурте

териальной культуры, образа жизни, зачастую строя фантастические истории «возникновения» этой народности, но представить, что «земля мрака и холода», как обычно называли этот край, может иметь свою древнюю историю, никто не мог.

И всё-таки сохранились некоторые документы, отражающие реалии, начиная с XVII века, такие как поземельная опись, включавшая данные первой (выборочной) переписи в России (1608–1611 гг.), которую на Кольском полуострове выполняли писец Алай Михалков и дьяк Василий Мартемьянов (она получила наименование «Писцовая книга Алая Михалкова»), «Переписная книга Кольского острога и Кольского уезда» Льва Борисовича Секирина (1677–1679 гг.) и «Переписная книга крестьян и терских лопарей в патриарших вотчинах на Терском берегу Кольского уезда» (1678–1679 гг.) стрелецкого сотника Богдана Ошерина.

Однако первым основательным трудом по описанию заполярной Лапландии следует признать изданную в 1673 г. знаменитую «Лаппонию» (илл. 9) Иоганна Шеффера (илл. 10), моментально переведённую почти на все европейские языки.

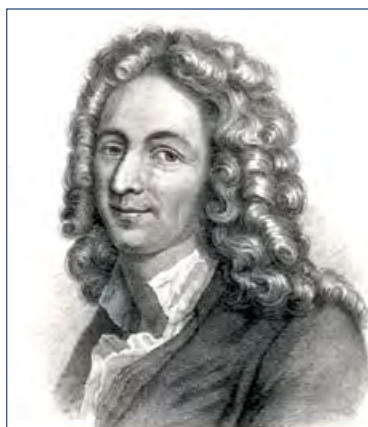
В России интерес к этой своей северной окраине, к её местному населению, появляется с создания в 1724 г. Санкт-Петербургской Академии наук. Уже в 1727 г. ею была направлена экспедиция профессора Людовика Делиля де ла Круайера (илл. 11), посетившая остров Кильдин, Колу, Ковду, Кереть. Его рукописный «Дневник путешествий по Московии в 1727–1729 гг.» до сих пор не опубликован (в 1745 г. была издана только карта Российской Лапландии), содержит описания хозяйства и быта местного населения. Далее последовали академические экспедиции (1771–1772 гг.) И. И. Лепёхина (илл. 12) и его ученика (1773) Н. Я. Озерецковского (илл. 13). В это же время в России сведения о «лопарях» встречаются у Гёрхарда Миллера (илл. 14) в «Описании разных народов Российской империи» (1773), Иоганна Готлиба Георги (илл. 15) в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» (1776 г.). Есть записи о путешествии по Лапландии (1732–1734 гг.) и у великого Карла Линнея (илл. 16). Существенный вклад в изучение саамов внёс финский швед Матиас Александр Кастрен (илл. 17), описав свои поездки (1838) на озеро Инари (Сонгельский погост), в Колу и Кандалакшу (Кастрен, 1860). Но это всё были лишь разрозненные заметки, зарисовки быта и нравов аборигенного населения Кольского полуострова.

Несмотря на сравнительную близость Кольского полуострова от такого научного центра, как Санкт-Петербург, с его Академией наук, и некоторый интерес этого учреждения к проживающей здесь народности саами, они, вплоть до конца XIX в., в отличие от наших скандинавских соседей, не являлись объектами специального научного изучения. Сведения ограничивались лишь упоминаниями и небольшими заметками о необычности этой территории и местного населения. Даже в начале XX в. основные археологические работы на Кольском полуострове производились опять же скандинавами.

А этнография, особенно на Западе, после выхода в свет труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов» (1859 г.) бурно развивалась и даже в теоретическом направлении. Так сформировался «эволюционизм», основоположник Тэйлор (1832–1872), «диффузионизм», основатель Ратцель (1844–1904). Вскоре появились «социологическая школа» с Эмилем Дюркгеймом (1858–1917) и «функционализм» (Радклифф-Браун (1881–1955)). В Америке возникла «американская школа» исторической этнологии с основоположником Ф. Боасом (1858–1942).

Илл. 10. Шеффер (Шуфферус) Иоганн (1621–1679), немецкий исследователь, профессор

Илл. 11. Людовик Делиль де ла Круайер (1685–1741), экстраординарный академик Петербургской академии наук, академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге

Илл. 12. Иван Иванович Лепёхин (1740–1802), академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, учёный-энциклопедист, путешественник

Илл. 13. Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827), академик Петербургской академии наук (1782 г.) и Российской академии (1783 г.), учёный-энциклопедист

Илл. 14. Гёрхард Фридрих Миллер (1705–1783), академик Императорской академии наук и художеств

Илл. 15. Иоганн Готлиб Георги (1729–1802), историк, автор монографического труда по истории России

Илл. 16. Карл Линней (1707–1778), великий шведский естествоиспытатель и врач, создатель единой системы классификации растительного и животного мира

Илл. 17. Матиас Александр Кастрен (1813–1853), великий финский (шведского происхождения) филолог

Илл. 18. Николай Николаевич Харузин (1865–1900), первый русский специалист по саамской этнографии

Первым профессиональным отечественным этнографом, изучавшим саами, стал Николай Николаевич Харузин (илл. 18), издавший в конце XIX в. обширную монографию (Харузин, 1890). Публикацию встретили очень хорошо, однако многое в ней было заимствовано от И. Шеффера и не чувствовалось влияния новых современных концепций этнографических направлений или знакомства с ними, правда, наблюдается робкая попытка применить метод комплексного изучения с использованием данных смежных дисциплин.

После его смерти в 1890 г. наступило некоторое затишье, прерванное появлением работ и статей мурманского краеведа, исследователя истории и культуры саамов Кольского полуострова Василия Кондратьевича Алымова (илл. 19) и профессионального этнографа Владимира Владимировича Чарнолуского (илл. 20). Председатель губернского статистического бюро В. К. Алымов, лучший в то время знаток коренного населения края, не только всемерно содействовал сохранению этнической, хозяйственной и духовной самобытности саамов и организационно способствовал их изучению, но и сам выступал в роли исследователя, оставив оригинальные работы по традиционным формам организации хозяйства и культурным памятникам. Особенно важна роль В. К. Алымова в создании в конце 1920-х гг. «Общества изучения Мурманского края», объединившего в своём составе краеведов Мурманска. В 1927–1928 гг. Общество издавало «Доклады и сообщения», посвящённые анализу традиционных форм саамского хозяйства (озёрное рыболовство и оленеводство), путям их укрепления, а также вопросам изучения самобытной материальной и духовной культуры коренного населения региона. Общество оказывало содействие экспедициям, в ходе которых решались задачи геологического, этнографического и археологического характера. Деятельность мурманского краеведа Василия Кондратьевича Алымова, профессионального этнографа Владимира Владимировича Чарнолуского достаточно известна современным жителям Мурманской области. Последовавшие вскоре необоснованные аресты по надуманному «саамскому делу» В. В. Чарнолуского и В. К. Алымова привели к закрытию «Общества изучения Мурманского края», заключению и длительному отрыву от профессии первого и гибели второго, полностью прервав этнографическую и краеведческую деятельность в Мурманском крае.

Илл. 19. Василий Кондратьевич Алымов (1883–1937), первый кольский краевед

Илл. 20. Владимир Владимирович Чарнолуский (1894–1969), первый советский этнограф-исследователь культуры и быта саамов

А в это время в СССР наращивала силы «советская школа этнографии» с её главными теоретиками и практиками Владимиром Германовичем Богоразом,

Сергеем Александровичем Токаревым, Юлианом Владимировичем Бромлеем, Николаем Николаевичем Чебоксаровым, Сергеем Александровичем Арутюновым, Львом Николаевичем Гумилёвым. Их взгляды на свою науку нередко отличались и порой значительно. Несомненно, что в течение длительного времени отечественная этнография развивалась под воздействием школ и направлений, выработанных в зарубежной науке почти за столетие. Особенно это касается «эволюционизма», который наиболее сочетался с марксистско-ленинской теорией, но были и собственные оригинальные идеи.

Некоторые из этих «светил» упоминали в своих творениях и народность саамов, но отдельных работ по образу жизни, верованиям, самосознанию саамов практически не было. Только в начале 1970-х годов выходит в свет фундаментальный труд Татьяны Васильевны Лукьянченко (илл. 21), посвящённый материальной культуре саамов (Лукьянченко, 1971. 168 с.). А в самом конце XX века в Санкт-Петербурге была издана небольшая работа Людмилы Васильевны Хомич (илл. 22) «Саамы» (Хомич, 1999. 92 с.). Эти книги были написаны отличными специалистами в парадигме «советской этнографической школы» и отражали все её достоинства и недостатки. Данные уже крепнущей кольской археологии они использовали выборочно и эпизодически.

В настоящее время ведущими российскими этнографами, активно занимающимися этнографией саамов Русской Лапландии, следует признать (Пация, 1980. 328 с.; 1990. 109 с.; Куропятник, 1999, 2023. С. 26–39; Кучинский, 1994, 1999, 2008, 2010; Бодрова, 2014. 160 с.) Евгению Яковлевну Пацию (илл. 23), Марину Степанову Куропятник, Максима Геннадиевича Кучинского (илл. 24), специализирующегося на изучении материалов Алая Михалкова, Василия Мартемьянова, Льва Секирина, Богдана Ошерина и генеалогии саамских родов, и Ольгу Александровну Бодрову (илл. 25).

Илл. 21. Татьяна Васильевна Лукьянченко (1932–2016), этнограф, исследователь истории и культуры российских саамов

Илл. 22. Людмила Васильевна Хомич (1921–2011), советский этнограф

Илл. 23. Евгения Яковлевна Пация (1945–2022), этнограф, исследователь мифологии саамов, писатель

Первой археологической находкой на Кольском полуострове (Мурашкин, 2022. С. 134) стал Аатсервайненский клад (1839 г.) в окрестностях Куолоярви (с 1940 г. входит в состав нашей страны). Клад состоял из монет, серебряных и бронзовых изделий средневекового периода. Первая публикация этого клада состоялась в 1842 г. (Hallstrom, 1842. P. 731–740), но сам факт события и данное издание не были замечены ни гуманитариями, ни общественностью.

Илл. 24. Максим Геннадьевич Кучинский, этнограф

Илл. 25. Ольга Александровна Бодрова, этнограф

Основоположником научного подхода к доисторическому прошлому России стал академик Карл Максимович (Карл-Эрнест) Бэр (илл. 26). Его предложение археолого-этнографического исследования России (Бэр, 1937, 1846; Вагг, 1844. Р. 70–79) можно назвать эколого-культурным. Причём это было осмыслено ещё тогда, когда сам термин «этнография» ещё не «привился» в России, да и термин «археология» не всеми приветствовался и понимался по-разному. Он был впервые употреблён афинским философом V–IV вв. до Р. Х. Платоном в значении «*история прошедших веков*», но в XVIII в. стал обозначать метод классической филологии (Теория и методология... 2016). Собственно, и археология Кольского полуострова взаимодействовать в ту пору с начинающей «выкристаллизовываться» этнографией не могла, поскольку её, по сути, ещё не было.

Первые, ставшие известными, сведения о каменных орудиях, найденных на Кольском полуострове, относятся к октябрю 1866 г., когда на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии был сделан доклад о проведённых на кладбище, расположенном в 0,5 км к западу от г. Колы, раскопках двух погребений (ИОЛЕАЭ, т. 20. С. 26–28). По описанию автора раскопок Комповского, в одном из погребений на глубине около 1 м сохранился гроб из полусгнивших досок и расколотых брёвен размером 1,95 × 0,7 × 0,4 м. Погребённый лежал на спине, головой на восток, руки были вытянуты вдоль тела. В ногах было обнаружено каменное орудие «из довольно твердого камня, в виде долота или клина» (ИОЛЕАЭ, т. 20. С. 28). Про второе погребение сообщается лишь, что в нём находилась «часть скелета от черепа до таза, в таком же положении, как и первый» (ИОЛЕАЭ, т. 20. С. 28). Два черепа и орудие были переданы в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Они были представлены на Этнографической выставке 1867 г., организованной Обществом, о чём можно судить по опубликованному каталогу вставки (ИОЛЕАЭ, т. 29. С. 68, 73). Орудие также выставлялось на Антропологической выставке в Москве в 1879 г. под № 848 по каталогу (ИОЛЕАЭ, т. 35. С. 8). Судя по чертежам и планам Кольского острога и г. Колы XVIII в., опубликованным В. В. Косточкиным (Косточкин,

Илл. 26. Карл-Эрнест фон Бэр (1792–1876), академик Петербургской академии наук, один из основателей Русского географического общества

1958. С. 213, рис. 5, 7, 8, 11, 13.), раскопки были сделаны на старом монастырском кладбище. На этом месте сейчас располагается «старое» современное кладбище города Колы.

Илл. 27. Георгий Кириллович Терентьев (1823–1904), священник Нотозерского лопарского прихода

Второе каменное орудие из местности, называемой Лопский пригорок (встречается и название Панский пригорок) в окрестностях города Колы, упомянуто в докладе П. С. Ефименко на I Археологическом съезде 1869 г. (Ефименко, 1871. С. 191). Сведения, сообщаемые о месте обнаружения находки, довольно противоречивые: с одной стороны, говорится, что орудие обнаружено в Кольской губе, «немного ниже впадения в ту губу реки Колы», при этом оно было найдено у уреза воды или на пляже, куда попало в результате осыпания подмываемого рекой высокого берега (Ефименко, 1871. С. 191). С другой стороны, уточняется, что «орудие лежало... при слиянии рек Колы и Туломы» (Ефименко, 1871. С. 191). Таким образом, не совсем понятно, на каком берегу р. Колы была сделана находка. Как бы то ни было, орудие было передано в музей Архангельского статистического комитета священником Нотозерского погоста

Г. Терентьевым (илл. 27). По словам последнего, изначально орудие, определяемое как каменный топор, имело острое лезвие, «но, по причине употребления его вместо бруса для точения ножей и других вещей, изменило часть свой первоначальный вид и довольно стерлось» (Ефименко, 1871. С. 191). В 1878 г. с данного орудия был сделан слепок (ИОЛЕАЭ, т. 31. С. 23). Он включён А. С. Уваровым под № 366 в каталог его сводного труда по каменному веку России (Уваров, 1881, т. 2. С. 29). Однако, судя по рисунку А. С. Уварова (Уваров, 1881, т. 2. Таб. 33), этот предмет представляет из себя естественную гальку необычной формы, что, видимо, и привлекло внимание находчиков. В дальнейшем слепок был включён в экспозицию Российского исторического музея, о чём свидетельствуют два указателя по залам музея, изданные в 1883 и 1893 гг. (Брюсов, 1940. С. 194).

Эти находки, наряду со статьями К. М. Бэра о первобытной истории, с первыми археологическими исследованиями на Русском Севере, фактически стали ростками научного интереса к древностям каменного века в России (Императорская Археологическая Комиссия... С. 557–565). И хотя в количественном отношении и по информативности их нельзя сопоставить с результатами работ на юге и даже сборами, например, Н. Ф. Бутенева или П. Лерха в центральной России, но они в своё время вызвали большой интерес «как по форме, так и по происхождению с самого северного предела Европы» (ИОЛЕАЭ, т. 31. С. 23).

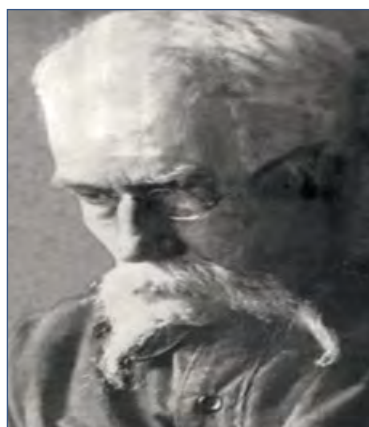
Большую важность в изучении древностей Кольского полуострова имела поездка А. И. Кельсиева в 1877 г., предпринятая в ходе подготовки Антропологической выставки в Москве. Экспедиция имела самые широкие цели, в основном антропологического и этнографического, но также археологического характера. Её проведению предшествовала серьёзная подготовка, в ходе которой в научной литературе о свидетельствах путешественников были собраны максимально подробные сведения о саамах (лопарях). Были выявлены разногласия в сведениях о физическом типе саамов, их верованиях, обычаях, и в ходе экспедиции предполагалось эти данные уточнить. Перед экспедицией была поставлена задача

собрать информацию об антропологических особенностях саамов Кольского полуострова, о сходстве и различии их антропологического строения в сравнении с саамами Норвегии и Швеции, а также с финнами и русскими (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 115–118). Отдельно ставилась задача проведения раскопок саамских погребений с целью получения антропологической и краниологической коллекции (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 118–120). Поскольку экспедиция предпринималась с целью сбора материалов для выставки, то в ходе раскопок требовалось составить рисунки для возможной реконструкции погребений в натуральную величину, *«следовательно, должно быть обращено внимание на размеры и на все частности»* (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 120). Отдельно оговаривалось, что *«нужно взять не только все содержащееся в могилах, но и образцы камней для сделания в Москве по ним копий из гипса или другого материала, ... собрать все кости животных из могил, ... постараться достать по возможности больше образцов бересты с рисунками, ... собрать полные скелеты для музея»* (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 120). Большое внимание отводилось сбору этнографических материалов: зарисовок зимних и летних жилищ, образцов одежды, предметов культа, сведений о пище и т. д. (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 120–121).

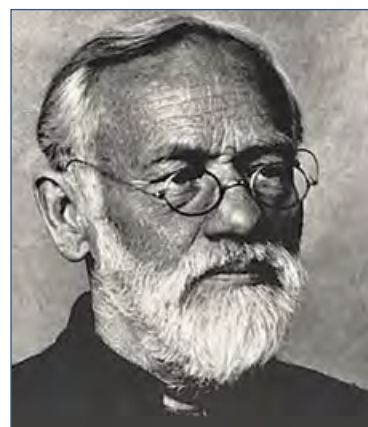
А. И. Кельсиев в июле — августе 1877 г. объехал восточное и северное побережье Кольского полуострова от п. Сосновка до г. Вадсё в Норвегии (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 324). Результаты поездки А. И. Кельсиева оцениваются по-разному. Так, Н. И. Харузин — автор первого монографического исследования о саамах в России — во многом опирался на сведения А. И. Кельсиева, особенно в части описания их материальной культуры (Харузин, 1890. С. 55–134). Н. Н. Гурина (илл. 28) в историографических частях своих работ разного времени цитировала несколько строк из письма А. И. Кельсиева к председателю Общества А. П. Богданову: *«Кроме каменных куч и двух несомненных чудских ям, круглых и воронкообразных (4 сажени диаметром), у Поноя доисторических древностей берег не представляет. После всех изысканий могу с убеждением сказать, что их здесь нет»* (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 246; Гурина, 1951. С. 143; Гурина, 1997. С. 8). На самом деле А. И. Кельсиев зафиксировал на Кольском полуострове несколько категорий археологических памятников: лабиринты, жилища, каменные выкладки, системы ям-ловушек на северного оленя. Вот как он описывает археологические результаты своей поездки: *«Сделаны рисунки и подробные описания местонахождения на берегах Белого и Ледовитого морей каменных концентрических кругов, так называемых вавилонов. Сделаны виды и рисунки древних каменных куч, пещеры св. Трифона, планов городищ; разследованы древние конические ямы, известные под именем чудских; осмотрены гангасы, обширные группы ям, рытых языческими лопарями для ловли диких оленей; записаны разные легенды, показания туземцев о местностях, интересных в археологическом отношении»* (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 350). Помимо этого были проведены раскопки девяти захоронений, откуда были взяты восемь черепов и один полный скелет (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 350). Результаты работ были представлены членам Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и частично опубликованы (ИОЛЕАЭ, т. 35. С. 491–498). В основном были опубликованы антропологические данные, которые считались основной целью экспедиции, но этнографические материалы, в частности предметы одежды, поступили в музей Политехнического музея в Москве и замечательные рисунки их были опубликованы Н. И. Харузиным (1890. С. 94–95). Сведения археологического характера, по всей видимости, никогда не использовались. Уже Н. Н. Гурина (илл. 28) считала, что эти материалы бесследно исчезли (Гурина, 1951. С. 143).

*Илл. 28. Нина Николаевна
Гурина (1909–1990),
советский археолог*

*Илл. 29. Константин
Павлович Рева (1866–1942),
архангельский археолог,
музейный работник*

*Илл. 30. Александр Андреевич
Спицын (1858–1931),
великий русский археолог*

За истекшие после поездки А. И. Кельсиева двадцать лет почти никаких новых археологических материалов — находок или известий о древних памятниках — не поступало. Только в монографии Н. И. Харузина со ссылкой на иностранную литературу приводятся сведения о раскопках средневековых (и, возможно, более ранних) саамских погребений (Харузин, 1890. С. 321–323). Эти же сведения в более кратком изложении упоминались А. П. Богдановым в докладе о подготовке его поездки (ИОЛЕАЭ, т. 27. С. 119–120). Лишь в начале XX века появляются новые археологические материалы. Прежде всего, это раскопки членом Архангельского статистического комитета К. П. Рева (илл. 29) в окрестностях села Поной, на востоке полуострова в 1900 г. Необходимо отметить, что здесь им были проведены раскопки трёх жилищ позднего средневековья, или Нового времени, шести ям разной формы, не давших находок (пять из них, возможно, также жилища), и подробно исследованы пять лабиринтов. Были сделаны одни из первых фотографий лабиринтов, составлен подробный чертёж и, с целью уточнения времени создания конструкций, проведены раскопки одного из них (Рева, 1900, листы 17–19, Отчёт... 1902). К счастью, эти разрушительные работы не были продолжены в последующие годы, так как, по всей видимости, К. П. Рева был разочарован отсутствием находок.

Вторым важным событием в археологии начала XX века стала обобщающая статья А. А. Спицына (илл. 30) о северных лабиринтах (Спицын, 1904). Надо сказать, что из всех древностей Северной Фенноскандии лабиринты привлекали больше всего внимания. Сведения о них находятся почти у каждого путешественника, посетившего Беломорье или Кольский полуостров в XIX веке (Спицын, 1904. С. 101–112; Гурина, 1948. С. 125–126). В статье А. А. Спицына лабиринты Кольского полуострова и Белого моря рассматривались наряду с памятниками гораздо лучше археологически изученных регионов — Норвегии, Швеции и Финляндии. Большое значение также имело указание, что эти сооружения должны иметь большую древность — до трёх тысяч лет или бронзового века (Спицын, 1904, С. 111).

В 1908 и 1910 гг. две поездки по Кольскому полуострову предпринимает Густав Хальстрём (илл. 31) — известный шведский археолог и этнограф. Основной целью этих поездок было этнографическое изучение региона, но в собранных исследователем материалах много информации о сейдах — культовых местах саамов, почитавшихся на протяжении столетий, о старых кладбищах и местах поселений

(Halstrom, 1921; 1922). Эти сведения чрезвычайно важны для археологии позднего средневековья и Нового времени.

В дальнейшем сведения об археологических находках стали поступать чаще. Так, в 1911 г. публикуется сообщение о находке каменного наконечника на правом берегу р. Пасвик (Nackman, 1911, p. 56). В 1914 г. студент Т. Дж. Итконен (илл. 33) проводит раскопки жилища раннего железного века на Йоконьгском озере, на северо-восточном побережье Кольского полуострова (Nackman, 1916. P. 71). Коллекция из этих раскопок хранится в Национальном музее Финляндии (коллекция № 6772) и включает фрагменты керамики с примесью асбеста, фрагменты железных изделий, куски пемзы. В начале 1990-х гг. финский археолог Кристиан Карпелан по нагару на фрагменте керамики получил радиоуглеродную дату для этого, одного из очень немногих датированных археологических комплексов в этом регионе, относящихся к раннему железному веку.

Активное изучение археологии Кольского полуострова прекращается с началом Первой мировой войны и возобновляется только в конце 1920-х гг. В результате получения независимости Финляндией, в 1920 г. к ней отошла западная часть полуостровов Рыбачий и Средний и район Печенги (Petsamo). В 1920–1930-е гг. здесь проводят исследования финские археологи (Seitsonen, 2006. P. 227–228; Carpelan et. al., 1998. P. 14–15). Уже в 1922 г. М. Кампман (M. Kampman) провёл разведку и шурфовку памятников в районе озёр Салмиярви и Хойхенярви (Seitsonen, 2006. P. 227). В 1926 и 1928 гг. норвежские археологи А. Нуммедал (илл. 33), Г. Йессинг (илл. 34) и финский геолог В. Таннер (илл. 35) обнаружили в этом районе несколько памятников так называемого «арктического палеолита». Помимо этого, В. Таннер нашёл поселение эпохи раннего металла Ротойоки (Rotojoki), так же известное, как Гроттуг (Grottug), и одно средневековое поселение (Tanper, 1928). В 1929 г. в этот район приезжал С. Пяльси (илл. 36), он провёл шурфовку и сбор подъёмного материала на обнаруженных ранее памятниках (Pälsi, 1929), а также раскопал два жилища на поселении Ротойоки (Seitsonen, 2006. P. 228–230). В 1934 г. разведки и небольшие раскопки в этом районе проводит Ё. Леппяхо (Seitsonen, 2006. P. 228; Carpelan et. al., 1998. P. 15). Такая интенсивная работа может объясняться, с одной стороны, большим интерна-

Илл. 31. Густав Халльстрём (1880–1962), археолог, профессор Стокгольмского и Упсальского университетов

Илл. 32. Тойво Иммануэль Итконен (1891–1968), финский историк и лингвист, специализировавшийся на саамских языках и истории их носителей

Илл. 33. Нуммедал Андерс Йонсен (1867–1944), норвежский археолог

Илл. 34. Гуторм Йессинг (1906–1979), норвежский археолог и этнограф

Илл. 35. Вяйне Таннер (1881–1948), финский географ, исследователь четвертичной геологии Лапландии

Илл. 36. Сакари Пялси (1882–1965), финский археолог и этнограф

циональным интересом к проблеме «арктического палеолита», с другой — началом активного промышленного освоения этого района.

В эти же годы возобновляется изучение остальной части Кольского полуострова. В 1922 г. жители с. Кузомень на Терском берегу передали студенту Ленинградского географического института М. В. Померанцеву большое количество археологических находок, включавших каменные орудия, кости животных, а также бронзовые и железные изделия.

И вот в этой «разреженной» археологической атмосфере появилась вдруг замечательная фигура, сыгравшая значительную роль в изучении первобытной истории края. Энциклопедически образованный, уже успевший проявить себя как опытный археолог, известный востоковед и финно-угровед Алексей Викторович Шмидт (илл. 37) в 1928 г. возглавил Антрополого-этнографический отряд Кольской экспедиции АН СССР, созданный для полевых исследований могильника, расположенного на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Выбор руководителя работ и объекта исследования, безусловно, превзошёл все ожидания. Небольшой отряд (А. В. Шмидт, М. И. и А. В. Хвостовы, А. С. Юневич) в тяжёлых климатических условиях заполярного июня (илл. 38) провёл

Илл. 37. Алексей Викторович Шмидт (1894–1935), советский археолог

Илл. 38. Состав Кольской археологической экспедиции 1928 года на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Из фондов ГИКМ города Полярного

раскопки на самом современном научном уровне. Через год методично, комплексно, с привлечением антрополога, палеоботаника, палеозоолога (С. Д. Сеницын, А. Ф. Гаммерман, В. И. Громова), были обработаны все материалы и опубликованы (Шмидт, 1930; Сеницын, 1930; Гаммерман, 1930; Громова, 1930). Это стало событием в изучении древней истории всей Лапландии. В июле этого же года А. В. Шмидт провел обследование на Терском берегу Белого моря, в результате которого *«при впадении р. Кица в р. Варзугу обнаружено до 16 мест со следами пребывания древних обитателей, и различные предметы древних культур»* (Поллярная правда, 1928). После этого учёный, к сожалению, больше не возвращался в Мурманский край.

Каков же был жизненный и творческий путь этого незаурядного человека? Алексей Шмидт родился 27.07.1894 г. в городе Тарту в семье профессора, доктора медицины Дерптского университета Виктора Карловича Шмидта. Среднее образование получил в Санкт-Петербургской частной гимназии Г. А. Видемана, которую окончил в 1911 г. Потом блестяще окончил (1916 г.) Императорский Петроградский университет (ученик И. М. Гревса, Б. А. Тураева, С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева и В. В. Струве). Ещё совсем юным студентом выделялся своими познаниями. Вот его характеристика более «зрелых» товарищей тех лет: *«Среди членов Эрмитажного кружка был вундеркинд — так мы прозвали самого юного из нас — Алексея Викторовича Шмидта. Этот молодой историк чувствовал себя как дома в любой эпохе. О нем мы говорили: мальчик Шмидт все знает. Он отвечал нам на любые вопросы, превосходно ориентировался во внешней политике. Худой, высокий блондин, чуть рыжеватый, то сдержанный, замкнутый, подтянутый, то внезапно разгоравшийся, жестикулирующий. По матери он происходил из семьи Висковатых. В нем удивительно сочетались немец и русский: немецкая основательность (Tüchtigkeit) с русской широтой»* (Анциферов, 1992). Неудивительно, что А. В. Шмидт уже с 1917 г. работает хранителем музея древностей Пермского университета, с 1919 г. преподаёт в Пермском государственном университете (курсы по археологии, истории Древнего Востока, первобытной культуре), с 1920 г. сотрудничает с Пермским краеведческим музеем, где он заведующий археологическим отделом. Прекрасный научный и карьерный рост. Однако новая власть уже в 1920-х годах стала закрывать гуманитарные факультеты в провинциальных университетах и А. В. Шмидт вынужден был в 1923 г. вернуться в Петроград, где стал сотрудником академического Музея антропологии и этнографии (МАЭ, ныне МАЭ РАН), занимаясь, в основном, финно-угорской тематикой. Но в 1924 г. он был привлечён к ответственности, а 2 января 1925 г. осуждён на три года ссылки в Туруханский край с обвинением в недоносительстве, поскольку не сообщил ГПУ о встрече с нелегально прибывшим в Петроград бывшим сотрудником Эрмитажа эмигрантом А. Э. Серебряковым. После ходатайств ряда влиятельных персон А. В. Шмидту и другим обвиняемым наказание зачли как условное и разрешили вернуться и восстановиться в МАЭ.

Но во время чистки Академии наук СССР в 1929 г. были выкинуты на улицу сотни специалистов, среди которых был и заведующий отделом МАЭ АН СССР А. В. Шмидт. Спасло, что его взяли научным сотрудником в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), при условии *«полной перестройки своего научного мировоззрения»*. В качестве испытательной темы он написал статью «О развитии взглядов Карла Маркса на первобытное общество» (Шмидт, 1931). Это, однако, не стало «индальгенцией» для начальства и 1-го отдела ГАИМК, и в его личной характеристике появилась тревожная формулировка:

«Спец. по истории доклассового общества, археолог и историк. За последние годы исполнительен, старается всячески выглядеть советским»².

Илл. 39. Арне Михаэль Тальгрэн (1885–1945), финский археолог, председатель Финского археологического общества в 1930–1942 гг.

Знаменитый финский археолог Тальгрэн (илл. 39) знал его работы, высоко ценил и даже составил личностную характеристику: *«Как человек, Шмидт был простым жизнерадостным парнем, по характеру скорее русским, чем немцем»* (Tallgren, 1936. Р. 149–150)³. В 1932–1933 гг. Шмидт был руководителем Камской археологической экспедиции ГАИМК АН СССР, преподавал в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена и ЛГУ.

Алексей Викторович Шмидт был арестован в 1933 г. по «Академическому делу», инициированному ОГПУ против учёных, и умер во время следствия 28 апреля 1935 г. (Формозов, 2006). Ещё в начале 1930-х гг. начальствующие в то время археологи В. И. Равдоникас, М. Г. Худяков и Е. Ю. Кричевский обвиняли Алексея Викторовича в непонимании «учения Маркса». Тем не менее два из них откликнулись некрологами на его кончину в «Проблемах истории докапиталистических обществ» и в «Советской этнографии» (Равдоникас, 1935; Худяков, 1935. С. 140), оценив вклад в науку этого 40-летнего учёного «старой» (я понимаю — классической) школы, не преминув представить его *«сумевшим, пусть не до конца, преодолеть свою порочную буржуазную сущность и встать на путь марксистской науки»*.

Оставив глубокий след своими, пусть однолетними, исследованиями Мурмана, Алексей Викторович Шмидт заслуженно, по своему вкладу, признаётся основоположником кольской археологии по целому ряду оснований:

Оставив глубокий след своими, пусть однолетними, исследованиями Мурмана, Алексей Викторович Шмидт заслуженно, по своему вкладу, признаётся основоположником кольской археологии по целому ряду оснований:

1) впервые раскопки были проведены отечественным профессиональным археологом;

2) могильник был первым, единственным (и остаётся до сих пор таковым) некрополем II тыс. до н. э. в Евразийской Арктической зоне;

3) по достоверному материалу представлен широкий обзор природных условий, состояния растительного и животного мира, многих сторон культуры населения того времени и его антропологического облика;

4) исследования А. В. Шмидта показали наличие в Восточной Лапландии очень значимых археологических объектов, чем был привлечён интерес отечественных и зарубежных исследователей к древней истории северо-западной заполярной территории России;

5) дан образец и вектор полевых исследований, комплексной обработки полученных материалов, по которому Кольская археологическая экспедиция (КАЭ) следует и поныне, вот уже 95 лет.

² Информация о существовании данной характеристики получена от доктора исторических наук, профессора кафедры археологии Института истории СПбГУ Игоря Львовича Тихонова, за что автор статьи ему признателен.

³ Благодарю старшего научного сотрудника отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, кандидата исторических наук Виктора Анатольевича Трифонова за предоставление данной информации.

Пермско-камско-уральский периоды жизни А. В. Шмидта были наиболее научно продуктивны, и они хорошо отражены в научной и мемуарной литературе. Петербургско-петроградско-ленинградский этапы, а особенно мурманский, постоянно остающиеся в «тени», я и постарался немного «высветить». И не так важно, где реально прошли (есть разные сведения) последние дни Алексея Викторовича, в тюрьме или дома в качестве подследственного, понятно, что все выпавшие на его долю удары судьбы сократили его земной путь до 40 лет. Сколько же мог бы сделать для науки и страны этот талантливый человек, если бы не «жержнова» советских репрессий⁴.

В 1930-е гг. были реализованы исследования Г. И. Горецкого (илл. 40), который в ходе геологического исследования западной части Кольского полуострова в 1934–1935 гг. открыл девять неолитических стоянок: четыре — в районе Кандалакши, три — на Плесозере, одну — на Пинозере и одну — в городе Кола (Горецкий, 1937). Помимо этого, Г. И. Горецкий упоминает находки каменных орудий на правом берегу р. Туломы, у истока её из оз. Нотозера; на левом берегу р. Туломы у водопада Падун; в дер. Пинозеро, в г. Коле, в районе колхоза Юркино, на берегах оз. Имандра (Горецкий, 1937. С. 114–116). Также он отмечал многочисленные «древние ловчие ямы саамов» в долине р. Колы (Горецкий, 1937. С. 115). Гавриил Иванович Горецкий прожил долгую (1900–1988), полную трагизма жизнь: 5 раз арестовывался, дважды приговаривался к расстрелу, побывал в Бутырке и в ГУЛАГе, дважды (1928 и 1965 гг.) избирался действительным членом (академиком) Белорусской академии наук.

Открытие в Северной Норвегии и Финляндии памятников «арктического палеолита» А. Нуммедалем, Г. Йессингом и В. Таннером оказало влияние и на развитие археологии в Восточной Фенноскандии. В 1936 г. проблема «арктического палеолита» была выдвинута в качестве одной из основных тем Международного конгресса археологов в Осло. В связи с этим Советской секцией АИЧПЕ (INQUA) совместно с ГАИМК была организована экспедиция для изучения памятников «арктического палеолита» на севере СССР. Экспедицию возглавил Б. Ф. Земляков (илл. 41) при сотрудничестве П. Н. Третьякова (Земляков, 1937. С. 86). В 1937 г. исследования в этом районе были продолжены. Результатом двухлетних работ стало открытие 12 стоянок «арктического палеолита» (Земляков, 1940. С. 114–130), а также памятников неолита и раннего металла (Земляков, 1937. С. 94–102; Третьяков, 1937. С. 227–228.). В 1938 г. экспедиция Б. Ф. Землякова провела обследование в районе нижнего течения реки Туломы у города Колы; была обнаружена ещё одна стоянка «арктического палеолита» у г. Соловараки (Гурина, Крижевская, 1939. С. 12). Результаты этих исследований были очень важны для развития археологии на Севере СССР, был установлен факт заселения этой территории в раннем голоцене, на основании геологических данных разработана относительная хронология памятников полуострова Рыбачий, не потерявшая своего значения до настоящего времени. Следы Бориса Фёдоровича Землякова «теряются в Берлине 1945 года» (Вербин, 2020. С. 145–155).

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны (в 1946–1948 гг.) начинает работать Кольская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством Н. Н. Гуриной. Была поставлена задача сплошного обследования полуострова (в первую очередь его побережья) на предмет выявления памятников

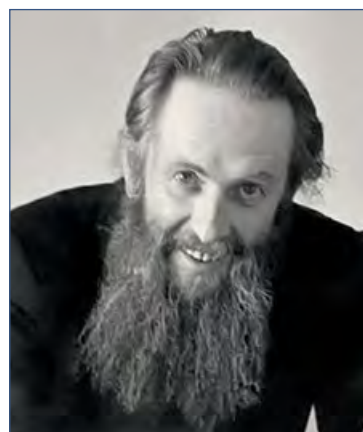
⁴ URL: <http://arheologija.ru/russkie-arheologi-i-repressii-v-sssr/-note-12448-27> (дата обращения: 29.10.2024).

*Илл. 40. Гавриил Иванович
Горецкий (1900–1988),
советский геолог*

*Илл. 41. Борис Фёдорович
Земляков (1898–1945),
советский геолог, археолог.
Фото 1934 г.*

*Илл. 42. Борис Иванович
Кошечкин (1931–1995),
советский геоморфолог*

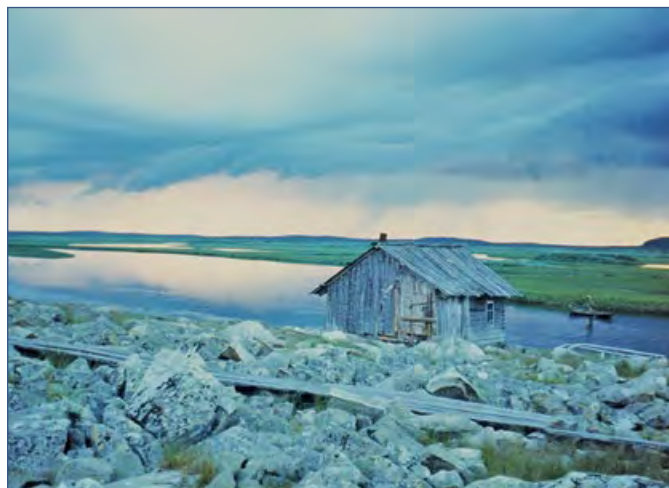
всех периодов каменного века и эпохи раннего металла с целью установить процессы заселения и возможные связи с населением соседних территорий. Работы велись в очень трудных условиях (Гурина, 1950), это отчасти объясняет то, что они были ограничены лишь тремя сезонами, проводились на удалённых друг от друга участках северного и южного побережья, носили явно поспешный характер, ограничивались, в основном, сбором подъёмного материала. Тем не менее был открыт 51 археологический памятник (некоторые, из-за неточной фиксации, сейчас трудно или даже невозможно идентифицировать (например, стоянки на Екатерининском острове и в устье реки Уры), продолжены раскопки могильника на Большом Оленьем острове (проведённые менее тщательно, чем А. В. Шмидтом). Видимо, сказалась ещё и недостаточная опытность Н. Н. Гуриной (многие стоянки, отнесённые тогда к неолиту, ныне уверенно датируются эпохой бронзы и даже ранним железным веком) по работе в новых полярных условиях. Без сомнения, собранных экспедицией материалов было совершенно недостаточно для решения поставленных научных проблем.

Следующий полевой сезон Нины Николаевны произошёл лишь в 1965 г. Исследования на полуострове Рыбачий были сравнительно результативны (удалось идентифицировать многие стоянки, обнаруженные Б. Ф. Земляковым, и даже обнаружить несколько новых), к тому же именно здесь началось плодотворное сотрудничество с геоморфологом Борисом Ивановичем Кошечкиным (илл. 42), в результате которого было обращено больше внимания на характер и возраст морских террас (Гурина, Кошечкин, Стрелков, 1978. С. 231–235; Гурина, Кошечкин, 1978. С. 80–86). Работы же при реконструкции Пацийокского каскада ГЭС оказались менее успешны и, видимо, поспособствовали последующему «нежеланию» участвовать в работах, связанных с исполнением хоздоговоров по археологическому исследованию территории землеотвода, определённого под промышленное освоение. Это отразилось в том, что, когда проектировалась Серебрянская ГЭС на реке Вороньей, Н. Н. Гурина, получив пятикратное приглашение участвовать в этом большом проекте, ни разу на них даже не ответила (это мы выяснили только в 1990-е гг. при разборке её личного архива). Кстати, это же могло произойти и в 1973 г., когда проектировалось строительство Понной ГЭС. Но мы, к счастью, вовремя это узнали, и выяснив, что начальник решил отказаться от договора, я упрямил поручить эту работу мне, В. Я. Шумкину (илл. 43), и в результате этой разведки мы обрели первые на Мурманской земле

(илл. 44, 45) наскальные изображения (петроглифы Чальмн-Варрэ) и 12 стоянок эпохи бронзы на реке Поной (Шумкин, 1973; Shumkin, 2000. С. 202–241). Скорее всего, Нина Николаевна считала, что работы подобного рода «сковывают» её исследовательские планы.

Илл. 43. Начальник КАЭ ЛОИА АН СССР Нина Николаевна Гурина и заместитель начальника Владимир Яковлевич Шумкин в разведке на Кольском полуострове

Илл. 44. Вид на деревню Ивановку на реке Поной, где находятся петроглифы Чальмн-Варрэ

Илл. 45. Первооткрыватель древнего наскального искусства на Кольском полуострове В.Я. Шумкин у камня № 1 Чальмн-Варрэ

Вследствие этого договор на обследование территории, запланированной под затопление при возведении Серебрянской ГЭС, выполнили археологи срочно организованной Мурманской археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского научного центра АН СССР (А. В. Анпилогов, Ю. В. Титов, П. Э. Песонен). Ими с 1969 по 1974 гг. были проведены разведки (выявлено около 100 археологических памятников от мезолита до средневековья), в основном, в центральной и южной части региона (Титов, 1989. С. 260–172; Песонен, 1977. С. 126–138; 1978. С. 94–160; 1980. С. 37–79). Некоторые из них были раскопаны. Основные результаты были опубликованы, и большинство артефактов сданы в Мурманский областной краеведческий музей. К сожалению, открытые памятники часто фиксировались без точной привязки и хронологиче-

ской атрибуции, а раскопки производились в ускоренном режиме без требуемых, даже в то время, планиграфической и стратиграфической надёжной привязки артефактов (разборка археологического слоя часто производилась лопатами). Кратковременные разведки на южном побережье в 1969–1970 годах «самостоятельно» осуществил московский археолог А. Л. Никитин (Никитин, 1975. С. 124–132; 1976. С. 103–111).

*Илл. 46. Павел Маркович
Долуханов (1937–2009),
геоморфолог*

Возобновлённые в 1969 г. исследования Кольской археологической экспедиции ЛОИА – ИИМК РАН под руководством Н. Н. Гуриной и её заместителя В. Я. Шумкина (илл. 43) (с участием в полевых работах антропологов, геологов, озероведов, ботаников) с тех пор не прерывались. Их целью было планомерное археологическое исследование Кольского полуострова, включая широкомасштабные разведки и раскопки ключевых памятников. Были открыты (Шумкин, 1973; Shumkin, 1990. С. 53–66) первые на Кольском полуострове и единственные в заполярной зоне России петроглифы Чальмн-Варрэ на реке Поной (илл. 44, 45). Исследования экспедиции, возглавляемой Н. Н. Гуриной, были подчинены решению задач, поставленных ещё в 1940-е гг. На протяжении полутора десятилетий было осуществлено планомерное археологическое обследование Кольского полуострова (почти всё морское побережье, некоторые внутриматериковые районы: реки Поной, Териберка и озеро Ловозеро). Общее количество открытых памятников уже насчитывало более трёх сотен. Во многих районах Кольского полуострова проводились раскопки широкими площадями стоянок неолита и эпохи раннего металла: на северном побережье – Усть-Дроздовка, Нерпичья Губа 1–2, Маяк 1–2; на озере Ловозеро – Мыс Семёрка, Северная Салма, Цага 1; на южном побережье – Наволок, Чавангские стоянки. Коллекции этих памятников дали основание для характеристики материальной культуры мезолита – эпохи раннего металла, разработки типохронологических схем развития каменного инвентаря и керамической посуды (Шумкин, 1984; 2001. С. 235–242; Гурина, 1997). Благодаря привлечению данных геологии и геоморфологии и совместной работе со специалистами естественных наук, прежде всего с Борисом Ивановичем Кошечкиным (илл. 42) и Павлом Марковичем Долухановым (илл. 46), была построена относительная хронология памятников, основанная на их расположении относительно уровня моря, позже подкреплённая серией радиоуглеродных датировок (Долуханов, 1971. С. 100–101; Гурина, Кошечкин, 1978). Стал появляться интерес исследователей к средневековым и более поздним памятникам (Овсянников, 1985. С. 84–88; Овсянников, Рябинин, 1989. С. 201–211). Это могильники в устье реки Варзуги (впадает в Белое море) и поселения в бухте Дворовая (Баренцево море). Итогом многолетних работ стала концептуальная реконструкция развития материальной и духовной культуры, а также систем хозяйствования древнего населения Кольского полуострова (Шумкин, 1984, 1986. С. 15–33; 1988. С. 9–14; Гурина, 1997).

Археология как одно из подразделений исторической науки, изучающее, в основном, древнейшие, дописьменные этапы развития человечества, обогащённая современными данными естественно-научных дисциплин, приобретает приори-

тетное значение в Арктике. Только она совместно с зависящими от неё (по способам «добычи» необходимых источников) этнографией и палеоантропологией исходит из реально сложившегося этносоциального положения аборигенного населения, которое, несмотря на тысячелетия развития культурного наследия, лишь в новейшее время подверглось «цивилизационным» (в западноевропейском понимании) процессам. Достижения в этой области знания существенны, пополняются постоянно, практически ежегодно.

Своеобразие населения, населяющего Лапландию, его необычные даже для окружающих соседей образ жизни, верования, облик издавна занимали внимание и учёных, и обывателей. Так, в антропологических классификациях народов мира появилась самостоятельная таксономическая единица, подчёркивавшая физическое своеобразие саамов среди народов Евразии. Следует заметить, что великий классификатор природы Карл Линней отнёс саамов к самостоятельной «большой» расе, наряду с европеоидами, монголоидами, негроидами.

Антропологическое изучение древнего населения Лапландии было инициировано работами А. В. Шмидта на Кольском Оленеостровском могильнике в Кольском заливе Баренцева моря. Первые общие описания (были рассмотрены отдельные характеристики) очень немногочисленных тогда костных материалов из могильника (три мужских и четыре женских скелета, причём черепа имелись лишь у одного мужского и трёх женских) дал С. Д. Сеницын (Сеницын, 1930). На основании сопоставления небольшого числа признаков, в основном, формы черепной коробки, отмечено, «...*что все костяки из могильника ... принадлежат к одной и той же народности*», а также, «...*что по форме головы население с Б. Оленьего о-ва было очень близко к современному лопарскому населению этой области*» (Сеницын, 1930. С. 182). Вместе с тем автор подчеркнул (Сеницын, 1930. С. 183), что «*этот большой вопрос о действительном родстве народностей двух отдаленных одна от другой эпох требует еще очень большого и тщательного изучения и собирания большего материала*» (Хартанович, 2006, 2019; Хартанович и др. 2009, 2010, 2020).

Монографическое описание черепов из могильника по широкой, близкой к современной, краниологической программе, их сравнительный анализ на фоне известных к тому времени древних и близких к современности серий черепов с территории Евразии, выполнено В. П. Якимовым (Якимов, 1953). Им учитывались данные из раскопок А. В. Шмидта и Н. Н. Гуриной. Автор отметил, что для материалов «*характерно наличие ряда антропологических особенностей, на основании которых они могут быть сближены с представителями большой монголоидной расы*» (Якимов, 1953. С. 459). Вместе с тем по другим показателям оленеостровские черепа или занимают промежуточное положение между монголоидами и европеоидами, или сближаются с представителями европеоидного расового ствола (Хартанович, Моисеев, 2006).

В. П. Якимов (илл. 47), сравнивая черепа из Большого Оленьего острова с близкими к современности материалами, подчёркивает «неидентичность» древних черепов с черепами саамов, большее сходство «оленеостровцев» с ненцами, хантами, манси. Притом что все взятые вместе признаки придают этой серии своеобразный морфологический облик, отличный от антропологических комплексов, характерных для современного населения, он выдвинул две гипотезы: смешения европеоидных и монголоидных элементов, происходившего в зоне их контакта, или серия является «особым протомонголоидным вариантом одной из ветвей азиатского расового ствола» (Якимов, 1953. С. 467). В целом же исследователь заключил, что «*в силу малочисленности материала, затронутые вопросы решены*

быть не могут и для аргументированного выбора гипотез необходимо накопление новых палеоантропологических данных» (Хартанович, Моисеев, 2006).

В дальнейшем, после публикации В. П. Якимова, краниологическая серия из могильника, к сожалению, на длительное время практически выпала из научного оборота, крайне редко привлекаясь в исследованиях даже в качестве сравнительных данных, как, например, в работах В. П. Алексеева (илл. 48), Г. Ф. Дебеца (илл. 49), В. В. Бунака (илл. 50). Так, у Алексеева антропологическая общность получила название «уральского типа» «уральской малой расы» (Алексеев, 1974; Происхождение и этническая история..., 1965). Согласно Дебецу, она сформировались в результате смешения европеоидов и монголоидов в зоне их контактов (Дебец, 1961). По Бунаку — это наследие древнейшей антропологической формации, сохраняющей следы того этапа формирования популяционного разнообразия современного человечества, на котором специфичные для современных европейских и азиатских популяций комплексы признаков ещё не сложились (Бунак, 1956. С. 86–104; 1980).

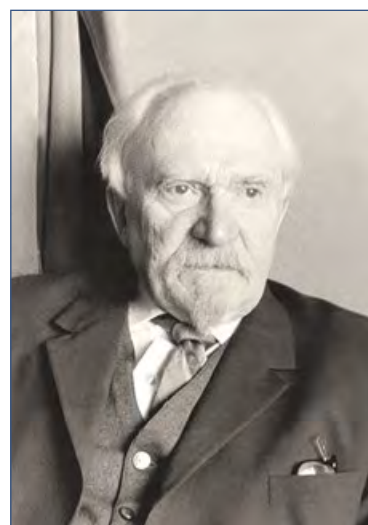
Илл. 47. Всеволод Петрович Якимов (1912–1982), антрополог

Илл. 48. Валерий Павлович Алексеев (1929–1991), выдающийся антрополог, чл.-корр. АН СССР

Илл. 49. Георгий Францевич Дебец (1905–1969), советский антрополог

Илл. 50. Виктор Валерианович Бунак (1891–1979), антрополог

Вплоть до середины 80-х гг. прошлого столетия относительный перевес в дискуссии был скорее на стороне сторонников метисационной концепции — именно её разделяли большинство ведущих отечественных антропологов. Однако позже, с введением в научный оборот новых систем антропологических признаков и новых методов статистического анализа, новых данных по древнему и современному населению Евразии, ситуация начала меняться (Хартанович, 2006). В итоге, на сегодняшний день, теория В. В. Бунака об истоках антропологической специфичности уралоязычных народов, на наш взгляд, выглядит всё более и более убедительно.

На основании полученных результатов антропологов Александра Григорьевича Козинцева (илл. 51) и Валерия Ивановича Хартановича (Хартанович, 2006. С. 143–156; 2019. С. 351–353; Колпаков, Мурашкин, Хартанович, Шумкин, 2019) делается вывод о том, что саамы — носители своеобразного комплекса черт, присущего древней общности, на основе которой сложилось всё уралоязычное население (Kozintsev A. G., Gromov A. V., Moiseyev V. G., 1999. Pp. 193–204). По мере «европеизации» групп, расселявшихся к западу от древнеуральского очага, и «монголизации» мигрировавших к востоку, признаки этого комплекса всё более размывались. Саамы, однако, в окружении западноевропейских народов сохранили исходные древние черты едва ли не в наибольшей степени по сравнению со всеми другими уральскими народами. С этой точкой зрения в определённой мере смыкается и представление относительно того, что саамы представляют собой своеобразную группу, в результате своей изолированности сохранившую черты древнейшего недифференцированного расового комплекса, одинаково далёкого и от европеоидов, и от монголоидов.

Отечественная литература, посвящённая анализу антропологических особенностей саамов в связи с проблемой их происхождения, обширна. Среди подобных изданий особое место в этом отношении занимают «Финно-угорский сборник (антропология, археология, этнография)» и «Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии)», выпущенные в Москве издательством «Наука» соответственно в 1982 и 1991 гг., но некоторые опубликованные в них статьи (в том числе и археологические) в результате накопления новых данных нуждаются в определённой коррекции.

В скандинавской литературе антропологические аспекты саамского этногенеза, пожалуй, никогда особо не обсуждались, ограничиваясь исследованием социологических вопросов. Из старых авторов-антропологов можно назвать лишь К. Халльстена (1931 г.) и К. Скрайнера (1935 г.). Однако в их публикациях не приведены сведения об очень важных диагностических признаках, таких как горизонтальная профилировка лицевого скелета и переносья, угла выступления носа — параметрах, информация о которых принципиально для разработки наиболее дискуссионных проблем систематического положения и формирования «лапоноидного» комплекса. Надо сказать, что и современные работы конкретно по этой тематике там практически не появляются, уступая место социологии.

Илл. 51. Александр Григорьевич Козинцев, антрополог

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СОВРЕМЕННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

В середине 1980-х гг. руководство Кольской археологической экспедицией переходит к В. Я. Шумкину (илл. 52). Результаты исследований, в которых принимали самое активное участие археологи Евгений Михайлович Колпаков (илл. 53), Лилия Гафиевна Шаяхметова (илл. 54), Антон Игоревич Мурашкин (илл. 55), антрополог Валерий Иванович Хартанович (илл. 56), существенно расширили наши знания о древностях Мурмана. В 1985–1986 гг. были открыты новые памятники наскального искусства (писаницы) на полуострове Рыбачий, а в 1998 г. — петроглифы на озере Канозеро (Шумкин, 2009; Колпаков, Шумкин, 2012. 424 с.; Kolpakov et al 2008; Shumkin, 2000). В настоящее время таких памятников в Фенноскандии около трёхсот, а на Кольском полуострове всего четыре (Чальмн-Варрэ на Поное, Пяйва и Майка на Рыбвчьем и Канозеро) и они пока единственные на всю Российскую Арктическую Евразию (илл. 62).

Илл. 52. Владимир Яковлевич Шумкин, археолог, начальник КАЭ ИИМК РАН

Илл. 53. Евгений Михайлович Колпаков, археолог

Илл. 54. Лилия Гафиевна Шаяхметова, археолог. Рядом с поселением Завалишенская 4 в Териберской губе Баренцева моря

Илл. 55. Антон Игоревич Мурашкин, археолог. На разведке в южной части Кольского полуострова

Илл. 56. Валерий Иванович Хартанович, антрополог, зав. отделом антропологии МАЭ РАН

В 2001–2005 гг. совместно с МАЭ РАН было возобновлено исследование могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Раскопки принесли качественно новые данные о погребальных традициях древнего населения, расширили фактическую базу для решения палеоантропологических вопросов, прежде всего проблемы происхождения саамов (Шумкин, 1991). Значительное увеличение материалов уникального Кольского Оленеостровского могильника (3,5 тыс. лет назад) и современное изучение всей краниологической серии с применением новых методов анализа (в том числе, сравнение палеодНК) свидетельствуют о крайней специфичности древних «оленеостровцев» в эпоху раннего металла (Der Sarkissian et al, 2013). Выяснилось, что антропологические (илл. 57) и генетические особенности погребённых не находят прямых аналогий в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп и не могут быть их прямыми предками, проявляя при этом тенденцию к сближению с представителями так называемой малой «уральской расы» (илл. 58), проживающими сейчас за Уральским хребтом (Хартанович, Моисеев, 2012; Шумкин, 2015; Колпаков, Мурашкин, Хартанович, Шумкин, 2019).

Илл. 57. Древний «оленеостровец» (погребение № 13), захороненный сородичами во II тыс. до н. э. в могильнике на Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Реконструкция антрополога Равиля Марветовича Галеева из отдела физической антропологии ИЭА РАН

Со времён А. В. Шмидта кольская археология получила твёрдый подход, при котором приветствуются, применяются, тщательно изучаются и проверяются самые современные методы и новые данные смежных дисциплин (Der Sarkissian et al, 2013; Шумкин, 2015, Хартанович, 2019). Большое значение имеет исследование в 1990–2000-х гг. в нескольких районах Мурманского побережья поселений с многочисленными остатками углублённых жилищ, датируемых от мезолита до средневековья (Шумкин и др., 2006).

Одно из них было раскопано в конце XX века сотрудниками КолАЭ ИИМК РАН совместно с группой норвежских и финских археологов, руководимой про-

Илл. 58. Карта предполагаемых регионов обитания предков кольских оленеостровцев по данным краниологии, одонтологии, генетики и археологии (А.Г.Козинцев, В.И.Хартанович, В.Я.Шумкин)

фессором Университета Тромсё Кнудом Арне Хелскогом (илл. 59), на поселении Усть-Дроздовка-3 (Hood, Helsing, Shumkin, 2023). Ещё одна группа жилищ на поселении Завалишина 5 (илл. 60) была исследована в ходе спасательных раскопок в Териберском заливе (Шумкин и др., 2009). По характеру расположения и элементам конструкции открытые на Кольском полуострове остатки жилищ (тип Грессбаккен, поздний неолит и эпоха бронзы) ничем не отличаются от известных в Северной Норвегии, что позволяет использовать накопленный зарубежными коллегами опыт при описании и классификации построек, раскопках и интерпретации полученных данных. А одно из них (Харловка 6 на северо-восточном побережье Кольского полуострова, Кильдинский пролив) даже оказалось самым ранним сооружением этого типа (Колпаков и др., 2021), что позволяет предполагать главенствующее направление культурных связей (домостроительство) вдоль морского побережья с востока на запад. Для Северной Фенноскандии, где часто культурный слой памятников содержит находки от каменного века до эпохи раннего железного века или средневековья, жилища играют роль «закры-

Илл. 59. Археологи Кнут Арне Хелског (Университет Тромсё) и Марианна Арташировна Дэвлет (ИА РАН)

Илл. 60. Общий вид на раскопки КАЭ ИИМК РАН поселения Завалишина 5 на берегу Териберской губы Баренцева моря

тых» комплексов, что важно для разработки вопросов хронологии и периодизации древностей. Помимо этого исследование жилищ позволяет решать вопросы о формах хозяйствования, реконструкции социальной структуры первобытных обществ и многие другие.

Древний человек на крайнем севере Европы

В настоящее время история освоения северо-западного европейского Заполярья человеком вида «*Homo sapiens*» (термин введён Карлом Линнеем в 1753 г.), по данным археологии, представляется следующим образом.

Фенноскандия, включая крайний Северо-Запад России, в четвертичное время неоднократно подвергалась воздействию ледников. После максимального распространения льдов второй стадии последнего оледенения около 24 000 cal.BP ледник начал сокращаться. Около 18 000–15 500 cal.BP произошло освобождение Баренцева моря ото льда, после чего началась дегляциация северо-восточной части. До этого времени присутствие здесь человека было невозможно.

При отступании ледника побережье Норвежского и Баренцева морей освободилось в первую очередь. Часть европейского финально палеолитического населения продвигалась по норвежскому побережью вслед за отступающим ледником (культуры Фосна и Комса), другая часть, возможно, двигалась с восточной стороны будущего Балтийского моря. Первые, по имеющимся радиоуглеродным датам, достигли крайнего севера Европы в пребореале на рубеже 10–9 тыс. до н. э. и далее продвинулись на территорию современной России (культура Комса): полуостров Рыбачий и северное побережье Кольского полуострова. Второй поток (связывается с восточноевропейским населением, предпочитавшим пластинчатую технику раскалывания), в это же время или чуть позже добрался до Кольского полуострова с юга и юго-востока. Основанием для таких выводов служат комплексные типологические различия и сходства в каменном инвентаре между мезолитическими памятниками, расположенными в Финмарке, Лаппи и Мурманской области. Судя по расположению памятников, основой существования первопроходцев было приморское собирательство, рыболовство и охота в прибрежной зоне, дополняемые охотой на сухопутных животных. Орудия изготавливались в основном из местного кварца и кремнённых пород, поскольку Северная Фенноскандия бедна хорошим кремнем. Кроме чумов, использовались небольшие слабо углублённые жилища.

Не вызывает сомнений, что в это время люди использовали лодки, поскольку есть стоянки на островах Норвегии и Мурмана. Хотя на Крайнем Севере нет находок остатков мезолитических судов, но вероятные следы лодок есть южнее — на территории Карельского перешейка (Антреа-Корпилахти) и пока лишь одно крупное изображение на петроглифах Северной Норвегии (Валле).

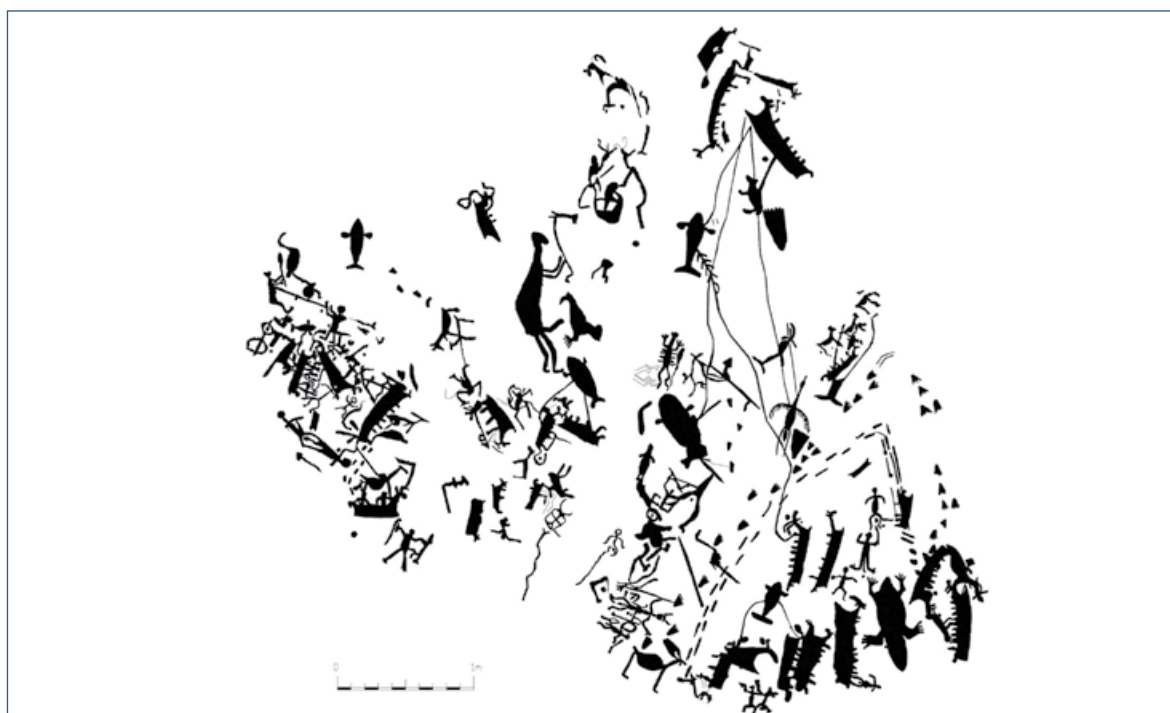
На рубеже 6–5 тыс. до н. э. происходит переход к неолиту, появляются керамические сосуды и, несколько позднее, новые типы орудий. Начинается широкое применение шлифованных орудий из сланца. Пока остаётся неясным, связано ли это с приходом нового населения с юга или новшества были заимствованы местным населением через контакты с соседями.

Во второй половине атлантикума (5–3 тыс. до н. э.) еловые и берёзовые леса доходят по закрытым низинам до побережья Баренцева моря. В 5–3 тыс. до н. э. уже начинает складываться яркая культура морских охотников и рыболовов, возникают многочисленные постоянные поселения с десятками долговременных жилищ, обычно расположенных на второй морской террасе заливов Баренцева

моря, вплотную к древней береговой линии (культура Гресбакен, конец неолита и бронза). Для этого периода известно около десятка поселений, на которых массово сохранилась кость (илл. 61). Среди костяных и роговых орудий — гарпуны (в том числе поворотные), остроги, рыболовные крючки. Среди кухонных отбросов кости морских животных (тюленей, моржей, китообразных) могут составлять более 90%. Особенно многочисленны кости гренландского тюленя. Немало костей морских рыб семейства тресковых.

Илл. 61. Изделия из кости и рога, которые сопровождали покойных Кольского Оленеостровского могильника («дары» сородичей усопшему)

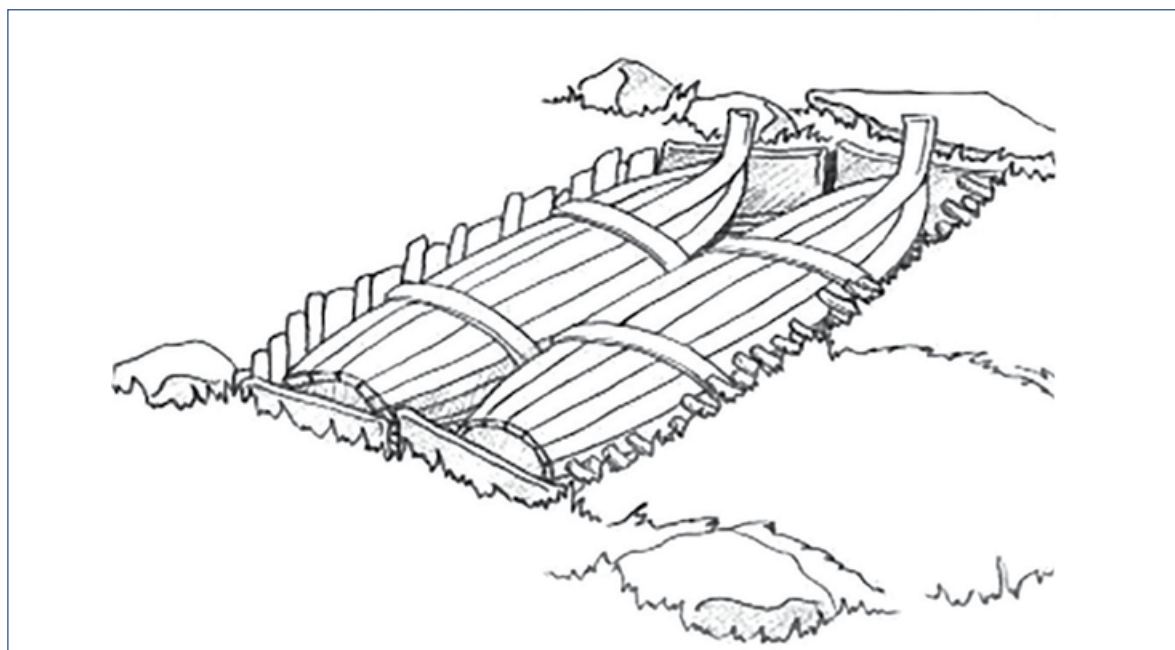

Илл. 62. Прорисовка изображений на Камennom 7 Канозера

Остатков лодок не найдено. Однако они хорошо представлены в наскальном искусстве Канозера (илл. 62), и есть немногочисленные деревянные фрагменты, которые интерпретируются как детали лодок. Кроме того, в могильнике на Большом Оленьем острове в Кольском заливе открыты остатки кережек или лодок, при изготовлении которых использованы методы, необходимые для технологии кораблестроения: набор корпуса из досок, шпангоуты, смоление (илл. 63, 64).

Илл. 63. Лодка-кережка в одиночном погребении Кольского Оленеостровского могильника

Илл. 64. Реконструкция погребальных лодок-кережек Кольского Оленеостровского могильника

Долговременные зимние жилища этого периода представляли собой довольно сложные сооружения, в которых могло проживать 10–20 человек. Это были полужемлянки с внутренней камерой, достигавшей размеров 12×7 м. Устраивались полаты для сна. Обогрев обеспечивался одним или двумя обложенными камнем очагами, к которым подводился дымоход из горизонтального и вертикального участков. Кровля, вероятнее всего, покрывалась берестой и дёрном для обеспечения теплоизоляции. Основной вход обычно располагался со стороны моря.

Таким образом, население северной окраины Европы уже в эпоху неолита выработывает комплекс культурных адаптаций, позволяющий в рамках присваивающего хозяйства вести осёдлый образ жизни в суровых арктических условиях на протяжении 2–3 тысяч лет. Во внутренних районах археологические памятники немногочисленны.

В конце 2 тыс. до н. э. картина резко меняется: исчезают поселения с большими углублёнными жилищами. Возникает впечатление, что произошла природная катастрофа, которая привела к резкому сокращению населения и драматическому изменению способа существования. Изменилась традиция домостроительства: люди перешли к возведению наземных и слабо углублённых домов. Для археологии это означает, что для этого периода сократилось количество обнаруженных памятников, а также значительно ухудшились условия сохранности органических материалов — известно всего несколько памятников с фаунистическими остатками. При этом состав кухонных отходов в целом не отличается от предшествующего периода.

Действительно серьёзные изменения происходят уже на протяжении 1 тыс. до н. э. Археологические материалы с северного и южного берегов Кольского п-ва различаются мало, но остатки жилищ на южном побережье пока не обнаружены.

В Фенноскандии появляются памятники, которые можно связать с историческими саамами. В Мурманской области пока такие памятники обнаружены лишь в Ковдорском (Лива 1), Ловозёрском (Нерпичья губа и Ловозеро) и Апатитском районах (Кинтшемлухт), которые, вероятнее всего, принадлежали древнему саамскому населению. Они могут датироваться, начиная с конца 1 тыс. н. э. В настоящее время неясно, как связаны саамы с древним населением Северной Фенноскандии.

По всей видимости, люди перемещаются во внутренние районы и переходят к хозяйству комплексного диверсифицированного типа: охота на северного оленя, морское и озёрное рыболовство, морской промысел и пр. Не исключено, что при этом сокращается численность заполярного населения.

Первое население с древнерусской культурой появляется на южном берегу Кольского полуострова в XII в. (Кузомень).

Резюмируя эти данные, в самом сжатом виде это можно описать так.

А. Ранний каменный век (мезолит) ~ 7500–5000 лет до н. э.

А 1. Ранний этап ~ 7500–6000 лет до н. э.:

- первоначальное заселение Мурманского берега (и Рыбачьего полуострова) с Ю-З и, возможно, и с Ю-В;
- культура Комса (Komsa), общая с Северной Норвегией;
- приморские собиратели, охотники-рыболовы: «дары моря», тюлени, рыба, морские птицы, сухопутные животные;
- топоры на отщепках, асимметрично-черешковые наконечники стрел, ножи с обушком из кварца, сланца и кремнистых пород; на некоторых стоянках предпочтение пластинчатой техники раскалывания и орудий на микропластинках из кремневых пород;
- жилища, в основном, слабо углублённые ~ 3×3 м с кострищем в центре, и наземные, типа чумов;
- лодки не обнаружены, но, вероятно, были, поскольку есть стоянки на островах и есть одно 4-метровое изображение на скалах в Северной Норвегии (Валле).

А 2. Поздний этап (мезолит) ~ 6000–5000 лет до н. э.:

- расселение по всему побережью и в прибрежные материковые территории;

- приморские и континентальные охотники-рыболовы-собиратели;
- преобладание орудий из кварца и биполярной техники раскалывания;
- писаницы Пяйве.

Б. Поздний каменный век (ранний и средний этапы неолита) ~ 5000–2500 лет до н. э. Лапландская культура:

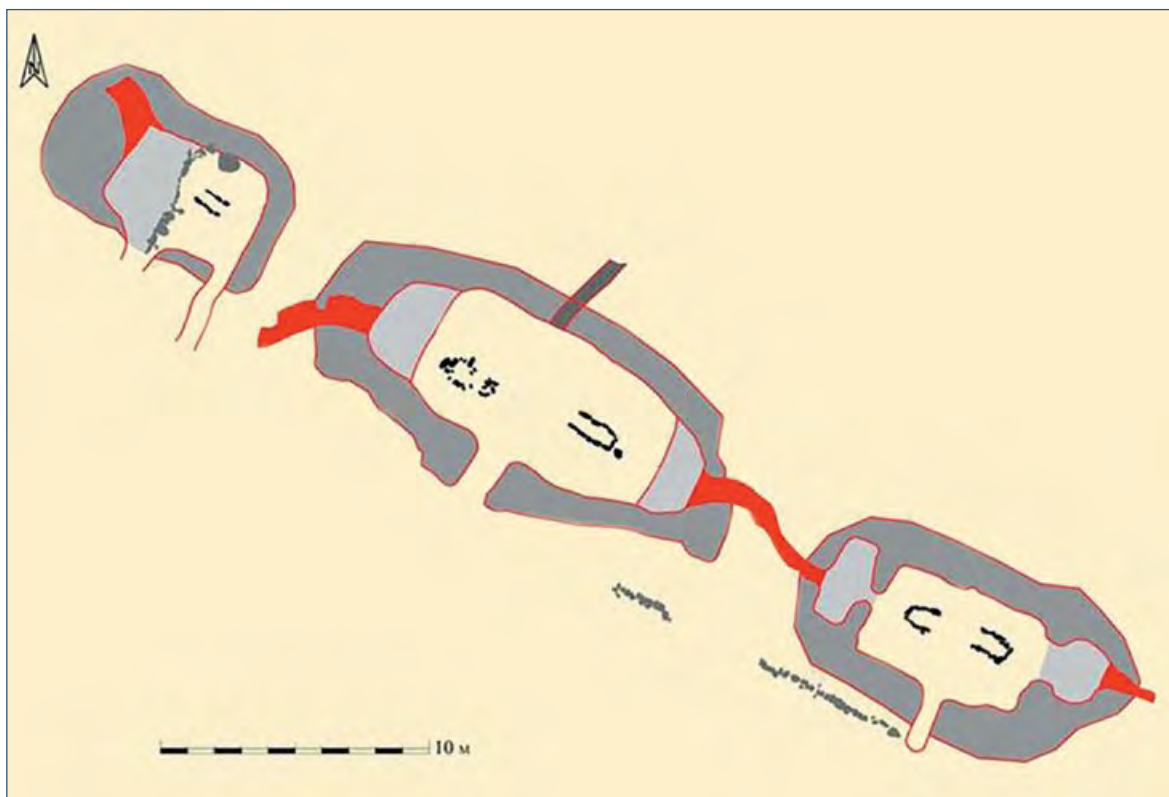
- расселение древнего населения по всему Кольскому полуострову;
- появление ямочно-гребенчатой керамики типа сярэйзниеми 1 (Säräisniemi 1), а затем гребенчато-ямочной (например, типа Залавруга);
- культурное единство с северными районами Карелии, Финляндии, Норвегии;
- широкое использование сланцевых пород камня. Шлифованные орудия из сланца, рыболовные сети (каменные грузила), костяные гарпуны и рыболовные крючки, бифасиальные кремнёвые и шлифованные сланцевые ромбические и листовидные, и игловидные наконечники стрел (дротиков) и угловые ножи;
- наскальное искусство: петроглифы Канозеро, которое содержит помимо распространённых образов и уникальные, такие, например, как фронтальные изображения бобров и журавля в полёте, оригинальны и выбивки Чальмн-Варрэ;
- лодки и лыжи не обнаружены, но есть их изображения на петроглифах;
- жилища наземные типа чума (найлены отдельные каменные очаги) и слабо углублённые, прямоугольные до ~ 8×4 м с очагом в центре.

Б 1. Поздний этап неолита 2500–1800 лет до н. э. Культура Гресбакен (Gressbakken), общая с Северной Норвегией:

- редкие изделия из ковanej самородной меди;
- керамика с примесью асбеста и/или органики (например, типа Палайгуба);
- пилы из плиток песчаника;
- фигуративное искусство из мыльного камня и кости;
- появляются крупные, сильно углублённые прямоугольные до ~ 12×7 м с двойным очагом в центре жилища (типа Гресбакен) и слабо углублённые с очагом или кострищем в центре;
- наскальные изображения: петроглифы Чальмн-Варрэ и Канозеро.

В. Бронзовый век (эпоха раннего металла) ~ 1800–900 лет до н. э. Культура Гресбакен (Gressbakken):

- редкие изделия из бронзы, собственная переплавка бронзы, костяные гарпуны (в т. ч. поворотные) и рыболовные крючки, костяные кинжалы и наконечники дротиков, наконечники бифасиальные Сандбукт (Sandbukkt) с выемками на насаде и шлифованные Сундерой (Sunderøy) с вогнутым основанием, бифасиальные Беломорские, угловые ножи;
- керамика с примесью асбеста и мыльного камня (типа Ловозеро);
- жилища сильно углублённые прямоугольные до ~ 12×7 м (типа Гресбакен), иногда соединённые переходами (илл. 65);
- кережки: технологически соответствуют лодкам (доски, шпангоуты, смоление);
- по всем доступным археологии параметрам наблюдается расцвет местной культуры; благодаря навыкам специализированного морского зверобойного промысла, соответствующего орудийному снаряжению и обилию морских млекопитающих, население этого времени создало систему жизнеобеспечения, позволяющую стабильно и оседло сосуществовать крупным человеческим коллективам.

Илл. 66. Рисунок системы соединённых ходами жилищ Гресбакен на поселении Завалишина 5

Г. Ранний железный век ~ 900 лет до н. э. — рубеж н. э.:

- появление железных орудий;
- керамика слабо (только вдоль венчика) орнаментированная с примесью асбеста и слюды типов Щельмой (Kjelmøy) и Лууконсаари (Luukonsaari);
- бифасиальные наконечники с коротким треугольным черешком из кремня и кварца;
- писаницы на р. Майке.

Д. Железный век (и раннее средневековье) ~ рубеж н. э. — 1100 лет н. э.
(в Мурманской области памятники этого периода практически не исследованы):

- раннесаамская культура.

Е. Средневековье ~ 1100–1600 лет н. э.:

- саамская культура (Лива 1, Ловозеро, Нерпичья губа, Кинтшемлухт);
- древнерусская культура («ранние поморы»): Кузомень, XII век, Варзуга и Умба (первое упоминание — 1466 г.), Кандалакша (первое упоминание — 1517 г.), Кола (церковь) (первое упоминание — 1532 г.), Трифонов Печенгский монастырь (1533 г.), Териберка (1565 г.);
- каменные лабиринты;

Ё. Новое время после ~ 1600:

- саамская культура;
- русская культура (в том числе поморы);
- археологические материалы с северного и южного берегов Кольского полуострова различаются мало, но остатки жилищ на южном побережье пока не обнаружены.

СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АРКТИКИ

Понимая, что в одной статье невозможно отразить болевые точки проблемы сбережения объектов археологического наследия (ОАН) на всей территории, постараюсь рассмотреть их на примере Кольского края, притом что подобные вопросы актуальны для всего Русского Севера, где *«рождались и развивались культуры больших пространств, а не малых народов»* (Головнёв, 2006. С. 183–190).

К 2023 г. общее количество зафиксированных на Кольском полуострове археологических памятников достигло почти 800. Признавая историческую ценность всех археологических объектов, можно выделить имеющие всемирно-историческое значение, волею судеб сохранившиеся на Мурманской земле, и обозначить наиболее выдающиеся открытия и достижения Кольской археологии.

1. Единственные, древние (около 8 тыс. л. н.) в Российской Арктике писаницы (рисованные изображения) на полуострове Рыбачий.

2. Уникальный для Евразийского Заполярья могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (3,5 тыс. л. н.) с превосходным по сохранности антропологическим материалом и богатейшим погребальным инвентарем.

3. Петроглифы (выбитые изображения) на реке Поной (Чальмн-Варрэ) и на Канозере, по уникальности фигур, разнообразию сюжетов и свидетельствам взаимоконтактов древних культур заметно выделяющиеся даже на фоне всемирно известных аналогичных памятников Скандинавии и Карелии.

4. Поселения и жилища (8–2 тыс. л. н.) с хорошо сохранившейся органикой и конструктивными элементами, чрезвычайно редкими составляющими археологических памятников Европейского Севера (их ныне в Русской Лапландии известно около 1000).

5. Лабиринты — каменные спиралеобразные наземные сооружения, выложенные на морском побережье.

6. Саамские и поморские культовые и хозяйственные объекты (I–XVII вв. н. э.), свидетельствующие о системе мировоззрения и адаптации аборигенного населения.

7. Самые масштабные (4 000 кв. м, 26 жилищ, более 150 000 артефактов) в Российской Арктике планомерные раскопки (илл. 61; 62; 79) древнего долговременного поселения Завалишина 5, проведённые в 2010 году в районе пос. Терриберка (Кольский район).

8. Обнаружение на восточном побережье Кольского полуострова (Харловка 1–6) самого раннего (2940–2570 calBC (4209±80, SPb–1561) жилища Гресбакен, что может свидетельствовать, что постройки данного типа, широко представленные в эпоху бронзы на морском побережье Северной Норвегии, впервые появились в позднем неолите на нашей территории (Kolpakov et al., 2023. P. 21–43).

9. Установлено, по антропологическим и археологическим данным, что древние «оленеостровцы» бронзового века, погребённые в Кольском Оленеостровском могильнике, не имеют связи ни с предшественниками, ни со сменившими их саамами и тяготеют к уральскому антропологическому комплексу (илл. 58).

10. Доказано, что заселение Кольского полуострова, начавшееся около 10 тысяч лет назад, никогда полностью не прерывалось, имело сложный характер и славную историю.

Однако проблема сохранения археологического наследия, несмотря на активизацию работы, благодаря усилиям в этом направлении отдела охраны памятников Мурманского Министерства культуры (в первую очередь Р. Давлетшина и О. Микляевой), остаётся крайне напряжённой в связи с нарастающим промышленным освоением края. Разрядить ситуацию и довести её до уровня соседних западных стран и отечественных регионов, где это дело поставлено значительно лучше, могут помочь ряд мероприятий.

Необходимо сконцентрировать и консолидировать усилия представителей всех профессий и учреждений, заинтересованных в улучшении состояния, изучения, охраны историко-культурного наследия и экологии в Арктическом регионе.

Ещё более интенсифицировать деятельность местных органов охраны памятников, укрепив их квалифицированными кадрами, усилив ответственность, подняв их престиж и предоставив им больше полномочий по контролирующим и исполнительским функциям.

Возродить так славно себя проявившую в 20–30-х гг. прошлого века и разгромленную сталинским режимом, как не соответствующую тогдашним идеологическим положениям, «широкую» сеть краеведческих организаций в «малых» городах России, снабдив их соответствующей литературой, информацией и современными средствами коммуникаций.

Обратить особое внимание на торопливые, непроверенные «данные» и «выводы» некоторых «специалистов» из академических учреждений, иногда стремящихся не к кропотливому изучению истории и всесторонней обработке полученных источников, а к провозглашению сенсаций, «масштаба» от местного уровня до арктического и даже «вселенского».

Добиваться более строгого отношения самих учёных, особенно известных в своей области знаний, к участию в сомнительных программах (полевых и телевизионных), где даже достоверные идеи, факты, выводы с «легкой руки» режиссёров-коммерсантов могут неузнаваемо преобразиться, трансформироваться в противоположное. Требовать личного просмотра телевизионных программ до выхода их в «эфир», а при искажениях соответствующим образом реагировать, как на факт нарушения авторского права, и добиваться публичного опровержения.

Активизировать творческую деятельность специалистов по написанию и публикации интересных, правдивых, не академически сухих (но обязательно рецензируемых высококвалифицированным экспертным советом) научно-популярных книг, брошюр для широких слоёв населения. Уверен, потребность в этом и интерес к подобным изданиям превеликие.

Давно назрело время для издания хорошо иллюстрированного научно-популярного периодического журнала по археологии, где бы публиковались в доступном виде все самые свежие новости и открытия. Во всех скандинавских странах они существуют и пользуются очень большой популярностью как у специалистов, так и среди остальных граждан.

Может быть, поэтому эзотерические пристрастия значительно слабее на территориях северного зарубежья, а уважение к древним памятникам несравненно значительно выше, чему способствуют и жёсткие законы, которые население, в отличие от нашего, неукоснительно соблюдает. И ещё заметно, что российские «независимые историки» (так себя величают и поклонники Гипербореи) не интересуются материалами по древней истории и геоморфологии скандинавских

стран, и не распространяют там свои экстравагантные гипотезы, поскольку не находят отклика и понимания. Да и в области контактов, а тем более совместных проектов с зарубежными «единоверцами», дело обстоит не очень-то благополучно.

В отличие от этой ситуации, научные отношения со скандинавскими коллегами-археологами достаточно прочны, продуктивны, позволяют обмениваться наработанными методиками и знаниями в этой области. Примером чему могут быть совместные раскопки (Damm, Hesjedal, Olsen, Storli, 1991), встречи, беседы, конференции, полевые исследования по международным проектам (ИИМК, МАЭ, университеты Хельсинки, Тромсё) как на их территории (Ирландия, средняя Финляндия, Шлеттнес и Мелкой в Северной Норвегии), так и в Русской Лапландии (Рыбачий, Дроздовка).

Этими предложениями, как мне представляется, актуальные меры не должны ограничиваться. «Система» — открытого типа и каждый, для кого не безразлична, а дорога реальная история Родины, очищенная от лукавых, лживых, надуманных измышлений, часто прикрываемых идеей некоего патриотизма, желанием «возвеличить» далёкое прошлое нашей страны (или территории), найдёт, чем достойно послужить своей Отчизне. А величие России и всех создавших её славную историю народов, совершенно не нуждается в эзотерических «костылях» поклонников Гипербореи, которые калечат сознание соотечественников и наносят серьёзный урон имиджу страны и её научному авторитету на международном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всё более актуальной становится постановка принципиального вопроса «о творческой реабилитации культур Севера Европы и признании их достижениями передовыми...» (Stoljar, 2001. С. 135). Учёные прошлого века только стали приближаться к решению этой задачи, а нынешнее поколение всё более превращает её в реальность посредством напряжённой работы, открытием новых археологических памятников и углублённым изучением уже известных. А кольская земля без сомнения хранит ещё много тайн и открытий, пока не уничтоженных безжалостным Хроносом и антропогенным давлением.

В процессе становления и развития этнографии и археологии Кольского полуострова эти две родственные исторические дисциплины прошли разные стадии взаимодействия: от первоначального почти полного игнорирования одна другой, так как сперва первая опережала в практическом и теоретическом планах, потом «приглядывались» к арсеналу и выводам друг друга, а когда вторая накопила объём материала, то стала всё больше эксплуатировать разработки этнографии, нередко пускаясь в поиски далёких аналогий в её арсенале, пока археологи не осознали, что первобытный человек далеко отстоит от людей даже средневековья, и сравнения должны быть непрямыми и очень осторожными. К тому же археология, помимо выработки собственной теоретической базы, всё более обогащается естественно-научными методами, всё более уходя с позиций «*истории, вооружённой лопатой*» (А. В. Арциховский), поскольку с самого своего зарождения была «кровно» связана с геологией, минералогией, почвоведением (недаром ведь появилась «*геоархеология*», которая, по сути, уже не чисто гуманитарная дисциплина). Этнография же постепенно движется в сторону культурологии, а иногда некоторые специалисты даже отходят и от её принципов, соблазняясь пустыми, надуманными «искусствами» эзотерики. Так что общим полем взаимодействия этих двух наук со временем останется только культурно-историческое наследие и му-

зейное пространство. В отличие от этого, антропология достигла за последние годы замечательных успехов и её надёжное будущее не вызывает сомнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В. П.* География человеческих рас. — М. : Мысль, 1974. — 351 с.
2. *Алексеев В. П.* Физические особенности мезолитического и раннеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой древнего заселения этой территории // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. — Л., 1984. — С. 28–36.
3. *Алымов В. К.* Оседлые и полуседлые хозяйства Мурманского округа // Карело-Мурманский край. — 1928. — № 7.
4. *Алымов В. К.* Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. АН СССР. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Серия северная. — Л. : Издательство Академии наук, 1930.
5. *Анциферов Н. П.* Из дум о былом : Воспоминания // М. : Феникс, 1992. — С. 209.
6. *Бодрова О. А.* В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX вв. // Апатиты : Изд-во Кольского научного центра РАН, 2014. — 168 с.
7. *Брюсов А. Я.* История древней Карелии // Труды ГИМ. Выпуск 9. — М. : Гос. Ист. музей, 1940. — 320 с.
8. *Бунак В. В.* Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. — М. : Наука, 1980. — 328 с.
9. *Бунак В. В.* Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография. — 1956. — № 1. — С. 86–104.
10. *Бэр К. М.* Донесения академика Бэра об экспедиции в Новую Землю и Лапландию / Пер. с нем. // Санкт-Петербургские ведомости. — 1837. — № 182, 221, 232.
11. *Бэр К. М.* Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности. — СПб. : ИРГО, 1846. — 18 с.
12. *Вербин О. Г.* Земляков Борис Фёдорович // Из истории Полярного. — Полярный : Опимах, 2020. — С. 145–155.
13. *Гаммерман А. Ф.* Растительные остатки из могильника на Большом Оленьем острове // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. — Л. : Издательство Академии наук, 1930. — С. 171–175.
14. *Головнёв А. В.* Российский Север: народы и границы // Управленческое консультирование. — 2006. — № 3. — С. 183–190.
15. *Горецкий Г.* Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Труды Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 3 / Ред. А. А. Блохин. — Л., М., 1937. — С. 107–118.
16. *Громова В. И.* Остатки млекопитающих из могильника Большого Оленьего острова // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. — Л. : Издательство Академии наук, 1930. — С. 177–179.
17. *Гурин Н. Н., Кошечкин Б. И., Стрелков С. А.* Первобытные культуры и эволюция экологической обстановки в верхнем плейстоцене и голоцене на побережье Европейской Арктики // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. — М., 1974. — С. 231–235.
18. *Гурина Н. Н.* История культуры древнего населения Кольского полуострова. — СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — 240 с.

19. *Гурина Н. Н.* Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. Вып. 10. — М. — Л. : Издательство АН СССР, 1948. — С. 125–142.
20. *Гурина Н. Н.* Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. — № 20. — М. — Л. : Издательство АН СССР, 1951. — С. 143–167.
21. *Гурина Н. Н., Кошечкин Б. И.* Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы ее установления // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. Вып. 153. — М. : Наука, 1978. — С. 80–86.
22. *Гурина Н. Н., Крижевская Л. Я.* Обзор полевых археологических исследований ИИМК Академии наук СССР в 1938 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. Выпуск 1. — М. — Л. : Издательство АН СССР, 1939. — С. 11–36.
23. *Гурина Н. Н.* Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // Советская археология. Вып. 12. — М. — Л. : Издательство АН СССР, 1950. — С. 105–127.
24. *Дебец Г. Ф.* О путях заселения северной полосы Русской равнины и восточной Прибалтики // Советская этнография. — 1961. — № 6. — С. 52–69.
25. *Долуханов П. М.* Геологический возраст стоянок на Рыбачьем полуострове // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. Вып. 126. — М. : Наука, 1971. — С. 100–101.
26. *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. Географическая литература. — М. : Географгиз, 1961. — 224 с.
27. *Ефименко П. С.* О древностях Архангельской губернии // Труды первого Археологического съезда в Москве. Т. 1. — М. : Синодальная типография, 1871. — С. 187–193.
28. *Земляков Б. Ф.* Археологические исследования на побережье Арктического океана // Труды Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 3. — Л. — М. : Издательство АН СССР, 1937. — С. 81–106.
29. *Земляков Б. Ф.* Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология. Вып. 5. — М. — Л. : Издательство АН СССР, 1940. — С. 107–143.
30. ИОЛЕА (Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии). Том 20. Труды Антропологического отдела. Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 1879 года. Том 3, часть 2. Описание предметов выставки. — М. : Типография М. Н. Лаврова и К., 1879.
31. ИОЛЕА. Том 27. Заседания Комитета по устройству выставки в 1877 году. Том 1. — М. : Типография М. Н. Лаврова и К., 1878.
32. ИОЛЕА. Том 29. Этнографическая выставка 1867 года Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. — М. : Типография М. Н. Лаврова и К., 1878.
33. ИОЛЕА. Том 31. Труды Антропологического отдела. Том 4. Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Том 2. Заседания Комитета по устройству выставки в 1877 году. — М. : Типография М. Н. Лаврова и К., 1878.
34. ИОЛЕА. Том 35, ч. 2. Труды Антропологического отдела. Том 5. Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 1879 года. Том 3, часть 2. Описание предметов выставки. — М. : Типография М. Н. Лаврова и К., 1879.
35. *Кастрен М. А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838, 1844, 1845, 1849 гг. — СПб., 1860.
36. *Козинцев А. Г.* Краниоскопические особенности населения Финляндии // Происхождение саамов / Ред. Аксянова Г. А. — М. : Наука, 1991. — С. 34–52.

37. Колпаков Е. М., Киселёва А. М., Шумкин В. Я. Древние жилища Северной Фенноскандии // Неолитические жилища : Материалы международного симпозиума. – СПб. : ИИМК РАН, СГСПУ, 2021. – С. 28–29.
38. Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И., Шумкин В. Я. Кольский Оленеостровский могильник (1925–2013). – Вологда : Древности Севера, 2019. – 480 с.
39. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. Rock carvings of Kanozero. – СПб. : Искусство России, 2012. – 424 с.
40. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Петроглифы Чальмн Варрэ. = Čalmn Varrè petroglyphs. – СПб. : ИИМК РАН, 2018. – 160 с.
41. Косточкин В. В. Деревянный город Колы (Из истории русского оборонного зодчества конца XVI – начала XVIII вв.) // Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси : Материалы и исследования по археологии СССР. – № 77. – М. : Издательство АН СССР, 1958. – С. 200–246.
42. Куропятник М. С. Reproducing and shifting discourses on indigenous culture: Ethnographic self-descriptions of the Kola Sámi // Вестник Российского университета дружбы народов (Серия: Социология). – 2023. – Том 23. – № 1. – С. 26–39.
43. Куропятник М. С., Куропятник А. И. Саамы: современные тенденции этносоциального и правового развития // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Вып. 4. 1999.
44. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры. – Kautokeino : Dieđut. Sámi University College. – 2008. – № 2. – 261 с.
45. Кучинский М. Г. Социальная роль облагаемых угодий для саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 1. – Апатиты. – 2010. – № 2. – С. 140–152.
46. Кучинский М. Г. Характеристика семьи у саамов Кольского уезда в конце XVI – начале XVII в. Народы Российского Севера и Сибири // Сибирский этнографический сборник. – Выпуск 9. – М., 1999.
47. Кучинский М. Г. Экологический аспект традиционного самосознания саамов Кольского полуострова // Актуальные проблемы развития личности: теория и практика. – М., 1994.
48. Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. – М., 1971. – 168 с.
49. Мурашкин А. И. Этапы изучения археологии Кольского севера // Кольский сборник 3. К 75 летию В. Я. Шумкина. – СПб. : ООО «Лема», 2022. – С. 134–141.
50. Никитин А. Л. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите // Советская этнография. – 1976. – № 2. – С. 103–111.
51. Никитин А. Л. Памятники позднего неолита на юго-востоке Кольского полуострова // Памятники древнейшей истории Евразии. – М., 1975. – С. 124–132.
52. Овсянников О. В. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л., 1985. – С. 84–88.
53. Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 201–211.
54. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1900 год. – СПб. : Типография Главного управления уделов, 1902.
55. Пация Е. Я. Саамские сказки. – Мурманск, 1980. – 328 с.
56. Пация Е. Я. Семилетний стрелок из лука. – Мурманск : Мурманское книжное издательство, 1990. – 109 с.
57. Песонен П. Э. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические памятники Карелии. – Петрозаводск, 1978. – С. 94–160.
58. Песонен П. Э. Неолитические стоянки Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. – Петрозаводск, 1980. – С. 37–79.

59. *Песонен П. Э.* О двух древних поселениях в низовьях р. Нива // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 126–138.
60. Полярная правда. 1928 г. № 84 от 28 июля // Следы древних культур на Кольском полуострове (Работы Археологической экспедиции Академии наук).
61. *Равдоникас В. И.* Памяти А. В. Шмидта // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 9–10. – С. 126–128.
62. *Рева К. П.* О раскопках К. П. Рева // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1900 г. Д. № 162.
63. *Синицын С. Д.* Костные остатки человека в раскопках А. В. Шмидта // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции : Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. – Л. : Издательство Академии наук, 1930. – С. 181–183.
64. *Спицын А. А.* Северные лабиринты // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 6. – СПб. : Типография Главного управления уделов, 1904. – С. 101–112.
65. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Ред. А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2016. – 576 с.
66. *Титов Ю. В.* Из истории изучения эпохи раннего металла на Кольском Севере // Вопросы истории Европейского Севера (Историография и источниковедение) : Межвузовский сборник. – Петрозаводск : РИО ПетроГУ, 1980. – С. 160–172.
67. *Третьяков П. Н.* Экспедиция по изучению «Арктического палеолита» // Советская археология. Вып. 2. – М. – Л. : Издательство АН СССР, 1937. – С. 227–228.
68. *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. Т. 2. – М. : Синодальная типография, 1881.
69. *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. – М., 2006. – 344 с.
70. *Хартанович В. И.* О «лапоидности» на севере Европы (по антропологическим материалам из могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего о-ва Онежского озера // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки, 2006. – С. 143–156.
71. *Хартанович В. И.* Формирование популяционного состава населения Севера Фенноскандии эпохи раннего металла (новые данные в антропологии Кольского Оленеостровского могильника) // V Северный археологический конгресс : тез. докладов. – Ханты-Мансийск. – Екатеринбург : ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. – С. 351–353.
72. *Хартанович В. И., Зубова А. В., Моисеев В. Г.* К антропологии населения российской Арктики эпохи раннего металла // Экология древних и традиционных обществ : Материалы VI Международной научной конференции. Вып. 6. – Тюмень : Тюменский научный центр СО РАН, 2020. – С. 415–418.
73. *Хартанович В. И., Моисеев В. Г.* Антропологический состав древнего населения Кольского полуострова (по краниологическим материалам могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря) // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. – СПб. : ИИМК РАН, МАЭ РАН, 2009. – С. 85–87.
74. *Хартанович В. И., Моисеев В. Г.* «Протоуральцы» на севере Европы и западной Сибири. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 41–42.
75. *Харузин Н. Н.* Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды Этнографического отдела. Том X. – М., 1890. – 470 с.
76. *Хомич Л. В.* Саамы. – СПб. : Просвещение, 1999. – 92 с.
77. *Худяков М. Г.* Вклад А. В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 9–10. – С. 129–143.
78. *Чарнолуцкий В. В.* Заметки о пастьбе и организации стада улопарей // Кольский сборник : Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. – Л., 1930.

79. Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова // РГО. Карело-Мурманская Комиссия. — Л., 1930.
80. Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Вып. 23. — Л., 1930. — С. 119–169.
81. Шмидт А. В., Равдоникас В. И. О развитии взглядов Маркса на первобытное общество // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. 11. Вып. 5–6. — 1931. — 46 с.
82. Шумкин В. Я. К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. Вып. 193. — М.: Наука, 1988. — С. 9–14.
83. Шумкин В. Я. Каменная и костяная индустрии мезолита — раннего металла Кольского полуострова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Л., ЛГУ, 1984. — 18 с.
84. Шумкин В. Я. Кольский Оленеостровский могильник эпохи раннего металла в Мурманской области // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. IV. — Иваново, 2015. — С. 177–188.
85. Шумкин В. Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. — 1986. — № 2. — С. 15–33.
86. Шумкин В. Я. Неолит Кольского полуострова // Древности Русского Севера. Вып. 1. — Вологда, 1996. — С. 67–74.
87. Шумкин В. Я. Отчёт о работе Понойской группы КАЭ ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40.
88. Шумкин В. Я. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М., 1990. — С. 34–43.
89. Шумкин В. Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. — СПб., 1993. — С. 34–59.
90. Шумкин В. Я. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов / Ред. Аксянова Г. А. — М., 1991.
91. Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И. Исследования Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в Мурманской области (район Териберской губы Баренцева моря) // Записки ИИМК РАН. — 2009. — № 4. — С. 77–80.
92. Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И. Новые археологические и антропологические данные исследования могильника на Большом Оленьем острове Кольского залива Баренцева моря // Человек в культурной и природной среде. — М.: Наука, 2007. — С. 130–139.
93. Якимов В. П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XV. — М. — Л., 1953. — С. 449–485.
94. Carpelan C., Torvinen M., Schultz E.-L. Arkeologinen tutkimus Pohjois-Pohjanmaalla ja Lapisissa // C. Carpelan, E.-L. Schultz (eds.), Varhain pohjoisessa: johdanto. Varhain pohjoisessa — hankkeen artikkelit. Helsinki Papers in Archaeology 11. — Helsinki: University of Helsinki, Department of Archaeology, 1998. — Pp. 13–20.
95. Damm C., Hesjedal A., Olsen B., Storli I. Arkeologiske undersøtker pa Slettnes 1991. — Tromso. — 260 p.
96. Der Sarkissian C., Balanovsky O., Brandt G., Khartanovich V., Buzhilova A., Koshel S., Zaporozhchenko V., Gronenborn D., Moiseyev V., Kolpakov E., Shumkin V., Alt K. W., Balanovska E., Cooper A., Haak W. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe // PLoS genetics. — 2013. — Vol. 9, Issue 2.
97. Gurina N. N. The Petroglyphs at Calmn-Varre on the Kola Peninsula. Analysis and analogies. VITARK 5. — Trondheim, 2005.

98. *Hackman A.* Forvarv till Statens Historiska Museum er 1910. Den forhistoriska avdelningen // Finskt Museum, 18. – Helsingfors, 1911. – Pp. 41–52.
99. *Hackman A.* Forvarv till Statens Historiska Museum. II Bronseldern. III. Jarneldern // Finskt Museum, 23. – Helsingfors, 1916. – Pp. 54–72.
100. *Hallsten K.* Matériaux pour servir à la connaissance des crânes des peuples finnois // Bidrag till kannedom at Finland nature och folk, utgima af Finska veteskaps-societeten. H. XXXV, 1881; H. XL, 1887; H. LII, 1893, Helsinki. *Schreiner K.* Zur Osteologie der Lappen. Bd. 1, 2. – Oslo, 1935.
101. *Hallstrom G.* Gravplatser och offerplatser i Ryska Lappmarken // Etnologiska studier tillägnade Nils Edvard Hammerstedt, 3/3/. Foreningen for Svensk Kulturhistoria, boker N° 2. – Stockholm : Svenska Teknologforeningens Forlag i Distribution, 1921. – Pp. 183–194.
102. *Hallstrom G.* Gravplatser och offerplatser i ryska lappmarken // Rig. – 1922. – Pp. 162–192.
103. *Hällström G. G.* Undersökning om ett i finska Lappmarken gjordt fynd af gamla vigter och mynt, m.m. // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. N° 1. Helsingfors: Ex Officina Typographica G. O. Wasenii. 1842. – P. 7.
104. *Hood B. C., Helskog K., Shumkin V. Ya.* Dwelling form and settlement patterns on Russia Kola peninsula northern coast 2300–1500 cal. BC // ISKOS 26 – Helsinki, 2023. – 185 p.
105. *Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Shumkin V. Ya.* The Rock Carvings of Kanozero // Fennoscandia Archaeologica. – 2008. – Vol. 25. – Pp. 86–96.
106. *Kozintsev A. G., Gromov A. V., Moiseyev V. G.* Collateral Relatives of American Indians Among the Bronze Age Populations of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology. – 1999. – Vol. 108. – Pp. 193–204.
107. *Kozintsev A. G., Gromov A. V., Moiseyev V. G.* Collateral Relatives of American Indians Among the Bronze Age Populations of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology. – Vol. 108. – 1999. – Pp. 193–204.
108. *Nummedal A.* Stone age finds in Ainmark. – Oslo, 1929.
109. *Pälsi S.* Kaivaus Petsamon Rotojoen asuinpaikalla. Excavation report. Topographic Archive, Dept. of Archaeology, National board of Antiquities. – Helsinki, 1929.
110. *Schreiner K.* Zur Osteologie der Lappen. Bd. I. Oslo, 1931; Bd. II. Oslo, 1935.
111. *Seitsonen O.* Petsamo Maattivuono Rotojoki: two Late Stone Age dwellings excavated by Sakari Palsi in 1929 // People, Material culture and Environment in the North. Proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference. University of Oulu. 18–23 August 2004. Gummerus Kirjapaino OY. – 2006. – P. 226–237.
112. *Shumkin V.* The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Laplands ancient population in Myanndash Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi. Arctic Centre Foundation, 2000. – Pp. 202–241.
113. *Shumkin V. Y.* On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. – 1990. – N° 2. – Pp. 3–20.
114. *Shumkin V. Ya.* The rock art of Russian Lapland // Fennoscandia archaeologica. – 1990. – Vol. 7. – Pp. 53–67.
115. *Stoljar.* Milestones of spiritual evolution of prehistoric Karelia // Folklore. – 2001. – Vol. 18/19. – Tartu.
116. *Tallgren A. M.* Archaeological Studies in Soviet Russia // ESA. – X. – 1936. – Pp. 129–170.
117. *Tanner V.* Om Petsamonkustlapparnas sagner om forntida under jordiska boningar, s. k. jennam'vuolas'kuatt // Finskt museum. 35. – Helsingfors : K. F. Puromies Boktryckeri A.-B., 1928. – Pp. 1–24.
118. *Baer E.* Uiber labyrinth-formige Steinsetzimgen in russischen Norden. // Bulletin de la classe historico-philologique de L'Academie des sciences de S. Peterbourg. – 1844. – T. I : 70–79.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ (INQUA) – Ассоциация изучения четвертичного периода
АН – Академия наук
Бутырка – тюрьма (Москва)
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ИА – Институт археологии РАН (Москва)
ИАЭ – Институт антропологии и этнологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)
ИИМК – Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург)
ИОЛЕАЭ – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва)
ИРГО – Известия Русского географического общества
КАЭ – Кольская археологическая экспедиция (Ленинград, Санкт-Петербург)
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение института археологии
МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) имени Петра Великого
РАН – Российская академия наук
РФ – Российская Федерация
СПб – Санкт-Петербург
СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ТУНДРЫ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА

ВВЕДЕНИЕ

Крайние северо-восточные пределы материковой Европы по административному делению своей значительной частью соответствуют Ненецкому автономному округу Архангельской области. В археологическом отношении эти районы остаются одними из наиболее слабо исследованных регионов России.

Основой ландшафта территории исследования являются Большеземельская и Малоземельская тундры. Обе природные зоны располагаются в арктическом и субарктическом климатических поясах и представляют собой безлесную зону с низким и не всегда сплошным растительным покровом. Большеземельская тундра представляет собой холмистую моренную равнину, ограниченную с запада нижним течением р. Печоры, с юга — долиной р. Усы (правый приток р. Печоры), с востока — Полярным Уралом, с севера и северо-востока — побережьем Баренцева моря и хребтом Пай-Хой. Между Тиманским кряжем и низовьями Печоры располагается Малоземельская тундра. Её рельеф также равнинный, лишь вдоль побережья Баренцева моря есть морские террасы, а центральную часть занимает слабохолмистая моренная равнина с отдельными холмами и грядами. Южную границу тундры принимают за начало Арктики. Зона тундр подразделяется на три подзоны: арктических, типичных (мохово-лишайниково-кустарничковых) и южных (кустарничковых) тундр. По южной окраине тундры располагается переходная зона лесотундры, лежащая в основном к северу от Полярного круга. Леса здесь представляют собой редколесье, состоящее из ели с участием берёзы.

Несмотря на то что начало археологических исследований северо-востока европейской части России было положено ещё во второй половине XVIII в. и спустя более 200 лет оформилось в одно из важных направлений российской археологической науки, западный сектор российской части циркумполярной области всё ещё относится к наименее археологически изученным областям континента. Дискуссионным остаётся целый ряд узловых вопросов древней истории региона, принципиально важных для адекватной реконструкции прошлого современных народов Севера. Отметим лишь некоторые из них. Это происхождение и этнокультурная принадлежность аборигенного населения приполярной зоны, особенности их материальной и духовной культуры, детали взаимодействия финно-угорских и самодийских коллективов на севере Евразии. До сих пор точно не установлено время появления в тундрах предков ненцев. Неоднозначная трактовка имеющихся в распоряжении исследователей материалов обусловлена, прежде всего, состоянием источниковой базы по всем периодам древней и средневековой истории региона.

Археологические работы в тундровой зоне севера-востока Европы, являющиеся составной частью арктической археологии, имеют не только фундаментальное

значение для решения проблем первоначального заселения высоких широт европейского континента и этногенеза народов циркумполярной области Евразии. Важную роль играет здесь прикладной аспект исследований (сохранение культурного наследия народов самодийского Севера), продиктованный нарастающими темпами хозяйственного освоения европейской Арктики и Субарктики, которому объективно сопутствует антропо-, техногенное и не всегда с позитивными последствиями давление на историко-культурный ландшафт.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

История любого современного народа уходит корнями в глубокое прошлое. Многие из этих народов оставили значительный след в культуре — памятники письменности и искусства, крупные достижения в различных областях знаний. То же самое можно сказать о малочисленных племенах, обживавших в жёстких условиях и удалённости от мировых центров цивилизации обширные пространства Крайнего Севера. В их число входят и носители древних культур, внёсших свой коллективный вклад в культурное наследие современного коренного населения крайнего северо-востока европейской части России.

До недавнего времени научные знания о далёком прошлом Печорского Заполярья основывались только на сборах разновременного подъёмного материала в местах древних стоянок и поселений аборигенов тундры — летописной *печеры* и легендарных *сииртя*. Археологические находки в основном были ограничены разнообразными кремневыми изделиями и обломками керамических сосудов. В руки археологов они попадали чаще всего благодаря энтузиазму и любознательности представителей естественно-научных отраслей знаний. Они попутно со своей основной деятельностью собирали на поверхности котловин выдувания (яреев) древние вещи.

Наиболее ранние, археологически не подтверждённые, сведения о каких-то разрушенных пустующих жилищах в печорских тундрах появляются в конце XVIII — XIX вв. (Лепехин, 1805; Латкин, 1853; Шренк, 1855; Вениамин, 1858; М. Заринский и др.). Первые достоверные сведения о находках древних вещей в Мало- и Большеземельской тундре относятся ко второй половине XIX — начале XX в. (Штукенберг, 1875; 1884; Атлас..., 1889; Истомин, 1890; Отчет ИАК, 1893; Журавский, 1909 а; 1990 б; Кулик, 1914; 1915 и др.). В начале XX в. несколько стоянок с кремневым инвентарем и керамикой были открыты биологом А. В. Журавским на р. Колве (Журавский, 1909 а; 1990 б) и геологом Н. А. Куликом на рр. Колва и Большая Роговая в Большеземельской тундре (Кулик, 1914; 1915). Известны также случайные сборы из разных мест Мало- и Большеземельской тундры (бухта Индига, низовья р. Печоры, р. Адзвы), произведённые в 30-е гг. XX в.¹

Существенное место в археологическом открытии Большеземельской тундры занимает деятельность геолога Г. А. Чернова. Почти 40 лет (с 1939 по 1975 гг.) во время геологических изысканий он периодически проводил здесь сборы подъёмного материала на поверхности яреев (котловин выдувания), разрушивших древние стоянки. Находки, обнаруженные на каждом из пунктов, немногочисленны

¹ История археологического изучения тундровой зоны в 1870-е — 1970-е гг. изложена в работе Л. П. Хлобыстина (1973. С. 54–57), а более поздние археологические исследования — Г. А. Чернова (1985) и А. М. Мурыгина, В. Н. Карманова, М. В. Кленова (2012).

и имеют различную культурно-хронологическую принадлежность. Результаты его открытий нашли отражение в многочисленных публикациях, выходящих на протяжении 1940–1980-х гг. Позднее эти же материалы были изданы в виде свода археологических памятников (Чернов, 1985).

В первые послевоенные годы в печорских тундрах работали геолог А. И. Блохин, зоолог Н. П. Пядышев, которые открыли ряд стоянок (Гурина, 1957; Блохин, 1959; Пядышев, Хлобыстин, 1962; Лузгин, 1963). Итогом деятельности представителей естественно-научных дисциплин в тундрах европейского Северо-Востока (включая север Республики Коми) к 1950-м гг. стало открытие не менее 325 археологических памятников.

В конце 1950 — начале 1960-х гг. прошлого столетия начинается планомерное систематическое археологическое изучение преимущественно таёжной полосы европейского Северо-Востока археологами Коми филиала АН СССР. Одновременно ими же предпринимались археологические экспедиции в заполярные области. С 70-х годов прошлого столетия началось целенаправленное расширение полевых работ Коми филиала АН СССР в Печорском Заполярье. Следует обратить внимание, что если ранее в Печорском Заполярье памятники археологии выявлялись преимущественно геологами и открытия были сделаны, как правило, случайно, попутно с выполнением их основных задач, то с этого времени районы Мало- и Большеземельской тундр стали объектом исследования археологов Коми филиала АН СССР.

Первые профессиональные полевые исследования в Большеземельской тундре связаны с именем В. И. Канивца, который в 1967 г. частично раскопал Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, открытое в 1947 г. геологом Г. А. Черновым (Чернов, 1955), и произвёл сборы подъёмного материала на поверхности яре-ев, получивших название поселение Море-Ю (Канивец, 1970. С. 12). В 1975 г. В. Е. Лузгиным и А. М. Мурыгиным открыты разновременные памятники с сохранившимся культурным слоем на Урдюжских озёрах и у с. Коткино на р. Суле (Лузгин, Мурыгин, 1976). Существенный вклад в изучение арктических тундр внесли В. С. Стоколос и А. М. Мурыгин, которые в 1970–1980-е гг. вели исследования на реках Море-Ю, Коротаиха и Вашуткиных озёрах. Наряду с разведочными работами, оба исследователя проводили раскопки памятников на больших площадях. В период с 1979 по 1985 гг. В. С. Стоколосом были открыты и частично исследованы раскопками стоянки на рр. Коротаиха и Колва-вис: Коротаиха 1–10, Войяты I, II, Нерчей I, II (Стоколос, 1988. С. 159–187). Кроме стоянок эпохи бронзы, им были открыты несколько пунктов с подъёмным материалом и два поселения с культурным слоем эпохи средневековья (Мурыгин, 1992). В 1987–1988, 1991 гг. А. М. Мурыгин провёл стационарные раскопки Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места и поселения Море-Ю II (Мурыгин, 1992). Результаты этих работ нашли отражение в обобщающих монографиях, посвящённых культурам эпохи энеолита-бронзы и средневековья лесной и тундровой полосы европейского Северо-Востока (Стоколос, 1988; Мурыгин, 1992).

Во второй половине 1980-х гг. и в 2000 г. вблизи южных границ Ненецкого автономного округа, на левобережье р. Печоры у пос. Новый Бор, найдены и исследовались могильник раннего железного века и несколько средневековых поселений и городищ (Васкул, 1989; Плюснин, 1991 и др.).

Древности Малоземельской и Канинской тундр к настоящему времени представлены материалами разведочных работ 1973, 1975, 1993 и 2013 гг. на реках Индига, Пеша, Ома, на Урдюжском озере и у д. Коткино на р. Суле. Здесь были открыты стоянки и поселения широкого хронологического диапазона — от эпохи

камня до средневековья (Лузгин, 1974. С. 20; 1977; Лузгин, Мурыгин, 1976. С. 30; Мурыгин, Карманов, Кленов, 2012. С. 12–13; Мурыгин, Карманов, 2014; Лузгин, Мурыгин, Карманов, 2015).

Необходимо, как представляется, упомянуть здесь также об археологических памятниках, найденных и исследовавшихся на протяжении 1965–1996 гг. сотрудниками Коми научного центра УрО РАН, Интинского музея и Сыктывкарского университета (И. О. Васкул, С. Ю. Васильев, В. И. Канивец, В. Е. Лузгин, П. Ю. Павлов, В. Н. Семенов и др.) на правом берегу р. Усы и широтного колена р. Печоры. Памятники цепочкой протянулись вдоль южной кромки Большеземельской тундры, располагаясь в полосе редколесий крайней северной тайги и лесотундры. Среди них выделим палеолитическую стоянку Мамонтова курья, Адакское пещерное святилище, городище Поганый Нос, комплекс разновременных поселений у дер. Сынанырд.

В 1980-е гг. в Печорском Заполярье работали археологи Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. На правом берегу нижней Печоры О. В. Овсянников проводил раскопки городищ VI–XI в. н. э. (Ортинское городище, городище на р. Гнилке) и Городецкого святилища VI–XIII в. н. э. (Овсянников, 1990; 1991; Ясински, Овсянников, 1998). Восточнее, на побережье Югорского п-ва, Л. П. Хлобыстин исследовал многослойное поселение Мыс Входной, существовавшее на протяжении всего I тыс. н. э. (Хлобыстин; 1986; 1987; Хлобыстин, Верещагина, Шумкин, 1988; Каган, Питулько, 1993).

В рамках охранных археологических исследований в зонах промышленного освоения археологические работы в 1992–2007 гг. выполнялись Северным (нач. А. М. Мурыгин), II Северным (нач. М. В. Кленов) и Палеолитическим (нач. П. Ю. Павлов) отрядами Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Разведки на побережье Баренцева моря и в континентальной части Большеземельской тундры проводились на обширной территории от п-ва Канин на западе до о. Вайгач на востоке. В Малоземельской тундре новые памятники археологии выявлены в районе устья р. Индиги. В Большеземельской тундре новые археологические памятники были найдены в верхнем течении рр. Ярей-Ю, Черная, Кывтан и Сарембойяха, в среднем течении р. Колвы, в нижнем течении рек Пярцарьяха, Нэбтеяха и Море-Ю, в устье р. Талотаяхи, в районе оз. Наульто и на материковой части побережья пролива Югорский Шар (Мурыгин, Карманов, Кленов, 2012).

Кроме этого, в течение последних трёх десятилетий в различных местах континентальных и прибрежных районов Мало- и Большеземельской тундр проводили археологические исследования сотрудники сектора охраны и использования археологического наследия и сектора исследования культурной и природной среды Арктики Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (И. Б. Барышев, П. В. Боярский, С. В. Гусев; г. Москва), Института археологии Севера (Г. П. Визгалов и др.; г. Нефтеюганск), ИКиЛМЗ «Пустозерск» (А. С. Попов; г. Нарьян-Мар), Ненецкого краеведческого музея (И. В. Хозяинов, А. В. Коротаев, С. А. Митькин; г. Нарьян-Мар), Архангельского краеведческого музея (А. Г. Едовин). Однако не все эти работы получили должное освещение в научной литературе, а их результаты большей частью отражены только в научных отчётах.

По мере накопления археологических источников учёные стали обращаться к проблеме периодизации культур древних обитателей тундровой зоны европейского севера. Первые культурно-хронологические схемы стали разрабатываться ещё в начале 1950-х гг. на основе анализа материалов памятников Большеземельской тундры, наиболее полно исследованных благодаря сборам Г. А. Чернова.

В 1958 г. этнограф Л. П. Лашук (1958. С. 7–37) собрал все сведения, имевшиеся на тот момент времени и, руководствуясь работами А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс и Г. А. Чернова, развил их взгляды на заселение Крайнего Севера в древности. Л. П. Лашук утверждал о «существовании единообразной археологической культуры неолитического облика на всей обширной территории Большеземельской тундры, включая низовья Печоры» — печорской, печорско-большеземельской, или большеземельской (Лашук, 1958. С. 19), существовавшей длительный отрезок времени: II тыс. до н. э. — I в. н. э. По мнению этнографа, заселение региона происходило «из Сибири» и носители «большеземельской культуры» были родственны «неолитическому» населению Северного Приобья. Культурные трансформации, проявлением которых являются сходные типы каменных орудий и орнаментация керамики на смежных территориях, Л. П. Лашук объясняет подвижным (кочевым) образом жизни древнего населения, совершавшего сезонные промысловые кочевки в смежные регионы (Лашук, 1958. С. 28).

Идея о бытовании на территории Большеземельской тундры на протяжении длительного отрезка времени единой археологической культуры была подвергнута сомнению Л. П. Хлобыстиным. Он считал, что материалы тундровых памятников разновременны и разнокультурны, что объясняется проникновением сюда в разное время подвижных и немногочисленных групп населения (Хлобыстин, 1973. С. 64–65).

В 1985 г. Г. А. Чернов при содействии археологов В. И. Мошинской и Л. П. Хлобыстина систематизировал данные о стоянках Большеземельской тундры, попытался реконструировать систему жизнеобеспечения первобытных коллективов тундры, определить хронологию и пути её заселения и дать характеристику материальной культуры населения каждого из выделенных им этапов (Чернов, 1985).

В 1997 г. А. М. Мурыгин, проанализировав материалы эпохи средневековья, выделил три типа глиняной посуды (Море-Ю, Хутыюнкосе, Коматывис), соответствующих трём хронологическим этапам развития в Мало- и Большеземельской тундрах особой «субарктической» археологической культуры. Такой вывод был сделан на основании морфологического сходства посуды этих этапов и бытования их преимущественно в тундровой зоне (Мурыгин, 1997. С. 512–513). В 2017 г. А. М. Мурыгиным на основе анализа материалов средневековых памятников нижней Печоры была выделена территориально обособленная локальная группа поселений новоборского (нижнепечорского) типа (Мурыгин, 2017), которые автор сопоставляет с летописной «печерой». По традициям керамического производства они резко отличаются от существовавших в одно время с ними памятников субарктического типа, расположенных в континентальной тундре. Наблюдается сходство с нижеобско-ямальским и печорским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологических культур.

К концу 2-го десятилетия XXI в. в тундровой зоне северо-востока Европы стало известно уже несколько сотен памятников археологии разной степени изученности. Однако археологические работы в тундровых районах европейской части России до сих пор носят эпизодический характер. Территория изучена неравномерно. Абсолютное большинство обнаруженных памятников (как в прошлом, так и в настоящем) представлено сборами подъёмного материала на участках развешиваемых песков. Крайне недостаточны количественный и качественный уровни источниковой базы. Несмотря на то что уже был пройден длинный путь от публикаций непроверенных данных и случайных сборов археологического материала до профессионального изучения источников, регион продолжает оставаться в археологическом отношении одним из наиболее слабо исследованных уголков России.

Между тем краткий и неполный обзор показывает, что изучение древностей тундровых районов европейского северо-востока всё-таки позволило сделать важные научные открытия в решении вопросов освоения высоких широт Евразии человеком, были достигнуты вполне определённые успехи в исследовании культуры аборигенного населения на различных этапах его истории. Пройден длинный путь от публикаций непроверенных данных и случайных сборов археологического материала любителями и представителями естественно-научных дисциплин до профессионального изучения археологических источников.

С первой половины 90-х годов прошлого столетия и по настоящее время полевое изучение древних народностей крайнего северо-востока Европы является необходимым звеном фундаментальных научных разработок отечественной археологии. Здесь позитивную роль играет кооперация Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар) с региональными властями и музеями Ненецкого автономного округа. Благодаря тесному сотрудничеству в рамках государственной программы Ненецкого автономного округа «Развитие культуры и туризма» и реализации плановых научно-исследовательских тем отдела археологии Института изучается и решается ряд актуальных научных проблем. В частности, таких, как происхождение и взаимодействие финно-угорских и самодийских народов крайнего севера европейского Северо-Востока в древности, материальная и духовная культура аборигенного населения циркумполярного севера Приуралья. Изучаются археологические источники, связанные с начальным этапом русской колонизации арктической зоны крайнего северо-востока Европы, её политическое и экономическое значение для Русского государства и судеб местного населения.

ЛЕГЕНДЫ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Легенды и предания, бытующие у ненцев, показывают, что крайний северо-восток Европы с глубокой древности был заселён племенами, потомков которых к началу второго тысячелетия нашей эры застали переселившиеся сюда из Сибири самодийские племена. Согласно предположению советского учёного Г. Н. Прокофьева (1940), предками современных ненцев, а также нганасан, энцев, селькупов, были не только самодийские племена Саянского нагорья, но и некие аборигенные племена приполярной зоны. В преданиях самих ненцев указывается, что когда их предки пришли на Крайний Север, они встретили там местное низкорослое племя *сииртя* (Лашук, 1968; Васильев, 1970; Хомич, 1970; Головнёв, Зайцев, Прибыльский, 1994). Представление о *сииртя* встречаются на всей территории расселения ненцев — от Канинского п-ва до р. Енисей. *Сихиртя* известно в нескольких вариантах — «сииртя», «сирчи», «сихиртя», «сихирчи». Согласно преданиям, *Сихиртя* были невысокого роста, но коренастые и крепкие, носили красивую одежду с металлическими подвесками. У них были белые глаза, говорили слегка заикаясь. *Сихиртя* обитали под землёй, где они ездили на собаках и пасли мамонтов (земляных оленей). Домами *Сихиртя* служили высокие песчаные сопки. Только шаманы могли определить, в какой из них есть *Сихиртя*. На поверхность тундры они выходили по ночам или в туман. *Сихиртя* считались умелыми кузнецами и хорошими воинами. Встречи с *Сихиртя* одним сулила несчастье, другим приносила удачу. Известны случаи женитьбы ненцев на женщинах *Сихиртя*. Судя по археологическим источникам, предшественники ненцев не были оленеводами, а промышляли дикого оленя и морского зверя, занимались рыболовством. Согласно легендам, с приходом в тундру ненцев-оле-

неводо́в *Сихиртя* скрылись под землей. Этническая принадлежность *Сихиртя* остается неясной. Предполагается, что в фольклорном образе *Сихиртя* отражены воспоминания ненцев о реальном населении, жившим в европейской и западно-сибирской тундре в древности.

В отличие от сведений о легендарных *сииртя*, в распоряжении учёных есть более надёжные, немногочисленные письменные свидетельства, в которых имеются данные о другом народе, впервые упоминающимся в Лаврентьевской летописи в числе других народов крайнего северо-востока Европы (Лаврентьевская летопись, 1926–1928). Это — летописная *печера*, которая уже в XI в. платила дань Новгороду. Начиная с XIII в., согласно Договорным грамотам Великого Новгорода и Пскова с тверскими и московскими великими князьями, *Печера* называется в числе новгородских волостей (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949). В XIV в. *Печера* оставалась новгородским владением. В XV в., после поражения Новгорода в борьбе с Московским княжеством, Печорский край как фактически, так и юридически, вошёл в состав Русского централизованного государства. По завещанию Ивана III его старший сын Василий получил в числе других владений «*Югру и Печеру со всем, да Пермь Великую со всем*». В XVI в. появляются сведения о Печорском крае у иностранных авторов, где приводятся данные о пушной торговле с *печерой*, её самобытной культуре, отличающей её от русских, перми, югры и самоедов. К XVII в. имя «*печера*» исчезает со страниц исторических документов.

Географическое положение *печеры* точно не установлено. Археолог А. П. Смирнов помещал её на верхней, средней и частично нижней Печоре, Б. А. Рыбаков на средней, возможно, верхней Печоре. Известный этнограф Л. П. Лашук полагал, что *печера* находилась на нижней Печоре (Смирнов, 1952; Лашук, 1961; Рыбаков, 1963). Вопрос о её этнической принадлежности в научной литературе также остаётся открытым. Исследователи усматривали в этом народе самоедов (Ф. Х. Лерберг), карел (М. А. Кастрен), население палеоазиатского происхождения (Л. П. Лашук), коми-зырян (Н. П. Барсов, Е. К. Огородников, С. В. Бахрушин, А. А. Зимин). К последней точке зрения склонялся известный археолог и исследователь древностей Печорского края В. И. Канивец (Канивец, 1964). В последнее время с летописной *печерой* связывают локальную группу археологических памятников нижней Печоры, выделенных в новоборский культурный тип (Мурыгин, 2017).

Кроме всего этого, в сагах древних скандинавов IX–XIII вв. н. э. встречаются рассказы о легендарной стране, расположенной на крайнем северо-востоке Европы — Биармии (Vjarmaland). Впервые упоминается в рассказе о путешествии во 2-й пол. IX в. н. э. норвежского морехода Отера (Отара) из Холугаланда, якобы проплывшего вдоль берегов Норвегии и Кольского п-ва и достигшего побережья Белого моря. Биармия славилась мехами, серебром и другими богатствами. Населявшие Биармию жители (Vjarmar) говорили на схожих с финским языках, торговали с посещавшими их викингами и поклонялись главному божеству своей страны — Йомале. Жили оседло, занимались земледелием, охотились в сосновых лесах.

Известны также рассказы о путешествиях в Биармию в X–XIII вв. н. э. В них сообщается, что викинги вели с местными жителями торговлю, закупа́ли беличьи, бобровые и собольи меха. Во 2-й пол. X в. н. э. конунг (вождь) Харальд II (король Норвегии) совершил набеги в Биармию (приблизительно в 965–970 гг.). В «Саге о Харальде Серая Шкура» пишется, что он «*поплыл одним летом со своим войском на север в Страну Бьярмов и совершал там набеги и дал большую битву бьярмам на берегах Вины. Харальд конунг одержал победу и перебил много народа*» и «*взял огромную добычу*». В 1026 г. конунг Норвегии Олаф II (Олаф Святой) послал в Биармию братьев Карли и Гуннстейн, к которым присоединился Торир Соба-

ка. Прибыв на место, они закупили на торжище меха, но выйдя обратно в море, решили не соблюдать мира с местными жителями и, вернувшись, ограбили их святыню — капище бога Йомали. В 1-й четв. XIII в. н. э. в Биармию прибыли норвежские торговцы на двух судах, одно из которых проследовало через Русь в Святую землю для участия в крестовых походах. Оставшиеся были уничтожены биармийцами. В 1222 г. для мщения король Хакон IV послал в Биармию своих военачальников на больших судах с сильным войском. Они опустошили Биармию огнём и мечом и вернулись с богатой добычей. После этого Биармия перестала упоминаться в скандинавских источниках.

Предполагается, что название Биармия произошло от прибалтийско-финского «регамаа» — «задняя земля, земля за рубежом», т. е. Заволочье. Так карелы и вепсы называли территории к северу и востоку от своих земель. Учёные помещали Биармию в разные места северо-востока Европы — от Кольского п-ва до Приуралья. В исторической науке преобладает мнение, что в представлении древних скандинавов Биармия — обширный регион, куда они попадали почти всегда морским путём, огибая Кольский п-ов, а затем плыли по Сев. Двине. Археологи, историки и языковеды полагают, что этноним «бьярма» объединяет ряд финноязычных и самодийских племён, живших на обширных пространствах от Белого моря до Урала — карелов, вепсов, чудь заволоцкую, предков коми, печеру, самоедь и др. (Тиандер, 1906; Бубрих, 1952; Татищев, 1994; Рыдзевская, 1978; Глазырина, 1996; Головнёв, 2002, 2009; Королев, 2012).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Анализ источников эпохи железа (I тыс. до н. э. — 1-я пол. II тыс. н. э.), имеющих в распоряжении исследователя, показывает, что для тундр северо-востока европейской части России археологические памятники с сохранившимся хотя бы частично культурным слоем большая редкость. Располагаясь, как правило, на песках, многочисленные древние стоянки и поселения в большей степени подвержены разрушению под воздействием ветровой эрозии почвы. Большинство из известных на территории Мало- и Большеземельской тундры объектов археологии полностью разрушены выдувами и не дают возможность представить достаточно объективную картину прошлых веков.

В этой связи поиск и исследование сохранившихся мест обитания предшествующих поколений должны быть приоритетными при изучении древней истории края, так как именно они открывают перед нами новые возможности для воссоздания более правдивой и непротиворечивой картины прошлого. С учётом сказанного в настоящий очерк были включены преимущественно исследованные раскопками археологические памятники.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ МАЛОЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Заполярные области между Канинским и Югорским п-овами — самый слабо исследованный район на археологической карте европейской части России.

Интересующая нас территория находится в западной части Ненецкого автономного округа. Это — Канинская тундра, которая является до настоящего

времени наименее изученной областью арктической зоны европейской части России. Археологические памятники, известные по публикациям, расположены на п-ве Канин и на р. Пёше. Коллекции с Канинского п-ва представлены только кремневыми наконечниками стрел и отщепами, собранными в двух пунктах геологами в 1959 и 1961 гг. (Лузгин, 1963)². На р. Пёше в 1973 г., в результате археологических разведочных работ, были открыты два поселения: раннего железного века с жилищами и эпохи бронзы, материал из которых представлен фрагментами керамических сосудов, кремневым инвентарём и остатками плавки металла (Лузгин, 1974. С. 20). В 1993 г. к западу от устья р. Индиги и в устье р. Лямчина было открыто 11 разновременных памятников, три из которых содержали керамику эпохи средневековья, собранную на разрушенных участках археологических памятников, — стоянки Покойничный I, Лямчин III, Лямчин IV (Павлов, 1994; Мурыгин, Карманов, Кленов, 2012).

В 2013 г. археологи ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (А. М. Мурыгин, г. Сыктывкар) совместно с работниками Ненецкого краеведческого музея (НКМ, г. Нарьян-Мар) провели в Канинской тундре исследования с целью выявления новых археологических памятников. Археологической разведкой впервые была охвачена долина

Илл. 1. Ненецкий автономный округ. Карта расположения археологических памятников эпохи железа с исследованным культурным слоем. 1 – поселение Сударма I, 2 – Сударма II, 3 – поселение Мина Виска I, 4 – поселение Средний Гусинец, 5 – стоянка Большой Гусинец I, 6 – поселение Коткино I, 7 – городище Гнилка, 8 – святилище Гнилка, 9 – городище Кобылиха, 10 – поселение Югорская сопка, 11 – стоянка Салиндейты 3, 12 – Ортинское городище, 13 – поселение Коматывис I, 14 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, 15 – поселение Море-Ю II, 16 – поселение Хутыюнкосе I, 17 – поселение Мыс Входной

² В Ненецком краеведческом музее (г. Нарьян-Мар) хранятся ещё два кремневых наконечника эпохи бронзы, происходящих с п-ва Канин. Один из них найден в 2009 или 2010 г., примерно в 30 км южнее дер. Кия, другой — на берегу озера в нижнем течении Щучьей Виски (бассейн р. Чеси) в 2006 г.

р. Омы, на участке около 100 км — от устья р. Рубихи (левый приток р. Омы) до нежилой д. Сахарово. Река Ома протекает с юга на север по низменной заболоченной местности и впадает в Чешскую губу Баренцева моря (Мурыгин, 2015).

Первые сведения о находках археологических предметов на р. Оме относятся к 1970-м гг. В НОКМ хранятся два кремневых наконечника стрел эпохи бронзы — листовидной и треугольной формы с выделенным черешком. Они были найдены в 1971 г. Н. В. Кругловым в окрестностях д. Ома на берегу одноимённой реки, в местности под названием «Заборье». В 2007 г. в материалах конференции «VI Малые Аввакумовские чтения» была опубликована статья, в которой приведены сведения о том, что в школе д. Ома имеется коллекция археологических предметов из кремня (25 экз.), принесённых в кабинет истории учениками школы. Точные данные о месте сбора этих предметов в издании не приводятся. Указано лишь, что все материалы были найдены *«в разное время на правом берегу р. Ома, среди прибрежных камней, на участке длиной примерно 1000–800 м»* (Михеев, 2007). Из этого комплекса к археологическим находкам можно отнести не менее 14 предметов. В их число входят наконечники стрел, скребок и крупные отщепы, предположительно датирующиеся энеолитом — эпохой бронзы.

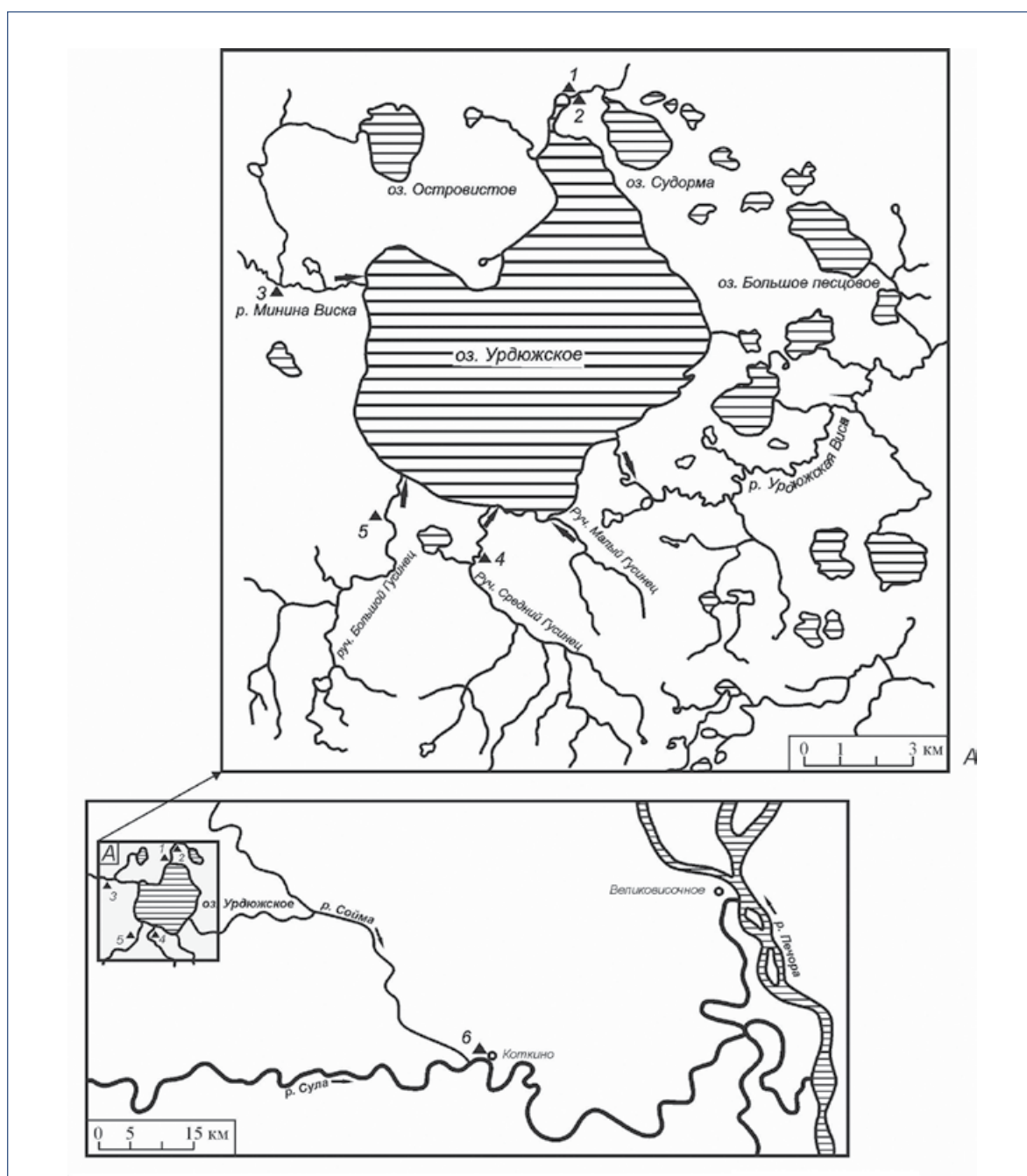
В результате разведки в районе д. Ома в шести пунктах был собран подъёмный материал (Ома I–VI). Каменная индустрия этих памятников свидетельствует о бытовании стоянок в рамках энеолита — эпохи бронзы. Уточнение культурно-хронологической атрибуции выявленных объектов станет возможным только после их раскопок.

Археологические памятники, содержащие артефакты эпохи железа, были выявлены в 1975 г., в районе Урдюжского озера, соединяющегося через Урдюжскую виску и р. Сойму с р. Сулой (левый приток нижней Печоры). Здесь, а также в районе дер. Коткино на р. Суле, было найдено 12 разновременных археологических памятников, в том числе содержащих культурные напластования эпохи железа (илл. 1) (Лузгин, Мурыгин, 1976; Лузгин, Мурыгин, Карманов, 2015).

Поселение Сударма I. Разновременный памятник. Расположен в приустьевой части р. Судармская Виска, в 70 м от ее впадения в оз. Становое (илл. 2). Остатки древнего поселения были обнаружены на холме-останце овальной формы, площадью около 6000 кв. м (60 × 100 м) и высотой 8–9 м над меженным уровнем Судармской Виски. Три шурфа выявили наличие относительно мощного культурного слоя. Это позволило разбить на поселении три раскопа общей площадью 20 кв. м. Стратиграфия на всей исследованной площади аналогична: 1) дёрн — 5–16 см; 2) тёмно-коричневый гумусированный суглинок (культурный слой) с крупной галькой и обломками камней в нижней части (маркирующий горизонт) — 20–50 см; 3) сероватый суглинок — подстилающий слой. Находки залегали сразу под дёрном и до глубины 0,3–0,55 м от поверхности почвы. Остатки сооружений, кострищ и ям на исследованных участках не обнаружены.

Средняя мощность культурного слоя на раскопанной площади находилась в пределах от 20 до 50 см. Культурный слой имел однотонную окраску и относительно равномерно насыщен культурными остатками. Кремневый инвентарь представлен 319 предметами. Наиболее многочисленные в орудийном наборе скребки разнообразны по типу заготовки и характеру их обработки. Всё это указывает на многократность заселения территории памятника в пределах эпохи бронзы и раннего железного века.

Об этом же свидетельствует керамическая посуда, найденная на поселении. Её орнаментированные фрагменты принадлежат не менее чем 81 сосуду. Среди них типологически выделены пять групп, относящихся к эпохе бронзы (корша-

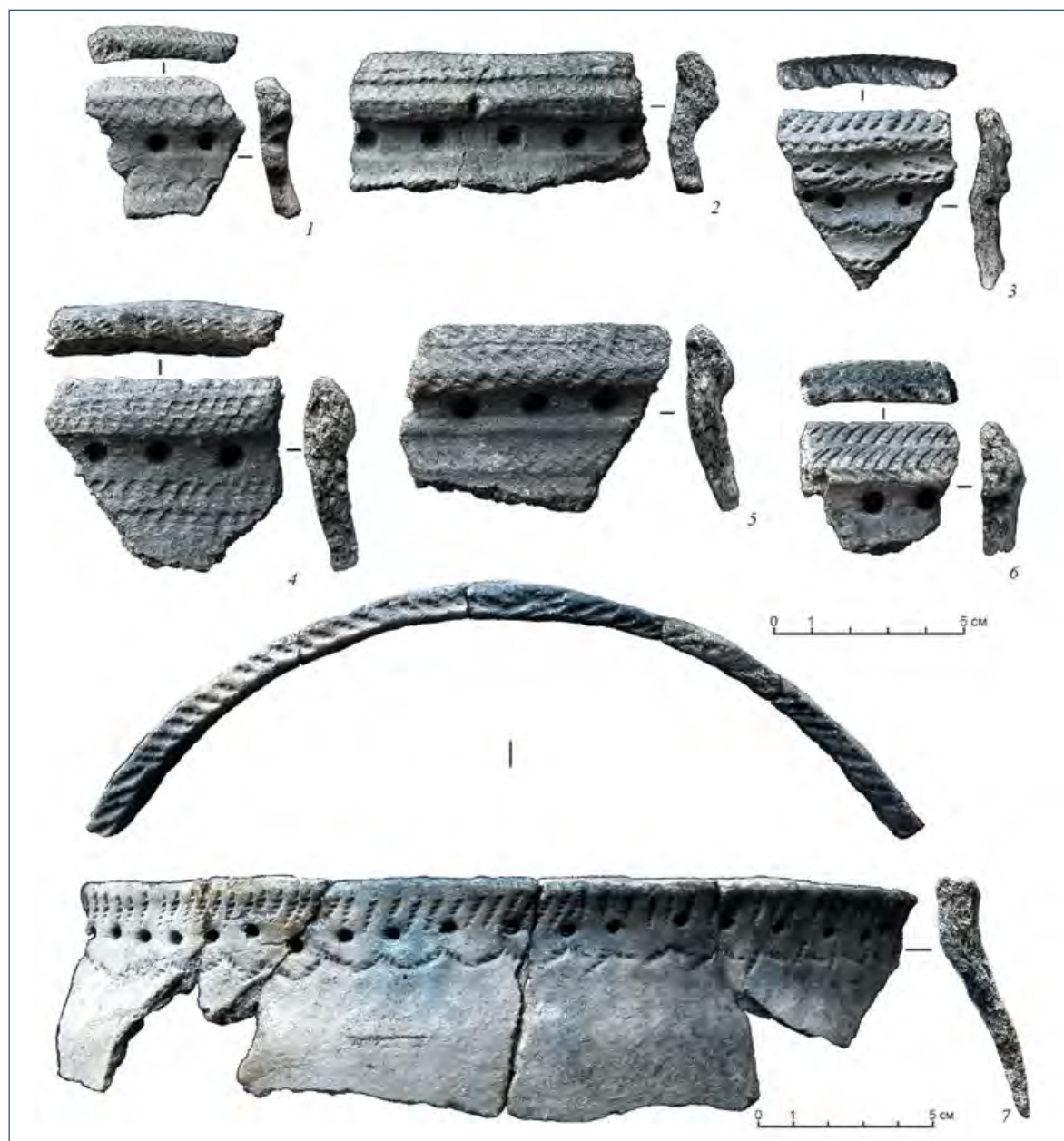

Илл. 2. Ненецкий автономный округ. Малоземельская тундра. Урдюжское озеро. Карта-схема расположения памятников эпохи железа. 1 – поселение Сударма I, 2 – Сударма II, 3 – поселение Минина Виска I, 4 – поселение Средний Гусинец, 5 – стоянка Большой Гусинец I, 6 – поселение Коткино I

ковская и лебяжская культура), к раннему (ананьинская культура) и позднему (ванвиздинская культура (?), керамика субарктического типа) периодам эпохи железа.

К I тыс. н. э. на поселениях определённо можно отнести фрагменты от одного сосуда. Он имеет ближайшие аналогии в памятниках ванвиздинской культуры (?) (2-я пол. I тыс. н. э.) (илл. 3, 7). К керамической посуде субарктического типа, которая приурочена своим ареалом к тундровой зоне и не имеет надёжного хронологического положения в рамках эпохи железа, относятся не менее чем 23 сосуда (илл. 3, 1–6). Возраст субарктической керамики поселения Сударма I, в связи с общей слабой разработанностью хронологии тундровой керамики и многослой-

ным характером памятника, однозначно не определяется. Одну часть сосудов этого типа, вероятно, можно определить лишь приблизительно — в пределах I тысячелетия до н. э., другую — отнести к более позднему времени (I тыс. н. э.).

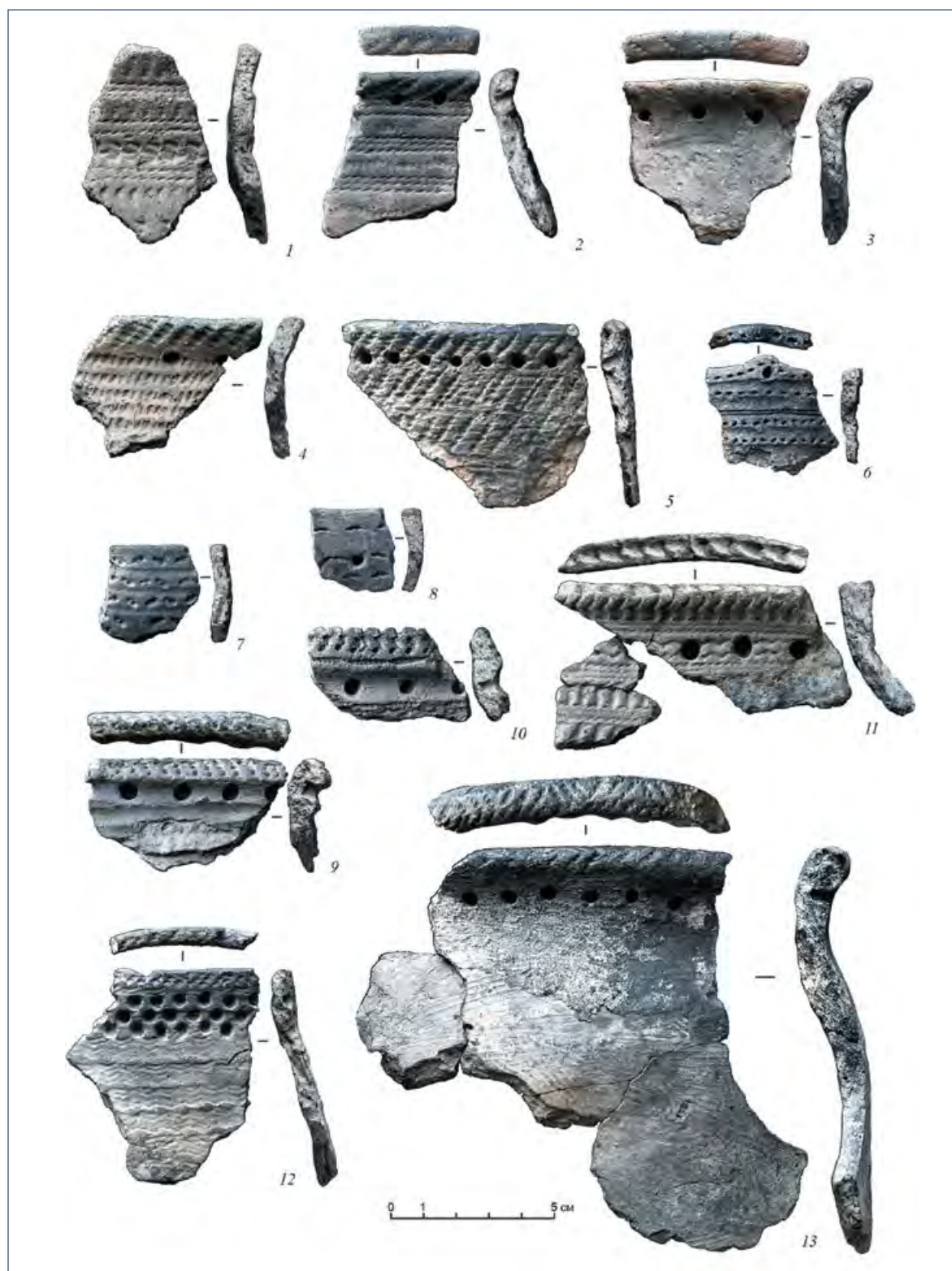
Илл. 3. Ненецкий автономный округ. Малоземельская тундра. Урдюжское озеро. Поселение Сударма I. Фрагменты сосудов. Керамика

Поселение Сударма II. Расположено в 200 м восточнее поселения Сударма I, на левом берегу р. Судармская Виска, на холме-останце овальной формы в плане. Высота холма составляет 6 м над окружающей его кочковатой заболоченной поверхностью. Находки обнаружены в двух пунктах.

Пункт А. Находки из этого пункта относятся к эпохе железа и датируются в широких пределах I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

Пункт Б. В шурфе найдено 33 неорнаментированных фрагмента керамических сосудов, в т. ч. днища, крупный отщеп и двухгранная пластина без вторичной обработки. Наиболее вероятный возраст этих материалов II тыс. до н. э. — сер. I тыс. н. э.

Поселение Минина Виска I. Разновременный памятник. Расположен на правом берегу р. Минина Виска, в 5 км от её впадения в Урдюжское озеро, против устья левого безымянного притока. Поселение расположено на мысовидном выступе 3-метровой террасы, заросшем елово-берёзовым лесом и хорошо задернованном зеленомошником; южнее мыс ограничен кочковатой.

Илл. 4. Ненецкий автономный округ. Малоземельская тундра. Урдюжское озеро. Поселение Минина Виска I. Фрагменты сосудов. Керамика

В средней части мыса, размерами 20×30 м, заложен шурф и раскоп, общей площадью 6,5 кв. м. Стратиграфия раскопа: 1) дёрн — 5–7 см; 2) суглинок коричневатого цвета (культурный слой) — 10–30 см; 3) бурый суглинок с галечником — подстилающий слой. Культурные остатки залежали в слое коричневатого суглинка сразу под дёрном и до глубины 0,37 м от поверхности. В северо-восточной части раскопа, в слое коричневатого суглинка на глубине 14–20 см расчищена часть ямы овальной формы (около 120×100 см), впущенная в подстилающий слой до 26 см, и глубиной 45 см от поверхности. Днище ямы покрыто толстым, до 2 см, плотным углистым слоем. Яма была заполнена темноокрашенной породой с угольками. В яме и вокруг неё найдено большое количество гальки и обожжённых треснувших камней. Следы двух небольших углистых пятен, содержавшие скопления керамики, сохранились юго-западнее ямы (на глубине 15–20 см). Культурный слой по площади и глубине равномерно насыщен культурными остатками в виде обломков керамики, кремневых изделий и отходов кремневого производства. Относительно меньше их найдено в пределах ямы.

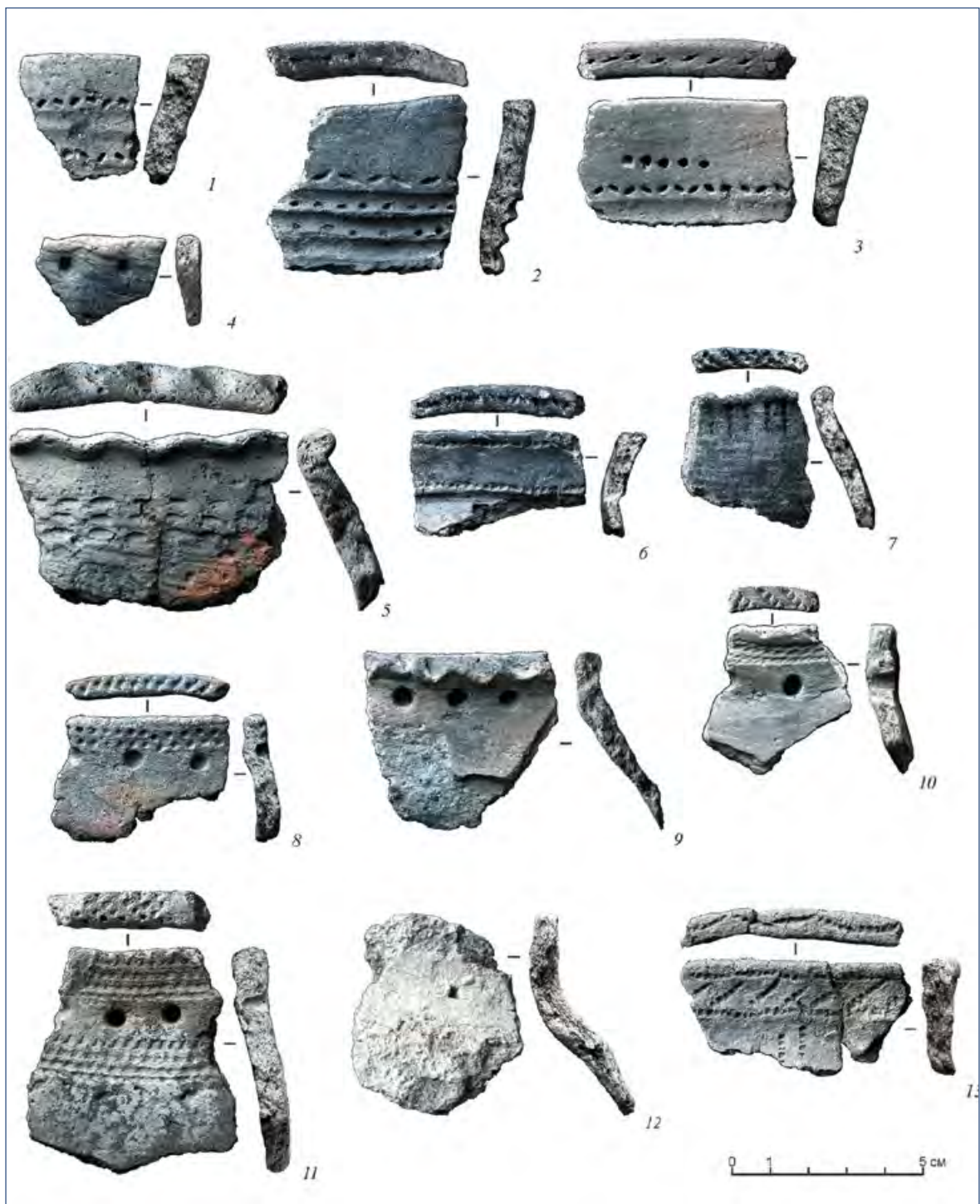
Коллекция поселения Минина Виска I представлена 696 предметами: кремневыми изделиями, некременным осколком, фрагментами керамических сосудов, железной скобой.

Керамическая коллекция поселения Минина Виска I представлена 528 фрагментами не менее чем 42 сосудов (илл. 4; 5, 1–10). Типологический анализ керамики и имеющиеся аналогии на памятниках европейского Северо-Востока позволяют выделить, по крайней мере, пять периодов заселения территории памятника: 1, 2) эпоха бронзы (коршаковская и лебяжская культура), 3, 4) ранний железный век: ананьинская и гляденовская культуры, 5) поздний железный век (керамика субарктического типа).

Поселение Средний Гусинец. Расположено на правом берегу р. Средний Гусинец, в 2,5 км от её впадения в Урдюжское озеро. На поверхности слабо задернованной осыпи 3-метровой террасы, поросшей смешанным лесом, были обнаружены два обломка керамики. Зачистка обрывистого края террасы, сделанная над местом находок подъёмного материала, выявила остатки культурного слоя в виде гумусированной прослойки тёмного цвета мощностью до 8 см, залегавшей под дёрном толщиной 5 см. В зачистке найдены обломки стенок без орнамента (15 экз.), один обломок венчика, орнаментированный обломок стенки и два кремневых обломка (илл. 5, 11). Кроме этого, встречены обломки кальцинированных косточек и обожжённых камней. По-видимому, здесь находились остатки очага, уничтоженного оползнем.

Орнаментированные фрагменты керамики принадлежали одному сосуду, который имеет аналогии в кругу памятников ванвиздинского типа и датирует поселение I тыс. н. э.

Стоянка Большой Гусинец I. Расположена на левом берегу р. Большой Гусинец, в 2,5 км от её впадения в Урдюжское озеро. Стоянка расположена на 5-метровом мысовидном выступе террасы, ограниченного с северо-востока руслом р. Большой Гусинец, а с запада — логом, по которому протекает безымянный ручей. Поверхность мыса поросла густым березняком с редкой примесью ели (илл. 5, 7), переходящих к югу в тундровый ландшафт. В 12 м от края мыса, на задернованном участке, заложен шурф (1×1 м до глубины 20 см). Строение почвы: 1) дёрн — 4–5 см; 2) коричневатый суглинок — 5–12 см; 3) серая глина — подстилающий слой. Культурные остатки в виде обломков керамики залежали непосредственно под дёрном до глубины 10 см.

Илл. 5. Ненецкий автономный округ. Малоземельская тундра. Урдюжское озеро. Вещевой инвентарь памятников. 1–10 – поселение Минина Виска I; 11 – поселение Средний Гусинец; 12, 13 – стоянка Большой Гусинец I. Фрагменты сосудов. Керамика

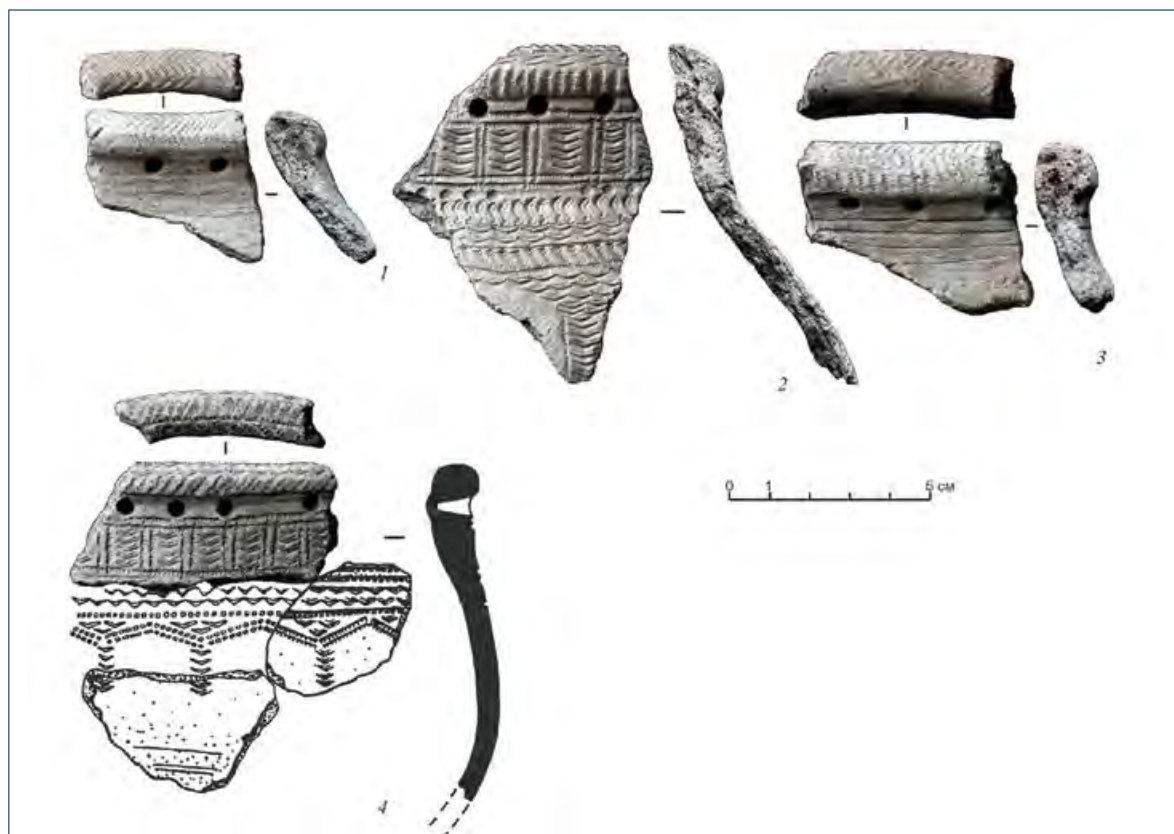
Девять орнаментированных фрагментов принадлежали не менее чем двум сосудам (илл. 5, 12, 13) раннего этапа ананьинской культуры.

Поселение Коткино I. Расположено вблизи западной оконечности старичного озера Большое Домашнее, в 1,5–2 км северо-западнее д. Коткино, и приурочено к прикраевому участку террасы высотой до 3 м. От озера террасу отделяет заболоченная пойма шириной до 150 м. В 6 м от бровки террасы вблизи пересечения лесной грунтовой дороги с небольшим логом, на хорошо задернованной площадке,

свободной от деревьев, заложен шурф (1,5 × 1,5, глубиной 0,4 м). Культурный слой представлен рыхлым жёлтым песком с серыми зольными пятнами, прослойками бурого песка и мелкими фрагментами древесных углей. Мощность отложений 0,10–0,25 м.

В шурфе были изучены остатки двух кострищ, заполнение которых включало мелкие фрагменты углей и обломки кальцинированных костей животных. Первое имело размеры 1,25 × 0,8 и мощность 0,05–0,1 м. Оно перекрывало конусовидное углубление округлой формы, размерами 0,5 × 0,65 и мощностью 0,1 м, врезанное в подстилающий слой на 0,03–0,08 м. Вся днищевая часть углубления была покрыта плотным слоем спёкшейся основной породы и углистого материала толщиной около 0,02 м. Такая же прослойка обнаружена и под скоплением керамики в верхней части углубления. Заполнение его, очень плотное, интенсивного чёрного цвета, содержало массу угольков и очень мелких обломков кальцинированных костей животных. Второе кострище изучено частично. Большинство находок приурочено к кострищам и лишь незначительное количество залегало за их пределами.

Коллекция состоит из 121 фрагмента керамики (из них 35 — орнаментированы), шести кусков шлака и одного кремневого отщепка. Орнаментированные обломки керамики принадлежали не менее чем четырём сосудам (илл. 6) первой половины II тыс. н. э. Из числа опубликованных материалов ближайшие аналогии известны на памятниках Нижней Печоры — Новый Бор I–IV (Plusnin, 1992), Кобылиха (Барышев, 2010). Близкая по форме и орнаменту глиняная посуда имеется в коллекциях из раскопок на Ортинском городище и на Городецком городище-святилище (фонды Ненецкого окружного краеведческого музея, г. Нарьян-Мар) на нижней Печоре (Ясински, Овсянников, 1998; 2003) и др.

Илл. 6. Ненецкий автономный округ. Малоземельская тундра. Р. Сула. Поселение Коткино I. Фрагменты сосудов. Керамика

Кроме этого, в 1992–2007 гг. в рамках охранных археологических исследований в зонах промышленного освоения в Малоземельской тундре новые памятники археологии выявлены в районе устья р. Индиги — стоянка Покойничный I, стоянка Лямчин III, стоянка Лямчин IV (Мурыгин, Карманов, Кленов, 2012). На них собран подъёмный материал, представленный фрагментами керамических сосудов. По морфологическим признакам (примесь в глину, форма, орнамент) они не выпадают из типологического ряда керамики, характерной для населения тундровой зоны эпохи средневековья. Это позволяет датировать памятники временем не ранее 2-й пол. I тыс. н. э.

Полученные материалы малочисленны, но достаточны, чтобы выявить наличие здесь керамических материалов ананьинского и гляденовского типов, а также расширить ареал субарктической культуры до исследованных районов Малоземельской тундры.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (VIII в. до н. э. — сер. I тыс. н. э.)

Эпоха раннего железного века тундровой зоны европейского северо-востока документирована очень слабо. Она не даёт полного представления о прошлом населения тундровой полосы этого региона России в это время.

На территории Мало- и Большеземельской тундр выявлены только единичные фрагменты ямочно-гребенчато-шнуровой керамики, находящие аналогии на памятниках ананьинской и гляденовской историко-культурных общностей (ИКО), которые в своих северных вариантах локализованы преимущественно в таёжной полосе европейского северо-востока. Крайне незначительное число находок ананьинской и гляденовской керамической посуды на Крайнем Севере указывает лишь на эпизодическое проникновение в Заполярье небольших групп таёжного населения по долине р. Печоры, а по её притокам на водораздельные озёра Северного Тимана и Урдюжское озеро в Малоземельской тундре (илл. 1).

Континентальная часть территории крайнего северо-востока европейской части России в раннем железном веке осваивалась населением «субарктической» археологической культуры. Большинство источников представлены сборами подъёмного материала на разрушенных выдувами стоянках. Опорным археологическим памятником «субарктической» археологической культуры для этого периода времени является поселение Море-Ю II.

Поселение Море-Ю II (илл. 1) находится на удалении около 60 км от побережья Хайпудырской губы Печорского моря (акватория в юго-восточной части Баренцева моря), на 30-метровом участке правого берега р. Море-Ю (Большеземельская тундра), в районе реликтового елово-берёзового редколесья (илл. 7). В 1967 г. здесь В. И. Канивцом на поверхности котловин выдувания (поселение Море-Ю) был собран подъёмный материал (Канивец, Отчет 1967. С. 18; Мурыгин, 1990), привязка которого к местности отсутствовала. Раскопки поселения в районе сборов В. И. Канивца произведены в 1987–1988, 1991 гг. Частично опубликованы только результаты исследований 1987–88 гг. (Мурыгин, 1992. С. 68–75,

*Илл. 7. Ненецкий автономный округ. Поселение Море-Ю II.
Общий вид на местоположение памятника. Снимок с юго-запада*

рис. 30–32). В 2007 г. место расположения памятника обследовано археологическим отрядом Архангельского областного краеведческого музея, собран подъёмный материал (Едовин, Отчёт 2007).

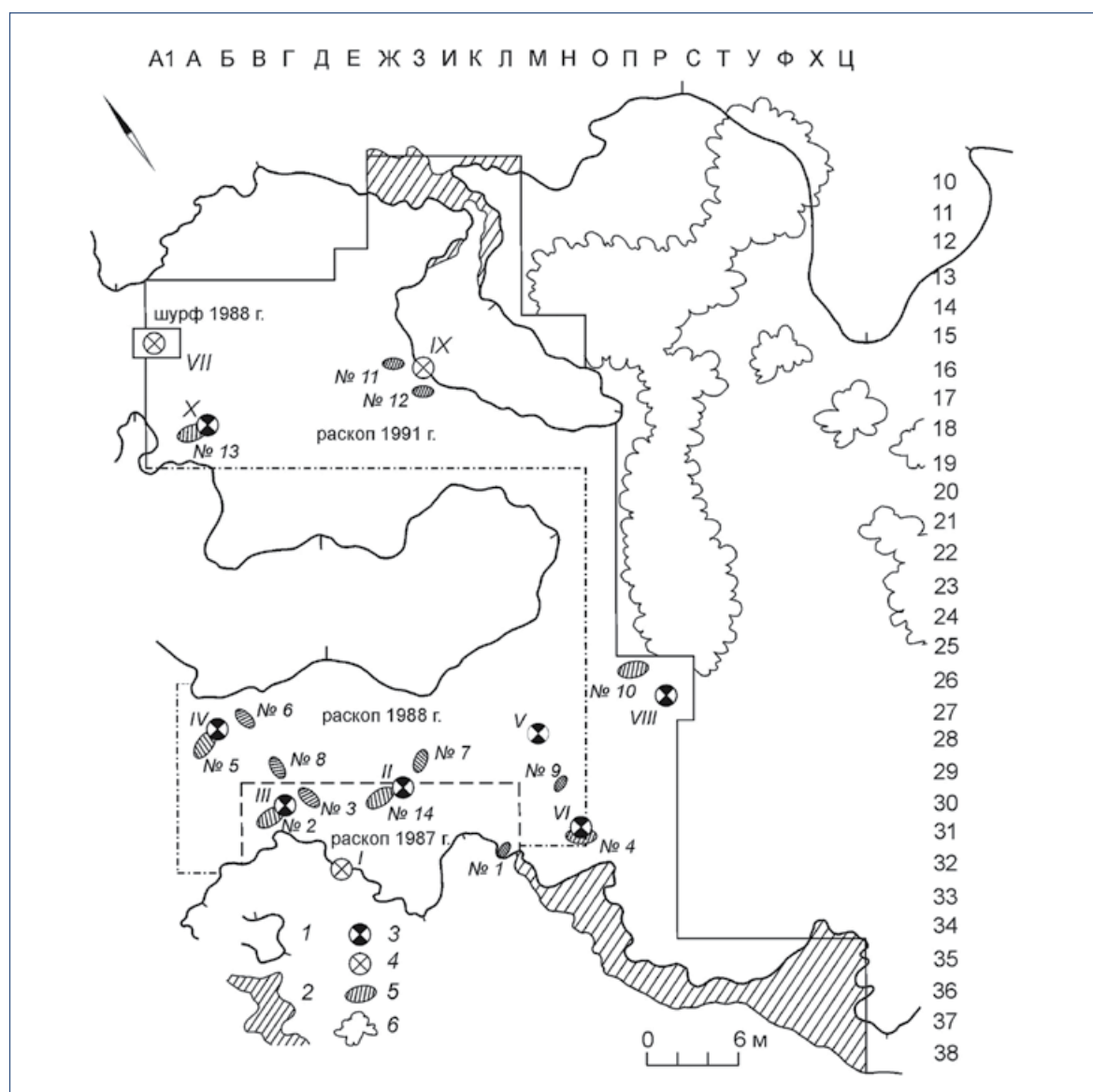
Верха берега, на котором расположено поселение Море-Ю II, сильно разрушены выдувами. Раскоп (около 1014 кв. м) был заложен на сохранившихся участках поверхности, в 150–200 м от края террасы (илл. 8). На большей части изученной площади памятника были представлены сменяющиеся по вертикали слои золотых отложений и два (верхний и нижний) погребённых подзолистых почвенных горизонта, разделённых слоем навейных песков. Подстилающий — тёмно-жёлтый песок с твёрдыми ортштейновыми включениями в верхней части. Культурные остатки залегали под слоем желтовато-серого, горизонтально-слоистого золотого песка мощностью 8–170 см с тонким (1 см) зелёномошным покрытием. Они были приурочены к верхнему погребённому почвенному горизонту (культуросодержащий слой), толщиной 2–12 см. Находки располагались, как правило, в основании верхнего подзолистого горизонта и были несколько перекрыты белёсым песком. Только в двух случаях керамика была найдена в жёлтом песке, до глубины 5–7 см ниже основания верхнего погребённого подзолистого горизонта. Нижний погребённый подзолистый горизонт, отделённый от верхнего слоя равномерно и однотонно окрашенного жёлтого песка толщиной 2–100 см, представлен белым осветлённым песком (мощность 2–26 см) без находок.

На раскопе находки тяготели к кострищам (как неповрежденным, так и разрушенным), концентрируясь на ограниченных участках в виде развалов сосудов, скоплений керамики и фаунистического материала.

На раскопе выявлены три типа объектов.

1. **Впадина.** Форма — почти прямоугольная (6,3 × 3,3–3,6 м) с двумя противоположными суженными концами (Мурыгин, 1992. Рис. 31; 32, профиль III). В плане и профиле фиксировалась пятнистой окраской заполнявшего её песка. За её пределами залегали однотонные по цвету горизонты белёсого и жёлтого песка. В границах впадины смешанное заполнение прослеживалось местами до основания погребённого подзола. Происхождение и назначение объекта неясно. Он мог быть изначально искусственным сооружением (слабо углублённая наземная постройка с двумя выходами) или приспособленной для этих целей естественной западиной, либо впадина является естественным углублением, образованным стоком вод по склону террасы.

2. **Кострища** (илл. 8). В верхнем погребённом подзолистом горизонте расчищено десять темноцветных зольно-углистых линз. Два из них разрушены яреями

Илл. 8. Ненецкий автономный округ. Поселение Море-Ю II.

Схема расположения исследованных участков и объектов. Условные обозначения: 1 — граница обрывистого края ярея, 2 — участки сохранившегося культуросодержащего слоя в ярее, 3 — кострища сохранившиеся, 4 — кострища разрушенные; 5 — скопления костей животных, 6 — кустарник (римскими цифрами обозначены кострища, арабскими — скопления костного материала)

(№№ I, IX). Заполнение представлено, как правило, обломками глиняных сосудов и костями животных. Кроме этого найдены железные и бронзовые обломки, железные наконечники стрел, битрапецидные бронзовые бусы, обломки стеклянной бусины и железной дужки (?), обломок бронзовой пронизки, стеклянной бусины и железные язычки от пряжек (?). Из числа сохранившихся выделено две группы кострищ.

Первая группа (№№ III, IV, VIII, X). Зольно-углистое пятно имело выраженную подквадратно-подпрямоугольную форму и было резко отграничено в плане и профиле от окружающего песка. Заполнение густого чёрного цвета, структура очень плотная.

Вторая группа (№№ II, V–VII). Зольно-углистое пятно имело неправильную форму и нечёткий переход в окружающий песок. Заполнение серовато-коричневое, структура рыхлая. Граница зольно-углистой линзы с окружающим песком неровная, подзол частично перекрывал кострище. В кострище № II выделялась прослойка спёкшегося песка серо-стального цвета. Последнее обстоятельство, в совокупности с находками сильно ошлакованного сосуда и шлаками, свидетельствует о том, что кострище № II, возможно, служило местом обработки металла. Аналогичная прослойка зафиксирована также в основании кострища № VIII.

3. Пятна гумусированного песка (илл. 8). В культуросодержащем слое памятника зафиксировано 13 участков песка коричневого цвета, различных по форме и размерам, толщиной 4–8 см. В заполнении содержались, как правило, сырые кости животных и фрагменты керамики. Они отличались между собой, в частности, количественным соотношением керамического и костного материала. Для гумусированных пятен №№ 2, 4, 5, примыкающих к кострищам № III, IV, VI, а также расположенных рядом с ними (№№ 8, 9), характерно преобладание костей при единичности фрагментов керамики. Для гумусированных пятен №№ 1, 3, 6, 7, 10–13, одно из которых (№ 13) примыкало к кострищу № X, характерно большое количество обломков керамики (в том числе развалы сосудов) при незначительном числе сырых костей. В пределах впадины у края кострища № II (илл. 8) расчищено ещё одно скопление сырых костей животных (№ 14). Кости плотной массой заполняли темно-серую, местами коричневатую-чёрную плотную песчаную линзу, мощностью 18–20 см. Под скоплением найден развал крупного сосуда. В основании линзы зафиксирована тонкая (1 см) твёрдая углистая прослойка. Кости и керамика лежали на жёлтом песке с углистыми включениями, разделяющим верхний и нижний погребённые подзолистые горизонты почвы.

Вещевой инвентарь памятника

Вещевой инвентарь включал 10272 фрагмента керамики, 5170 обломков костей животных, 18 идентифицируемых изделий, 48 неопределимых железных обломков, пять слесков цветного металла, плитчатый камень со следами использования, два обломка кости со следами обработки, 21 шлак.

В погребённом культуросодержащем слое найдено 15 идентифицируемых предметов (илл. 9).

Наконечники стрел (железо). 1) Гранёный, черешковый, шиловидный квадратного сечения с простым упором (илл. 9, 10). Близок наконечникам типа 90, появившихся на рубеже нашей эры и употреблявшихся до XIV в. и позднее (Медведев, 1966. С. 59, табл. 30Г, 82). 2) Плоский черешковый, вытянуто-треугольный (илл. 9, 11). По западносибирским материалам использовались с конца I тыс. до этнографической современности (Соловьев, 1987. Табл. III, 24, 25).

Илл. 9. Ненецкий автономный округ. Поселение Море-Ю II. Вещевой инвентарь. 1-5 – бусы, 6 – подвеска, 7 – прошивка, 8 – культовый предмет, 9 – клык животного (амулет?), 10-14, 17 – наконечники стрел, 15 – шило, 16 – лопаточка, 18 – ложило (?) (1-3 – стекло, 4-8, 12, 14 – бронза, 9, 16 – кость, 10, 11, 13, 15, 17 – железо, 18 – камень)

3) Плоский черешковый, двушипный без упора (илл. 9, 17). Близок наконечникам стрел типа 29, распространённых с I в. до н. э. до XIV в. н. э. (Медведев, 1966. С. 44, табл. 18, 10). 4) Килевидный с плоским черешком (илл. 9, 12). Стороны пера выпуклые, плечики вогнутые, переходят в черешок плавно; на обеих сторонах плоскости пера намечены грани.

Орудия труда. 1) Абразивный инструмент или ложило (илл. 9, 18). Камень (сланец). 2) «Лопаточка» (илл. 9, 16). Кость.

Украшения. 1) Бусина фаянсовая (?) округло-ребристая бирюзового цвета; продольное сечение трапециевидное (илл. 9, 1). Находит аналогии среди подобных украшений из Северного Причерноморья (Алексеева, 1975. Табл. 5, 30). Сходные бусины из египетского фаянса относятся к типу 16г и в своём большинстве происходят из погребений I–II вв. н. э., отдельные комплексы заходят в I в. до н. э., а также в IV в. н. э., известны в III в. н. э. (Алексеева, 1975. С. 34). Аналогичное изделие, обнаруженное при раскопках поселения Бичевник I на средней Печоре, отнесено к комплексу перв. пол. – сер. I тыс. н. э. (Туркина, 2015. С. 83; рис. 5, 6); 2) Бусина желтоватого цвета (илл. 9, 2). Стекло. Обломок. 3) Бусина желтоватого цвета (илл. 9, 3). Стекло. Обломок. 4, 5) Бусы мелкие битрапециевидные (2 экз.; илл. 9, 4, 5). Бронза. 6) Пронизка (илл. 9, 7). Бронза. Обломок. Снаружи просматриваются остатки «ушек» (?) и концентрический орнамент из двух рельефных полосок. 7) Подвеска (илл. 9, 6). Бронза. Основа прорезная, круглая в виде впаянных друг в друга трёх проволочных колец; сверху припаяно ушко для привешивания.

Предметы культа. 1) Зооморфный культовый предмет (илл. 9, 8). Бронза. Грубо изготовленная и необработанная отливка с литничком-стойкой в основании. Близкие изделия представлены в культовых поделках Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места на р. Море-Ю (Мурыгин, 1992. Рис. 14; 15, 16–22) и святилищ о-ва Вайгач – Болванский Нос I (Хлобыстин, 1993. Рис. 1, 32) и Сиртя-Сале (Хлобыстин, 1991. С. 31–32; Рис. 10, 11, 13; Барышев, 2011. Рис. 42, 4–7); 2) «Амулет» из клыка медведя (?) (илл. 9, 9). Кость.

Вне культуросодержащего слоя среди скопления подъёмного материала в виде обломков керамики и мелких кальцинированных косточек животных, сползавших из разрушенного кострища № I, найдены: железное шило (илл. 9, 15) и бракованная (?) отливка или заготовка массивного бронзового наконечника с внутренней не выступающей втулкой, намеченными лопастями или гранями и небольшим сквозным отверстием у острия (илл. 9, 14). Нельзя утверждать, но этот предмет можно сопоставить, например, с бронзовыми наконечниками стрел типа XIII, получивших, в числе прочих, распространение в IV–II вв. до н. э. у сармат Поволжья и Приуралья (Иванов, 1984. С. 7–9, рис. 2, 23–24, 26, 27). В подъёмном материале, относящемся к разрушенному кострищу № IX, найден обломок острия бронзового трёхлопастного наконечника стрелы (илл. 9, 12).

Керамика

Керамические изделия представлены обломками сосудов. Из числа орнаментированных фрагментов определены как отдельные не менее 126 экземпляров (илл. 10–12). За некоторыми исключениями керамика памятника достаточно однородна. По особенностям орнамента, места его расположения на верхней части тулова и деталям формы сосудов выделено семь формально-типологических групп. На раскопе ни одна из них планиграфически не выделяется.

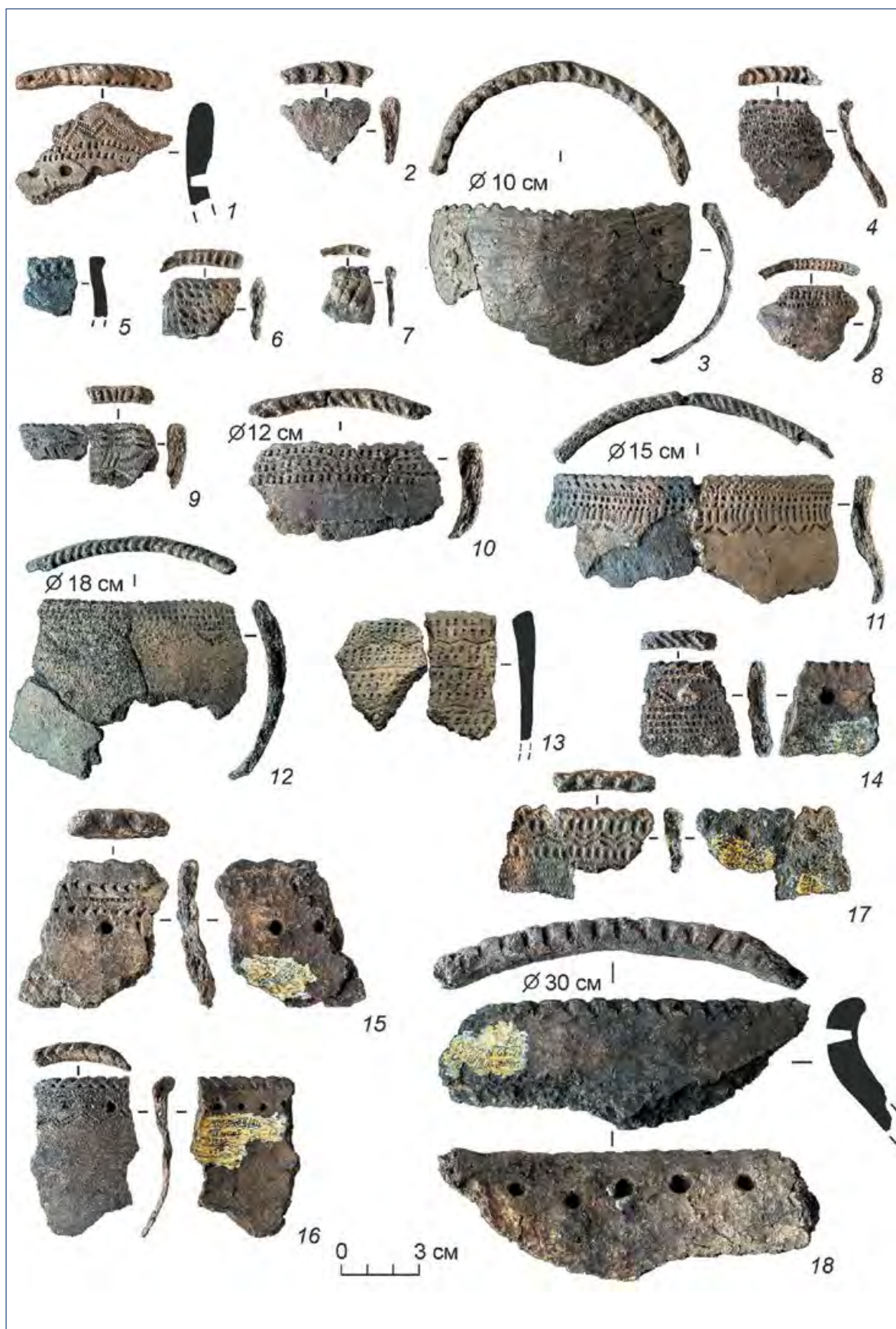
I группа (илл. 10). Сосуды украшены только по венчику.

II группа (илл. 10, 4–13). Ямки как элемент орнамента внешней части тулова отсутствуют.

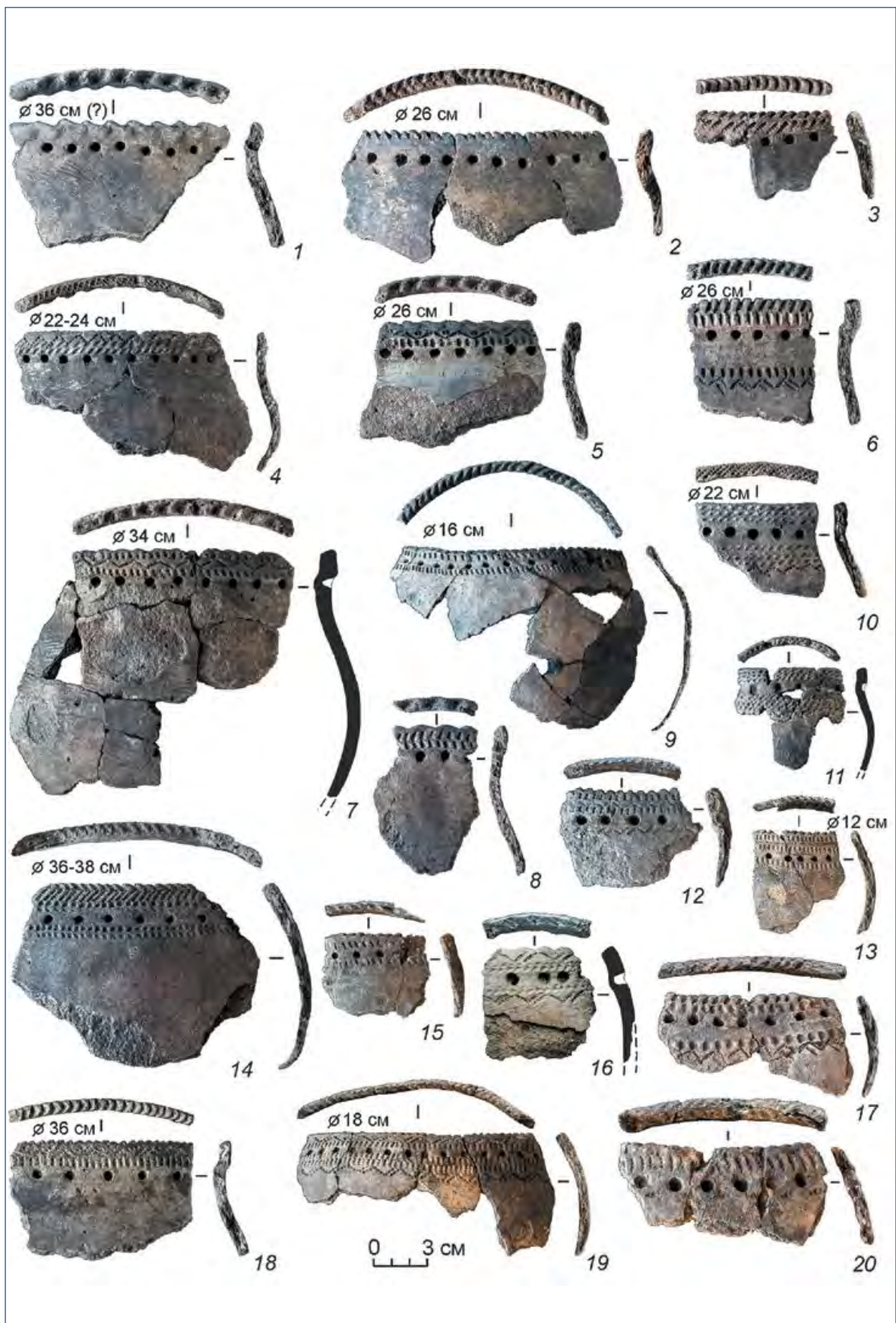
III группа (илл. 10, 14–18). Отличительной чертой орнамента является нанесение ямок изнутри сосуда.

IV группа (илл. 11, 1, 2). Украшены снаружи только горизонтальным рядом ямок в основании шейки.

V группа (илл. 11, 3–20; илл. 12, 1–7, 9–11, 13, 14, 17, 18).

Илл. 10. Ненецкий автономный округ. Поселение Море-Ю II. Фрагменты сосудов. Керамика.
 I группа – 2, 3; II группа – 4–13; III группа – 14–18; VII группа – 1

Илл. 11. Ненецкий автономный округ. Поселение Море-Ю II. Фрагменты сосудов.
Керамика. IV группа – 1, 2; V группа – 3–20

Илл. 12. Ненецкий автономный округ. Поселение Море-Ю II. Фрагменты сосудов.
 Керамика. V группа – 1-7, 9-11, 13, 14, 17, 18; VI группа – 8, 12, 15, 16

VI группа (илл. 12, 8, 12, 15, 16). Отличаются от V группы формой верхней части в виде равноуголщённой прямой или отогнутой шейки, при сходстве в элементах орнамента и узорах. В отдельную — условно.

VII группа — выделен сосуд с характерным выступом на венчике (илл. 10, 1).

Полностью или почти полностью реконструированная посуда немногочисленна. Среди них: закрытые чаши с суженным устьем без выделенной шейки, чашевидный сосуд с суженным устьем, почти шаровидным туловом и короткой равноуголщённой отогнутой шейкой, сосуды полуяйцевидной формы с приотстрённым дном и утолщённой шейкой. Однако в своём большинстве керамика фрагментирована и достоверно можно судить только о конфигурации верхней части, среди которых преобладают сосуды с утолщённой шейкой (58,2%). Остальные варианты оформления края немногочисленны: без шейки (19,1%; закрытые или прямостенные чаши), с отогнутой (14,5%) и прямой или наклонной (8,2%) шейкой. Диаметр по венчику, установленный у 50 сосудов, лежал в пределах: 8–10 см (3 экз.), 12–18 см (10 экз.), 20–29 см (16 экз.), 30–40 см (21 экз.). Вся посуда лепная. В глине преобладает примесь дресвы разной степени дробления. Один сосуд содержал примесь шамота (?) в глине. Не менее чем на 36 сосудах изнутри и (или) снаружи прослежены следы заглаживания в виде расчесов, на 22 — нагара.

Венчики сосудов: округлые (43 экз.; 39,1%), уплощённые скошенные внутрь (48; 43,6%) и наружу (2; 1,8%) или горизонтально срезаны (9; 8,2%), округло-уплощённые (8; 7,3%). Орнаментированы, как правило, оттисками зубчатого штампа (82,7%), которым наносился узор в виде наклонных и прямых оттисков (12,7%) или, преимущественно, шеврона или дуги (70,0%) (табл. № 1). Последние не всегда чётко различимы по форме, а также по типу оттиска — часть из них могла быть выполнена как вдавления зубчатым штампом (зубцы не проявились), либо иным инструментом. Часто узор на венчике наносился путём глубокого вдавления инструмента, он имел пильчатую поверхность и оттиски штампа захватывали внутреннюю или внешнюю прикраевую часть шейки. Пальцевые вдавления отмечены на 17,3% керамики.

Наиболее многочисленны на памятнике сосуды V группы (илл. 11; 12. 73,6%), общими признаками которой являются: 1) утолщённая шейка, трапециевидно-брусковидной и подтреугольно-трапециевидной формы с уплощённой или дуговидной внешней стороной; 2) минеральная примесь в глину; 3) глубокие ямки в основании шейки снаружи, как обязательный элемент; 4) горизонтальные каннелюры (желобчатые углубления); 5) печатная техника нанесения зубчатого штампа; 6) орнаментальная зона занимает верхнюю часть сосуда и у богато украшенной керамики густо насыщена узорами; 7) окаймление орнаментальной зоны зигзагообразным узором сверху и снизу, многозональное украшение шейки различными узорами или элементами, нанесение узоров в стыке каннелюр и в каннелюре; 8) орнамент характеризуется сочетанием глубоких ямок, горизонтальных желобков каннелюр, зубчатых оттисков, среди которых своеобразны двузубые — овальные и прямые; наряду с узорами из обычных вертикальных и наклонных оттисков, зигзага, выделяются горизонтальные оттиски штампа и сложно построенный зигзаг с удвоенной стороной и с заходящими концами, напоминающий по конфигурации горизонтальный эсовидный узор; 9) ямочно-гребенчато-каннелированный стиль орнаментации.

Остальная керамика (группы I–IV, VI, VII; илл. 10), скорее всего, также является формально-типологическими составляющими единого культурно-типологического комплекса поселения.

Обобщение материалов I тыс. н. э. тундровой области Печорского Приуралья привело автора к выводу о культурном единстве их носителей в рамках высокоширотной *субарктической* археологической культуры (Мурыгин, 1992). Название было обусловлено фактом географической приуроченности её ареала к Печорскому Заполярью на западе и Ямальским тундрам на востоке, где в поздних типах керамики она демонстрировала сходство с тиутейсалинскими комплексами.

На основе материалов поселения Море-Ю II, бытовавшего в рамках субарктической культуры сер. I тыс. н. э. — рубежа I–II тыс. н. э., был выделен культурный *тип Море-Ю*, время существования которого определено сер. I тыс. н. э., позднее — концом IV–VI вв. н. э. (Мурыгин, 1992. С. 163; 1997, рис. 18). Радиоуглеродное датирование костного материала (северный олень, коллаген) из культуросодержащего слоя поселения Море-Ю II³ позволило уточнить и пересмотреть время его функционирования. Получены семь калиброванных возрастных диапазонов (табл. 1).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты, установленные по костям северного оленя с поселения Море-Ю II (исследования 1987–1988, 1991 гг.)

№ образца	№ лаборатории	14C-дата, л. н.	Календарная дата	
			± 1σ (68,2%)	± 2σ (95,4%)
1	SPb-1059	1950 ± 50	18 (1,2%) — 15 гг. кал. до н. э. 1 (56,7%) — 90 гг. кал. н. э. 100 (10,2%) — 123 гг. кал. н. э.	54 гг. кал. до н. э. (94,2%) — 172 гг. кал. н. э. 193 (1,2%) — 210 гг. кал. н. э.
2	SPb-1447	2227 ± 75	381 (16,1%) — 341 гг. кал. до н. э. 328 (52,1%) — 204 гг. кал. до н. э.	408 (94,3%) — 89 гг. кал. до н. э. 75 (1,1%) — 58 гг. кал. до н. э.
3	SPb-2804	1240 ± 25	(47,0%) 690–749 гг. кал. н. э. (12,4%) 761–777 гг. кал. н. э. (4,5%) 793–802 гг. кал. н. э. (4,4%) 845–855 гг. кал. н. э.	(65,5%) 685–780 гг. кал. н. э. (29,9%) 788–875 гг. кал. н. э.
4	SPb-2805	2012 ± 35	(65,7%) 48 гг. кал. до н.э. — 26 гг. кал. н. э. (2,5%) 43–47 гг. кал. н. э.	(95,4%) 109 гг. кал. до н. э. — 70 гг. кал. н. э.
5	SPb-2806	2447 ± 35	(20,9%) 743–687 гг. кал. до н. э. (7,0%) 665–645 гг. кал. до н. э. (40,3%) 551–429 гг. кал. до н. э.	(24,9%) 755–680 гг. кал. до н. э. (15,3%) 671–607 гг. кал. до н. э. (55,2%) 597–409 гг. кал. до н. э.
6	SPb-2807	2667 ± 40	(7,5%) 891–880 гг. кал. до н.э. (60,7%) 845–799 гг. кал. до н.э.	(95,4%) 901–795 гг. кал. до н. э.
7	SPb-2808	9257 ± 100	(68,2%) 8606–8343 гг. кал. до н. э.	(95,4%) 8735– 8286 гг. кал. до н. э.

Приведённые данные по образцам №№ 1, 2, 4, 5 не позволяют корректно ограничить промежуток времени, в течение которого отложились культурные остатки поселения в погребённом почвенном горизонте. Однако они достаточны для того, чтобы отнести его к памятникам эпохи раннего железного века. Время существования поселения Море-Ю II крайними датами радиоуглеродного определения может быть установлено (по 2σ) периодом VI в. до н. э. — II в. н. э. Их вариабельность в указанных границах даёт возможность предполагать неоднократность посещения этого места, используемого в качестве постоянного охотничьего стойбища при добыче северного оленя. Не противоречит предложенной

³ Определение выполнено в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена, факультет географии, кафедра геологии и геоэкологии, изотропный центр, г. Санкт-Петербург.

датировке памятника и приемлемо датированный некерамический инвентарь, общая нижняя хронологическая граница которого варьирует примерно от конца I тыс. до н. э. до рубежа I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. или нач. I тыс. н. э.

Объяснить неадекватность радиоуглеродных значений по образцам №№ 3, 6, 7 из погребённого культуросодержащего почвенного горизонта памятника как относительно предыдущих, так и между собой, в настоящее время не представляется возможным и не позволяет использовать их для датирования поселения, прежде всего, из-за несоответствия полученным археологическим материалам. На правомерность такой интерпретации невалидных результатов по образцам №№ 3, 6, 7 объясняется явной типологической однородностью полученного керамического материала, который вряд ли мог существовать в таком неизменном виде на протяжении многих сотен лет — от X–VIII вв. до н. э. (обр. № 6) до VII–VIII вв. н. э. (обр. № 3) и, что очевидно, в раннемезолитическое время (обр. № 7).

ПОЗДНИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

(средневековье — середина I тыс. н. э. — XIII/XIV вв. н. э.)

Наиболее изученным периодом древней истории крайнего северо-востока европейской части России является эпоха средневековья. Археологические памятники этого времени в континентальной части тундровой зоны представлены исследованными раскопками, жертвенными местами, городищами, неукреплёнными поселениями и многочисленными разрушенными стоянками с подъёмным материалом.

Поселения и стоянки

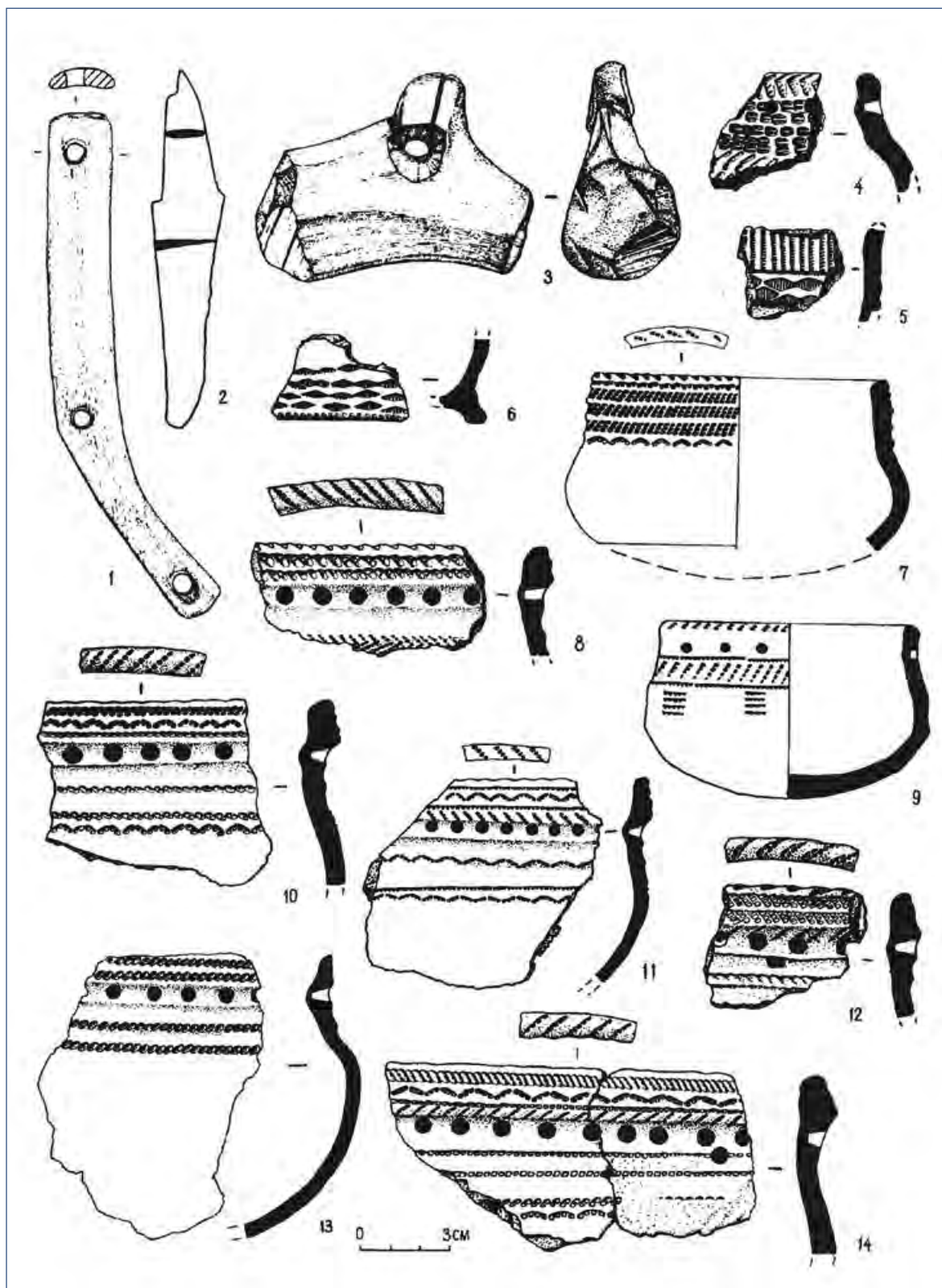
Хутьюнкосе I. Дальнейшее развитие керамических комплексов *культурного типа Море-Ю* прослеживается в материалах поселения Хутьюнкосе I (илл. 1), послужившего эпонимом для одноимённого этапа развития «субарктической» культуры — «тип Хутьюнкосе». Предварительно датирован финальными веками эпохи раннего железного века — началом эпохи средневековья (около сер. I тыс. н. э.) На правомерность такого хронологического положения указывает находка ножа харинского облика на поселении.

Документируется переходный этап от раннего железного века к средневековью

Памятник расположен в северной части Большеземельской тундры на краю террасы, заключённой между р. Море-Ю и её левобережным притоком р. Хутьюнкосе. Открыто В. С. Стоколосом в 1983 (Мурыгин, 1992; 1997). В 2007 г. место расположения памятника обследовано археологическим отрядом Архангельского областного краеведческого музея, собран подъёмный материал (Едовин, Отчёт 2007).

Поселение исследовано на площади 30 кв. м. Строение почвы: 1 — дёрн — 5–12 см; 2 — серовато-розовый песок — 2–10 см; 3 — серовато-жёлтый плотный песок. На уровне материкового серовато-жёлтого песка была расчищена расплывшаяся зольно-углистая линза кострища размерами 190 на 130 см и мощностью до 12 см, почти полностью перекрывавшая очажную яму овальной формы с размерами 156 на 90 см и глубиной 18 см. Линза кострища и яма заполнены тёмно-серой, чёрной породой с большим количеством мелких углей, жжёных и сырых костей, обломками глиняной посуды.

Большинство находок вне сооружения было сосредоточено в двух скоплениях рядом с ним. Изделия из кости представлены изогнутой пластинкой с тремя отверстиями (по краям и в месте изгиба) и массивным предметом из рога с отверстием в основании спиленного отростка (илл. 13. 1, 3). Оба изделия отно-

Илл. 13. Ненецкий автономный округ. Поселение Хутьюнкосе I. Вещевой инвентарь.
1, 3 – деталь упряжи, 2 – нож, 4–14 – фрагменты сосудов (1, 3 – кость, 2 – железо, 4–14 – керамика)

сятся, скорее всего, к деталям упряжи животных. Железные вещи представлены обломком и целым ножом, с одной стороны лезвия которого просматривается желобок (илл. 13, 2). Для сосудов (тип «хутьюнкосе») (илл. 13, 4–14) характерна утолщённая форма шейки, ямочно-гребенчато-каннелированный стиль орнаментации, овальные или с заovalенными концами зубчатые оттиски, многозональность в украшении шейки, использование в композиции принципа удвоенного или окаймляющего зигзага, разделение узоров на шейке на две зоны, нанесение узоров в стыке каннелюр, между каннелюрами и в каннелюре. Как и поселение Море-Ю II, памятник относится к местной «субарктической» археологической культуре северо-востока Европы, связанной своим происхождением с нижнеобско-ямальским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологических культур.

Поселение Югорская сопка. Озёра издревле являлись одним из немаловажных центров притяжения для населения таёжной и тундровой зон Северного Приуралья. Об этом свидетельствует сосредоточие разновременных археологических памятников по всей цепочке водораздельных озёр Тиманского кряжа (Синдорское, Ямозеро, Косинское, Урдюжское) и на крупных водоёмах Мало-и Большеземельской тундр. Они служили не только хорошими промысловыми угодьями, но и являлись своеобразными перекрёстками путей для различных групп населения.

Одним из таких водоёмов было Городецкое озеро, которое через систему водотоков соединялось с правобережьем крупнейшей водной артерии европейского северо-востока — р. Печорой.

К настоящему времени в акватории озера известно не менее 257 археологических памятников различных этапов древней истории⁴.

Ещё в XIX в. в районе Пустозерска были сделаны первые находки. На берегу озера при малой воде священник пустозерского прихода Иоанн Попов нашёл несколько серебряных и медных монет XVI–XVIII вв., серебряные серьги, перстни, наконечник стрелы и деревянную доску с изображением креста и датой «1733». В 1903 г. А. А. Спицын впервые опубликовал сведения 1873 года о городищах Архангельского севера, в том числе и о Пустозерском (Ясински, Овсянников, 2003. С. 15).

В 1940 г. на берегах озера геолог Г. А. Чернов обнаружил пять разрушенных выдувами стоянок, которые он датировал временем от эпохи неолита до раннего металла (Чернов, 1985. С. 34–36). В 1970, 1987–1995 гг. исследования на Городецком озере проводила археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством О. В. Овсянникова. За это время было найдено пять памятников эпохи раннего металла, раскопаны городище и святилище на р. Гнилке. В 2001, 2004, 2006–2008, 2013, 2014 гг. на Городецком озере работал Пустозерский отряд Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) П. В. Боярского. За годы исследований археологической группой отряда на берегах озера было обнаружено более 40 новых объектов археологического наследия, которые датируются в широких хронологических рамках от эпохи неолита до позднего средневековья. В 2003, 2006 гг. на озере и в его окрестностях проводил разведки археологический отряд Архангельского областного краеведческого музея под руководством А. Г. Едовина, выявивший около 100 местонахож-

⁴ Научный архив ИКиЛМЗ «Пустозерск». Ф. 1. Оп. 1. Д. 823. Лл. 156–174. Список археологических памятников предварительный. Составлен директором ГБУК «Историко-культурного и ландшафтного музея-заповедника «Пустозерск» Е. Г. Меньшаковой (2018 г.).

дений подъёмного материала, датированных временем от эпохи мезолита (?) до средневековья.

В 2011–2012 гг. Пустозерское городище изучали археологи Института археологии Севера (г. Нефтеюганск) под руководством О. В. Кардаша, в 2015 г. охранные раскопки на территории городища вели С. Ю. Пархимович и С. Г. Пархимович. В 2015, 2016, 2018 гг. раскопки поселения Югорская сопка совместно с Пустозерским музеем и Ненецким краеведческим музеем (г. Нарьян-Мар) проводил А. М. Мурыгин (Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар). В 2016–17 гг. на поверхности песчаных выдувов берегов озера научным сотрудником Пустозерского музея А. С. Поповым более чем в 100 пунктах были собраны артефакты поверхностного залегания, предварительно датированные от эпохи мезолита (?) до средневековья.

В случайных сборах, которые были сделаны первым директором Пустозерского музея М. И. Фещуком и местными жителями, находки представлены, в основном, кремнем и керамикой, металлические изделия единичны. Коллекции из археологических сборов и раскопок хранятся в Ненецком и Пустозерском музеях (г. Нарьян-Мар), Архангельском областном краеведческом музее, Государственном историческом музее (г. Москва).

Большая часть археологических памятников акватории Городецкого озера разрушена котловинами выдувания (яреи), культурные остатки представлены, в основном, местонахождениями на поверхности песков. До настоящего времени сводная карта их местоположения окончательно не составлена, датировки подъёмного материала нуждаются в уточнении. Наиболее полно изученными и нашедшими отражение в научной литературе на сегодняшний день являются средневековые городище Кобылиха, городище и святилище Гнилка, древний Пустозерск (Ясински, Овсянников, 1998, 2003; Барышев, 2010), поселение Югорская сопка.

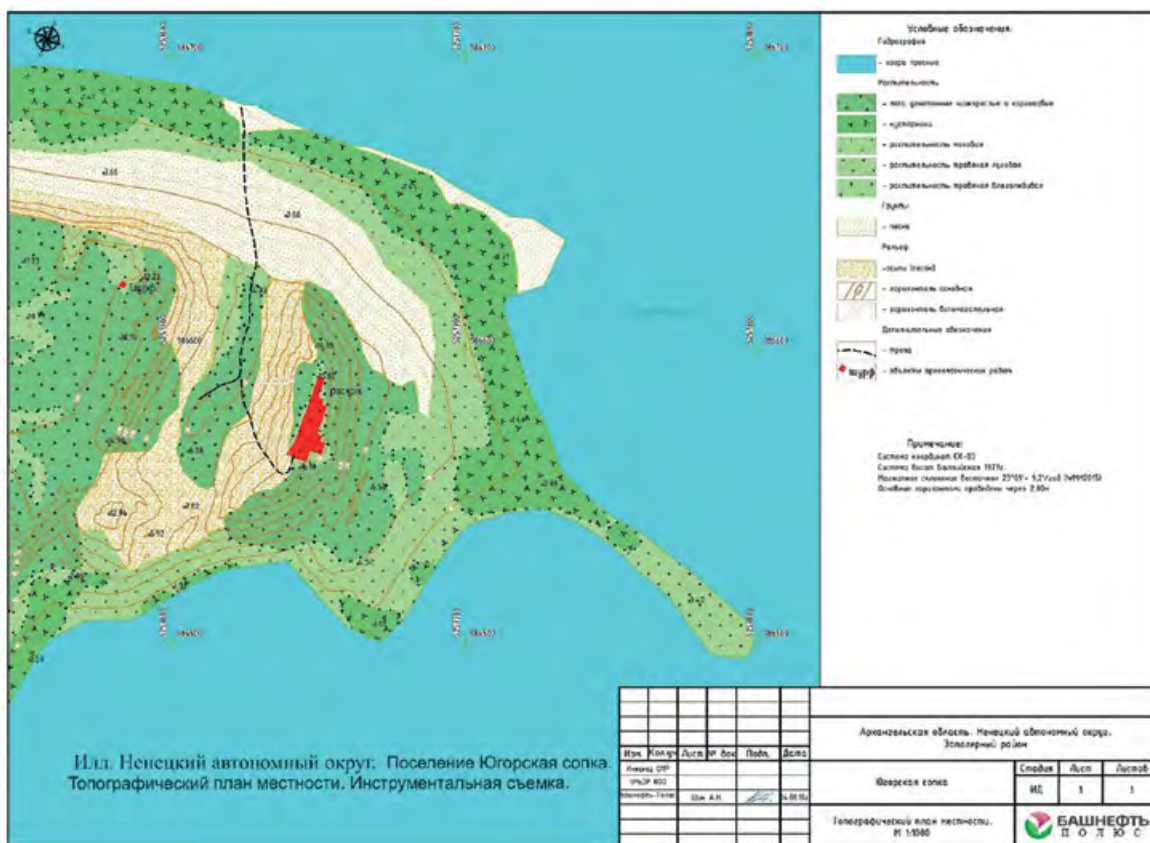
Поселение Югорская сопка расположено на западе Большеземельской тундры, на правом берегу долины р. Печоры, в восточной части Городецкого озера (илл. 1). Оно было устроено в 1,0 км к северо-западу от устья р. Городецкой, на высоком (около 15–16 м) разрушенном выдувом мысу на северном завершении Петровских сопки⁵ (илл. 14).

Памятник открыт в 1988 г. при разведках Архангельской Арктической экспедиции (ААЭ) под руководством О. В. Овсянникова⁶. На его разрушенных участках (дно выдува и его восточный борт) был собран подъёмный материал и выполнены две зачистки 2 × 2 м, которые заметны до настоящего времени. Обнаруженный вещевой инвентарь представлен керамикой, шлаками, бронзовой пронизкой и стеклянной бусиной (керамика из зачисток была опубликована). По результатам радиоуглеродного анализа (1320 ± 100 ЛЕ 3190, 1420 ± 40 ЛЕ 3191) поселение Югорская сопка датировано V–VII вв. н. э. (Каган, Питулько, 1993. С. 103–109).

Характерная топография памятника, расположенного на оконечности высокого мыса с крутыми склонами, позволяла рассматривать поселение как остатки мысового городища (Каган, Питулько, 1993. С. 107). В Ненецком краеведческом музее хранится коллекция разновременных находок без точной привязки к мест-

⁵ Инструментальный топографический план местности выполнен 04.08.2018 г. инженером отдела маркшейдерских работ ООО «Башнефть Полюс» А. Н. Шик.

⁶ Архангельск, Архив ГБУК АО «АКМ». Фонд III, опись 3, д. № 554–555; Фонды ГБУК АО «АКМ», колл. № КП–35787 1988; г. Нарьян-Мар, Ненецкий краеведческий музей, колл. НКМ 4559–1–13 в. ф. 1.

Илл. 14. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Топографический план местности. Инструментальная съёмка

ности (фрагменты керамики, шлаки и бронзовая лапчатая привеска), найденная в районе памятника при работах ААЭ в 1992–1993 гг.⁷

Стационарные исследования памятника и сборы артефактов поверхностного залегания произведены в 2015–2016, 2018 гг. В раскопках принимали участие Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (руководитель работ – А. М. Мурыгин), сотрудники Историко-культурного и ландшафтного музея-заповедника «Пустозерск» и Ненецкого краеведческого музея, участники волонтерского лагеря «Пустозерск – 2016, 2018»: учащиеся и студенты из г. Нарьян-Мара.

Местоположение памятника. Площадь мыса (местное название – Югорская сопка), на котором расположена сохранившаяся часть памятника, очень узкая (не более 10–14 м). Окружающая местность подвержена ветровой эрозии почвы, серьёзно повреждена обширными котловинами выдувания, занимающими большие площади по берегам озера и его заливов. Высокий, с крутыми склонами мысовидный участок берега, сильно выступающий в сторону Ерушихинского (Югорского) залива (лахты) Городецкого озера, отсечён от основной террасы (Петровские сопки) сквозным, от берега до берега, выдувом-лощиной (илл. 15). В осыпи выдува отмечены выходы погребённой почвы. Окружающий памятник ландшафт – лесотундра. Растительность в верхнем ярусе представлена зарослями берёзы извилистой и ивняка, в нижнем – можжевельником, ягодниками, травянистыми, зеленомошником. Редко встречается лиственница.

⁷ Нарьян-Мар, Ненецкий краеведческий музей, коллекции КП НВФ № 5233/1–8, НКМ КП 3172.

Илл. 15. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Вид на расположение памятника (северная оконечность Петровских сопок (местное название – Югорская сопка). Фото М.А. Спирихина, 2015 г. Снимок с севера

Сохранившаяся площадка мыса и его крутой восточный склон хорошо задернованы. Склон полностью, площадка частично, заросли берёзой извилистой и кустами можжевельника. На бровке правого борта выдува-лощины заметны зачистки 1988 г. На поверхности оконечности мыса, заросшего берёзой, продолжают оставаться заметными: поперечная (глубина до 1,3 м, ширина до 8 м) выемка в виде глубокой траншеи, в центральной части площадки – частично задернованная старая выемка грунта прямоугольной формы (приблизительно 1,5 × 2,0 м, глубина до 0,3 м, ориентирована по линии С-Ю)⁸.

Характеристика культурных остатков

Подъёмный материал. Большей частью артефакты поверхностного залегания, выпадающие из разрушаемого культурного слоя памятника (культуросодержащий горизонт погребённой почвы), были сконцентрированы на протяжении 30 м вдоль всей осыпи восточного борта выдува и на его дне у южной оконечности. Здесь отчётливо заметны следы сползающего по склону темноцветного культурного слоя. Незначительное количество находок обнаружено в южной части осыпающегося западного борта выдува. Собранные предметы представлены: фрагментами орнаментированной (илл. 24, 3; илл. 25, 4) и неорнаментированной керамики, обломком и целой пронизкой с рельефным кольцевым орнаментом и одним вздутием из цветного металла (илл. 28, 1), небольшой пластинкой с отверстием из цветного металла (илл. 28, 3), фрагментом изделия в виде тонкого железного клинышка (илл. 28, 6), мелкими железными обломками, сильно ошлакованными фрагментами от бронзолитейных тиглей (илл. 29, 6), скорее всего, рюмкообразной формы

⁸ После выборки отложений в раскопе глубина старого вкопа составила от поверхности 64 см.

(верхние части и основание), шлаками (в том числе тяжёлыми) и ошлакованной глиной (детали обмазки), кремневыми осколками, кальцинированными косточками животных.

В осыпи правого борта выдува-лощины обнаружены присыпанные навейным песком фрагмент культовой поделки из бронзы (илл. 28, 10), бронзовая лапчатая привеска на восьмеркообразном звене (илл. 28, 2), фрагмент сломанного обуха небольшого железного топорика (илл. 28, 12). Какая-либо связь последнего изделия с культурным слоем поселения неясна. Возможно, что это орудие труда относится к значительно более позднему периоду времени.

Раскоп. Культурный слой памятника был изучен тремя раскопами (I — 2015 г., II — 2016 г., III — 2018 г.) на площади около 172 кв. м. (илл. 16–18).

Стратиграфия. По всей исследованной площади зафиксировано три погребённых почвенных горизонта. Каждый из них был перекрыт эоловыми отложениями без находок, толщиной от 0,1 до 0,93 м на основной площади раскопа и до 1,2 м вскрытой мощности в крайних северных квадратах. Из них два верхних слабо выраженных и размытых серовато-белёсых гумусово-элювиальных слоёв не содержали находок.

Культурным слоем являлся третий, часто размытый и неровный, погребённый почвенный горизонт, максимальной общей мощностью до 0,41 м (илл. 19). Он залегал до глубины 1,3 м от дневной поверхности и был вскрыт по всей площади раскопа. Слой окрашен преимущественно в серый и чёрный цвета, в нижней части — серо-коричневый, с многочисленными корневыми западинами в материк. По всей толщине включал участки серого подзола и на всю мощность был насыщен продуктами горения и сгнившей органикой растительного и животного происхождения. Мощность и интенсивность окраски погребённого культуровмещающего горизонта почвы уменьшались в северном и северо-восточном направлениях, минимальная толщина — в крайних северных и восточных квадратах раскопа, т. е. у краёв древнего и современного склона мыса. По всей площади в различных направлениях слой прорезан мерзлотными трещинами, заполненными вышележащим навейным песком без находок.

В крайних восточных квадратах раскопа культуровмещающий почвенный горизонт был смешан с подстилающим песком, размыт по вертикали, линия сопряжения между ними неровная и нечёткая. В крайних юго-восточных квадратах он раздваивался и своей нижней частью, обозначенной как четвёртый слой погребённого подзола, резко уходил вниз, меняя окраску. Отчётливо выделялся очень светлым, почти белым цветом (мощность — до 0,06 м) и не содержал археологический материал. Начиная от точки расхождения, четвёртый слой отделялся от вышележащего третьего толщиной навейных жёлтых песков, мощность которых не установлена, и имел крутой угол падения. Линия смыкания в плане шла практически параллельно современному краю восточного склона мыса.

Аналогичная, но более выраженная ситуация выявлена в крайних западных и северных квадратах исследованной площади памятника. Здесь культуровмещающий почвенный горизонт также раздваивался и своей нижней частью (нижний или четвёртый слой погребённого подзола) резко уходил вниз, меняя окраску. Линия смыкания в плане шла практически параллельно нынешним краям западного и северного склонов мыса, отчётливо выделяясь очень светлым, почти белым, цветом (илл. 17)⁹. Нижний погребённый почвенный горизонт, мощностью до 0,18 м, включал многочисленные следы горелости, не содержал археологического материала.

⁹ В средней части памятника не прослежен.

Илл. 16. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Зачистка кровли погребённого культуросодержащего почвенного горизонта – культурный слой (крест установлен жителем г. Нарьян-Мара С. И. Филимоновым в 2010 г.). Снимок с запада

Илл. 17. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Вид на раскоп после зачистки материка. Светлая полоса погребённого подзола маркирует древний край мыса. Снимок с юга

*Илл. 18. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка.
Вид на кровлю культурного слоя после зачистки. Снимок с востока*

*Илл. 19. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка.
Профиль стенки раскопа. Тёмная полоса – культурный слой*

Начиная от линии расхождения, нижний слой отделялся от вышележащего третьего толщей навейных жёлтых песков, пестроцветных в верхней части, мощность которых не установлена. Он имел крутой угол падения, что наиболее отчётливо было зафиксировано в северном конце раскопа, который в виде траншеи прорезал предполагаемый ров, имевший по поверхности вид поперечного углубления, и возвышенную часть за ним (кв. Б/7–8). Темноцветный культуровмещающий горизонт почвы в этих же квадратах также имел резкое падение, сползая по склону в виде утончающегося слоя. Более пологое падение он имел от края выдува-лощины в юго-восточном направлении, соответствуя уклону современной дневной поверхности, т. е. «сползал» по склону мыса в сторону восточного склона мыса.

Такие изменения в стратиграфии памятника указывают на процессы выдувания (развевания) и перевевания поверхности почвы в древности, с последующим перемещением эолового материала и сползанием выявленных почвенных отложений по восточному склону мыса. Что касается отмеченных особенностей стратиграфии северной части раскопа, то они также указывают на перевевание поверхности почвы с последующей аккумуляцией перемещённого эолового материала в виде дюнного рельефа у края берега озера. Эти процессы происходили, скорее всего, позднее формирования третьего погребённого почвенного горизонта. Можно предполагать, что раскопом был выявлен участок древней поверхности, засыпанной перемещаемыми эоловыми песками. В течение многих столетий они меняли очертания мыса и его площадь.

Подстилающим горизонтом по всей исследованной площади являлся жёлтый песок со следами горения в своей кровле, которые в некоторых случаях повторяли форму стволов деревьев и корневищ. В полосе квадратов Б/7–12 смыкался с навейными пестроцветными смешанными песками, отделяющими нижний погребённый светлый подзолистый почвенный горизонт от погребённого культуровмещающего почвенного горизонта.

Планиграфия, сооружения и вещевой инвентарь

Планиграфия. Все находки были приурочены к третьему погребённому почвенному горизонту, залегая на всю его мощность — от кровли до основания, вплоть до подстилающего песка (илл. 20–23). На южной оконечности исследованной площади поселения находки были достаточно равномерно распределены по раскопу. Однако фрагменты орудий металлургии и/или металлообработки из глины (тигли или льячки) и основное число отходов металлургии (шлаки) были сосредоточены в районе расположения выявленных объектов № 1–4. В средней части памятника большинство всех находок концентрировались в северных квадратах, другие скапливались в его южной части, где достаточно компактной группой тяготели к месту расположения объекта № 5.

На северной окраине поселения наибольшая насыщенность артефактами отмечена на основной, достаточно ровной, площади расчищенного культуровмещающего почвенного горизонта. За её пределами находки единичны: два фрагмента керамики найдены на границе культуровмещающего горизонта почвы и пачки слоистых отложений (верх древнего склона; и один в нижней части сползшей зольно-углистой прослойки пачки слоистых отложений. Также здесь было сосредоточено наибольшее количество сырых костей животных (32 из 38), которые в единичном числе встречались на остальной площади памятника.

По всей исследованной площади памятника выявлены множественные вкрапления в погребённый коричневато-чёрный культуровмещающий горизонт почвы

очень мелких, рассыпающихся в порошок, кальцинированных косточек животных. Они тяготеют к выявленным сооружениям и корневым западинам в подстилающий слой. Они могли являться остатками пищи, либо добавлялись в качестве флюса при плавке металла.

Илл. 20. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Фрагмент керамического сосуда в культурном слое. Пример залегания

Илл. 21. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Культурный слой. Культовая поделка из цветного металла. Снимок с запада

Илл. 22. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Культурный слой. Керамический сосуд. Снимок с юго-востока

Илл. 23. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Объект № 5. Вид на фрагменты шлака, глиняной обмазки и тигель. Снимок с северо-востока

Сооружения. В южной части раскопанной площади поселения расчищены остатки от пяти каких-то, видимо, искусственных сооружений, получивших условное название «объекты».

Объект № 1. Выявлен на глубине 125 см. Представлял собой темноцветное пятно почти правильной прямоугольной формы, размерами $2,20 \times 1,52$ м, мощностью очень плотного слоя до 0,06–0,08 м. Контуры фиксировались с трудом, так как заполнение по цвету совпадало с окружающим культуровмещающим слоем. Ориентированное по линии СЗ-ЮВ зольно-углистое пятно залегало в погребенном культуровмещающем почвенном горизонте, на подстилающем жёлтом песке. Оно имело неровное основание и сползло по склону в юго-восточном направлении. На глубине от –130 см до –153 см это пятно сузилось и приобрело яйцевидную форму, размерами $1,28 \times 0,92$ м. Зольно-углистая линза по всей площади и глубине была густо насыщена мельчайшими кальцинированными косточками животных. Кроме них в темноцветном заполнении найдены фрагменты керамики (в том числе орнаментированные), кремневые осколки, шлаки (илл. 30, 1).

В основании юго-восточной части объекта на глубине от –130 см до –143 см расчищено овальное углубление в подстилающий жёлтый песок, заполненное песком темно-коричневого цвета (размеры $0,8 \times 0,48$ м, мощность до 0,1 м). Основание ямки ложковидное, находки отсутствовали.

Объект № 2. Выявлен на глубине –121–127 см. Представлял собой скопление вытянуто-овальной формы ($1,0 \times 0,75$ м) из рассыпавшихся мелких кусочков обожжённой глины и её крошки, залегавших в слабо окрашенной в красноватый цвет прослойке толщиной до 0,03–0,04 м. В заполнении, кроме бесформенных глинистых мелких обломков, найдены неорнаментированные фрагменты керамики, фрагмент орудия металлообработки, кусочки шлака.

Объект № 3. Выявлен на глубине –185 см. Углубление в подстилающий жёлтый песок близкой к овалу формы, заполненное рыхлым песком кирпичного цвета (размеры $0,7 \times 0,4$ м, мощность 0,01–0,06 м); основание ложковидное. Окрашенное рыхлое песчаное пятно не содержало находок.

Объект № 4. Выявлен на глубине –161 см. Углубление в подстилающий жёлтый песок подтреугольной формы, заполненное плотным песком темно-коричневого цвета (размеры $0,5 \times 0,36$ м, мощность 0,02–0,07 м); основание ложковидное. Содержало массу мельчайших кальцинированных косточек животных.

Объект № 5 (илл. 23). На глубине –127–130 см расчищено небольшое темноцветное кострище округлой формы (размеры: около $1,14 \times 1,20$ м, мощность зольно-углистого слоя до 0,09 м). Неровное в основании зольно-углистое пятно залегало в погребённом культуровмещающем почвенном горизонте, на подстилающем жёлтом песке. В коричневато-чёрных границах кострища, кровля которого повреждена западинами наваянного песка, было расчищено скопление крупных шлаков, ошлакованной глины и целый тигель, под которыми отмечен слабо выраженный смешанный розовато-жёлтый песок (мощность 0,08 м). Находки представлены орнаментированными и неорнаментированными фрагментами керамики, не менее чем от трёх сосудов. Также был найден сохранившийся глиняный грубой лепки тигель полуяйцевидной формы с мелким зерном цветного металла изнутри (илл. 29, 10). Его высота около 70 мм, диаметр по наибольшему расширению около 52 мм, по слегка уплощённому основанию около 24 мм, по внешней стороне края около 42 мм, толщина в средней части до 17 мм, прикраевой около 5 мм. Цвет тигля — серый, полость — цилиндрической формы. В глине содержалось большое количество дресвы; с одного бока поверхность растрескавшаяся, фрагменты обожжённой и ошлакованной с одной стороны глины и куски шла-

ка (илл. 30, 2–4) (шлаки содержали многочисленные вкрапления очень мелких кальцинированных косточек животных).

Точное назначение выявленных объектов неясно, так как исходные составляющие элементы достоверно реконструировать не представляется возможным. Однако не исключено, что все они имели непосредственное отношение к процессу металлургии или металлообработки цветных, возможно, чёрных металлов. Здесь необходимо обратить внимание на то, что остатки этих объектов и фрагменты орудий металлообработки расположены на площади поселения несколько обособленно и локализованы в южной части памятника (13 из 15). Можно предположить, что древнее поселение как хозяйственно-жилой комплекс состояло из двух чётко неоформленных функциональных зон — повседневно-бытовой (места ночлега, приготовление пищи, разделка животных, обработка шкур и т. п.) и производственной (получение и работа с металлом). На такое разграничение жилого пространства могут также указывать гораздо менее разнообразная номенклатура находок и количество керамики в местах расположения объектов.

Вещевой инвентарь. Культурные остатки представлены 1621 находками. Из них 186 предметов найдено в подъёмном материале, 1435 — в раскопе. Из числа последних в объектах №№ 1 и 2 было найдено 52 предмета, в объекте № 5 — 55 предметов.

Керамическая посуда (илл. 24–27). Обломки керамических сосудов составляют большинство от общего количества находок на памятнике, включая раскоп и подъёмный материал (61,2%). По обломкам верхней части тулова (шейка) выделено не менее 120 сосудов. Фрагменты четырёх из них были найдены как вне объектов, так и в границах объекта № 1.

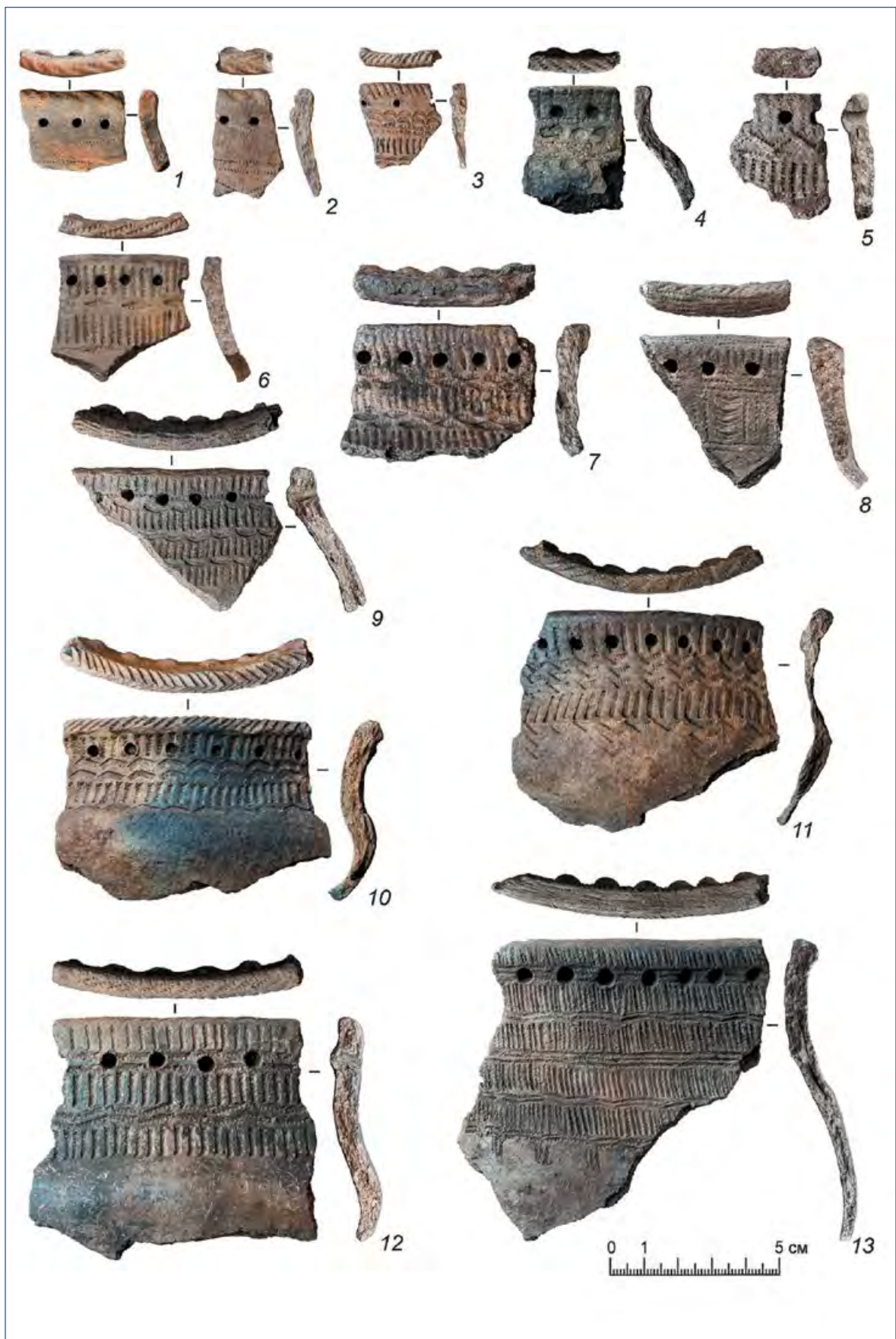
Достоверно форма реконструируется только для четырёх чашевидных сосудов. Они имели в виде невысоких приземистых ёмкостей с округлым дном (илл. 24, 3, 7; илл. 27, 3, 6). Также выделяется обломок верхней части открытой чаши (миска) (илл. 24, 4). Один из сосудов имел горшковидную форму с резко выделяющимся расширением (ребром) при переходе от шейки к тулову (илл. 24, 11). Шейка сосудов равноуголщённая, чаще отогнутая (в одном случае очень резко) или почти прямая; выделяются сосуды с довольно высокой, почти вертикально поставленной шейкой. В коллекции присутствует фрагмент от керамического кольцевого поддона (илл. 24, 10). Венчики сосудов преимущественно уплощённые, горизонтально срезанные или с небольшим скосом наружу. Округлые формы характерны для посуды, украшенной только ямками и бедно орнаментированной. У некоторых сосудов венчик приострён и резко скошен наружу или имеет подтреугольную форму и резкую скошенность внутрь и наружу.

Абсолютное большинство сосудов (117 экз.) содержали в глине минеральные примеси — дресву различной степени дробления. Встречались изделия из пористого теста, с характерными выщербинами от выгоревшей примеси, в глине которых содержались органические добавки (илл. 24, 1; илл. 27, 1; не менее трёх). На многих фрагментах изнутри и (или) снаружи заметны следы нагара разной степени интенсивности, часто делающих узоры почти неразличимыми. Попадались и сильно ошлакованные фрагменты керамики. Типичным технологическим приёмом при изготовлении изделий из глины является заглаживание поверхности в виде уплощённых глубоких и широких расчёсов как снаружи, так и изнутри. В некоторых случаях изнутри отмечены ячеистые сетчатые отпечатки ткани. Установленный диаметр сосудов находился в диапазоне от 12 до 30 см.

Большая часть остальной керамической посуды (88 экз.; 73,3%) характеризуется насыщенностью и богатством орнаментации, тщательностью исполнения

Илл. 24. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Фрагменты сосудов. Керамика

Илл. 25. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Фрагменты сосудов. Керамика

Илл. 26. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Фрагменты сосудов. Керамика

*Илл. 27. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка.
Фрагменты сосудов. Керамика*

элементов (илл. 24, 8, 9, 12, 13; илл. 25, 3–13; илл. 26, 1–4, 7, 8; илл. 27, 3–8). В самом общем виде орнаментальный стиль этой части керамики памятника можно охарактеризовать как ямочно-гребенчатый, с присутствием в композиции фигурных элементов и горизонтальных линий из зубчатых оттисков. Типичная техника нанесения узоров — штампованная. В этой группе доля сосудов, в орнаменте которых присутствуют фигурные элементы (напр.: уголки, ромбы), вертикальные фестоны (уголки, дуговидный, горизонтальная гребёнка) и нетипичные узоры (флажки, паркетник сетка), составляет 39,3 %.

Практически у всех сосудов узоры построены в горизонтальном порядке. Редко отмечены вертикальные фестоны из уголков оттисков и наклонные фестоны-ленты из неглубоких вдавлений «арочной» формы, завершающих орнаментальную зону. Шесть сосудов не имели ямочного узора, у остальных ямки с «жемчужинами» внутри являлись обязательным элементом орнамента и были

нанесены, в основном, в один горизонтальный ряд на равных интервалах друг от друга в основании шейки. По разу отмечены сгруппированные по две и три ямки и нанесённые изнутри сосуда, т. н. «жемчужник».

Остальные узоры состоят в большинстве случаев из оттисков зубчатого штампа: вертикальные, слегка наклонные и горизонтальные линии, зигзаг, реже — ромбического (гладкого, вертикально-рубчатого и зубчатого) и линзовидно-ромбического, уголкового (уголки скомпонованы в горизонтальный ряд или составлены в вертикальный столбик). Горизонтальные зубчатые оттиски — одинарные, сдвоенные, строенные и счетверённые, сплошные и разряженные. В двух случаях на сосудах отмечен узор в виде вертикальных отступающих гладких оттисков, в одном — дополненный оттисками в виде трилистника. На стенках одного сосуда орнамент завершался сдвоенными ногтевыми оттисками, расположенными в шахматном порядке. По разу отмечены паркетный узор в виде заштрихованных уголков и выполненная зубчатым штампом ромбическая сетка.

Венчики сосудов, как правило, украшены наклонными и в «ёлочку» зубчатыми оттисками. Кроме этого для сосудов характерно нестандартное украшение венчика в виде нескольких рядов из горизонтальных, уголкового гладких или зубчатых, линзовидно-ромбических оттисков. Иногда, наряду со срезом венчика, украшена и его внутренняя прикраевая часть.

Остальная керамическая посуда выглядит гораздо беднее. Сосуды орнаментированы только ямками (18 экз.; илл. 24, 2, 3, 14), ямками в сочетании с простыми узорами оттисков зубчатого штампа, в том числе мелкозубого (9 экз.; илл. 24, 6, 7, 11; илл. 25, 1, 2; илл. 26, 5). Венчики были украшены наклонными зубчатыми оттисками и пальцевыми вдавлениями, реже — не орнаментировались. Единично отмечены листовидные, ближе к ромбическим, оттиски, тонкие гладкие насечки. Изнутри у одного сосуда под краем венчика нанесены наклонные оттиски зубчатого штампа.

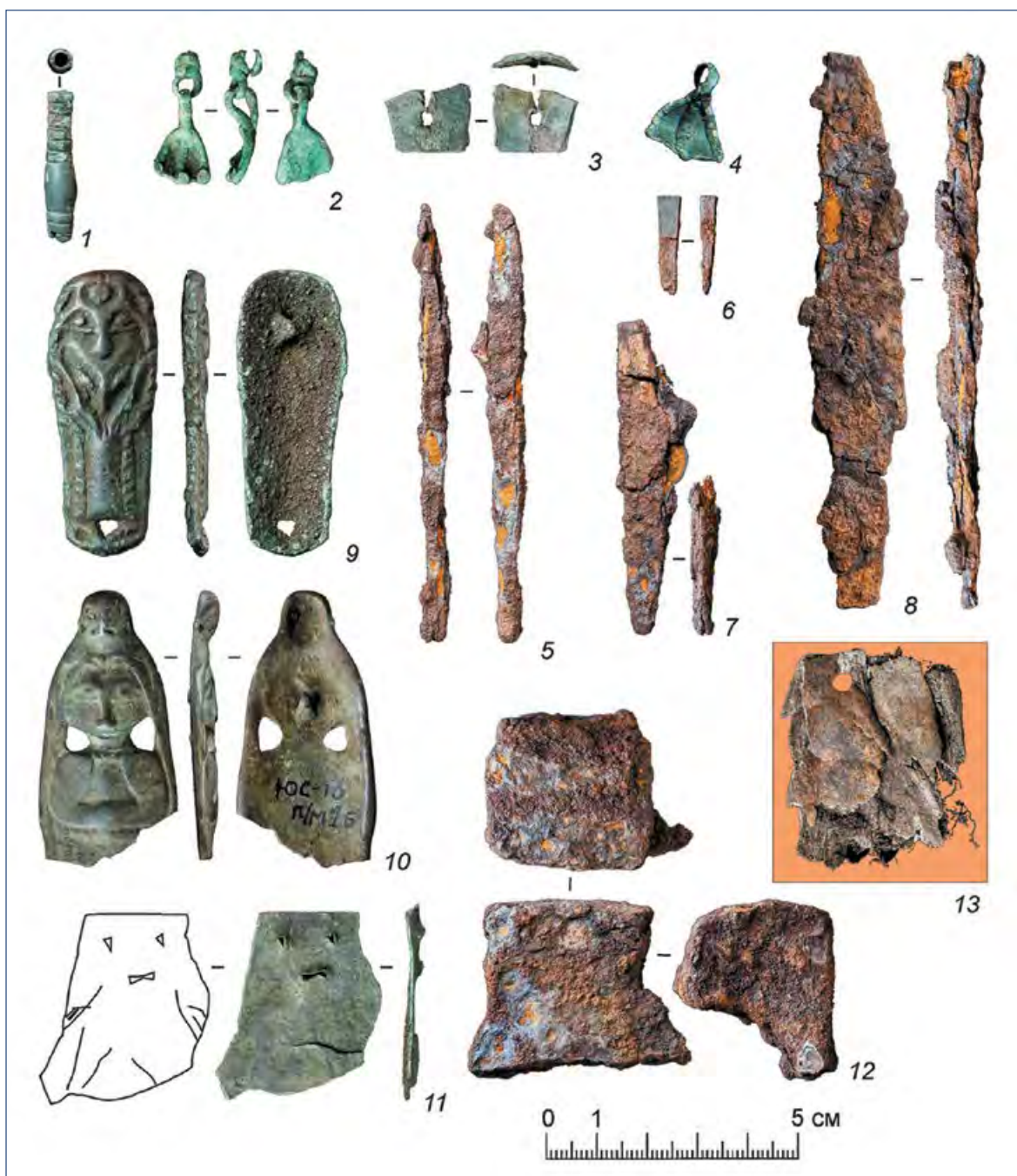
Из общего числа керамики выделяется сосуд, украшенный в основании шейки тремя горизонтальными шнуровыми отпечатками, ниже которых по плечу нанесён узор в виде шнуровых подковок; по венчику нанесены наклонные зубчатые оттиски (илл. 26, 6). Ещё от одного сохранилась сильно ошлакованная прикраевая часть без видимых следов орнаментации (илл. 27, 2).

Также особняком стоят фрагменты верхней части сосудов с органической примесью в глине (3 экз.). Они не имели орнамента на тулове и были украшены только по венчику пальцевыми вдавлениями и слабо пропечатанными оттисками зубчатого штампа. В коллекции есть обломок стенки с органической примесью, на которой прослежены остатки орнамента в виде трёх неглубоких ямок, сгруппированных в треугольный фестон (илл. 27, 1).

Некерамический инвентарь. В число определимых находок входят:

1) предмет культового литья из цветного металла в виде вытянутой пластины с фронтальной личиной в верхней части и горизонтальной петлёй изнутри (илл. 28, 9). Сюжетно близких аналогий в культовых поделках «пермского» звериного стиля, металлопластике эпохи железа Западной Сибири и циркумполярного севера Евразии не усматривается. Типологически важный для сравнения, на наш взгляд, признак — подобный нашему солярный символ в виде диска или круга («третий глаз?»), нанесён во лбу зоо-антропоморфных персонажей на бронзовых бляхах VI–VII и VIII–IX вв. н. э., найденных на севере Пермского края (Оборин, Чагин, 1988. №№ 140, 141);

2) небольшая пластина неправильной формы (26,8 × 35,4 мм, толщиной 0,9 мм) из цветного металла с изображением культового характера в виде чело-

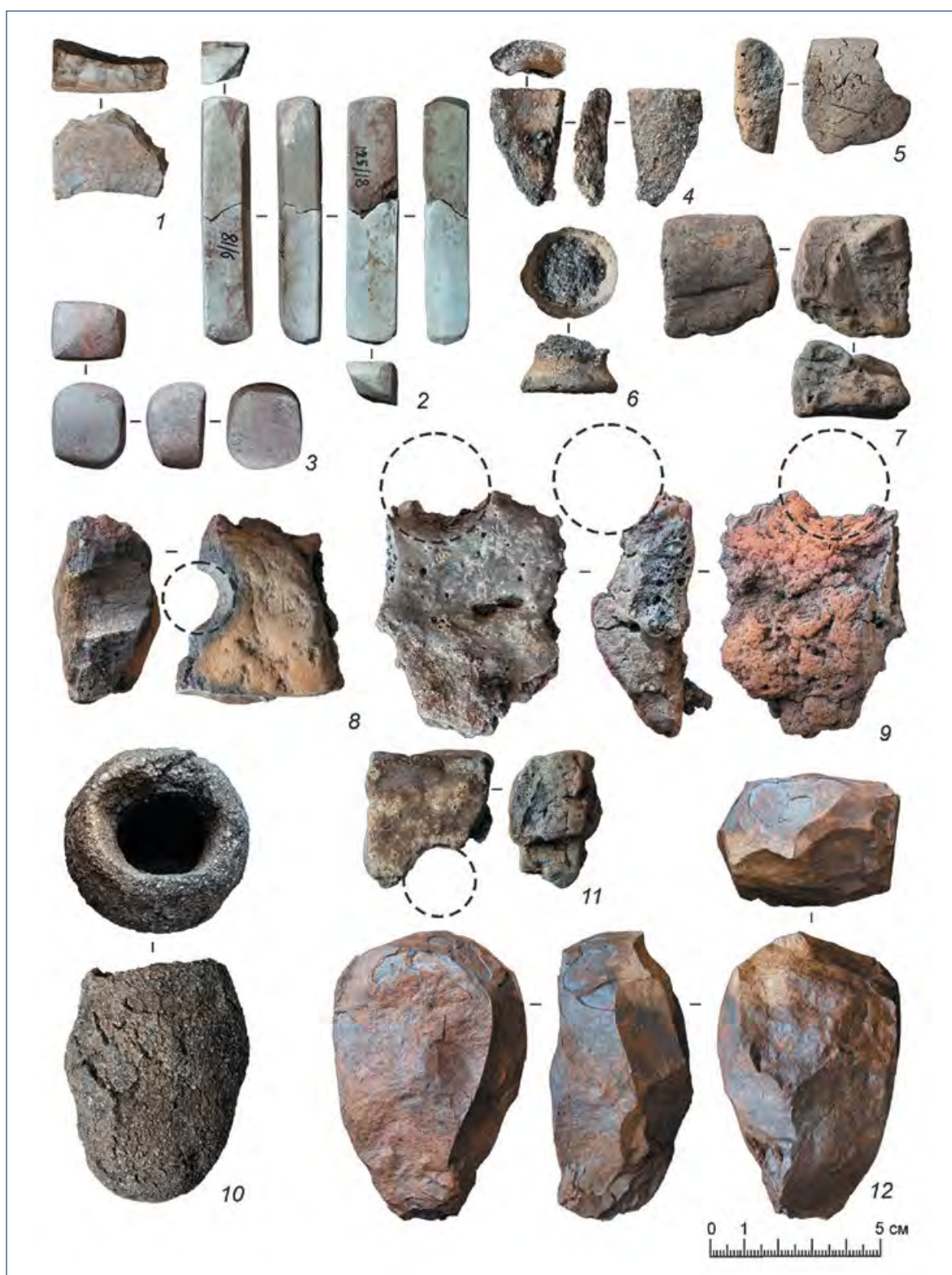

Илл. 28. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка.
 Вещевой инвентарь. 1 – пронизка, 2, 4 – привески, 3 – пластика, 5 – штырь,
 6 – клинышек, 7, 8 – ножи, 9–11 – предметы культа, 12 – обух топорика, 13 – накладка
 (14, 9–11 – цветной металл, 5–8, 12 – железо, 13 – кость)

века-птицы (илл. 28, 11). Личина (глаза и рот) обозначена тремя сквозными отверстиями треугольной формы, пробитыми изнутри остроугольным предметом, а туловище, ноги и крылья – прочерченными линиями;

3) два сильно проржавевших железных черешковых прямоспинных однолезвийных ножа с двумя (общая длина 120 мм) и одним (общая длина 70 мм) уступом при переходе от черешка к лезвию (илл. 28, 7, 8);

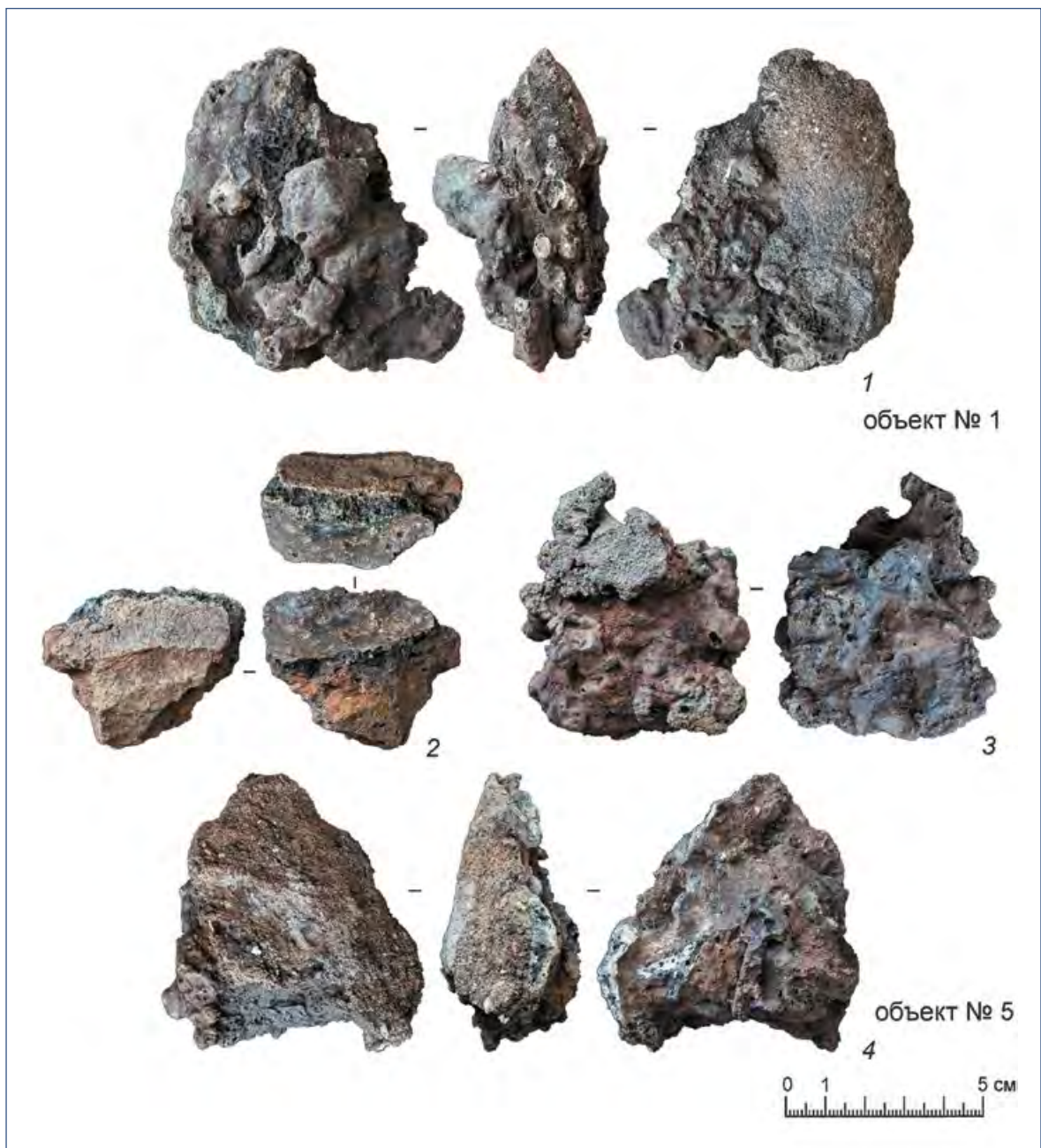
4) сильно коррозированный, приострѐнный и уплощённый с одного конца, четырёхгранный, прямоугольного сечения стержень (длина 98–99 мм, ширина 4–8 мм, толщина 6 мм; наконечник стрелы, пробойник или долотце –?) (илл. 28, 5);

Илл. 29. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. 1 – скребок;
 2, 3 – абразивы; 4–7, 10 – фрагменты тиглей; 8, 9, 11 – фрагменты воздухопроводов;
 12 – конкреция железистая (1 – кремь, 2, 3, 12 – некремневая порода, 4–11 – глина

5) железный обломок черешка от ножа или наконечника стрелы (длина 23,8 мм, ширина вверху 8,2 мм, в нижней части 4,7 мм, толщина до 3,1 мм);

6) три небольших фрагмента одного железного предмета, являвшихся, видимо, обломками пряжки (?).

Илл. 30. Ненецкий автономный округ. Поселение Югорская сопка. Поселение Югорская сопка. Металлургические шлаки (1, 3, 4) и фрагмент ошлакованной глиняной обмазки (2)

В небольшом количестве представлены металлические обломки каких-то изделий из железа и цветного металла. Большая часть из них не идентифицируется. Один маленький обломок из цветного металла являлся, видимо, фрагментом предмета культового литья (?).

Изделие из кости представлено плохо сохранившимся предметом в виде очень тонкой расслоившейся прямоугольной накладки (сохранившиеся размеры: 55×45 мм) с круглым сквозным отверстием (диаметр 5 мм) (илл. 28, 13).

Кроме этого в коллекции содержатся предметы из некремневой породы с зашлифованной поверхностью (илл. 29, 2, 3). Первый из них (два фрагмента) имел достаточно правильную форму в виде прямоугольника ромбического сечения (размеры: $70,0 \times 18,4$ мм, толщиной 15,0 мм). От второго сохранился уплощённый обломок прямоугольной формы (размеры: $48,1 \times 18,7$ мм, толщиной 10,2 мм).

Третий предмет имел почти правильную квадратную форму ($24,5 \times 21,2$ мм, толщиной 16,7 мм).

В культурном слое найдено немного сырых костей животных и масса очень мелких кальцинированных косточек животных, немногочисленные отходы кремнеобработки. Встречаются орудия из кремня, преимущественно различных оттенков серого цвета (светлый и тёмный), единично — коричневатого. В их числе скребок (илл. 29, 1), скобель, перфоратор, обломок орудия с ретушью, переоформленное и незавершённое орудие, орудие со скребковым краем, а также нуклеус со следами скалывания отщепов. В качестве орудия для обработки кремня использовался отбойник из гальки овальной формы ($59,7 \times 48,6$ мм, толщиной 19,4 мм).

Среди находок — крупная тяжёлая конкреция железистая (илл. 29, 12), куски ошлакованной и обожжённой с одной стороны глины и металлургические шлаки (илл. 30, 1, 3, 4), бесформенный расплав железа. Найдены целый тигель и обломки верхней части, видимо, глиняных тиглей или льячек, по которым общая форма изделий не установлена (илл. 29, 4, 5, 7, 10). На внутренней поверхности одного из фрагментов верхней части рюкмообразного глиняного тигля (размеры: 23×35 мм, толщина 6–9 мм) сохранилась приставшая капля цветного металла (илл. 29, 4). На трёх обломках глины со следами воздействия высоких температур частично сохранились почти цилиндрические сквозные отверстия, диаметром от 20 до 32 мм (илл. 29, 8, 9, 11). Не исключено, что эти фрагменты являлись частью приспособления для улучшения тяги — нагнетания воздуха в конструкцию для варки железа или плавки металла. Аналогичные предметы найдены на поселениях Кужим III на верхней Мезени (Мурыгин, 2001. Рис. 13, 7) и Усть-Айюва I в бассейне средней Печоры (Мурыгин, Отчёт 2000).

Датировка памятника. Первая датировка была предложена в начале 90-х гг. прошлого столетия. По результатам радиоуглеродного датирования образцов (уголь) из культурного слоя (зачистки ВГ и ДЕ) были получены две некалиброванные даты C^{14} л. н. — 1320 ± 100 (ЛЕ–3190), 1420 ± 40 (ЛЕ–3191), на основе которых поселение Югорская сопка было датировано V–VII вв. н. э. (Каган, Питулько, 1993. С. 107).

В 2015, 2016, 2018 гг. углистый материал (растительное происхождение — уголь, обугленная древесина) из культуровмещающего почвенного горизонта (культурный слой) на C^{14} был собран без привязок к определённому квадрату по площади раскопа № I на участке А (кв. А-Г/18–19; СОАН–9621) и участке Б (кв. Д,Е/16; СОАН–9620) в 2015 г. и по площади раскопа № II — в 2016 г. (СОАН–9622), № III — в 2018 г. (СОАН–9748)¹⁰. Откалиброванные радиоуглеродные даты позволяют уточнить возраст памятника (табл. 2).

Он может лежать (28) в пределах второй — третьей четверти VI в. н. э. (зачистки), четвертой четверти IV — второй четверти VI вв. н. э. (раскоп № I) или первой — третьей четверти VII вв. н. э. (раскоп № III). Значительная асинхронность образца № 5 относительно остальных связана, как представляется, с особенностями его отбора и наличием в его составе более древних естественных органических компонентов из подстилающих почвенных отложений. Наиболее вероятная дата существования памятника может быть определена четвертой четвертью IV — третьей четвертью VII вв. н. э.

¹⁰ Определение возраста образцов выполнено в лаборатории геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата Института геологии и минералогии имени В. С. Соболева СО РАН, г. Новосибирск.

Собранный на поселении костный материал показал, что основным объектом охоты для местных жителей был северный олень, причём туши животных разделывались прямо на площади памятника (Приложение 2)¹¹. Охота на северного оленя обеспечивала людей мясом и жиром, шкурами для одежды, обуви и покрытия жилищ. К сожалению, проведённые исследования археозоологического материала не позволяют соотнести костные остатки с дикими или же домашними особями.

Таблица 2

Радиоуглеродные даты образцов углистого материала из раскопок поселения Югорская сопка (исследования 1988, 2015, 2016, 2018 гг.)

№ образца	№ лаборатории	Место отбора образца	¹⁴ C-дата, л. н.	Календарная дата	
				± (1σ) (68,2%)	± (2σ) (95,4%)
1	ЛЕ-3190	зачистка	1320 ± 100	614 (59,5%) – 778 гг. кал. н. э. 791 (3,0%) – 805 гг. кал. н. э. 817 (1,5%) – 824 гг. кал. н. э. 842 (4,2%) – 861 гг. кал. н. э.	542 (92,3%) – 904 гг. кал. н. э. 918 (3,1%) – 966 гг. кал. н. э.
2	ЛЕ-3191	зачистка	1420 ± 40	603 (68,2%) – 655 гг. кал. н. э.	565 (95,4%) – 666 гг. кал. н. э.
3	СОАН-9620	Раскоп № I, кв. Д,Е/16	1440 ± 105	433 (12,9%) – 489 гг. кал. н. э. 532 (55,3%) – 676 гг. кал. н. э.	381 (94,5%) – 778 гг. кал. н. э. 792 (0,4%) – 804 гг. кал. н. э. 843 (0,5%) – 859 гг. кал. н. э.
4	СОАН-9621	Раскоп № I, кв. А,Г/18,19	1350 ± 95	593 (68,2%) – 773 гг. кал. н. э.	434 (1,1%) – 457 гг. кал. н. э. 468 (1,0%) – 488 гг. кал. н. э. 533 (93,1%) – 894 гг. кал. н. э. 932 (0,2%) – 937 гг. кал. н. э.
5	СОАН-9622	Раскоп № II, основание слоя, кровля материка	2020 ± 120	193 гг. кал. до н. э. (66,0%) – 87 гг. кал. н. э. 107 (2,2%) – 120 гг. кал. н. э.	361 гг. кал. до н. э. (95,4%) – 233 гг. кал. н. э.
6	СОАН-9748_1	Раскоп № III	1205 ± 80	694 (15,6%) – 746 гг. кал. н. э. 763 (50,4%) – 894 гг. кал. н. э. 930 (2,1%) – 938 гг. кал. н. э.	668 (95,4%) – 980 гг. кал. н. э.
7	СОАН-9748_2	Раскоп № III	1275 ± 80	660 (53,9%) – 778 гг. кал. н. э. 791 (4,6%) – 806 гг. кал. н. э. 815 (3,2%) – 825 гг. кал. н. э. 841 (6,5%) – 862 гг. кал. н. э.	623 (92,2%) – 901 гг. кал. н. э. 920 (3,2%) – 961 гг. кал. н. э.

Наличие в составе костных остатков, кроме копытных, бобра, зайца, лисицы, соболя, нерпы, утки, глухаря, налима, указывает на разнообразие видов промысловой деятельности, что значительно повышает устойчивость системы жизнеобеспечения коллектива в суровых условиях Заполярья.

¹¹ Анализ костных остатков выполнен канд. биол. наук, с.н.с. П. А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург).

Охота на пушного зверя, лучший мех у которого с ноября по февраль, ещё один вид деятельности местных жителей. Однако поскольку промысел водоплавающей дичи возможен только в тёплое время года, напрашивается вывод о том, что население на памятнике проживало круглогодично или периодически посещало его в разные сезоны.

Месторасположение поселения на берегу Городецкого озера и находки среди костных остатков костей рыб позволяют говорить о важном значении рыболовства в хозяйственной деятельности его населения. Присутствие на памятнике костей нерпы позволяет сделать вывод о знакомстве поселенцев со зверобойным промыслом.

Среди домашних ремёсел необходимо особо отметить изготовление керамической посуды, которую жители поселения лепили вручную, без применения гончарного круга. Все сосуды, представленные на памятнике, круглодонные. Еду варили на кострах. Такие сосуды было удобно ставить между камнями, на лепной поддон или же в небольшой ямке, вокруг которой разводили костёр. Среди используемых поселенцами форм присутствуют чаши (миски), сосуды горшковидной формы, небольшой сосудик для напитков (?). Безусловно, что среди посуды, которой пользовались на поселении, была и столовая, и кухонная утварь. Однако разделить её на основе имеющихся фрагментов не представляется возможным.

Жители поселения Югорская сопка умели делать изделия из кости, о чём свидетельствует находка плохо сохранившейся костяной пластинки. Они не утратили и навыков обработки кремня, на что указывают находки нуклеуса, кремня со следами обработки, отбойника и отходов кремневого производства. Возможно, что для окончательной обработки поделок и заточки орудий с режущим краем использовались найденные в культурном слое предметы (оселки) с зашлифованной поверхностью, служившие абразивами.

Ряд фактов свидетельствует о местной металлургии и металлообработке. Полученные материалы не дают прямого ответа, какими были металлургические сооружения, предназначенные для выплавки, литья и обработки металла. Они могли представлять собой открытые очаги (кострища) с глиняными вымостками или примитивные сыродутные горны, от которых остались сотни кусков глины со следами воздействия высоких температур и фрагменты воздуходушных сопел.

Орудия цветной металлургии на памятнике представлены фрагментами небольших тиглей рюмкообразной формы, один из которых был найден около объекта № 5 (илл. 29, 4). Бронзолитейные рюмкообразные тигли разной степени сохранности являются частой находкой на памятниках второй пол. I тыс. н. э. таёжной зоны европейского Северо-Востока — в бассейнах рек Вычегды, Мезени, Печоры (см. напр.: Буров, 1967. Табл. XXXIII, 23, 24, 26; Королев, 1997. Рис. 28, 22; Мурыгин, 2001. Рис. 7, 3, 4; 13, 5; 20, 6; 25, 23, 24; 38, 5, 7; 45, 4; 49, 2) и в Прикамье (Орехов, 2006). Встречаются также на памятниках Большеземельской тундры — стоянки Роговая 2/207, Колва-вис 15/92, Войяты/пункт 3 и 6 (Мурыгин, 1992. С. 101; Рис. 51, 9; 52, 1), найдены в IV слое (1250±40, ЛЕ-4053) поселения Мыс Входной на северном побережье Югорского п-ва (Каган, Питулько, 1993. Рис. 1, 14; Хлобыстин, Питулько, 1996. С. 125; Рис. 2, 1).

Аналогичный инструментарий, найденный на зеленогорских памятниках VI–VII вв. н. э. из Нижнего Приобья (Федорова, Зыков, Морозов, Терехова, 1991. Рис. 2, 15, 16), использовался в медеплавильном производстве подчечвашским населением VI–IX вв. н. э. (Могильников, 1987. Табл. LXXVII, 51). С цветной металлургией, по-видимому, связан объект № 5 (илл. 23) и найденный в нём тигель

полуяйцевидной формы (илл. 29, 10), служивший для плавки и литья изделий из цветного металла.

В качестве исходного сырья для отливки готовых изделий (украшения, предметы культа), которые были найдены на поселении, могли использовать слитки¹² или лом цветных металлов. Также нельзя исключать возможность выплавки меди из руд. Месторождения медистых песчаников выявлены на западных склонах Приполярного и Полярного Урала (Косьюнское, Саурипейское, Молдвожское, Минисейское, Падьягинское), ряд медно-никелевых проявлений находится на Пай-Хое. Эти разведанные полезные ископаемые расположены на значительном удалении от поселения — около 400–550 км в общем направлении к востоку. Ближайшие и наибольшие проявления медистых песчаников разведаны на Северном Тимане (около 150–180 км ЗЮЗ от памятника) (Кузнецов, Иевлев, 2012. С. 110; Асхабов, Кузнецов, Тарбаев, Бурцев, Тимонина, Пыстин, 2015. С. 85, 86).

Находки в культурном слое тяжёлых ожелезненных шлаков, аморфных или повторяющих форму какой-то ёмкости, в которой они находились, шлаков с вкраплениями восстановленного железа, мелких расплавов железа позволяют предполагать, что жители были знакомы как минимум с процессом получения железа из болотных руд в его архаичном виде — варкой на открытых кострах в глиняных сосудах или тиглях. Упрощённый метод получения железа из руды в горшках в обычных печах широко известен в домонгольское время, например, по раскопкам в Старой Рязани, на городище Спас-Городок, поселении Беницы; при этом крицы повторяли форму дна сосуда (Никольская, 1981. С. 215–217). Данные о такой технике древнейшей металлургии железа и её распространении на протяжении многих веков приведены в фундаментальной монографии С. Г. Струмилина (1954. С. 10–12). На вычегодских ванвиздинских поселениях второй пол. I тыс. н. э. также зафиксированы следы варки железа (железный шлак, толстостенные тигли с застывшим шлаком) на открытых кострах — Кузьвомын, Ягкодзты, Чуддинты II, Озьяг II и III и др. (Буров, 1965. С. 151, 152). Ошлакованная ожелезненная масса, повторяющая форму какой-то ёмкости, была найдена в очаге мезенского поселения Чойновты V (Мурыгин, 2001. С. 127), на поселении Усть-Айюва I на Печоре.

Ранее остатки сооружений, связанных с обработкой цветных и, что особенно важно, чёрных металлов, были выявлены на городищах второй половины I — первой половины II тыс. н. э. низовой Печоры — Гнилке (Ясински, Овсянников, 2003. С. 66, 67), Ортинском (Ясински, Овсянников, 2003. С. 86, 87, 96, 97), Кобылихе (Барышев, 2010. С. 222). Следы металлургического, возможно, железоделательного производства зафиксированы также на заполярных городищах XII–XIII вв. Новый Бор I, II, III (Плюснин, 1991. С. 115, 116). Также известны и более ранние свидетельства освоения человеком железоделательного производства в условиях Крайнего Севера. Они были отмечены на святилище раннего железного века Усть-Полуй в низовьях Оби, расположенного на широте Полярного круга. Здесь были найдены стенки сыродутного горна и скопления железистых шлаков (Водясов, Гусев, 2016).

Таким образом, предположение о костровой выплавке железа на поселении не лишено оснований, однако, не является окончательным. Нельзя полностью исключить наличие на памятнике специализированных наземных конструкций

¹² Такие полуфабрикаты различной формы были хорошо известны, например, в археологии Прикамья начиная с I тыс. до н. э.

для выплавки металла типа горнов, но для этого хотелось бы иметь в своём распоряжении более явные следы таких устройств. В числе последних заманчиво усматривать, например, глиняные обломки с остатками круглых отверстий, интерпретируемых как фрагменты от воздуходувного сопла. Найдены около объекта № 1 (илл. 29, 8, 11) и в границах объекта № 5 (илл. 29, 9).

В этот же ряд можно поставить и объект № 1. Его плотную зольно-углистую линзу прямоугольной формы с включением массы мельчайших кальцинированных косточек животных можно воспринимать в качестве основания от разрушенного железоделательного агрегата с овальной ложкообразной ямкой-шлакосборником (?) в его основании. От него по склону бессистемно сползло большое количество камней, с противоположной стороны было сосредоточено большое количество шлаков и фрагменты каких-то орудий металлообработки.

Эти сооружения, скорее всего, имели временный характер и после использования (завершения сыродутного процесса) переносились на другое место. По-видимому, следами такого перемещения являются объекты № 3 и 4, расчищенные на удалении 8–9 м от предыдущего, в виде сохранившейся нижней части — углубления в подстилающий слой, заполненные прокалённым песком. Все эти три объекта располагались на южной окраине поселения, в месте расхождения погребённых культурного слоя и нижнего осветлённого подзола, фиксирующего древний склон террасы.

В этой связи интересно, что на спутниковых картах хорошо заметно окрашенное в красный цвет небольшое оз. Никольское, расположенное между древним Пустозерском и городищем и святилищем Гнилка, на расстоянии около 5 км к северо-западу по прямой от поселения Югорская сопка. Не исключено, что такой окрас оно приобрело из-за высокой концентрации железа в окружающих болотах, откуда могли добывать болотную руду.

Существенным компонентом металлургии железа являлись флюсы. Для культурного слоя памятника типично массовое содержание как в объектах, так и вне их, мельчайших кальцинированных косточек животных, вкраплений костного материала в шлаки. Предположительно эти наблюдения свидетельствуют о добавлении органического материала к исходному сырью (руде) в качестве добавок при выплавке металла, необходимого для снижения температуры плавления и более лёгкого отделения металла от пустой породы. Именно такую утилизацию костного материала на поселении косвенным образом подтверждает небольшое количество сырых костей.

Суммируя эти наблюдения, нельзя исключить, что на поселении Югорская сопка зафиксированы остатки полного цикла производственных операций с чёрным металлом — от его выплавки из руды до, вероятно, изготовления изделий.

Проведённые металлографические исследования методом микронзондового анализа готовых металлических изделий, обломков металла и шлаков поднимают вопросы о рудной базе, на котором базировалась как чёрная, так и цветная металлургия на поселении Югорская сопка. Однако вопрос о возможности использования местных природных источников сырья в период существования поселения остаётся открытым и требует дальнейшего изучения.

В этой связи хочется заострить внимание на культовой поделке, найденной в осыпи культурного слоя южной части памятника, которая имеет хорошую атрибуцию в западносибирской этнографии. Плакетка представляет собой человеческую (женскую?) фигурку (сломана в области пояса) со сложенными на животе руками, пальцы которых соприкасаются в виде ромба; выделен ворот и пояс

одежды (илл. 28, 10). Антропоморфное изображение увенчано личиной птицы (филин?) с опущенными крыльями и сложенными на голове фигурки лапками; на оборотной стороне плакетки — вертикальная петля.

Подобные антропоморфные изделия с навершием в виде филина или совы, широко известные в археологии Нижнего Приобья, являлись значимым атрибутом культа местного населения эпохи железа — предков ханты и манси. Подробное описание аналогичных по сюжету и иконографии культовых поделок было сделано А. В. Бауло (2011; 2013). Условия их нахождения различны. В незначительном числе они были найдены при раскопках археологических памятников Нижнего Приобья VIII–IX, IX–X вв. н. э. (Барсовский I могильник, городище Шеркалы, Старые Покачи 5). Но в большинстве случаев, к сожалению, они из несанкционированных раскопок, неизвестных и разрушенных памятников и с территории святилища манси, часть таких поделок хранится в частных коллекциях (Бауло, 2011. С. 86, 87, 90, 91; Рис. 111, 112, 117–119; 2013, С. 567). По западную сторону Урала подобные литые из цветного металла изображения единичны (Aspelin, 1877. Fig. 533; Спицин, 1906. Рис. 225), а место находки у авторов публикаций стоит под вопросом (Perm?).

Не вдаваясь в подробный анализ сюжета, отметим, что известный исследователь шаманских костюмов Е. Д. Прокофьева считала самым древним головным убором шамана, существовавшим еще в начале XIX в., снятую целиком (чулком) с головы зверя или птицы шкуру. Она приводит сведения о том, что телеутские шаманы делали себе головной убор из цельной шкуры филина, с головой и крыльями (Прокофьева, 1971. С. 99–100). Близкая по существу точка зрения нашла отражение и в научных трудах недавнего времени. А. И. Соловьев полагает, что птицевидные головные уборы, известные, в частности, по кулайскому культовому литью, «... имели несомненный сакральный смысл и, будучи тесно связаны с родовым тотемом, использовались в культовых церемониях» (Соловьев, 2007. С. 167).

А. В. Бауло предположил, что антропоморфные изображения и личины с навершием в виде головы филина использовались в культовой сфере, обозначая мифических предков покровителей рода. Они могли свидетельствовать о «...широком распространении почитания этой птицы в качестве тотемного предка ряда родов, проживавших в широком диапазоне VIII–XII вв. в Восточном Приуралье (бассейн рек Конды, Северная Сосьва, Сыня, Войкар; Шурьшкарский Сор)» (Бауло, 2013. С. 571). У некоторых народов (ненцев, эвенков, чукчей, эскимосов, северных индейцев) существовали дошаманские действия охотников, участники которых надевали на себя цельные звериные шкуры и совершали ритуальные пляски с целью привлечения зверя на промысле и обеспечения хорошей добычи (Прокофьева, 1971. С. 8).

Принимая к сведению эти данные, а также с учётом зафиксированных на поселении следов от выполнения операций с цветным и чёрным металлом, не будет ошибочным предположить, что найденная в сползшем культуросодержащем почвенном горизонте плакетка с навершием в виде головы филина, а также и два других культовых предмета из культурного слоя (илл. 28, 9, 11), могли служить сакрально значимыми антропоморфизированными изображениями предка (духа), символом коллектива. Они были необходимыми атрибутами обрядовой практики, связанными в архаичном сознании не только с охотничьими промыслами, но, в том числе, и с магией получения и обработки металла.

Как представляется, рассматривать поселение Югорская сопка следует не изолированно, а в контексте с общей, реконструированной для северо-востока западного Приуралья, археологической обстановкой. В научной литературе су-

ществует точка зрения, согласно которой «культурное пространство» Печорского Приуралья с глубокой древности было неоднородным (Мурыгин, 2013). В Припечорье обитало население, в археологических культурах которого продолжительное время сохранялись признаки как самодийских, так и финно-угорских народностей. Постоянно подпитываемый, в основном, инфильтрациями из Западной Сибири местный, родственный зауральскому, этнокультурный компонент являлся составной и неотъемлемой принадлежностью этого региона европейского северо-востока с эпохи раннего металла и вплоть до средневековья (Археология Республики Коми, 1997). Формирование археологических культур таёжной и тундровой зон Печорского Приуралья проходило на фоне многовекового развития близкородственных нижеобским местных культурных комплексов, при одновременном непосредственном участии (прямое проникновение) коллективов из западносибирского (угро-самодийского) ареала обитания.

Очередная активизация взаимодействия местных и пришлых групп на пространствах европейского северо-востока произошла на рубеже раннего железного века — средневековья. Объективным фактором для этого послужили кризисы и массовые миграции гуннского этапа Великого переселения народов, которые не обошли стороной и северную периферию уральского региона Евразии. Населявшие эту территорию охотничье-рыболовецкие группы были дифференцированы на основе ландшафтно-климатических, хозяйственных и этнокультурных различий, имели экономику присваивающего типа, обладали высокой миграционной подвижностью (находились в состоянии периодичного «освоения» территории).

Эти положения археологически подтверждаются тем, что по всей области расселения припечорских племен — между Тиманским кряжем, Уральскими горами и хребтом Пай-Хой — на местной средневековой керамике выявлены элементы, выступающие в чистом виде или получившие преимущественное развитие в западносибирских культурах с гребенчато-фигурно-штамповой посудой (Мурыгин, 1992; 2004. Рис. 1, 2–7). Керамика нижеобского облика и типологически близкая ей хорошо известна на памятниках Припечорья от верховий реки до водораздельных озёр Среднего Тимана и далее на Север почти до побережья Баренцева моря (Мурыгин, 1992. С. 142–145, 165–167).

В связи с вышеизложенным можно согласиться с точкой зрения, согласно которой материалы Югорской сопки, сравниваемые с зеленогорскими, документируют один из импульсов проникновения обского населения в тундровую зону крайнего европейского северо-востока (Каган, Питулько, 1993. С. 107, 109). Однако на данном этапе исследования мы не можем ни отрицать, ни утверждать, что открытие в припечорских тундрах памятника типа поселения Югорская сопка является: 1) примером миграции в представительных количествах; 2) разовым проникновением небольших групп или многовековой инфильтрацией обско-печорского населения на крайний север западного Приуралья; 3) результатом автохтонного развития.

Важнейшим позитивным обстоятельством, способствовавшим расширению обско-печорского этнокультурного ареала к западу от Урала, в частности, по севернотрансуральскому («чрезкаменному») миграционному пути, явились, видимо, благоприятные природные условия, сложившиеся в среднесубатлантический период на Крайнем Севере.

Согласно схеме зонального деления голоцена северо-востока европейской части России, период существования поселения Югорская сопка приходится на климатическую зону SA-2 (1800–1200 л. н.), характеризующуюся потеплением и новым расцветом темнохвойных лесов (Никифорова, 1982. С. 156, 160).

Эти общие данные палеогеографии были конкретизированы по исследованной площади памятника на основе палинологического исследования образцов из стратиграфических разрезов памятника¹³. В общих чертах они позволили реконструировать изменения природной среды, которые происходили на этой местности. Споро-пыльцевые комплексы из подстилающих культурный слой отложений показали распространение на озёрной террасе коренной растительности (разряженные елово-берёзовые леса с примесью сосны, карликовой берёзы, багульника, голубики). Однако в период освоения территории человеком, обустройства и существования поселения произошла резкая перестройка типа растительности — из состава леса исчезла ель, почти вся сосна и древовидная берёза. Как представляется, эти перемены связаны, скорее всего, не с изменившимися условиями окружающей среды в целом по региону, а с деятельностью человека на территории урочища. На антропогенную трансформацию естественного природного ландшафта в локальном местообитании указывает появление большого количества папоротников сем. *Ophioglossaceae*, в частности, гроздовника, встречающегося на участках с нарушенным когда-то растительным покровом (заросшие обочины лесных дорог, выемки земли и т. п.).¹⁴

Споро-пыльцевые комплексы вышележащих почвенных отложений отражают постепенное восстановление растительности в месте расположения поселения. Увеличивается количество берёзово-сосновых лесов с примесью ели, формируются ерниковые заросли из кустарниковой, кустарничковой берёзы и ивы. Отмечено большое количество видов сем. *Cichoriaceae*. Самый верхний споро-пыльцевой комплекс показал распространение здесь современной лесотундры.

Таким образом, согласно результатам радиоуглеродного анализа, памятник датируется четвёртой четвертью IV — третьей четвертью VII вв. н. э., что позволило более точно установить время его существования. Споро-пыльцевые комплексы из разреза почвенных отложений на памятнике показали, с одной стороны, их соответствие общепринятой схеме зонального деления голоцена северо-востока европейской части России, с другой — изменение их состава под антропогенным воздействием в период отложения культурных остатков.

Стратиграфические наблюдения, не выявившие каких-либо конструкций на месте предполагаемого рва (поперечного углубления), позволяют отнести памятник к неукреплённому поселению, сознательно устроенному в естественно труднодоступном месте (мыс с крутыми склонами) и с хорошим обзором практически всей основной площади озера.

Планировка памятника периода его существования могла состоять из жилого пространства и производственной части. Целый ряд взаимосвязанных находок на поселении (многочисленные шлаки и фрагменты глиняной обмазки, масса мельчайших кальцинированных косточек животных, фрагменты тиглей и деталей воздухопроводов) свидетельствуют о развитии местной металлургии и металлообработке цветных и чёрных металлов. Как показали результаты микрозондового исследования, в производстве использовалось как местное, так и привезённое сырьё. На сегодняшний день можно только предполагать использование в чёрной металлургии местных окисных железных руд, а для медного литья могли ис-

¹³ Анализ выполнен канд. г.-м. наук, с.н.с. Т. И. Марченко-Вагаповой (лаборатория геологии кайнозоя Института геологии Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар).

¹⁴ Природный ландшафт — территория, которая не подверглась изменению в результате хозяйственной и иной деятельности и характеризуется сочетанием определённых типов рельефа местности, почв, растительности, сформированных в единых климатических условиях.

пользоваться медистые окисные руды с месторождений Урала и Тимана. Однако возможна и вторичная переплавка привозных изделий.

Культурный комплекс в целом ставит поселение Югорская сопка в один ряд с памятниками циркумполярного Заполярья, основатели которых уже с 1-й пол. I тыс. до н. э. овладели процессом чёрной металлургии. Не будет большим преувеличением позиционировать поселение Югорская сопка как памятник с чёрной металлургией полного цикла (добыча руды, варка железа, производство готовых изделий), сопровождавшимся ритуальными действиями, подчёркивающими значимый сакральный характер получения и обработки металла. Вместе с другими известными на сегодняшний момент источниками из нижнего Припечорья, культурные остатки поселения Югорская сопка указывают на существование в обле-сённой части заполярной Печоры локальной группы средневекового населения с отличным от традиционно тундрового хозяйственного-культурного типа.

Весь облик керамики памятника (фигурные штампы, свисающие ленты, флажковый и паркетный узор, ромбическая сетка, жемчужник, высокогорлые сосуды) свидетельствует, что основным компонентом при формировании этнокультурного облика жителей поселения являлись коллективы из обско-печорского угро-самодийского ареала. Фрагменты пористой керамики с органической примесью, а также со шнуровой орнаментацией в виде горизонтальных линий и «подковок», нехарактерны для керамического производства населения европейского Заполярья и свидетельствуют, в частности, о связях с территориально удалёнными древнеугорскими культурами лесного Зауралья или приуральскими культурами финно-пермского облика.

Стоянка Салиндейты 3. Памятник открыт в 2009 г. жителем Нарьян-Мара В. Н. Куликовым, обследован в 2010 г. археологическим отрядом Ненецкого краеведческого музея (нач. И. В. Хозяинов). Стоянка расположена в западной части Большеземельской тундры, в границах невысокой песчаной гряды, окружённой заболоченными низинами и протянувшейся с юга на север параллельно руслу р. Печоры практически вплоть до её устья (илл. 1). На всём своём протяжении (от Городецкого озера до устья р. Ортиной) верхи этой слабо холмистой возвышенности существенно разрушены глубокими обширными котловинами выдувания — яреями. Находится в 46,5 км к северо-востоку от Нарьян-Мара, в 8,3 км к востоку от моста (?) в 60 м от грунтовой дороги на Ванейвисскую площадь, на левом берегу р. Салиндейты-вис, соединяющей оз. Салиндейты и р. Ортину (правый приток р. Печоры), в 20 метрах к югу от уреза воды на высоте около 1 м.

Площадь памятника и окружающая местность сильно повреждены котловинами выдувания, занимающими очень большие площади по обоим берегам реки (илл. 31). По краю выдува, на береговом валу р. Салиндейты-вис (высота над основанием ярея свыше 3-х м) и небольшими участками внутри яреев, растительность в верхнем ярусе представлена зарослями берёзы, в том числе кустарника карликовой берёзы. Нижний ярус представлен отдельными включениями осоковых видов трав на мохово-лишайниковой подстилке.

В 2014 г. Северный археологический отряд отдела археологии Института ЯЛИ Коми научного центра Уральского отделения РАН совместно с Ненецким краеведческим музеем вёл археологические раскопки стоянки Салиндейты 3 на территории Ненецкого автономного округа. Вещевой инвентарь, собранный на поверхности котловины выдувания (площадь сбора 10 × 20 м), был представлен обломками глиняной посуды (илл. 32). В 2021 г. исследования на памятнике были продолжены сотрудником Ненецкого краеведческого музея А. В. Коротаевым. Общая площадь раскопа составила 32 м², площадь вскрытия культуросодержа-

*Илл. 31. Ненецкий автономный округ. Стоянка Салиндейты 3.
Вид на местоположение памятника. Снимок с северо-запада*

*Илл. 32. Ненецкий автономный округ. Стоянка Салиндейты 3.
Сбор подъемного материала на разрушенном участке памятника. Снимок с северо-запада*

щего слоя около 26,3 м². Максимальная глубина раскопа составила около 207 см от современной дневной поверхности. Культуросодержащий слой незначителен по своей мощности, частично разрушен и перекрыт разной толщины навешными песками.

На поверхности в разрушенной части памятника собран подъёмный материал в виде фрагментов глиняной посуды. В культуросодержащем слое обнаружены фрагменты глиняной посуды и фрагмент кости. Объектов и сооружений в культуросодержащем слое не выявлено. Материал, полученный при исследовании стоянки Салиндейты 3 в 2021 г., соответствует материалу предшествующих исследований.

В 2014 г. на стоянке был заложен раскоп площадью около 74 м². Юго-западной (фронтальной) стороной он примыкал к котловине выдувания (край раскопа неровный и соответствовал сохранившейся линии погребённой почвы), а северо-восточной (тыльной) был врезан в береговую дюну на краю поймы р. Салиндейты-вис. На поверхности котловины выдувания, у края выхода погребённого подзола на современную дневную поверхность, с юго-западной стороны раскопа на площади около 18 м² (3 × 6 м) был собран подъёмный материал в виде сильно выветренных фрагментов керамики (илл. 33) и мелких кальцинированных косточек животных.

Илл. 33. Ненецкий автономный округ. Стоянка Салиндейты 3. Фрагменты сосудов на разрушенном участке памятника. Керамика. Снимок с запада

Современная дневная поверхность имела значительное понижение в сторону разрушенного участка стоянки. Перепад высот от условного «0» (юго-западный склон береговой дюны) по отношению к обнажению погребённой почвы на краю ярея составил 116 см, к дну выдува доходил до 170 см. На площади около 58 м² раскопки велись до появления погребённого почвенного горизонта, который имел уклон не менее 50 см от края ярея в сторону поймы реки и в северо-восточной части раскопа резко уходил вниз на неустановленную глубину. Видимо, раскопом

был выявлен древний берег р. Салиндейты-вис, засыпанный на протяжении многих столетий песчаными дюнами, вблизи края которого и располагалась древняя стоянка.

Культуросодержащий погребённый почвенный горизонт был представлен белёсым подзолом (мощность до 10 см, в корневых западинах до 15 см) (илл. 34). Поверх него прослежены остатки частью развеянного растительно-дернового слоя мощностью до 16 см (имел вид пачки слоистых отложений из чередующихся прослоек жёлтого песка и тёмно-серого гумуса) со следами сильного горения в виде зольно-углистых прослоек чёрного цвета, которые были выявлены и в кровле подзола. Оба слоя были погребены мощной толщей наваянного светло-жёлтого песка слоистой структуры (до 1 м на исследованной площади погребённой почвы) и полностью уничтожены выдувами с юго-западной стороны. Нижний (подстилающий) темно-жёлтый песчаный горизонт профиля раскопа в своей кровле содержал множественные железистые образования (ортштейн), представляющие собой различные по величине комковатые рассеянные конкреции или крупные гнёзда, иногда залегавшие в виде пласта (илл. 35).

Все находки залежали в кровле подзола (илл. 36), в зоне его смыкания с дерново-гумусовым слоем, т. е. практически были приурочены к древней дневной поверхности и сосредоточивались у юго-западного края раскопа.

На исследованной площади погребённого горизонта почвы выявлено два кострища в виде зольно-углистых пятен неправильной формы, размерами 140 × 204 см (№ 1; мощность до 6 см) и 60 × 84 (№ 2; мощность около 2 см). Линзы кострищ тёмно-коричневого цвета залежали в стыке погребённого подзола и дерново-гумусового горизонта. Большая часть кострища № 2, от которого сохранилась очень небольшая часть, была разрушена котловиной выдувания, и, видимо, значительная часть подъёмного материала, если не полностью, происходит из него. В заполнении кострищ найдены фрагменты глиняной посуды и очень мелкие кальцинированные кости животных.

Илл. 34. Ненецкий автономный округ. Стоянка Салиндейты 3. Вид на культуросодержащий слой погребённого подзола после зачистки. Вид с юго-запада

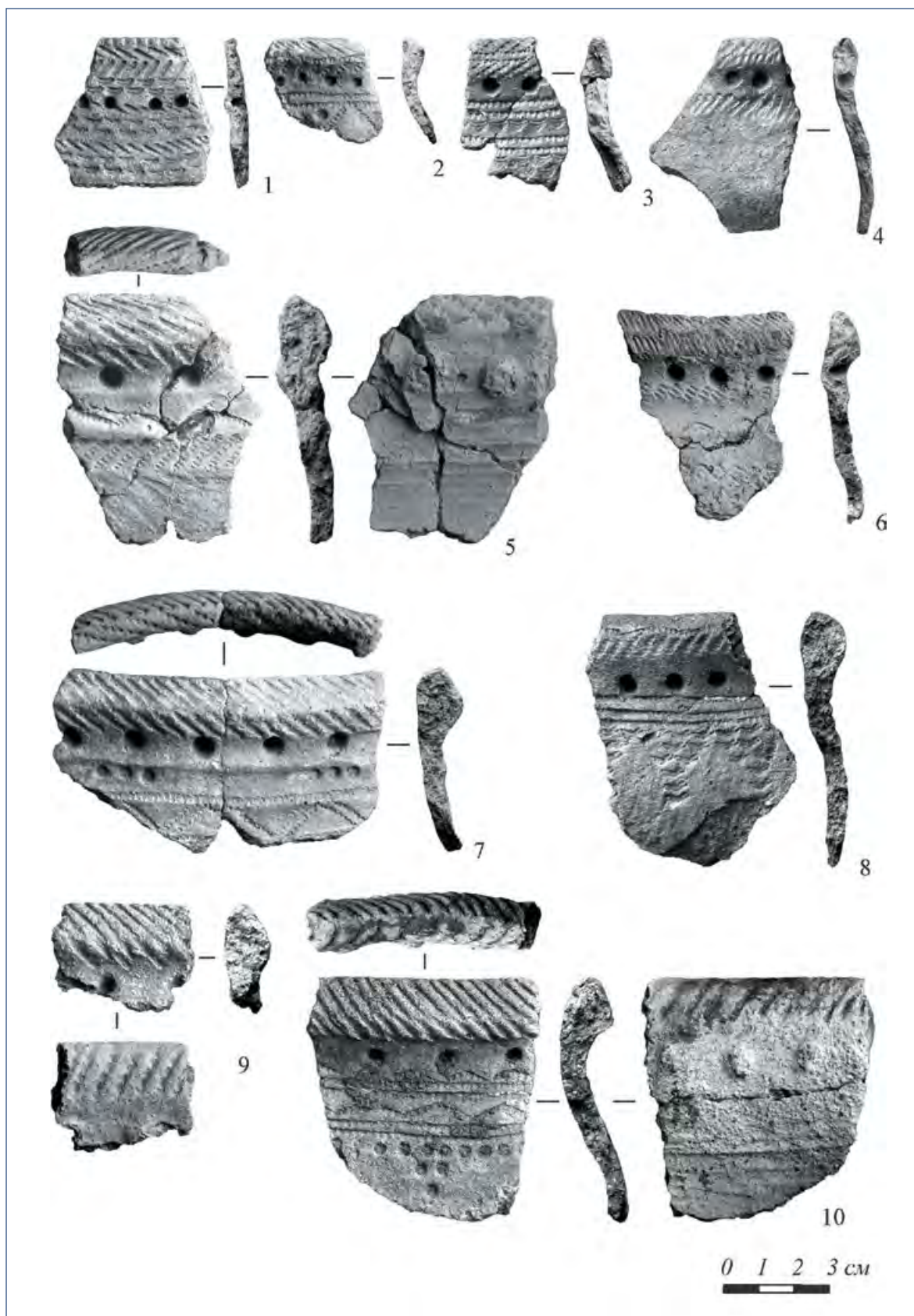

Илл. 35. Ненецкий автономный округ. Стоянка Салиндейты 3. Фрагмент керамического сосуда в культуровмещающем погребённом слое. Снимок с северо-востока

Илл. 36. Ненецкий автономный округ. Стоянка Салиндейты 3. Вид на участок раскопа после выборки культуровмещающего погребённого горизонта почвы. Снимок с юго-запада

Вне кострищ находки крайне немногочисленны и также представлены керамикой, идентичной найденной в кострищах.

Илл. 37. Ненецкий автономный округ. Стоянка Салиндейты 3. Вещевой инвентарь. Фрагменты сосудов. Керамика

Абсолютное большинство находок составляют неорнаментированные фрагменты керамики (49,5%) и кальцинированные косточки животных (34,0%). Большая часть из них сосредоточена в подъёмном материале (63,1%) и кострищах (35,2%). Керамика сильно фрагментирована, сосуды полностью не реставрируются и не реконструируются.

По обломкам шеек и верхней части тулова выделяются не менее 18 отдельных сосудов (илл. 37). В глине всех сосудов примесь дресвы. На части из них изнутри прослежены выраженные следы заглаживания в виде широких глубоких расчёсов. Цвет поверхности желтоватый или тёмно-серый, до чёрного. Первая группа сосудов (илл. 37, 5–10; 11 экз.) имеет хорошо профилированную короткую выпуклую шейку подтреугольной формы и узкий приострѐнный венчик. У сосудов этой группы утолщённая (валикообразная) шейка (11–17 мм), превышающая толщину плечиков и тулова (5–6 мм) в 2–3 раза, прослежены выраженные следы нагара (6 экз.) и такую керамику можно отнести к кухонной посуде. Вторая группа (илл. 37, 2–4; 6 экз.) представлена небольшими сосудами с менее утолщённой (толщина шейки 6–7 мм, стенок 3–5 мм), но сохраняющей подтреугольную форму шейкой без следов нагара. Они являлись, скорее всего, столовой посудой. К третьей группе (илл. 37, 1; 1 экз.) отнесѐн сосуд (толщина стенок около 4 мм) со следами нагара. Он представлял собой, видимо, почти прямостенную глубокую чашу или банку (?) с невыделенной шейкой и скошенным внутрь уплощённым венчиком.

Большинство сосудов орнаментированы в верхней части — по венчику, шейке и плечикам. Орнаментация по венчику отсутствует только у сосуда третьей группы. Полностью орнаментальная зона прослеживается не менее чем на шести сосудах. Узоры на всей керамике выполнены небрежно. В некоторых случаях зубчатые оттиски и удлинѐнно-гладкие вдавления трудно различимы. Общий стиль орнаментации довольно однотипен. Его можно охарактеризовать как ямочно-гребенчатый, с добавлением в орнаментальную композицию фигурных элементов (8 сосудов; 44,4% от общего числа выделенных) в виде уголковых оттисков вершинами вверх и вниз, а также строенных или нанесѐнных на равных интервалах друг от друга кругло-крестовых оттисков. Техника нанесения узоров штампованная и только на одном сосуде наклонные зубчатые оттиски выполнены способом отступающей гребѐнки. Изнутри сосудов глубоким ямкам, нанесѐнными в один ряд на равных интервалах друг от друга на свободном от других узоров орнаментальном поле (17 сосудов), соответствовали «жемчужины». Исключение составляет сосуд третьей группы, у которого ямки сдвоены и затрагивают наклонные оттиски штампа. Для украшения венчика и утолщённой шейки типична многозональность — украшение несколькими рядами наклонных влево или вправо гладких, или зубчатых оттисков, спускающихся в большинстве случаев (12 экз.; 66,7% от числа украшенных по венчику) на внутреннюю сторону края сосуда, и горизонтальными или зигзагообразными оттисками зубчатого штампа. Примечательно, что изнутри шейка не украшена преимущественно у предположительно столовой посуды. Ниже шейки зубчатым штампом также нанесены наклонные и горизонтальные оттиски, зигзаг. Кроме горизонтально расположенных, в двух случаях отмечены узоры в виде свисающих фестонов, выполненных уголковым и кругло-крестовым штампом. На трёх сосудах прослежены каннелюры (желобчатые углубления) в области шейки.

В керамике стоянки проявляются традиционные для населения заполярных областей северо-востока Европы признаки формы и орнаментации. Ближайшие параллели большая часть такой ямочно-гребенчатой посуды с утолщённым краем

находит в поздних памятниках субарктической культуры, за исключением редких находок в районах северной тайги бассейна Печоры (поселения Зыбун-нюр III, Усть-Айюва I, Брысвинское, Кыско, Ружникова) (Мурыгин, 1992. Рис. 40, 11; 72, 1–6). Они свидетельствуют о проникновении коллективов из Заполярья северо-востока Европы в таёжную зону Припечорья вплоть до 63° северной широты.

В качестве аналогий из высоких широт европейского северо-востока можно привести находки глиняной посуды со стоянок Лямчин III, Покойничный I, Наульто, Талотаяха IV, местонахождений с р. Яйяхи (Мурыгин, Карманов, Кленов. 2012. Рис. 3, 5, 7; 11, 6–8; 16, 1–5; 19, 4, 5). В числе наиболее характерных памятников Большеземельской тундры можно отметить Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, поселение Коматывис I, местонахождения Колва-вис 11/88, Колва-вис 12/89, Колва-вис 15/92. Керамика с такими морфологическими признаками формы и орнаментации выделена в тип Коматывис, документирующий позднюю стадию развития этой заполярной археологической культуры (Мурыгин, 1992. С. 164). Глиняная посуда, видимо, этого же круга заполярных культур найдена в комплексах эпохи железа из Малоземельской тундры — Сударма I, Минина Виска I (Мурыгин, 1992. Рис. 71, 2–17).

За пределами тундр европейского Севера аналогии субарктической керамике можно найти на памятниках прибрежно-береговой полосы п-ва Ямал — землянки поселения Тиутей-сале (Чернецов, 1935. С. 109–133. Табл. II, 2–4, 8–21; 1957. С. 136–245. Табл. XXV) и дюнная стоянка Тиутей-сале на западном побережье (Чернецов, 1935. Табл. II, 1, 5–7; 1953. С. 63–69. Рис. 6), сопка Харде-седе, поселение Находка на восточном побережье (Лашук, 1968. С. 178–193. Рис. 2). Дюнная стоянка Тиутей-сале датирована эпохой средневековья (3-я четв. I тыс. н. э.) и относится к зеленогорской культуре (Чернецов, 1953. С. 63–69; Морозов, Стефанов, 1989. С. 158; Мурыгин, 1992. С. 144), остальные — к оронтурскому типу керамики Нижнего Приобья, VI–IX вв. н. э. (Чернецов, 1957. С. 191–196; Лашук, 1968. С. 184–188). Такая же посуда обнаружена во втором горизонте поселения Карпова Губа на западном побережье о. Вайгач, имеющим радиоуглеродную дату 1180 ± 40 С¹⁴ л. н. (ЛЕ–2844), примерно вторая половина VIII — середина IX в. н. э. (Каган, Питулько, 1993. С. 103, 106. Рис. 2, 1, 4, 5; Pitul'ko, 1991. P. 23–34. Fig. 3, 1, 4, 5) и в слое III поселения Мыс Входной на северном побережье Югорского п-ва с радиоуглеродной датой 1080 ± 40 С¹⁴ л. н. (ЛЕ–4054), вторая половина IX — середина X в. н. э. (Каган, Питулько, 1993. С. 103, 106. Рис. 1, 11; Хлобыстин, Питулько, Станюкович, 1993. С. 116–127; Pitul'ko, P. 23–34. Fig. 5, 10).

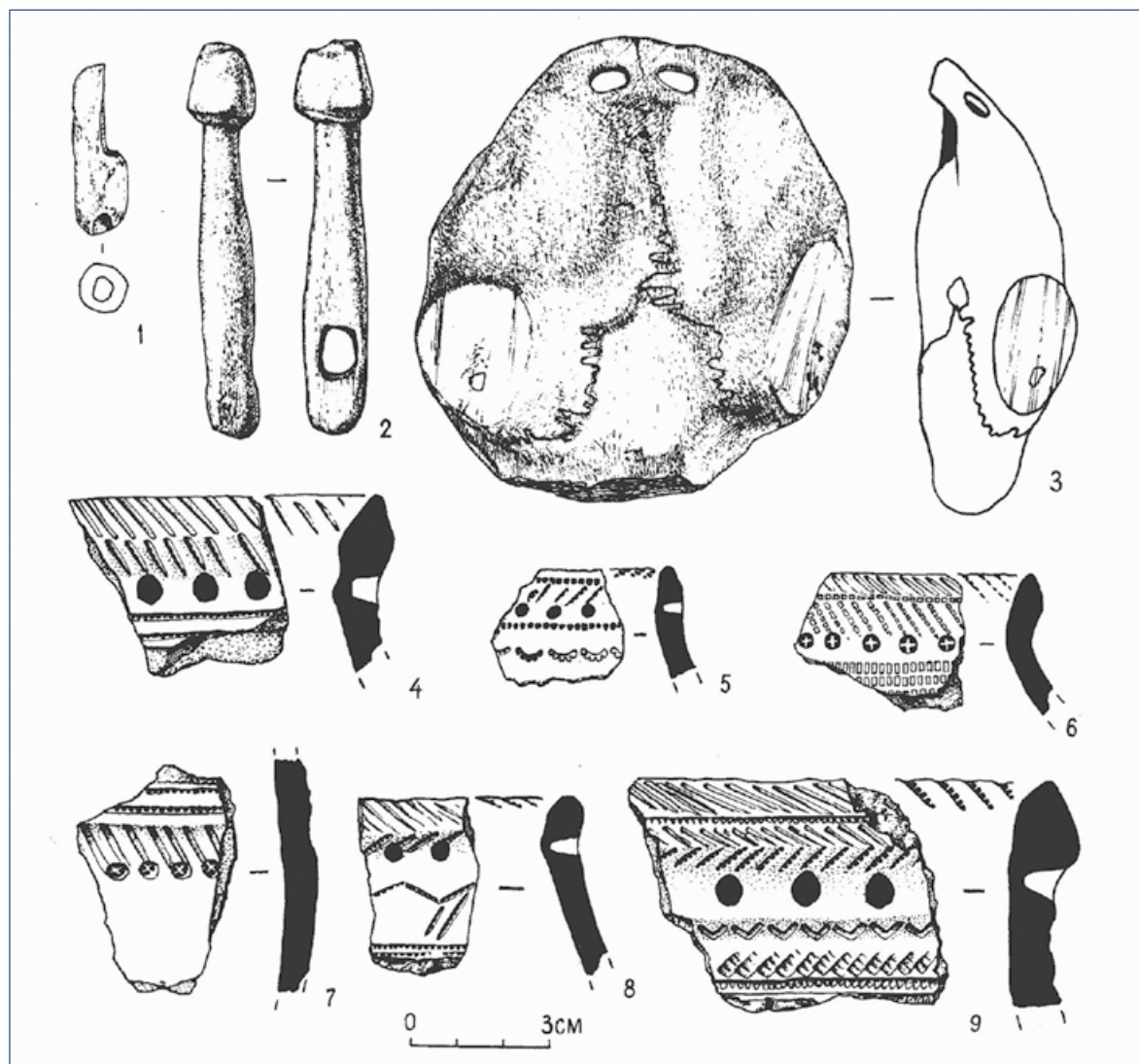
Керамические материалы стоянки Салиндейты 3 фиксируют появление групп населения субарктической культуры в прирусловых облесенных районах р. Печоры.

Поселение Коматывис I. Поселение расположено в Большеземельской тундре на северо-восточном берегу оз. Сейто, примыкающего с запада к приустьевой части ручья Коматывис в системе Вашуткиных озер (илл. 1). Памятник открыт В. С. Стоколосом в 1982 (Мурыгин, 1992; 1997). Датирован последней четвертью I тыс. н. э. Аналогичная керамическая посуда обнаружена во втором горизонте поселения Карпова Губа на западном побережье о. Вайгач, имеющим радиоуглеродную дату 1180 ± 40 С¹⁴ л. н. (ЛЕ–2844), примерно — 2-я пол. VIII — сер. IX в. н. э. (Каган, Питулько, 1993. С. 103, 106; Рис. 2, 1, 4, 5; Pitul'ko V, 1991. P. 23–34; Fig. 3, 1, 4, 5), и в слое III поселения Мыс Входной на северном побережье Югорского п-ва с радиоуглеродной датой 1080 ± 40 С¹⁴ л. н. (ЛЕ–4054), втор. пол. IX — сер. X в. н. э. (Каган, Питулько, 1993. С. 103, 106; Рис. 1, 11; Хлобыстин, Питулько, Станюкович. 1993; Pitul'ko V, 1991. P. 23–34; Fig. 5, 10).

Исследовано 168 м². В раскопе расчищены наземные очаги округлой и неправильной формы зольно-углистой линзы незначительной мощности и размеров. Строение почвы: 1 — тонкий и плотный слой дёрна 4–6 см; 2 — серый песок с галечником и гравием 6–10 см; 3 — влажный галечник. После углубления раскопа до 40 см начинала выступать вода. Находки были связаны с дерновым слоем и верхней частью серого песка до глубины 10 см от поверхности.

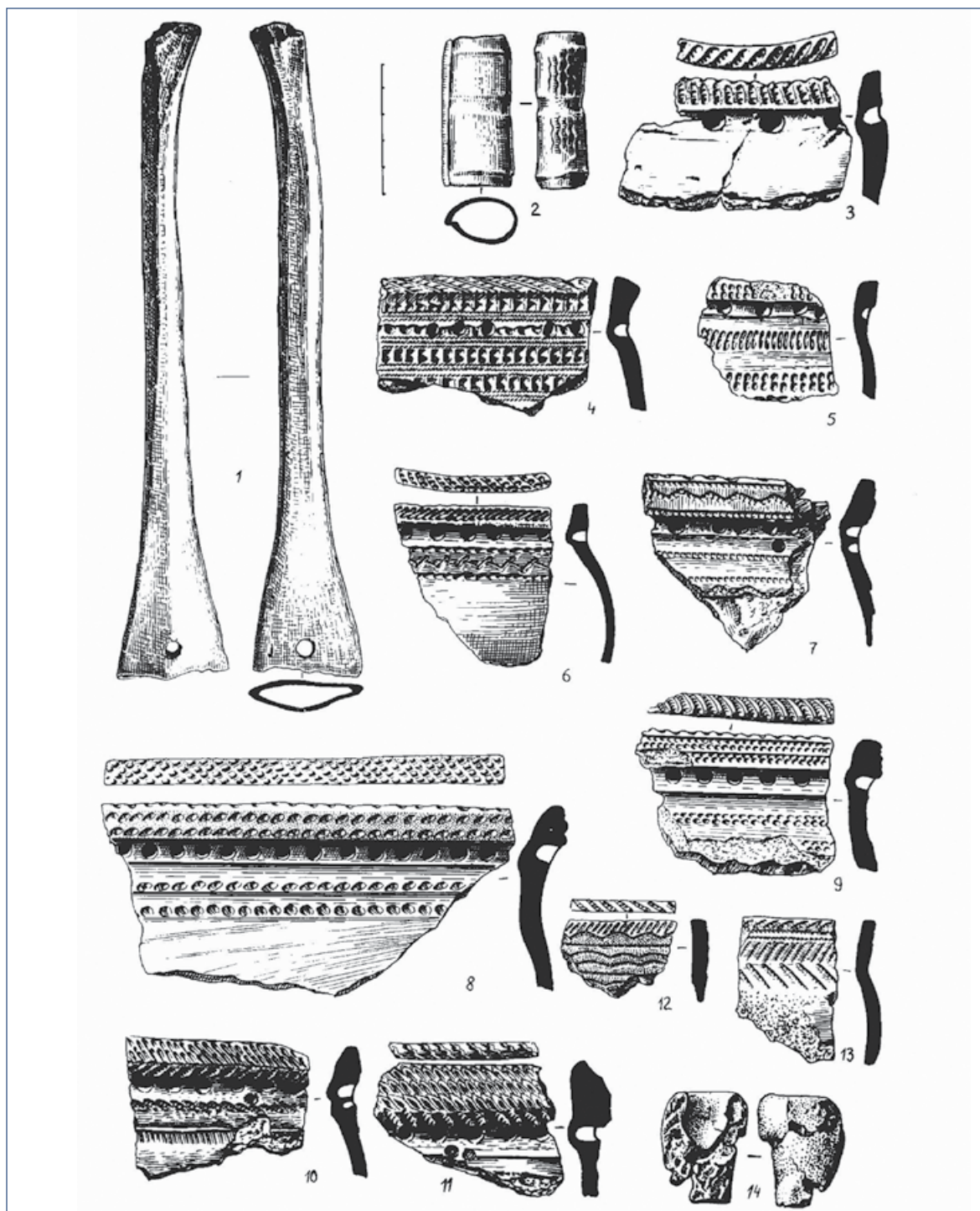
Находки в заполнении отсутствовали или очень незначительны. Из культурного слоя извлечены три костяных поделки — черепная крышка оленёнка с отпиленными рогами, обломок трубчатой косточки со следами обработки и стержень от двучастного пластинчатого вертлюга (илл. 38, 1–3). Керамика (илл. 38, 4–9) характеризуется сосудами с утолщённой валикообразной шейкой горшковидной и митровидной формы с уплощённым или округлым сужающимся дном, украшенные ямочно-гребенчатыми узорами, каннелюрами, фигурными штампами; при орнаментации применялась печатная и отступающая техники нанесения узоров.

Поселение Коматывис I относится к местной субарктической культуре заполярной зоны северо-востока Европы (тип «коматывис»), связанной своим происхождением с нижнеобско-ямальским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологических культур.

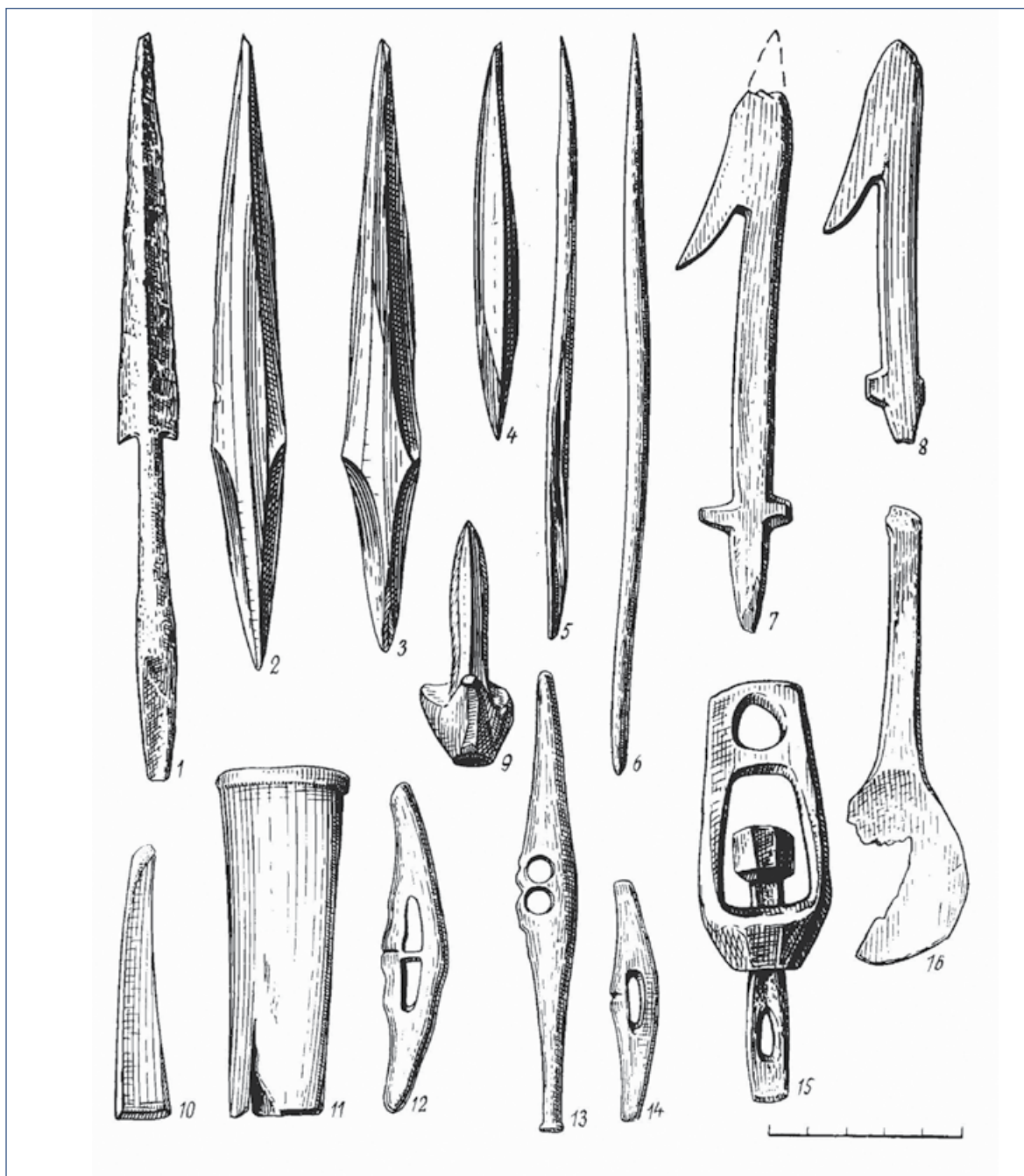

Илл. 38. Ненецкий автономный округ. Поселение Коматывис I. Вещевой инвентарь. 1–3 — кость; 4–9 — фрагменты керамических сосудов

Поселение Мыс Входной. Очень важным источником по изучению эпохи железа тундр европейского северо-востока является поселение Мыс Входной, существенно отличающийся от остальных поселенческих комплексов. Памятник расположен на небольшом мысе материкового побережья пролива Югорский Шар, на его западном створе (илл. 1). Было открыто в 1984 г. Югорским отрядом Архангельской арктической экспедиции и исследовалось в 1985–1986 гг. (Хлобыстин, 1985, 1986; Хлобыстин, Верещагина, Шумкин, 1988; Хлобыстин, Питулько,

Илл. 39. Ненецкий автономный округ. Поселение Мыс Входной (рубеж н. э. – кон. I тыс. н. э.).
 1 – роговая рукоять; 2 – игольник; 14 – рюмкообразный тигель;
 3–13 – фрагменты керамических сосудов

*Илл. 40. Ненецкий автономный округ. Поселение Мыс Входной (рубеж н. э. — кон. I тыс. н. э.).
Изделия из кости*

Станюкович, 1993). На этом участке пролив, отделяющий от материка о. Вайгач, имеет минимальную ширину, и именно здесь с древности существовала оленья переправа.

Поселение исследовано на площади 116 м². Культурный слой мощностью до 80 см, состоящий из гумусированного песка, выявлен на относительно небольшом, ровном, возвышенном участке основания мыса. Памятник многослойный, всего выделено 6 горизонтов, приуроченных к прослойкам погребённой почвы (Хлобыстин, 1985, 1986).

Судя по радиоуглеродным датам (1840 ± 40 (ЛЕ-4052) для слоя V, 1250 ± 40 (ЛЕ-4053) для слоя IV и 1080 ± 40 (ЛЕ-4054) для слоя III), время существования поселения определяется рубежом н. э. — концом I тыс. н. э.

В результате работ получен значительный материал (илл. 39; 40). Наиболее насыщены находками слои 3 и 4. Многочисленны изделия из кости и рога (лощило, игольник, фрагменты нарточных подполозков, упряжные вертлюги, пряжки для ременной упряжи, наконечники стрел, гарпуны, рукояти ножей, роговые ложечки, кусочки кости и рога со следами строгания и резания). Выявлены следы металлургического производства (фрагменты рюмкообразных тиглей). Анализ остеологического материала показал, что в течение всего времени существования поселения видовой состав добычи практически не претерпевал изменений. Для всех слоёв характерно наличие многочисленных костей северного оленя, моржа (кроме слоя VI), различных тюленей (лучше всего представлены в слоях I–IV), белого медведя (слои I, II, IV, обычно представлены клыками), песка (как правило, нижние челюсти, в редких случаях — фрагменты черепных коробок). Единичными находками представлены собака (IV слой) и лиса (?) (слой II). К ранее определённым для памятника птицам — куропатка, утка, гусь, лебедь — может быть добавлен журавль, представленный в слое IV. Для поселения Мыс Входной характерно почти полное отсутствие орудий из камня (найжены скребловидные орудия, изготовленные на плитках песчаника и сланца). Керамика из слоёв 2–4 достаточно однородна и типична для глиняной посуды Большеземельской тундры второй пол. I тыс. н. э. В керамике из нижележащих 5 и 6 слоёв прослеживается влияние продвинувшихся на северо-восток Европы групп населения с севера Западной Сибири (усть-полуйского, саровского-кулайского).

Анализ материалов позволил исследователям памятника говорить о том, что своеобразная, как они считают, арктическая приморская культура, документированная материалами поселения Мыс Входной, сложившаяся к середине I тыс. н. э. в прибрежной тундре крайнего Северо-Востока Европы, представляет собой самостоятельную линию развития, частично связанную с бичевницкой (?) общностью происхождения (гляденовский компонент?). Её происхождение связано с продвижением на европейский Северо-Восток носителей усть-полуйской культуры, испытавших, как показано Л. А. Чиндиной, сильнейшее влияние саровских кулайцев, отмеченное как в керамических, так и в вещевых комплексах (Чиндина, 1984. С. 166–169). Судя по радиоуглеродной дате V слоя, между экспансией саровцев на нижнеобские территории и появлением на европейском Северо-Востоке носителей приморской культуры, близкой к Усть-Полую, не было существенного хронологического разрыва. Близость к Усть-Полую подчёркивается составом орудийного набора поселения Мыс Входной, проявляется и в керамике, в которой выделяется такая специфическая, хотя и подвергшаяся некоторой трансформации черта, как поддоны, совершенно неизвестные на европейском Севере.

Как мне представляется, аналогии части керамики поселения с таёжной бичевницкой не имеют под собой серьёзных оснований. Скорее всего, отождествляемая с бичевницкой керамика поселения более близка керамической посуде *субарктического типа — Море-Ю или Хутьюнкосе*.

Однако в целом облик средневековой культуры на северо-востоке Большеземельской тундры в течение длительного времени определялся притоком на рассматриваемые территории нижнеобского и ямальского населения. Этот процесс фиксируется по многочисленным аналогиям в керамике памятников 2-й пол. I тыс. н. э. (Мурыгин, 1984; Чернов, 1985) и завершается появлением самодийцев на рубеже II тыс. н. э., что хорошо заметно в керамике I слоя поселения Карпова Губа (Хлобыстин, Питулько, Станюкович, 1993). Это событие не носило, однако, характер экспансии, и резкой смены этнической традиции на рубеже тысячелетий

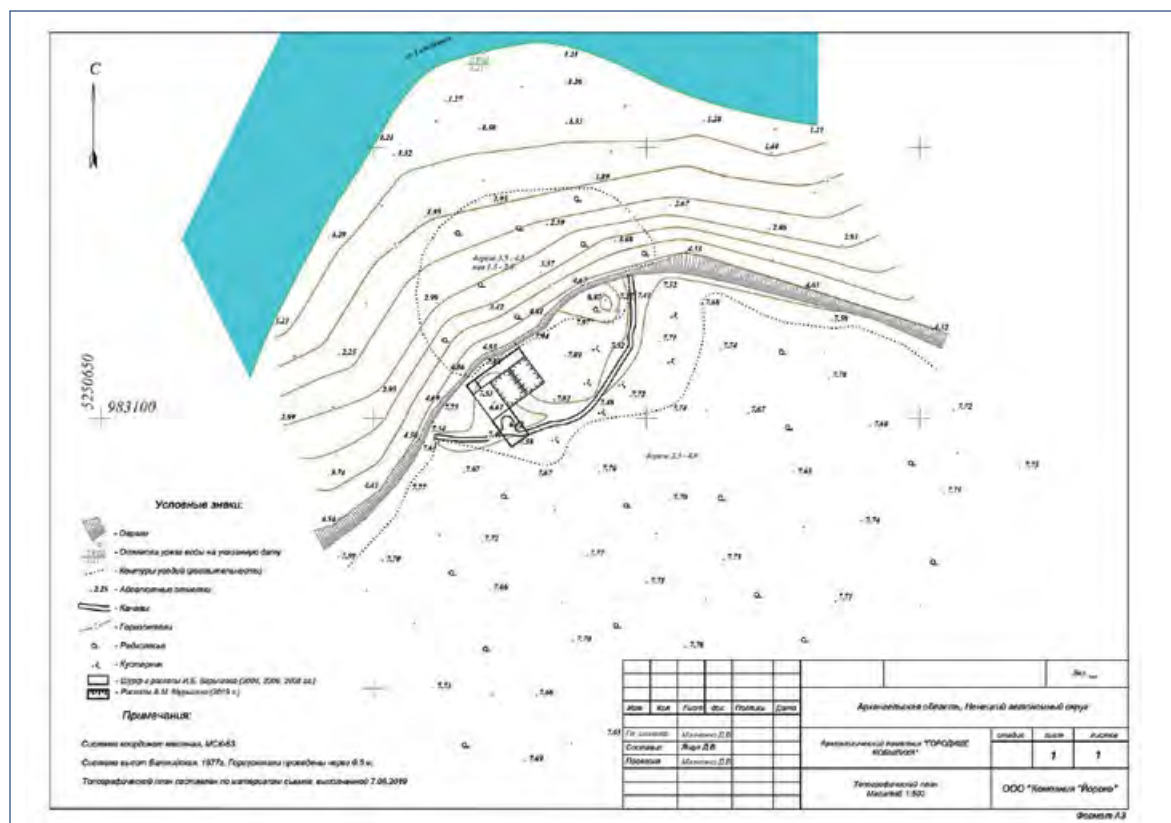
не было, хотя аборигенная культура и испытала сильнейшее самодийское влияние и вскоре оказалась полностью поглощённой.

Можно согласиться с авторами раскопок в том, что хозяйственно-культурный тип этого населения имел сложный характер и включал в систему природопользования как развитую морскую, так и сухопутную охоту с сезонной сменой основного промысла, с характерным челночным типом миграций. Контакты собственно бичевнических (?) и приморских групп, связанные с циклическими миграциями последних, обусловили сильное взаимопроникновение культур. Добавим, что можно рассматривать культуру прибрежно-берегового населения, оставившего поселение Мыс Входной, как «сезонный» вариант континентально-тундровой субарктической, специфические особенности которого были обусловлены своеобразием приморского ландшафта с соответствующими естественными ресурсами.

Городища

Городище Кобылиха. Открыто И. С. Клыгиной в 2001 г. и тогда же обследовано И. Б. Барышевым. Расположено в южный куту (углу) оз. Городецкого, в 400 м к востоку от лахты (залива) Кобылиха, на мысовидном выступе первой террасы высотой около 4–5 м от уреза воды в озере (илл. 1) (Барышев, Боярский, 2002. С. 10). Исследовано им же в 2004, 2006, 2008 гг. (Барышев, 2010).

Памятник находится на территории паркового леса, в районе распространения среднеподзолистых почв, которые подстилаются позднечетвертичными песчаными отложениями (илл. 41; 42). Площадка городища имеет подовальную форму и размер около 50 м с юго-запада на северо-восток и около 17 м с северо-запада на юго-восток и имеет форму сектора площадью около 850 м². Большая часть

Илл. 41. Ненецкий автономный округ. Городище Кобылиха. Топографический план памятника. Инструментальная съёмка

Илл. 42. Ненецкий автономный округ. Городище Кобылиха. Общий вид на береговую террасу в месте расположения памятника. Снимок с северо-востока

Илл. 43. Ненецкий автономный округ. Городище Кобылиха. Вид на восточный участок рва. Снимок с юго-запада

городища снесена береговой эрозией. Сохранилось около 20–25 % от первоначальной площадки городища, которая имела, вероятно, форму, приближённую к окружности. Поверхность памятника неровная, чуть покатая в юго-восточную (напольную) сторону, выровненные участки чередуются с аморфными западинами. Вал и ров (илл. 43) упираются концами в береговой склон и ограничивают площадку городища полукружьем, в центре которого, с юго-восточной стороны, находится пандус шириной до 2 м. Высота валов от уровня площадки городища достигает 0,5 м, а глубина рва 0,5 м. Ширина рва достигает 1,5 м. В прибрежной северной части памятника по разнице цвета, густоты и видовому составу растительности выделяются два прямоугольника, размером примерно 3 × 4 м и 3 × 5 м.

Площадка памятника и его обрыв к озеру хорошо задернованы, покрыты мхами, ягодными кустарничками (брусника), травой (на выровненных местах), кустами можжевельника и жимолости (по западинам), редкими деревьями (берёза, ель, карликовая ива).

В 2004 г. на юго-западном участке городища, на краю террасы, был заложен шурф 2 × 2 м (илл. 41), который показал наличие на городище культурного слоя мощностью до 0,5 м, содержавшего сырые кости оленя и водоплавающей птицы, небольшое количество мелких фрагментов кальцинированных костей, остатки сгоревших листовенничных плах, небольшое количество лепной керамики второй половины I тыс. н. э. При раскопках шурфа всего было найдено тридцать четыре предмета. Больше всего было найдено кремневых сколов и отщепов, фрагментов керамики. К индивидуальным находкам относятся железный нож, фрагмент бронзового изделия неопределённого назначения и несколько кремневых орудий — в основном скребки.

В 2006 г. было продолжено исследование городища раскопом 20 м² на приозёрной стороне террасы (илл. 41). В культурном слое вскрытой части городища мощностью до 40 см были выявлены сгоревшие деревянные конструкции из листовенничных плах, сопровождаемые отдельными камнями со следами воздействия высокой температуры, сырыми оленьими и птичьими костями, небольшими трудноопределимыми фрагментами кальцинированных костей, фрагменты керамики и индивидуальные находки (металлические, костяные и каменные предметы).

В 2008 г. на городище Кобылиха был заложен раскоп площадью 48 м² (илл. 41). Раскоп, размером 4 × 12 м, прилегал к юго-восточной стенке шурфа 2004 г. и части раскопа 2006 г., и был расположен под прямым углом к ним. Он был расположен так, чтобы рассекал вал и ров городища. В культурном слое вскрытой части городища можно выделить несколько комплексов объектов. К ним относятся сгоревшие деревянные конструкции из листовенничных плах, сопровождаемые отдельными камнями со следами воздействия высокой температуры, сырыми или обожжёнными костями животных и птиц, небольшими трудноопределимыми фрагментами кальцинированных костей. Ко второму комплексу относятся кости животных, фрагменты керамики и индивидуальные находки (металлические, костяные и каменные предметы). Ещё один комплекс составляют остатки сооружения, связанного с металлургическим производством и сопутствующие ему находки — железные шлаки, фрагменты глиняной обмазки, крица. Исследован главный комплекс объектов — оборонительная система городища, состоящая из рва и вала, на котором отмечены следы деревянного укрепления.

Автором раскопок предшествующих лет территория памятника топографически была разделена на три зоны. К *первой зоне* отнесена непосредственно территория городища, ограниченная валами и рвами. *Вторая зона* расположена с напольной стороны, за пределами городища. На её существование указала слу-

чайная находка фрагмента бронзового котла на расстоянии примерно 35 м к востоку от городища. При обследовании её с металлоискателем были выявлены более десятка сигналов, показывающих наличие цветного металла. Предметы из грунта не изымались. Территориальное распространение второй зоны точно было не установлено, так как на ней не производилось земляных работ.

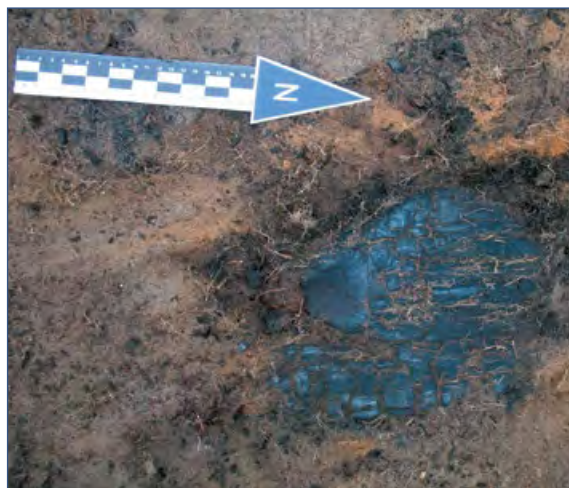
Под третьей зоной рассматривался бечевник непосредственно у подножья городища, на котором в 2001, 2004, 2006 гг. была собрана коллекция металлических изделий из железа, меди, бронзы, серебра (крицы, подвески, пронизки, наконечники стрел, ножи, детали поясного набора, дирхем X–XI вв., отдельные кольчужные кольца, фрагменты медных котлов и других изделий), относящихся ко 2-й пол. I тыс. н. э. — XIV в. (Барышев, Боярский. 2002. С. 10) и происходящие из разных регионов — Северное Приуралье, Прикамье, Волго-Окское междуречье, Западная Сибирь, Русь, Волжская Болгария, мусульманский Восток. Все артефакты поверхностного залегания, обнаруженные на бечевнике, находились в переотложенном состоянии на поверхности песка или в его толще, но не глубже 0,05–0,10 м от поверхности на территории, занимающей приблизительно 150 кв. м. Находки как бы проецируют на песчаный берег озера разрушенную часть городища. Территория распространения находок первоначально была ассоциирована с наличием на этом месте остатков святилища, одновременного городищу и отдельного от него. Однако позднее, исходя из своеобразия материала «святилища» Кобылиха и его компактного расположения прямо под террасой городища, можно предположить, что он происходит из некоего сакрального места, которое могло располагаться на самом городище. Тем более что раскопки на городище пока не дали такого обильного материала, какое находилось на «святилище».

Археологический материал городища во всех зонах датирован одним временем: 2-я пол. I тыс. — 1-я пол. II тыс. н. э. (Барышев, 2010. С. 227).

В 2019 г. на памятнике одним раскопом, связанным с раскопами И. Б. Барышева в единую сетку квадратов, изучена площадь 24,0 м² (илл. 44) (Мурыгин, 2021). Дневная поверхность на месте раскопа не имела видимых повреждений. Глубина раскопа доходила до 115 см от дневной поверхности.

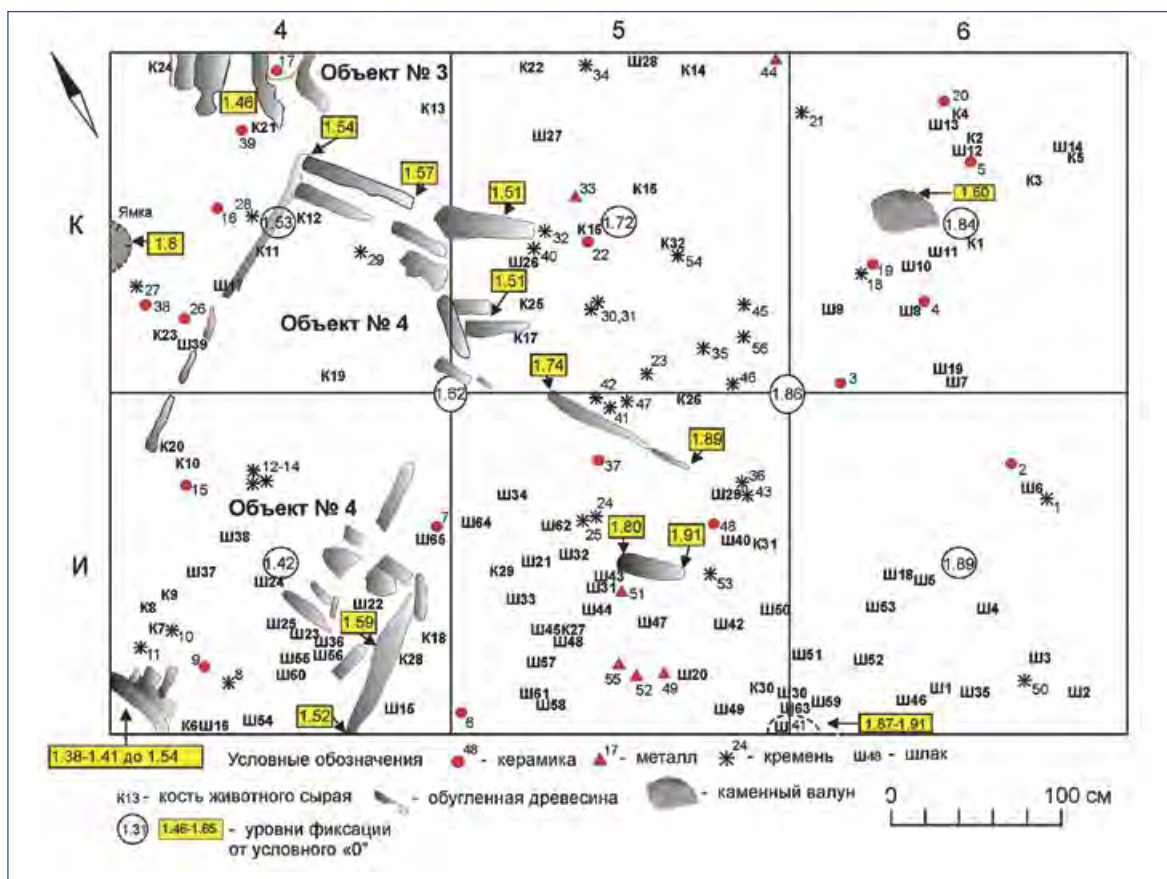

Илл. 44. Ненецкий автономный округ.
Городище Кобылиха. Работы 2019 г.
Начало раскопок. Удаление дерново-растительного слоя. Снимок с юго-запада

Илл. 45. Ненецкий автономный округ.
Городище Кобылиха. Работы 2019 г.
Деталь сгоревшей деревянной конструкции.
Плаха с затёсами. Снимок с северо-востока

Культуроросодержащий слой памятника имел мощность до 105 см. Представлен гумусированными супесчаными отложениями коричневатого и сероватого цвета.

Илл. 46. Ненецкий автономный округ. Городище Кобылиха. Работы 2019 г.
План раскопа (участок А; II горизонт 0,2–0,4 м)

На всю толщину культуросодержащие почвенные слои были насыщены продуктами горения, существенно перемешаны, размыты и мозаичны из-за чрезвычайно сильной турбированности корнями растений и норами землероев, по которым в культуросодержащие почвенные отложения проникали погребённый подзол, мелкозернистый светло-жёлтый и рыжий (ожелезнённый) материковый песок.

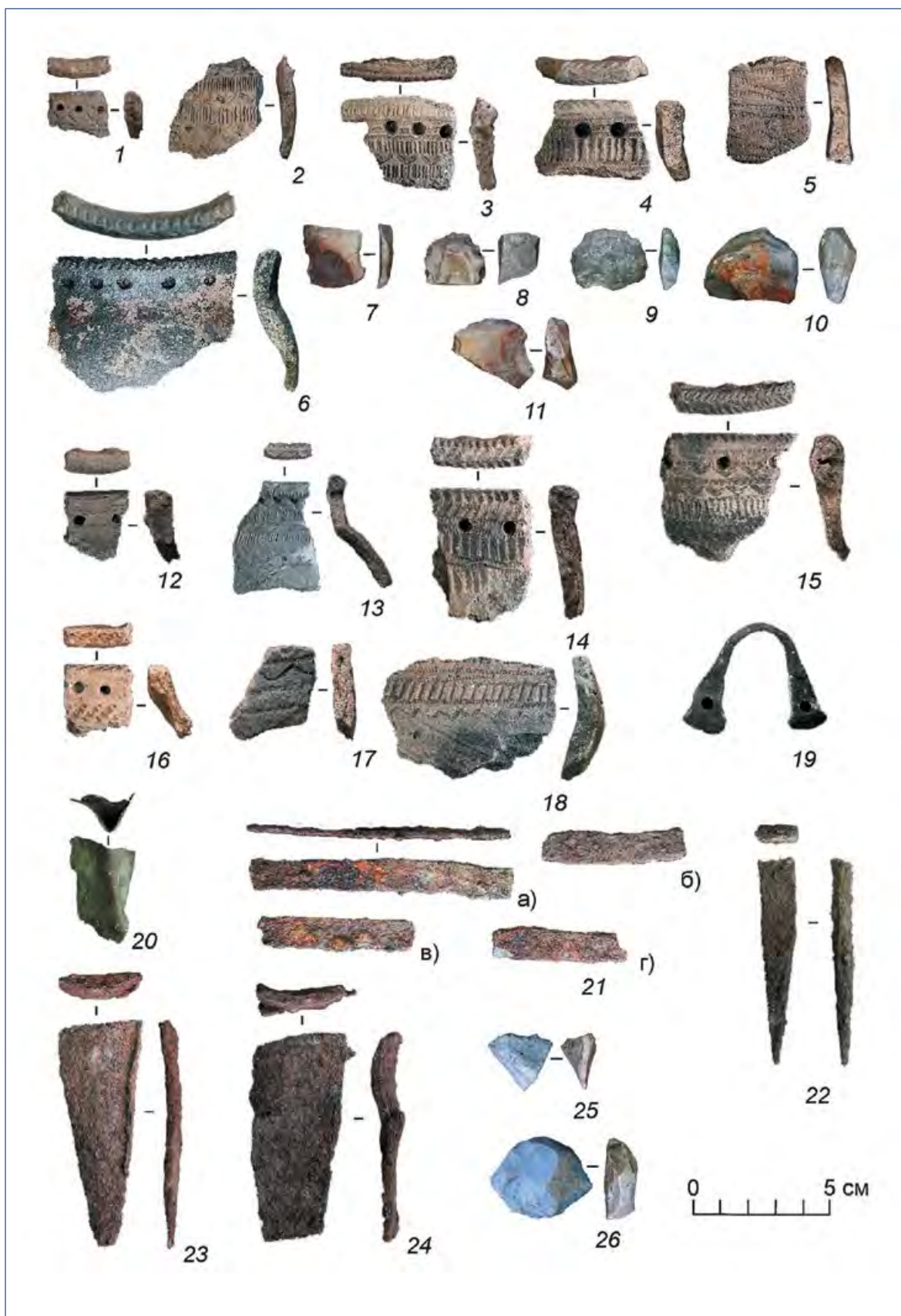
Илл. 47. Ненецкий автономный округ.
Городище Кобылиха. Работы 2019 г.
Остатки сгоревших деревянных конструкций

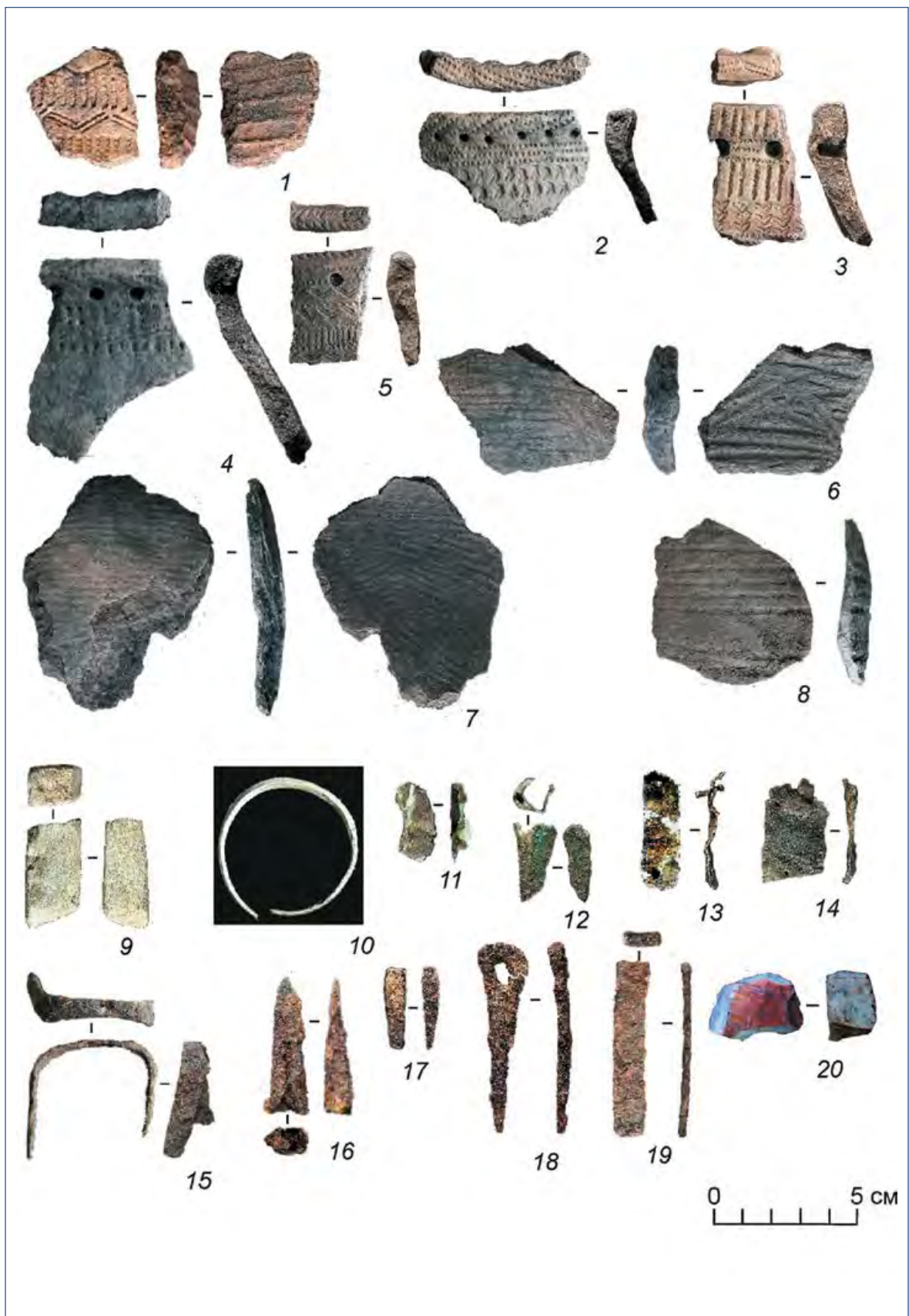
Илл. 48. Ненецкий автономный округ.
Городище Кобылиха. Работы 2019 г.
Общий вид на остатки сгоревшей деревянной
конструкции после расчистки.
Снимок с северо-востока

Илл. 49. Ненецкий автономный округ. Городище Кобылиха. Работы 2019 г. Горизонт 0,0–0,2 м. Вещевой инвентарь. 1 – глина, 2 – железо, 3 – кость

Илл. 50. Ненецкий автономный округ. Городище Кобылиха. Работы 2019 г. Вещевой инвентарь.
 Горизонт 0,0–0,2 м (Вещевой инвентарь. 1–6 – керамика, 7–11 – кремень).
 Горизонт 0,2–0,4 м (Вещевой инвентарь. 12–18 – керамика;
 19–24 – металл (19, 20 – цветной металл; 21–24 – железо); 25, 26 – кремень)

Илл. 51. Ненецкий автономный округ. Городище Кобылиха. Работы 2019 г.
 Вещевой инвентарь. Горизонт 0,4–0,6 м. 1–8 – керамика; 9 – некремневая порода;
 10–19 – металл (10 – белый металл, 11–14 – цветной металл, 15–19 – железо); 20 – кремнь

В верхней части культуросодержащих почвенных отложений частично расчищены остатки постройки в виде полусгоревших досок или плах, часть из которых складывались в конструкцию прямоугольной формы столбовая ямка (илл. 45–48). Находки (илл. 49–51) представлены преимущественно сырыми костями животных (часть со следами надрезов или застругов), кремневым инвентарём (отщепы и осколки, редко — орудия со скребковым краем), шлаками, в том числе с вкраплениями восстановленного железа и имеющие форму основания какой-то ёмкости. Керамика немногочисленна, типологически однородна и может быть охарактеризована как ямочно-гребенчатая с включением в орнамент фигурных штампов. Выделяется фрагмент стенки сосуда с горизонтально-линейным узором, предположительно от древнерусской керамики XII–XIII вв. (?). Также в числе находок оселки из некремневой породы, железные изделия неустановленного назначения и железные обломки, ушко от котла и пластинки из цветного металла, височное кольцо из проволоки ромбического сечения, концы — круглого сечения (белый металл), железные мездряки, фрагмент небольшого тигелька с приставшей каплей цветного металла. Кроме этого в коллекции представлены костяные изделия — ножи, деталь упряжи, «пестик». Также во всей толще отложений встречались случайным образом расположенные камни различных размеров со следами термического воздействия и без него. Независимо от категории вещевой инвентарь залегал на всю мощность почвенных отложений, от основания дернового слоя и вплоть до подстилающих песков. Явной закономерности в его размещении по глубине залегания и на плане не прослеживается.

В 2022–2023 гг. работы на памятнике продолжил А. В. Коротаев. Материалы раскопок находятся в стадии обработки и не опубликованы.

На основании имеющихся материалов городище Кобылиха входит в состав недавно выделенной локальной группы нижнепечорских археологических памятников *новоборского культурного типа*, сосредоточенных в облесенной долине Заполярной Печоры. В него также входят городище Ортинское, городище и святилище Гнилка, неукреплённые поселения Югорская сопка и Коткино I на территории Ненецкого автономного округа, городища Новый Бор I–IV на севере Республики Коми. Эти памятники по традициям керамического производства резко отличаются от существовавших в одно время с ними объектов, расположенных в континентальной тундре. Наблюдается сходство с нижеобско-ямальским и печорским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологических культур. На основании полученного материала исследованная часть памятника может датироваться эпохой средневековья в достаточно широком временном диапазоне в рамках этого периода — 2-я пол. I — 1-я пол. II тыс. н. э.

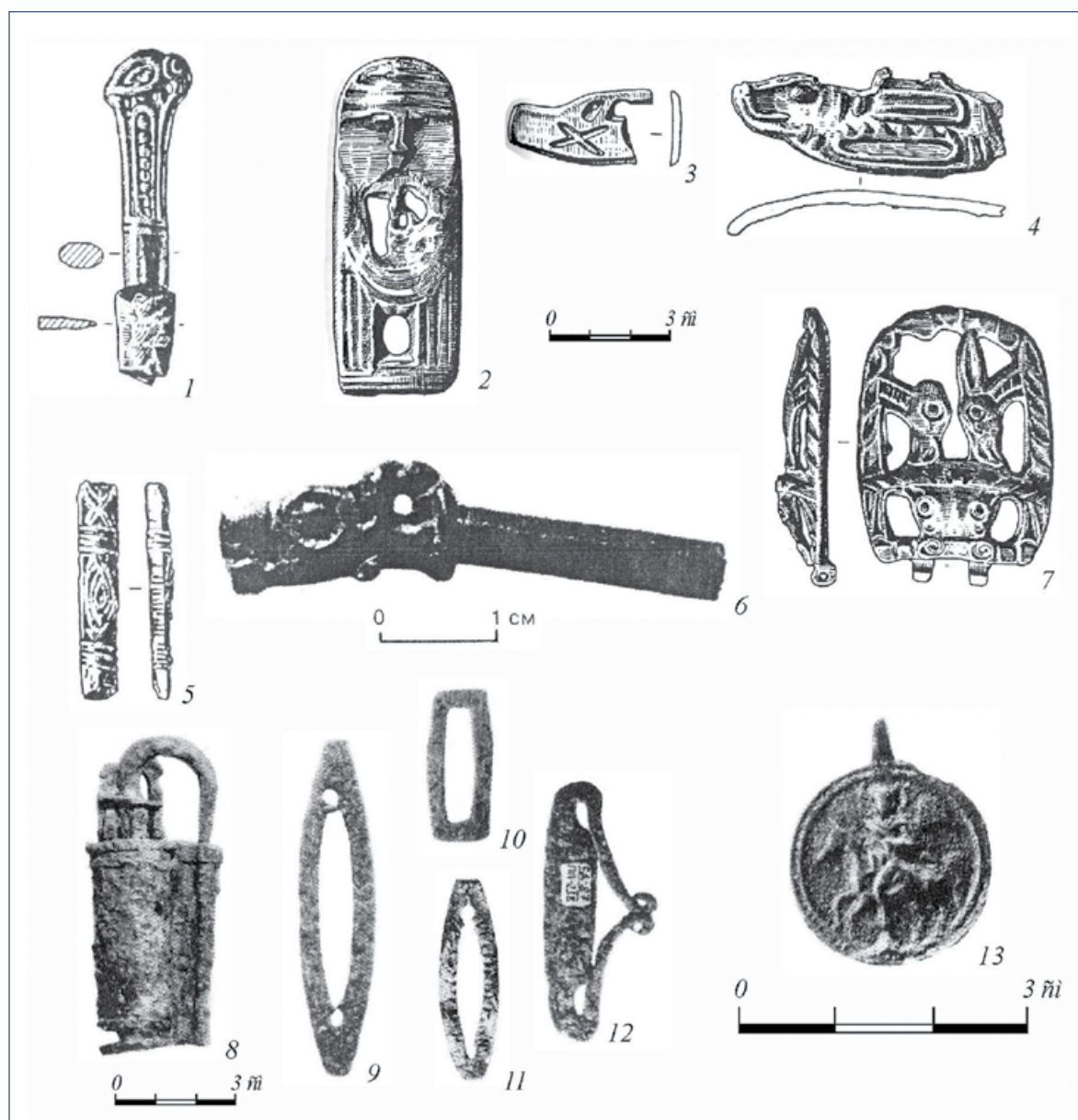
Городище Гнилка. Исследовано и опубликовано О. В. Овсянниковым (2003). Расположено на правом берегу р. Гнилки, впадающей в Городецкое озеро (илл. 1). Участок берега, где располагается городище, небольшой и неоднородный. Наиболее возвышенная часть берега р. Гнилки — по краю мыса, полосой около 60 м. За ней сразу следует низина, вымываемая в половодье (культурный слой на этой площади сохранился крайне фрагментарно).

Оборонительное сооружение было вытянуто по сторонам света на расстояние 56 м. Северная часть крепости разрушена водой. С восточной, южной и западной сторон прослеживались рвы. Если восточный и западный фасы были прямолинейны, то южный фас у юго-западного угла крепости имел довольно большой изгиб.

Первоначальная ширина рвов была довольно значительной: по дну рва около 3 м, по верху — более 4 м. У юго-западного угла крепости обнаружены остатки

прямоугольной башни (4,5 × 6,0 м). При исследовании западного фаса крепости были обнаружены следы сооружения, весьма похожего на уже обнаруженную башню. Однако основная часть этого деревянного сооружения была уничтожена вешними водами. Вынос обнаруженной деревянной конструкции за лицевую линию крепостной стены невелик — всего 1,5 м. В восточном фасае городища открыты остатки воротного проёма, фланкируемого двумя вертикальными столбами, на которые подвешивались дверные полотнища. Воротному проёму в стене соответствовал проход через ров.

Сохранность культурного слоя, связанного с крепостью, неравномерная — этот участок мыса располагался ближе всего к месту впадения р. Гнилки в Городецкий Шар и наиболее интенсивно подвергался размыванию во время паводков. Однако основные элементы стратиграфии, общие для всего памятника, можно выделить: мощный травянисто-дерновый покров до 5 см (только в границах культурного слоя, рядом — мох и ягодники); под ним сероватый грунт с полосками намывного песка или с линзами такого песка в углублениях — 15–20 см; ниже — собственно

Илл. 52. Ненецкий автономный округ. Городище Гнилка. Вещевой инвентарь

культурный слой мощностью от 25 до 50 см в виде серовато-тёмного гумуса, но также с встречающимися включениями намывного песка, слой подзола и материк жёлтого цвета.

Планиграфически на исследованной площади городища выделить какие-либо комплексы, связанные со временем сооружения крепости, не удалось. Индивидуальные находки (илл. 52) позволили выделить два хронологических этапа в истории микротерритории, на которой было расположено городище.

К первому, раннему хронологическому этапу относятся прежде всего вещи, связанные с так называемым пермским звериным стилем (нож с литой бронзовой рукоятью, которая завершает головой хищной птицы, фрагмент бронзовой поясной застёжки с изображением мифического животного и оленят и другие). С первоначальным этапом можно связывать находки железодельного (шлаки и фрагменты крицы) и бронзолитейного дела (фрагменты керамических тиглей). Этот хронологический этап, на наш взгляд, связан с постройкой на участке оборонительного сооружения VI–X вв.

Ортинское городище. Укреплённое поселение мысового типа. Исследовано в 1988–1990, 1992 гг. и опубликовано О. В. Овсянниковым (1998; 2003). Четыре образца из культурного слоя, взятые для определения радиоуглеродной даты, дали: два — современную дату, один — XVII в. и один — IX в. н. э. Средневековый культурный горизонт датирован VI — нач. XI вв. н. э. Раскопками также выявлен более древний слой с находками кремневых отщепов и скребков, относящийся к эпохе раннего металла.

Городище расположено на Ортинском полуострове — возвышенной части берега между низкой поймой р. Печоры и полосой тундры с отдельно стоящими сопками (илл. 1). Оно расположено на мысу, который тянется между р. Ортинкой, впадающей в р. Печору, и системой озёр, также соединяющихся с Печорой. Памятник занимал наиболее высокую оконечность мыса (около 4,5–5,0 м над зеркалом озёр) и с трёх сторон был защищён естественными преградами (водой), а с четвёртой имел линию фортификационных сооружений.

Ортинское городище имело прямоугольные фасы, в плане это неправильный прямоугольник, слегка вытянутый с северо-запада на юго-восток (68 × 54 м). Три фаса крепости сохранили полностью (юго-восточный напольный фас) или частично (юго-западный и северо-восточный) оборонительные сооружения в виде рвов и валов. По отношению к уровню террасы глубина рвов невелика: на напольной юго-восточной стороне не более 1,5 м, а на северо-восточной около 2,0 м. Высота валов также неодинакова на различных участках трассы крепостной стены: от 0,5 до 1,5 м. Основная площадка городища (площадь 2200 м²) окружена не только вдоль юго-западной и северо-восточной сторон, но и с юго-востока рвами и валами, образующими небольшой по площади «коридор» и прикрывающими центральную городищную площадку с юго-востока (ширина узкой площадки в среднем 12 м). Приблизительно к средней части юго-восточной двойной системы валов прослеживалось понижение или почти полное отсутствие земляной насыпи, так что можно было предполагать наличие в этих частях памятника воротных проёмов или проездов.

Центральная площадка городища ровная. Вдоль трёх стен крепости выявлены следы небольших земляных возвышений в виде невысоких «валиков». Вдоль длинных фасов крепости располагались ряды наземных сооружений, которые состояли не из одиночных помещений, а из многокамерных. На западной стороне крепости, на краю обрыва, зафиксированы следы единственного на городище однокамерного сооружения, как бы замыкавшего оба ряда многокамерных на-

земных сооружений. Были также выявлены остатки деревянных оборонительных конструкций внутри сохранившихся земляных сооружений — воротные проёмы, внутривальные деревянные конструкции.

За годы раскопок обнаружены одно трёхкамерное, одно двухкамерное жилище и два однокамерных.

Трёхкамерное жилище. Размеры основного помещения этой постройки 9×3 м. Меньшее помещение (размером 6×8 м) примыкало к первому с северо-западной стороны. В юго-западной части этого комплекса находилось совсем маленькое помещение, типа пристройки, размером 4×5 м. Внутри комплекса не обнаружено следов очага или печи. На уровне материка была зачищена овальная яма $0,50 \times 0,75$ м, глубиной 0,5 м, при разборке которой на дне выявлены следы угля.

Однокамерное жилище. Размеры — 8×8 м. В границах этого жилища — в небольшом углублении — скопление фрагментов костей животных. Выбрана яма, имевшая размеры на уровне материка $0,5 \times 0,5$ м и глубину от того же уровня 25 см. Уже за границами постройки, но вблизи её, зафиксировано несколько ям: яма овальной формы диаметром около 1,0 м, глубиной 0,5 м, яма продолговатой формы, длиной около 1,5 м, глубиной 0,15 м и большая овальная яма ($2,0 \times 2,5$ м, глубина до 0,8 м). Поблизости, в культурном слое, найден небольшой фрагмент обгорелого дерева (фрагмент рухнувшей постройки?).

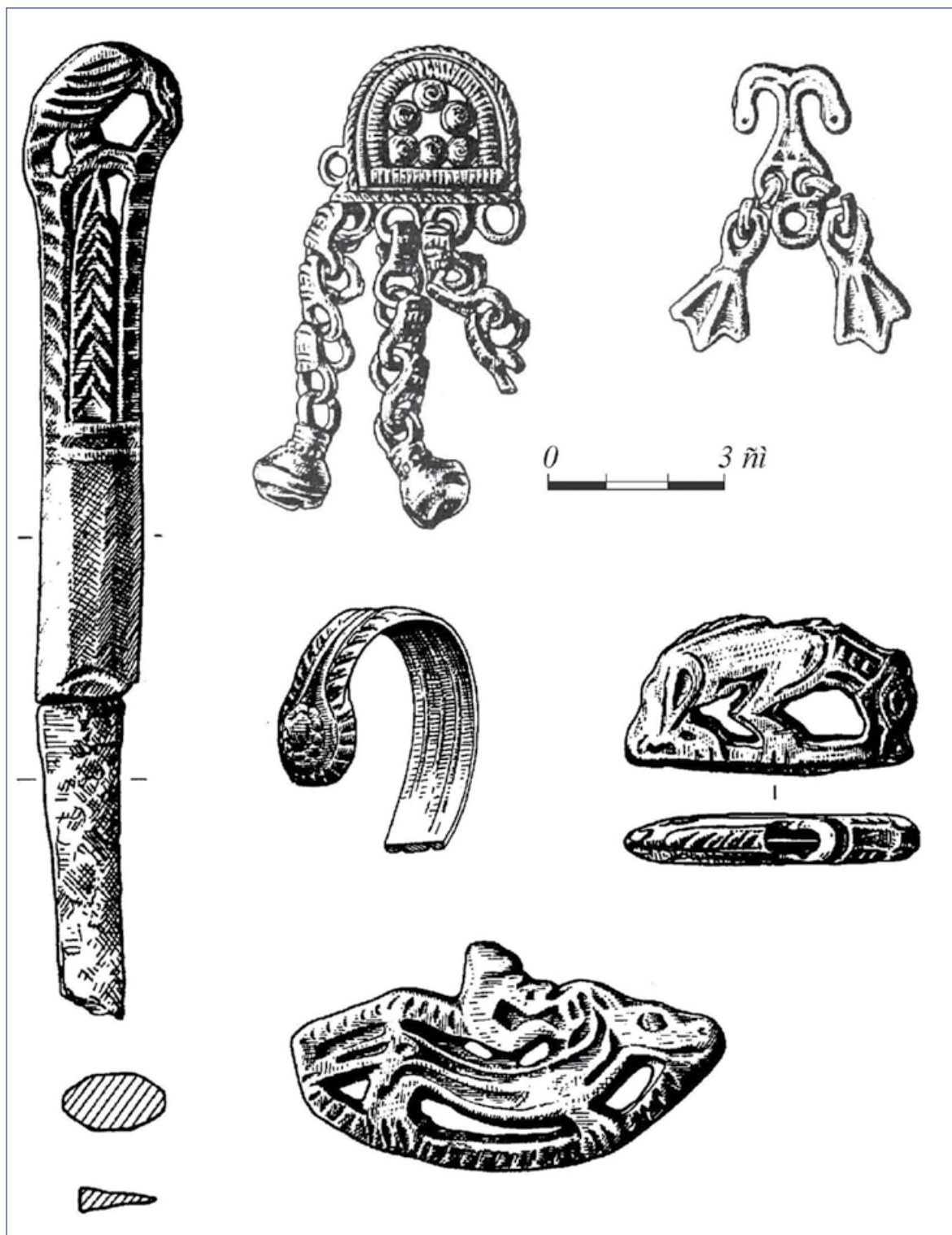
Двухкамерное жилище. Состояло из двух частей — западной, размером $6,0 \times 7,0$ м, и восточной, размером $7,0 \times 7,5$ м. Зафиксировано небольшое скопление обожжённых камней и угля, лежавших на прокалённом слое. Возможно, это очаг.

Однокамерное жилище вдоль разрушенного западного фаса. На западном фаса городища сохранилось лишь одно жилище. Его размеры 7×7 м, хорошо прослеживался вход в него, в углах около входа — небольшие утолщения стен. У западной стенки жилища, в средней его части, были зафиксированы остатки глинобитной печи, имевшей, как можно судить по фрагментам обмазки стенок, конусовидную форму. От печи осталось лишь пятно прокалённого песка, углистая прослойка и небольшое количество кусков глиняной обмазки. Около северо-западного угла постройки сохранилось несколько фрагментов обгорелых брёвнышек. В этой постройке были найдены большие кузнечные щипцы и фрагмент глиняного тягла со следами металла.

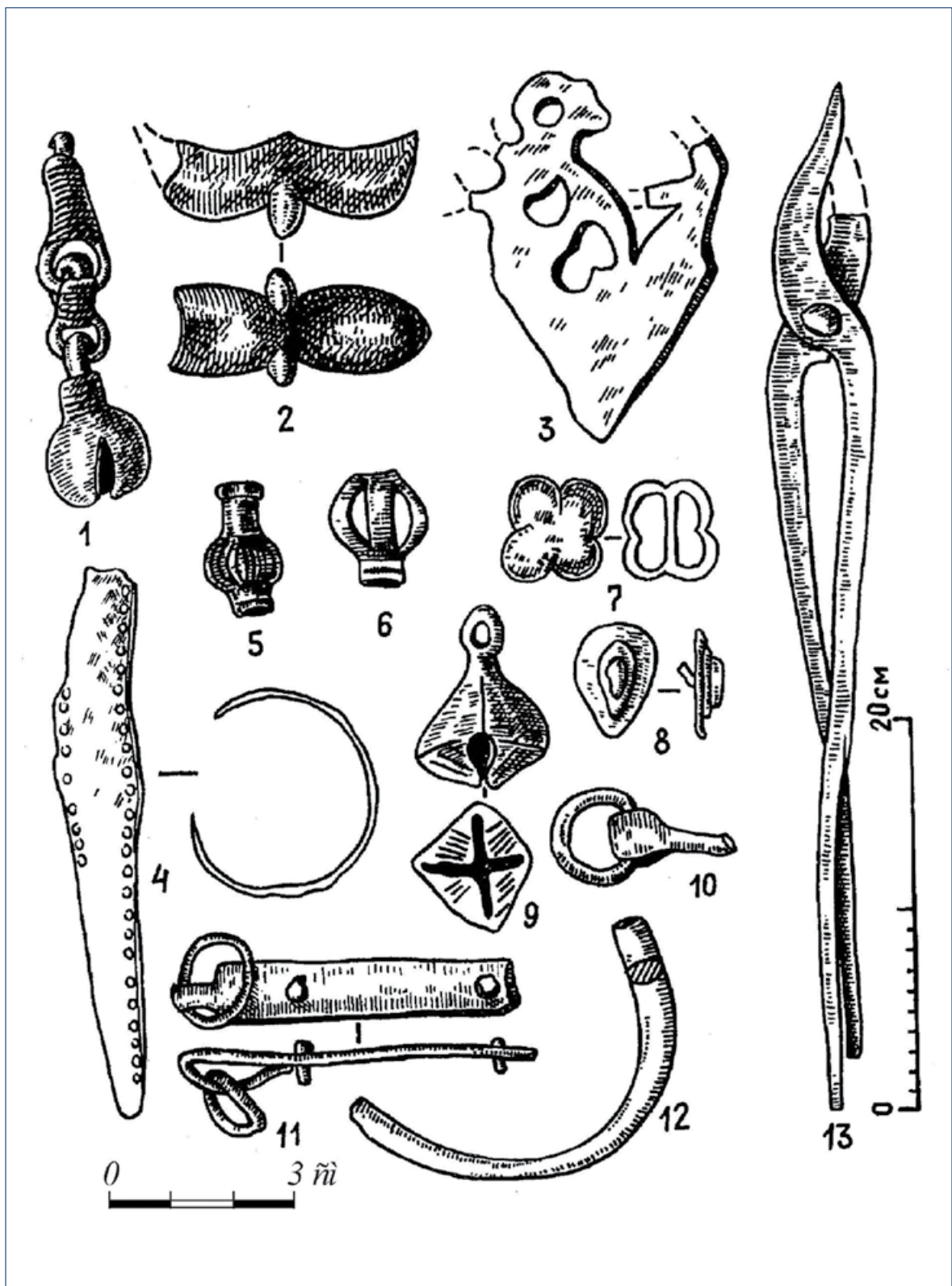
Вещевой материал Ортинского городища, разнообразный и необычайно интересный, насчитывает более 1500 находок различных категорий (илл. 53–58). В их числе — фрагмент железного кинжала или ножа с орнаментированной бронзовой рукоятью, с навершием в виде хищной птицы; литая бронзовая бляха с трёхъярусным изображением хищников (внизу змея, терзаемая хищником, сверху — ещё один хищник); небольшая бронзовая литая голова медведя; полая фигурка пантеры; простые железные ножи, фрагмент железного топора, железный рыболовный крючок, железные наконечники стрел, детали котлов, железные резцы, гвозди и калачевидные кресала, стеклянные и керамические бусы, различные украшения и др. Встречены изделия из кости (наконечники стрел, накладки для крепления на лук или колчан, деталь упряжи). В составе костных остатков лось (одна особь), северный олень (две взрослые особи), заяц (две взрослые особи), лиса (взрослая особь), песец (две взрослые особи), бобр (одна взрослая особь), а также кости водоплавающих птиц. В публикацию не вошли фрагменты керамических сосудов, аналогичные найденным на памятниках *новоборского* типа.

Во время раскопок однокамерной постройки на западном фаса городища вблизи развала глиняной печи было обнаружено несколько фрагментов керамических тиглей. О производственном характере однокамерной постройки свиде-

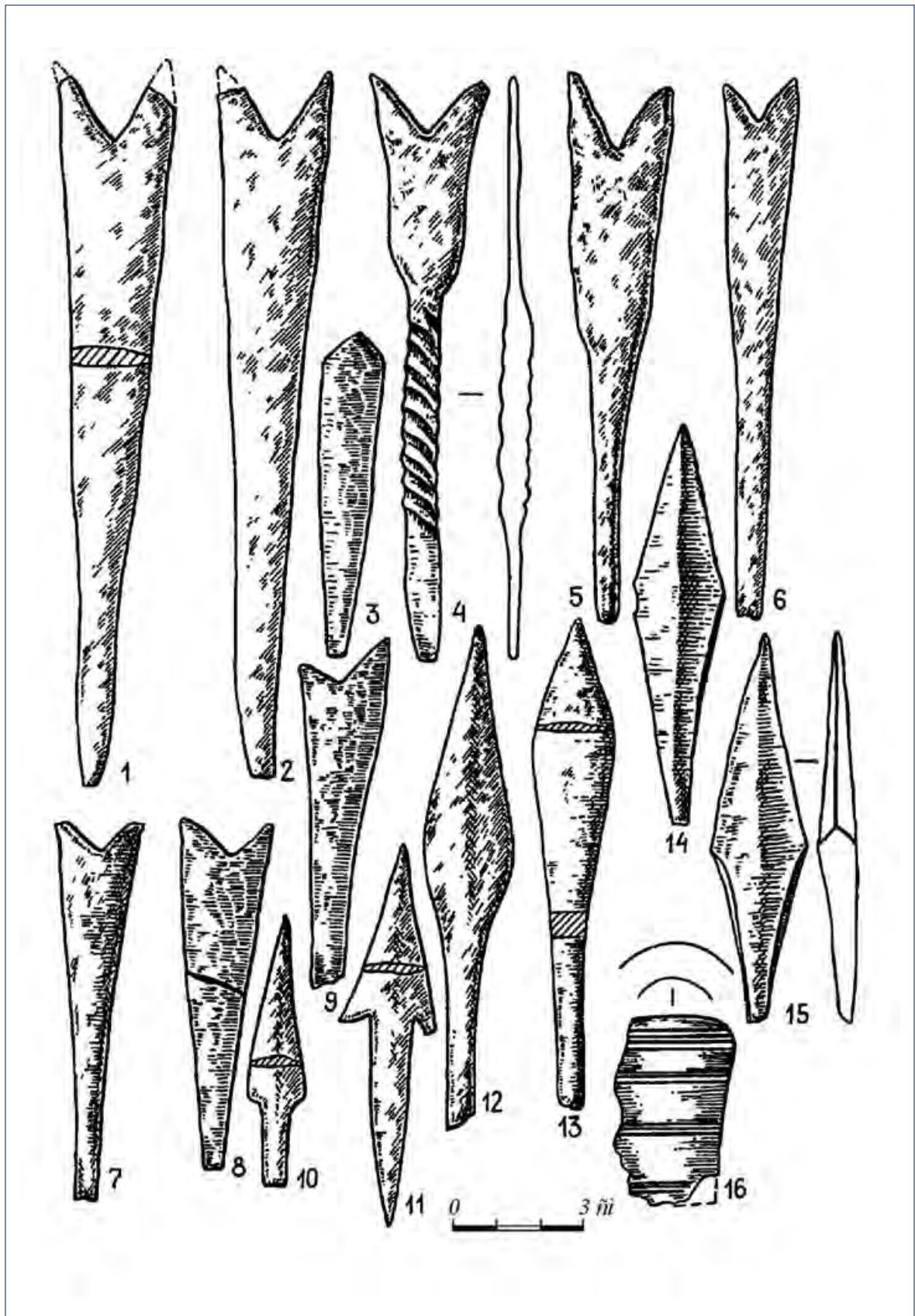
тельствуют выплески шлаков. Глинобитные остатки печи внутри однокамерной постройки позволяют интерпретировать её как производственный горн. Здесь же найдены фрагменты обожжённого пола и небольшие куски обожжённой глины — фрагменты глиняной «решётки» с сохранившимися отверстиями для тяги (1,5–2,0 см).

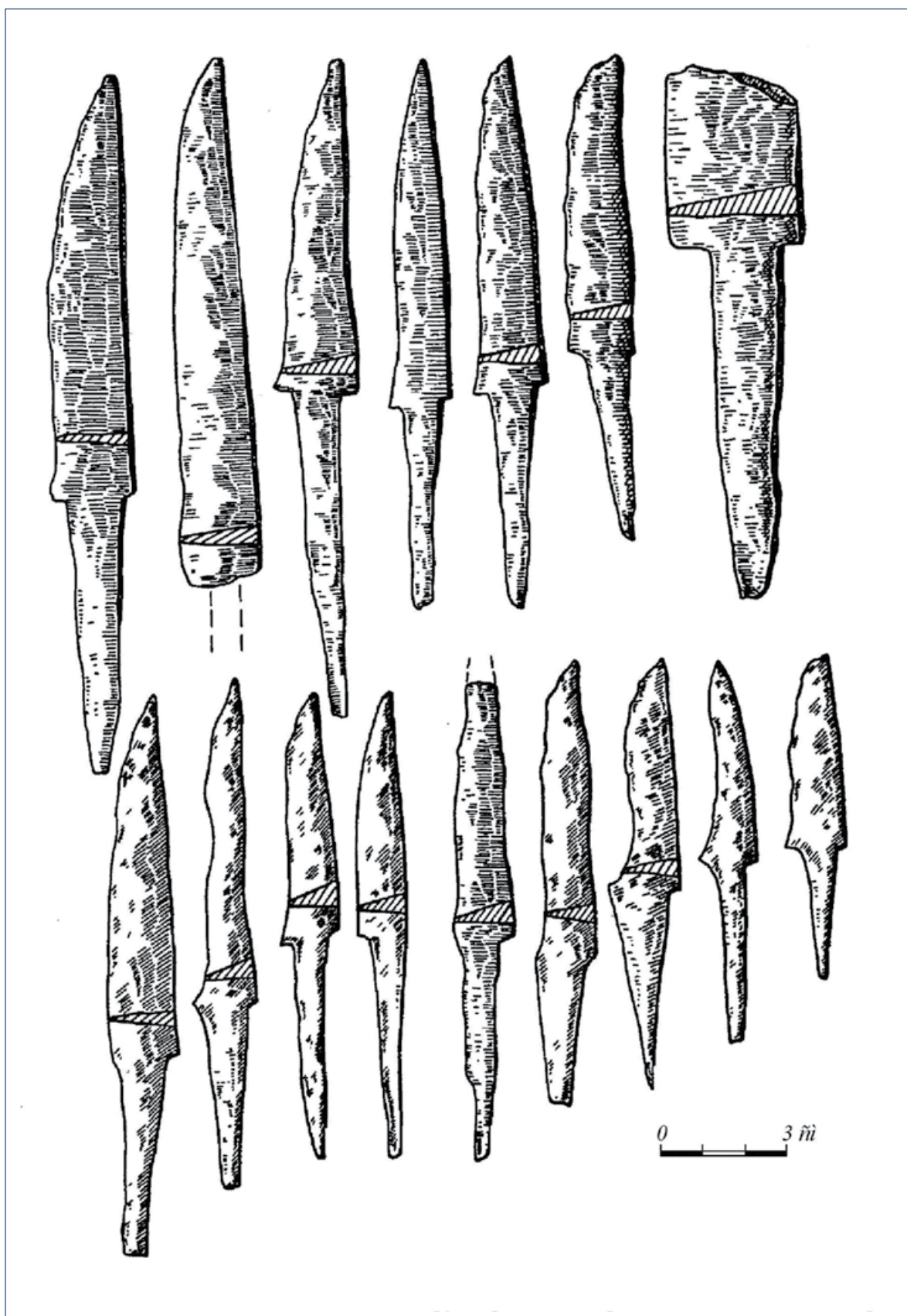
Илл. 53. Ненецкий автономный округ. Ортинское городище. Вещевой инвентарь

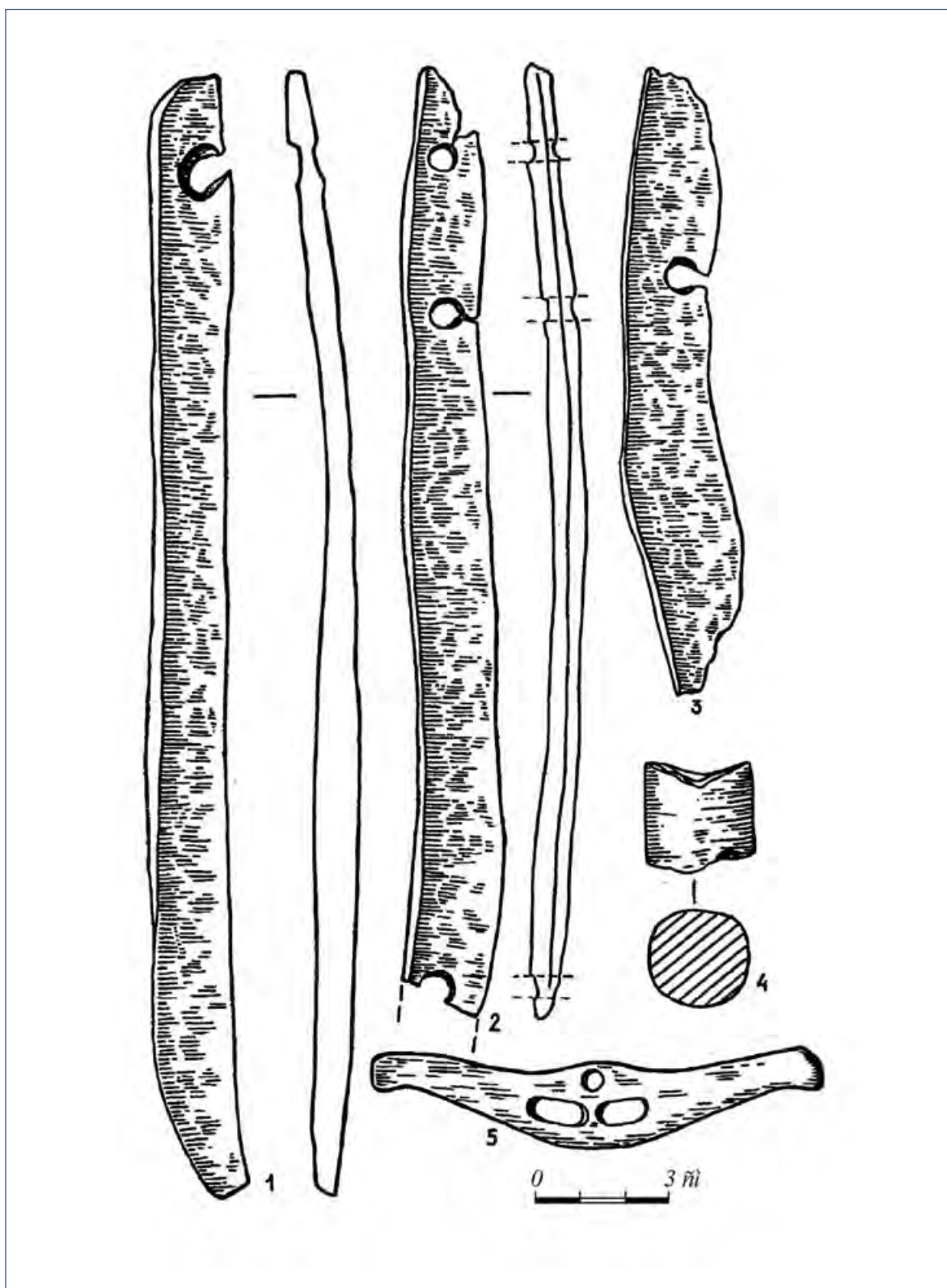
Илл. 54. Ненецкий автономный округ. Ортыкское городище. Вещевой инвентарь

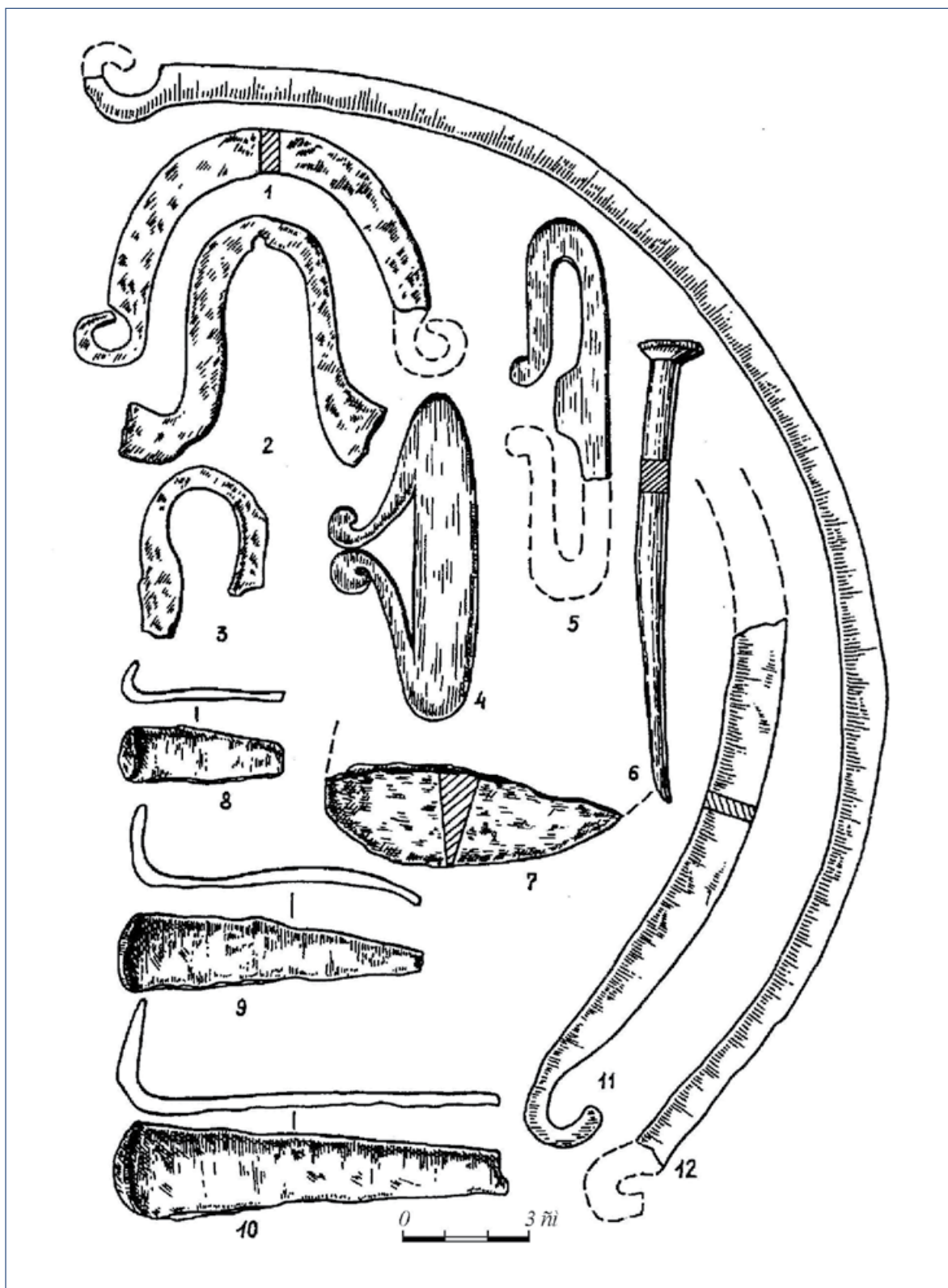
Илл. 55. Ненецкий автономный округ. Ортинское городище. Вещевой инвентарь

Илл. 56. Ненецкий автономный округ. Ортинское городище. Вещевой инвентарь

Илл. 57. Ненецкий автономный округ. Ортинское городище. Вещевой инвентарь

Илл. 58. Ненецкий автономный округ. Ортынский курган. Вещевой инвентарь

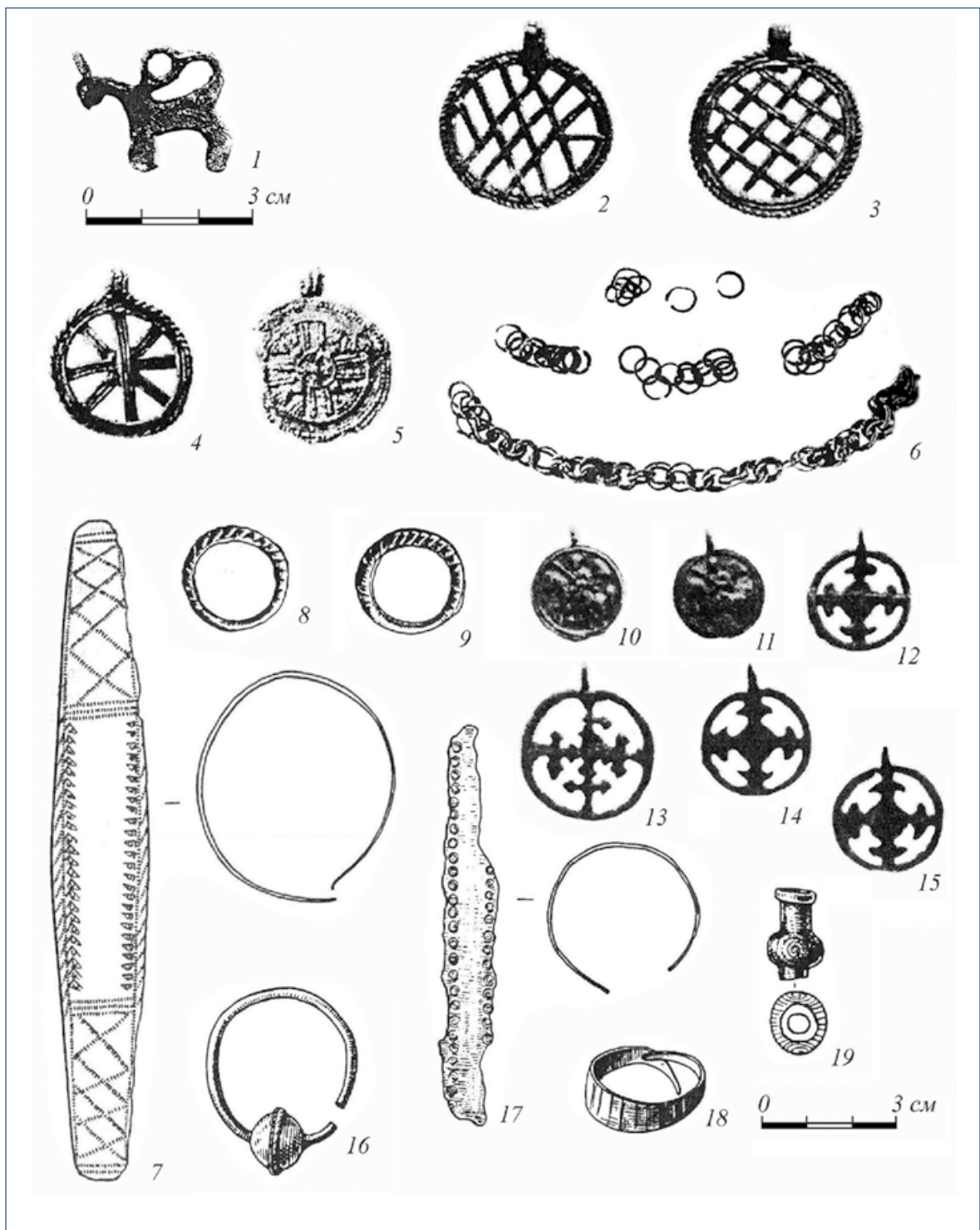
Жертвенные места

Жертвенное место на р. Гнилке. Обнаружено в 1987 г. Исследовано и опубликовано О. В. Овсянниковым (2003). Памятник находится по соседству с городищем Гнилка — в 50 м к востоку от него (илл. 1). Можно полагать, что первоначально жертвенное место располагалось на самом мысу и в настоящее время сохранилась только его периферийная часть.

Культурный слой сохранился на площади около 3000 м². Культурный слой (мощностью до 40 см) на большей части памятника перекрыт слоем стерильного намывного песка (до 1 м), причём отчётливо виден многократный намыв речного песка во время половодий.

Во время раскопок (1987–1995 гг.) вскрыта площадь 1200 м² и найдено более 2000 древних предметов из стекла, меди, бронзы, железа, кости (илл. 59). Основная по своей численности группа находок относится к эпохе развитого средневековья. Наиболее массовые категории индивидуальных находок: иглы железные (22), ножи (42), наконечники стрел (16), фрагменты топоров (11), кресала (12), фрагменты медных котлов (58), бронзовые монетовидные и прорезные привески (19), бронзовые подвески, игольники (6), железные иголки (22), стеклянные, пастовые, каменные бусы (58). Обнаруженные фрагменты железных топоров относятся к двум типам. Большинство принадлежит рабочим секирам, характерным для северных районов Руси в XI–XII вв., известным также в Прикамье, Нижнем Приобье (некоторые из найденных топоров могут быть и боевыми — найдены фрагменты верхних частей топоров с двумя щековицами. Найден один фрагмент топора с одной парой щековиц. Вместе с фрагментами топоров в культурном слое найдено несколько экземпляров железных расклинышков для закрепления топорниц. Из железных наконечников стрел найдены двурогие срезни и срезни в виде лопаточки, ромбические наконечники — все черешковые, плоские, черешки без упора, большинство из них промысловые, датируются X–XIV вв. Кресала принадлежат к трём типам — калачевидные (XII в.), овально-удлинённые (XII–XIII вв.) и четырёхугольное (первой половины XIII–XVI в.). В культурном слое найдено 150 кольчужных целых колец и фрагментов. Найдены две пластинки — железная и бронзовая, — которые можно интерпретировать как фрагменты защитных чешуйчатых доспехов.

Из бронзовых украшений отметим прорезные монетовидные привески нескольких типов: косорешётчатые привески (можно выделить бронзовые, близкие к серебряным, и оловянистые сплавы, причём если первые две группы привесок изготовлены путем напайки, то оловянистые изготовлены в форме, полученной путём оттиска) являются изделиями, характерными для широких районов восточно-сибирского Севера и датируются XII–XIII вв. Второй тип — привески с включённым крестом. Это также характерная находка XII–XIII вв. для северных районов Руси. Третий тип — монетовидные привески с ушком — с изображением всадника, по ареалу распространения и датировке они не отличаются от первых двух. Найдены также бронзовые подвески различных типов: фрагменты уточек с шумящими привесками, отдельные утиные лапки, одиночные лапчатые привески, пронизки трубчатые с утолщениями, орнаментированными спиральными волютами, привески с намотанной спиральновитой проволокой — весь этот инвентарь хорошо известен в северных регионах Руси и датируется XII–XIV вв. К этому же хронологическому периоду относятся и найденные бусы — стеклянные (трёхчастные, круглые, округло-ребристые, овальные; синего, жёлтого, голубого цвета), фаянсовые, сердоликовые. В публикацию не вошли фрагменты керами-

Илл. 59. Ненецкий автономный округ. Гнилка. Жертвенное место. Вещевой инвентарь

ческих сосудов, большинство из которых аналогичны найденным на памятниках *новоборского* типа. Единичны фрагменты, характерные для *субарктических* памятников позднего этапа.

Таким образом, памятник в своей основной части относится к XII–XIII вв. Учитывая отдалённость региона от мест производства всего указанного инвентаря, верхнюю границу можно отнести до начала XIV в. Весь облик инвентаря определённо указывает на направление культурных и торговых связей населения, оставившего его — это северные районы Руси. Не все вещи, вероятно, были полу-

чены прямым путём: Новгородчина — Северная Двина ~ Печора. Часть из них могла попасть на Нижнюю Печору и от населения Средней и Верхней Печоры.

Как полагает О. В. Овсянников — это святилище хорошо вписывается в группу памятников, известных к настоящему времени на европейском северо-востоке. Это жертвенное место на р. Хэйбиде-Пэдара в Большеземельской тундре, Адакское пещерное святилище на р. Усе, Уньинская пещера на западном склоне Печорского Урала и святилище на о. Вайгач. Среди находок святилища уникальными являются жертвоприношения в коробочках, согнутых из медных пластинок — обломков котлов. Среди костей жертвенных животных удалось определить кости лося, оленя, медведя, лисицы, бобра, свиньи, птиц, а также по одной кости ластоногого и домашней собаки. В одном из таких «мощевиков» сохранились крестец и фаланги животного (бобра?).

В западной части сохранившейся части святилища были зафиксированы остатки дерева, частично пострадавшего во время пожара, и несколько скоплений интенсивного горелого слоя с включением угля, под ними прокалённая земля. Вряд ли это небольшие локальные кострища, скорее, здесь были более интенсивные очаги пожара. На участке зафиксировано несколько ям, вырытых в материке. Скорее всего, они были вырыты до сооружения деревянной конструкции — в ряде случаев отчётливо прослеживается, как дерево перекрывает эти ямы. Важно подчеркнуть, что обнаруженные в раскопе остатки дерева являются фрагментами бревенчатой конструкции, в этом нет сомнений: довольно массивные (до 20 см в диаметре) брёвна уложены в определённом порядке (с севера на юг и с запада на восток), фрагменты брёвен имеют значительную протяжённость (до 1,50–1,65 м), отдельные элементы конструкции позволяют интерпретировать их как лаги с положенными на них брёвнами — вымосткой. Таким образом, также открыта часть жертвенного комплекса, имевшего деревянное сооружение типа вымостки или невысокого помоста. Вполне возможно, что именно эта часть святилища с деревянным помостом была центром всего жертвенного места.

К западу от этого участка была обнаружена ещё одна деревянная конструкция типа настила или «клетки». Древесные остатки сохранились очень плохо, но удалось всё же установить, что вся деревянная конструкция сооружена из круглых брёвен диаметром около 20 см и имеет следы скрепления типа «рубка в обло». Имеются следы вертикально врытых брёвнышек (диаметр их около 15 см). Внутри конструкции отмечено небольшое скопление каменного развала. Стратиграфически вооружение относится к самой нижней части культурного слоя. Возможно, данная конструкция, по мнению О. В. Овсянникова, является остатком традиционного русского срубного жилища с развалом печи-каменки.

О. В. Овсянников высказал предположение, что расположение на одном мысу в районе устья р. Гнилки городища VI–X вв. и жертвенного места VI–XIII вв. свидетельствует о их единстве на определённом отрезке времени. То есть укреплённое поселение и жертвенное место в VI–X вв. представляли собой единый культурный комплекс. Автор раскопок памятника считает, что после X в., в процессе установления даннических отношений и подчинения печорских племен русскому влиянию, укреплённые поселения в районе Нижней Печоры, в том числе и городище на р. Гнилке, прекращают своё существование.

Вполне возможно, что после прекращения жизни на городище оно могло почитаться среди местного населения как особое, памятное место, куда они приходили для жертвоприношения. Поэтому большинство обнаруженных находок относится к периоду XI–XIII вв. и функционирование его прекращается после конца XIII в., когда в печорских тундрах произошла смена населения, исчезла

летописная «печера» и пришли ненецкие племена. В этой ситуации появление русского становища в XII–XIII вв. около бывшего древнего центра местной племенной группировки и одновременно поблизости от их священного места, куда они приходили и где можно было контактировать (торговать, менять пушнину), кажется вполне правдоподобным.

Более того, нельзя исключать, что данная ситуация определила и место будущего Пустозерска — русская рать в 1499 г. подошла к развалинам города Устаха и поставила вблизи его свой острожок. То есть имеются все основания полагать, что данный микрорегион Нижней Печоры был уже давно хорошо известен русским как традиционная этнокультурная контактная зона. События XIV–XV вв. радикально изменили ситуацию и на Нижней Печоре, и в Северном Зауралье: этническая смена населения изменила сложившуюся в XI–XIII вв. ситуацию и, вероятно, весь характер контактов (даннические отношения, система торговли, возможность транзитных передвижений в западносибирские земли и т. д.). Сейчас никто не может определить степень родства прежнего и нового населения Нижней Печоры, потому что не определены и различия летописных племён «печеры» и «самояди».

Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место расположено на левобережье среднего течения р. Море-Ю в Большеземельской тундре (илл. 1). Здесь раскинулся самый северный в тундре участок елово-берёзового леса (илл. 60; 62). Обособленный участок елово-берёзового леса («лесной оазис») расположен на широтном отрезке среднего течения р. Море-Ю, более чем в 100 км к северу от современной границы распространения лесов.

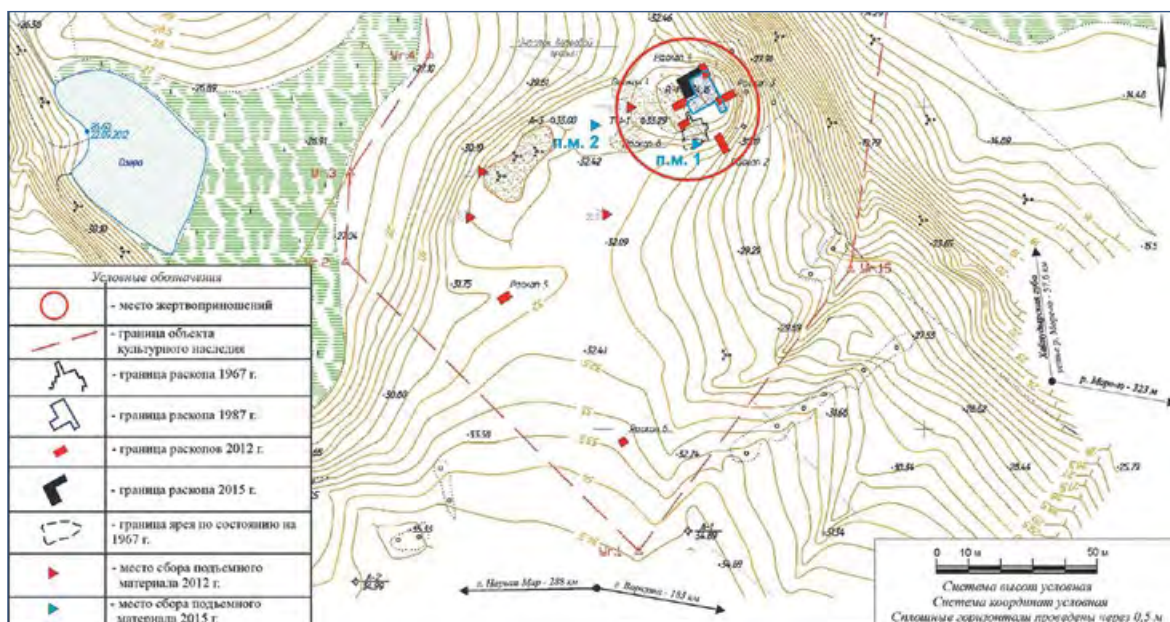

Илл. 60. Ненецкий автономный округ.
Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Общий вид на памятник. На переднем плане котлован на месте раскопок В. И. Кановца 1967 г.
Снимок с юго-востока

Илл. 61. Ненецкий автономный округ.
Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Рабочий момент. Сбор материала на одном из развеечных участков поверхности в границах памятника. Снимок с запада

Для рассматриваемой местности очень характерны ландшафты, образованные эоловыми отложениями. В бассейне р. Море-Ю широко развиты позднеледниковые и послеледниковые песчаные отложения; встречаются значительные поля голых песков. Процессы развевания развиты преимущественно на склонах берегов рек и озёр. Здесь обычно независимо от ориентировки реки пески выдуваются с бровки берега и надуваются на задернованную часть тундры или выносятся в реку. В первом случае за яреем (котловиной выдувания) образуются невысокие дюны в виде единого вала, идущего обычно вдоль котловины. В последних часто

Илл. 62. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Топографический план (выкопировка южного участка). Съёмка 2012 г. Исполнитель оригинала А.А. Уткин

сохраняются останцы округлой или неопределённой формы. В некоторых местах глубина ярея достигает более 4 м.

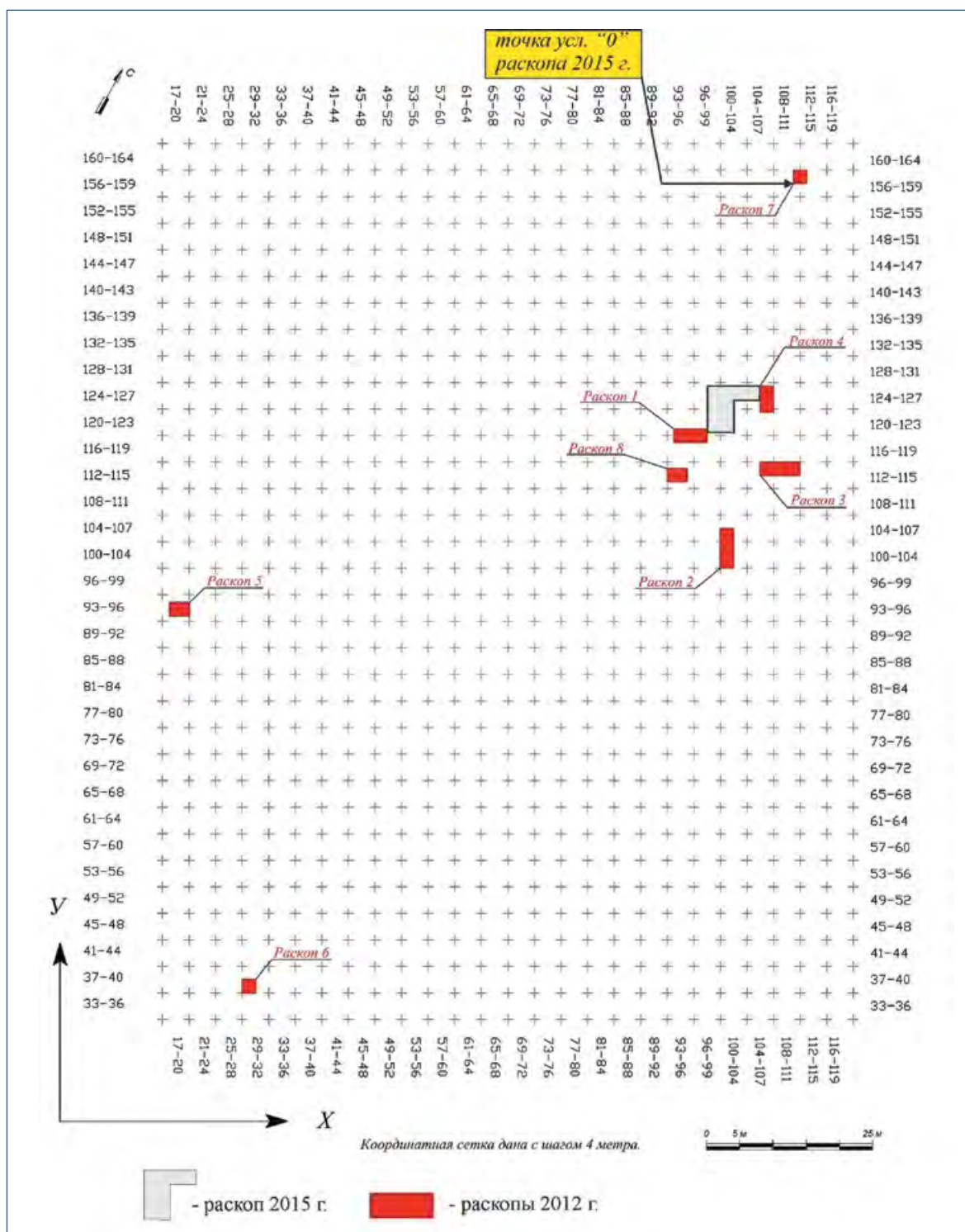
Первые упоминания о небольшом островке леса на р. Море-Ю относятся к 1837 г. Они принадлежат известному исследователю Крайнего Севера России А. И. Шренку (1855 г.). Для местного населения «лесной остров» издавна имел священное значение, в который без нужды было грешно входить. У коренного ненецкого населения река и лес получили название Хэйбидя-Пэдара, что означает «священный лес». Облесенный участок поверхности тундры и сейчас хорошо известен кочующим оленеводам, о чём свидетельствуют следы от их многочисленных стоянок. Он подвергается значительному антропогенному воздействию, на что указывают следы вырубок. Верхние почвенные горизонты по обоим берегам реки в районе «лесного оазиса» на больших площадях разрушены глубокими яреями — результат интенсивной ветровой эрозии почвы.

Необычный для тундровой зоны ландшафт издавна привлекал людей. Он служил им не только в качестве удобного места для кратковременных стоянок, но и как объект поклонения. Подтверждением этому служит сосредоточие в различных местах лесного участка многочисленных памятников археологии (не менее 13), представленных подъёмным материалом. Первые из них были выявлены здесь геологом Г. А. Черновым в 1947 г. на левобережье реки у западных границ «лесного оазиса» — жертвенное место и несколько местонахождений бронзовых предметов и керамики (Чернов, 1985).

Особый интерес в районе лесного «оазиса» на р. Море-Ю вызывает Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Памятник расположен на бровке 30-метрового левого берега реки, в основании мыса, выступающего в сторону её русла. До настоящего времени на разрушенной ветровой эрозией поверхности встречается подъёмный материал (илл. 61).

Наиболее результативными по составу и количеству находок явились работы на жертвенном месте Г. А. Чернова в 1947 г. и В. И. Канивца в 1967 г.

Судя по сведениям Г. А. Чернова и схемам, приведённым в его статьях, на момент обнаружения памятника святилище снаружи представляло собой песчаный

Илл. 63. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Схема размещения раскопов 2012 г. и 2015 г. Основа 2012 г. – исполнитель оригинала А. А. Уткин

задернованный бугор почти правильной круглой формы до 10 м в диаметре, возвышающийся над ровной поверхностью берега не более чем на 1,5 м. В юго-западной части поверхность бугра разрушалась яреем до 4 м в поперечнике, на песках которого Г. А. Черновым был собран подъёмный материал. В северной части ярея, в обнажении культурного слоя, им была сделана расчистка площадью около 2 м². Г. А. Чернов отмечал значительную перемешанность слоя, объясняя это тем, что жертвенное место расположено в районе переувлажнения эоловых песков.

В статье, посвящённой работе 1947 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, Г. А. Чернов подробно описал полученные материалы и пришёл к выводу о культовом характере памятника, датировав его по металлическим вещам III–XI вв. н. э.; при этом он отметил наличие вещей XIII–XIV вв. н. э., а часть керамики жертвенного места была отнесена им к I тыс. до н. э. (Чернов, 1955).

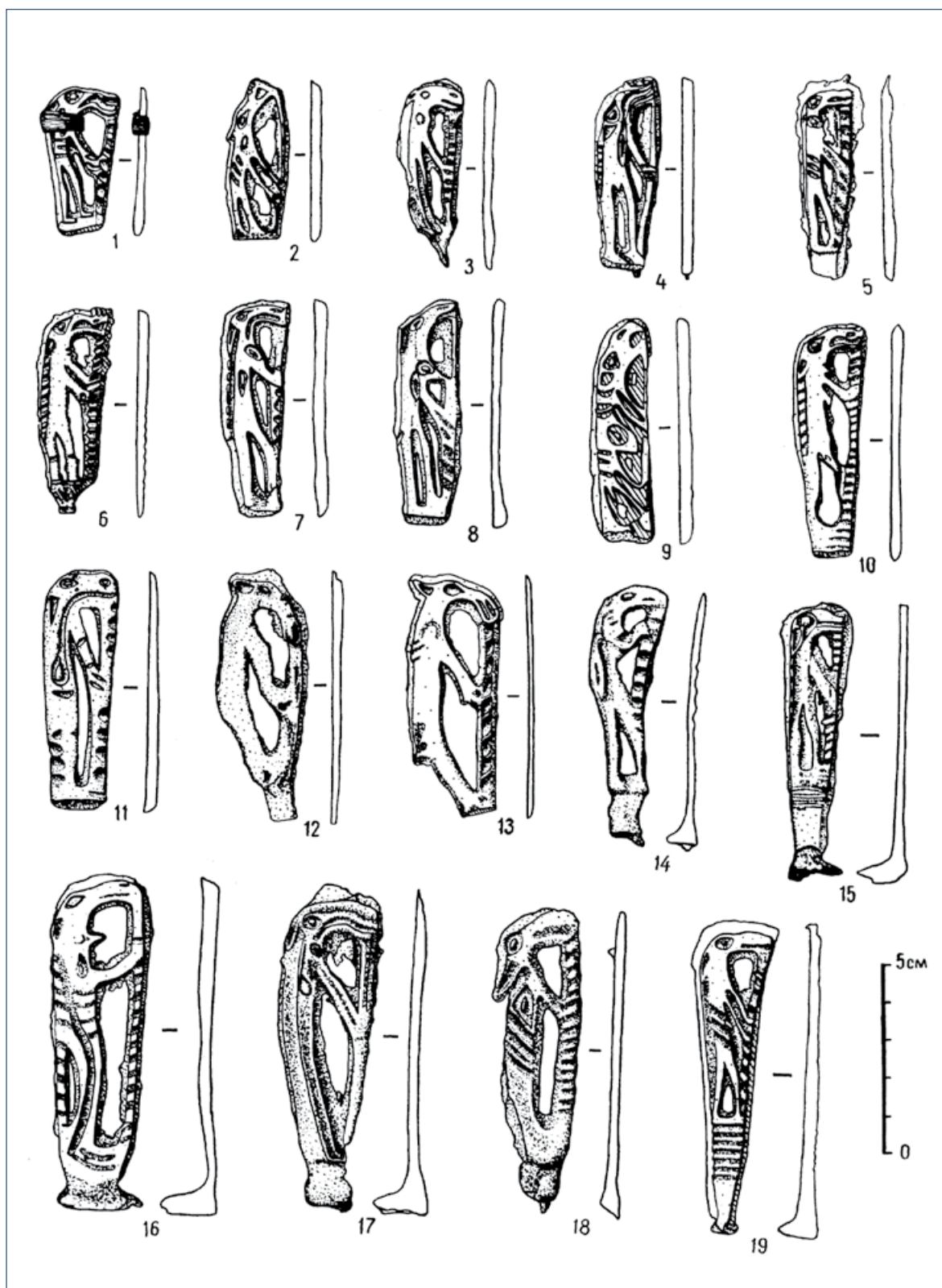
В 1967 г. памятник исследован В. И. Канивцом на площади 43 м² (Канивец, Отчёт 1967). Здесь было собрано несколько сот обломков бронзовых и железных предметов, фрагментов керамики и костей животных (илл. 64–73). Как показали раскопки, пострадала только верхняя часть культурного слоя, а глубже он не был потревожен. Раскопки велись преимущественно до глубины 1,5 м от поверхности. Археологические и фаунистические находки встречались до глубины 1,3 м в западной и средней части раскопа и до 0,7 м — в восточной.

В раскопе В. И. Канивца была прослежена следующая стратиграфия отложений: 1 — гумусовый горизонт тундровой оподзоленной иллювиально-гумусовой почвы 6–14 см; 2 — светло-серый супесчаный слой 8–18 см; 3 — серо-коричневый супесчаный слой, очевидно, являющийся погребённым почвенным горизонтом мощностью в восточной части раскопа до 15 см, в западной, где этот слой раздваивается — до 8 см; 4 — тонкая прослойка темноокрашенной супеси с угольками 1–2 см; 5 — серо-желтоватый супесчаный слой, продолжающийся до дна раскопа.

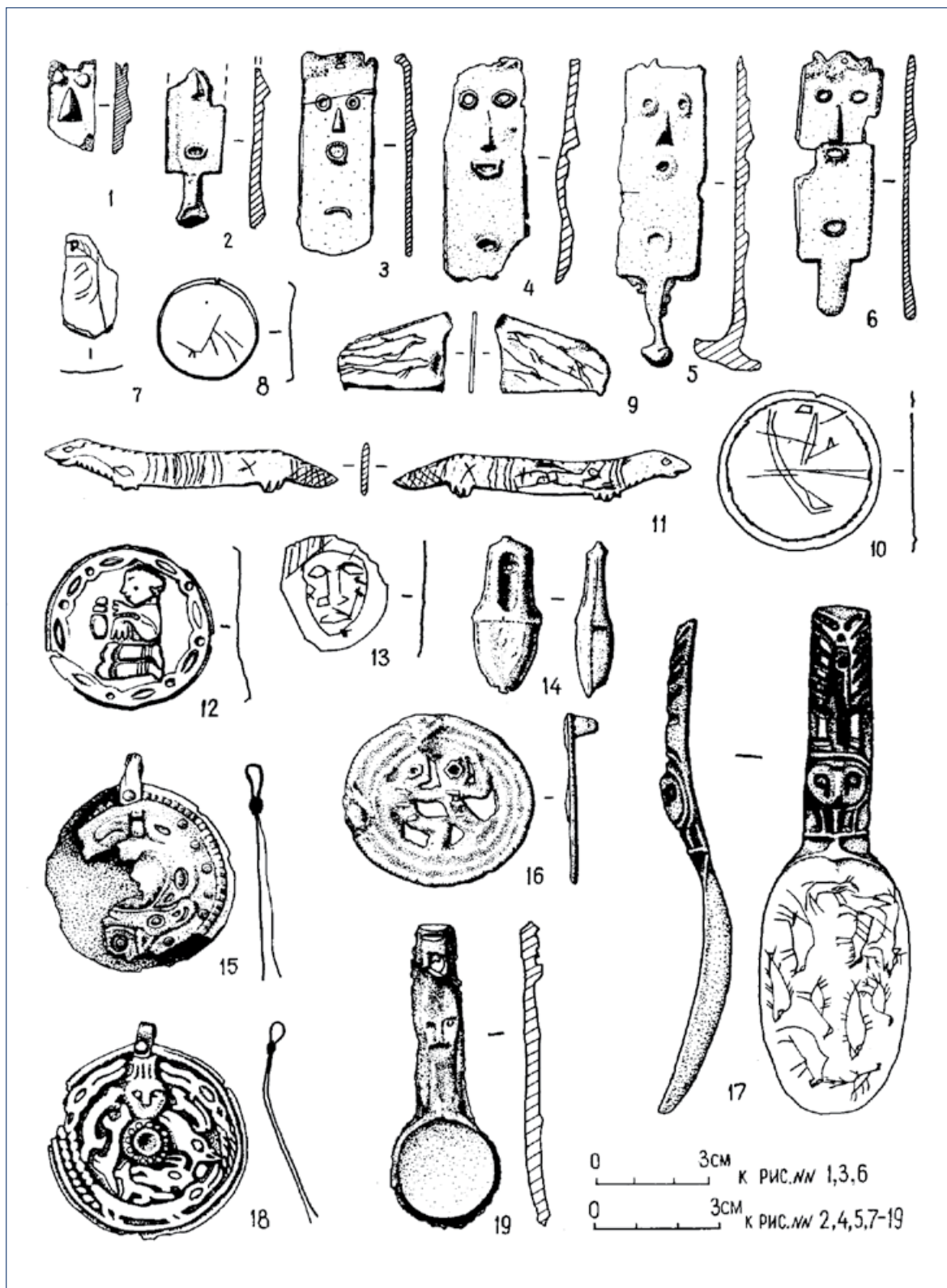
На исследованной площади не были отмечены следы каких-либо крупных сооружений или столбовых конструкций. Обнаружены лишь полуистлевшие остатки деревянных досок или плах, лежавших горизонтально или с лёгким наклоном к югу. Деревянный предмет имел длину 66 см, ширину 6,6 см и толщину около 2 см. В южной части раскопа, на склоне холма, было расчищено большое продолговатое пятно с остатками костров (ширина около 1,5 м, мощность слоя 1–2 см), частью разрушенное при развеивании песков, уходящее в восточный борт раскопа. По предположению В. И. Канивца, на этом участке святилища многократно разводили костры, и их остатки, размытые и развеянные, образовали смешанный слой. Почти по всей площади раскопа залегали кости животных. На отдельных участках они составляли скопления. В двух местах лежали черепа взрослых особей медведя, в одном случае — череп северного оленя. Вещевой инвентарь располагался неравномерно. Наибольшая его концентрация наблюдалась в средней полосе раскопа. В юго-западном и северо-восточном направлениях количество находок убывало, а в северной части раскопа вещи совершенно отсутствовали.

В. И. Канивцом полученные материалы не были введены в научный оборот. По результатам раскопок в 1970 г. им был сделан только информационный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине и опубликованы тезисы этого выступления. В нём В. И. Канивец отметил, что *«святилище служило местом жертвоприношений почти все I тыс. н. э. Нижний слой (первые века н. э.) документирует культуру типа Бичевник, недавно выделенную в Северном Приуралье. В этот период Большеземельская тундра, наряду с Печорским и Вычегодским краем относилась к ареалу общности, в которой формировалась ванвиздинская культура. Однако, судя по верхним слоям святилища, около середины I тыс. н. э. на Крайнем Севере произошла резкая смена культур, и Большеземельская тундра вошла в ареал уже иной общности, — нижнеобской по происхождению. Таким образом, проблему этноса доненецкого населения нельзя решить однозначно. Возможно, что памятники второй половины I тысячелетия в Большеземельской тундре принад-*

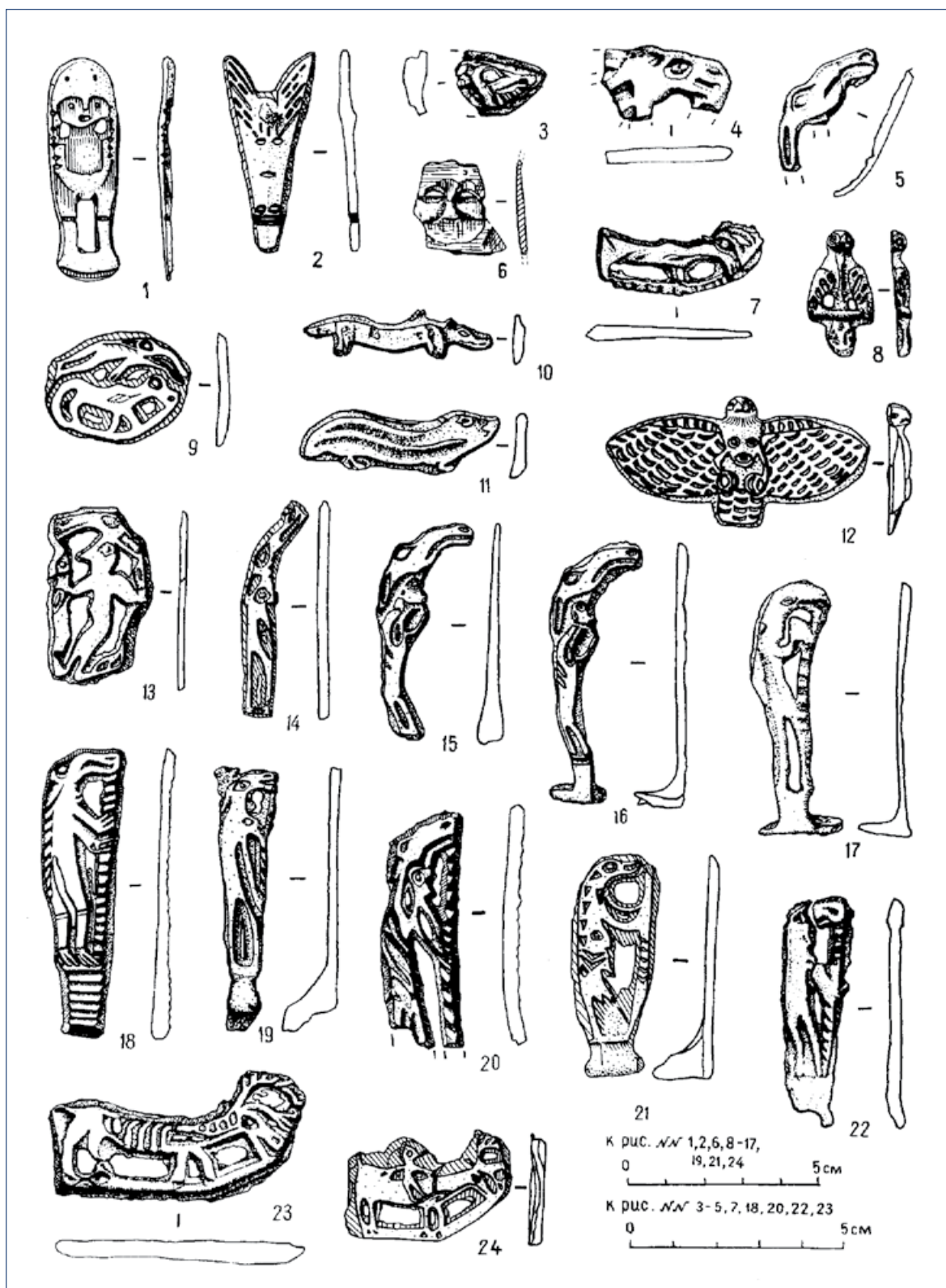
лежали легендарным ширтя, и что последние были пролопарями по языку. Однако остается нерешенным вопрос об этнической принадлежности их предшественников, носителей культуры типа Бичевник» (Канивец, 1970. С. 12). Материалы из раскопок В. И. Канивца были опубликованы только в 1984 г. (Мурыгин, 1984).

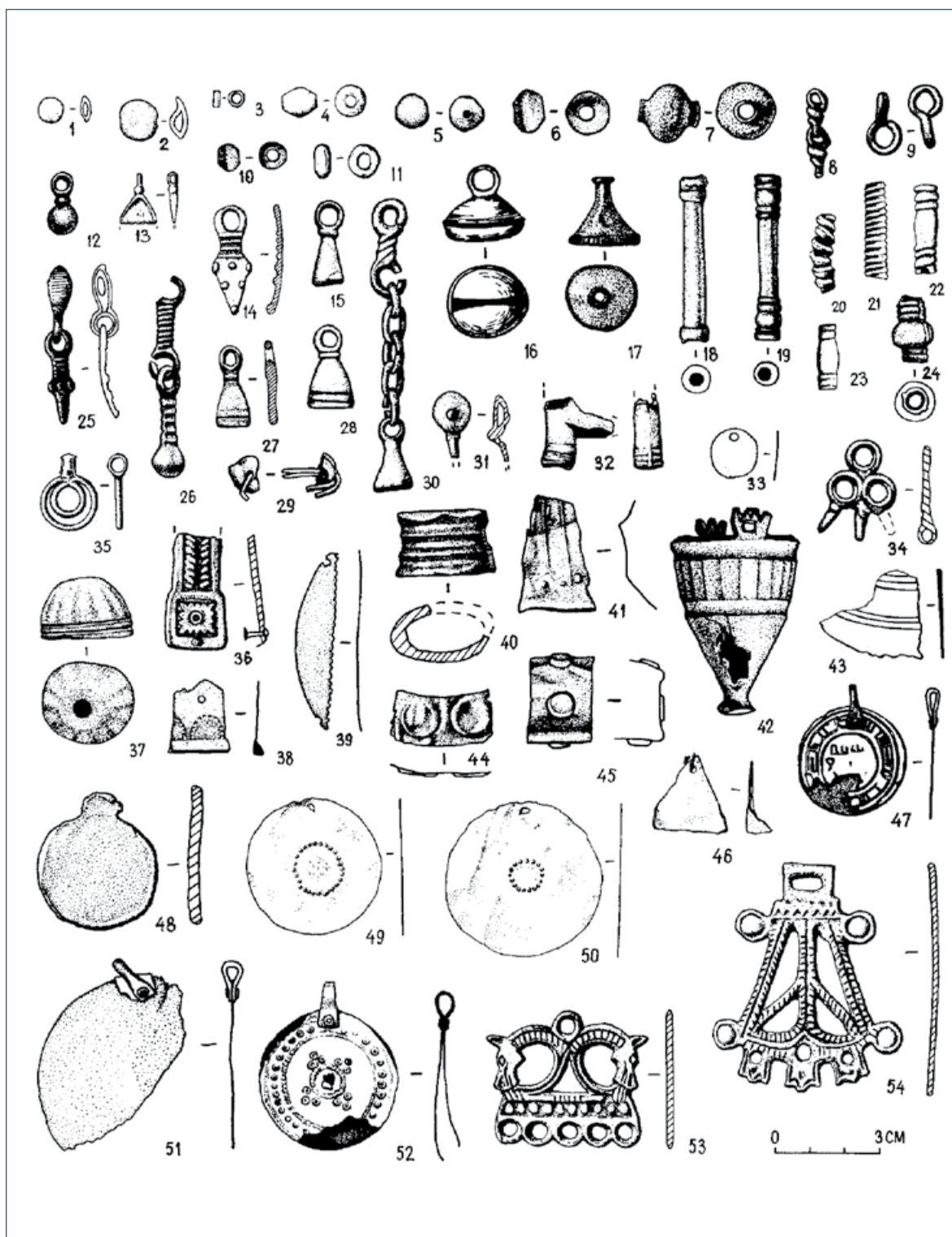
Илл. 64. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 1967 г. Вещевой инвентарь. Металл

Илл. 65. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Раскопки 1967 г. Вещевой инвентарь. Металл

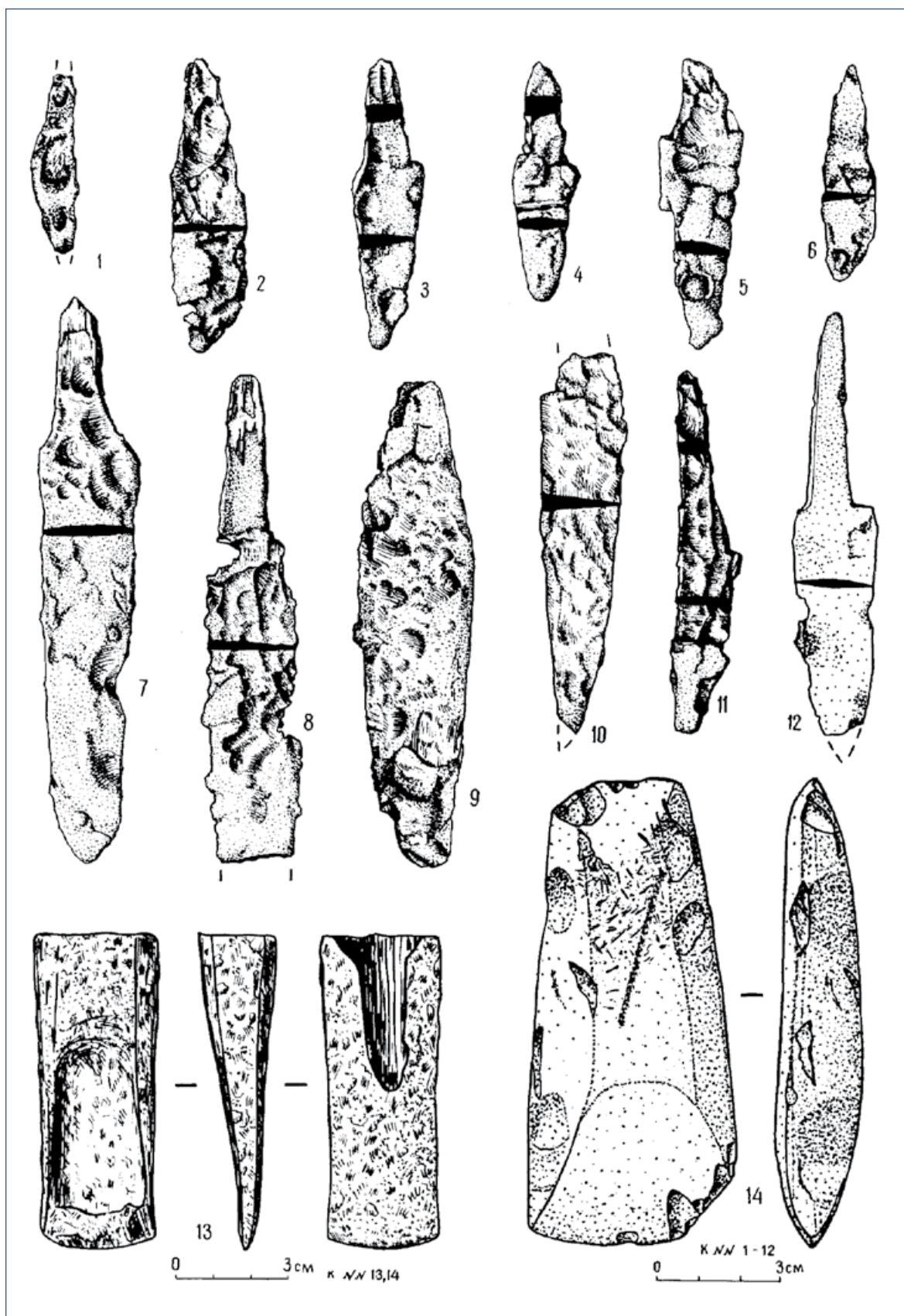
Илл. 66. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 1967 г. Вещевой инвентарь. Металл

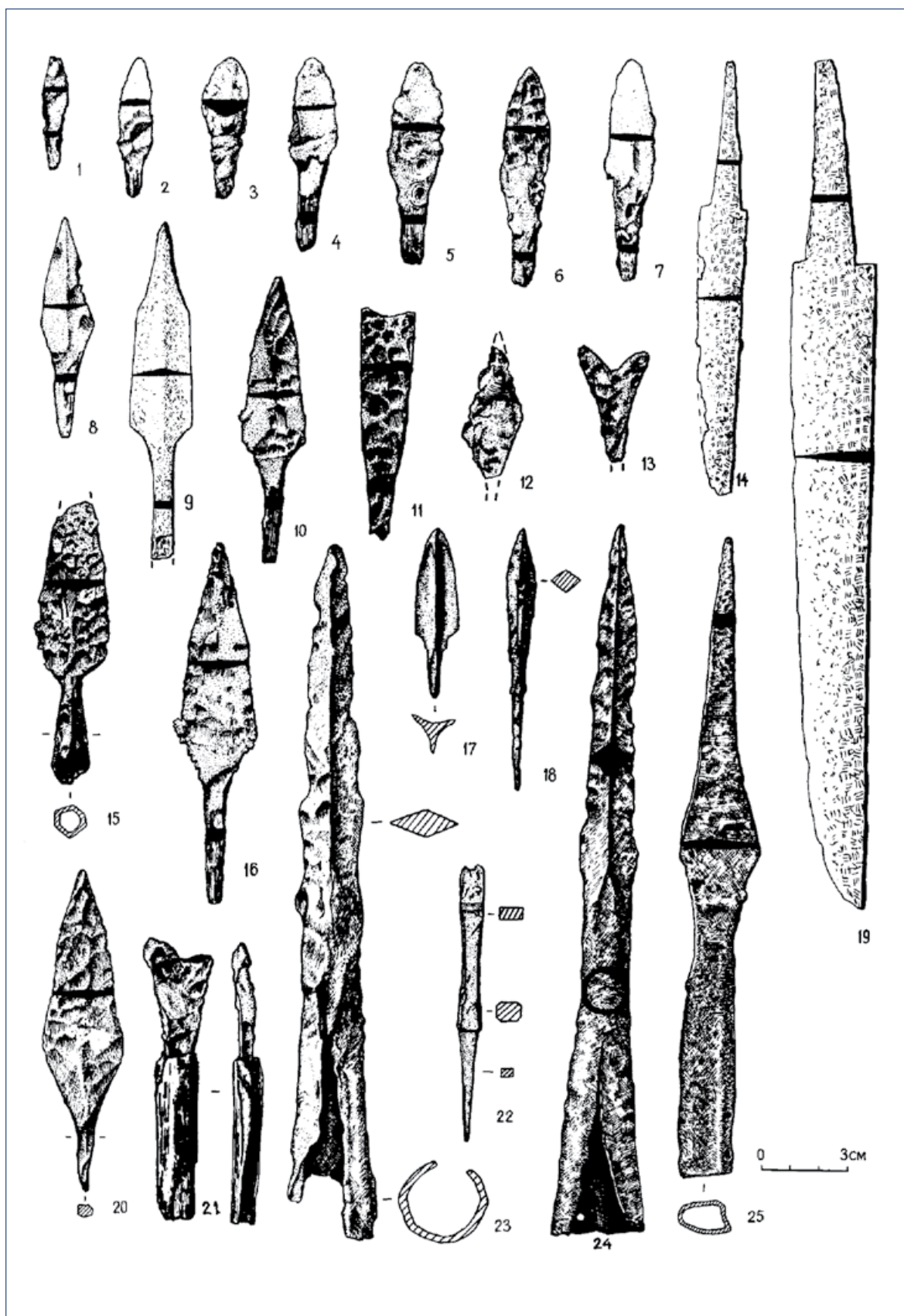
Илл. 67. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 1967 г.

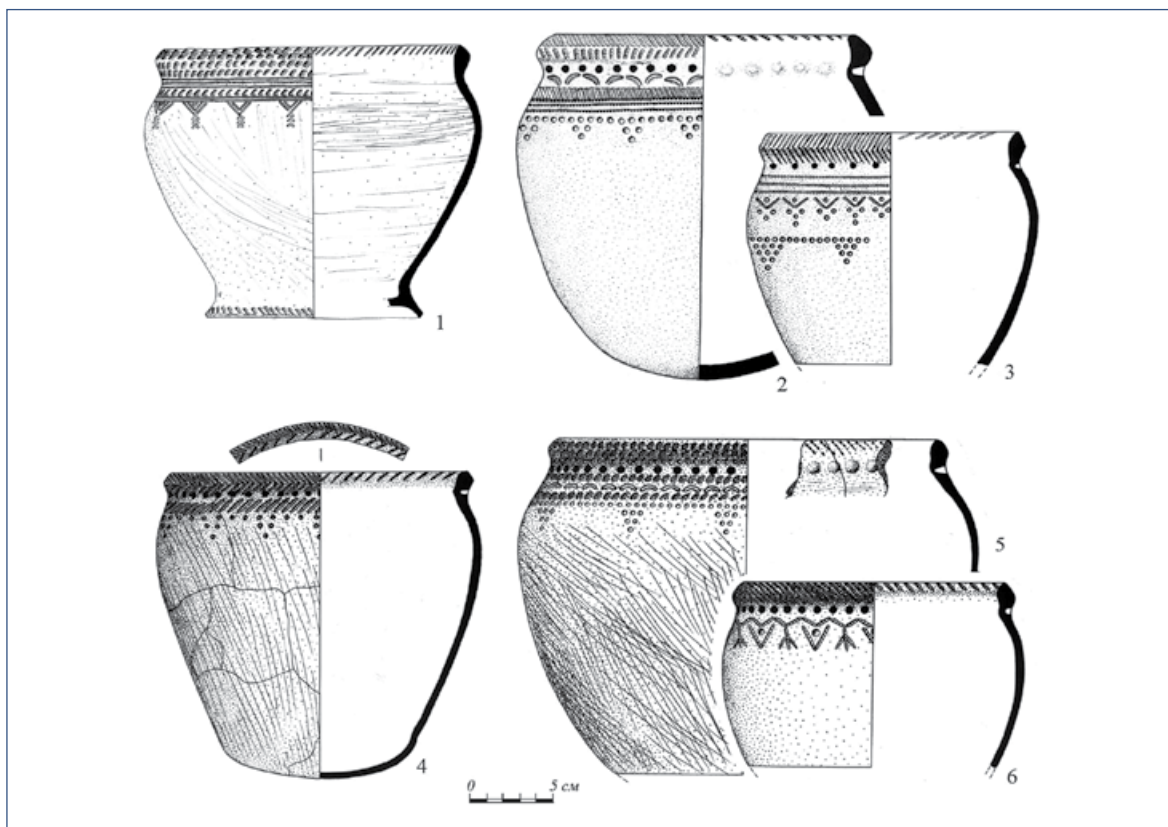
Илл. 68. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 1967 г. Вещевой инвентарь. Металл

*Илл. 69. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Раскопки 1967 г. Вещевой инвентарь. Металл, камень*

Илл. 70. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 1967 г.

Илл. 71. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 1967 г. Сосуды. Керамика

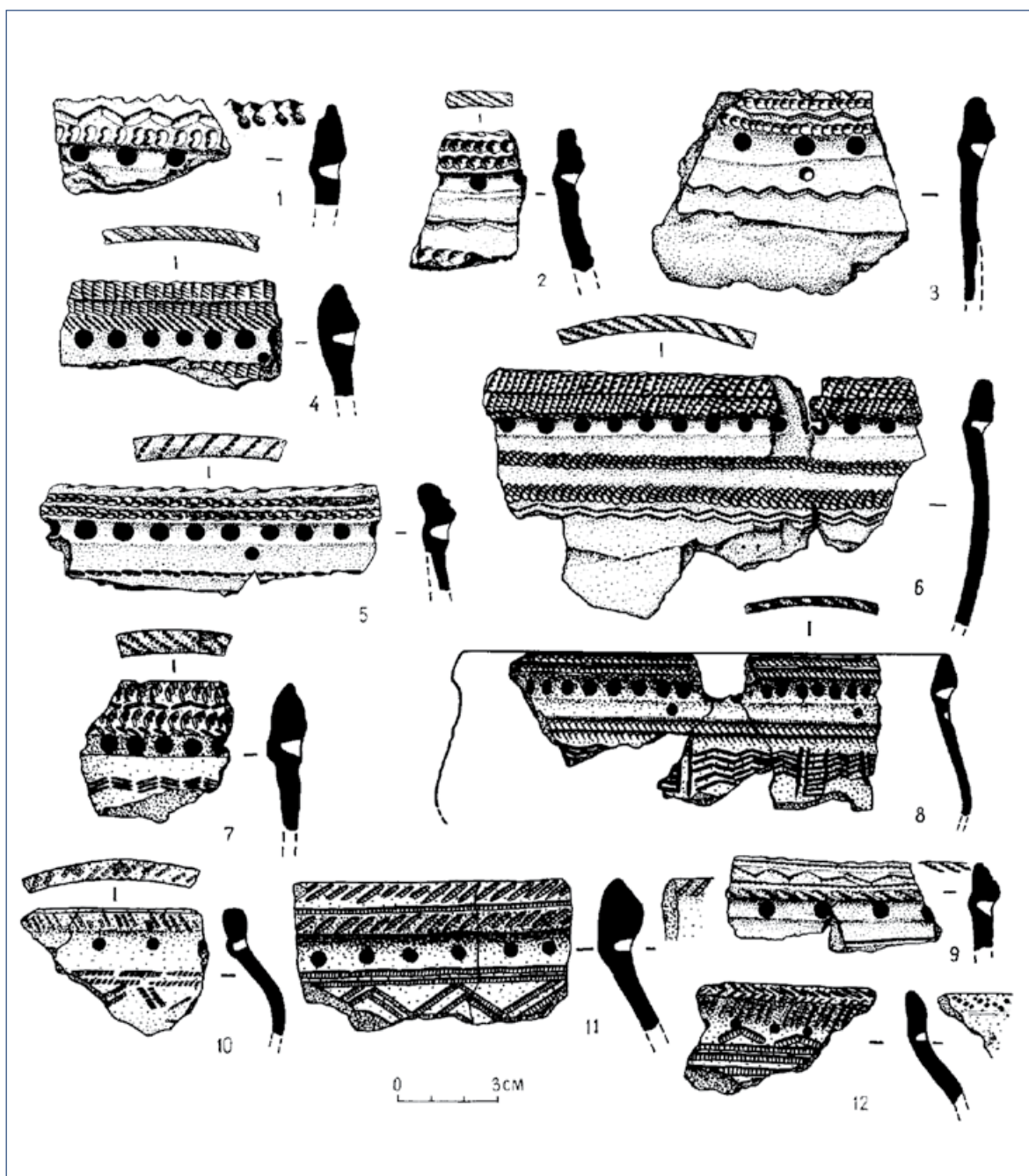
Исследование жертвенного холма было продолжено А. М. Мурыгиным в 1987 г. раскопом площадью около 84 м² и глубиной до 2,3 м. Наиболее полно материалы раскопок 1987 г., а также вещевой инвентарь из раскопок В. И. Канивца, были опубликованы в 1992 г. (Мурыгин, 1992)¹⁵.

Раскоп 1987 г. был заложен на сохранившейся от разрушения ветровой эрозией части памятника, который продолжал иметь вид бугра. Раскопки велись до осветлённого погребённого подзола, прослеженного по всей площади раскопа.

Стратиграфия:

1. Растительный слой с плотным задернованным темно-жёлтым песком, пронизанным мелкими корешками; под растительным слоем песок сероватой окраски — 6–16 см;
2. Светло-жёлтый песок; граница с вышележащим и нижележащим слое нечёткая — 2–10 см;
3. Темно-серый плотный однотонный гумусированный песок — 2–10 см;
4. Светло-жёлтый рыхлый песок — 2–6 см;
5. Темно-серый плотный однотонный песок, гумусированный (верхний культурный горизонт) — 2–14 см;
6. Светло-жёлтый однотонный рыхлый песок — 6–22 см;
7. Розовато-серый с коричневатым оттенком слоистый песок с углистыми прослойками и линзами, пятнистый (средний культурный горизонт) — 6–30 см; во всех случаях углистые прослойки и линзы имели толщину около 2 см;

¹⁵ В 2007 г. место расположения памятника обследовано археологическим отрядом Архангельского областного краеведческого музея, собран подъёмный материал (Едовин, Отчёт 2007).

Илл. 72. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 1967 г. Сосуды. Керамика

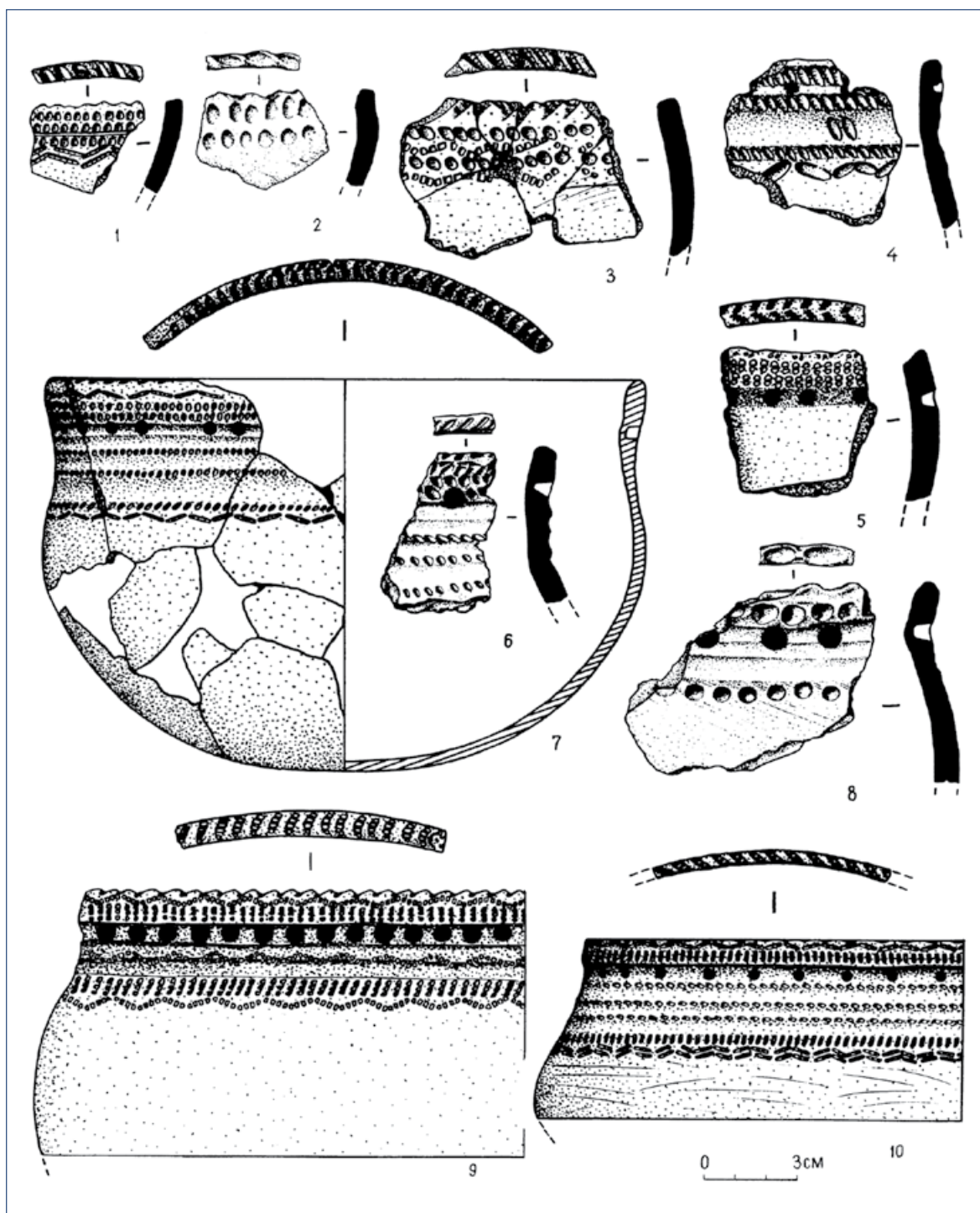
8. Светло-жёлтый рыхлый слоистый песок с включениями немногочисленных углистых прослоек — 6–94 см;

9. Розовато-серый с коричневатым оттенком слоистый песок с углистыми прослойками и линзами в верхней части (нижний культурный горизонт) — 10–42 см;

10. Светло-жёлтый слоистый песок — 16–64 см;

11. Пачка песчаных отложений, состоящая из чередующихся прослоек темно-коричневого или чёрного, темно-жёлтого и серого песка; иногда отмечались прослойки песка темно-синего цвета — 4–32 см;

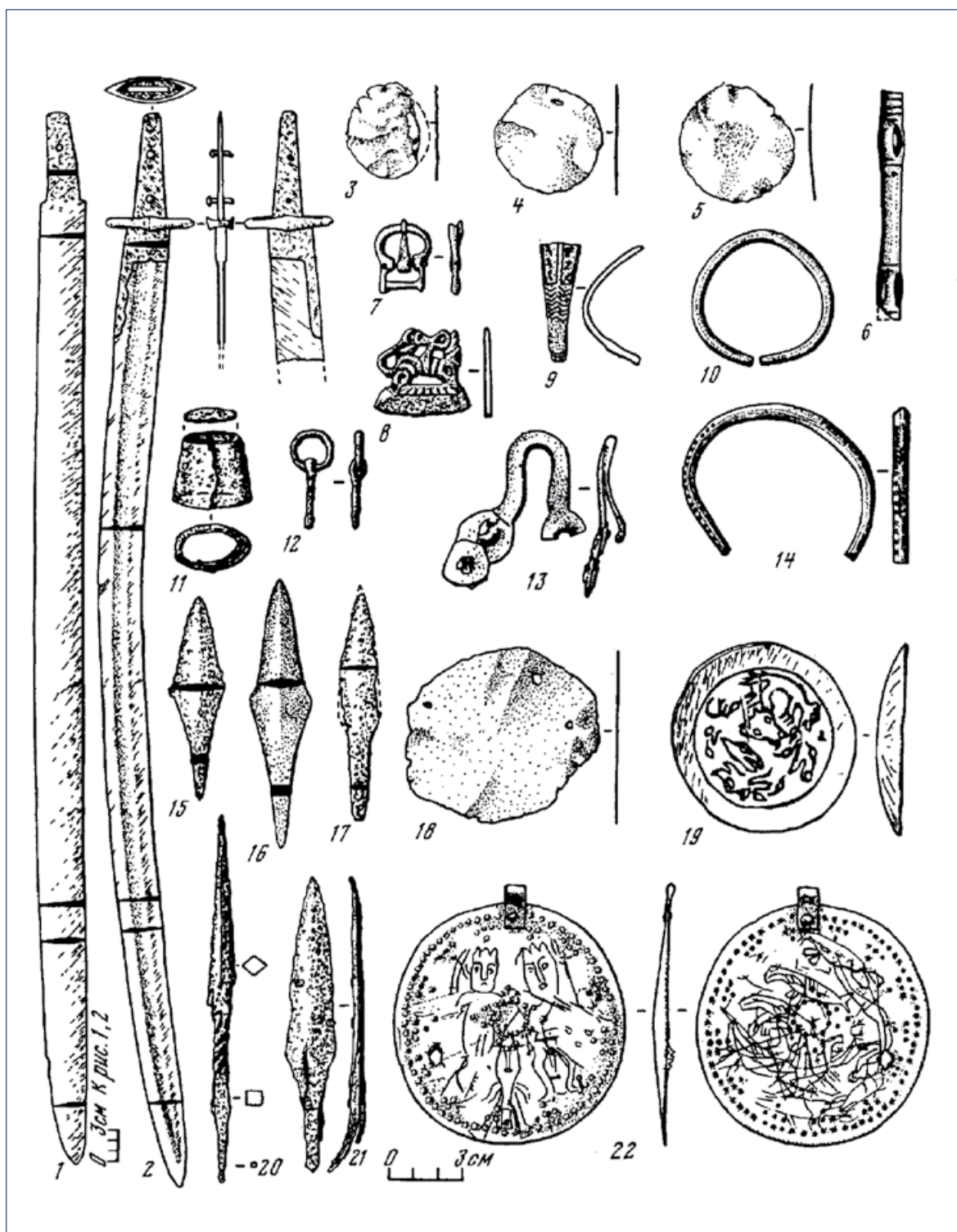
12. Погребённый подзол белого цвета с размытой темно-серой прослойкой в верхней части — 2–10 см;

*Илл. 73. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Раскопки 1967 г. Сосуды. Керамика*

13. Желтовато-зелёный рыхлый светлый песок. По краям раскопа, примыкающим к яреям и склону коренного берега, наблюдались нарушения в отложении слоёв различного вида (сбросы, выклинивания), вызванные, видимо, мерзлотными процессами, оползнями, ветровым действием.

Вещевой инвентарь немногочисленен (илл. 74). Культурные остатки, как правило, были приурочены к слоям «5», «7», «9» (72,0% всех находок из раскопа). Кости животных встречались в слоях «5–9». Ниже слоя «9» культурные остатки не зафиксированы.

Илл. 74. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Раскопки 1987 г. Вещевой инвентарь

Верхний культурный горизонт был представлен металлическими предметами и костями животных, которые занимали большую площадь, чем находки из нижележащих культурных горизонтов, залегая на глубине 14–45 см от поверхности. Находки из среднего культурного горизонта единичны (2 экз.) и встречены на глубине 32 и 58 см от условного «0». Находки нижнего культурного горизонта представлены в основном фрагментами керамики (62,2% обломков глиняной посуды из раскопа), которые тяготели к квадратам, примыкающим к месту рас-

копа 1967 г. (глубина залегания 99–150 см от условного «0»). Кроме керамики, в нижнем культурном горизонте найдено два металлических предмета: обломок бронзовой пластинки и обломок бронзового культового изображения, а также кости животных. Фрагменты одного сосуда зафиксированы в слое «8», между средним и нижним культурными горизонтами, на глубине 82–124 см от условного «0».

В верхнем культурном слое найдены четыре предмета культа — подвески из тонкой серебряной пластины с отверстием для привешивания с золочением округлой формы, крупная выпуклая подвеска из толстой серебряной пластины с ушком для подвешивания с двумя отверстиями, пробитыми с лицевой стороны острым гранёным предметом и граффити (силуэты двух морских животных, двух белых медведей, одного оленя, а также прослеживается ещё одно неясное изображение животного; внутри контуров животных нанесены граффити внутренностей: «линии жизни», ребра, крестец). С внешней стороны подвески просматриваются три стоящие человеческие фигуры — две по краям, одна между ними внизу. У верхних фигур на головах изображены трёхконечные выступы, в руках — поднятые сабли, ноги согнуты в коленях. У нижней фигуры завершение головы коническое, отделённое от лицевой части горизонтальной чертой; руки дугообразно опущены, ноги прямые и расставлены.

В верхнем слое также найден дирхем Исмаила ибн Ахмада, чеканенный в аш-Шаше в 904/5 гг.¹⁶ с отверстием для ношения, сабля палаш, пять черешковых наконечников стрел — плоские и гранёные, три браслета, пряжка восьмёркообразной формы с овальным кольцом и узким прямоугольным приемником с двумя выступами, обломок бронзовой спиралевидной пронизки и бронзовая основа от плоской круглой монетовидной подвески с отверстием в верхней части и со следами припая или склейки на лицевой стороне, бронзовая рукоять кресала с изображением животного. Остальные металлические вещи верхнего слоя представлены сломанным бронзовым ушком от котла, бронзовой восьмигранной пластиной с отверстиями, железной скобой и семью аморфными обломками бронзовых пластинок разной величины.

Средний культурный слой содержал только две находки: длинную бронзовую трубчатую пронизку с двумя слабовыраженными прорезными вздутиями и массивную литую бронзовую круглую, выпуклую подвеску с отверстием для привешивания. Бронзовая подвеска относится к числу атрибутов культа. Вогнутая сторона покрыта хорошо узнаваемыми изображениями реальных животных, заключённых в окружность. Вся композиция выполнена глубокими выемчатыми линиями. В число зооморфных фигур входят лоси и бурые медведи. Лоси представлены шестью головами животных в профиль, медведи — стоящей фигурой и двумя головами в профиль и фас.

Нижний культурный слой характеризуется находками фрагментов не менее чем от 20 сосудов. Металлический вещевой инвентарь представлен только двумя предметами: обломками бронзовой пластинки и бронзового культового изделия с изображением лосиной головы.

В расположении вещей в пределах исследованной площади Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в 1967 и 1987 гг. не выявлено определённого порядка. Были зафиксированы лишь сильно развеванные следы от ритуальных (?) костров и остатки каких-то конструкций, включающие в свою конструкцию доски или плахи.

¹⁶ Определение И. Г. Добровольского (Государственный Эрмитаж).

Для украшений, входящих в состав вещевого набора Хэйбидя-Пэдары, типична фрагментарность — большинство из них сломаны или представлены отдельными деталями. Значительное количество вещей представлены обломками и обрезками металла: Хэйбидя-Пэдара — 69,1%. Существенную долю в общем количестве находок занимает фаунистический материал — 21,5%. Подавляющее число определимой фауны принадлежит костным остаткам млекопитающих.

По количеству и видовому составу фаунистические материалы из Хэйбидя-Пэдары немногочисленны¹⁷. Абсолютно преобладают костные остатки северного оленя (93,3%), есть кости собаки (5,0%). Среди костных остатков оленя абсолютно преобладают кости черепа (81,1% от числа костных остатков оленя из раскопок 1987 г.). Возрастной состав указывает, что жертвоприношения оленей совершались на Хэйбидя-Пэдаре в течение всего года (Косинцев, 1991. С. 64). На этом памятнике очень немногочисленны кости домашних животных (лошадь — зуб, овца? — челюсть с зубами; всего 0,2%) и медведя (клыки и верхняя челюсть — 0,9%). Судя по раскопкам В. И. Канивца, на Хэйбидя-Пэдаре в двух местах раскопа лежали черепа взрослых особей бурого медведя (Мурыгин, 1984. С. 10). Из пушных животных на Хэйбидя-Пэдаре присутствует только россомаха (0,4%). Кости птиц единичны (0,4%).

Археологические исследования жертвенного места были продолжены в 2012 и 2015 гг.

В 2012 г. исполнителем работ был Институт археологии Севера (г. Нефтеюганск) и привлечённые сотрудники ООО «НПО «Северная Археология-1» (г. Нефтеюганск), ИЭРиЖ УрО РАН (г. Екатеринбург), ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН (г. Сыктывкар). Для определения границ раскопок 1967 и 1987 гг. на жертвенном месте было заложено пять траншей, общей площадью 48 кв. м, которые были приурочены к границам котлованов старых раскопок и функциональному центру памятника (илл. 63). На разрушенных участках произведён сбор подъёмного материала, максимальное удаление которого от святилища составило около 170–180 м. На прилегающей к жертвенному месту поверхности, где следы ветровой эрозии отсутствуют, выполнена сплошная металлоразведка. На границе распространения находок из металла были заложены три шурфа (на расстоянии от 50 до 100 м от святилища), общей площадью 16 м², для идентификации залегающих в слое изделий и изучения характера культуросодержащего слоя.

При раскопках Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в 2012 г., в контрольных шурфах и подъёмном материале было найдено 377 различных предметов. В их число входили фрагменты керамики (11,7% общего числа находок), изделия и их обломки из цветных металлов (медь, бронза, серебро, бронза с позолотой, серебро с позолотой, олово (?)) (62,3%) и железа (23,9%), камень (2,1%) (илл. 75; 76).

Керамика немногочисленна и фрагментарна, представлена типами, уже известными по раскопкам святилища ранее. Ближайшие аналогии ямочно-ребенчатая посуда с очень сильно утолщённым краем находит в памятниках Большеземельской тундры и в комплексах средневекового возраста из Малоземельской тундры (Мурыгин, 1992). За пределами тундр европейского Севера параллели поздней субарктической керамике можно найти на памятниках п-ва Ямал, Югорского п-ва, о. Вайгач. Датируется временем не ранее последней четв. I тыс. н. э.

¹⁷ Кости животных из раскопок 1967 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте определены В. П. Данильченко (Институт археологии РАН, г. Москва), из раскопок 1987 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте — П. А. Косинцевым (Институт экологии УрО РАН, г. Екатеринбург).

Илл. 75. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 2012 г. Вещевой инвентарь: 1, 22, 28, 29, 39, 41, 42 – предметы культа; 2, 20, 27, 40 – поясные пряжки; 3, 38 – накладки; 4 – бусина-флакончик; 5 – шумящая подвеска; 6–9, 13 – привески от подвесок; 10–12 – фрагменты цепочек; 14 – перстень; 15–21, 23–25, 37 – детали поясных наборов; 26 – нагрудное украшение; 30, 31 – гривны; 32–34 – височные кольца; 35 – серьга; 36 – монетовидная подвеска; 43 – фрагмент сосуда (1– 42 – цветной металл, 43 – керамика)

Илл. 76. *Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 2012 г. Вещевой инвентарь. 1 – сабля, 2–7 – наконечники стрел, 8 – нож, 9 – кинжал, 10–12 – пластины от доспеха. Железо*

и имеет сходство с глиняной посудой нижеобско-ямальского (угорского или самодийского по этнокультурной принадлежности) круга археологических культур. Остальные сосуды также типичны для культуры населения европейского Заполярья раннего средневековья, известны по многочисленным сборам на разрушенных тундровых стоянках. Некоторые из определяемых фрагментов выглядят более ранними по времени своего существования. Они могут быть

сопоставимы с керамикой типа поселения Хутьюнкосе I (Мурыгин, 1992. Рис. 49), документирующего V–VIII вв. н. э. в развитии культуры большеземельского населения.

Находки из металла представлены грубыми отливками в виде вертикально стоящих лосеподобных существ с выемчатым изображением внутренностей, амулетом из бронзы с изображением всадницы на коне, попирающем змею, штампованным культовым изделием из бронзовой основы от круглой двусоставной подвески с изображениями человеческой личины в окружении фигурок различных животных, плоской круглой серебряной подвеской с прочерченными изображениями магического содержания — граффити (с одной стороны просматривается олень, с другой — морское животное с прорисовкой внутренностей), височными кольцами и серьгами, двумя гривнами и украшением в виде «лунницы», бронзовыми бусами-пронизками, различными подвесками, привесками, накладками, браслетом, перстнем, поясной гарнитурой, пронизками.

В числе находок оружие ближнего (железные нож, кинжал и сабля) и дальнего боя (железные наконечники стрел — ромбовидный, двушипный, двурогий срезень). Выделяется наконечник стрелы с ромбическим коротким пером с прорезью в центре. К этой же категории находок принадлежат две свинцовые пули. Они относятся, видимо, к числу наиболее поздних изделий, найденных при работах 2012 г. Защитное вооружение представлено целыми железными пластинами с отверстиями для крепления и их фрагментами от ламеллярного доспеха.

Кроме хорошо идентифицируемых, при работах 2012 г. было найдено множество металлических обломков и обрезков от серебряных, бронзовых и железных изделий, включая детали бронзовых и железных котлов, накладок, нашивок, украшений, предметов восточного или болгарского импорта и др.

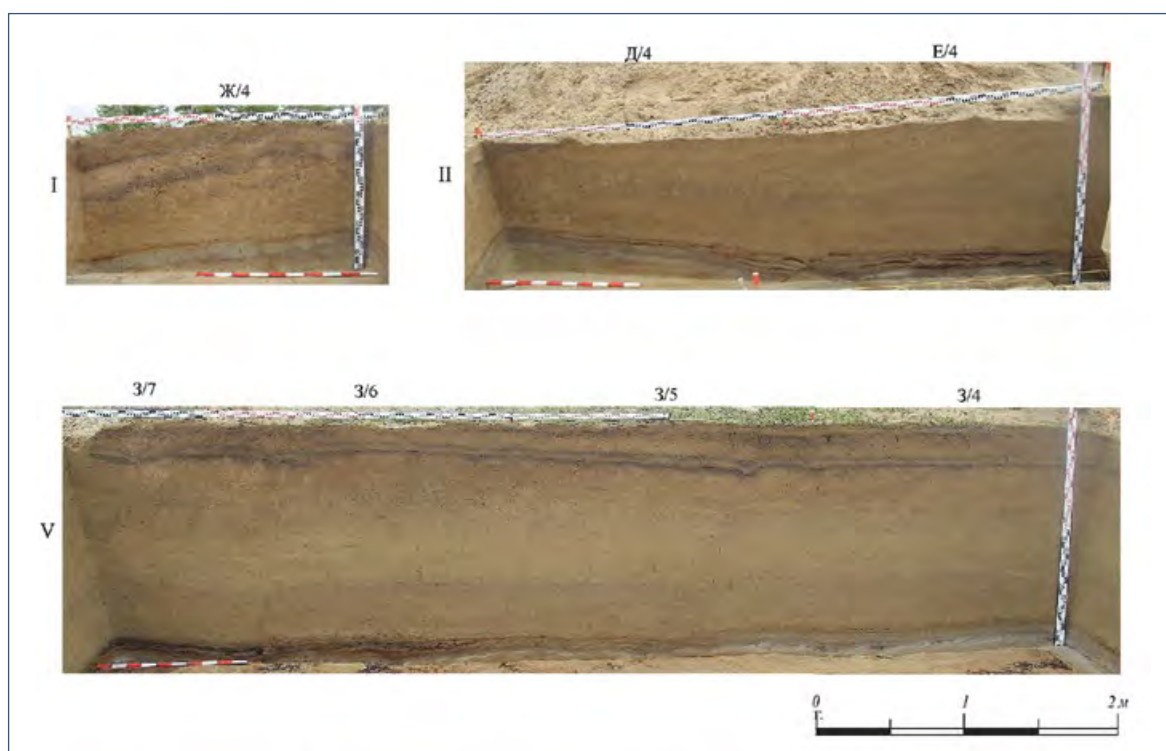
Археологические исследования жертвенного места в 2015 г. исполнялись Северным археологическим отрядом отдела археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (нач. А. М. Мурыгин) совместно с сотрудниками Ненецкого краеведческого музея (илл. 77; 78). На памятнике изучена площадь 36 кв. м. (Мурыгин, 2017).

Илл. 77. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 2015 г. Рабочий момент. Выборка навейного песка. Снимок с юго-востока

Илл. 78. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 2015 г. Вид на дно раскопа после завершения работ. Снимок с юго-востока

Илл. 79. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Раскопки 2015 г. Фото типичного профиля раскопа. Профиль №№ I, II, V

Стратиграфия раскопа (илл. 79):

1. дневная поверхность и местами сохранившийся тонкий растительный покров — мощность до 2 см;
2. смешанный песок, являющийся остатками отвалов из раскопов 1987 и 2012 гг. — до 17 см;
3. слабо выраженный перегнойно-аккумулятивный (дерновый) гумусированный слой тёмного цвета — мощность до 8 см;
4. жёлтый навейный песок без находок — мощность до 19 см;
5. погребённый, раздвоенный прослойкой жёлтого песка, чётко выраженный перегнойно-аккумулятивный (дерновый) и почвенно-растительный гумусированный слой темно-серого, до чёрного, цвета — *верхний культуровмещающий слой* — мощность до 13 см;
6. жёлтый навейный песок без находок — мощность до 37 см;
7. погребённый слабо выраженный с нечёткими границами размытый перегнойно-аккумулятивный (дерновый) и почвенно-растительный гумусированный слой серого цвета — *средний культуровмещающий слой* — мощность до 47 см;
8. жёлтый навейный горизонтально слоистый песок без находок — мощность до 50 см;
9. погребённый средневыраженный размытый перегнойно-аккумулятивный (дерновый) и почвенно-растительный гумусированный слой сероватосизого цвета — *нижний культуровмещающий слой* — мощность до 47 см;
10. смешанный жёлтый и желтовато-коричневый песок без находок — мощность до 98 см;
11. подстилающая пачка песчаных отложений слоистой структуры без находок (состояла из чередующихся прослоек обмарганцевания и ожелезнения темно-коричневого, чёрного и темно-синего цвета, темно-жёлтого и серого

песка), мощностью до 14 см, в основании которых прослежен погребённый подзол без находок серовато-белесого оттенка с темно-серыми и чёрными прослойками в верхней части и розоватыми линзами в основании — мощностью до 12 см (по всей площади полностью не вскрывался и не обрисовывался, кроме кв. д/4, а мощность определена по технологическим канавкам); глубина кровли слоя от поверхности доходила до 167 см, в трещиноватостях достигала 180 см;

12. светло-жёлтый рыхлый песчаный горизонт.

Заметные изменения в простирации погребённых почвенных горизонтов прослежены по краям раскопа, примыкающим к яряем (склонам бугра) и местам раскопов прошлых лет исследования памятника. Здесь наблюдались нарушения в отложении слоёв различного вида (сбросы, выклинивания), вызванные, видимо, мерзлотными процессами, оползнями, ветровым действием; нарушения чёткости, целостности и непрерывности простирации выявленных почвенных горизонтов, наблюдается полное или частичное отсутствие некоторых из них. В части квадратов раскопа, соответствующих современному склону бугра, культуровмещающие погребённые почвенные горизонты смешаны с подстилающим жёлтым песком, размыты по вертикали, линии сопряжения неровные и нёчеткие.

Отмеченные изменения стратиграфии связаны, как правило, с природными процессами — вертикальной диффузией и горизонтальным смещением слоёв. Не исключено, что отмеченные особенности стратиграфии отложений указывают также на процессы выдувания (развевания) и перевевания поверхности почвы в древности, с последующим перемещением эолового материала и сползанием выявленных почвенных отложений по склону бугра.

Каких-либо археологических объектов и сооружений в раскопе не выявлено. Все находки были чётко приурочены к погребённым почвенным горизонтам, сосредоточиваясь, большей частью, в верхнем из них (илл. 80, 81).

Немногочисленный вещевой инвентарь, полученный в результате раскопок 2015 г., включал целые изделия и в обломках (9 экз.), а также сырые кости животных (12 экз.). Находки тяготели к южной и юго-западной части раскопа (илл. 82).

Илл. 80. Ненецкий автономный округ.
Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Раскопки 2015 г. Пример залегания артефактов.
Бронзовый браслет. Снимок с северо-запада

Илл. 81. Ненецкий автономный округ.
Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.
Раскопки 2015 г. Пример залегания артефактов.
Предмет культового литья из бронзы.
Снимок с северо-запада

Илл. 82. Ненецкий автономный округ. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Раскопки 2015 г. Вещевой инвентарь: 1-6 – подъемный материал; 7-13 – раскоп (1-3, 8 – стекло, 4-7, 9-12 – цветной металл, 13 – керамика)

Все составляющие вещевого инвентаря, полученного при раскопках памятника, в том числе кости животных, относятся к атрибутам древнего языческого культа и были принесены сюда в качестве жертвоприношений. Сохранность изделий хорошая.

К иррациональным атрибутам культа относится небрежно выполненная и не обработанная по краям отливка из цветного металла сидящей птицы с опущенными крыльями. Остальные предметы имели первично утилитарное назначение — браслет четырёхгранный с несомкнутыми концами и флаконовидная бусина из бронзы, бусина из непрозрачного синего стекла, обломок верхней части котла и пластины из бронзы, фрагмент верхней части тулова керамического сосуда.

Полученные за все годы исследования данные определяют археологический объект «Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место» как комплекс, состоящий из святилища и прилегающей площади, границы которого определяются по деталям микрорельефа и максимальному распространению находок археологического материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что изучение археологии эпохи железа крайнего севера европейского Северо-Востока далеко от своего завершения. Однако сейчас можно подвести некоторые итоги.

Обобщение керамических материалов I тыс. н. э. этой обширной области привело к выводу о культурном единстве их носителей в рамках самобытной высокоширотной (*субарктической*) археологической культуры (Мурыгин, 1992). Её ареал был географически приурочен к циркумполярному северу Печорского Приуралья, а восточные границы доходили до п-ва Ямал. По традиционному керамическому производству составляющих её групп родственных коллективов она существенно отличалась от сопредельных одновременных культур бореального пояса бассейна реки Печоры, при заметном сходстве с культурами, получившими развитие к востоку от Уральского хребта.

При этом отсутствуют однозначные доказательства прямой связи циркумполярной Приуральской субарктической культуры с одной из известных выделенных зауральских культур эпохи железа. Параллели в ямальских и обских материалах в части деталей формы и орнамента сосудов не всегда приемлемы и достаточны для полного сопоставления с керамической посудой тундровой полосы северо-востока Европы. Однако их определённая типологическая близость к керамике Большеземельской тундры позволяет примерно очертить известные к настоящему времени восточные и западные рубежи распространения сходных традиций орнаментации. Есть основания полагать, что на протяжении второго периода раннего железного века — рубежа I–II тыс. н. э. обширную территорию приполярных и заполярных районов Нижнего Приобья, Ямала и Большеземельской тундры осваивало близкородственное население, североевропейские группы которого своим происхождением и преемственностью традиций были связаны с западносибирским (древнеугорским, древнесамодийским или угро-самодийским) этнокультурным ареалом.

Основой для изучения местной культуры субарктического типа на раннем этапе её развития является поселение Море-Ю II. За пределами тундр европейского Северо-Востока прямые аналогии керамической посуде основного керамического комплекса поселения в опубликованных источниках не встречены. Всё же считаем необходимым обратить внимание здесь на определённое сходство с ней (минеральная примесь, утолщённый край, ямочно-гребенчато-каннелированный стиль орнаментации) керамики более поздних памятников Большеземельской тундры 2-й пол. I тыс. н. э. — рубежа I–II тыс. н. э. (*типа Хутьюнкосе и Коматывис*)

(Мурыгин, 1992), а также п-ва Ямал (Брусницина, Ощепков, 2000. Табл. I, рис. 30, 1, 2; 31, 2, 3; Зеленый яр, 2005; Лашук, 1968. Рис. 2; Морозов, 2003; Плеханов, 2013. С. 158–160; рис. 2; Ушедшие в холмы, 1998. С. 36–37; рис. 20; Чернецов, 1935. Табл. II, 1–7, 8–21; 1953. Рис. 6; 1957. табл. XXV). Косвенное сходство с ранней северной приуральской керамикой в деталях формы и орнамента прослеживается также в ямочно-гребенчато-желобчатой керамической посуде эпохи средневековья на р. Полуё (Зеленый яр..., 2005; Чикунова, 2017. С. 155, рис. 1) и найденной выше по течению р. Оби (Морозов, 2003) и др. В широтном направлении полные аналогии поздней большеземельской (*субарктического типа*) и ямальской (*тиутейсалинского типа*) керамике известны вплоть до западного побережья Гыданского п-ва (Скочина, Еньшин, 2017. С. 41; Рис. 1, 2–4). Даже при всей неполноте и недостаточном соответствии использованных примеров из Обско-Ямальского круга археологических культур трудно отрицать тот факт, что аналогичное керамике *типа Море-Ю* сочетание основных характерных черт на сторонних территориях можно найти лишь в материалах западносибирских памятников эпохи железа, а такой признак, как каннелирование, и в более ранних комплексах¹⁸.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что один из важнейших элементов орнаментации большеземельской керамики — горизонтальные каннелюры — известен на керамике носителей культур раннего железного века северо-запада России — позднебеломорской, позднекаркопольской, лууконсаари. Карельские археологи рассматривают этот признак в качестве исключительно хронологической параллели с гляденовскими древностями пещоро-вычегодского региона (Жульников, 2005. С. 38).

Из основного керамического комплекса выделяются сосуды, также указывающие на Зауралье, как наиболее вероятный источник происхождения отдельных признаков орнамента и формы. К ним относится керамика III группы (илл. 10, 14–18) с ямками на внутренней поверхности прикраевой части керамической посуды («жемчужник»). Она редко встречается на поселениях эпохи железа таёжного Припечорья и Вычегды, в тундре северо-востока Европы. Распространение такого приёма при орнаментации в западносибирских культурах позволяют считать такой способ украшения отражением зауральской традиции в керамике Печорского Приуралья. Также нетипичны для поселения, как и в целом для эпохи железа европейского Северо-Востока, сосуды VII группы с выступами («ушками») на венчике (илл. 10, 1). Они найдены на разрушенных тундровых стоянках — Коротайха 268/59, Коротайха 292/82, Падимей-вис 227/18, Падимей-вис 240/31 (Чернов, 1985. Табл. 16, 13, 14). В таёжной зоне встречены в ананьинском комплексе поселения Шойнаты II (Королев, 1997. Рис. 18, 13) и погребении № 1 раннеананьинского времени (VIII–VII вв. до н. э.), выявленном на этом же памятнике (Королев, 2002. С. 35, 36; Рис. 34, 7). В сборах 1967 г. В. И. Канивца, произведённых в районе поселения Море-Ю II, присутствует керамический котловидный сосуд (диаметр около 28 см) с кольцевидной ручкой на венчике с тремя выступами-кнопками, высокой цилиндрической шейкой и выступающим плечиком на тулове, украшенным гребенчатыми оттисками (нижняя часть не сохранилась) (Мурыгин, 1992. Рис. 48, 1). Миниатюрная бронзовая копия котла конусовидной формы с трёхлучевыми ручками и намеченным поддоном найдена вблизи поселения, на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте (Мурыгин, 1992.

¹⁸ Генезис желобчатой орнаментации на западносибирской керамике до конца не решен; см. напр.: Зыков, 2012. С. 55–58.

Рис. 21, 42). Не исключено, что эти находки следует рассматривать в качестве имитации металлических котлов кочевого населения евразийских степей скифо-сарматского времени и трансмиссии элементов южных культур в европейское Заполярье.

Удревнение материалов поселения и, соответственно, *культурного типа Море-Ю* затрагивает более широкий, чем сугубо локального значения, круг вопросов археологии эпохи железа европейского Северо-Востока и, возможно, сопредельных территорий. В этой связи не кажется лишним кратко остановиться, в частности, на концепции формирования некоторых культурных типов в более южных районах Припечорья (Мурыгин, 1992).

На рубеже раннего железного века — средневековья сложение новых культурных типов на пространствах бореального пояса европейского Северо-Востока проходило при активном взаимодействии местных и пришлых групп (Мурыгин, 2013). Показателем изменений, произошедших на северо-восточной окраине гляденовской культурной общности (бассейн Печоры), явилось сложение к сер. I тыс. н. э. при участии одной из культур этой общности — пиджской, *бичевницкого культурного типа*. Высказано предположение (Мурыгин, 1992), что на стадии становления в формировании бичевницкого культурного типа приняли участие и пришлые группы населения из области большеземельского Севера. Возможное появление тундровых групп населения к югу от Полярного круга увязывалось с последствиями ухудшения климата на рубеже суббореального и субатлантического периодов. Этот северный компонент был определён на основе косвенных данных — общих для той и другой керамической посуды типобразующих показателей. Главными отличительными чертами керамики культуры типа Бичевник периода завершения оформления стереотипа (около сер. I тыс. н. э.) является широкое распространение в орнаменте овальных или близких к ним по форме неглубоких вдавлений, которые редки на тундровой керамической посуде, на которой развиты гребенчатые узоры, а также сильнее выраженное утолщение шейки по отношению к остальной части тулова.

Необходимо особо подчеркнуть, что принципиально важным для понимания особенностей этого этапа эпохи железа является то, что инфильтрация в гляденовский ареал Припечорья (возможно, и в Привычегодь) групп инородного населения происходила в течение длительного времени (начиная, вероятно, с последней четв. I тыс. до н. э.) и в рамках примерно одного и того же, хотя и сокращающегося лесного ландшафта. Гляденовская керамика с каннелюрами появляется на памятниках таёжного Припечорья уже в конце III — II вв. до н. э. (Васкул, 1997. С. 379), что опосредованно указывает на вероятное начало этого затяжного по времени процесса.

В предложенной культурно-исторической схеме и её обосновании имелось одно несоответствие. Арктический компонент бичевницкого культурного типа должен был быть старше самого типа, что не согласовывалось с первоначальной датировкой, делавшей его примерно синхронным бичевницким древностям. Таким образом, результаты радиоуглеродного датирования культурных остатков поселения снимают это несоответствие и являются серьёзным аргументом в пользу предложенной схемы культурогенеза бичевницкого населения таёжного Припечорья.

Поселение Море-Ю II на сегодняшний день является самым ранним и наиболее полно изученным однослойным археологическим памятником субарктической культуры крайнего северо-востока европейской части России. Погребение эоловыми песками культуросодержащих почвенных отложений предполагает до

определённой степени быструю, в историческом масштабе, консервацию культурных остатков и их сравнительную одновременность.

Объективные данные (C^{14}) определяют возраст памятника ранним железным веком. Ранее достоверные доказательства наличия в европейских тундрах стоянок и поселений местного населения этого времени отсутствовали. Изученный костный комплекс показывает, что основу системы жизнеобеспечения жителей поселения Море-Ю II составляли северные олени (*Rangifer tarandus*). Результаты анализа археозоологической коллекции вполне однозначно указывают на его функционирование в зимнее время или, шире, с конца осени по начало весны. Весьма вероятно, что это зимнее стойбище охотников на северного оленя¹⁹. Учитывая данный вывод, поселение можно рассматривать как охотничий лагерь неоднократного посещения на путях миграции северных оленей.

Таким образом, корректируя, но не меняя предложенной последовательности в развитии керамических комплексов Большеземельской тундры — типы *Море-Ю*, *Хутьюнкосе*, *Коматывис*, обозначилось недостающее звено, которое прежде не было актуализировано археологическим материалом на территориях европейского Северо-Востока севернее Полярного круга. Это — арктический компонент *бичевницкого культурного типа*, носители которого путём многовековой инфильтрации из основного ареала обитания кардинально изменили традиционное керамическое производство финно-пермского (гляденовского) населения таёжной полосы Печорского Приуралья к сер. I тыс. н. э.

Постепенный отток какой-то части заполярного населения в более южные районы Припечорья, а вместе с ними, очевидно, проникновение в инородную среду сопутствующих средств и способов деятельности, других элементов культуры, был спровоцирован серьёзными неблагоприятными климатическими изменениями, протекавшими в раннем субатлантическом периоде на европейском Северо-Востоке. Здесь важно обратить внимание на то, что более всего негативно сказываются на системах жизнеобеспечения в условиях арктической зоны нестабильные погодные условия, увеличивая миграционную подвижность живых существ как одну из форм адаптации к изменчивости экологической обстановки на Крайнем Севере (Крупник, 1989). Общие выводы исследователей по региону нашли своё подтверждение и детализированы в результатах палинологического анализа, проведённого на конкретном памятнике. Они свидетельствуют, что для периода формирования антропогенного комплекса находок, совпадающего с климатической зоной SA-1, был характерен неустойчивый температурный режим²⁰. Споро-пыльцевые комплексы культуросодержащих почвенных горизонтов регистрируют как относительно тёплые и влажные условия на площади поселения и местности вокруг него, так и ухудшение климата на этой территории.

Эти факты согласуются с известной схемой зонального деления голоцена северо-востока европейской части России. Она коррелирует с периодом существования поселения, который приходится на продолжающееся ухудшение климата. В числе последствий — сдвиг ландшафтных зон в меридиональном направлении и расширение тундровой зоны со смещением границы лесной растительности на 150 км к югу от современной (Никифорова, 1982. С. 156, 160). Эта базовая позиция уточнена в современных работах в области палеоклиматологии. В работах

¹⁹ Анализ выполнен канд. биол. наук П. А. Косинцевым, лаборатория палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург.

²⁰ Анализ выполнен канд. г.-м. наук. Т. И. Марченко-Вагаповой, лаборатория геологии кайнозоя Института геологии Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Л. В. Филимонова, В. А. Климанова (2005), А. Г. Исаченко (2013) обосновывается положение, согласно которому ранний субатлантический период (SA-1, 2500–1800 л. н.) по своему строению сложнее, чем отмечено у более ранних исследователей (Никифорова, 1982). На всем его протяжении неоднократно менялся температурный режим. Он начинается сильным похолоданием около 2500 л. н., которое фиксируется на всей территории России. Далее отмечены два потепления (примерно 2300 и 2000 л. н.), разделённые временным похолоданием с максимумом в интервале 2200–2100 л. н.

Генезис большеземельской керамики эпохи раннего железного века не вполне понятен. Культуры эпохи поздней бронзы — первого периода раннего железа века Печорского Заполярья, в которых можно было бы видеть непосредственную аборигенную основу более поздних этнокультурных образований на этой территории, пока не нашли отражения в археологических источниках или не выделены из уже имеющихся материалов, или представлены единичными фрагментами керамических сосудов. Аналогии ранним типам в таёжном ареале североприуральских археологических культур не выявлены, более поздним — единичны. Вопрос о том, является ли формирование в европейском Заполярье каннелированного керамического комплекса следствием масштабных изменений, происходивших в Обском бассейне в I тыс. до н. э. — нач. I тыс. н. э., или это феномен конвергентного развития в русле автохтонных традиций, остаётся открытым.

Типологически более поздними являются материалы однослойных поселений Хутьюнкосе I и Коматывис I, давшие название, соответственно, среднему и позднему этапам развития керамических комплексов.

Подчеркнём здесь, что множество отдельных фрагментов керамики, в той или иной степени близких по форме и орнаменту сосудам типа *Море-Ю*, *Хутьюнкосе* и *Коматывис*, рассеяны на десятках разрушенных стоянок по всей континентальной и прибрежно-береговой части Мало- и Большеземельской тундры. Морфология большинства из них не выходит за совокупность признаков формы и орнамента, характеризующих выделенные типы глиняной посуды.

Наиболее полно данные о культуре субарктического типа аккумулированы в культурных остатках уникального археологического памятника — Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места на р. Море-Ю.

На памятнике сосредоточены практически все типы керамических сосудов, найденных в тундровой зоне северо-востока европейской части России.

Анализ материалов Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места позволяет предполагать наличие в Большеземельской тундре не менее двух основных групп населения, не вполне адекватных по хозяйственно-культурному типу (далее — ХКТ).

Специфика ХКТ первой из них заключалась, видимо, в одновременном, на определённом этапе существования, включением в территорию хозяйственного освоения тундры и тайги. Об этом свидетельствует прежде всего ареал керамики типа *Бичевник*, характерной для этих двух резко отличающихся естественно-географических зон. С этой же группой населения могут быть связаны костные останки бурого медведя и большинство культовых поделок и граффити, основой для которых послужили представители лесной фауны (лось, бурый медведь).

Судя по ареалу другой части керамического материала, для второй группы населения характерна локализация памятников в тундровой зоне — от морского побережья до границы с лесом. Сопоставляя данный ареал с рядом предметов культа, можно полагать, что ХКТ этой группы населения включал промысел оленей и морского зверя, возможно, охоту на белого медведя, плавание в прибрежных водах (модель лодочки?). Костные останки собак с Хэйбидя-Пэдары косвенным

образом свидетельствуют о знакомстве аборигенного населения тундры с упряжным собаководством. Такой способ передвижения прослежен на материалах усть-полуйской культуры на нижней Оби. Точка зрения о его распространении у населения северных районов Приуралья и Зауралья является наиболее признанной (Вайнштейн, 1971. С. 51; Василевич, Левин, 1951. С. 78–81; Лашук, 1958. С. 58; Хомич, 1976. С. 80 и др.). Можно считать бесспорным, что в комплексе сакральных актов аборигенного населения тундры входили не только жертвоприношения оленей, но и собак. Жертвоприношения собак хорошо известны по материалам жертвенного комплекса на площади Усть-Полуйского городища на нижней Оби (Мошинская, 1965. С. 16). По мнению В. Н. Чернецова, такой обряд у ненцев п-ва Ямал связан с влиянием на них доненецкой культуры (Чернецов, 1935. С. 132). В числе других этот факт был использован В. И. Васильевым для обоснований аборигенной принадлежности одного из ненецких родов (Васильев, 1979. С. 56). К такому же выводу привели исследования аналогичного обряда у угров (Мошинская, Лукина, 1982. С. 56).

Наряду с разницей в направленности хозяйств и культуре средневековые носители «лесных» и «субарктических» традиций Хэйбидя-Пэдары обладали определённой степенью сходства. Это прослеживается по общим для керамики признакам, использованию в культовых целях одного объекта, частичном единстве территории обитания.

На Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте сравнительно узко датирующиеся вещи можно сгруппировать в два основных хронологических комплекса, содержащих большинство находок. Первый и самый многочисленный из них состоит преимущественно из украшений и его можно в целом датировать VI–IX вв. н. э. Второй комплекс находок следует отнести к XI–XIII или XIV вв. н. э. Для него характерны предметы вооружения; украшения немногочисленны, и из их числа выделяются изделия, бытовавшие в юго-западных или западных районах страны. Вещи промежуточного периода — IX–X и X–XI вв. — единичны. При этом следует учитывать, что часть таких вещей может относиться к одному из хронологических комплексов. Особенно показателен вещевой инвентарь верхнего культурного горизонта Хэйбидя-Пэдары из раскопок 1987 г. Он содержал предметы повседневного быта и боевое оружие, пробитую гранёным наконечником серебряную подвеску с изображением культового характера.

Для сравнения отметим следующее. Большинство находок из Уньинской и Каннинской пещер (верхняя Печора) также укладываются по времени бытования в пределы второй половины I тыс. н. э., хотя коллекции вещей там гораздо менее представительны, чем с Хэйбидя-Пэдары. Вещи более позднего времени в Каннинской и Уньинской пещерах единичны. В Каннинской пещере к ним относятся серебряная неорнаментированная калачевидная серьга и, возможно, крючконочное круглопроволочное кольцо (Канивец, 1964. Рис. 36, 3, 6). В Уньинской пещере металлические изделия, датирующиеся X–XI вв. н. э., представлены монетами и брактеатами, бусиной-флакончиком, наконечниками стрел типа срезней без упора (Канивец, 1962. С. 119. Табл. II, 14; III, 1, 3). По данным радиоуглеродного анализа и монетам, культурный слой Эшмесской пещеры (Средний Тиман) также датируется X–XI вв. н. э. (Мурыгин, 2011).

Можно полагать, что функционально значимая часть жертвенного места была приурочена к южной и юго-восточной части песчаного холмистого возвышения (раскопы Г. А. Чернова 1947 г. и В. И. Канивца 1967 г.), обращённого в сторону единственно возможного здесь пологого спуска к реке от безлесной тундры. Возможно, что этими особенностями рельефа окружающей местности и был об-

условлен выбор определённого места на площади бугра, предназначенного для совершения древних языческих обрядов, расположенного на краю высокого (до 30 м) обрывистого берега р. Море-Ю и ограниченного с запада и северо-запада болотистой низиной, озером и вытекающей из неё виской.

Анализ вещевого инвентаря Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, полученного в результате всех лет исследования, показывает, что начало образования культурного слоя жертвенного места, видимо, следует отнести ко времени не ранее VI в. н. э. или середины I тыс. н. э. Верхнюю дату Хэйбидя-Пэдара как археологического памятника находки броневой наконечников стрел, втульчатые четырёхгранные наконечники копий и привеска-бубенчик грушевидной формы определяют XIII в. н. э., захватывая, возможно, и какой-то промежуток времени XIV в. н. э. Находки из него оставлены различными по происхождению и этнокультурной принадлежности группами населения Печорского Приуралья и сопредельных районов Большеземельской тундры и Зауралья, включая п-ов Ямал. Возможно, это жертвенное место является межплеменным местом почитания, в культурных остатках которого нашли своё отражение особенности традиционного культа как местного, так и пришлого населения (Мурыгин, 1984; 1992).

Состав большей части культурных остатков позднего этапа существования жертвенного места (рубеж I–II тыс. н. э. и далее), особенности их планиграфического положения в пределах исследованной в 2012 г. площади вне святилища (предметы вооружения и защитного доспеха) позволяют поставить вопрос о каких-то серьёзных изменениях в историко-культурной обстановке в целом на крайнем севере европейской части России где-то в первой четверти II тыс. н. э., либо о локальном конфликте между различными коллективами, произошедшем на этом участке тундры.

Более того, сокращение притока вещей на места жертвоприношений Северного Приуралья в конце I тыс. н. э., изменение их номенклатуры, иногда существенно (Хэйбидя-Пэдара), в сторону предметов вооружения, хронологические рамки культового комплекта из Эшмесской пещеры, ограниченного XI в. н. э., связаны, видимо, с изменениями в историко-культурной обстановке не только на крайнем севере европейского северо-востока, но, надо полагать, и на всей территории Печорского Приуралья.

К аналогичному выводу пришел и О. В. Овсянников по результатам раскопок святилища на р. Гнилке, впадающей в Городецкое озеро (Ясински, Овсянников, 2003). Им было высказано предположение, что святилище представляло собой в VI–X вв. н. э. единый культурный комплекс с расположенным рядом городищем Гнилка и оно продолжало функционировать вплоть до кон. XIII в. н. э., увеличившись в площади за счёт этого соседнего заброшенного городища. Прекращение функционирования святилища О. В. Овсянников связывал со сменой населения в печорских тундрах — исчезновением летописной «печеры» и приходом ненецких племён.

В связи с накоплением и новым осмыслением источников по средневековой проблематике встаёт вопрос о возможности выделения из общей массы археологических памятников Мало- и Большеземельской тундры особой территориальной группы, тяготеющей, в основном, к долине Заполярной Печоры. Они образуют нижнепечорский ареал распространения средневековых памятников *новоборского типа* 2-й пол. I — 1-й пол. II тыс. н. э.: городища Новый Бор I–IV, Ортинское, Кобылиха, городище и святилище Гнилка, поселение Коткино I и Югорская сопка; в этот же круг памятников Заполярья входили также, видимо, Эшмесское

святилище и Нерицкий могильник X–XI вв. н. э., содержащими нехарактерный для таёжного Приуралья вещевой инвентарь (Истомина, 1997; Мурыгин, 2011; Мурыгин, Кленов, 2015).

Памятники новоборского типа резко отличаются, в частности, по орнаментации керамики как определённому «маркеру принадлежности» от остальных известных памятников тундровой зоны (*субарктического типа*). К числу новоборских относится и поселение Югорская сопка, керамическая посуда которого имеет общие признаки с аналогичными материалами первой пол. II тыс. н. э. Являясь наиболее ранним из всех вышеперечисленных, культурный комплекс поселения Югорская сопка фиксирует появление в европейских тундрах новой культурной традиции, которая, как представляется, не связана непосредственно с развитием континентальной культуры субарктического типа. Его материалы можно рассматривать в качестве отправной точки для последующих инновационных изменений, выразившихся в формировании локальной (*новоборской*) группы средневекового населения.

Многочисленные материалы населения *новоборского* культурного типа хорошо представлены на вышеописанных городищах. Как полагает О. В. Овсянников (Ясински, Овсянников, 2003), после X в., в процессе установления даннических отношений и подчинения печорских племён русскому влиянию городище на р. Гнилке, в числе других укрепленных поселений в районе Нижней Печоры, прекратило существование. Находки позднего хронологического горизонта на площади городища Гнилка он связывал с ремесленным производством древнерусских городов XI–XIII вв. н. э. (железные кресала, ножи, фрагменты топоров, цилиндрический пружинный замок) и отнёс к культурным остаткам расположенного рядом древнего святилища.

Датируя Ортинское городище периодом VI — нач. XI в., О. В. Овсянников рассматривал его как один из племенных центров населения, обитавшего в районе Нижней **Печоры** и имевшего тесные контакты с племенами Нижней Оби и Северного Приуралья (Ясински, Овсянников, 2003). Это укрепленное поселение, как полагал О. В. Овсянников, представляет срез культуры того местного **населения**, с которым несколько позднее, вероятно, на рубеже X–XI вв. или в самом **начале** XI столетия, столкнулись военно-промысловые ватаги из Ладоги и Новгорода, **когда** достигали района нижней Печоры. Русские летописи знакомы с этими племенами и называют их «*печерой*».

Таким образом, Ортинское городище второй половины I — нач. II тыс. н. э., по мнению О. В. Овсянникова, демонстрирует важнейшие стороны культуры местных печорских племён (военно-оборонительное и жилищное строительство, сочетание в планировке поселения оборонительной структуры — крепости и открытого селища, ремесленное производство, орудия труда и украшения), элементы их племенной структуры (наличие военного центра) накануне значительных перемен в жизни региона — включения печорского населения в систему феодальных отношений Древней Руси.

Однако если ранее в отечественной археологии с *Печерой* связывали только отдельные нижнепечорские памятники археологии (О. В. Овсянников), расположенные в дельте Печоры (Ортинское городище) и на Городецком озере (городище и святилище Гнилка) (Ясински, Овсянников, 1993, С. 77; Ясински, Овсянников, 2003, С. 77, 97), то на современном этапе исследований есть все основания для выделения на базе более широкого круга источников территориально обособленной группы населения. Городища Ортинское и Гнилка входят в состав недавно выделенной локальной группы археологических памятников *новоборского* (*нижнепе-*

чорского) культурного типа, локализованных в облесенной долине Заполярной Печоры (Мурыгин, 2017).

При раскопках городища Кобылиха было зафиксировано три археологических комплекса — само городище с его оборонительными сооружениями, металлургическая железоделательная мастерская и, возможно, святилище и остатки жилых сооружений (Барышев, 2010). Последующими раскопками памятника (А. М. Мурыгин, А. В. Коротаев) документально подтверждено, что на городище присутствуют и остатки жилых строений. Наличие фрагментов древнерусской керамики в материалах памятника предполагает присутствие на городище её носителей.

Возникновение городищ, как полагает И. Б. Барышев (2010), можно связывать не столько с внутренними экономическими и социальными процессами у народов северного края, сколько с началом проникновения ладожан, новгородцев и самодийцев на европейский Север. Укреплённые поселения должны были помогать в противостоянии автохтонного населения иноземной экспансии на крайний северо-восток Европы. В этой же работе (Барышев, 2010) высказано предположение, что прекращение существования городищ и святилищ связано с приходом самоедов (ненцев) в конце XIII — начале XIV вв. Этот процесс не был скоротечным, а, видимо, продолжался много лет. Соглашаясь с О. В. Овсянниковым, И. Б. Барышев предположил, что заброшенность городищ на Нижней Печоре также может быть связано с усилением русского влияния в XIV–XV вв. и, наконец, перехода всего обширного региона под юрисдикцию Московского государства с образованием Пустозерской волости в 1502 г. (Барышев, 2010).

Таким образом, имеющаяся на сегодня источниковая база даёт основание для выделения на территории тундровой зоны северо-востока Европы и примыкающих районов крайне северной печорской тайги не менее двух этнокультурных образований. Жизненный уклад первого из них, археологически представленного керамикой типа *Море-Ю, Хутьюнкосе и Коматывис* (Мурыгин, 2016. Рис. 2–7), был адаптирован к обитанию не только большей частью в континентальных районах Большеземельской и Ямальской тундр, но и на их прибрежно-береговых участках и островах (о. Вайгач). Археологические памятники второго тяготели, главным образом, к облесенной долине нижней Печоры и были документированы керамикой *новоборского типа* (Мурыгин, 2016. Рис. 10; 11). Одной из главных здесь, в силу слабой и неравномерной археологической изученности циркумполярно-трансуральской области, остаётся проблема культурно-хронологического соотношения субарктических и новоборских памятников железного века.

В ареале распространения археологических памятников *новоборского типа* источники позволяют выделить территориально-хозяйственные антропогенные комплексы, охарактеризовать основные факторы их образования и выделить соответствующие им археологические микрорайоны (АМР) нижнего течения р. Печоры. Здесь относительно хорошо изучены новоборский (городища Новый Бор I–IV) и городецкий АМР (городище Кобылиха, городище и святилище Гнилка, поселение Югорская сопка).

Способ деятельности оставивших памятники *новоборского типа* коллективов определяли в значительной степени особенности естественно-географической среды обитания в высоких широтах и природно-ресурсный потенциал прирусловой зоны низовий главной водной магистрали западного Приуралья — р. Печоры. Основным объектом охоты для нижнепечорских коллективов на протяжении всей эпохи средневековья был северный олень. В культурном слое памятников определены также кости лося, медведя, бобра, зайца, лисицы, соболя, утки, глухаря, налима, нерпы. Их наличие указывает на разнообразие видов промысловой

деятельности, что значительно повышало устойчивость системы жизнеобеспечения населения. В состав жертвенных животных на святилище Гнилка, кроме промысловых видов, входили свинья и домашняя собака. Кости собаки найдены также на городище Кобылиха.

В то же время целый ряд находок на поселении Югорская сопка свидетельствует о развитии уже на раннем этапе местной металлургии и металлообработки цветных и чёрных металлов. В производстве использовалось как местное, так и привезённое сырьё. В чёрной металлургии можно предполагать использование местных окисных железных руд, а для медного литья — медистых окисных руд с месторождений Урала и Тимана. Возможна и вторичная переплавка привозных изделий из цветного металла. На площади поселения выделена производственная зона, где были сосредоточены остатки сооружений для получения железа из болотных руд в его, видимо, архаичном виде — варкой на открытых кострах с глиняными вымостками или в примитивных сырдутных горнах.

Использование местных болотных руд не прерывалось на протяжении последующих столетий. На городище Кобылиха выявлен комплекс, включающий остатки сооружений (домницы), связанных с металлургическим производством, и сопутствующие ему находки. Остатки железодельного (шлаки и фрагменты крицы) и бронзолитейного производства (обломки керамических тиглей) обнаружены на городище Гнилка. Следы железодельного производства выявлены на памятниках новоборского культурного типа в районе с. Новый Бор (городища Новый Бор I–IV).

Принимая во внимание известные на сегодня археологические источники, можно полагать, что независимо от географического положения общим условием при выборе участка местности с концентрацией мест обитания в археологических микрорайонах являлась, прежде всего, совокупность благоприятных факторов естественной среды обитания, наиболее достаточных для устойчивого существования коллективов в данном месте на определённом отрезке времени (Мурыгин, 2020. С. 21, 22).

Однако в зависимости от конкретных обстоятельств могли возникать особые ситуации, требующие сосредоточения коллективов на той или иной ограниченной территории. Так, специфической чертой средневековых АМР нижней Печоры является их размещение на удалении от основного русла реки — на русловых протоках и прилегающих озёрах, соединённых с главной речной артерией небольшими водотоками. Для памятников новоборского типа характерно расположение на естественно труднодоступных участках берега (Югорская сопка), наличие укреплений в виде валов и рвов (Гнилка, Кобылиха, Новый Бор I, II, IV) или обозначение жилой площадки канавой и внутренней насыпью (Новый Бор III). Находки фрагментов древнерусской керамики на поселениях новоборского типа XII–XIII вв. н. э. (Кобылиха, Новый Бор III) предполагает присутствие в среде местного населения её носителей, а позднее — в XIII–XIV вв. н. э., возможно, основание ими постоянных мест обитания (селище Новый Бор).

Допустимо предположить, что образование здесь средневековых археологических микрорайонов происходило в местах, имеющих выгодное военно-стратегическое положение. На известных южных границах локальной территории были основаны новоборские городища, на северных — Ортинское городище в приустьевой части долины р. Печоры. Характерно и расположение средневековых археологических памятников Городецкого АМР. Они также были устроены в приустьевых участках впадающих в озеро рек, как бы прикрывая пути продвижения к озеру и далее к р. Печоре. Вполне вероятно, что появление укрепленных поселений на

нижней Печоре следует увязывать с необходимостью защиты территории расселения новоборских коллективов от проникающих на крайний северо-восток Европы групп древнерусского и самодийского происхождений.

Закономерным итогом в развитии нижнепечорских АМР следует считать основание на Городецком озере в конце XV в. города-крепости Пустозерск — важнейшего форпоста на пути освоения новых земель к востоку от Печоры и основы для дальнейшего развития микрорайона в новых исторических реалиях. При выборе места учитывались, очевидно, не только его удачное географическое положение, но и уже имеющиеся связи с нижнепечорским населением, представленным материалами памятников новоборского типа — предположительно летописной «печерой». Дальнейшие судьбы «печеры» предопределило, видимо, обитание в пограничной зоне колониционного контакта или линии «арктического фронта» между осваивавшим в перв. пол. II тыс. н. э. европейский Север древнерусским населением и кочевыми ненецкими группами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. — 1975. — Вып. 1–12. — 120 с.
2. Археология Республики Коми. — М. : ДиК, 1997. — 758 с.
3. *Асхабов А. М., Кузнецов С. К., Тарбаев М. Б., Бурцев И. Н., Тимонина Н. Н., Пыстин А. М.* Минерально-сырьевая база Тимано-Североуральского региона и перспективы ее развития / Известия Коми НЦ УрО РАН. — Сыктывкар, 2015. — № 3 (23). — С. 79–90.
4. Атлас к Тр. IV АС. — Казань : Типогр. ИКУ, 1889. Табл. А, Б; I–XVI. — 22 с.
5. *Барышев И. Б.* Средневековое городище Кобылиха на нижней Печоре // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. — Рязань : Александрия, 2010. — С. 216–230.
6. *Барышев И. Б.* Языческие святилища острова Вайгач / Под общей редакцией П. В. Боярского. — М. : Институт Наследия, 2011. — 320 с.
7. *Барышев И. Б., Боярский П. В.* Разведка в районе Пустозерского городища (озеро Городецкое) Ненецкого автономного округа Архангельской области // АО, 2001. — М. : ИА РАН, 2002. — С. 10.
8. *Бауло А. В.* Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. — 260 с.
9. *Бауло А. В.* Люди Филина // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко. — Новосибирск : Из-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. — 612 с.
10. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. — М., 1981. Ч. II. — 148 с.
11. *Березовская Л. Ю., Питулько В. В.* Керамика I тысячелетия н. э. из долины р. Коротаихи // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики : Сб. науч. тр. / Сов. фонд культуры, Центр «Культура и Мировой океан» ТПО СФК; [Ред.-сост. В. Н. Булатов и др.]. — М. : НИИК, 1990. — 419 с.
12. *Блохин А. И.* У истоков истории Печорского края // Печорский угольный бассейн. 1934–1939 гг. — Л. : Лениздат, 1959. — С. 414–418.
13. *Брусницина А. Г., Ощепков К. А.* Памятники археологии Среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // Древности Ямала. Вып. 1. — Екатеринбург — Салехард : УрО РАН, 2000. — С. 79–111.
14. *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1947. — 51 с.
15. *Буров Г. М.* Вычегодский край. — М. : Наука, 1965. — 197 с.

16. Буров Г.М. Древний Синдор. – М. : Наука. 1967. – 219 с.
17. Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии // СЭ. – 1971. – № 5. – С. 3–14.
18. Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и его происхождение // СЭ. – 1951. – № 1. – С. 63–87.
19. Васильев В.И. Сиртя – миф или реальность? // СЭ. – 1970. – № 1. – С. 151–158.
20. Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. – М., 1979. – 243 с.
21. Васкул И.О. Исследования памятников эпохи железа на территории Коми АССР и Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1989. – С. 5–8.
22. Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. – М. : ДиК, 1997. Ч. 5. Гл. 2. – С. 349–399.
23. Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские // ЭС ИРГО. – СПб. : Типогр. Э. Праца, 1858. – Вып. IV. – С. 19–82.
24. Водясов Е.В., Гусев Ан.В. Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье (по материалам раскопок Усть-Полуя в 2010–2012 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 4 (35). – С. 58–68.
25. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: Пьянобор. эпоха III в. до н. э. – II в. н. э. – М. : Наука, 1988. – 239 с.
26. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). – М. : Науч.-изд. центр «Ладомир». 1996. – 235 с.
27. Головнёв А.В., Зайцев Г.С., Прибыльский Ю.П. Предания о сихиртя. История Ямала. – Тобольск : Яр-Сале, 1994. – 115 с.
28. Головнёв А.В. Бьярмия: неоконченная сага о крайней земле // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2002. – № 8. – С. 5–35.
29. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург : УрО РАН : «Волот», 2009. – 496 с.
30. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 408 с.
31. Гурина Н.Н. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР // СА. – 1957. – № 2. – С. 115–120.
32. Едовин А.Г. Отчет о мониторинге археологических объектов р. Море-Ю на территории Ненецкого автономного округа в 2007 г. // Архангельский областной краеведческий музей. – Архангельск, 2007.
33. Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья / Петрозав. гос. ун-т, Карел. гос. краевед. музей. – Петрозаводск : Изд. «Паритет», 2005. – 310 с.
34. Журавский А.В. Результаты исследования Приполярного Запечорья в 1907 и 1908 годах // Изв. ИРГО. – 1909. – Т. XV. Вып. I–III. – С. 197–232.
35. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Колл. авт. / Под ред. Н. В. Федоровой. – Екатеринбург – Салехард : УрО РАН, 2005. – 368 с.
36. Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург : Изд-во «Уральский рабочий», 2012. – 232 с.
37. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). – М. : Наука, 1984. – 88 с.
38. Исаченко А.Г. Палеогеографические и этноисторические предпосылки исторической географии области последнего оледенения Русской равнины // Изв. Русского географ. общ. – СПб. : Наука, 2013. Т. 145. Вып. 3. – С. 1–17.
39. Истомин Ф.М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года // Изв. ИРГО. – СПб. : Типогр. А. С. Суворина, 1890. – Т. XXVI. – С. 432–459.

40. *Истомина Т. В.* Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков : Научные чтения памяти проф. Ю. Д. Марголиса. – Сыктывкар, 1997. – С. 106–120.
41. *Каган М. М., Питулько В. В.* Этнокультурные процессы I тыс. н. э. в Трансуральском Заполярье // AD POLUS. Археологические изыскания. – СПб., 1993. – Вып. 10. – С. 103–109.
42. *Канивец В. И.* Первые результаты раскопок в Уньинской пещере. – Сыктывкар, 1962. (МАЕСВ, Вып. 1.) – С. 103–144.
43. *Канивец В. И.* Канинская пещера. – М. : Наука, 1964. – 135 с.
44. *Канивец В. И.* Отчет о работе I Печорского археологического отряда в 1967 г. – Сыктывкар, 1968 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 161, 162. 25. 63 лл.
45. *Канивец В. И.* Древнее святилище в Большеземельской тундре // III МКФУ : Тез. докл. – Таллин, 1970. – Т. 2. – С. 12.
46. *Королев К. С.* Население средней Вычегды в древности и средневековье. – Екатеринбург : УрО РАН, 1997. – 194 с.
47. *Королев К. С.* Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде (эпоха железа). – Сыктывкар : Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. – 110 с.
48. *Королев К. С.* Биармия (территориально-этнический аспект) // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2012. – С. 249–253.
49. *Косинцев П. А.* Хозяйственная и культурная деятельность средневекового населения Субарктических районов северо-востока Европы (по археологическим материалам) : Тез. докл. / Междунар. симпозиум «Проблемы историко-культурной среды Арктики». – Сыктывкар, 1991. – С. 63–65.
50. *Кузнецов Д. С., Иевлев А. А.* Горно-промышленные узлы Тимано-Североуральского региона и перспективы их развития / Известия Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2012. – № 1 (9). – С. 107–114.
51. *Кулик Н. А.* Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Тр. ОЗ ИСПБУ. – СПб. : Типогр. А. Э. Коллинс, 1914. Т. III. – С. 1–20.
52. *Кулик Н. А.* Предварительный отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Зап. ИМО. – Пгг.: Типо-литогр. К. Биркенфельда, 1915. Сер. 2. Ч. LI. – С. 1–56.
53. *Лаврентьевская летопись* (Полное собрание русских летописей, Т. I. Изд. 2-е). – Л., 1926–1928.
54. *Латкин В. Н.* Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. // Зап. ИРГО. – СПб. : Типогр. ИАН, 1853. Кн. VII. – 143 с.
55. *Лепехин И.* Дневные Записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. – СПб. : Типогр. ИАН, 1805. Ч. IV. – 457 с.
56. *Лашук Л. П.* Очерк этнической истории Печорского края. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1958. – 200 с.
57. *Лашук Л. П.* Происхождение народа коми. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. – 40 с.
58. *Лашук Л. П.* «Сиртя» – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М., 1968. – С. 178–193.
59. *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история: Полное собрание сочинений, т. 6. – М. – Л. : Изд. АН СССР, 1952. – С. 32–40.
60. *Лузгин В. Е.* Археологические находки на побережье Чешской Губы и полуострова Канин // ИФС. – Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1963. – Вып. 8. – С. 99–102.
61. *Лузгин В. Е.* Разведка в Малоземельской тундре // АО-1973. – М. : Наука, 1974. – С. 20.
62. *Лузгин В. Е.* Неолитические стоянки в бассейне р. Индиги // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. – Сыктывкар, 1977 (МАЕСВ; Вып. 6.). – С. 23–30.
63. *Лузгин В. Е., Мурыгин А. М.* Разведка на Полярном Тимане // АО-1975. – М. : Наука, 1976. – С. 30.

64. *Лузгин В. Е., Мурыгин А. М., Карманов В. Н.* Археологические памятники бассейна р. Сула (Малоземельская тундра) // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015 (МАЕСВ; Вып. 19.). – С. 53–79.
65. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. – М. : Наука, 1966. – Вып. 1–36. – 180 с.
66. *Михеев К.* Стоянка древнего человека на территории с. Ома // VI Малые Аввакумовские чтения : Материалы конф. – Нарьян-Мар : Изд-во ООО «Красный город», 2007. – С. 50–53.
67. *Могильников В. А.* Потчевашская культура // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Ч. I. Гл. IV. – М. : Наука, 1987. – С. 183–193.
68. *Морозов В. М., Стефанов В. И.* Исследования в бассейне реки Казыма // Археологические исследования Урала и Поволжья. – Сыктывкар : 1989.
69. *Морозов В. М.* О двух керамических комплексах Нижнего Приобья, 2003 [Электронный ресурс] // Археология Ямала / Сектор археологии ГКУ ЯНАО, Центр изучения Арктики. – Режим доступа: URL: <http://yamalarchaeology.ru/index.php/texts/archeol/98-morozov-v-m-2003> (дата обращения: 06.10.2024).
70. *Мошинская В. И.* Городище и курганы Подчеваш // МИА. – 1953. – № 35. – С. 189–220.
71. *Мошинская В. И.* Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ ДЗ. 8. – М. : 1966.
72. *Мошинская В. И., Лукина Н. В.* О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. – Томск, 1982. – С. 46–60.
73. *Мурыгин А. М.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. – Сыктывкар : Изд-во Коми фил. АН СССР, 1984. – 51 с. (Науч. докл. Коми фил. АН СССР; вып. 114).
74. *Мурыгин А. М.* Поселения бичевницкого типа на Печоре и Вычегде и их место в истории северо-приуральского населения. – Сыктывкар, 1985 (МАЕСВ; Вып 9). – С. 81–97.
75. *Мурыгин А. М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М. : Наука, 1992. – 182 с.
76. *Мурыгин А. М.* Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. – М. : ДиК, 1997. – С. 478–560.
77. *Мурыгин А. М.* Отчет о работах Северного археологического отряда в бассейне Печоры в 2000 г. – Сыктывкар // НА Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 5. Оп. 2. Д. 561.
78. *Мурыгин А. М.* Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. – Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2001. – 151 с.
79. *Мурыгин А. М.* Западносибирский компонент на крайнем северо-востоке Европы: ареал посещения или многовекового обитания // Материалы науч.-практ. конф. «IV Берсовские чтения». – Екатеринбург, 2004. – С. 207–224.
80. *Мурыгин А. М.* Эшмесское пещерное святилище эпохи средневековья в Печорском Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – № 3 (47). – С. 94–103.
81. *Мурыгин А. М.* Миграции как способ взаимодействия населения крайнего северо-востока европейской части России в раннем средневековье // Вестник Томского государственного университета: История. – Томск, 2013. – № 3 (23). – С. 254–258.
82. *Мурыгин А. М.* Работы Северного археологического отряда на северо-востоке европейской России / АО 2010–2013. – М. : Изд. ИА РАН, 2015. – С. 61–62.
83. *Мурыгин А. М.* Археологические исследования в Республике Коми и Ненецком автономном округе // Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. – М. : Институт археологии РАН, 2017. – С. 20–23.
84. *Мурыгин А. М.* Керамическое производство населения циркумполярной области Северного Приуралья эпохи железа – традиции и новации // I Международная конференция «Археология Арктики» : Тез. докл. (19–22 ноября, Салехард). – Екатеринбург, 2017. – С. 136–137.
85. *Мурыгин А. М., Карманов В. Н.* Новые археологические открытия в тундрах северо-востока Европы // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы

- и проблемы археологических исследований : Материалы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург : Изд-во Горбуновой, 2014. – С. 89–92.
86. *Мурыгин А. М.* Некоторые вопросы освоения крайнего северо-востока европейской части России в эпоху железа по археологическим данным // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия: «История и филология». – Сыктывкар, 2020. – № 5 (45). – С. 17–23.
 87. *Мурыгин А. М.* Исследования в Ненецком автономном округе // Археологические открытия 2019 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. – М. : Институт археологии РАН, 2021. – С. 23–24.
 88. *Мурыгин А. М., Королев К. С., Ляшев В. А.* Миграционный фактор в развитии культур Северного Приуралья // Препринт. Вып. 105. – Сыктывкар, 1984.
 89. *Мурыгин А. М., Карманов В. Н., Кленов М. В.* Новые археологические исследования в тундрах северо-востока Европы. – Сыктывкар : Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2012. – 68 с.
 90. *Мурыгин А. М., Кленов М. В.* Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье // Известия Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2015. – № 3 (23). – С. 119–131.
 91. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей (к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. н. э.). – М. : Наука, 1981. – 296 с.
 92. *Никифорова Л. Д.* Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока Европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Отв. ред. А. А. Величко, И. И. Спасская, Н. А. Хотинский. – М. : Наука, 1982. – С. 154–162.
 93. *Оборин В. А., Чагин Г. Н.* Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль («Искусство Прикамья»). – Пермь : Пермское книжное издательство, 1988. – 184 с.
 94. *Овсянников О. В.* Археологические работы на крайнем северо-востоке Новгородских земель в 1987–1989 гг. // Новгород и новгородская земля: История и археология. – Новгород, 1990. Вып. 3. – С. 29, 30.
 95. *Овсянников О. В.* Арктическая зона Восточной Европы: новые открытия средневековых памятников // Древние культуры и археологические изыскания. – СПб., 1991. – С. 42–44.
 96. *Орехов П. М.* Бронзолитерное производство Прикамья в постананьинский период : дисс. ... канд. ист. наук. – Ижевск : 2006. – 338 с. [Электронный ресурс] // Удмуртский государственный университет / Удмуртская научно-образовательная электронная библиотека. Режим доступа: URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/2531> (дата обращения: 06.10.2024).
 97. Отчет ИАК за 1890. – СПб. : Типогр. ИАН, 1893. – 151 с.
 98. *Павлов П. Ю.* Археологические исследования в Европейской Арктике // АО–1993. – М., 1994. – С. 30.
 99. *Плеханов А. В.* Ямальская Арктика в эпоху средневековья: памятники в зоне типичной тундры // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи : Материалы Всерос. науч. археологической конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург – Сургут: Изд. «Магеллан», 2013. – С. 157–165.
 100. *Плюснин С. М.* Городища Нового Бора // Проблемы историко-культурной среды Арктики. – Сыктывкар, 1991. – С. 115–116.
 101. *Прокофьев Г. Н.* Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов, и мансов) // СЭ. – 1940. – № 3. – С. 67–76.
 102. *Прокофьева Е. Д.* Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX начале XX в.: Сб. музея антропологии и этнографии. Вып. XXVII. – Л. : Наука, 1971. – С. 5–100.
 103. *Пядышев Н. П., Хлобыстин Л. П.* Новая стоянка в Печорском Заполярье // КСИА. – 1962. – № 92. – С. 71–75.
 104. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 361 с.

105. *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования). — М. : Наука, 1978. — 240 с.
106. *Скочина С.Н., Еньшин Д.Н.* Археологические исследования на северо-западном побережье Гыданского п-ва // I Междунар. конф. «Археология Арктики» : Тез. докл. (19–22 ноября, Салехард). — Екатеринбург, 2017. — С. 40–43.
107. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. — М. : Изд-во АН СССР, 1952. — № 28. — 275 с.
108. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. — Новосибирск, 1987. — 192 с.
109. *Соловьев А.И.* Таежный мир: история и миф (бронзовые птички с личиной на груди) // Памяти Н. Н. Гемуева : сб. ст. и воспоминаний. — Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. — С. 164–176.
110. *Спицин А.А.* Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. — СПб. : 1906. Т. VIII, вып. 1. — С. 29–145.
111. *Стоколос В.С.* Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. — М. : Наука, 1988. — 256 с.
112. *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. Том I. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. — 534 с.
113. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений : В 8-и томах: т. 1. История Российская. Часть 1. Репринт с изд. 1962 г. — М. : Ладомир, 1994. — 500 с.
114. *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского ун-та. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1906. Ч. LXXIX. — 450 с.
115. *Туркина Т.Ю.* Поселение Бичевник I на средней Печоре // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока. — Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015 (МАЕСВ; Вып. 19). — С. 80–88.
116. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. 1998 [Электронный ресурс] // Археология Ямала / Сектор археологии ГКУ ЯНАО, Центр изучения Арктики. — Режим доступа: URL: <http://www.yamalarchaeology.ru/index.php/texts/archeol/100-ushedshie-v-holmy-1998> (дата обращения: 06.10.2024).
117. *Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья. ВАУ : Сб. науч. тр. — Екатеринбург : УрГУ, 1991. — С. 126–145.
118. *Филимонова Л.В., Климанов В.А.* Изменение количественных показателей палеоклимата в среднетаежной подзоне Карелии за последние 11000 лет // Тр. Карельского науч. центра РАН. — Петрозаводск, 2005. Вып. 8. — С. 112–120.
119. *Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. — 1952. — № 29. — 280 с.
120. *Хомич Л.В.* Ненецкие предания о сихиртя // Фольклор и этнография. — Л. : Наука, 1970. — С. 59–69.
121. *Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. — М.: 1976. — 188 с.
122. *Хлобыстин Л.П.* Исследования на севере Западной Сибири // АО-1966. — М. : Наука, 1967.
123. *Хлобыстин Л.П.* Крайний северо-восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. — Л. : Наука, 1973. — № 172 : Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита / Под ред. Н. Н. Гуриной. — С. 54–65.
124. *Хлобыстин Л.П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии : автореф. докт. дисс. — М., 1982. — 36 с.
125. *Хлобыстин Л.П.* Работы на острове Вайгач и Югорском полуострове // АО-1984. — М. : Наука, 1985.
126. *Хлобыстин Л.П.* Работы на острове Вайгач и Югорском полуострове // АО-1984. — М. : Наука, 1986. — С. 32, 33.

127. Хлобыстин Л.П. Работы в Архангельском Заполярье // АО-1985. – М. : Наука, 1987. – С. 40–42.
128. Хлобыстин Л.П. Культурные памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. – Архангельск, 1991. – С. 23–38.
129. Хлобыстин Л.П. Святые места Вайгача // AD POLUS / Археологические изыскания. – СПб., 1993. Вып. 10. – С. 15–18.
130. Хлобыстин Л.П., Верещагина И.В., Шумкин В.Я. Исследования Заполярной экспедиции // АО-1986. – М. : Наука, 1988. – С. 41–43.
131. Хлобыстин Л.П., Питулько В.В., Станюкович А.К. Древнее поселение приморских охотников Карпова Губа на острове Вайгач // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. – Сыктывкар, 1993 (МАЕСВ; Вып.12). – С. 116–127.
132. Хлобыстин Л.П., Питулько В.В. Многослойное поселение Мыс Входной // Древности Русского Севера. Вып. 1. – Вологда, 1996. – С. 123–131.
133. Чернов Г.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА. – 1955. – № 23. – С. 291–320.
134. Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. – 1935. – № 4/5. – С. 109–133.
135. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 7–71.
136. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–245.
137. Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. – М. : Наука, 1985. – 169 с.
138. Чикункова И. Ю. Средневековый керамический комплекс городища Усть-Васьёган 1 (2013–2015 гг.) // I Междунар. конф. «Археология Арктики» : Тез. докл. (19–22 ноября, Салехард). – Екатеринбург, 2017. – С. 155–158.
139. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск, 1984. – 256 с.
140. Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 г. – СПб. : Типогр. Г. Трусова, 1855. – 665 с.
141. Штукенберг А.А. Отчет геологического путешествия в Печорский край и Тиманскую тундру : Материалы для геологии России. – СПб. : Типогр. ИАН, 1875. Т. VI. – С. 99–110.
142. Штукенберг А.А. Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 г. // Тр. IV АС в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. – Казань : Типогр. ИКУ, 1884. Т. I. – С. 31–33.
143. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. – М. : 1988. – 140 с.
144. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику // Архангельский Север: проблемы и источники. Т. I. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1998. – 464 с.
145. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. – 400 с.
146. Aspelin I. R. Antiquitesdu Nord Finno-Ougrien. – Helsingfors, 1877. V. 2. – P. 122–162.
147. Pitul'ko V. Archaeological data on the maritime cultures of the west Arctic // Fennoscandia archaeologica. – 1991. VIII. – P. 23–34.
148. Plusnin S. M. Ringwalle aus Novyj Bor // Specimina Sibirica. T. V: The Arctic. Papers of an international conference. – Savariae, 1992. – P. 203–210.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АРХИПЕЛАГА ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА

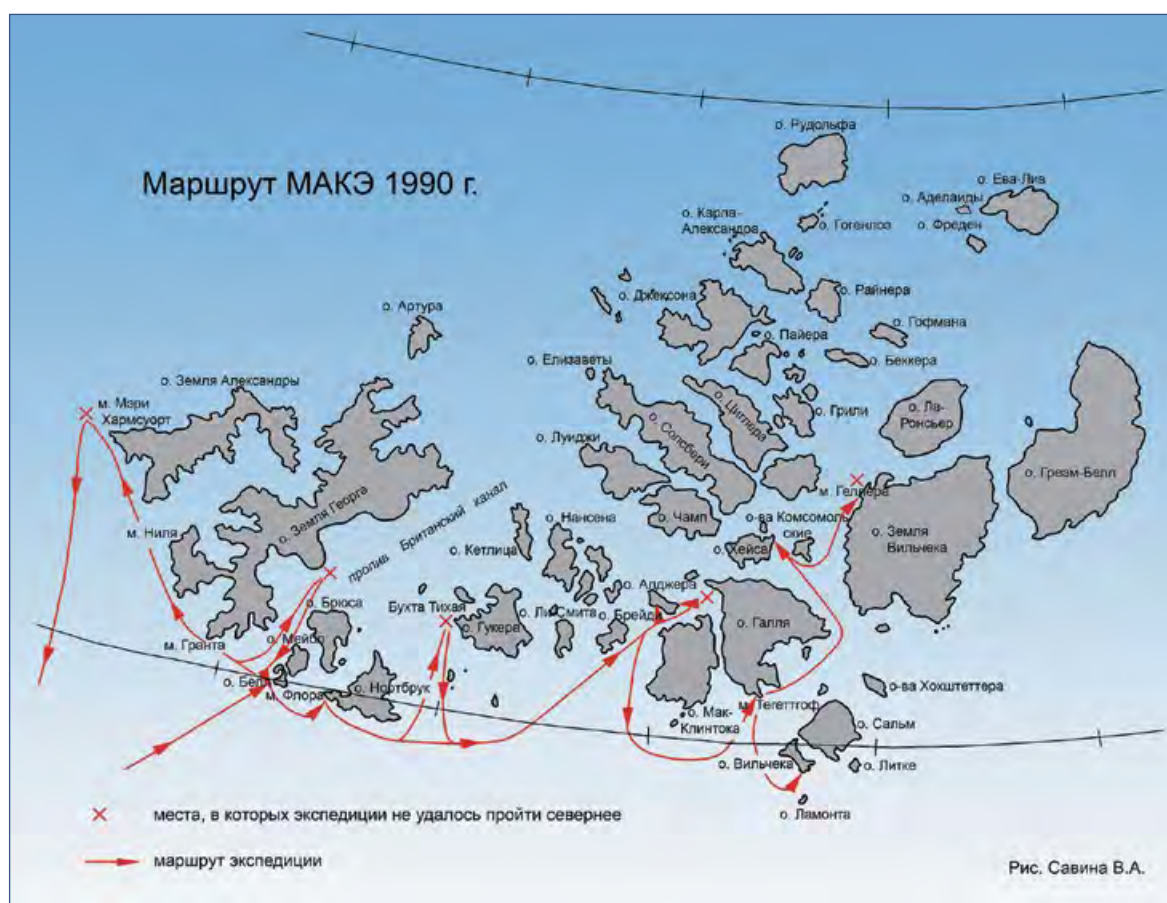
КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Архипелаг Земля Франца-Иосифа находится в Северном Ледовитом океане, между $79^{\circ} 46'$ и $81^{\circ} 52'$ с. ш. — $44^{\circ} 52'$ и $65^{\circ} 25'$ в. д., в 900 км от Северного полюса, в 260 км от Шпицбергена, в 360 км от архипелага Новая Земля. Архипелаг состоит из 191 острова.

Британским каналом и Австрийским проливом архипелаг делится на три крупные группы островов — Западную, Центральную и Восточную.

Суммарная площадь островов составляет 16 133,9 км². Из них ледники занимают 85,1% суши (Земля ..., 2013. С. 13).

Животный мир архипелага представлен разнообразным видовым составом птиц: люрики, кайры, чистики, белые чайки, поморники, бургомистры, гаги. В прибрежных водах обитают киты, нарвалы, моржи и тюлени. Среди наземных видов млекопитающих — песцы и белый медведь (Новая Земля, 2009. С. 533–555).

Илл. 1. Карта Земли Франца-Иосифа

ИСТОРИОГРАФИЯ

Земля Франца-Иосифа открыта сравнительно недавно, в 1873 г., всего 150 лет назад, однако разнообразных научных и научно-популярных работ, посвящённых её истории, географии и природе за эти годы вышло значительное количество.

Археологические исследования на архипелаге насчитывают ещё меньший срок, и есть точная дата их начала — август 1985 г., когда Арктическая комплексная историко-географическая экспедиция Географического общества СССР (АКИГЭ ГО) под руководством Дмитрия Фёдоровича Кравченко (1938–2020) при участии археолога А. В. Окорокова приступила к работам на островах архипелага. Результатом экспедиции стало, кроме отчёта, несколько научно-популярных статей.

В 1990 г. к работам на архипелаге приступила Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ) под руководством Петра Владимировича Боярского (1943–2022), исследования продолжались в 1992, 1997, 2005–2009 гг. Участниками полевых комплексных исследований экспедиции на архипелаге были археологи Г. В. Иванов (1992 г.), И. Б. Барышев (2007 г.).

В результате многолетних исследований были исследованы известные и открыты новые памятники, среди которых присутствовали и объекты историко-культурного наследия, обладающие археологическим потенциалом.

В 2011 г. в свет вышла карта «Архипелаг Земля Франца-Иосифа. Природное и культурное наследие» и указатель к ней. В них были отражены местонахождение и краткие сведения об историко-культурных и природных объектах архипелага, исследованных сотрудниками МАКЭ (Боярский, Кулиев, 2011).

В 2013 г. вышел третий том фундаментальной серии МАКЭ «Острова и архипелаги Российской Арктики» — «Земля Франца-Иосифа», посвящённый истории освоения, культурному наследию и природной среде самого северного архипелага России. В основу монографии легли результаты многолетних исследований МАКЭ Института Наследия. Значительную часть книги занимает раздел «Памятники истории освоения архипелага Земля Франца-Иосифа», в котором впервые в научный оборот были включены десятки объектов культурного наследия, начиная с открытия архипелага в 1873 г. и до начала XXI в. Среди них значительная часть объектов насчитывает возраст более 100 лет и обладает археологическим потенциалом.

В 2021 г. в мурманском издательстве «РУСМА» вышла книга «На Земле Франца-Иосифа». Авторами её стали участники экспедиции 1985 г. под руководством Д. Ф. Кравченко. Авторы позиционировали свой труд не как *«воспоминания в классическом виде, не научное академическое издание, не отчёт об экспедиции»*, а как *«срез эпохи», «впечатления от увиденного»*. Тем не менее один из интереснейших разделов книги посвящён описанию материальных свидетельств экспедиций конца XIX — нач. XX вв. (На Земле ..., 2021. С. 66–181).

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХИПЕЛАГА

История археологических исследований на Земле Франца-Иосифа насчитывает всего несколько десятков лет. В августе 1985 г. на мысе Флора острова Нортбрук проводила исследования Арктическая комплексная историко-географическая экспедиция Географического общества СССР (АКИГЭ ГО) под руководством Д. Ф. Кравченко, которая работала на общественных началах.

Экспедиция сделала топографическую съёмку мыса, описала объекты культурного наследия, собрала коллекцию артефактов, провела археологическую разведку территории с ограниченной площадью расчистки (Отчёт..., 1985. С. 30–94). Археологом в экспедиции был А. В. Окоороков (На Земле ..., 2021. С. 7).

Во время экспедиции были проведены следующие работы: на о. Белл сделаны детальные обмеры зимовья Ли Смита 1881–1882 гг., его описание, обмеры и описание стоявшего рядом гурия, выполнена геодезическая съёмка, собран подъёмный материал; на м. Флора о-ва Нортбрук, на месте расположения зимовья экспедиции Джексона 1894–1897 гг., выполнен геодезический план, сделаны обмеры руинированных и оставшихся строений, собран подъёмный материал (На Земле ..., 2021. С. 40, 43, 44, 46, 66–113).

В 1990, 1992 гг. археологические исследования на архипелаге Земля Франца-Иосифа (ЗФИ) были проведены археологом Г. В. Ивановым, работавшим в составе МАКЭ. В 1990 г. им при обследовании архипелага на островах Алджер и Нортбрук были найдены каменные орудия, а в 1992 г. единичные каменные артефакты на островах Ньютона и Белл. В 1997, 2005–2009 гг. сотрудники МАКЭ проводили комплексные, включая археологические, исследования на ряде островов архипелага (Барышев, Боярский, 2013. С. 225–407).

В 2018 г. сотрудники национального парка «Русская Арктика» совместно с Архангельским краеведческим музеем проводили на о. Алджер археологические исследования с целью определения состояния зимовья американских полярных экспедиций под руководством И. Б. Болдуина (1901–1902 гг.) и Э. Фиалы (1903–1905 гг.) (Шаврин и др., 2019. С. 165–175). Работами руководили археологи С. А. Шаврин (с.н.с. Архангельского краеведческого музея) и Е. О. Плеханов (с.н.с. ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард).

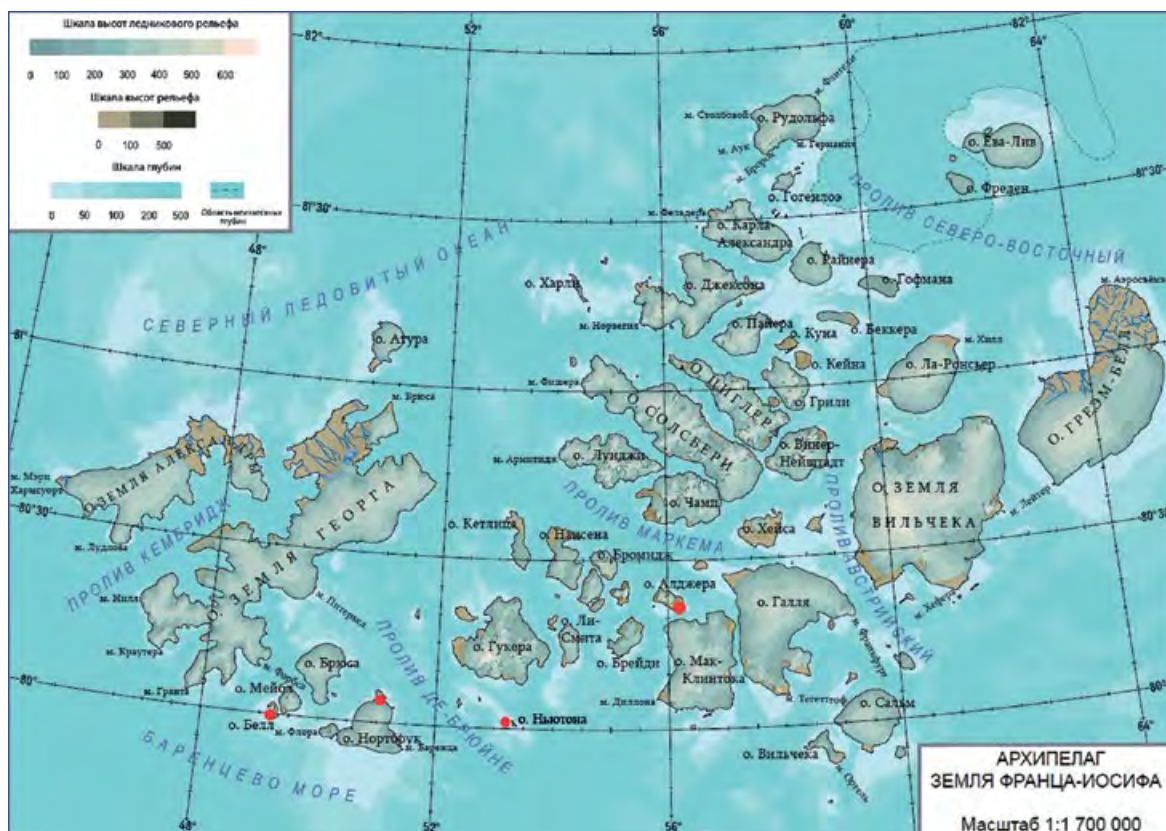
В сентябре 2018 г. в рамках экспедиции «Открытый океан: архипелаги Арктики — 2018» была проведена подводно-археологическая разведка на месте крушения яхты «Эйра» экспедиции Ли Смита (1881–1882 гг.) (Степанов, 2021. С. 177–78). Подводными работами руководил археолог М. А. Степанов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХИПЕЛАГА ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА

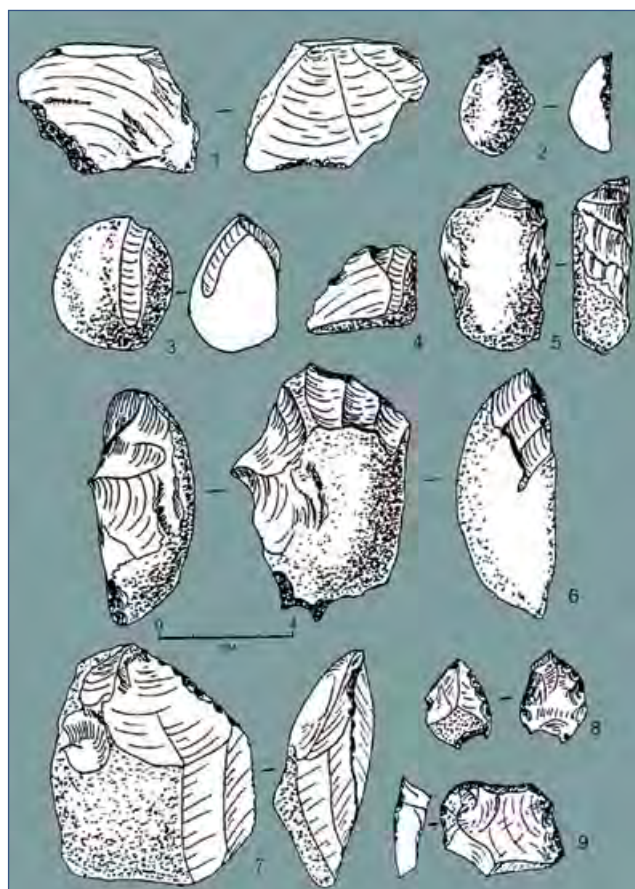
Отдельные находки каменных орудий на островах архипелага

В 1990 г. при обследовании архипелага на островах Алджер и Нортбрук были найдены каменные орудия.

На о. Алджер, в его юго-восточной части, на расстоянии 1,5 км от береговой линии моря и 0,7 км от горного склона, на поверхности террасы высотой 22 м, покрытой мелкой окатанной галькой и обломочным материалом, было найдено два отщепа с характерными следами преднамеренного скалывания и три каменных орудия — проколка-«развёртка» на краевом сколе с остриём, подработанным двумя поперечными сколами; поперечный кварцитовый отщеп с негативами скалывания со стороны спинки и вторичной подработкой ретушью с брюшка по части острого края, который можно интерпретировать как *нож с обушком*, которым является ударная площадка и примыкающая к ней массивная часть отщепа, и «перелом лезвия» с упором на угол; конвергентное скребло с усечённым ретушью кончиком на расколоте вдоль небольшой гальке с наложенной ретушью по обеим конвергентно сходящимся сторонам (илл. 3; 2) (Иванов, 1993. С. 53).

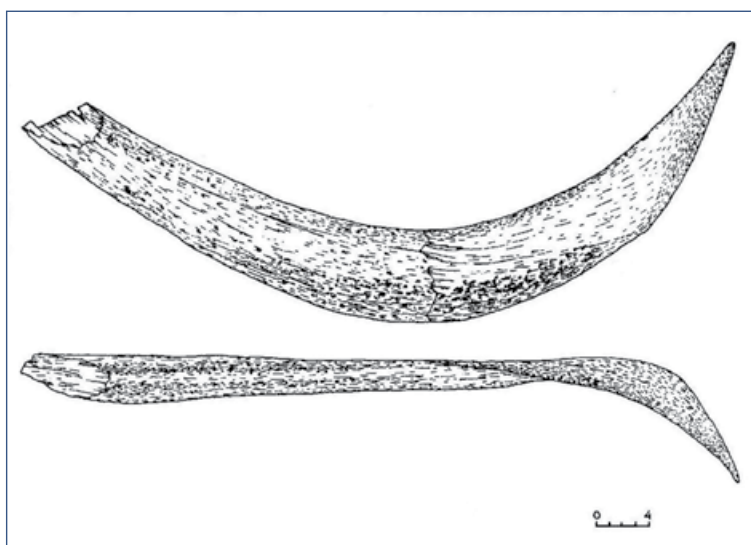

Илл. 2. Карта-схема. Находки каменных орудий на архипелаге

Илл. 3. Каменные орудия, найденные на Земле Франца-Иосифа

На этом же острове, на *мысе Пологий*, на террасе высотой 6–8 м, в 1 км от берега, было найдено два фрагмента костяного орудия, наполовину вымытого ручьём из глинистого слоя. Орудие было изготовлено из ребра крупного животного, вид которого определить затруднительно (илл. 4). Кость сильно выветрена, и прилегающая к позвоночнику часть обломана. Оба фрагмента хорошо стыкуются. Общая длина орудия составляет 75 см, наибольшая ширина в рабочей части 8 см. Ребро по рабочему краю уплощено и приострено. Г. В. Иванов предполагал, что орудие является «лопаткой» для отделения шкур крупных морских животных от подкожного слоя жира при снятии шкуры с убитого животного, быстро застывающего в условиях Арктики. Подобные «лопатки», только деревянные и меньшего размера, употребляются в аналогичных целях на промысловом отстреле дикого оленя на п-ове Таймыр (Иванов, 1993. С. 53, 54).

Илл. 4. Остров Алджер. Костяное орудие

На о. Норгбрук, на северной оконечности м. Гертруды, на невысокой галечной террасе высотой 4–6 м, в 150 м от краевой морены и ледника, были найдены (илл. 3, 3–6):

- небольшой кварцитовый скол с сохранившейся галечной коркой, с признаками преднамеренного раскалывания;
- концевой скребло-скребок на кварцитовом сколе с сохранившейся галечной коркой, с отвесным лезвием и крутой зубчатой ретушью по боковому краю;
- ядрище из небольшой гальки со скошенной, сбитой несколькими сколами ударной площадки и негативом узкой ножевидной пластины в противоположащей рабочей плоскости, возможно, употреблявшееся в качестве скребкового орудия;
- нож-скребло с естественным обушком и «переломом лезвия» на краевом сколе;
- комбинированное орудие с тремя рабочими элементами различного назначения на расколотой вдоль удлинённой гальке:
 - а) клювовидное режущее орудие на одном из боковых краёв заготовки с острым «клювом», выделенным клетонскими снятиями сверху и снизу, с противоположащим естественным обушком;
 - б) долотовидное орудие, поперечный рабочий край которого приострён тремя параллельными снятиями и выправлен дополнительной ретушью;

в) зубчатое орудие с рабочим выступом, выделенным с обоих краёв ретушированными выемками на противоположном рабочему краю конце (Иванов, 1993. С. 54).

В 1992 г. МАКЭ продолжила работы на архипелаге. На островах Ньютона и Белл были найдены единичные каменные артефакты.

На о. Ньютона был найден крупный отщеп бело-голубого кварцита, расколотый надвое морозобойной трещиной, с остатками желвачной корки на спинке, с точечной площадкой и конусом удара, и негативами предыдущих снятий на спинке. По острому краю, которому противостоит естественный обушок, заметна противолежащая приостряющая подработка, позволяющая интерпретировать отщеп как режущее орудие с обушком (илл. 3, 7).

На о. Белл, на древнем голоценовом галечном береговом валу найдены:

- удлинённо-овальный отщеп из белого халцедона с высокой спинкой, по прямому участку острого поперечного края которого и по примыкающему к нему краю имеется тонкая приостряющая подработка ретушью (илл. 3, 9);
- мелкий подовальный отщеп из белого кремня, с брюшка которого по обеим сторонам выполнена приостряющая ретушь, по правому — уплощающе-приостряющая ретушь, по левому краю — мелкая сплошная ретушь, и по краю с желвачной коркой крутой мелкой ретушью отработана выемка.

Весь собранный в 1990, 1992 гг. на островах подъёмный материал неоднократно переотложен, поэтому какие-либо определённые привязки к точкам на поверхности, где он был собран, преждевременны, отмечал Г. В. Иванов. Датировать собранный подъёмный материал сложно из-за небольшого количества артефактов и отсутствия типологически аналогичных форм на известных памятниках Заполярья и Арктики. Кроме того, отмечает Г. В. Иванов, несмотря на некоторые примеры архаичной техники обработки камня и форм орудий (зубчатые, клювовидные), следует принимать во внимание морфотипологический динамизм и иметь в виду, что архаичная техника может довольно долго и устойчиво сохраняться в более поздних памятниках, чем памятники каменного века (Иванов, 1993. С. 54).

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ОСТРОВЕ ВИЛЬЧЕКА

Остров расположен в юго-восточной части архипелага, представляет собой почти горизонтальное базальтовое плато, на поверхности которого располагаются ледниковые купола с высшими высотными отметками — 187 м и 122 м над уровнем моря. Между двумя куполами проходит ложбина с высшей отметкой суши 42 м. Ото льда свободны несколько участков острова, больший расположен на юге. Там же находится одно сравнительно крупное озеро, из которого в море вытекает ручей.

Это первый из островов архипелага, на который высаживались участники австро-венгерской экспедиции под руководством К. Вайпрехта и Ю. Пайера 1 ноября 1873 г.

На скале острова был похоронен машинист экспедиции Отто Криш (илл. 5), умерший 16 марта 1874 г. в возрасте 29 лет (Боярский, Кулиев, 2011. С. 37).

В 1880 г. на острове побывала английская экспедиция под руководством шотландца Б. Ли Смита (1828–1913 гг.) на паровой яхте «Эйра» («Eira») с целью поисков остатков судна австро-венгерской экспедиции «Тегетгоф», однако ничего не обнаружила.

В 1990 г. остров был исследован МАКЭ (Боярский, 1990. С. 42; Боярский, 1990 а. С. 145). В результате было выявлено и зафиксировано несколько объектов культурного наследия.

Могила О. Криша находится на краю высокого безымянного мыса, расположенного восточнее мыса Оргель.

Отто Криш умер от пневмонии на вмёрзшем во льды судне «Тегетгоф» 16 марта 1874 г. 19 марта О. Криша, как пишет в своём дневнике Карлсен, захоронили в могиле *«между двух базальтовых столбов. Над могилой был установлен простой деревянный крест»* (Carlsen, 2010. Р. 140). Рядом с могилой был *«поставлен гурий (пирамида, сложенная из камней. — Прим. Пайера) со вставленным в него древком оборванного флага, а там, невдалеке, виднеется занесённая снегом могила (Отто Криша. — И. Б.)»* (Пайер, 1935. С. 231) (илл. 5). Это было первое захоронение человека на архипелаге.

Илл. 5. Могила Отто Криша. Фото МАКЭ, 1990 г.

В 1990 г. объект впервые был исследован МАКЭ (Боярский, 1990. С. 42; Боярский, Кулиев, 2011. С. 41).

Могила была сложена из больших камней. Высота кладки на период исследования составляла 0,4 м, длина 1,02 м. Могила ориентирована по оси северо-восток — юго-запад. В каменной кладке был закреплён деревянный четырёхконечный крест, сделанный из бруса сечением 0,7 × 0,55 см. Высота креста от уровня дневной поверхности 1,26 м, длина поперечной перекладины составляет 0,57 м.

На горизонтальной перекладине располагалась металлическая табличка, которая была прикреплена к деревянной прямоугольной основе четырьмя винтами по углам. Надпись на табличке на немецком языке сообщала:

*«Здесь покоится
Отто Криш
машинист австрийской арктической экспедиции
на борту судна Адмирал Тегетгоф
16 — марта 1874 г. возрастом 29 лет
Мир его праху».*

Могила и сильно покосившийся крест над просевшими в неё камнями были восстановлены сотрудниками МАКЭ в 1990 г. Крест был выпрямлен, а на могилу дополнительно сверху положены большие укрепляющие камни (Боярский, 1990 а. С. 145). Между камней кладки могилы были собраны фрагменты бутылочного стекла — следы поминок по покойному. Там же была найдена оплётка анкерка.

Каменный гурий. Находился в нескольких метрах севернее могилы.

Гурий был возведен австро-венгерской экспедицией 1872–1874 гг. осенью 1873 г. *«Здесь, на острове Вильчека, мы построили пирамиду из камней, вышиной в шесть футов, вставив в неё один из наших флагов»*, — писал позже участник экспедиции Ю. Пайер (Пайер, 1935. С. 133).

На период исследования объекта он представлял собой пирамиду, сложенную из крупных камней, с остатками деревянного шеста в кладке — древка австро-венгерского флага, установленного экспедицией 2 ноября 1873 г.

ОСТРОВ ГАЛЛЯ

Остров Галля находится в юго-восточной части и является одним из крупных островов архипелага. Площадь острова составляет 1049 км². Самая высокая точка — 502 м. На свободном ото льда южном побережье находятся два примечательных мыса — мыс Тегетгоф и мыс Франкфурт. Берега острова характеризуется наличием ледяных обрывов и берегов, сложенных коренными и четвертичными отложениями. Там, где к морю выходят интрузии, плавные очертания берегов нарушаются скалистыми грядами (Боярский, Кулиев, 2011. С. 8, 15, 20, 22).

Остров был открыт и нанесён на карту в 1874 г. австро-венгерской экспедицией на судне «Тегетгоф». В 1990, 1992, 2005 гг. остров Галля был исследован МАКЭ (Боярский, 1990. С. 42; (Боярский, 1990 а. С. 146; Боярский, Кулиев, 2011. С. 35).

Мыс Тегетгоф расположен в юго-восточной части острова. Мыс свободен ото льда, вся территория занята песчаниками и галечниками. В южной части мыса находятся две скалы-останцы, высотой 25 и 60 метров. Сразу за мысом Тегетгоф вглубь острова тянутся горы Заварицкого — 15-километровая гряда, с высотами до 500 метров. Их крутые или террасированные склоны отделяются от ледников краевыми трещинами. Где ледники спускаются в море, и в центральной части острова наблюдаются нунатаки. Здесь находится птичий базар — люрик, моевка, чистик — численностью 4220 птиц (Боярский, Кулиев, 2011. С. 8, 20, 22).

Мыс был открыт австро-венгерской экспедицией в августе 1873 г. Описан и нанесён на карту Ю. Пайером в марте — апреле 1874 г.

В 1990, 1992, 2005 гг. на мысе проводили первые исследования объектов истории освоения Арктики сотрудники МАКЭ (Боярский, 1990. С. 42; Боярский, 1990 а. С. 146; Боярский, Кулиев, 2011. С. 35).

На мысе расположено несколько объектов, обладающих признаками объектов историко-культурного наследия.

Место походного лагеря австро-венгерской экспедиции 1874 г. расположено на мысе Тегетгоф. В марте — апреле 1874 г. здесь располагался лагерь санного отряда австро-венгерской экспедиции, которая под руководством Ю. Пайера обследовала мыс и остров Галля (Боярский, Кулиев, 2011. С. 35, 41–42).

Остатки зимовья американской экспедиции 1898–1899 гг. под начальством У. Уэльмана. Летом 1898 г. на мыс Тегетгоф с паровой яхты «Фритьоф» высадились участники американской экспедиции под руководством журналиста Уолтера Уэльмана, целью которых было покорение Северного полюса. Здесь была создана основная база экспедиции. Под жилище было приспособлено одно из строений экспедиции Джексона, доставленное в разобранном виде с мыса Флора. Осуществить переход к Северному полюсу У. Уэльману не удалось. В конце июля 1899 г. экспедицию сняло с мыса судно «Капелла».

Остатки зимовья экспедиции Уэльмана были исследованы в 1990 г. и 1992 гг. сотрудниками МАКЭ.

Постройка представляла собой сборно-щитовую конструкцию диаметром 5,5 м. Сохранившийся пол постройки был собран из подтрапещиевидных дощатых щитов. Перед входом в жилище сохранились остатки сеней, имевшие боковой выход. Сени также имели в плане подтрапещиевидную форму, меньшей стороной обращённую к жилищу. Внутри сеней были два небольших помещения (чуланчики), огороженные дощатыми стенами.

Сотрудниками МАКЭ были зафиксированы остатки настила пола с чугунной печью в середине и часть стен в районе небольшого подсобного помещения у входа в зимовье. Внутри руин и вокруг зимовья был собран подъёмный материал — оборудование, снаряжение, личные вещи (Боярский, 1990 а. С. 146). В руинах зимовья был также обнаружен деревянный фонарь с огарком свечи внутри. Три стороны фонаря закрывались стеклом. Внутри складского помещения были обнаружены деревянные ящики с продовольствием. На некоторых ящиках чёрной краской нанесены трафаретные надписи «*OVRH.LONDON*», «*J. TIMORTON PRESERVED PROVISION — MANUFACTURER — LONDON & ABERDEEN*», «*EAT*», «*Tromse*», «*STORE IN*», «*PEMMICAN... Specially... Polar Expedition*». У стен зимовья были обнаружены остатки раскладной брезентовой лодки. В земляном складе рядом с руинами зимовья — металлические коробочки с чаем, запечатанные в деревянный ящик, коробки с продуктами с надписью на бумажной этикетке «*BORVIL Emergency Food — A highly sustaining food, consisting of Albumen and Fibrine of Beef, and Animal Fat, etc. For use in cold regions — BOVRIL, LIMITED, LONDON, E.C.*». Рядом с остатками строения были найдены специальные герметичные контейнеры с деревянными полозьями, использовавшиеся для перевозки продуктов. Среди других находок следует отметить: карандаши простые с надписями «*Mercantile*» и «*HB H.C. KURZ. BAVARIA*», перья гусиные писчие, фрагменты книг, одежды и фурнитуры, деревянная и кожаная обувь, деревянные колодки для починки обуви, фрагменты веревок и канатов, поясные ремни, одежные и сапожные щётки, аптечная тара, детали чугунных печек, столовые приборы, металлическая и стеклянная посуда, бутылки с надписями «*... ROZONE ...PARGO ONLY BY MARCHAND NEW YORK U. S. A.*», «*W.T. & CO B U. S. A. AAT.JAN.5.1892.*», «*S 152*»; предметы снаряжения и боеприпасы: детали лыж и лыжных палок, собачьей упряжи; шкала термометра, щипцы, плотницкий инструмент, детали от огнестрельного оружия, ружейные, винтовочные и револьверные патроны и гильзы. На некоторых гильзах хорошо читается маркировка «*EJECTOR·LONDON·ELEYS № 12*». Из крепёжных элементов были найдены кованые и штампованные гвозди, болты, скобы и т. п. (илл. 6–10).

Илл. 6. Мыс Тегетгоф. Зимовье экспедиции У. Уэльмана. Деревянная подошва самодельных башмаков. МАКЭ, 1990 г.

Илл. 7. Мыс Тегетгоф. Зимовье экспедиции У. Уэльмана. Наконечник багра. МАКЭ, 1990 г.

Илл. 8. Мыс Тегетгоф. Зимовье экспедиции У. Уэльмана. Фрагмент книги на английском языке

Илл. 9. Мыс Тегетгоф. Зимовье экспедиции У. Уэльмана. Остатки помещения склада

Илл. 10. Мыс Тегетгоф. Зимовье экспедиции У. Уэльмана. Флакон с надписью

ОСТРОВ МАК-КЛИНТОКА

Остров Мак-Клинтоска расположен в южной части архипелага (илл. 1). Площадь его около 612 км², высшая точка 521 м. Большую часть острова занимают ледники. Ото льда свободны лишь небольшие участки суши, наибольший из них расположен на юго-западе острова, у м. Диллона. Имеется несколько сезонных ручьёв (Боярский, Кулиев, 2011. С. 19).

Был открыт в апреле 1874 г. во время санной экспедиции Ю. Пайера (Пайер, 1935. С. 173, 237).

В 1905 г. остров Мак-Клинтоска был выбран как место сбора отрядов американской экспедиции 1903–1905 гг. под руководством Э. Фиалы (Fiala, 1907. P. 202, 203; Боярский, Кулиев, 2011. С. 35). Впервые это место было исследовано МАКЭ в 1992 г. (Боярский, Кулиев, 2011. С. 35).

На острове сохранилось несколько объектов, обладающих признаками объектов историко-культурного наследия.

Лагерь экспедиции Э. Фиалы 1905 г. Остатки лагеря были зафиксированы на м. Диллона и представляли собой следы установки палаток с остатками очага, сложенного из камней укрытия (Боярский, Кулиев, 2011. С. 35).

«Укрытие» представляло собой П-образное сооружение из камня с очагом-чувалом у северо-западной стенки. С юго-западной стороны стенка отсутствовала. Наибольшая высота сохранившихся стен достигала 1 м. Боковые стенки имели длину около 1,7–1,8 м, северо-западная — около 2,1 м. В углах укрытия сохранились два вкопанных бревна для кровли, ещё несколько брёвен лежали на каменистой поверхности внутри и снаружи сооружения. Высота стоящих столбов от дневной поверхности составляла около 2 м. С юго-восточной стороны к «Укрытию» примыкал контур из камней одной из палаток.

У очага были найдены миски, серебряные ложки с вилками и другие предметы. Видимо, здесь находилась кухня и столовая экспедиции.

Места установки палаток располагались к юго-востоку и северо-востоку от «Укрытия» и занимали участок размером 15 × 18 м. Места установки были представлены прямоугольными контурами разной ориентации, из камней размером от 2 × 2,5 м до 3,2 × 4,5 м.

ОСТРОВ АЛДЖЕР

Расположен в южной группе островов. Высота острова — до 428 м, в северной части покрыт ледником. Половина острова — свободная суша. Южная часть — полого наклонная к югу равнина, сложенная песчаными отложениями (зандровые поля), у побережья галечниками. Юго-западное побережье — крутой склон с морскими террасами разных уровней. На северо-востоке находится конусовидная гора, с плоской вершиной, крутыми склонами, к морю обрывается уступом, у подножья с осыпным склоном. На песчаных грунтах формируются пустынно-арктические почвы, с песчаными арктическими пустынями. В наиболее благоприятных экстразональных местообитаниях в составе группировок увеличивается покрытие почвогрунтов, возрастает роль травяных растений, появляются редкие для архипелага виды растений (Боярский, Кулиев, 2011. С. 11, 13, 15, 22, 25).

Остров был открыт в августе 1899 г. американской экспедицией У. Уэльмана при её возвращении на судне «Капелла» на родину.

В 1902 г. на острове было устроено зимовье экспедиции Циглера — Болдуина: Camp Ziegler. В 1903–1905 гг. в бывшем зимовье Болдуина жили несколько участников экспедиции Э. Фиалы. Западнее этого зимовья в 1904 г. был устроен промежуточный лагерь экспедиции Циглера — Фиалы (Fiala, 1907. P. 122).

В мае 1914 г. в зимовье побывали русские участники экспедиции 1912–1914 гг. Н. В. Пинегин и В. Ю. Визе (Визе, 1932. С. 140).

Остров был исследован МАКЭ в 1990, 2007 гг. (Боярский, Кулиев, 2011. С. 35). В 2018 г. памятники на острове исследовала совместная экспедиция национального парка «Русская Арктика» и Архангельского краеведческого музея.

На острове находятся несколько объектов, обладающих признаками объектов историко-культурного наследия.

Зимовье И. Болдуина 1901–1902 гг. («ZIEGLER CAMP») расположено на о. Алджер, у м. Пологий, на левом берегу безымянного ручья, в 57 м к северо-востоку от его русла, в 44 м к северо-западу от берега моря на невысокой песчаной аккумулятивной террасе, высотой 2,5 м от уреза воды (илл. 11; 12).

*Илл. 11. Остров Алджер. Зимовье Болдуина – Фиалы. Общий вид с вертолёта.
Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.*

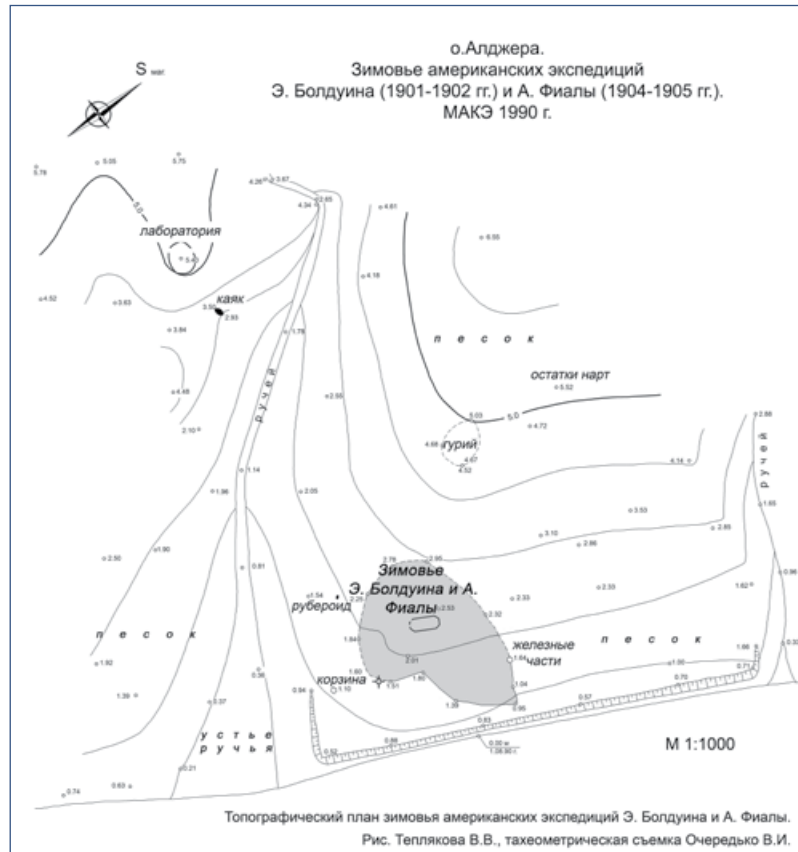
Являлось базовым лагерем американской экспедиции 1901–1902 гг. к Северному полюсу под начальством Ивлина Бриггса Болдуина. В 1904–1905 гг. оно использовалось под жильё членами американской экспедиции 1903–1905 гг. под руководством Э. Фиалы (Fiala, 1907. P. 122, 184).

Зимой 1903–1905 гг. в доме экспедиции Болдуина зимовали участники экспедиции Фиалы матрос Макнернен и завхоз Риллье (Визе, 1932. С. 140). Пояс с надписью «Rille» был обнаружен в зимовье сотрудниками МАКЭ в 1990 г.

В мае 1914 г. зимовье было осмотрено географом В. Ю. Визе, впоследствии известным полярным исследователем.

Илл. 12. Остров Алджер. Зимовье Болдуина – Фиалы. Общий вид с вертолёта.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2007 г.

Илл. 13. Остров Алджер. Зимовье Болдуина – Фиалы.
Топографический план. МАКЭ, 1990 г.

В марте и апреле 1932 г. полярники станции Тихая под руководством М. Иванычука (геоморфолог, зам. начальника станции), выполняя исследования архипелага, устроили в зимовье свой лагерь: «...переехали на восточную часть острова Алджер, где находились остатки другой зимовки Болдуина “SE Camp Ziegler”. Пришлось откапывать зимовище, так как оно всё было занесено снегом. Через окна и через крышу мы влезли в зимовище и выбросили оттуда снег. Зимовище занесено льдом чуть ли не до самой крыши». В третье своё посещение зимовья 27 апреля советские исследователи оставили в нём «немного мясных консервов, керосина и свечей» (Иванычук, 1934. С. 69).

16–18 апреля 1933 г. в лагере Болдуина — Фиалы останавливалась группа советских исследователей со станции в бухте Тихой, которая производила в этом месте магнитные измерения. Тогда постройки зимовья были ещё целы, и исследователи в них ночевали. Е. К. Фёдоров в своём дневнике отмечает, что «вокруг хижин валяются разбитые ящики, банки с консервами, какие-то бутылки. Видимо, когда-то люди покидали хижину второпях, да и медведи похозяйничали». Советские учёные нашли рядом с зимовьем астрономический пункт, который был установлен американскими исследователями. Е. К. Фёдоров с коллегами пробовали шоколад из запасов экспедиций начала XX в. (Фёдоров, 1979. С. 76, 77).

В 1955 г. советская экспедиция обнаружила остатки лагеря экспедиции Болдуина — Циглера: снаряжение, палатки, ящики с продуктами. Были выявлены два столба, вкопанные в землю, и часть палатки с надписью «Ziegler Polar expedition» (Белов, 1977. С. 121).

В августе 1990 г. сотрудники МАКЭ тщательно исследовали остатки построек и территорию зимовья (Боярский, 1990. С. 43, 77, 79, 80; Боярский, 1990 а. С. 146, 147). В 2007 г. сотрудниками МАКЭ были проведены дополнительные исследования объекта (Боярский, 2008. С. 279; Барышев, Боярский и др., 2007. С. 22).

Илл. 14. Остров Алджер. Зимовье Болдуина — Фиалы. Два щитовых деревянных строения в виде усечённых восьмигранных конусов. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2007 г.

Последующие исследования остатков зимовья были проведены в 2018 г. сотрудниками совместной экспедиции национального парка «Русская Арктика» и Архангельского краеведческого музея (Шаврин и др., 2019. С. 165).

В 1990 году во время обследования остатков зимовья МАКЭ были зафиксированы элементы конструкции двух щитовых деревянных строений в виде усечённых восьмигранных конусов, представляющих собой основные жилые и рабочие помещения зимовья (илл. 13, 14). В плане зимовье представляло собой прямоугольник со срезанными углами размером $10,55 \times 2,4$ м. Длинной стороной сооружение было ориентировано по оси северо-восток — юго-запад.

В каждом помещении было по несколько небольших окон и по одной двери. Дощатые двери на кованых железных петлях вели в общие сени, которые соединяли оба помещения. В первом помещении остались стоять только три щитовые стены, под которыми расположились две широких низких скамейки (топчаны). И жилые помещения, и сени были покрыты общей крышей, ныне отсутствующей.

Пол был сделан из щитов подтрапециевидной формы, доски ($17 \times 1,4$ см) которых были соединены шпунтами.

Внутри сооружений и вокруг них были разбросаны остатки снаряжения и оборудования — ящики с разнообразными консервами, кости ездовых собак и пони, собачьи и конские хомуты, бамбуковые палки, металлические лопасти ветряного двигателя, лыжи, ботинки, маленькие и большие нарты, маркированные кирпичи, бутылки и другие предметы и их фрагменты (илл. 15, 16).

Часть стеклянной тары, найденной при обследовании зимовья, имела надписи. В частности, доньшко банки с надписью «PATJULY 11 CO JVC 107 1893»; банка стеклянная с надписью «HORLIC'S MALTED MILK RACINE, WIS. U.S.A. — LONDON, ENC.» («Солодовое молоко Уильяма Хорлика из г. Расин, штат Висконсин»); бутылка с надписью «Malt-Diastase [Co.] New Yo[rk]»; фрагмент бутыл-

Илл. 15. Остров Алджер. Зимовье Болдуина — Фиалы. Внутри сооружений остатки снаряжения и оборудования. Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

Илл. 16. Остров Алджер. Зимовье Болдуина – Фиалы. Вокруг сооружений разбросаны остатки снаряжения и оборудования. Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

ки с надписью «MO[U]TARDE DIAPHARNE LOUIT FRERES & C°» («Горчица полупрозрачная. Братья Луи», г. Бордо); флаконы с надписью «8 oz GLYCOZONE PREPARED ONLY BY CHAS MARCHAND NEW YORK U.S.A.». Банка с надписью на дне «ARMOUR & CO PACEKERS CHICAGO» («Говяжий экстракт № 1» (Beef Extract № 1)). Эта банка была выпущена стекольной компанией Иллинойса. Компания «ARMOUR & CO» — крупнейший производитель мясных консервов в США в конце XIX в. Рядом с банкой был найден деревянный ящик с трафаретной надписью чёрной краской «ARMOUR PACKING ... PRESERVED OF ... COMPRESSEDOITY. U.S.». На левой стороне ящика в овальной виньетке сохранилось погрудное изображение рыцаря в доспехах. Также были найдены фрагменты большой бутылки из голубого стекла с частично сохранившейся надписью «поставщикъ Высочайшего двора ... тьевичъ Смирнов ... моста въ Москве» (полная надпись: «Поставщик Высочайшего двора Петр Арсентьевич Смирнов у Чугунного моста в Москве»), с четырьмя двуглавыми орлами, с вензелями царей Александра I, Александра II, Александра III и Николая II и датами их восхождения на престол под каждым орлом: 1877, 1882, 1886, 1896.

В 137 м к западу от зимовья, на правом берегу ручья, в 24 м к юго-западу от его русла, был обнаружен цельный деревянный каркас каяка с надписью на плоском киле «ZIEGLER POLAR EXPEDITION». Местами на каркасе сохранились куски парусины, когда-то полностью покрывавшие борта лодки.

В жилом помещении был обнаружен бочонок с зёрнами кофе и большая брезентовая палатка с надписью на английском языке «ZIEGLER POLAR EXPEDITION» (илл. 17). Изо льда была извлечена пара традиционной деревянной обуви норвежских участников американской экспедиции. Здесь же найдена сумка с письмом 1905 г. одного из участников американской экспедиции. Из песка были извлечены чугунные печи (на одной из печек надпись на дверце «Göteborgs mek.

werkstad № 21»), винтовка, патроны разного калибра от разных оружейных систем, сумки, шерстяные носки, пояс с хорошо сохранившейся фамилией одного из зимовщиков. Найден пояс с надписью «Rille» (Риллье) одного из участников экспедиции.

Илл. 17. Остров Алджер. Зимовье Болдуина – Фиалы. Брезентовая палатка с надписью на английском языке «ZIEGLER POLAR EXPEDITION». Фото МАКЭ, 1992 г.

Между строениями из-под металлической сетки были извлечены большие нарты, предназначенные для пони, с такой же надписью, как на палатке.

На территории зимовья была обнаружена чугунная печка, а из песка извлечены консервированные продукты из развалившегося ящика. Найлены столовые приборы и кухонная посуда: чайные и большие ложки и вилки из цветного металла, ручка от ножа, деревянная кружка, чугунная крышка от чайника, железное ведро. На некоторых ложках имеется фирменное клеймо «ALPACCO».

Недалеко от зимовья на берегу ручья было обнаружено ружьё с погнутым стволом. Встречались на территории зимовья части огнестрельного оружия и боеприпасы от разных систем. Некоторые боеприпасы и фрагменты оружия имеют надписи: охотничьи патроны «№ 20 KYNOCH PATENT», «W. BARNES · ASHBOURND · ELEY · №12»; револьверные патроны с маркировкой «D.C. C° ...32»; «ESQUIMAUX 15» («ЭСКИМОС 15», возможно, марка оружия). Также найдена ёмкость для пороха из свинца в кожаной оплётке.

Орудия труда были представлены деревянной ручкой от ножовки, железным багром, напильниками, подставкой для фоторабот с маркировкой «Exide 25593 MADE IN USA», медным совком, черенками лопат, половой щёткой.

Одежда и личные вещи представлены шерстяными варежками и носками, кепкой восьмиклинкой из шерсти, кожаными рукавицами, носовым платком, сапогом войлочным (вкладыш?), деревянными катушками от ниток, подтяжками, пуговицами, банками из-под гуталина. Уникальной находкой являются очки арктические, сделанные из ткани и кожи с металлическими наглазниками, в которых

проделана узкая щель. Эти очки были сделаны по образцу традиционных очков коренных народов Севера, использовавшихся ими с давних времён.

Из крепёжных деталей найдены деревянные колышки от палаток, кованые железные гвозди, скобы.

При камеральной обработке материалов на борту экспедиционного ледокола, в матерчатой сумке был обнаружен свёрнутый в комок лист бумаги. В лаборатории МУРа специалисты реставрировали лист, который оказался частью письма или дневника одного из зимовщиков 1905 г.

В 60 м к северо-востоку от зимовья, на площадке высотой 4,67 м находится гурий (Новая Земля, 1993. С. 233–239; Боярский, 2008. С. 279–281; Барышев, Боярский и др., 2007. С. 22, 23; Боярский, Кулиев, 2011. С. 35).

В 2018 г. сотрудники национального парка «Русская Арктика» совместно с Архангельским краеведческим музеем проводили на памятнике археологические исследования с целью определения состояния зимовья американских полярных экспедиций под руководством И. Б. Болдуина (1901–1902 гг.) и Э. Фиалы (1903–1905 гг.). Работами руководили археологи С. А. Шаврин и Е. О. Плеханов.

К 2018 г. на территории зимовья были зафиксированы остатки двух щитовых домиков, восьмиугольных в плане и имеющих форму усечённого конуса, соединённых между собой простенком, со стороны моря сохранились столбы каркаса хозяйственной пристройки. У построек не сохранилась крыша, была утрачена часть досок на стенах; у домика, расположенного с южной стороны, практически полностью отсутствовали три секции стен за исключением нижних балок. Внутри помещений имелся слой льда.

Подъёмный материал был рассеян на большой площади и представлен многочисленными фрагментами ящиков и бочек, обломками собачьих упряжек, фрагментами корпуса судна и другими мелкими деревянными деталями. Были найдены фрагменты сетки-рабицы, многочисленные обрывки рубероида, винтовочные и ружейные гильзы, пули, осколки стеклянной посуды, части одежды. Большинство предметов лежало на поверхности, вероятно, непосредственно там, где они и были оставлены.

В период исследований было отмечено активное разрушение берега в районе построек зимовья. Расстояние крайних точек конструкций зимовья от обрыва составляло 1,5–2,0 м.

Для фиксации культурного слоя в обрыве берега было произведено несколько зачисток.

Зачистка 1. В профиле ниже дневной поверхности идёт слой серых эоловых песков мощностью 7–10 см. В слое встречаются фрагменты консервных банок. Ниже идёт слой навоза и собачьей шерсти, мощность слоя составляет 1,5–2,0 см. В слое встречаются фрагменты консервных банок, фрагменты ткани, веревок и дерева. Данный слой представляет собой дневную поверхность 1901 г. Ниже идёт слой материкового серого песка.

Зачистка 2 длиной 3 м выявила слой навоза и мусора мощностью 12–15 см, который лежал практически на современной дневной поверхности и не перекрыт эоловым песком. В профиле зачистки зафиксирован перекоп — глубина от дневной поверхности 42 см, ширина 13 см, в котором встречены мелкие фрагменты металла.

Для изучения распространения культурного слоя на памятнике было заложено 5 шурфов 1 × 1 м.

Шурф 1 был заложен в 6 м с юго-западной стороны от построек зимовья. На 1-м горизонте встречаются мелкие фрагменты железа, дерева, в западной стенке

зафиксирован фрагмент клепки от бочки. 2-й горизонт представлен прослойками эоловых песков коричневого, серого или светло-серого цвета. В середине шурфа зафиксирован фрагмент консервной банки прямоугольной формы. В юго-восточном углу шурфа на границе второго горизонта фиксируется навоз и собачья шерсть. В процессе разборки второго горизонта в слое встречались мелкие фрагменты древесины. При разборке 3-го горизонта произведена зачистка по слою дневной поверхности времени создания лагеря 1902–1903 гг. Слой представляет собой конский навоз с фрагментами древесины, клочьями собачьей шерсти, конского волоса, обрывков рубероида, встречаются мелкие железные гвозди с широкой шляпкой, обрывки фуражных мешков с овсяными зернами, обломки веток, кофейные зерна. Из индивидуальных находок обнаружены фрагмент вязаного изделия, круглая пуговица из цветного металла с двумя прямоугольными отверстиями. После снятия слоя навоза произведена зачистка по дневной поверхности 1901 г. Затем был полностью выбран 3-й горизонт, произведена зачистка.

Шурф 2 был заложен в 6 м к западу от построек. В ходе разборки культурного слоя горизонта 1 в массовом количестве встречались обойные гвозди, мелкие фрагменты древесины, рубероида, ткани. На границе 1-го и 2-го горизонтов встречен тёмный слой навоза, соломы и шерсти, относящийся ко времени строительства зимовья в 1901 г. Слой времени зимовки 1901–1902 гг. состоит из навоза, фрагментов собачьей шерсти и конского волоса, встречаются обрезки шкур животных, фрагменты фуражных мешков, зерна овса и кофе, фрагменты деревянных реек, большое количество обойных гвоздей, консервные банки, в центральной части шурфа обнаружен войлочный капюшон, в северо-восточном углу найден вязаный шарф, у южной стенки зафиксирован фрагмент медной проволоки. Мощность культурного слоя в шурфе составляет 15–20 см. Тёмный слой навоза и лежащий ниже смешанный серый песок относятся ко времени строительства лагеря экспедицией под руководством Болдуина в 1901–1902 гг. Шурфы 3, 4 и 5 не показали наличия культурного слоя. Таким образом, культурный слой на памятнике распространяется на расстояние 12–15 м от построек зимовья (Шаврин и др., 2019. С. 167–172). В 137 м к западу от построек зимовья, на площадке высотой около 5,4 м от уреза воды, в море были найдены остатки лаборатории.

В 60 м к северо-востоку от зимовья, на площадке высотой 4,67 м находился гурий (Новая Земля, 1993. С. 233–239; Боярский, 2008. С. 279–281; Барышев, Боярский и др., 2007. С. 22, 23; Боярский, Кулиев, 2011. С. 35).

Среди объектов культурного наследия следует отметить остатки астрономической и геомагнитной обсерваторий, а также Промежуточный лагерь Э. Фиалы («West Camp»).

Астрономическая обсерватория находится в 137 м к западу от построек зимовья, на площадке высотой около 5,4 м от уреза воды в море (Новая Земля, 1993. С. 233–239; Боярский, 2008. С. 279–281; Барышев, Боярский и др., 2007. С. 22, 23; Боярский, Кулиев, 2011. С. 35). Представлена руинированными остатками (илл. 18). Постройка представлена квадратным в плане сооружением размером 2,5 × 2,5 м, углы ориентированы по сторонам света, в северо-западной стене сохранились балки дверного проёма. Дощатый каркас обтянут сеткой-рабицей, по углам в качестве опор были использованы сложенные стопкой деревянные ящики из-под продуктов. Следов крыши или верхнего настила не сохранилось. Постройка обрушена в юго-восточном направлении, вероятно, из-за воздействия снеговой нагрузки. В центре постройки размещена металлическая оцинкованная бочка с квадратным отверстием в верхней крышке.

Илл. 18. Остров Алджер. Зимовье Болдуина – Фиалы. Руины астрономической обсерватории.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2007 г.

Илл. 19. Остров Алджер. Зимовье Болдуина – Фиалы.
Выкладка камней – место небольшого очага. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2007 г.

В 8 м к северо-западу от постройки был обнаружен развал придонной части большой деревянной бочки с двумя отверстиями в нижней части. На доске у отверстия с западной стороны вырезана надпись «rop». Наиболее вероятно, что данная бочка является частью генератора водорода, использовавшегося экспедицией И. Болдуина весной 1902 г. В пользу версии, что именно в данном месте производилась выработка водорода, говорит и наличие поблизости остатков нескольких ящиков и бочек с железом, которое использовали при производстве газа. По всей площадке обсерватории встречается большое количество подъёмного материала в виде обломков деревянных ящиков, деревянных клепок от бочек, ружейных и винтовочных патронов, фрагментов электротехнических приборов, обломки цинковых трубок, два развала стеклянных сосудов. В 3 м к северо-западу от постройки обнаружена круглая выкладка из камней — место небольшого очага (илл. 19). Также от постройки в сторону ручья спускается выкладка из камней, назначение которой не совсем ясно, возможно, она использовалась для фиксации тента, установленного для защиты газового генератора от ветра. Вся территория лишена почвенного покрова, наибольшее накопление эоловых песков наблюдается в районе постройки и остатков газового генератора.

Геомагнитная обсерватория (илл. 20) расположена в 450 м к западу от зимовья, на высокой террасе, образованной руслами двух ручьёв. Сохранилось поквдратное в плане основание постройки размером 3 × 3 м. Стены снаружи и внутри были обшиты рубероидом, в углах сохранились следы несущих балок конструкции. На прилегающей территории находится небольшое количество фрагментов деревянных ящиков и бочек и три рулона рубероида.

*Илл. 20. Остров Алджер. Зимовье Болдуина – Фиалы. Геомагнитная обсерватория.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2007 г.*

На основании исследований сотрудники экспедиции НП «Русская Арктика» сделали вывод, что памятник находится в аварийном состоянии. Происходит активное разрушение береговой линии, что в ближайшие годы может привести

к его полному разрушению. Наличие культурного слоя позволяет отнести «Восточный лагерь Циглера» к категории памятников археологии. Археологические методы исследования позволяют нам уточнить некоторые особенности бытования памятников, оставленных относительно недавно и довольно подробно описанных своими создателями. Проведение масштабных спасательных археологических раскопок, помимо очевидной цели сохранения данных о разрушающемся памятнике, позволит получить данные о процессе «археологизации» подобного рода памятников в условиях Арктики (Шаврин и др., 2019. С. 172–175).

Промежуточный лагерь Э. Фиалы («West Camp») расположен на юго-западном побережье о. Алджер, на морском берегу, напротив острова Матильда (илл. 21), на ровном каменистом берегу, имеющем высоту от 2,6 м до 6,5 м.

Илл. 21. Остров Алджер. Промежуточный лагерь экспедиции Э. Фиалы. Топографический план. МАКЭ, 1990 г.

Здесь в мае 1904 г. партией из 25 человек американской экспедиции Э. Фиалы был устроен промежуточный продовольственный склад (Fiala, 1907. Р. 140–141). Весной 1905 г. здесь базировались участники экспедиции Э. Фиалы, партиями прибывающие с острова Рудольфа.

В 1990, 2007 г. объект был исследован МАКЭ (Новая Земля, 1993. С. 239; Барышев, Боярский и др., 2007. С. 23; Боярский, Кулиев, 2011. С. 35).

При обследовании территории лагеря были выявлены остатки лодки и части экспедиционного снаряжения. Большая деревянная лодка экспедиции Фиалы лежала перевернутой вверх дном на берегу. Борта лодки проломлены белыми медведями, которые разорили склад — ящики с продуктами, оставленные здесь в 1905 г. Обшивка бортов лодки — однослойная вгладь доской 15 × 1,2 см. Шаг шпангоутов составляет 20 см. В передней части лодки, на её дне, находится степс

мачты. На носу укреплена металлическая закладная деталь форштевня. Под лодкой и рядом были зафиксированы разломанные ящики из-под продовольствия с надписями на английском языке (илл. 22; 23).

Илл. 22. Остров Алджер. Промежуточный лагерь экспедиции Э. Фиалы. Остатки склада. Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

Илл. 23. Остров Алджер. Промежуточный лагерь экспедиции Э. Фиалы. Шлюпка экспедиции. Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

В северо-восточную-восточную сторону от лодки были разбросаны редкие остатки снаряжения, оборудования, досок и т. п.: угловой редуктор, колосники от печек, два скопления остатков деревянных ящиков.

ОСТРОВ НЬЮТОНА

Расположен в южной части архипелага в 12 километрах к югу от мыса Сесиль-Хармсворт, южного мыса острова Гукера, имеет вытянутую форму длиной около 2,5 км. В центральной части находится небольшая возвышенность, высотой до 21 м. На севере острова — небольшое озеро. Территория свободна ото льда и покрыта каменистыми россыпями.

Открыт и нанесён на карту в 1880 г. английской экспедицией Ли Смита.

29 июля 1929 г. к острову подошла советская экспедиция под руководством О. Ю. Шмидта на л/п «Г. Седов». Группа участников экспедиции во главе с Самойловичем высадилась на берег (Из дневников..., 1962. С. 24). Было отмечено, что весь остров усеян костями медведей, моржей, тюленей, песцов; в большом количестве лежал плавник, который в других местах ЭФИ трудно встретить (Муров, 1971. С. 143).

В 1992 г. на острове проводила исследования МАКЭ. В результате был найден крупный отщеп бело-голубого кварцита, обработанный человеком и интерпретированный археологом МАКЭ Г. В. Ивановым как режущее орудие с обушком (илл. 3, 7).

ОСТРОВ ГУКЕРА

Расположен в южной группе островов. Площадь острова 508 км², высшая точка — 576 м, перекрыт двухкупольным ледником — Джексона и Юрия, с выводными ледниками. Свободная суша располагается по западной кромке ледникового покрова (илл. 1). Бухта Тихая — это залив — фиорд, в кутовую часть которого стекает выводной ледник Седова. Левый борт бухты образует останец — скала Рубини. Бухта Тихая защищена с трёх сторон от ветров и волнения, открыта на запад. У полярной станции на высоте 130–140 м расположено плато, ограниченное ледником, с осыпными склонами, в верхней части с выходами базальтов. На плато доминируют разнообразные полигональные группировки. Каменистые краевые части плато занимают мохово-лишайниковые каменистые группировки. Крутые склоны плато и морских террас занимают ивняковые лишайниково-моховые щебнистые группировки. На скале Рубини разместился птичий базар с 40 000 птиц. Под базаром развиваются растительные сообщества на специфических субстратах с редкими видами растений. К западу от купола Джексона находится полого наклонная равнина, сложенная ледниковыми отложениями, переходящая у побережья в галечники. В растительном покрове преобладают моховые и мохово-лишайниковые группировки с участием цветковых растений. Равнину прорезают многочисленные водотоки с ледниковым питанием. В понижениях рельефа расположились озёра, у кромки ледника — приледниковые озера. Озёра проточные (Боярский, Кулиев, 2011. С. 7, 8, 10, 12–14, 16–18, 19, 25).

Остров был открыт и нанесён на карту в 1879 г. голландским исследовательским судном «Виллем Баренц» («Willem Barents») под руководством лейтенанта А. де Бройне (Markham, 1880. P. 38).

Осенью 1904 г. через ледниковый покров острова переходила группа экспедиции Э. Фиалы, направляясь к острову Алджер (Есипов, 1935. С. 23).

В 1913–1914 гг. на острове зимовала экспедиция Г. Я. Седова. В мае 1914 г. В. Ю. Визе выполнил подробную съёмку острова (Боярский, 2008. С. 278).

28 июля 1929 г. к берегам острова подошёл ледокольный пароход «Г. Седов». Члены экспедиции во главе с О. Ю. Шмидтом установили на леднике острова государственный флаг и объявили Землю Франца-Иосифа территорией СССР. На острове была построена полярная станция (илл. 24). Это место для постройки станции было выбрано В. Ю. Визе, который зимовал здесь с Седовым в 1914 г. (Из дневников..., 1962. С. 23, 24).

Остров был исследован МАКЭ в 1992, 1997, 2009 гг. (Боярский, Кулиев, 2011. С. 34–35).

*Илл. 24. Остров Гукера. Бухта Тихая. Общий вид.
Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2005 г.*

Объекты культурного наследия были выявлены в районах бухты Тихой, скалы Рубини и мысе Данди.

Бухта Тихая расположена в северо-западной части острова. Имеет почти круглую форму, хорошо защищена от северных и восточных ветров. На базальтовом массиве скалы Рубини находится многочисленный птичий базар. Самый многочисленный базар, представленный кайрами, занимает западную часть скалы, южная часть занята базаром чаек-моевок, белогрудых люриков и чёрных чистиков. Также встречаются бургомистры, глупыши-буревестники. Произрастают лишайники, полярные маки, карликовая ива (размером со спичку) (Соколов-Микитов, 1984. С. 169, 177–180; Боярский, Кулиев, 2011. С. 18, 19, 25).

7 сентября 1913 г. в бухте встало на зимовку судно экспедиции под руководством Г. Я. Седова «Святой Фока». Отсюда в 2 февраля 1914 г. Седов с двумя

матросами Г. В. Линником и А. М. Пустошным двинулись к Северному полюсу (Белов, 1977. С. 63).

Во время зимовки участники экспедиции совершали научные экскурсии, проводили метеорологические исследования и магнитные наблюдения. Для этих исследований была оборудована метеорологическая площадка и сооружён из льда и снега магнитный павильон. После возвращения 18 марта матросов Линника и Пустошного, спутников погибшего Г. Я. Седова, продолжились научные экскурсии на других островах архипелага. Участники экспедиции географ В. Ю. Визе, геолог М. А. Павлов, художник и писатель Н. В. Пинегин выполнили первые российские гляциологические исследования (Пинегин, 1924. С. 164–166; Визе, 1922. С. 61–78).

Прибрежная часть бухты была исследована МАКЭ в 1992, 1997, 2009 гг. (Боярский, Кулиев, 2011. С. 34–35).

Крест на месте астрономического пункта экспедиции Г. Я. Седова расположен на побережье б. Тихой о. Гукера, рядом с могилой И. А. Зандера (илл. 25; 26). Был установлен в 1913 г. экспедицией Г. Я. Седова во время зимовки на месте астрономического пункта (Боярский, Кулиев, 2011. С. 34).

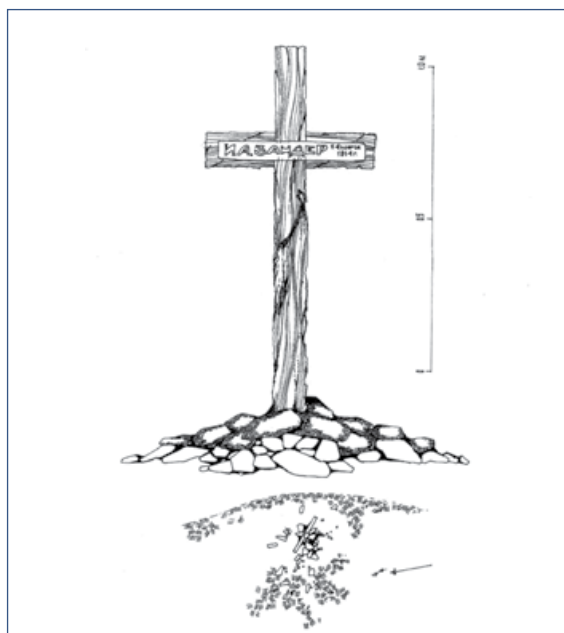
В 1992 г. был исследован МАКЭ (Боярский, Кулиев, 2011. С. 34).

Илл. 25. Остров Гукера. Бухта Тихая. Крест на месте астропункта. На заднем плане – могила И.А. Зандера. Фото П.В. Боярского. МАКЭ, 2005 г.

Илл. 26. Остров Гукера. Бухта Тихая. Крест на месте астропункта.
Рис. Л. В. Свободиной. МАКЭ, 1997 г.

Илл. 27. Остров Гукера. Бухта Тихая. Могила И.А. Зандера.
Рис. Л. В. Свободиной. МАКЭ, 1997 г.

Объект представлял собой большой деревянный восьмиконечный крест, сделанный из бруса сечением 18×18 см. Высота креста — около 3,3 м. Основной столб креста внизу был закреплён между двух коротких столбов основания, соединённых четырьмя железными стяжками. Основание креста закреплено в кладке из дикого камня.

На верхней горизонтальной перекладине вырезана надпись «1913–14 г.». На большой поперечной перекладине вырезана надпись на английском языке «*Expedition. Leut. Sedov'a.*». На нижней наклонной перекладине также надпись на английском языке «*Astronom. Point.*» (Новая Земля, 1993. С. 242).

Могила Зандера расположена на побережье бухты Тихой острова Гукера, рядом с крестом (астропунктом) экспедиции Г. Я. Седова (илл. 25; 27). В марте 1914 г. от продолжительной болезни (цинги) скончался главный механик судна Иван (Янис) Андреевич Зандер, и на следующий день он был похоронен на берегу бухты (Пинегин, 1924. С. 195).

Могила представляла собой небольшой холмик из галечного материала. На могиле был установлен деревянный четырёхконечный крест (Боярский, Кулиев, 2011. С. 34), закреплённый в каменной кладке могилы. Высота креста от уровня кладки составлял 1,2 м. На поперечине креста длиной 1,05 м была закреплена металлическая пластина размером $45,5 \times 5,2$ см с надписью «И. А. ЗАНДЕР 14 марта 1914 г.».

Скала Рубини (Rubini Rock) расположена на острове Гукера. Базальтовая скала достигает высоты 212 м. Вершина плоская. У подножья скалы осыпи, частично покрытые мхом и расположен песчано-галечный пляж. Скала славится крупным птичьим базаром (Боярский, Кулиев, 2011. С. 19, 25).

Скала названа в 1895 г. экспедицией Ф. Джексона именем итальянского певца Д. Б. Рубини (Jackson, 1899. Р. 256).

Каменный гурий на вершине скалы Рубини сооружён в 1913 г. участником экспедиции 1913–1914 гг. на судне «Святой Фока» (под начальством Г. Я. Седова) — геологом М. А. Павловым (Боярский, Кулиев, 2011. С. 34).

Рядом большой по размеру гурий, поставленный в 1930 г. первым начальником полярной станции «Бухта Тихая» П. Я. Илляшевичем.

О. Ю. Шмидт писал, что *Rubini Rock* получила у советских полярников «русское произношение: “Рубиновый Рок”» (Из дневников..., 1962. С. 28).

Мыс Данди расположен на западе острова Гукера. Открыт и нанесён на карту в 1880 г. английской экспедицией Ли Смита.

В апреле 1895 г. на мысе отрядом экспедиции Джексона было заложено продовольственное депо, в которое было заложено 50 фунтов бисквитов, 14 фунтов варёной баранины, два галлона спирта, чай, какао, сахар, молоко, масло, овсяная крупа и несколько маленьких флажков. Здесь же были оставлены три пары лыж и лыжные палки. Депо было отмечено британским флагом (Jackson, 1899. P. 255, 256).

В 1932 г. остатки депо Джексона видел геоморфолог полярной станции «Тихая» М. Н. Иванычук: «Остатки прежних продуктовых складов ... я видел на мысе Дунди. ... По виду консервных банок можно было судить, что они лежали там ещё со времени пребывания Джексона» (Иванычук, 1934. С. 42, 43).

Археологически объект не исследовался.

ОСТРОВ НОРТБРУК

Расположен в южной группе островов архипелага (илл. 1). Высота острова достигает 394 м, покрыт ледником. Только северная часть, прилегающая к мысу Лагерный, и западная к м. Флора — свободная суша. Лёд стекает к западу и востоку, ледораздел проходит почти по центру острова. Ледники выходят в море, образуя ледяные берега — барьеры и айсберги, особенно у выводных ледников. Суша у мыса Флора представлена поднятым плато, обрывающимся к морю уступом. Верхняя его часть сложена базальтовыми лавами, ниже — рыхлыми мезозойскими породами. Под уступом образовалась осыпь на берегу, переходящая в террасы и пляж. На уступе расположился птичий базар, под ним формируются растительные сообщества на специфических субстратах, отходах птичьего базара. Здесь характерно присутствие редких для архипелага видов растений и редких растительных группировок. В акватории острова часты встречи моржей (Боярский, Кулиев, 2011. С. 7, 16–18, 22, 24).

Остров открыт и нанесён на карту в 1880 г. английской экспедицией под руководством Б. Ли Смита (1828–1913 гг.) на паровой яхте «Эйра» («Eira»). В зиму 1881–1882 г. на острове, в построенном ими доме, экспедиция под руководством Ли Смита зимовала.

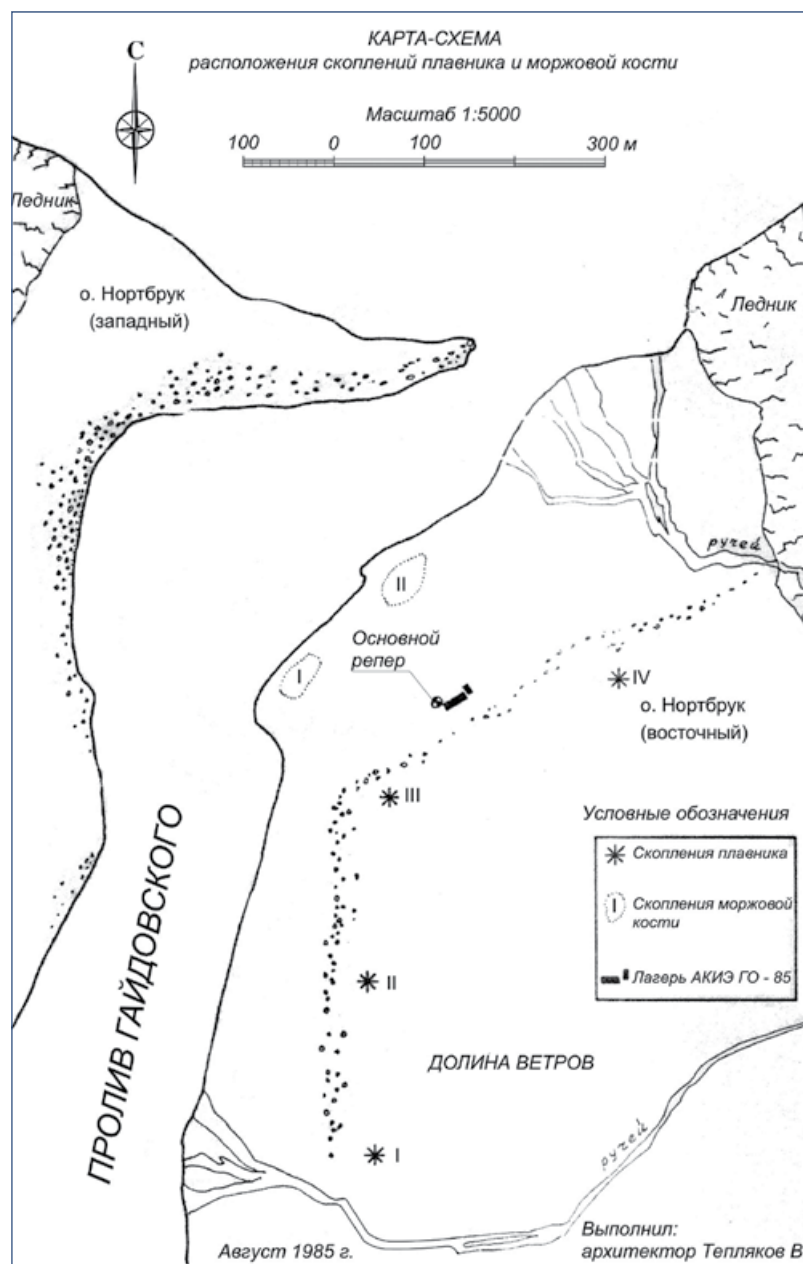
В 1894–1897 гг. на мысе Флора находился базовый лагерь английской экспедиции под руководством Ф. Джексона (Jackson, 1899. P. XII).

В 1901 г. остров посетила экспедиция С. О. Макарова на ледоколе «Ермак» (Боярский, Кулиев, 2011. С. 45).

В 1985 году остров был исследован совместной историко-географической экспедицией Географического общества СССР и Мурманского высшего инженерного мореходного училища под руководством Д. Ф. Кравченко.

Целями экспедиции были поиски и фиксация остатков и следов различных арктических экспедиций, а также свидетельств посещения этих мест русскими мореходами-поморами. Базовый лагерь экспедиции был устроен на восточном берегу узкого пролива, разделяющего остров Нортбрук на западный и восточный. Этот пролив, очевидно, образовался в результате таяния перемычки ледников,

соединявшей восточную и западную ледовые шапки, и штормов, которые регулярно промывали его после отступления ледников в XIX–XX вв. Пролив не был обозначен на современных картах и получил имя в честь его первооткрывателя — заместителя начальника экспедиции, капитана дальнего плавания Ростислава Гайдовского (илл. 28). Им же за время экспедиции были выполнены и его первые описания, и промеры глубин.

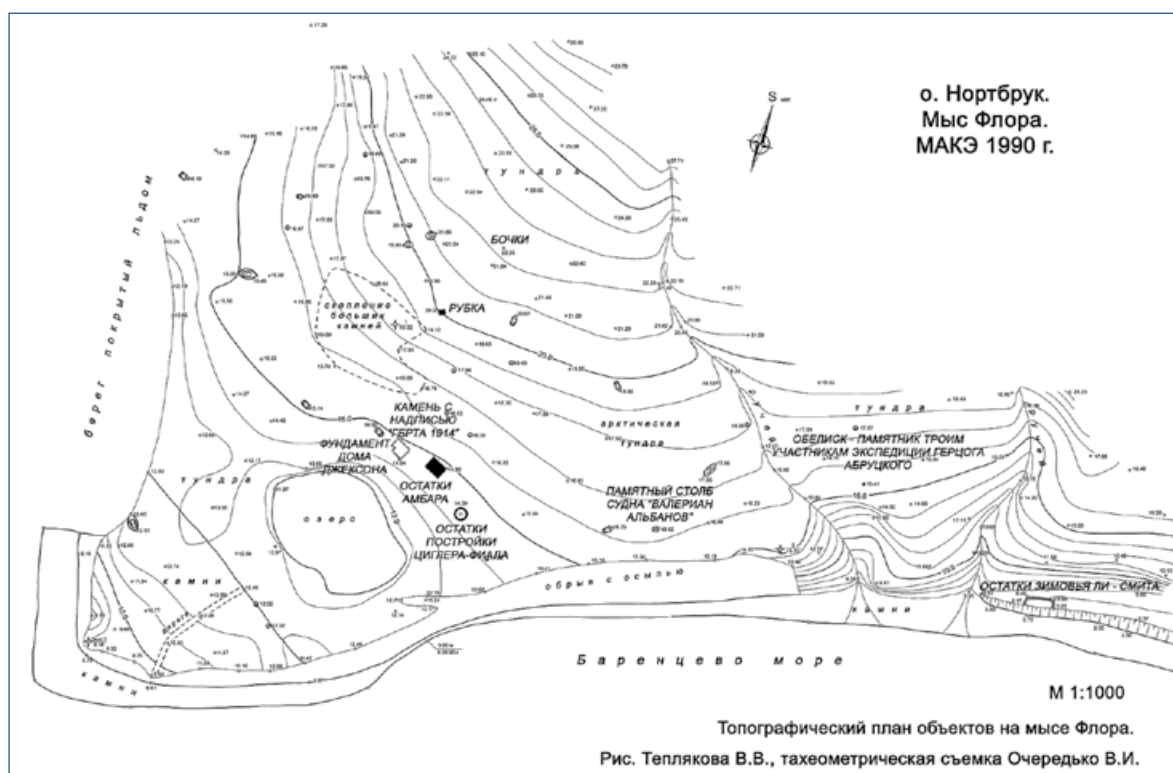
Илл. 28. Остров Нортбрук. Карта-схема расположения скоплений плавника и моржовой кости. Рис. В. В. Теплякова. АКИЭ ГО, 1985 г.

В 1990, 1992 гг. исследования на острове Нортбрук были продолжены Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ) под руководством П. В. Боярского (Боярский, Кулиев, 2011. С. 34–37).

Объекты культурного наследия были выявлены на мысе Флора, мысе Баренца и мысе Гертруды.

Мыс Флора расположен в южной части на острове Нортбрук (илл. 29). Мыс сложен базальтовыми лавами. Над берегом у мыса возвышается гора высотой

до 303 м и обрывается к морю с характерной для базальтов столбчатой отдельностью. Глубина прибрежных вод достигает 20 м¹. Территория мыса представляет собой ровный участок, заваленный базальтовым обломочным материалом. Тянущаяся с запада на восток площадь мыса террасами поднимается от берега к северу. Равнинная площадка мыса была ограничена стеной высоких утёсов, тянущихся параллельно берегу. За стеной утёсов расположен ледник. Площадку мыса пересекают овраги, которые образовались от водных потоков, стекающих с ледника. В центральной части мыса расположено небольшое пресное озеро размером 50 × 70 м и глубиной до 2 м. Площадка мыса хорошо задернована моховой подушкой, на которой растут полярные маки, камнеломки. На скалах мыса расположен огромный птичий базар — кайры, люрики. По берегу и в прибрежной части встречаются моржи и белые медведи.

Илл. 29. Остров Нортбрук. Топографический план.
Тахеометрическая съёмка И. Очередыко, рис. В.В. Теплякова. МАКЭ, 1990 г.

Мыс был открыт и нанесён на карту в 1880 г. английской полярной экспедицией под руководством Ли Смита.

В августе 1881 г. у мыса Флора была раздавлена льдами и затонула яхта «Эйра» экспедиции Ли Смита. Экипаж успел переправить на берег большую часть продовольствия, снаряжения и часть оснастки судна. На высоком берегу была построена хижина из земли, камней и материалов, оставшихся от судна (Jackson, 1899. P. 41). Перезимовав, 21 июня 1882 г. на четырех спасённых лодках англичане покинули м. Флора и 2 августа добрались до Новой Земли, где встретили спасательные суда.

8 сентября 1894 г. судно «Уиндворд» («Windward») доставило на мыс Флора английского путешественника Ф. Дж. Джексона и его спутников. Участники

¹ URL: http://mir-znanie.info/%D0%A4%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B0_%28%D0%BC%D1%8B%D1%81%29 - cite_note-T-39-I.2CII.2CIII-1 (дата обращения: 29.10.2024).

осмотрели жилище экспедиции Ли Смита: «Мы подошли к хижине Эйры (*Eira Cottage*), которую мы нашли с проваленной крышей; вода везде проникла внутрь и все предметы были в массе льда. ... Хижина была сфотографирована» (Jackson, 1899. P. 4, 41–42).

На мысе Джексонем было построено зимовье, состоявшее из русской избы, склада и подсобных помещений для пони и ездовых собак, получившее название «Эльмвуд» (англ. — Elmwood). Судно осталось на зимовку у м. Флора. Хотя участники экспедиции хорошо подготовились к зимовке, всё же несколько человек заболели цингой, умер и был похоронен матрос У. Муатт. Мыс Флора стал базой экспедиции Джексона для исследований архипелага.

В июле 1895 г. «Уиндворд», пробившись сквозь льды, добрался до Норвегии, а исследователи, заготовив охотой на птиц и медведей мяса и ложечной травы (средство от цинги), перезимовали и весной 1896 г. продолжили изучение архипелага, открыв ещё несколько островов. За время пребывания на мысе Флора и исследований архипелага экспедиция собрала ценные естественно-научные коллекции и получила важные научные результаты. Джексон планировал ещё одну зимовку, но финансирование прекратилось, и в июле 1897 г. на судне «Уиндворд» участники английской полярной экспедиции отправились на родину.

28 июля 1898 г. к м. Флора подошла паровая яхта «Фритъоф» (норв. — «Fridtjof») американской экспедиции под руководством журналиста Уолтера Уэльмана. Участники экспедиции разобрали и погрузили на судно одно из дощатых строений зимовья Ф. Джексона.

20 июля 1899 г. к м. Флора прибыла итальянская экспедиция на судне «Полярная звезда» (итал. — «Stella Polare») в составе 27 человек под руководством герцога Абрुццкого, целью которой был Северный полюс. На случай гибели корабля итальянцы оставили на мысе 4 лодки, а также устроили склад с запасом угля и продовольствия.

9 августа 1901 г. к м. Флора подошел ледокол «Ермак» с русской экспедицией под начальством адмирала С. О. Макарова, которая установила металлическую конструкцию с русским флагом и надписью «*Ermak passed hier 1901*» (Пинегин, 1924, с. 146). Ботаник экспедиции И. В. Палибин собрал на мысе уникальный гербарий.

В том же году герцог Абрुццкий поставил на мысе памятник пропавшим в 1900 г. участникам итальянской полярной экспедиции.

В 1903–1905 гг. на мысе в постройках экспедиции Джексона зимовало несколько членов экспедиции Э. Фиалы (Fiala, 1907. P. 93).

13 сентября 1913 г. к м. Флора подошло судно «Св. Фока» экспедиции Г. Я. Седова. На следующий день часть участников экспедиции высадилась на берег. Они увидели здесь все постройки экспедиции Ф. Джексона, возведённые в 1894 г. Везде царил «хаос и разрушение». Жилой дом Джексона, сделанный из брёвен по типу русских изб, сохранился лучше других, но двери были открыты, окна выломаны медведями и внутри дом заполнял оледеневший снег. 17 сентября 1913 г., загрузив убитых моржей, «Святой Фока» направился на север, к о. Гукера.

В 1913 г., с 30 августа по 2 сентября на мысе Флора находилась полярная экспедиция Г. Я. Седова, которая ушла отсюда в бухту Теплиц о-ва Рудольфа (Боярский, Кулиев, 2011. С. 36–37; 4, с. 148).

14–18 и 27–31 марта 1914 г. на мысе проживали художник и полярный исследователь Н. В. Пинегин и матрос А. И. Инютин, отправившиеся в экскурсию из бухты Тихой. Они подремонтировали и привели в порядок домик-рубку экспедиции Джексона, и оставили записку с информацией об экспедиции.

11 июля 1914 г. на мыс вышли штурман В. И. Альбанов и матрос А. Э. Конрад — единственные оставшиеся в живых члены экспедиции Русанова на «Святой Анне». При осмотре посёлка «Эльмвуд» ими было обнаружено большое количество пригодных в пищу продуктов. Не рассчитывая на прибытие к мысу Флора какого-нибудь судна, они приготовились к зимовке. В качестве жилья ими была приспособлена «рубка Джексона», а в качестве склада продуктов — изба Джексона. Однако 20 июля к мысу Флора подошло судно «Св. Фока», возвращавшееся после гибели начальника полярной экспедиции лейтенанта Г. Я. Седова на родину. Разобрав остатки деревянных построек на топку для паровой машины, судно 23 июля ушло к берегам России. На мысе осталась только деревянная рубка, где в запаянных банках Кушаков и Альбанов оставили почту с сообщением о судьбах экспедиций Седова и Брусилова (Альбанов, 2007. С. 46–161, 170, 173).

16 августа 1914 г. к мысу Флора подошла паровая шхуна «Герта» русской спасательной экспедиции под командованием капитана I ранга И. И. Ислямова. Участниками экспедиции было найдено несколько записок — старшего лейтенанта Г. Я. Седова, штурмана В. И. Альбанова, врача П. Г. Кушакова с известиями о смерти Г. Я. Седова, об экспедиции Г. Л. Брусилова и группы В. И. Альбанова, а также об уходе «Святого Фоки» на родину. Экспедиция на мысе Флора устроила склад провизии, одежды и оборудования для экспедиции Г. Л. Брусилова, на случай, если она придёт сюда на зимовку. На обломке скалы экипаж оставил надпись краской: «Герта 1914». По собственной инициативе капитан поднял на мысе русский национальный флаг и объявил архипелаг принадлежащим России. Бегло осмотрев берег от м. Флора до м. Краутера, «Герта» пошла к Новой Земле (Визе, 2008. С. 263)

В конце июля 1929 г. советская экспедиция на л/п «Г. Седов» под руководством О. Ю. Шмидта посетила мыс и установила флаг СССР на шестиметровом флагштоке. Жильё и продовольственные склады, оставленные здесь прежними экспедициями, советские исследователи нашли «разрушенными». *«Бамбуковый домик Фиала наполовину разломан, домашние вещи разбросаны снаружи, все продовольственные ящики «Герты» разбиты, расковырены, содержимое частью рассыпано. На земле кучи зёрен кофе, патроны. Кто-то не просто воспользовался продуктами по нужде, а дико разграбил их, грабил хищно и поспешно, бросая менее понравившееся»,* — писал О. Ю. Шмидт. Он предположил, что это дело рук заходивших сюда иностранных промышленников и туристов (Из дневников..., 1962. С. 24, 25).

В августе 1985 г. на мысе проводила исследования Арктическая комплексная историко-географическая экспедиция Географического общества СССР (АКИГЭ ГО) под руководством Д. Ф. Кравченко. Работы велись на общественных началах. Экспедиция сделала топографическую съёмку мыса, описала объекты культурного наследия, собрала коллекцию артефактов (Отчёт..., 1985. С. 30–94). Участниками экспедиции была произведена расчистка *«внутренних и прилегающих площадей ... по всем обнаруженным строениям»,* целью которой было *«выявление конструктивных элементов ... сооружений, а также обнаружение предметов обихода»* полярных экспедиций (Отчёт..., 1985. С. 33).

Расчистка и исследование остатков исторических строений проводилась вручную: срезался небольшими пластами слой дёрна, который в некоторых местах достигал толщины 20 см. После окончания работ пласты дёрна укладывались на место. Такая методика расчистки значительно замедляла работы по исследованию объектов, однако, позволила в большей степени сохранить долго восстанавли-

ваемое моховое покрытие грунта. Всего на мысе Флора были обнаружены остатки 5 строений так называемого посёлка «Эльмвуд» (илл. 29–33).

Строительство посёлка на мысе Флора в 20–30 м к северо-северо-востоку от безымянного озера, получившего название «Эльмвуд» («Elmwood»), было начато в сентябре 1894 года членами английской экспедиции Джексона (Jackson, 1899. P. 117). Были собраны русская изба, строения для пони и собак, подсобные помещения. Некоторые помещения обтягивали парусиной, а один из складов имел ледяную крышу. Жилой дом и другие помещения собирал плотник М. Варакин из Архангельска. Внутри избы стены были покрыты зелёным сукном (*green felt*), а пол был застлан листами коричневой бумаги, также покрытой сверху сукном. Для вентиляции в стенах на высоте одного метра (*three feet*) от земли были прорублены два отверстия. Одно размером 12,7 см (5 дюймов) на южной стороне дома, другое диаметром 11 см (и 4,5 дюйма) в крыше над печью. Эти отверстия закрывались деревянными дощечками, когда было необходимо. Высота потолка составляла 7 футов.

Для отопления использовалась небольшая экономная печь размером 2 фута 2 дюйма на 1 фунт 1 дюйм.

Согласно дошедшим до нас сведениям, на стенах были развешаны фотографии мистера и миссис Хармсворт, королевы, принца и принцессы Уэльских и флаг Великобритании (*Union Jack*). Имуущество и книги участников экспедиции хранились на полках, которые занимали всё свободное пространство стен.

На территории посёлка, кроме избы, находились амбар, «судовая рубка» (илл. 36), остатки сборно-щитовой постройки.

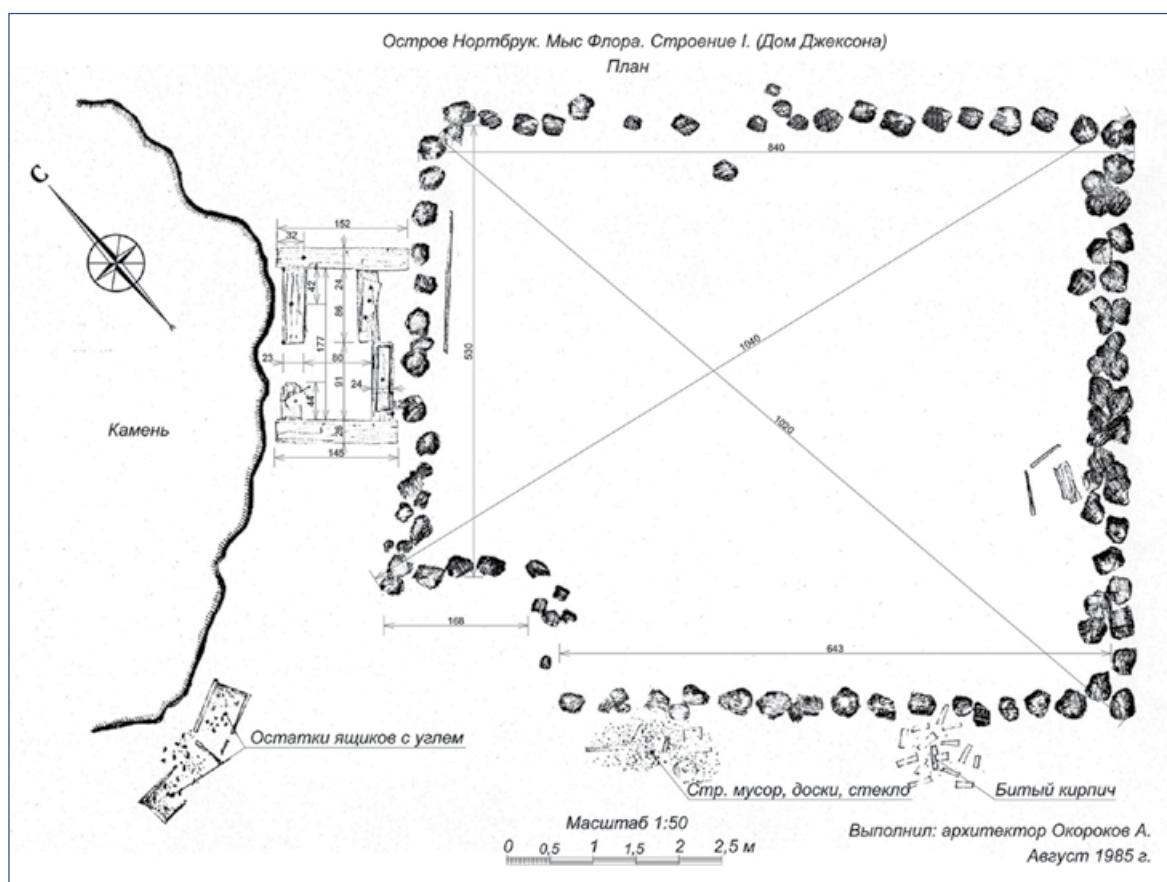
Во время зимовки в посёлке «Эльмвуд» англичане проводили метеорологические, астрономические и магнитные наблюдения. Впервые была измерена высота скал мыса Флора, которая составила 1460 футов (Jackson, 1899. P. XII, 56, 92, 105, 106, 202; Боярский, Кулиев, 2011. С. 36).

Кроме построек на мысе Флора, экспедицией 1985 года было зафиксировано два памятника. Один из них представлял собой деревянный столб, обложенный у основания диким камнем, типа гурия, с прикрепленной к нему текстолитовой доской со следами надписи. К сожалению, прочесть текст из-за сильных утрат не удалось. Второй памятник — обелиск из серого крупнозернистого гранита — был установлен в 1901 г. в память о пропавших без вести участниках экспедиции герцога Абруццкого — лейтенанте Кверини, машинисте Стеккене и проводнике Ольере.

Описание строений

Строение 1. Зимовье экспедиции Джексона (1894–1897 гг.). На период исследований (1985 г.) от конструкции в положении *in situ* сохранился лишь фрагмент или обкладка из дикого камня, валунов базальта, 20–40 см (илл. 30). Камни уложены в один ряд по всему периметру здания, длиной 8,4 и шириной 7 м. Восточная стенка строения имеет обкладку в 2–3 ряда, составляя толщину 73–90 см. В западной части, между фундаментом основного строения и базальтовой скалой, сохранились остатки деревянного настила длиной 2,24 м и шириной 1,52 м, выполненного из досок толщиной около 10 см и шириной 20–24 см. Внутренняя и прилегающая к строению площади сильно замусорены и покрыты слоем мха, достигающим толщины 10–25 см. Для обследования памятника была разбита сеть наблюдения. Она охватывала внешнюю прилегающую к постройке площадь с величиной квадрата 2 × 2 м. Сеть наблюдения по продольной оси получила

цифровое обозначение от 1 до 6, по поперечной — буквенное от А до Д. Расчистка производилась поквратно вручную. Было выделено пять скоплений предметов. Характер всех скоплений идентичен. Находки расположены бессистемно в один слой на дневной поверхности грунта.

Илл. 30. Остров Нортбрук. Мыс Флора. Строение I. План

Скопление I — квадрат А-1, площадь — 1 м², примыкает к юго-западному углу квадрата, под слоем мха обнаружено 6 патронов и фрагментов от них разного образца.

Скопление II — квадрат Б-1, площадь — 0,6 м², примыкает к юго-западному углу квадрата, обнаружено 14 патронов и фрагментов от них разного образца.

Скопление III — квадрат В-1, площадь — 0,7 м², примыкает к западной стенке квадрата, обнаружено 5 металлических крепежных деталей.

Скопление IV — квадрат Г-1, площадь — 0,7 м², примыкает к западной стенке квадрата, обнаружено 4 металлических предмета (крючки для вешалки, петля, фрагмент задвижки).

Скопление V — квадрат Д-3, площадь — 0,8 м², примыкает к западной стенке квадрата, обнаружено 4 фрагмента деталей с кожаным креплением.

Скопление VI — при расчистке квадрата Д-3 было обнаружено скопление камней, границы которого выходили за сеть наблюдений. В связи с этим в южной стороне квадрата была сделана прирезка площадью 1 м². Скопление представляет собой коллекцию минералов и камней, общая численность которых 106 шт. Камни и минералы находились в деревянном ящике размером 60 × 70 см и располагались в несколько слоёв (очевидно, три-четыре слоя). Деревянная часть ящика разрушена из-за полной деградации древесины. В коллекции находятся следующие камни и минералы:

цеолит — 4;
текстура конин-кон — 22;
брекчия — 3;
неопределимая древесина — 7;
алевролит — 9;
лава базальтовая — 3;
лава базальтовая шаровая — 1;
белемниты — 4;
халцедон — 11;
аммониты — 24;
аммониты с перламутровым слоем — 11;
агаты — 6;
щетки кварца — 32.

Таким образом, по строению 1 было обнаружено 117 предметов, разделяющихся по своему функциональному назначению.

Столовые принадлежности:

ножи — 1 сервировочный, 1 перочинный;
вилки — 3 шт.;

крышка от солонки — 1 шт.

Крепежные элементы:

гвозди металлические, кованые — 6 шт.;

замки — 3 шт.;

скобы металлические — 6 шт.;

крюки металлические — 5 шт.;

штыри металлические — 3 шт.;

карабины — 2 шт.;

цепи — 2 шт.;

гайки — 2 шт.

фрагменты крепежных элементов — 12 шт.

Боеприпасы:

2 шт. (патроны, пули, гильзы и фрагменты от них).

Инструменты:

топор — 1 шт.;

напильник — 1 шт.;

совок — 1 шт.;

стамеска — 1 шт.;

фрагмент — 1 шт.

Скобяные изделия:

петли мебельные — 2 шт.;

крючки от вешалки — 3 шт.;

ключи от шкапулки — 2 шт.;

здвижки — 1 шт.

Пробки:

стеклянные — 2 шт.;

деревянные — 3 шт.;

косяные — 1 шт.;

металлические — 1 шт.

Фрагменты стеклянной тары — 6 шт.

Курительные принадлежности:

мундштук косяной — 1 шт.;

мундштук деревянный — 1 шт.;
трубка — 1 шт. (фрагмент).
Капкан на крупного зверя — 1 шт.
Фрагменты приборов:
горелка металлическая — 2 шт.;
колесо от лебедки, металлическое — 1 шт.;
Фрагменты обуви — 1 шт.
Верёвка — 2 шт.
Фотоплёнка — 1 шт.

Остатки плёнки представляют собой бумажный ракорд и заправочный конец на нитроцеллюлозной основе типа «рольфильм», шириной 95 мм на катушке с деревянным сердечником. Фотоплёнка изготовлена фирмой «Кодак» в период с 1890 по 1920 гг.

Кроме этого, на данном объекте было обнаружено некоторое количество деревянных и металлических обломков. На основе натурных исследований и историко-архивных изысканий о конструкции дома можно сделать следующие заключения: в плане зимовье представляло собой прямоугольную постройку длиной 8,4 м, шириной 7 м и имело фундамент и обкладку из дикого камня. Фундаменты восточной стены дома усилены, что, вероятно, объясняется преобладающими ветрами в этом направлении. В юго-западном углу строения находился вход в сени длиной около 1,65 м и шириной 1,5 м. К западному фасаду зимовья примыкала деревянная пристройка, скрытая с восточной стороны объемом дома, а с западной — базальтовой скалой, являющаяся, по всей видимости, кладовой.

Судя по описанию, приведённому в дневниках Ф. Нансена, Н. Пинегина, В. Альбанова, работах В. Визе, В. Маркина и других, побывавших на мысе Флора позднее, а также фотографиям, приведённым в работах Э. Фиалы и Ф. Джексона, можно заключить, что зимовье Джексона было построено в 1894 г. участниками английской полярной экспедиции при участии архангельского плотника Варакина.

Нансен так описывал жильё экспедиции Джексона в 1896 г.: *«Это была низкая, бревенчатая русская изба. ... Вокруг хижины находился хлев и четыре круглые палатки, в которых хранились съестные припасы. Мы вошли в удобное, тёплое гнездо; ... крыша и стены были покрыты зелёным сукном; на стенах висели фотографии, гравюры, фото-литографии; везде были полки с книгами и инструментами; под крышей висели и сушились платья и сапоги, а в маленькой печке, стоявшей посреди этой уютной комнаты, приветливо тлели угли»* (Нансен, 1901. С. 217).

В августе 1913 г. на м. Флора побывала русская полярная экспедиция под руководством Г. Я. Седова. Художник экспедиции Н. Пинегин записал в своем дневнике: *«Главный домик смотрит маленькими окнами в холодную даль океана. Когда-то тут был самый крайний уголок цивилизованной жизни — то было 20 лет назад. Теперь хаос и разрушение. Мы вошли в первую постройку — жилая изба Джексона. Она сохранилась лучше других, ибо построена из бревен по типу русских изб. Двери ее были открыты, окна выломаны медведями, внутри оледенение. Мы изрядно потрудились, протискиваясь в узкий проход оледенелых сеней, и осматривали хижину с высоты слоя льда, лежавшего на полу толщиной около метра»*.

Одно из самых полных описаний состояния памятника принадлежит Альбанову, когда он и Конрад в 1914 г. некоторое время жили в посёлке. Он вспоминал, что изба была собрана из брёвен и имела почти плоскую односкатную крышу с печной трубой. Внутри дома на одну треть высоты лежал лёд, в который вмёрз-

ли обломки мебели, обрывки ткани, пустые консервные банки, грязная посуда и прочее. От суконной обшивки стен дома остались только куски.

Дом состоял из нескольких помещений: сеней с отгороженной переборкой кладовкой, большой комнаты и отделённой от неё переборкой кухни. В середине комнаты стояла большая чугунная печь, над которой к потолку были прибиты деревянные планки для сушки одежды. Часть большого помещения занимали трёхъярусные койки из плохо строганных досок, рассчитанные на 35–40 человек. Здесь же находился большой удобный письменный стол и кресло.

К стене дома со стороны входа были крестообразно прибиты доски — на поперечной было написано «латинским шрифтом»: «*Экспедиция старшего лейтенанта Седова 1913 год*». Под поперечной доской были проволокой привязаны жестяные банки, в которых находилась почта (запаянная банка с почтой была доставлена с места зимовки «Св. Фоки» в бухте Тихой в конце марта Н. В. Пинегиним). На двери В. И. Альбанов прочёл надпись, сделанную синим карандашом: «*Первая Русская полярная экспедиция старшего лейтенанта Седова прибыла на кап Флора 30 августа 1913 года и 2 сентября отправилась в Теплиц-бай*».

Рядом с домом лежали 5 деревянных ящичков, в которых путешественники обнаружили продукты (Альбанов, 2007. С. 146–148, 155, 156, 158, 163).

В июле 1914 г. после смерти лейтенанта Седова шхуна «Святой мученик Фока» вышла в обратный путь. Для её дальнейшего продвижения до Архангельска было необходимо пополнить запасы топлива. С этой целью дом и хозяйственная постройка Джексона были фактически полностью разобраны.

В результате обследования остатков строения в 1985 г. были сделаны следующие выводы:

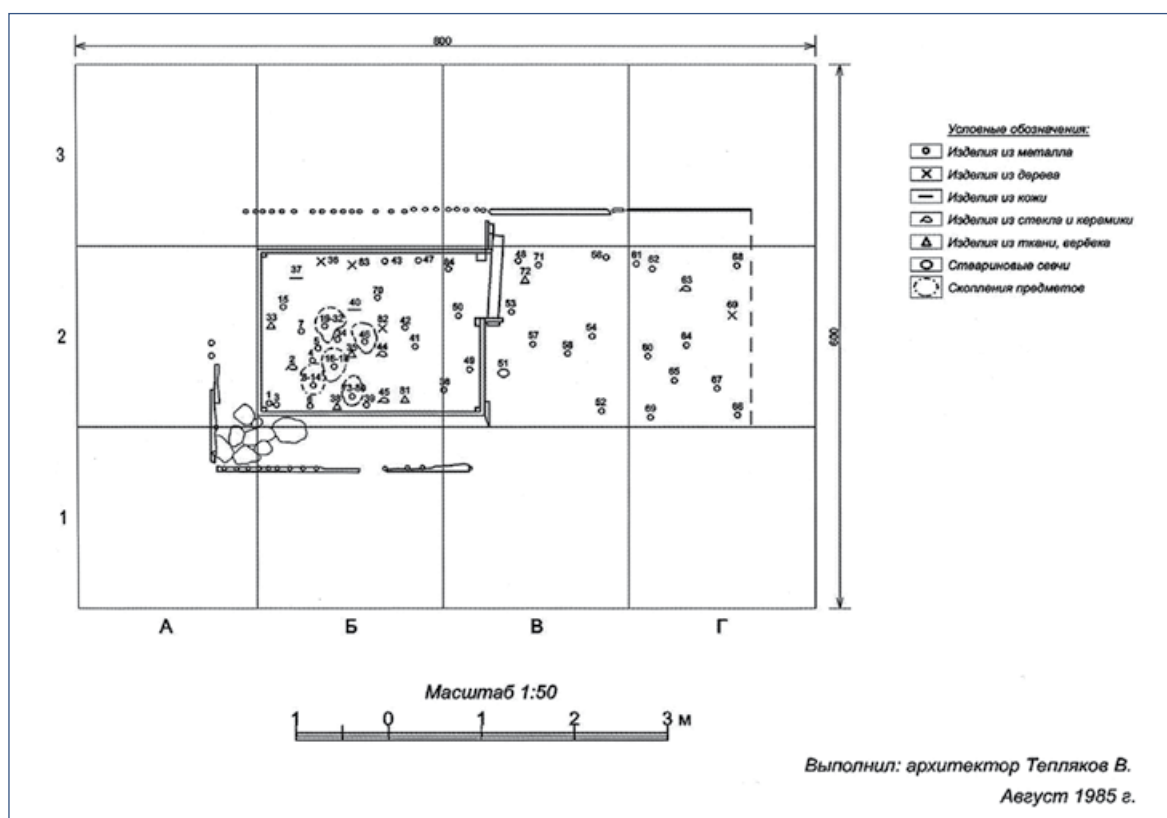
- зимовье представляло собой типичную русскую бревенчатую постройку, рубленную в «лапу без остатка»;
- крыша односкатная с небольшим (около 8°) уклоном к западному фасаду;
- высота восточной стены дома около 3,4 м (17 венцов), западной около 2,2 м (11 венцов);
- сени на южном фасаде дома имеют небольшое окно размером около 40 × 30 см.

Положение находок, судя по их распределению и характеру, позволяет заключить, что в первоначальном виде (*in situ*) сохранились лишь конструктивные элементы памятника. Современное положение обнаруженных предметов, их бессистемное расположение объясняется деятельностью экспедиций, побывавших на мысе Флора после 1897 г. (заключительный год работы экспедиции Джексона).

Уже в 1914 г. В. И. Альбанов в своих дневниках отмечает царящий на мысе Флора хаос и разрушение. Центральный дом зимовья Джексона неоднократно подвергался ремонту и перестройкам внутри. Причём для ремонта служили предметы обихода экспедиции Джексона.

Строение II. Хозяйственная постройка «Рубка». На период исследований постройка находилась на возвышенном месте в непосредственной близости от откосов, но на достаточном удалении от зоны камнепадов. Грунт, на котором стоит постройка, каменистый, покрыт сплошным слоем мха толщиной 10 см.

Деревянная постройка представляла собой в плане прямоугольное сооружение размером 2,5 × 1,9 м и высотой 2 м. Продольная ось постройки проходит в направлении север — юг. Для обследования постройки и территории, прилегающей к ней, была разбита сеть наблюдения с квадратом 2 × 2 м и общей площадью 24 м². По продольной оси экспликация квадратов получила буквенное обозначение от А до Г, по поперечной — цифровое от 1 до 3 (илл. 31).

Илл. 31. Остров Нортбрук. Мыс Флора. Строение II. План

Обследование было начато с квадрата Б-2 — помещение «Рубки», затем В-2 и Г-2, где, по словам В. И. Альбанова, находилась кузница.

Фундаментом постройки является скальный грунт, состоящий из обломков базальта. Прямо на нём лежит нижняя обвязка каркаса здания. По углам постройка обложена камнями, выполняющими роль цоколя. Конструктивные элементы постройки изготовлены из дерева хвойных пород. Несущий каркас выполнен из бруска сечением 4×5 см — стойки, и 5×10 см — поперечные связи. Стены зашиты шпунтованными досками шириной 16–20 см, толщиной 1,5 см в два слоя. Между досками находится слой войлока толщиной до 0,5 см. Крыша двухскатная в направлении север — юг, зашита вдоль короткой стороны шпунтованными досками с выпусками за предел стены 4 см. Три балки крыши имеют сложную форму с возвышением в средней части, за счёт чего образуется погиб палубного типа. Пол настелен по трём балкам из шпунтованной доски толщиной 3 см. Доски расположены вдоль короткой стороны постройки. На южном фасаде «Рубки», вплотную к восточной стене, находится дверь размером $0,6 \times 1,7$ м. Дверное полотно не сохранилось. Три основных фасада имеют окна размером $0,4 \times 0,5$ м на высоте 1,25 м от пола. Кроме того, на восточной стене постройки имеется конструктивный проём размером $0,83 \times 1,00$ м, начинающийся сразу от пола. Проём расположен между двумя стойками каркаса в центральной части стены. В полу, соответственно этому проёму, встроен люк размером $0,2 \times 1,0$ м, примыкающий к восточной стене. В центре крыши с западной стороны от средней балки был устроен люк. Вдоль северной стены находятся опорные брусья для коек. Они расположены на двух уровнях на высоте 0,4 и 1,2 м от пола и устроены Альбановым и Конрадом. Вот как Альбанов об этом пишет: «...Мы переделали нары в нашем доме, так как они занимали очень много места. Вместо них мы сделали две койки одна над другой и находили это удобным» (Альбанов, 2007).

В помещении на полу находился слой мусора высотой до 50 см. В основном, это был торф, остатки соломы, сопревшей ткани и совершенно разрушившихся консервных банок с включениями деревянных щепок, битого кирпича и стекла. Сверху всё это было завалено расположенными в беспорядке досками самых различных размеров, остатками от стоек, крыши, ящичков, щита для проёма на восточной стене. Часть досок была явно от других построек.

В процессе разборки завала были обнаружены остатки двух ящичков, стоявших у западной стены. В них находилось большое количество деформированных и пробитых консервных банок, одна из них целая. Из общего количества сохранили отличительные особенности 83 банки. Банки отечественного и импортного производства содержали рыбные продукты в масляной заливке. Время изготовления консервов установить не удалось. Плотность распределения находок на площади помещения различна. Большая часть их находилась в слое мусора между обломками ящичков. Всего в помещении «Рубка» было найдено 60 наименований предметов. Они составляют часть склада, оставленного Альбановым: *«Провизию, собранную нами и сложенную в кладовую при большом доме, пришлось перенести в маленький домик, в котором мы жили. Из запасов “Фоки” туда же добавили еще консервов, сухарей, кое-какой провизии, 500 шт. патронов, две винтовки, палатку и прочие необходимые вещи...»*

Все находки по функциональным особенностям можно разделить на несколько групп.

Столовые принадлежности:

фрагменты фаянсового десертного блюда — 32 шт.;

фрагмент тарелки металлической — 1 шт.;

столовый прибор для специй — 1 шт.;

тарелка — 1 шт.;

тарелки металлические эмалированные — 2 шт.;

поднос железный эмалированный — 1 шт.;

ложка столовая — 1 шт.

Боеприпасы:

патроны;

гильзы, пули различных типов — 69 шт.

Инструменты:

шило сапожное — 1 шт.;

напильник — 1 шт.;

фрагмент железных щипцов — 1 шт.;

топоры — 2 шт.

Скобяные изделия:

декоративная пластина — 1 шт.;

фрагмент дверной петли — 1 шт.;

кольцо железное с вертлюгом — 1 шт.;

бугель железный — 1 шт.;

фрагмент чугунной конфорки — 1 шт.

Пробки и фрагменты стеклянной тары:

стеклянный флакон — 1 шт.;

фрагмент горлышка стеклянной бутылки — 1 шт.;

фрагмент зеркала — 1 шт.;

фрагмент стеклянного флакона — 1 шт.;

пробка стеклянная грибовидной формы — 1 шт.

Изделия из кожи:

каблук кожаный — 1 шт.;

подошва кожаная — 1 шт.

Фрагменты приборов и устройств:

сетка металлическая — 1 шт.;

ручка мебельная, деревянная — 1 шт.;

колесо чугунное — 1 шт.;

трубка (шланг) из грубой ткани — 1 шт.

Фрагменты одежды и нитки:

клубок шерстяных ниток — 1 шт.;

фрагмент вязаных носков — 1 шт.;

катушка с нитками — 1 шт.;

фрагменты кепи из ткани — 1 шт.

Предметы хозяйственно-бытового назначения:

свечи стеариновые — 5 шт.;

фрагмент донца бочки — 1 шт.;

фрагмент спичечного коробка;

фрагмент донца бочки.

Продукты:

консервная банка — 2 шт.(?);

скопление зерен кофе.

Вокруг постройки, в 45–50 см от её стен, обнаружены остатки бамбуковых палок. Воткнутые в грунт вдоль линии параллельной стенам, на расстоянии 5–10 см друг от друга, они образуют стенку-изгородь. Между нею и стенками «Рубки» обнаружено скопление торфа, высота слоя которого достигает 35 см. Бамбук изгороди сохранился частично, на дневной поверхности его высота от существующего уровня грунта 5–10 см. Торцы бамбуковых палок расщеплены, обломы неровные, диаметр палок 2–3 см. На восточной стороне изгороди обнаружены остатки железной проволоки диаметром 1–1,5 мм, которая скрепляла бамбуковые палки в единое целое. С южной стороны следы бамбуковой изгороди прослеживаются на расстоянии 3 м от стены дома. Изгородь ограничивает перед домом площадь 9 м², юго-западный угол которой занят грудой валунов и кирпича двух типов — красного и огнеупорного со следами сажи. Высота груды 50 см от уровня современного грунта.

В результате обследования остатков строения были сделаны следующие выводы.

Постройка на мысе Флора у самых утёсов представляет собой судовую рубку. В подтверждение этого вывода можно привести следующее.

Для постройки использовалось отборное дерево хвойных пород. Конструкция типа крыши с погибью — палубного типа.

Наличие конструктивного проёма на восточной стене и соответствующего ему люка в полу у самой стены. Они служили для установки штурвала и штуртросовых трансмиссий. На судах эта стена обращена к носу.

Можно заключить, что эта рубка была перенесена непосредственно с судна и установлена на мысе Флора. Доказательством того, что рубка собиралась не на мысе Флора, может служить высокое качество подготовки стен масляно-клеевой шпатлёвкой и качественной их покраской. В погодных условиях Земли Франца-Иосифа это сделать почти что невозможно.

Конструкция внутреннего помещения первоначально не предусматривает устройства нар прямо напротив двери. Только после установки рубки на бере-

фундамент небольшой постройки (170 × 250 см), предназначенной для складирования растопочного материала. В северо-западном углу постройки обнаружено скопление каменного угля. Кучность скопления, а также его прямоугольная форма (275 × 148 см) позволяют предположить, что данное место использовалось для складирования угля. При обследовании остатков строения были определены некоторые конструктивные особенности её постройки и сборки (илл. 32):

- строение не имело фундаментов: лаги укладывались непосредственно на скальный грунт с подкладкой берёсты в качестве гидроизоляции;
- крепление настила досок пола по лагам вдоль ширины постройки осуществлялось с помощью деревянных нагелей круглой формы диаметром 3 см;
- угловое крепление досок стен ступенчатой формы выполнялось в «шип»;
- на южной стороне постройки находился дверной проём шириной 60 см.

В завалах мусора и щепы внутри постройки обнаружен ряд предметов:

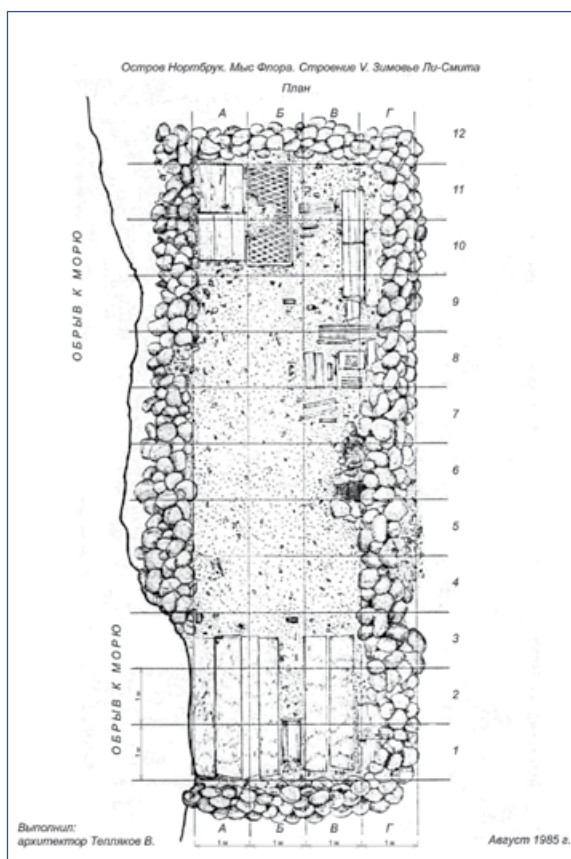
- фрагмент багра;
- молоток-киянка;
- приспособление для крепления такелажа;
- фрагменты нарт деревянных;
- фрагмент деревянной планки с надписью;
- полоз от нарты ручной работы.

Характер находок, а также их расположение указывают на то, что они попали туда случайно, а остатки нарт использовались как рамы для настила пола постройки на их вторичное использование.

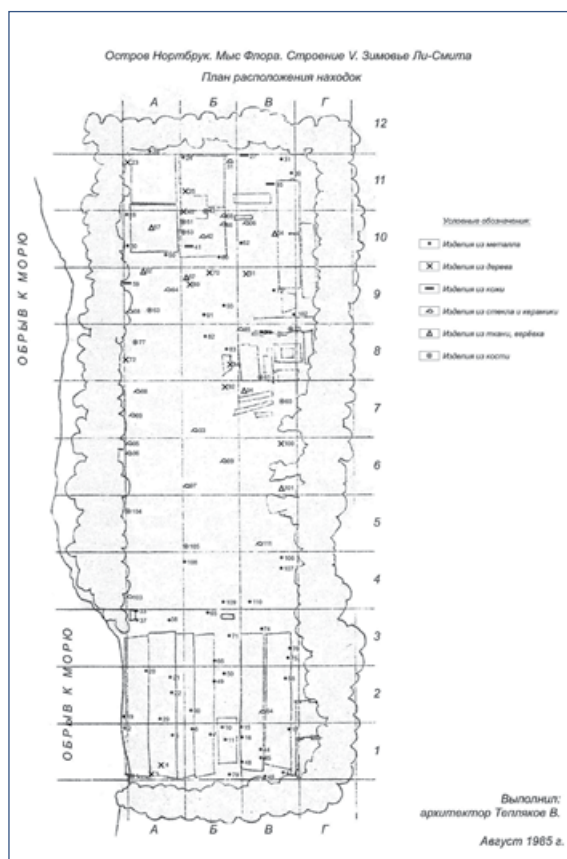
Строение IV. Зимовье экспедиции Ли Смита (1881–1882 гг.). В плане зимовье представляло собой прямоугольную постройку длиной 11 м и шириной 3,5 м. Судить о её высоте не представляется возможным. При его строительстве были использованы: дикий камень, мох, деревянные детали яхты, волосяные и соломенные тюфяки и различное тряпье (илл. 33–35).

Илл. 33. Остров Нортбрук. Мыс Флора. Строение IV. Общий вид

Илл. 34. Остров Нортбрук. Мыс Флора.
Строение IV. План

Илл. 35. Остров Нортбрук. Мыс Флора.
Строение IV. План расположения находок

Для обследования памятника его площадь была разделена на квадраты со стороной 1 м. По длине сеть наблюдения получила цифровое обозначение от 1 до 11, по ширине — буквенное от А до Г.

После составления акта технического осмотра памятника приступили к систематическому обследованию. Для ускорения работ расчистка поверхности зимовья ото мха велась поквратно с двух концов сети наблюдения. После снятия слоя мха на план наносились открывшиеся детали деревянного настила: корабельные доски, подштурвальные решётки, дверцы, люковины и т. п., а также и стены зимовья, устроенные из дикого камня — базальтовых булыжников до 50 см в поперечнике. Промежутки между камнями заложены мелкой галькой и мхом. Высота существующих стен колеблется от 40 до 70 см.

Необходимо отметить, что в положении *in situ* сохранились лишь конструктивные элементы памятника. В конструкцию зимовья входят столбы, остатки которых были обнаружены в восточной части, в квадратах А-3 и Б-3. Размеры столбов 22 × 10 см и возвышаются они на 20–25 см над уровнем грунта. В основании столба в квадрате Б-3 с западной стороны видна маркировка «СХХ», идентичная маркировке конструктивных деталей «Дома Эйры» на острове Белл. Столбы поддерживали крышу, сделанную, видимо, из паруса. У стены в квадрате Б-6 обнаружено место очага, в плане прямоугольной формы, со следами золы слева, остатки деревянной бочки. Очаг делил всё помещение на две части — западную и восточную. В восточной части постройки у стены настелены толстые и широкие доски длиной 2,5 м. На них уложены волосяные тюфяки с дерматиновой обшивкой, поверх которых сохранились следы соломенных тюфяков. Размеры оборудованного таким образом спального места 3 ×

2,5 м. В противоположной, западной части зимовья, для настила использованы люковины, решётки, часть дверцы шкафа и отдельные доски. Они уложены на грунт не очень плотно, сверху накрыты только соломенными тюфяками. В квадратах А-8 и А-9 солома со следами ткани была обнаружена непосредственно на грунте. Размер 3×4 м. Во многих местах, в основном по углам и между досками настила, было найдено большое количество истлевшей ткани, преимущественно фрагментов верхней одежды и скопление пуговиц различных типов. В юго-западном углу найдена дубовая крышка, выломанная из музыкального инструмента. Размер 75×20 см. На лицевой поверхности укреплен декоративная латунная решётка с растительным орнаментом. На всей площади зимовья обнаружены нестреляные патроны и гильзы 9 типов, как отдельно лежащие, так и в скоплениях. Найдены осколки керамики, стаканы керамические двух типов и большое количество притёртых стеклянных пробок от аптечных бутылок. Обрывки хлопчатобумажного троса, верёвки, были обнаружены преимущественно по краям постройки. Также были найдены застёжки деревянные трёх типоразмеров, которые использовались для крепления тента или паруса. Все конструктивные элементы зимовья оставлены на прежних местах, исключая доску в юго-восточном углу постройки, которая в результате оползня оказалась висящей над обрывом. Она снята со своего места и положена за пределами зимовья вдоль северной стороны. На площади постройки было выделено IX скоплений различных предметов. Находки в скоплениях расположены бессистемно на дневной поверхности грунта или на импровизированном настиле.

Скопление I. Квадрат В-8, площадь $0,4 \text{ м}^2$, достигает своим южным краем середины квадрата. Обнаружены истлевшая ткань и 17 пуговиц различных типов, пломба и диски из цветного металла.

Скопление II. Квадрат В-3, площадь $0,6 \text{ м}^2$. Примыкает к северо-западному углу и северной стороне квадрата. Под слоем мха обнаружен 41 предмет. Некоторые предметы располагались на поверхности досок, выстилающих грунт. В скопление вошли патроны и гильзы от патронов 7 типов, пуля свинцовая, напёрсток железный, диск медный с надписью.

Скопление III. Квадрат Д-8, площадь $0,5 \text{ м}^2$. Располагается вдоль южной стороны квадрата, примыкая к стене постройки. Обнаружено 20 пуговиц из различных материалов, располагающихся на грунте, покрытом слоем истлевшей ткани. Здесь же обнаружена пробка корковая.

Скопление IV. Квадрат В-7, площадь $0,3 \text{ м}^2$. Располагается вдоль северной стороны квадрата, примыкая к стене постройки. Обнаружено 5 пуговиц, находившихся на истлевших фрагментах одежды.

Скопление V. Квадрат Б-9, площадь $0,4 \text{ м}^2$. Располагается в северо-восточном углу квадрата под слоем мха и торфа толщиной около 10 см. Обнаружено 7 пуль разных типов и 15 патронов и гильз различных ружейных типов.

Скопление VI. Квадрат В-9, площадь $0,3 \text{ м}^2$. Располагается вдоль северной стены квадрата, рядом с северной стеной постройки. Обнаружено 16 металлических и костяных предметов, из них 10 гвоздей железных кованых, один шуруп, фрагмент железного стержня, два фрагмента из кости или эбонита и два предмета из цветного металла. Все предметы располагались под слоем мха и на досках, выстилающих грунт.

Скопление VII. Квадрат А-5, площадь $0,2 \text{ м}^2$. Располагается в юго-западном углу квадрата, примыкая к южной стене постройки. Обнаружено 15 пуговиц от одежды различных типов, из кости и металла.

Скопление VIII. Квадрат А-4, площадь 0,4 м². Располагается в юго-восточном углу квадрата вплотную к стене постройки. Обнаружено 4 пробки из прозрачного стекла с притёртой поверхностью.

Скопление IX. Квадрат Б-4, площадь 0,3 м². Располагается в юго-западном углу квадрата. Под слоем мха на грунте обнаружено 6 предметов: 4 фрагмента патронов с боевым расположением бойка, железный сердечник и фрагмент гильзы ружейной.

Всего на территории зимовья было найдено 114 наименований предметов. Судя по бессистемному расположению предметов на всей исследованной площади, можно заключить, что на своих местах (in situ) сохранились лишь конструктивные элементы постройки: стены, импровизированный половой настил, опорные столбы, очаг и деревянная кадушка.

Находки можно систематизировать по функциональному признаку.

Посуда керамическая и стеклянная:

- фрагмент фаянсового сосуда, фрагменты керамической кружки, пробки, пробки фаянсовые, пробки притёртые, фрагмент гранёного стеклянного сосуда, бутылка 0,75 л., фрагменты керамического сосуда и горлышко бутылки стеклянной.

Крепёжные элементы:

- гвозди железные кованые, гвозди круглого сечения, скобы, шуруп.

Боеприпасы:

- скопление гильз и патронов: 11 гильз и 38 патронов;
- патрон ружейный;
- скопление, состоящее из 7 пуль, 8 патронов и 7 гильз;
- скопление, состоящее из фрагментов 6 патронов ружейных с боковым расположением бойка;
- фрагменты патронов ружейных.

Инструменты:

- деревянная ручка от инструмента — 1 шт.;
- нож перочинный складной — 1 шт.;
- кронциркуль — 1 шт.;
- бритва опасная — 1 шт.;
- зубило — 1 шт.;
- ручка костяная — 1 шт.;
- ручка от ножа — 1 шт.;
- напёрсток — 1 шт.;
- киянка — 1 шт.

Скобяные изделия:

- ручка с накладкой мебельная, кольцо железное, фрагмент задвижки типа шпингалет, штырь железный с проушиной и кольцом, замочные скважины, фрагмент металлический декоративный, колосник, жиковина, решетка латунная литая декоративная, замок дверной накладной — 2 шт., пломба из латуни, ракс-бугель, фрагмент замка, шплинт железный, пластина латунная.

Курительные принадлежности: мундштук из янтаря, чубук курительной трубки из дерева, фрагмент курительной трубки, мундштук.

Фрагменты приборов и устройств: застёжка из дерева, фрагмент от приборного ящика, фрагменты стеклянной пластины, застёжка от коробки, 4 фрагмента застёжки из дерева, фрагменты светильника, наконечник багра, диск медный, фрагмент ящика, металлическая сетка в тканевом мешке, пластина из дерева,

фрагмент стеклянной пластины, фрагмент стержня из кости, фрагмент термометра спиртового.

Кожаные изделия: кожаный ремешок с металлической скобой, ботинок мужской, кусок линолеума, фрагмент кожи.

Фрагменты одежды и пуговиц: фрагмент одежды, фрагмент шапки вязаной, два фрагмента ткани, пуговицы от одежды металлические, пуговицы от одежды костяные, пуговица металлическая, пуговицы разных типов 17 штук, пуговицы разных типов 20 штук, пуговицы.

Предметы хозяйственно-бытового назначения: фрагменты банки, фрагменты верёвки, фрагменты щётки одежной, ручка от лампадки, пробка от бочки, фрагмент ручки от металлического сосуда, фрагменты светильника, кусок троса, пробка корковая, фрагменты спичечного коробка, спички.

В результате обследования остатков строения были сделаны следующие выводы.

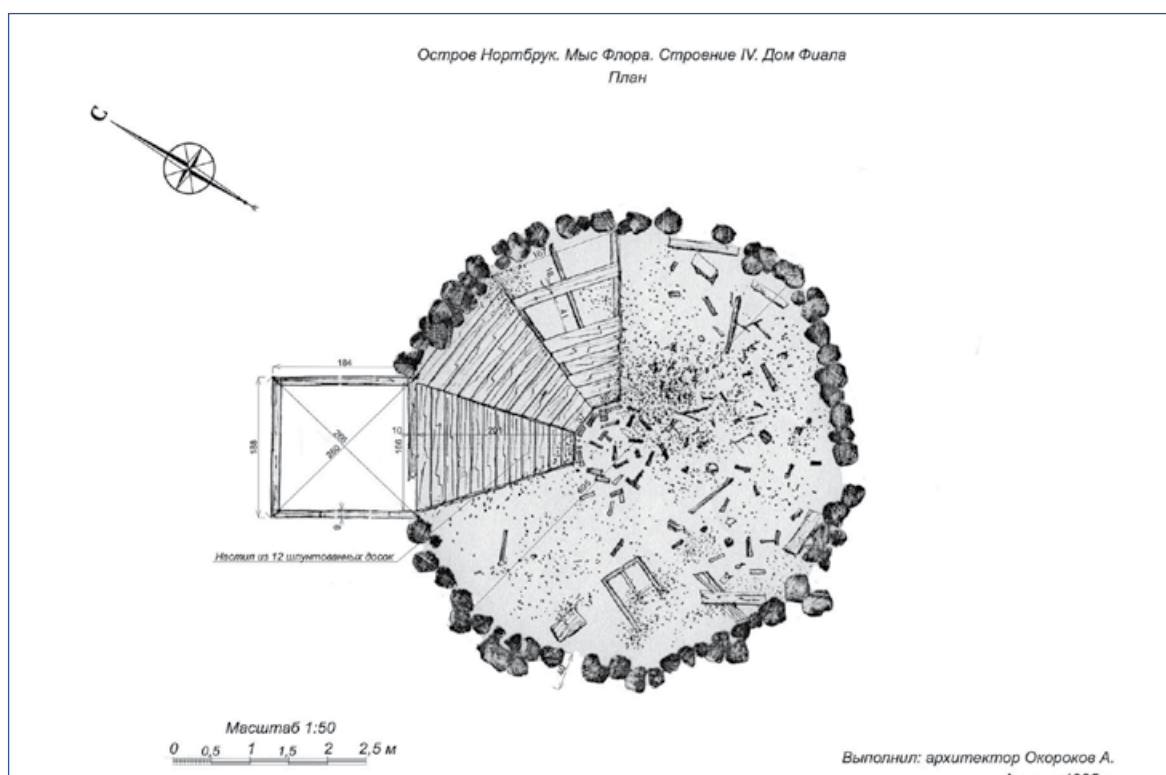
Зимовье представляло из себя постройку прямоугольной формы размером $3,5 \times 11$ м. Стены были выложены из дикого камня — валунов базальта 30–40 см в поперечнике, промежутки между которыми были заполнены землёй и мелкой галькой. Роль крыши выполнял парус, который центральной частью опирался на стойки, остатки которых обнаружены и квадратах А-3 и Б-3. В центральной части зимовья, у северной стены, располагался очаг, в восточной и западной частях зимовья были оборудованы спальные места. Они были устроены из деревянных деталей яхты «Эйра», использованных в качестве настила, и застелены волосяными и соломенными матрасами. Хаотическое распределение находок по всей площади зимовья позволяет предположить, что оно неоднократно посещалось членами экспедиций, позже побывавших на мысе Флора. Об этом свидетельствует тот факт, что на территории экспедиционного дома Джексона была найдена решётка, идентичная найденной на зимовье Ли Смита.

Строение V. Хозяйственная постройка центрического типа. Постройка имела форму близкую к кругу диаметром 6,9 м. По всему периметру остатки строения имеют обкладку из дикого камня размером 30–50 см. Сохранилось три секции треугольной формы, из которых был собран пол (илл. 34, 35). Длина щита 201 см, ширина основания 166 см. Доски шпунтованные, шириной 12 см, толщиной 2 см. Внутренняя площадь постройки сильно замусорена осколками стекла, аптечными пробками, досками и фрагментами интенсивно коррозированного и окислившегося металла. В центральной части строения зафиксирован завал огнеупорного кирпича. Ряд предметов, обнаруженных внутри остатков строения и в непосредственной близости от него, заслуживает внимания.

1. С южной стороны постройки на расстоянии 50 м от о. Рудольфа по направлению 140° зафиксирована деревянная оконная рама. Длина 945, ширина 685, толщина 45 мм. Обвязка рамы имеет скосы, вероятно, для более плотного (безщелевого) закрепления столярки в оконном проёме. Нижняя часть рамы имеет деревянный жёлоб для сбора конденсационной влаги. Обвязка, продольные и поперечные рамы имеют вырезы для вставки стёкол внутри помещения и их закрепления.

2. На расстоянии 55 м по направлению 138° от о. Рудольфа зафиксирован фрагмент оконной рамы аналогичной п. 1, нижняя планка обвязки с жёлобом для воды утрачена.

3. На расстоянии 52 м по направлению 143° от основного репера — рама деревянная оконная с двумя горизонтальными импостами. Крепление нижней части обвязки осуществлено не под прямым углом. На одной из боковых сторон рамы

Илл. 36. Остров Нортбрук. Мыс Флора. Строение V. План

на расстоянии 125 мм от верхнего угла имеется петля длиной 40 мм, выполненная из цветного металла. Петля по углам имеет отверстия для крепления шурупами к оконной коробке. Обвязка рамы и импосты имеют вырезы для вставки стёкол (сохранился фрагмент стекла толщиной 3 мм) и их закрепления гвоздями и замазкой (в отдельных местах сохранились следы замазки).

4. На расстоянии 56 м по направлению 143° от острова Рудольфа — фрагмент деревянной оконной рамы. Длина фрагмента 135 мм, ширина обвязки 90 мм. На сохранившейся планке обвязки имеется фиксирующая скоба от шпингалета. Импосты и обвязка рамы имеют вырезы для вставки стекол.

5. На расстоянии 35 м по направлению 154° от острова Рудольфа — два щита из досок размером около 2×2 м. Доски шпунтованные, длиной 650 мм, шириной 150–200 мм, прибитые гвоздями к продольным брускам толщиной 50–60 мм и шириной 160 см, составляющих основу для трёх рядов досок. В одном из углов щита вставлен оконный переплёт на два звена длиной 70 см, шириной 30 см. Доски щита на 3% утрачены, оставшиеся подвержены гниению и покрыты слоем лишайника. Продольные брусья обвязки щита на всю высоту вросли в мох. По наличию замкового крюка в центре щита и идентичности характера досок на строении Циглера — Фиалы можно сказать об их принадлежности к данному строению. Использование их в строении вторично.

6. На расстоянии 43 м по направлению 115° от острова Рудольфа — ящик мебельный выдвижной. Выполнен из дощечек толщиной 10 мм. Ширина ящика 750 мм, длина 650 мм, высота 100 мм. На лицевой поверхности ящика — деревянные ручки станочной выточки на расстоянии 150 мм от углов, имеющие грушевидную форму. Крепление боковых, лицевой и задней стенок осуществлялось гвоздями. Дно ящика отсутствует.

7. На расстоянии 55 м по направлению 154° от острова Рудольфа — печной поддон, литой, чугунный. Длина 800 мм, ширина 600 мм, высота 60–80 мм.

Имеет прямоугольную форму с высадкой, смещённой к одному краю. На выносе, на передней части поддона имеется надпись «Columbian stove works», отверстие, расположенное в углах поддона, предназначено для крепежа основного объёма печи. Вся поверхность предмета коррозирована.

8. На расстоянии 64 м по направлению 136° от острова Рудольфа — опорная стойка от конструкции стен постройки. Выполнена из досок длиной 200 см, шириной 12 см, толщиной 2,2 см. С обеих сторон стойки наклонно прикреплены 4 деревянные накладки (по две с каждой стороны). В её верхней части находится выполненный из оцинкованного железа крепёжный замок. Он предназначен для скрепления стропил с опорной стойкой. С торцевых сторон стойки и накладок имеются несколько прорезей (три с одной и четыре с другой стороны) для навешивания крепёжного крюка конструкции стальных щитов. В верхней части стойки, закреплённой с ней замком, сохранился фрагмент стропил длиной около 25 см, аналогичной со стойкой конструкции.

Исследование остатков строения, а также обнаружение ряда конструктивных элементов постройки позволяет сделать следующие заключения:

- настил пола постройки выполнен из шпунтованных досок, сбитых в щиты треугольной формы;
- по всему периметру стен постройка имела обкладку из дикого камня;
- в центральной части конструкции находилась печь, вероятно, чугунная, на круглом основании из огнеупорного кирпича;
- с внешней и внутренней части помещения навешивались стальные щиты;
- судя по конструкции опорных стоек, сооружение имело плиточный утеплитель, вставляемый между внутренней и внешней стенками строения;
- форма кровли постройки шатровая.

При обследовании территории мыса Флора, не примыкающей непосредственно к постройке, были обнаружены следующие предметы.

На расстоянии 12 м по направлению к югу от о. Рудольфа обнаружен полоз от нарта, из дерева лиственной породы (дуб). Длина 2650 мм. Скользящая часть полоза шириной 100 мм, толщиной 15 мм. Загнутая часть с небольшим радиусом загиба длиной 530 мм. В передней части полоза с обеих его сторон две врезки с косым срезом: длина врезок 55 мм, глубина 5 мм. По внешней поверхности полоза по обоим его краям находятся металлические стержни с шагом 25 мм на расстоянии 10 мм от края. Стержни медные диаметром 2 мм. Заглублены в полоз на 10 мм (не сквозные). В центральной по ширине части полоза имеется ребро жёсткости трапециевидной формы с шириной основания 50 и 30 мм, высота 20 мм. Длина ребра жёсткости 2010 мм. Шаг между пазами 550 мм. Сохранилось два копылья трапециевидной формы: длина основания 55 мм, высота 105 мм. В нижней части копылья на расстоянии 15 мм находится сквозное отверстие диаметром 13 мм, через которое проходит ремень, фиксирующий копылья в пазе ребра жёсткости полоза. Ремень двойной, сыромятный: ширина 8 мм, толщина 3 мм. В средней части копылья ржавый след от окислов чёрного металла, очевидно, от поперечного крепления двух полозьев. Полоз правый. Древесина растрескалась, местами утраты.

На расстоянии 61 м по направлению к северу от острова Рудольфа обнаружено весло. Два фрагмента распашного весла. Древесина хвойной породы, лопасть отломана. Общая длина весла 4335 мм. Рукоять конической формы, длиной 520 мм, основания диаметром 100 мм и 30 мм. Веретено длиной 1900 мм, конической формы, диаметр оснований — 100 и 60 мм. Лопасть весла длиной 1915 мм в сечении имеет ромбовидную форму с диагоналями 110 и 35 мм. К концу лопасть замет-

но уплощена, ширина 1,5 см. Место упора уключины окантовано растительным трёхрядным концом: диаметр 15 мм, прядь диаметром 7 мм. Кольцо прибито к веслу медными гвоздями с широкой шляпкой в трёх местах. Гвозди медные, прямоугольного сечения, клиновидной формы. Шляпка диаметром 10 мм, длина гвоздя 30 мм. Дерево потрескалось, глубина трещин 15 мм.

На расстоянии 161 м по направлению к юго-западу от острова Рудольфа обнаружено кайло с древком диаметром 40 мм, к концу заострено, выполнено из дерева хвойных пород. Соединены железной шпилькой и закреплены деревянным клином, вбитым в основание древка. Кайло металлическое, состоит из двух скovaných в «клюве» и молоточке пластин. Кайло: общая длина 215 мм, длина клюва 137 мм, длина молоточка 32 мм. Отверстие диаметром 36 мм под древко. Клюв прямоугольного сечения 16 × 14 мм (у основания), 5 × 5 мм (у острия). Клюв слегка изогнут. Молоточек: сечение у основания 15 × 15 мм, у острия 6 × 6 мм. Высота насадки кайла конической формы 35 мм.

В августе 1990 г. исследования на мысе Флора были продолжены сотрудниками Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) (илл. 37). Были исследованы слабо прослеживающиеся следы «дороги», по которой в 1894 г. участники экспедиции Джексона перетаскивали на мыс от подошедшего к берегу судна стройматериалы, снаряжение и оборудование для зимовки. Были исследованы остатки строений различных экспедиций, памятные знаки и другие объекты наследия, собран подъёмный материал — фрагменты строений, разнообразное оборудование и снаряжение, личные вещи путешественников и т. п. (Боярский, 1990. С. 42–43; Боярский, 1990 а. С. 147; Боярский, 2008. С. 271; Боярский, Кулиев, 2011. С. 36).

*Илл. 37. Остров Нортбрук. Мыс Флора. Скопление моржовых костей.
Фото П. В. Боярского. МАКЭ*

Было также обследовано место зимовья Ли Смита (1985 год — Строение IV), снят план остатков строения, собраны различные вещи и снаряжение участников английской экспедиции, а также некоторые фрагменты частей «Эйры». В том же году водолазы МАКЭ предприняли безуспешные попытки найти под водой остатки судна (Боярский, 1990. С. 42; Боярский, 1990 а. С. 146).

В 1990 году остатки зимовья представляли собой частично разрушившийся прямоугольный фундамент размером $3,5 \times 11$ м, сложенный из камней размером от 0,3 м до 0,5 м. Щели между камнями фундамента заложены мелкими камнями, проконопачены землёй и мхом. Высота остатков фундамента составляла от 0,4 м до 0,75 м.

Внутренний периметр зимовья был покрыт мхом, отдельными камнями, остатками деревянных конструкций. В восточной части зимовья вдоль южной и северной стен прослеживались доски. Это были спальные места, размер которых составлял: место у южной стенки — $1,5 \times 2,5$ м, место у северной стенки — $1 \times 2,5$ м. Между спальными местами находился проход шириной 0,4 м. В северо-восточном углу, вдоль северной стенки, под осыпью фундамента находились два деревянных ящика размером около 40×60 см.

В юго-западном углу зимовья были обнаружены подштурвальные решётки, дверцы и люковины от судна экспедиции «Эйра» (илл. 38). В северо-западном углу на земле лежали отдельные доски, фрагмент дверцы шкафа. Все эти детали являлись импровизированным полом.

Илл. 38. Остров Нортбрук. Мыс Флора. Судовые решётки яхты «Эйра», использовавшиеся как пол в Доме «Эйры». Фото И. М. Епихина. МАКЭ, 1990 г.

В средней части постройки у северной стенки был расположен очаг (типа чувала), с западной стороны в 0,25 м от очага находилась деревянная кадка.

В восточной части сохранились остатки двух столбов (высота от 0,2 до 0,25 м над уровнем земли), которые поддерживали парусиновую крышу зимовья. Столбы подпрямоугольные в сечении размером 220×100 мм. В нижней части столба, расположенного в восточной части зимовья, было прослежено клеймо «СХХ».

Среди остатков старых построек были собран подъёмный материал (Боярский, 2008. С. 271; Боярский, Кулиев, 2011. С. 35). Находки представлены личными вещами, снаряжением и оборудованием. К личным вещам относятся ножи, мундштуки, обувные стельки, обувь, кожаные рамки от фотографий. Из снаряжения и оборудования экспедиции найдены различные детали от «Эйры», кованые железные гвозди и скобы, доски от ящиков, на некоторых из которых нанесены трафаретные надписи чёрной краской «EMERGENCY FOOD», что дословно переводится как «запасная еда», а по смыслу — «неприкосновенный запас». Обнаружены остатки судовых диванов с волосяным наполнением и соломенных матов.

При осмотре места нахождения остатков зимовья Ли Смита в 1997 г. сотрудники МАКЭ обнаружили, что оно было полностью утрачено в результате обрушения берега.

Были также зафиксированы (вторично, после исследований 1985 г.) остатки 4-х строений: бревенчатого дома экспедиции Джексона в виде фундамента и частично сохранившегося пола (1985 г. — Строение I); амбара (1985 г. — Строение III), «Судовой рубки» (1985 г. — Строение II) и остатков сборной каркасно-щитовой постройки (1985 г. — Строение V).

Дом экспедиции Джексона. Общие размеры оставшегося сооружения $8,5 \times 7$ м. Внутренняя площадь, ограниченная фундаментом, составляет 59 м^2 . Длинной стороной остатки фундамента ориентированы по линии восток — запад. Остатки фундамента представлены кладкой из камней размером от 20 до 50 см, сложенной «на сухую». Высота кладки над дневной поверхностью 0,2 м.

С севера-запада, между фундаментом и базальтовой глыбой с надписью «*Герта 1914*», расположены остатки деревянного настила общим размером $1,5 \times 2,25$ м, выполненным из досок $100 \times 200\text{--}240$ мм, сшитых деревянными нагелями.

Амбар. По описанию В. И. Альбанова, сооружение представляло собой большую постройку, сложенную из «*двухверховых (8,8 см. — Авт.) досок на сруб*». Амбар был разделён переборкой на две половины, в каждую из которых вела дверь. Большая часть крыши и потолка, по словам Альбанова, отсутствовала. Внутренняя часть постройки наполовину была заполнена льдом, из-под которого высывались ящики, ряды бочек, большие железные бидоны (в них хранились мясные и рыбные консервы, масло, колбасы в банках, сушёная и прессованная зелень, сушёный картофель, шоколад, яичный порошок, галеты, чай, кофе и т. п.), керосин, свечи, палатки, топоры, лопаты, посуда, лыжи, непромокаемая одежда, парусина, винтовка и другие предметы. На многих вещах стояли надписи по-английски «*Полярная экспедиция Циглера*».

В другой половине, кроме перечисленного выше, изо льда наполовину высывался каяк в очень хорошем состоянии.

К амбару примыкала полуразрушенная пристройка-сарай, в которой находились мелко напиленные дрова.

Вокруг амбара и пристройки были разбросаны ящики с консервами (пеммикан, баранина, свинина, мясо кролика, копчёная и солёная селёдка), консервные банки, бочки, вёсла, ломаные нарты, обрывки сбруи, посуда и многое другое. На одной бочке из-под вина было выжжено клеймо «Северный полюс». Амбар был разобран на топливо для «Св. Фоки» в конце июля 1914 г. (Альбанов, 2007. С. 148, 149, 153, 154, 157, 163).

Остатки амбара находятся примерно в 12 метрах к востоку от дома Джексона. Высота площадки террасы, на которой находилась постройка, составляет 3,10 м от уреза воды в озере и 14,9 м от уреза воды в море.

На период исследования в 1990 г. сооружение размером $6,2 \times 6,5$ м представляло собой остатки каркаса, дощатых стенок, пола, сохранившихся на высоту до 0,25 м от уровня земли. Нижняя обвязка каркаса строения стоит на грунте и проложена снизу берёстой для гидроизоляции.

Длинной стороной остатки постройки ориентированы по линии северо-восток — юго-запад.

Сохранившиеся элементы стен выполнены из досок толщиной 80 мм, шириной 230–240 мм, двухступенчато соединённых между собой. В углах здания доски соединены «в шип».

Сохранившиеся полы настелены из досок размером 80×230 –280 мм по семи лагам из бруса сечением от 180×180 мм до 230×230 мм, идущих по длинной оси постройки. Доски прибиты к лагам деревянными нагелями диаметром 30 мм.

В северо-западном углу постройки находится скопление каменного угля, занимающего площадь размером $2,8 \times 1,5$ м.

На восточной стороне остатков постройки, на расстоянии 1,4 м от юго-восточного угла сохранилась часть дверной коробки шириной 1,06 м.

С северо-восточной стороны к руинам амбара примыкает каменный фундамент пристройки размером $2,25 \times 1,7$ м, выполненный из базальтовых валунов диаметром около 0,3 м.

Остатки сборной каркасно-щитовой постройки находятся примерно в 36 м к юго-востоку-востоку от остатков избы Джексона (1985 г. — Строение V). Высота площадки террасы, на которой находятся развалины, составляет около 14,5 м от уреза воды в море.

Постройка была восьмигранная, диаметром около 7 м, каждая грань, представленная отдельным щитом, немного наклонена внутрь. По периметру постройка была обложена камнями размером от 0,3 м до 0,5 м. Крыша у постройки была шатровая. Вход через отдельные сенцы размером $1,88 \times 1,84$ м.

Внутри стены были обтянуты крашеной парусиной, а вдоль стенок были устроены койки. В середине постройки находилась чугунная печь (Альбанов, 2007. С. 149), от которой остался развал красного кирпича, служивший её основанием.

От пола сохранилось три щита подтрапециевидной формы (размеры у основания 1,66 м, длина 2,01 м), сделанных из шпунтованных досок. Вокруг и внутри остатков постройки на земле лежат оконные рамы, отдельные доски, фрагменты мебели, детали чугунной печи, фрагменты крепежа постройки.

«*Судовая рубка*» (илл. 36) экспедиции Джексона представляет собой небольшое строение из досок (1985 г. — Строение II). В ней в зимовку 1904–1905 гг. размещалась кузница американской экспедиции Э. Фиалы. Находится объект примерно в 63 м к северо-северо-западу от дома Джексона, в сторону к утёсам. Высота площадки террасы, на которой находится постройка, составляет около 20 м от уреза воды в море (илл. 39).

Размеры постройки $2 \times 2,5$ м при высоте 2 м. Общая площадь, занятая постройкой, составляет 5 м². Общая площадь объекта «рубка», огороженная бамбуковой изгородью, составляет около 19 м².

Нижняя обвязка каркаса строения выполнена из бруса и стоит на скальном основании. Длинной стороной ориентирована по линии северо-восток — юго-запад.

Каркас рубки сделан из бруса прямоугольного сечения. Стойки каркаса выполнены из бруса сечением 40×50 мм, прогоны и балки из бруса сечением 50×100 мм.

Стены внутри и снаружи сооружения защиты шпунтованными досками. Пространство между досками утеплено войлоком, толщиной до 5 мм.

*Илл. 39. Остров Нортбрук. Мыс Флора. Судовая рубка экспедиции Джексона.
Фото Б.А.Новикова. МАКЭ, 1990 г.*

Крыша покрыта шпунтованными досками, с южной стороны постройки отсутствует. Дверной проём в постройку расположен в южной части, дверное полотно отсутствует. На северной и восточной сторонах находятся оконные проёмы без рам.

В западной стене находится отверстие для вывода дымовой трубы.

На расстоянии около 0,3–0,5 м от стен постройки в землю был воткнут ряд бамбуковых палок, переплетённых проволокой и скреплённых планками, образуя частую решётку. Пространство между решёткой и стенами было заполнено мхом и торфом, выполнявшими роль утеплителя. Такая же бамбуковая решётка огораживала небольшую площадку перед входом, на территории которой находился кузнечный горн. В настоящее время от горна осталась куча базальтовых камней и огнеупорного кирпича (Боярский, Кулиев, 2011. С. 150–151).

Волоковая дорога. Слабо прослеживающиеся следы «дороги», по которой в 1894 г. участники экспедиции Джексона перетаскивали на мыс от подошедшего к берегу судна стройматериалы, снаряжение и оборудование для зимовки, находились на южной оконечности мыса Флора. Следы дороги протянулись от края береговой террасы с высотной отметкой 9,43 м от уреза воды в море до края большой ровной площадки (с высотной отметкой 12,40 м) на берегу безымянного озера. Общая длина выявленной дороги составляет 45 м, общее направление — с юга на север. Края дороги угадываются по бортикам высотой до 0,5 м, сложенным из камней, убранных с дороги. Ширина дороги — около 1,5 м.

Между постройками и берегом находилась свалка: порожние консервные банки, кастрюли, тарелки, сковородки, чайники, ложки, обломки нарт, собачьей и конской упряжи и тому подобное (Альбанов, 2007. С. 150).

Сотрудники МАКЭ собрали подъёмный материал, представленный фрагментами снаряжения, личными вещами исследователей (Боярский, 1990 а. С. 146). Среди них были найдены фрагменты чугунной печи зимовья Ф. Джексона; хо-

муты для пони; чугунный и железный чайник, покрытый синей эмалью; покрытые белой эмалью сковородка, мыльница и блюдо; детали керосиновой лампы с маркировкой «VICTORIA MS PATENT»; керамическая глазуванная банка; стеклянные банки и бутылки целые и фрагментированные.

Памятник-obelisk 1901 г. участникам экспедиции герцога Абриццкого. Объект расположен примерно в 200 м к северо-северо-востоку от остатков дома Джексона посёлка Эльмвуд, на высоте 15,47 м от уреза воды.

Обелиск был доставлен на м. Флора и установлен в 1901 г. герцогом Абриццким в память о погибшей в 1900 г. группе итальянской полярной экспедиции в составе лейтенанта Кверини, машиниста Стеккена и горного проводника Олльера (Savoia, 1903. P. 546). В 1914 г. этот обелиск видел Альбанов и описал его в своём дневнике: «...за одним из холмов я увидел ... великолепный памятник-obelisk. Из надписи на нём золотыми буквами я узнал, что этот памятник поставлен в 1900 г. судном “Стелла Поляре”, Полярной экспедицией герцога Абриццкого, своей пропавшей без вести санной партии» (Альбанов, 2007. С. 157–158).

В 1929 г. участники советской экспедиции на л/п «Г. Седов» нашли в памятнике свинцовый пенал с полуистлевшими записками и свежей визиткой некой американки мисс Бойл, которая, по её словам, искала в Арктике Амундсена и остатки экспедиции Нобиле (Муров, 1971. С. 143), другие записки туристов 1922–1928 гг. Советские исследователи оставили в пенале записку: «*Всегда чтим героев Арктики. Экспедиция СССР 1929 г.*» (Белов, 1977. С. 61). П. Я. Ильяшевич вложил отдельно визитную карточку: «*Piere Illiashevitch été isi*». Рядом с памятником валялась доска с надписью «*Stella polare*», разорванный спасательный пояс с той же надписью, изодранный, хотя и железный, итальянский флаг (Из дневников..., 1962. С. 25).

В 1990 г. — период обследования объекта сотрудниками МАКЭ — памятник представлял собой четырёхгранный обелиск из полированного крупнозернистого гранита. Высота памятника от дневной поверхности составляла 2,32 м, размеры плиты у основания — 0,3 × 0,65 м. На северной стороне обелиска были высечены фамилии погибших: «*Requiem: F. Querini, H. Stokken, P. Ollier. — «Stella Polare». 1900*». Надпись была сильно выветрена и трудночитаема.

Могила матроса Муатта. Находится к северу от хижины «судовой рубки», ближе к утёсам.

Во время зимовки 1894–1895 гг. английской экспедиции Ф. Джексона на мысе Флора несколько человек заболели цингой и один из них умер. Это был матрос Уильям Муатт (англ. — William Mouatt), 52 лет. Цингой он заболел в середине марта 1895 г. и умер 17 июня того же года. В 115 ярдах за избой была вырыта могила, в которой его похоронили 18 июня (Jackson, 1899. P. 219, 299, 300).

В 1914 г. могила была описана В. Альбановым: «...могильный холм с деревянным крестом, окрашенным красной краской» (Альбанов, 2007. С. 158).

В 1990 г. остатки могилы были обнаружены МАКЭ (Боярский, Кулиев, 2011. С. 36).

Памятная надпись «ГЕРТА» на камне. Находится в 200-х м к северо-востоку-востоку от крайней юго-западной оконечности мыса, в 1,5 м к северо-западу от остатков зимовья (избы) Джексона (илл. 40).

Надпись на камне оставлена 16 августа 1914 г. экипажем шхуны «Герта» под командованием капитана И. И. Ислямова, который был послан на поиски экспедиций Седова и Русанова (Визе, 2008. С. 263).

Базальтовая глыба, на которой нанесена надпись, имеет подпрямоугольную форму размером 5 × 7 м и высотой до 6,5 м. По длинной стороне камень ориен-

*Илл. 40. Остров Нортбрук. Мыс Флора. Памятная надпись «ГЕРТА» на камне.
На заднем плане видна «Судовая рубка» экспедиции Джексона.
Фото Б.А.Новикова. МАКЭ, 1990 г.*

тирован по оси северо-восток — юго-запад. На неровной южной поверхности, обращённой к развалинам избы Джексона, нанесена надпись белой краской «*Герта 1914*». Надпись сильно выветрена и трудно читается. Вокруг глыбы раскиданы плохо сохранившиеся фрагменты деревянных досок (Боярский, 1990. С. 43; Боярский, 1990 а. С. 147; Боярский, Кулиев, 2011. С. 37).

Мыс Баренца расположен на юго-востоке о-ва Нортбрук. Назван в сентябре 1879 г. капитаном А. Де Брюйне (голл. — De Bruyne) в честь Виллема Баренца (1550–1597). На мысе находится птичий базар, состоящий из толстоклювой кайры, моевки, люрика (Боярский, Кулиев, 2011. С. 18).

9 сентября 1894 г. мыс исследовали участники экспедиции Джексона как возможное место для основания базы экспедиции. После осмотра Джексон посчитал этот мыс непригодным для лагеря, и исследователи решили вернуться на мыс Флора. Перед отъездом исследователи заложили на мысе продовольственное депо, которое обложили камнями. В каменной кладке укрепили бревно плавника, на гладкой стороне которого Джексон карандашом написал:

*«Jackson-Harmsworth Polar Expedition
Sep. 9.94.
Head Depot at C. Flora».*

Фишером были произведены ботанические исследования на мысе (Jackson, 1899. P. 42, 43, 126, 127).

Мыс Гертруды находится на острове Нортбрук, недалеко от м. Флора. Нанесён на карту в 1895 г. экспедицией под руководством Ф. Джексона.

За время зимовки на м. Флора участники экспедиции Ф. Джексона неоднократно проводили разнообразные (астрономические, метеорологические, магнитные, геологические, ботанические) исследования на мысе Гертруды (Jackson, 1899. P. 311).

ОСТРОВ БЕЛЛ

Остров расположен в юго-западной части архипелага. По форме напоминает подкову, в центре которой расположена бухта Нильсена. Остров хорошо виден издали за счёт центральной, похожей на колокол горы с плоским плато, высотой 343 м над уровнем моря. Гору окружают спускающиеся к морю 7 террас, верхняя из которых находится на высоте 40 м. Они сложены окатанным валунником с гравийно-песчаным заполнителем. На северном побережье в результате поднятия острова, образовалась широкая терраса с характерными кольцеобразными очертаниями, береговыми валами и лагунами. На севере острова имеется возвышенность в 21 м над уровнем моря. У её подножия расположено небольшое озеро. Растительный покров морских террас разрежен, представлен лишайниковыми группировками с небольшим участием сосудистых растений — лисохвоста альпийского, ясколки арктической, ложечной травы гренландской, мака полярного, мятлика арктического и др. Глубины моря у побережья достигают 50 метров (Боярский, Кулиев, 2011. С. 8, 10, 11, 13, 17, 22, 27).

Открыт и нанесён на карту в 1880 г. английской экспедицией под руководством шотландца Б. Ли Смита (1828–1913 гг.) на паровой яхте «Эйра» («Eira»). На о-ве Белл экспедиция собрала щитовой дом («Дом «Эйры») для базы будущих исследований экспедиции.

В июле 1895 г. остров был исследован экспедицией Джексона (Jackson, 1899. P. 317–319).

5 июля 1914 г. на остров высадилась морская группа отряда под руководством В. И. Альбанова. Здесь на следующий день от цинги умер и был погребён матрос О. Нильсен. В. И. Альбанов со спутниками оставался на острове до 8 июля, а потом отправился к мысу Флора. Однако штормовая погода заставила В. И. Альбанова и А. Э. Конрада вернуться на остров. Второй каяк с матросами Луняевым и Шпаковским исчез. Только 9 июля оставшиеся вдвоём В. И. Альбанов и А. Э. Конрад отправились на мыс Флора (Боярский, 2008. С. 134–144).

В 1985 г. прибрежная часть острова была обследована АКИЭ ГО под руководством Д. Ф. Кравченко. В результате была обмеряна и изучена постройка английской полярной экспедиции под руководством Ли Смита, получившая название «Дом «Эйры» или «Домик «Эйры».

«Дом «Эйры» находился на северо-западном берегу о-ва Белл, на ровной каменистой площадке высотой около 8,5 м от уреза воды, у небольшого озера (илл. 40–47).

Дом был построен в 1880 г. английским полярным исследователем Б. Ли Смитом. В июле 1895 г. «Дом «Эйры» посетила группа экспедиции Джексона: «...дощатый дом, оставленный мистером Ли Смитом 14 лет назад, сохранился нетронутым. Две небольших лодки лежали рядом в хорошем состоянии, как будто только что снятые с борта «Эйры». ... В большей из них медведь пробил дыру». Джексон отмечал, что «дом прекрасно сохранился и был совершенно целым, кроме нескольких трещин в крыше и стенах». Флажсток на крыше дома был изгрызен медведями.

По словам Джексона, исследователи проникли в дом с большим трудом, так как вход был завален снегом и льдом. На внутренних стенах дома они нашли надписи, сделанные карандашом. Две из них были оставлены капитаном судна «Эйра» У. Лофли экспедиции Ли Смита. Первая относилась к 10 сентября 1881 г. и сообщала об отплытии «Эйры» к Новой Земле. Вторая датировалась 14 июня 1882 г. — в ней говорилось о прибытии судна с мыса Флора. Исследователи сделали несколько фотографий стены с надписями.

В 300-х ярдах на юго-запад от дома исследователи нашли весло, зафиксированное в куче камней, со следами медвежьих когтей на нём. Джексон предполагал, что это знак партии экспедиции Ли Смита, поставленный в 1881 г. (Jackson, 1899. P. 318–320).

Весной 1914 г. на месте посёлка во время экскурсии побывали художник и полярный исследователь Н. В. Пинегин и матрос А. И. Инютин — участники экспедиции Г. Я. Седова. Они обследовали «Дом «Эйры» и отметили, что он находился в хорошем состоянии и имел небольшой склад провизии (5–6 банок консервов) и каменного угля (150 кг). Недалеко от дома лежал перевернутый вверх килем хороший бот. На стенах дома исследователи обнаружили карандашные граффити участников экспедиций Ли Смита, Ф. Джексона, У. Уэльмана и других. Н. В. Пинегин и А. И. Инютин также оставили своё сообщение об экспедиции Г. Я. Седова (Альбанов, 2007. С. 171, 172, 177, 178; Боярский, 2008. С. 278).

17 августа 1930 г. в районе «Дома «Эйры» высаживались члены норвежской экспедиции на судне «Braatvag» и в течение трёх часов провели ряд научных исследований (Hanssen, Lid, 1932. P. 15).

В 50–60-е гг. XX в. на острове проводили работы советские научно-изыскательские экспедиции, о пребывании которых свидетельствуют геодезический знак недалеко от «Дома «Эйры» и мусор того времени — консервные банки, бутылки, гильзы от карабинов и ракетниц и т. п.

В 1985 г. объект был исследован АКИЭ ГО под руководством Д. Ф. Кравченко (илл. 41).

Постройка представляла собой подпрямоугольное строение размером 4,58 × 9,05 м. Длинной стороной постройка была ориентирована по линии восток — запад. По периметру дом обложен каменной кладкой, имеющей высоту до 1,45 м (илл. 42–48).

Крыша у дома двускатная, покрыта по стропилам (брус 50 × 100 мм) шпунтованными досками с нащельниками. Высота крыши от карниза до конька составляла 1,7 м. В юго-западной части крыши находилось отверстие размером 0,2 × 0,2 м, предназначенное для печной трубы.

Дом был собран из деревянных щитов. Шпунтованные доски щитов дома имели размеры 15 × 160 мм и в соединениях закрыты рейками-нащельниками шириной 50 мм.

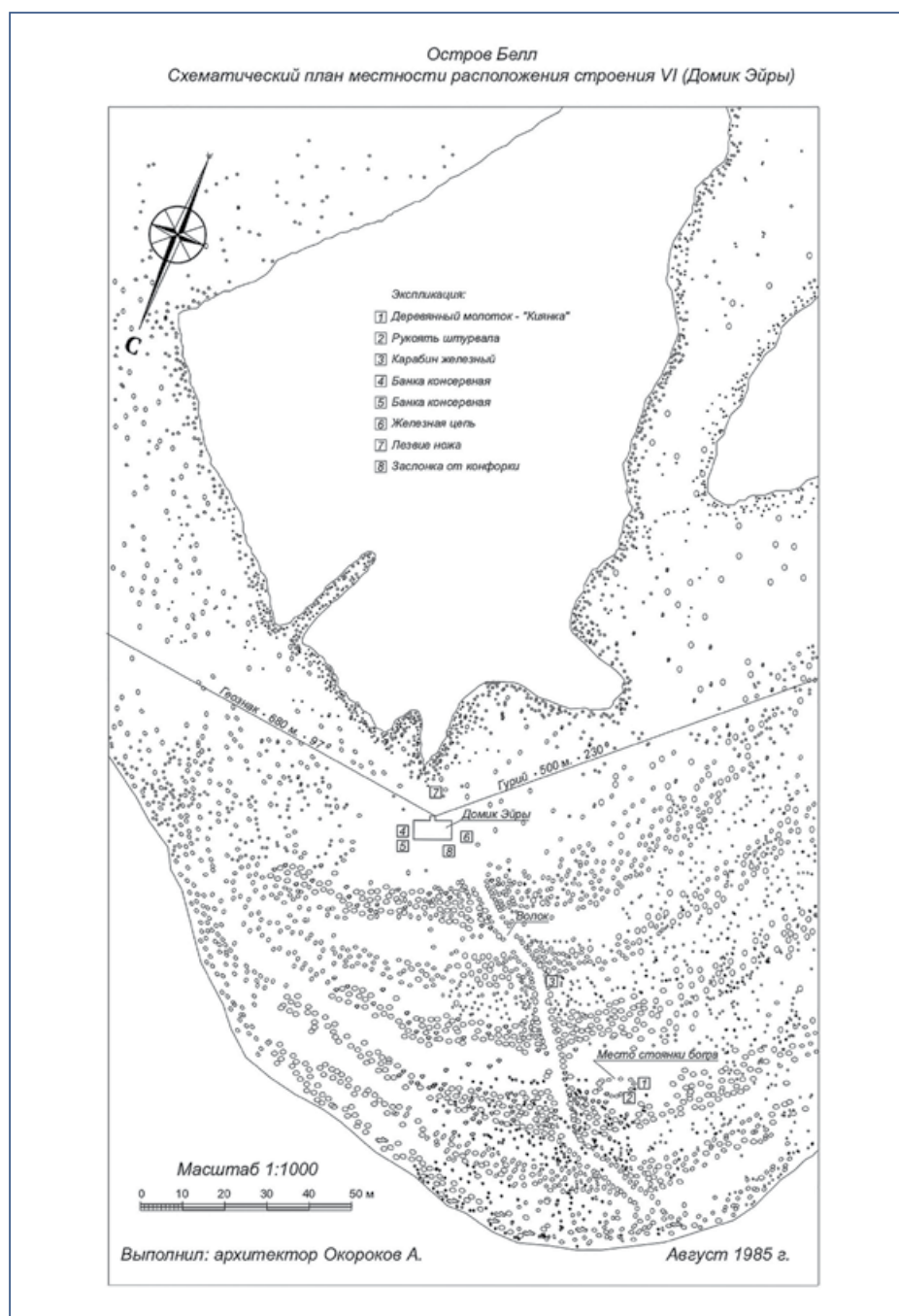
На южном фасаде располагалось два квадратных окна размером 0,8 × 0,8 м, оформленных дощатыми наличниками. Стёкла отсутствовали.

Вход в дом находился с южной стороны и был представлен небольшой пристройкой-сенями к основному зданию. Размеры пристройки 0,96 × 1,15 м. Полотно двери с улицы в сени отсутствовало.

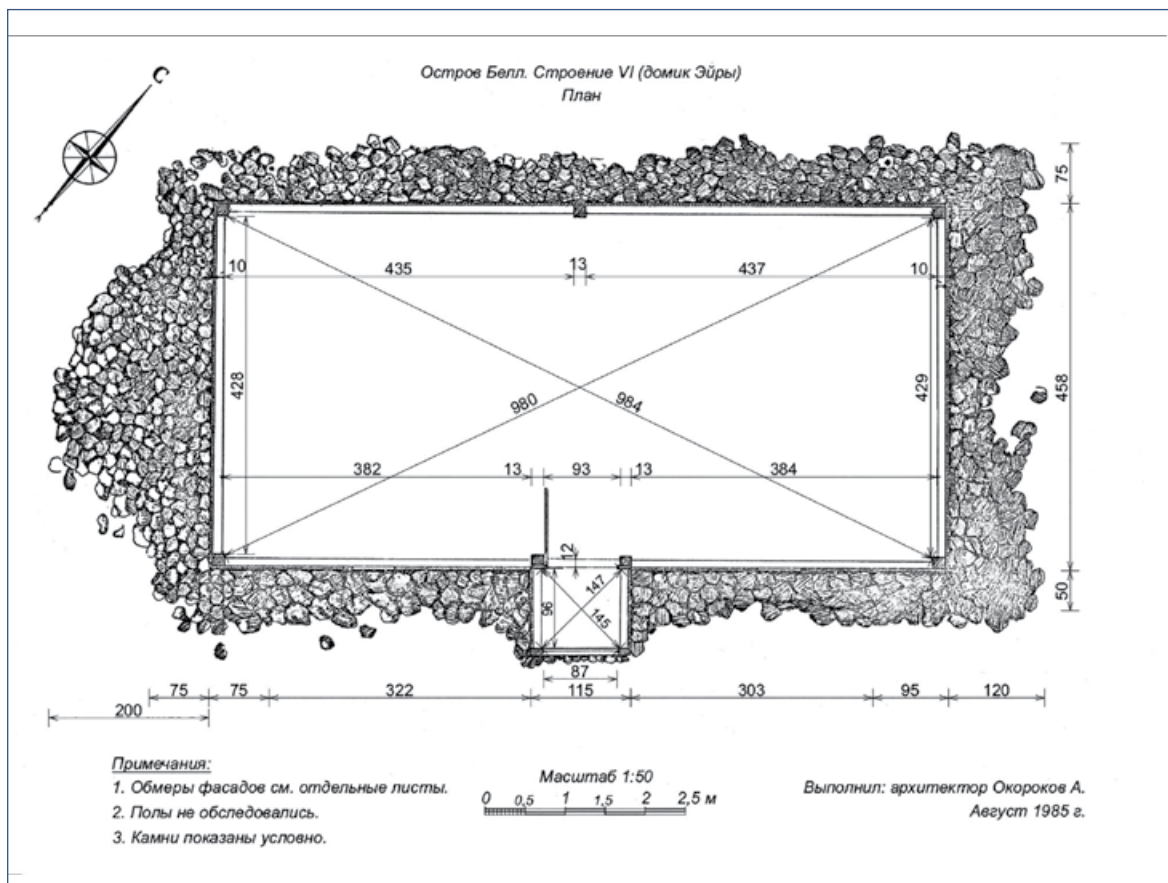
На внутренних стенах дома сохранились многочисленные надписи зарубежных и отечественных исследователей Арктики, начиная с Ли Смита, Ф. Джексона и заканчивая надписями 1980 гг.

От берега моря к дому шла дорога шириной 2 м, устроенная участниками экспедиции. Края дороги были обложены валиками из камней. Высота валиков 0,4–0,7 м. Дорога имела длину по прямой около 90 м. Общее направление дороги: северо-запад — юго-восток.

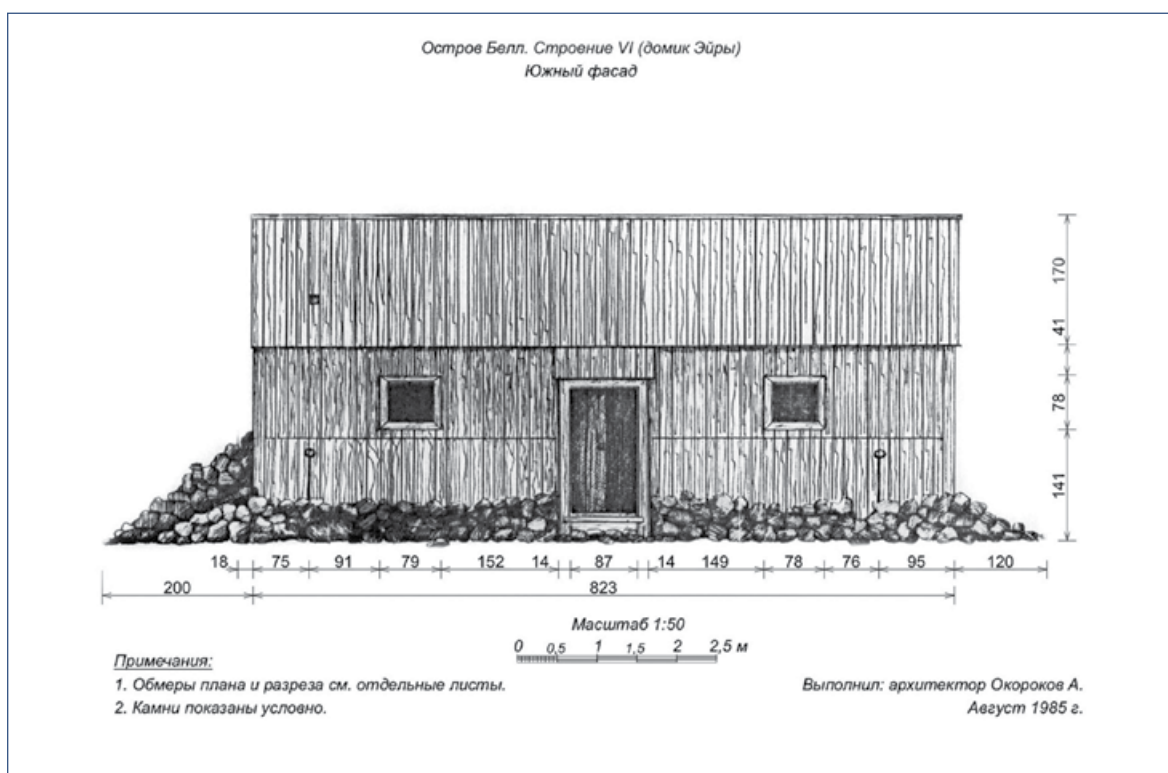
На второй береговой террасе, в 35 м от моря, в 7 м к юго-западу от дороги находилось место стоянки бота, представленное расчищенной от валунов площадкой размером 3 × 8 м, ориентированной по длинной стороне по оси юго-запад — северо-восток.

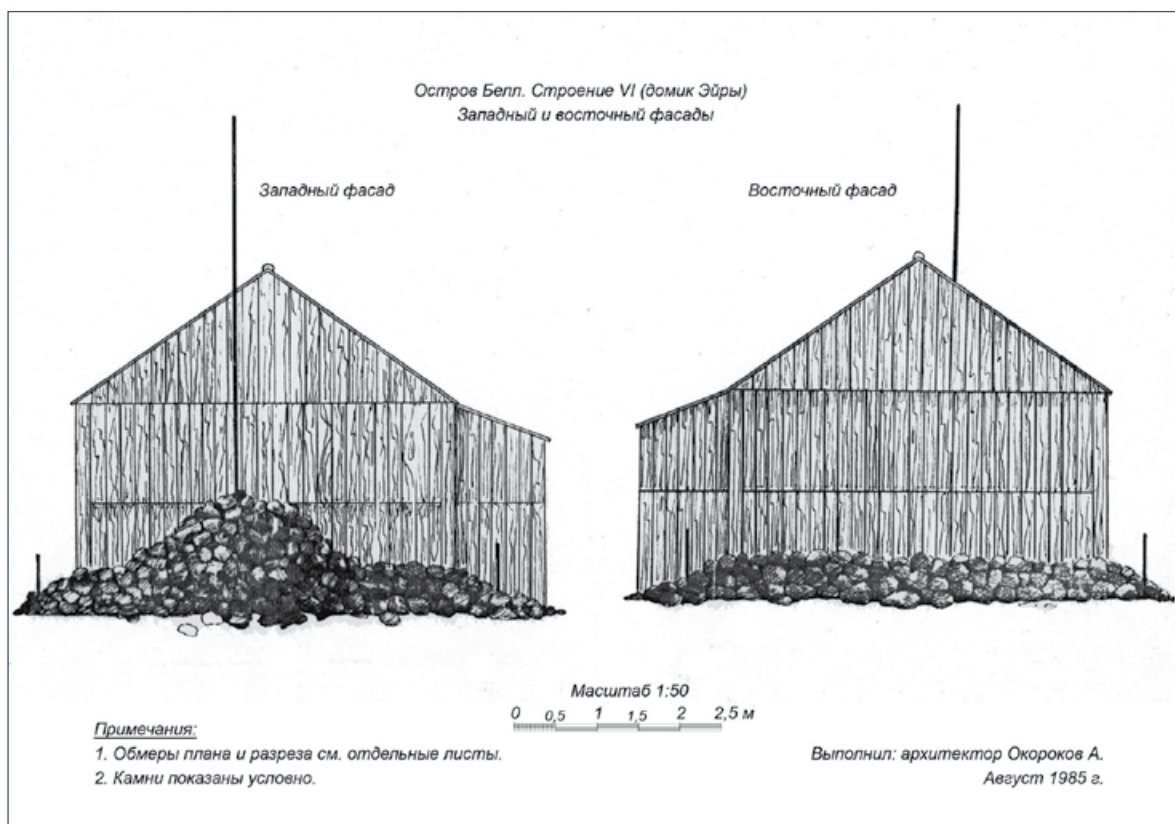
Илл. 41. Остров Белл. Схематический план места расположения «Дома «Эйры». Выполнил А. В. Огороков. АКИЭ ГО, 1985 г.

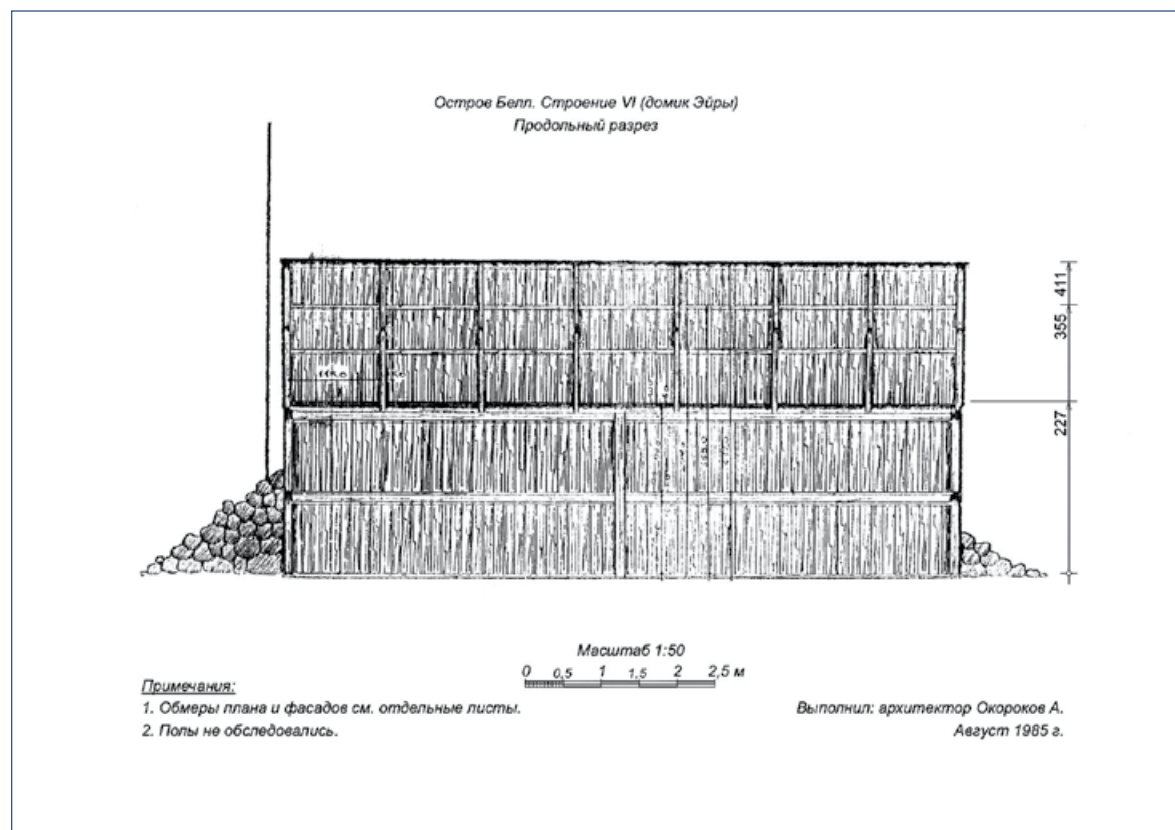
Илл. 42. Остров Белл. «Дом «Эйры». План.
Выполнил А. В. О कोरोков. АКИЭ ГО, 1985 г.

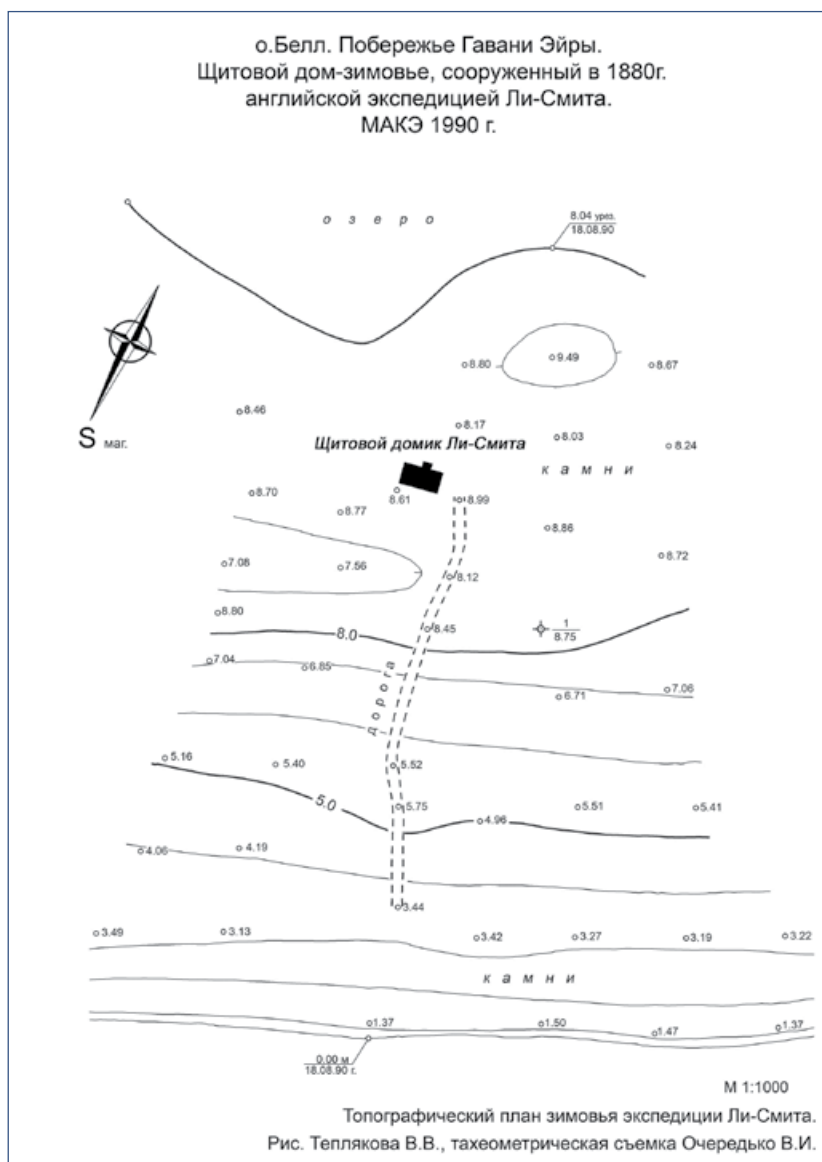
Илл. 43. Остров Белл. «Дом «Эйры». Южный фасад.
Выполнил А. В. О कोरोков. АКИЭ ГО, 1985 г.

Илл. 44. Остров Белл. «Дом «Эйры». Западный и восточный фасады.
Выполнил А. В. Огороков. АКИЭ ГО, 1985 г.

Илл. 45. Остров Белл. «Дом «Эйры». Продольный разрез.
Выполнил А. В. Огороков. АКИЭ ГО, 1985 г.

Илл. 46. Остров Белл. Схематический план места расположения «Дома «Эйры» и «Дороги Ли Смита». Выполнили И.В. Очередько, В.В. Тепляков. МАКЭ, 1990 г.

Илл. 47. Остров Белл. «Дом «Эйры»». Фото Б.А. Новикова. МАКЭ, 1990 г.

Илл. 48. Остров Белл. «Дом «Эйры». Интерьер.
Фото П. Б. Боярского. МАКЭ, 2009 г.

В 1990, 1992, 2005, 2007 гг. «Дом «Эйры» был вторично обследован Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ) (Боярский, Кулиев, 2011. С. 34).

Могила О. Нильсена находится на острове Белл, на расстоянии около 320 м от берега (илл. 49).

Илл. 49. Остров Белл. Фото В. В. Теплякова. МАКЭ, 1990 г.

На острове в ночь с 18 на 19 июля 1914 г. скончался и был захоронен участник отряда В. И. Альбанова, датский моряк Ольгерд Нильсен, нанятый на «Св. Анну» в 1912 г. в Англии. В. И. Альбанов описал его похороны: *«Саженьях в 150 от берега, на первой террасе была сделана могила. Могила эта не была глубокой, так как земля сильно промёрзла; даже камни под верхним слоем так смёрзлись, что без лома невозможно было оторвать их, и нам пришлось только разобрать верхний слой. ... В ней его похоронили, наложив сверху холм из камней»* (Альбанов, 2007. С. 134, 135, 174).

В 1990 г. сотрудники МАКЭ нашли могилу О. Нильсена (Боярский, 2008. С. 278; Боярский, Кулиев, 2011. С. 34). Могила О. Нильсена представляла собой кладку из больших камней подпрямоугольной формы.

ОСТРОВ ЗЕМЛЯ ГЕОРГА

Остров расположен в западной группе островов. Площадь острова 2,7 тыс. км², высота до 416 м над уровнем моря. Покрыт ледником; только северо-западная часть, полуостров Армитидж, свободная суша. Характерной чертой является распространение заливов-фиордов. Свободная суша распространена на п-ов Армитидж и на мысах в основном западного побережья. Поверхность суши прорезают многочисленные водотоки, со стоком в западном направлении. Как правило, их долины параллельны друг другу. Реки мелкие, слабо врезаны, со снежным и ледниковым питанием. Множество озёр, особенно в приледниковой части. Озера мелкие, проточные. Почвенный покров представлен арктическими типичными малогумусными почвами на грубых каменистых грунтах. В растительном покрове господствуют разреженные группировки полярных пустынь. И только в защищённых местах, с накоплением мелкозёма и органики, наблюдается более-менее сомкнутые группировки. На скалистых мысах расположились птичьи базары. В заливе Аспирантов отмечались лёжки моржей, а на западном побережье отмечены медвежьи берлоги (Боярский, Кулиев, 2011. С. 7, 8, 11, 12–16, 18, 21–24) (илл. 1).

Открыт и нанесён на карту в 1896–1897 гг. английской экспедицией под руководством Ф. Джексона. В 1914 г. на острове побывала группа В. И. Альбанова.

В 1985 году прибрежная часть острова была обследована экспедицией под руководством Д. Ф. Кравченко, а в 1990–1992 г. — МАКЭ под руководством П. В. Боярского (Боярский, Кулиев, 2011. С. 33, 34). МАКЭ проводила здесь первые историко-географические эксперименты, направленные на поиск могилы О. Нильсена и пропавших участников пешей партии В. И. Альбанова.

В результате исследований МАКЭ был выявлен ряд объектов культурного наследия на мысе Гранта и мысе Ниля.

Мыс Гранта расположен на юге острова Земля Георга. Мыс представляет собой каменистую площадку, в основании которой находится высокая скала, с обеих сторон подпираемая ледниками. На скале расположен многочисленный птичий базар (Боярский, Кулиев, 2011. С. 15, 18, 24).

Открыт и назван в 1880 г. экспедицией Ли Смита. 12 июля 1895 г. на мысе побывала исследовательская партия экспедиции Джексона. На юго-восточном берегу мыса заложили продовольственное депо на 8 дней на шесть человек. Депо было расположено *«в футе от каменной осыпи и в 12 ярдах от кромки берега [water's edge], покрытое большими камнями. Над депо ... размещался "Union Jack" на бамбуковой палке»*. Участники экспедиции оставили в складе *«для себя или*

для других на случай крайней необходимости — люди с “Фрама” или ещё кто-то возможно будут рады ему однажды: 56 lbs. бисквитов, 14 lbs. тушёнки, 13 lbs. ветчины, 4 lbs. масла, 1 банку чечевицы, 4 банки говяжьего экстракта [beff extract]» (Jackson, 1899. P. 321, 322).

17 июля англичане вскрыли депо, заложенное 13 июля. Под флагом, в оловянной банке, Джексон оставил письмо с просьбой передать его А. Хармсворту. В письме говорилось о выполненных маршрутах. 19 июля Джексон, Армитадж и Чайлд поднялись на вершину мыса и сложили на юго-западной стороне каменную пирамиду. Джексон закрепил в ней Union Jack на бамбуковом флагштоке, к которому подвесил гильзу («450 Henry express cartridge case») с письмом. В нём он сообщал, что «завтра мы попробуем достичь мыса Краутера на вельботе «Мэри Хармсуорт». 20 июля группа экспедиции покинула м. Гранта (Jackson, 1899. P. 328–335).

3 июля 1914 г. на берег мыса высадились морская партия в составе матросов И. Луняева, Е. Шпаковского, О. Нильсена, А. Конрада и штурмана В. Альбанова. Здесь группа находилась до 5 июля в ожидании береговой партии, а потом отправилась на о. Белл. 15 июля А. Конрад на каяке подходил к мысу Гранта, но береговой партии не нашёл (Альбанов, 2007. С. 129, 132, 175). С 1990 г. МАКЭ в районе о. Белл до м. Гранта и далее до м. Ниля и м. Мэри Хармсворт отрабатывала поэтапно историко-географический эксперимент, направленный на поиск пропавшей группы В. И. Альбанова.

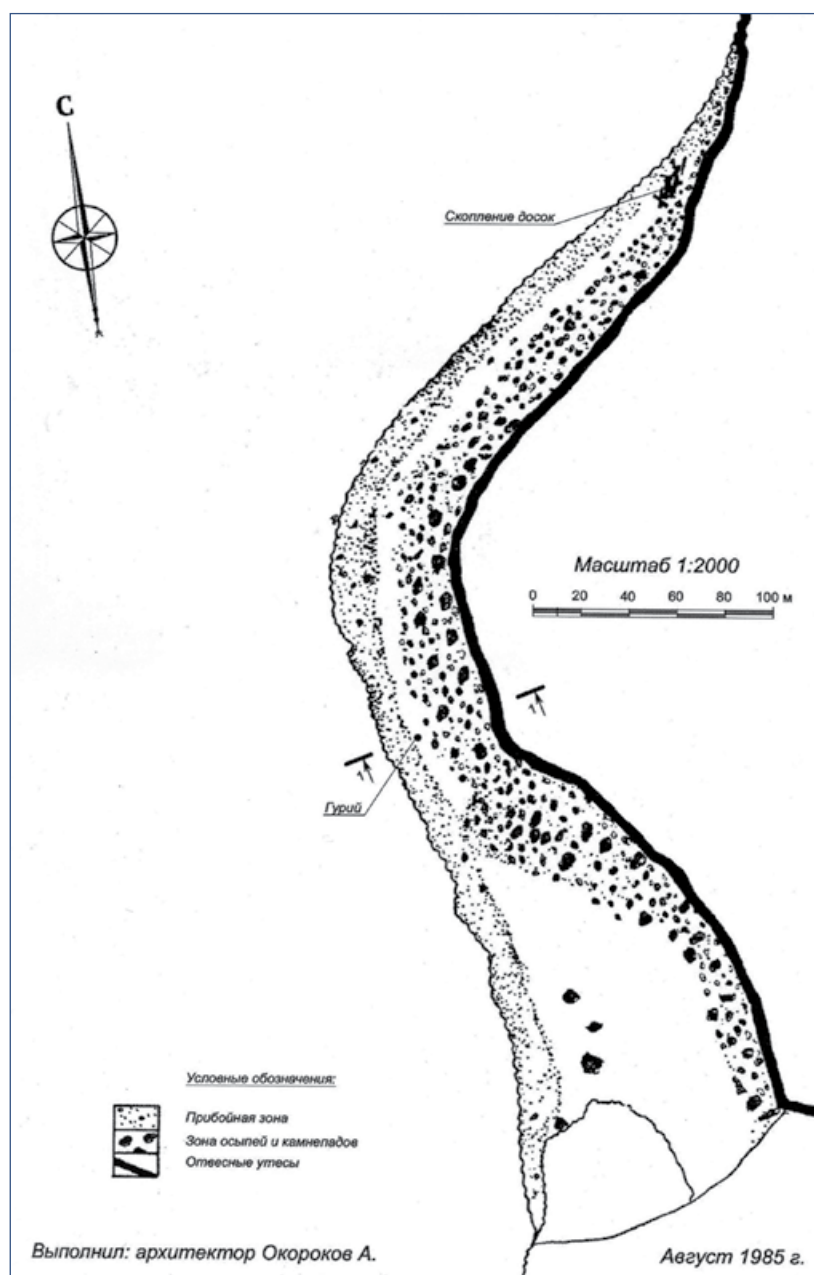
Мыс Ниля расположен на западе о. Земля Георга (илл. 50; 51). Мыс представляет собой небольшую площадку, постепенно повышающуюся по мере удаления от берега. Территория мыса сплошь задернована толстым слоем мха, её пересекают несколько ручьёв, стекая с гор и впадая в море. С двух сторон мыс защищён высокими отвесными базальтовыми утёсами. С третьей стороны возвышается узкая масса ледника (Боярский, Кулиев, 2011. С. 24). На скалах мыса расположен птичий базар, о котором упоминал В. И. Альбанов в своём дневнике (Альбанов, 2007. С. 122).

Открыт и нанесён на карту в 1880 г. английской экспедицией Ли Смита. 22 июля 1895 г. на мысе высадились группа экспедиции Ф. Джексона. 23 июля на юго-восточной стороне мыса, рядом с лагерем, они сделали гурий, на котором Джексон установил Union Jack. В гурий была положена оловянная банка с письмом следующего содержания: «Полярная экспедиция Джексона — Хармсуорта. Мы, нижеупомянутые шесть членов экспедиции прибыли сюда из Эльмвуда на мысе Флора, на вельботе “Мэри Хармсуорт” в 10.45. утра 22 июля 1895.

Мы высаживались на всех мысах между этим местом и мысом Флора, оставляя записки и “Union Jack” на каждом из них.

Мы внимательно картировали все береговые линии. Мы намереваемся попытаться обойти мысы Лудлов и Лофли. [Подписи] А. Б. Армитадж, Р. Кеттлиш, Г. Фишер, Д. Ф. Чайлд, К. Блоквист, Фредерик Г. Джексон, начальник экспедиции».

К флагштоку Джексон прикрепил записку в гильзе патрона «450 Henry Express» следующего содержания: «Полярная экспедиция Джексона — Хармсуорта. Письмо в банке спрятано рядом с флагом под этими камнями. После прочтения, пожалуйста, положите на место и пошлите копию мистеру Хармсуорту. Фредерик Г. Джексон. Начальник экспедиции». На вершине мыса участники экспедиции соорудили гурий, куда положили банку с письмом, в котором сообщали о своих планах. На мысе участники экспедиции выполняли различные научные исследования (Jackson, 1899. P. 339–345).

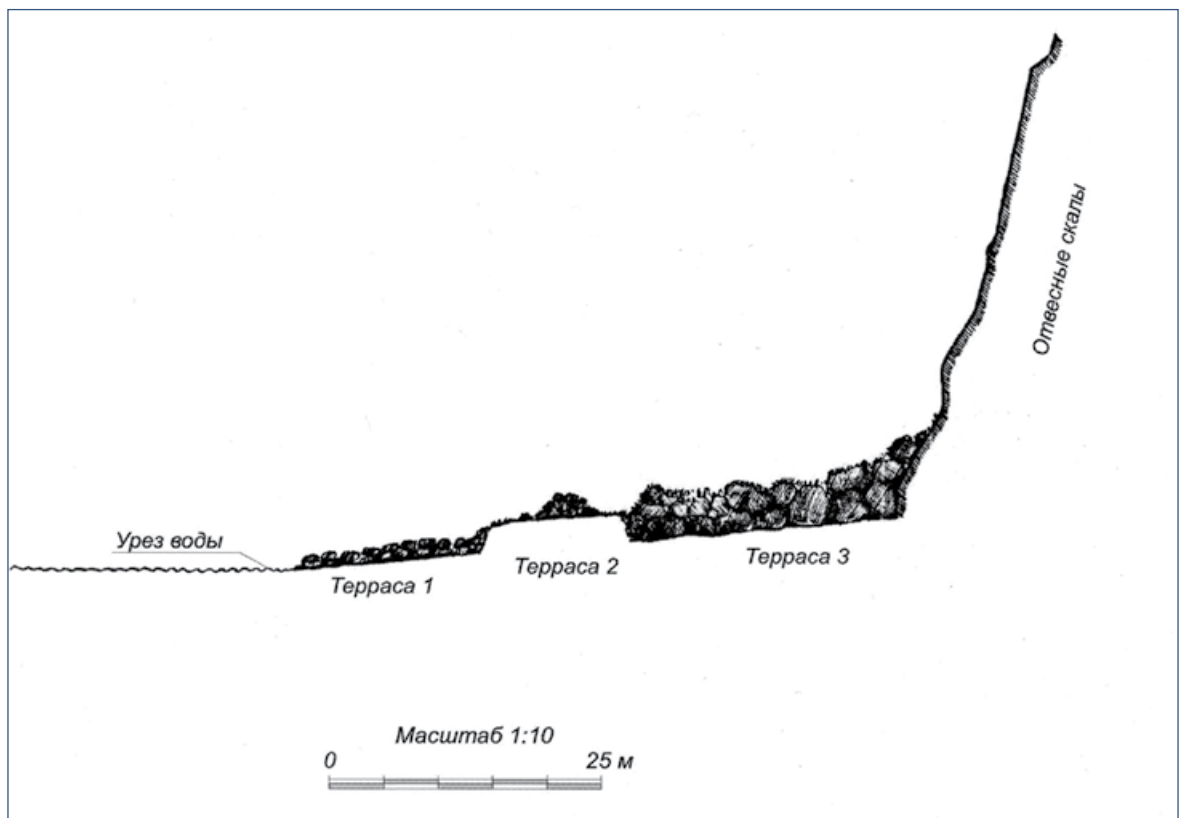

Илл. 50. Остров Белл. Мыс Ниля. Схематический план местности.
Выполнил А. В. Окорок. АКИЭ ГО, 1985 г.

1 июля 1914 г. на мыс высадилась морская группа отряда В. И. Альбанова. Здесь была намечена встреча группы с береговой партией отряда, которая пришла во временный лагерь к вечеру того же дня. 2 июля отряд опять разделился — В. И. Альбанов с морской партией отправился к мысу Гранта, где была назначена новая встреча с береговой партией (Альбанов, 2007. С. 121, 123, 127).

В 1985 г. объект был исследован АКИЭ ГО под руководством Д. Ф. Кравченко. В 1990 г. мыс был исследован МАКЭ с целью планирования похода на восток для поиска погибшей неподалёку на леднике пешей партии В. И. Альбанова. Летом 2010 г. район м. Ниля исследовала комплексная экспедиция «По следам двух капитанов» клуба «Живая природа» под руководством О. Л. Продана.

Останки участника экспедиции Г. Л. Брусилова. Были найдены летом 2010 г. экспедицией под руководством О. Л. Продана в 1 км к юго-юго-востоку от м. Ниля, у безымянного скального массива. В процессе работ под руководством ар-

Илл. 51. Остров Белл. Мыс Нуля. Разрез. Выполнил А. В. Окоркоков. АКИЭ ГО, 1985 г.

хеолога А. А. Дановского из каменной осыпи были извлечены останки человека, личные вещи и снаряжение.

Костяк лежал на спине, головой на северо-восток, частично вмёрз в лёд, сверху в нескольких местах был придавлен крупными камнями. Сохранилась часть скелета от шейного отдела позвоночника до коленных суставов. Отсутствовали череп, кисти рук, стопы ног. Несколько костей, в том числе фрагмент лопатки и берцовые кости, найдены поблизости. Расположение предметов и их состояние указывает на то, что костяк и остальные находки первоначально находились на гребне морены, однако свалились вниз при её смещении, связанном с постоянным движением ледника. Впоследствии останки были завалены камнями, упавшими при обвалах скал или при очередном смещении морены. Кости черепа и конечностей были растащены и уничтожены животными, скорее всего, песцами.

Среди вещевого материала были: фрагменты ткани (остатки одежды) и обуви, железное кольцо (фурнитура одежды или сумки), ремень кожаный и ременной разделитель железный, ремень поясной из брезента (с металлической пряжкой, наконечником и люверсами), фрагментированная брезентовая сумка-рюкзак с кожаными ремнями, металлические карманные часы с разбитым стеклом, металлический свисток с маркировкой «The Acme Thunderer» (производство: Англия) с продетым в петлю шнурком, деформированное жестяное ведро, ложка с процарапанными инициалами «П. С.», очки из бутылочного стекла в тканевой оправе с лямками, фрагмент снегоступа (из дерева, кожи, металлического кольца), железный нож с деревянной рукояткой, патроны с маркировкой 1910–1911 гг., фрагменты тетради с сохранившимися записями, кружка металлическая эмалированная (илл. 52; 53). Все находки в комплексе датируются началом XX в. По ложке с инициалами «П. С.» и часам исследователи определили, что останки принадлежали матросу Павлу Смиренникову, члену группы Альбанова.

*Илл. 52. Остров Белл. Мыс Ниля. Место находки останков участника группы Альбанова.
Фото А.А.Дановского. 2010 г.*

*Илл. 53. Остров Белл. Мыс Ниля. Находки с места находки останков участника группы Альбанова.
Фото А.А.Дановского. 2010 г.*

Обнаруженный археологический материал А. А. Дановский охарактеризовал как единовременный закрытый археологический комплекс, связанный с группой участников экспедиции Г. Л. Брусилова 1912–1914 гг. (Продан, 2011. С. 108–110; Дановский, 2011. С. 118; Земля ..., 2013. С. 644–647; Дановский, 2015. С. 27–28).

ОСТРОВ ЗЕМЛЯ ВИЛЬЧЕКА

Расположен в восточной группе островов. Площадь острова составляет около 2 тыс. км², плоскогорье с высотами до 606 м, покрыто ледником. Берега в основном ледяные — барьеры. Только по мысам появляются небольшие участки суши: Виллас, Ламон, Хефера, Ганза, Геллера и за бухтой Бентсона. Берега часто обрывистые: мыс Шмарда, Виллас, Ламон, и пологие: мыс Хефера, Ганза, Геллера. Для пологих берегов характерно развитие речной сети с приледниковыми озерами. На каменистых поверхностях развиваются арктические типичные малогумусные почвы. На этих почвах господствуют щебнистые арктические пустыни. С зандровыми полями связаны пустынно-арктические почвы с песчаными арктическими пустынями. На южных мысах острова обнаружены берлоги белого медведя. На мысе Ганза находится птичий базар (Боярский, Кулиев, 2011. С. 7, 8, 10, 12–15, 17, 20, 21, 26).

Остров открыт австро-венгерской экспедицией Вайпрехта — Пайера 30 августа 1873 года (Визе, 1932. С. 80). Был исследован МАКЭ в 1990 и 1905 гг. (Боярский, Кулиев, 2011. С. 33).

Остатки продовольственного депо «Форт Мак-Кинли» находятся на мысе Геллера (илл. 54–56) о-ва Земля Вильчека. Объект расположен на расстоянии около 100 м от берега на высоте около 12 м от уреза воды, в 6 м к югу от подножья террасы, которая в этом месте имеет высоту около 10 м. Терраса, на которой расположена постройка, покрыта обломочным материалом.

Осенью 1898 г. участники американской экспедиции под руководством У. Уэльмана на северо-западном мысе Земли Вильчека (80 км от мыса Тегетгоф) заложили продовольственный склад, названный «Фортом Мак-Кинли». Склад был построен из больших камней и накрыт шкурами моржей. Температура внутри «форта» в зимнее время держалась ниже минус 10 °С.

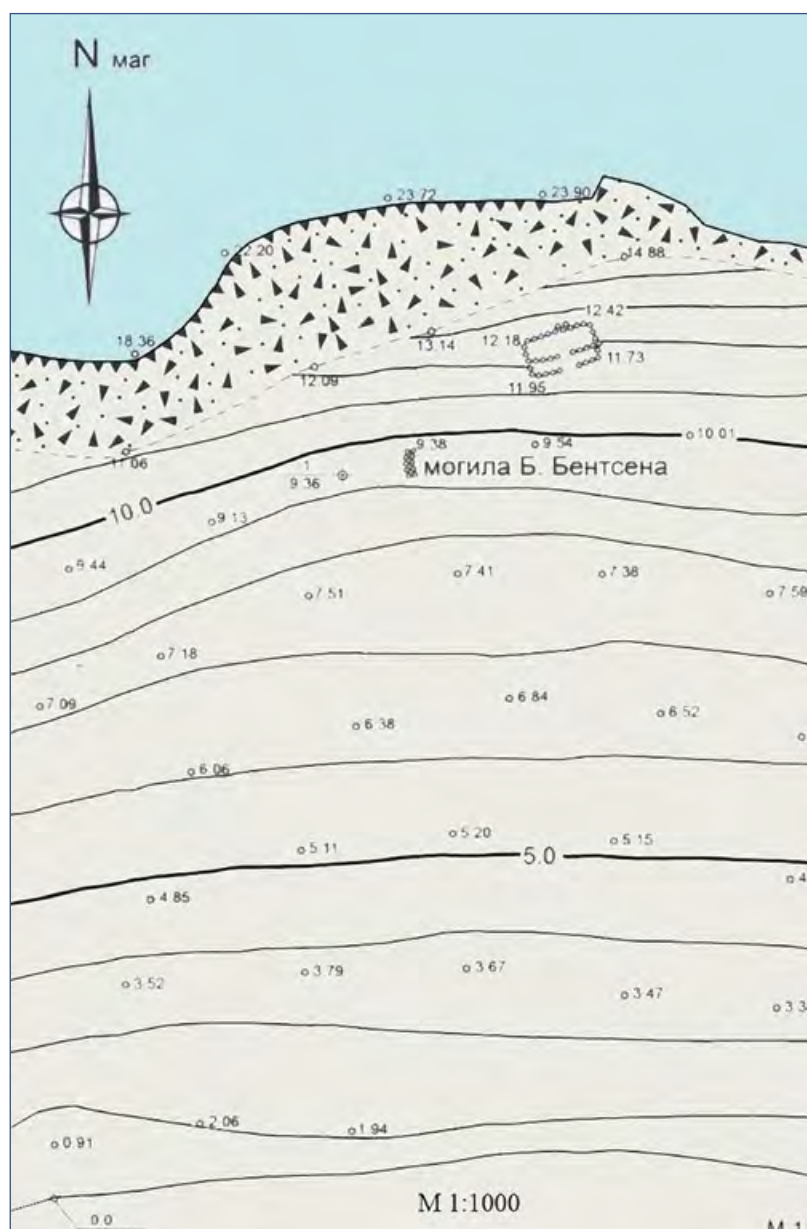
Его остались охранять два норвежца — Б. Бентсен и Бьервиг. Бентсен умер в январе 1899 г., но был похоронен только весной, когда к складу пришёл У. Уэльман, направлявшийся к полюсу (Боярский, Кулиев, 2011. С. 43, 44).

В апреле 1932 г. полярники станции Тихая под руководством М. Иванычука (геоморфолог, зам. начальника станции), выполняя исследования архипелага, побывали на мысе Геллера и осмотрели остатки «форта»: *«Издали заметна длинная базальтовая стена... Около её подошвы чернели камни, сложенные человеческой рукой. Мы догадались, что это остатки форта Мак-Кинлея времён экспедиции Уэльмана...: 4-гранный фасад из базальтовых глыб и два куска плавника»* (Иванычук, 1934. С. 85, 87).

Весной 1933 г. остатки склада осмотрела группа советских исследователей со станции в бухте Тихой. Здесь советские полярники в юго-восточном углу руин склада заложили продовольственное депо — около 200 кг медвежьего мяса (Фёдоров, 1979. С. 84)

В 1960 г. сотрудники Гидрографической экспедиции СССР установили на мысе Геллера деревянный обелиск с мемориальной табличкой. Памятная стела в виде деревянного, заострённого вверх столба с мраморной табличкой, на которой указано, что на мысе Галлера зимовали норвежские участники американской экспедиции 1898–1899 гг. под начальством У. Уэльмана — Бентсен и Бьервиг.

Остатки строения склада сохранились до наших дней. В 1990, 2005 гг. были исследованы сотрудниками МАКЭ (Боярский, 1990. С. 42; (Боярский, 1990 а. С. 146; Новая Земля, 1993. С. 229; Боярский, Кулиев, 2011. С. 33).

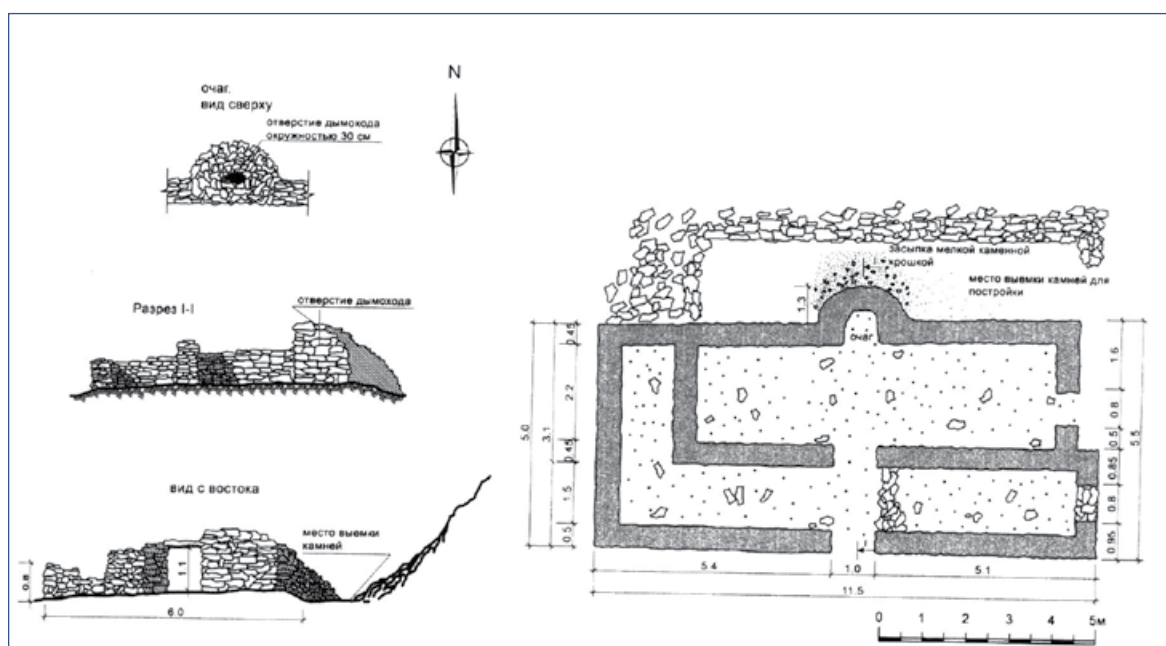

Илл. 54. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера. Топографический план «Форт Мак-Кинли» 1898–1899 гг. Выполнен И. В. Очередыко и В. В. Тепляковым. МАКЭ, 1990 г.

Е. К. Фёдоров, который с группой исследователей посетил весной 1933 г. остатки склада, так описывал их в своём дневнике: «Остатки хижины представлял угол стены, сложенной из выветрившегося сланца без всякой прокладки. Заметны отверстия окон и двери. В середине торчит деревянный столб, побелевший, источенный, вероятно, из плавникового леса, около 10 сантиметров диаметром. В него сбоку всажены медный гвоздь с широкой шляпкой. Такой же, как в хижине Болдуина на острове Алджер. ...»

Разрыли юго-восточный угол хижины — скорее это была пристройка к ней — до пола. Там нашли ржавые жестянки из-под какао и консервов и какую-то ткань, вероятно, палатку, слежавшуюся и гнилую. Я её принял вначале за труп. И больше ничего» (Фёдоров, 1979. С. 84).

На период исследования 1990 г. объект представлял собой остатки постройки прямоугольной формы, вытянутой по оси восток — запад, размером 5,5 × 11,5 м. Стены, сохранившиеся на высоту 0,8–1,5 м, сложены из больших плоских кам-

*Илл. 55. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера. «Форт Мак-Кинли».
Рис. С.А.Галеева. МАКЭ, 1990 г.*

*Илл. 56. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера. «Форт Мак-Кинли». Вид с запада.
Фото Б.А.Новикова. МАКЭ, 1990 г.*

ней и имеют ширину около 0,5 м. Место выемки камней для постройки склада находится у северной стены объекта. Внутри склад делится на два помещения.

Первое помещение (жилое?) находится в северной части постройки и имеет прямоугольную форму, вытянутую по оси восток — запад и имеющую размер $8,25 \times 4,2$ м. В средней части северной стены расположен встроенный очаг. Стена очага полукругом выступает из стены здания на расстояние 1,3 м и составляет

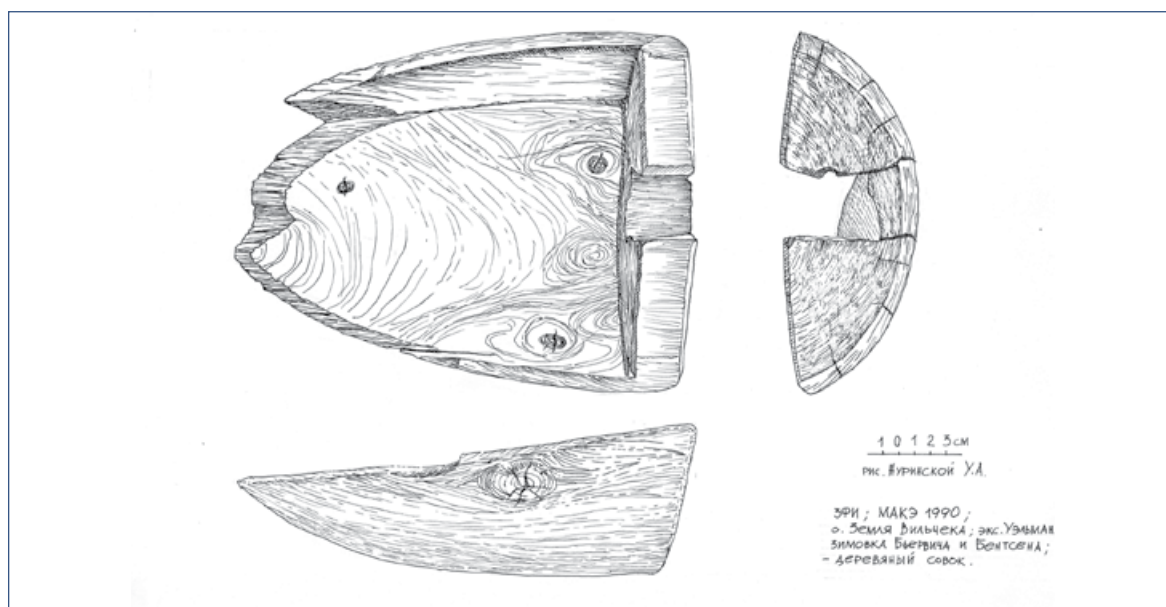
с ней одно целое. Топка очага имеет размеры $0,75 \times 0,75$. Высота свода топки 1,25 м. Очаг имеет обложенный камнями дымоход диаметром 0,3 м.

Внутри жилого помещения беспорядочно лежат брёвна и толстые доски от перекрытия крыши, большие плоские камни, упавшие со стены.

Вход в помещение находится с восточной стороны и имеет размеры $0,8 \times 1,10$ м. С южной стороны находится дверной проём шириной 1,0 м, ведущий в соседнее помещение (нежилое).

Второе помещение расположено в южной части постройки и имеет форму буквы «Г» с перекладиной в западной части, развёрнутой к северу. Размеры южной части помещения составляют $10,5 \times 1,5$ м, размеры западной части $4,05 \times 1,5$ м.

На территории памятника был собран подъёмный материал — личные вещи Бентсона и Бьервига, экспедиционное снаряжение (илл. 56; 57) (Боярский, 1990. С. 42–43; Боярский, 1990 а. С. 146; Боярский, Кулиев, 2011. С. 33).

Илл. 57. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера. «Форт Мак-Кинли». Деревянный совок. МАКЭ, 1990 г.

Илл. 58. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера. «Форт Мак-Кинли». Ножницы и булавка. МАКЭ, 1990 г.

В 2005 г. МАКЭ нашла его значительно более разрушенным из-за проникновения вовнутрь арктических туристов.

Могила Бернта Бентсена расположена на ровной каменистой оконечности м. Геллера о-ва Земля Вильчека. Расстояние от объекта до береговой линии составляет 90–100 м (илл. 57–62).

«Форт Мак-Кинли», созданный как продуктовое депо экспедиции У. Уэльмана, охраняли норвежцы Бентсен и Бьервиг. Зимой 1898 г. Бентсен заболел и в начале января 1899 г. умер. Весной к складу вышла группа У. Уэльмана и на следующий день Бентсен был похоронен.

В апреле 1932 г. полярники со станции Тихая, выполняя исследования архипелага, поставили свой лагерь на мысе: «*Наша экспедиция разбила палатку около могилы Бентсена. На могиле лежала базальтовая плита, положенная Бьервигом. На кресте не было поперечника; на нём легко можно было прочесть год*» (Иванычук, 1934. С. 87).

Весной 1933 г. могилу осмотрела группа советских исследователей со станции в бухте Тихой. Е. К. Фёдоров записал в дневнике: «*Подходя к косе, заметил какой-то одинокий колышек, чернеющий на снегу. Принял за крест над могилой. ... Колышек торчал из снега на 30 см. Это вероятно был обломок шлюпочного весла или руля. ... Подробно обследовал колышек. Колышек действительно остаток креста. На обращённой к югу его части вырезаны инициалы Бентсена и дата его смерти — 2 января 1899 г.*» (Фёдоров, 1979. С. 84).

В 1960 г. участники Гидрографической экспедиции СССР перезахоронили останки Б. Бентсена и установили на могиле деревянный обелиск, сделанный из досок. На лицевой части памятника была закреплена мраморная табличка размером 20 × 30 см с надписью (Боярский, Кулиев, 2011, с. 33):

«**БЕРНТ БЕНТСОН**
Norge
1899
экспедиция на п/х «Фритъоф»
USA

гидрографическая экспедиция
СССР
1960».

В 1990 г. объект был исследован МАКЭ (Боярский, 1990. С. 42–43; Боярский, 1990 а. С. 146; Боярский, Кулиев, 2011. С. 33).

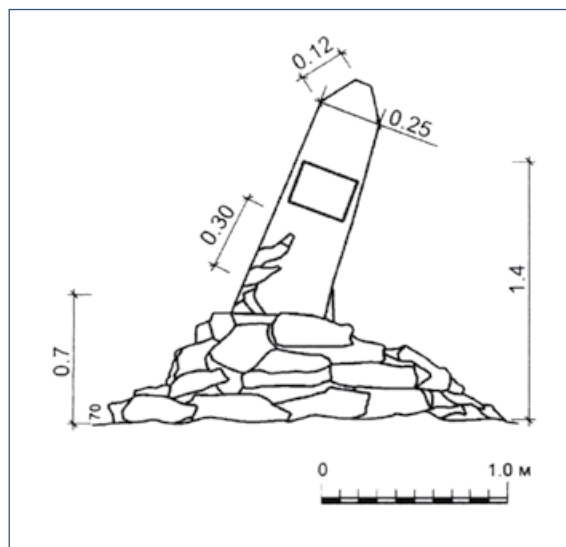
Насыпь могилы состояла из больших плоских камней сланца. Высота насыпи от дневной поверхности около 70 см, ширина около 200 см, длина около 300 см. Поперёк средней части каменной насыпи закреплена железная цепочка с застёжками-карабинами.

В северной части насыпи был закреплён памятник в виде стелы подтрапези-евидной формы с усечённой вершиной, сделанный из толстых досок. Памятник чуть наклонён в восточную сторону. Высота от дневной поверхности до вершины обелиска 140 см. Нижнюю половину лицевой части памятника украшали бронзовые ветви. При фиксации памятника МАКЭ в 1990 г. они были целы. В 2005 г. эти ветви отсутствовали — остались только незначительные их фрагменты в местах крепления к деревянной основе. По местам изломов видно, что эти металлические детали были грубо выломаны или вырублены с памятника. Этот акт вандализма был зафиксирован сотрудниками МАКЭ.

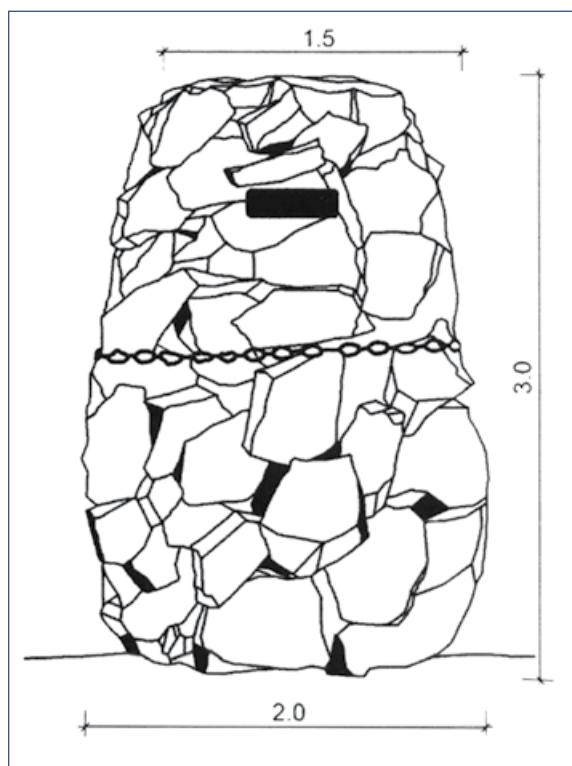
Могила была частично подправлена МАКЭ в 1990 и 2005 гг. (положены дополнительные большие плоские камни и выровнена деревянная стена). Остатки первоначального захоронения Б. Бентсена, проведённого в марте 1899 г., находятся рядом с его новой могилой.

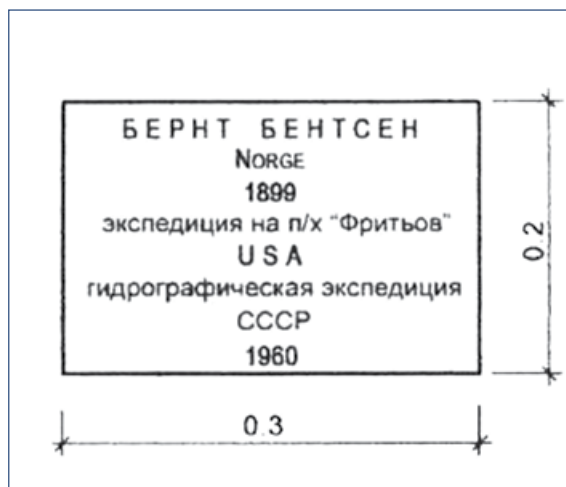
Илл. 59. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера.
Могила Б. Бентсена.
Фото Б.А.Новикова. МАКЭ, 1990 г.

Илл. 60. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера.
Могила Б. Бентсена.
Рис. В.В.Теплякова. МАКЭ, 1990 г.

Илл. 61. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера.
Каменная кладка могилы Б. Бентсена.
Рис. В.В.Теплякова. МАКЭ, 1990 г.

Илл. 62. Остров Земля Вильчека. Мыс Геллера.
Табличка на обелиске могилы Б.
Бентсена. Рис. В.В.Теплякова. МАКЭ, 1990 г.

ОСТРОВ ДЖЕКSONA

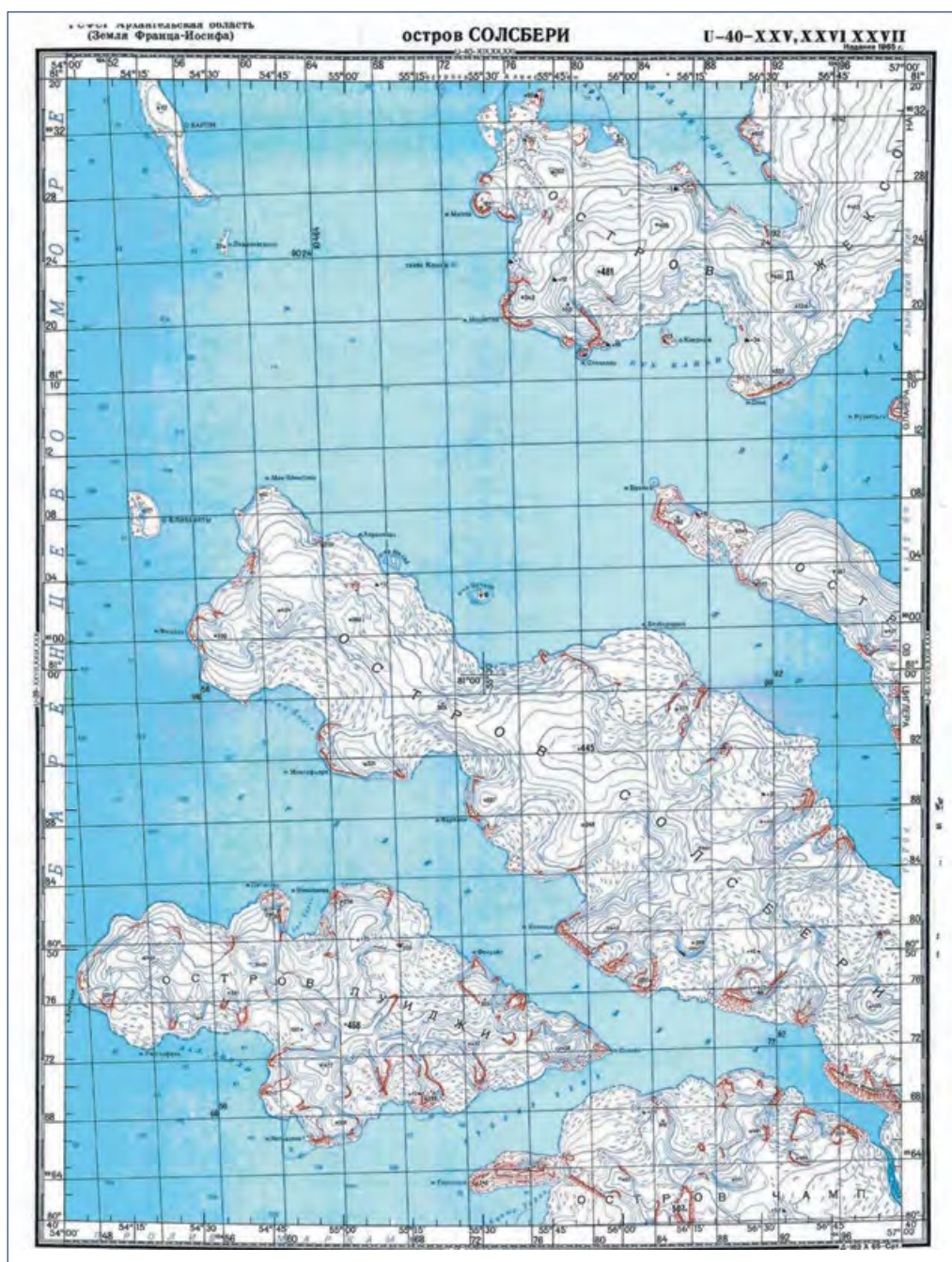
Остров расположен в северо-западной части архипелага. Протяжённость его ограничена мысом Быстрова (Боярский, Кулиев, 2011. С. 20–22).

Открыт и приблизительно нанесён на карту в 1895 г. участниками экспедиции в честь руководителя экспедиции Ф. Джексона (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31) (илл. 63).

В зиму 1895–1896 гг. на острове в полуземлянке-убежище зимовали Ф. Нансен и Я. Иогансен.

Был исследован МАКЭ в 2005, 2007 гг. (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

В результате были выявлены и зафиксированы остатки зимовья Ф. Нансена и Я. Иогансена.

Илл. 63. Остров Джексона. Мыс Норвегия. Карта

Зимовье Ф. Нансена и Я. Иогансена расположено на о-ве Джексона, на первой морской террасе, под высоким обрывистым берегом высотой около 10–12 м. Поверхность террасы, на которой расположен памятник, поросла мхами и лишайниками, покрывающими грубообломочный материал, лежащий на террасе. Терраса полого опускается к морскому берегу. Географические координаты: 81° 12′ 045″ с. ш., 55° 33′ 686″ в. д. (илл. 64–65).

Илл. 64. Остров Джексона. Мыс Норвегия. Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

Илл. 65. Остров Джексона. Мыс Норвегия. Остатки зимовья Нансена – Иогансена 1895–1896 гг. Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

28 сентября 1895 г., после неудачного похода к Северному полюсу, острова достигли Ф. Нансен и Я. Иогансен. Здесь они из камней, мха и моржовых и медвежьих шкур построили полуземлянку, матицей для которой служило плавниковое бревно, принесённое с берега. Яму для жилища они рыли в каменистом грунте при помощи кирки из моржового клыка и приспособленной под лопату лопатки моржа. Стены были сложены на высоту до 100 см из крупных камней. Щели между камнями были заделаны мхом, кусками шкур и снегом. Небольшой вход-коридор, вырытый в земле, был прикрыт сверху кусками льдин. Лежаки были также сделаны из камней (Визе, 1932. С. 126–127; Нансен, 1956. С. 331). Построив зимовье, путешественники несколько недель занимались охотой на моржей и белых медведей, обеспечив себя мясом и салом на долгую зиму. Остров зимовщики покинули 19 мая 1896 г. Лишь исключительное мужество, вера в свои силы и неистощимая жажда жизни помогли Нансену и его спутнику выстоять в тяжелейших условиях (Пасецкий, 1997. С. 113).

В 2007 г. территория зимовья была исследована МАКЭ (Барышев, Боярский и др., 2007. С. 20–21; Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

Памятник расположен на первой морской террасе, имеющей ровную, слегка покатую к морю, поверхность. Остатки зимовья представлены углублением (полуземлянка) в каменистом грунте размером 300 × 180 см. Стенки жилища, сложенные из камней, достигавшие в высоту 100 см, рухнули, и их камни лежат внутри и по периметру жилища. Яму жилища перекрывает толстое бревно плавника длиной около 3,5 м и диаметром около 30 см. В бревне осталось несколько саморезов из цветного металла (латуни?), которыми к нему крепились шкуры. Рядом с остатками зимовья найдены кости медведя и моржа, мясом и салом которых питались зимовщики. На некоторых лопатках видны следы сильной срабатанности. Видимо, это и были те лопатки, при помощи которых зимовщики рыли котлован жилища (Барышев, Боярский и др., 2007. С. 20, 21).

ОСТРОВ РУДОЛЬФА

Остров Рудольфа — самый северный остров архипелага. Площадь острова 297 км², высотой до 461 м, покрыт ледником. Только на мысе Столбовом небольшой участок свободной суши. Остров сложен песчаниками и базальтами. Берега ледяные — барьеры. На юге изо льда возвышаются отдельные скалы-останцы, а на мысах Аук и Бророк — отвесные скалы абразионных уступов (илл. 66). На них находятся птичьи базары (Боярский, Кулиев, 2011. С. 15–7, 21, 22, 26).

Остров открыт весной 1874 г. санным отрядом австрийской экспедиции под руководством Пайера и назван именем кронпринца Рудольфа (Фёдоров, 1979. С. 80, 81, 92).

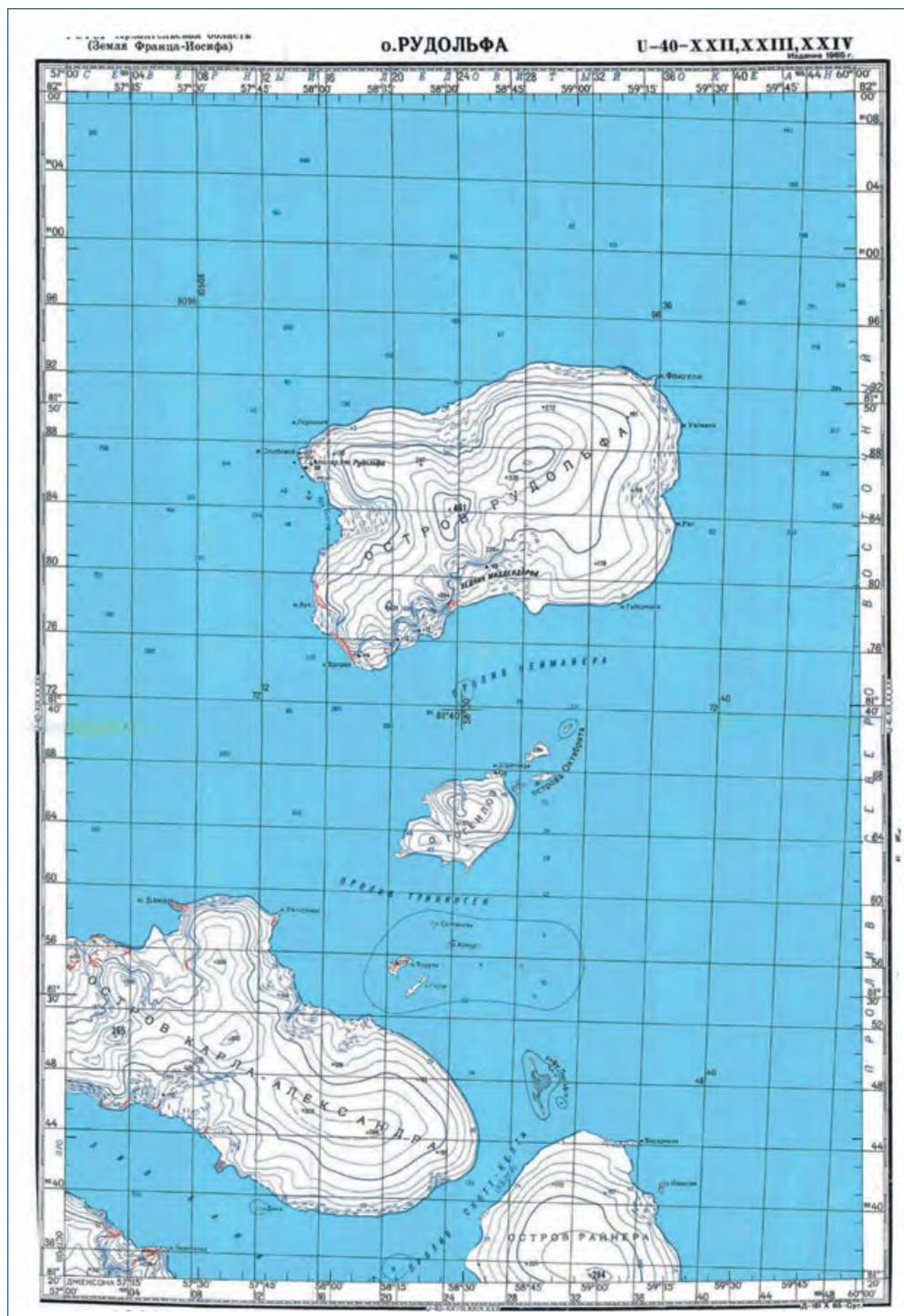
В 1901 г. американской экспедицией Э. Фиалы на острове было устроено продовольственное депо (Есипов, 1935. С. 22).

23 августа 1929 г. к острову подошёл ледокольный пароход «Седов» с экспедицией под руководством О. Ю. Шмидта, а летом 1930 г. — ледокольный пароход «Малыгин» с первыми арктическими туристами на борту (Визе, 1932. С. 152).

Был исследован МАКЭ в 2007 г. (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

Объекты культурного наследия были зафиксированы на мысу Столбовой, в прибрежной зоне бухты Теплиц, мысе Аук, мысе Бророк и мысе Флигели.

Мыс Столбовой расположен на северо-западе-западе острова Рудольфа. Мыс представляет собой террасированный склон у подножья абразионного уступа. По-

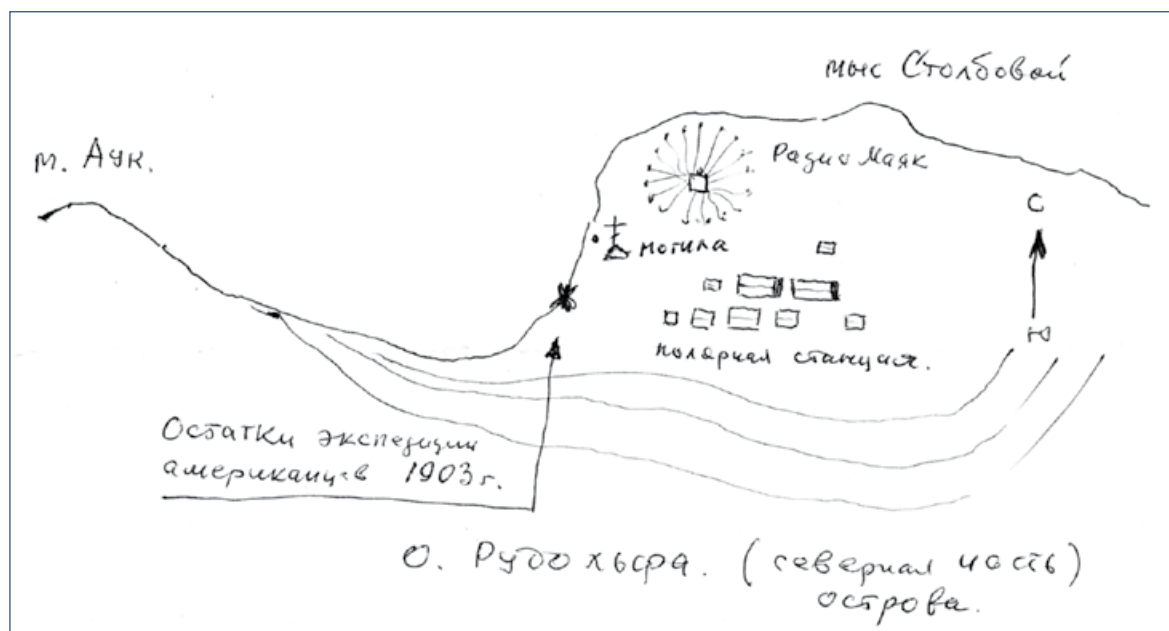
Илл. 66. Остров Рудольфа. Карта

верхность террас выровнена, имеет небольшой уклон к берегу, щебнистая. На террасах формируются группировки мохово-лишайниковых арктических пустынь. Под скалами распространены неустойчивые щебнисто-глыбовые осыпи. На них появляются накипные лишайники на обломках породы, кустистые лишайники, мхи, одиночные дерновинки цветковых растений. На скалах расположен птичий базар из глупыша, люрика, чистика — 450 птиц (Боярский, Кулиев, 2011. С. 21, 26).

Мыс Столбовой открыт и нанесён на карту в 1874 г. одним из руководителей австро-венгерской полярной экспедиции Ю. Пайером. Здесь находился их кра-

тквременный лагерь при возвращении из второго санного похода по архипелагу (Пайер, 1935. С. 221).

На мысе находится могила норвежца Сигурда Б. Майера (Sigurd Myhre) — участника американской экспедиции 1903–1905 гг. под начальством Э. Фиалы (илл. 67) (Fiala, 1907. P. 121; Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

Илл. 67. Остров Рудольфа. Рисунок полярника В. Ф. Позднякова с обозначением могилы С. Майера. Рис. конца 40-х – нач. 50-х гг. XX в. Архив МАКЭ

Бухта Теплиц находится в северо-западной части острова Рудольфа. Открыта и нанесена на карту в 1874 г. отрядом австро-венгерской полярной экспедиции под руководством Ю. Пайера.

В 1899–1900 гг. итальянская экспедиция под руководством герцога Абрुцц-кого на китобойном судне «Stella Polare» зимовала на берегу бухты Теплиц. Судно экспедиции было зажато льдами в бухте (Визе, 1932. С. 132, 133; Белов, 1977. С. 61). Участники экспедиции предприняли попытку штурма полюса, завершившуюся гибелью трёх участников вспомогательной партии (*Journal*, 1900. P. 463).

В 1903 г. американская экспедиция под руководством Энтони Фиалы на судне «Америка» встали в бухте Теплиц на зимовку. Их целью был поход к Северному полюсу. Для зимовья был построен дощатый дом, вывезенный из Норвегии. Судно экспедиции зимой было сжато льдами, а затем унесено льдами в открытое море, где и погибло. Часть экспедиции зимовали здесь в 1904–1905 гг. (Fiala, 1907. P. 37; Визе, 1932. С. 138–140).

Летом 1929 г. в бухте Теплиц с ледокольного парохода «Седов» высадились экспедиция под руководством О. Ю. Шмидта. Ими была установлена мемориальная доска в память трёх погибших членов экспедиции на «Stella Polare».

В 1932 году на острове Рудольфа была открыта советская полярная станция (Диксон..., 2005. С. 50). На зимовку здесь осталось четыре человека во главе с Ф. И. Балабиным — отставным армейским командиром, охотником и любителем природы.

В 2007 г. на побережье бухты проводили исследования сотрудники МАКЭ (Барышев, Боярский и др., 2007. С. 16; Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

Был зафиксирован ряд объектов культурного наследия.

Памятное место зимовки итальянской экспедиции герц. Абриццского находится на побережье бухты Теплиц о-ва Рудольфа (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

Здесь в 1899–1900 гг. проходила зимовка итальянской экспедиции герцога Абриццского к Северному полюсу. Выдвинутое льдами на прибрежную отмель в бухте Теплиц судно «Stella Polare» («Полярная звезда») зимовало неподалеку от лагеря экспедиции. На берегу были поставлены две большие палатки, поверх которых была раскинута третья палатка.

Э. Фиала со спутниками нашёл лагерь герц. Абриццского разрушенным: «*Палатка герцога Абриццского, капитана Каньи и их компаньонов, в которой они зимовали в 1899 и 1900, и откуда они стартовали в своё рекордное превращённое путешествие, была разрушена штормами...*» (Fiala, 1907. P. 38).

В мае – августе 1933 г. на острове находилась исследовательская группа со станции в бухте Тихой. Руководитель группы Е. К. Фёдоров описал остатки экспедиционных лагеря экспедиции герц. Абриццского на берегу бухты Теплиц: *Вот лёгкий, связанный из тонких, побелевших от времени деревянных брусьев каркас большой палатки, в которой зимой 1899–1900 года жила итальянская экспедиция герцога Абриццского. ...*

Мы осматриваем остов итальянской палатки, какие-то обломки, обрывки тканей, ящики» (Фёдоров, 1979. С. 97, 98).

В 2007 г. исследовано МАКЭ (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

Зимовье Фиалы расположено на о-ве Рудольфа, на берегу б. Теплиц, примерно в 1 км к югу от построек закрытой полярной станции. Географические координаты: 81° 48' 504'' с. ш., 57° 54' 938'' в. д. (илл. 68; 69).

Илл. 68. Остров Рудольфа. Бухта Теплиц. Остатки зимовья 1903–1905 г. Э. Фиалы.
Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

*Илл. 69. Остров Рудольфа. Бухта Теплиц. Остатки лодок экспедиции Фиалы.
Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.*

В 1903–1905 г. на берегу бухты Теплиц зимовала американская экспедиция Циглера — Фиалы, которая назвала свой лагерь именем герцога Абруццкого («Camp Abruzzi») (Fiala, 1907. P. 39). Путешественники разбили каркасную палатку размером 20 × 88 футов для жилья пони и собак. Другую большую палатку сделали для хранения еды и фуража для животных. Дом был построен из пиломатериалов, привезённых из Норвегии, на скалистом гребне к западу от складской палатки. Дом был каркасной конструкции, обшитый досками с утеплителем между ними, с невысокой двухскатной крышей. Внутри дом был разделён на большую жилую комнату и несколько маленьких комнат, рассчитанных на 2–4 койки. В большой комнате стоял длинный стол. В доме была маленькая кухня. Дом освещала динамо-машина с судна «Америка». Для поддержания порядка в доме было устроено регулярное дежурство, следящее за чистотой и порядком. Позже к дому был пристроен запасной дом из досок, покрытый старыми парусами (Fiala, 1907. P. 43, 45, 51, 62).

В 30-е гг. XX в. здесь ещё существовали «остатки строений и имущества» и астрономический пункт этой экспедиции — укреплённый в грунте деревянный столб с медной табличкой, на которой можно было разобрать надпись на английском языке. Вокруг столба стояли остатки деревянного каркаса от палатки (Фёдоров, 1979. С. 55).

25 августа 1929 г. на берег бухты Теплиц высадились группа экспедиции под руководством О. Ю. Шмидта на л/п «Г. Седов». О. Ю. Шмидт в своём дневнике писал, что «большой дом экспедиции Циглера — Фиала, каркас конюшни, научная будка оказались целыми. Обнаружили массу продовольствия, посуды, белья, патронов, инструментов, брошенных экспедицией...

Консервы ещё хороши. Лишь часть ящиков разворочена, очевидно, медведями. ... Внутри дома — глыбы льда почти до потолка, очевидно, из просочившегося снега. Проникли в дом через крышу, в некоторые комнаты ещё можно проскользнуть по льду. Фотографии на стенах, книги, домашние вещи, часы. Экспедиция была очень богата. Дома имели телефонную связь, во всём виден достаток. Но какие плачевные результаты она дала! ...

Я разрешил лишь каждому взять на память что-нибудь ненужное: дощечку с надписью от разбитого ящика, проржавевший нож, блокнот, патрон. Таких вещей на свалке — тысячи» (Из дневников..., 1962. С. 35, 36).

Летом 1932 г. полярник со станции Тихая М. Иванычук, участвовавший в работах на острове Рудольфа, писал, что «дом экспедиции Фиалы теперь наполовину разрушен, внутри почти целиком занесён снегом» (Иванычук, 1934. С. 118).

В мае — августе 1933 г. на острове находилась исследовательская группа со станции бухты Тихой. Руководитель группы Е. К. Фёдоров описал остатки лагерей на берегу бухты: «...Недалеко от каркаса палатки итальянцев виден низенький барак экспедиции Циглера — Фиала. ... Барак стоял с открытыми дверями и окнами, и набившийся за десятилетия снег образовал ледник, заполнявший теперь более половины помещения.

Мы залезали внутрь и с интересом рассматривали жильё своих предшественников. Здесь можно было обнаружить коридор, несколько небольших комнаток — в них, видимо, размещались руководители экспедиции — и общие помещения. Дом был явно мал, тесен и неудобен для многочисленного состава экспедиции, но во всём остальном она была снаряжена очень богато. Чего только там не было! Мы нашли даже маленький типографский станок, на котором печатался небольшим тиражом журнал экспедиции. ... И флаги. Множество небольших американских флагов. Мы вырубili из льда одну пачку, в которой было несколько дюжин, а таких пачек было много. Видимо, Фиала готовился к открытию множества неведомых земель. ...

Запасы продовольствия находились в ящиках, уложенных в штабеля и просто разбросанных вокруг» (Фёдоров, 1979. С. 97–100).

В конце апреля 1936 г. на месте зимовья Циглера — Фиалы побывал полярный лётчик М. В. Водопьянов: «Первое, что мы увидели, был огромный сарай. Вероятно, он когда-то был покрыт брезентом, но время сделало своё: брезент сгнил, и его по частям сорвало ветром. На решетчатом скелете крыши кое-где болтались жалкие лоскуты. Из-под снега выглядывали разбитые ящики и пустые бочки. ...

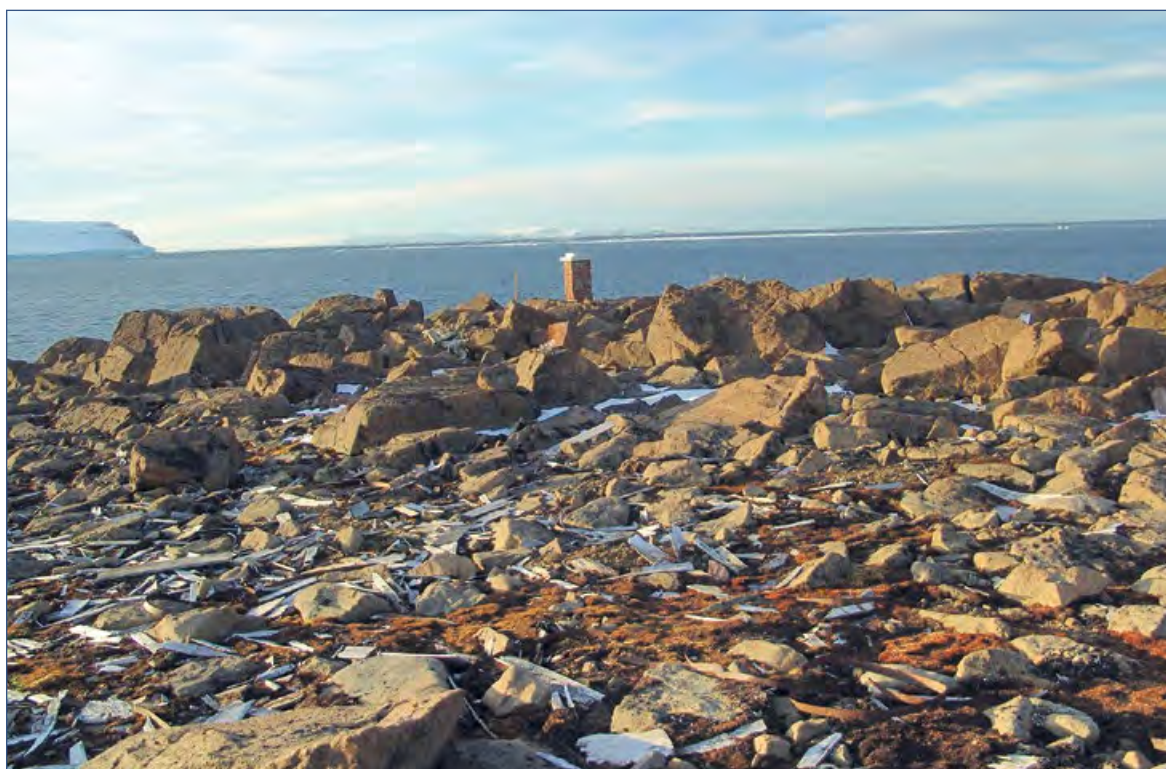
Неподалёку от сарая стоял деревянный дом. ... Мы заглянули в окно: комнату почти до самого потолка забило льдом» (Водопьянов, 1954. С. 133).

Весной 1937 г. лётчики под руководством штурмана Валентина Ивановича Аккуратова обнаружили во льду внутри дома «механическую мастерскую, токарный станок, геофизическую лабораторию, целый склад боеприпасов, массу взрывчатых веществ, всевозможные продукты, вина, спирт, книги, одних библий 18 штук!». Здесь же были найдены «пишущая машинка, конские сёдла, собачья сбруя, цилиндры, фраки, лакированные ботинки, манишки, галстуки, гребёнки и, наконец, золочёные лыжи, на которых завоеватели собирались ступить на полюс» (Водопьянов, 1954. С. 195).

В 2007 г. остатки дома исследовались сотрудниками МАКЭ (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31). Были зафиксированы остатки построек, рассеянные по берегу, куски деревянных ящиков и бочек, истлевшие фрагменты палаток и канатов, ржавые банки из-под консервов и керосина и т. п. От деревянных построек ничего не осталось (илл. 67; 68) (Барышев, Боярский и др., 2007. С. 19).

Астрономический пункт (памятный знак) экспедиции Э. Фиалы расположен на о-ве Рудольфа, в северной части берега бухты Теплиц (илл. 70; 71).

Памятник представлен двумя мраморными плитами на кирпичном основании (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31; Барышев, Боярский и др., 2007. С. 16).

Илл. 70. Остров Рудольфа. Бухта Теплиц. Астрономический пункт (памятный знак) экспедиции Э. Фиалы. Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

Илл. 71. Остров Рудольфа. Бухта Теплиц. Астрономический пункт (памятный знак) экспедиции Э. Фиалы. Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.

Мыс Аук находится на юго-западе острова Рудольфа (илл. 72). Ледники стеной обрываются в море, между ними небольшое пространство берега. На свободных ото льда участках, на склонах у подножия базальтового плато, распространены развалы породы и осыпи. Растительность разрежена и представлена накипными лишайниками, кустистыми лишайниками, мхами и единичными цветковыми растениями. На отвесных скалах абразионных уступов мыса находится птичий базар из люрика и чистика (Боярский, Кулиев, 2011. С. 26).

*Илл. 72. Остров Рудольфа. Бухта Теплиц. Мыс Аук. Вид с вертолётa.
Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2007 г.*

Открыт в апреле 1874 г. сухопутной партией австро-венгерской экспедиции под руководством Ю. Пайера.

В марте 1914 г. на мысе матросами Линником и Пустошным был похоронен начальник русской полярной экспедиции Г. Я. Седов. Могила была обложена камнями. На ней был установлен крест из двух лыж, оставлен национальный флаг и медная втулка с гравировкой: «*Expedition Leut. Sedov 1912–1914*». Флаг был вышит женой Г. Я. Седова и предназначался для водружения на Северном полюсе. У могилы остались нарты, на которых шёл Седов, кирка и молоток (Визе, 1932. С. 143, 144; Белов, 1977. С. 59, 63). По мнению П. В. Боярского, в этом районе находятся две могилы: одна с повреждёнными останками Г. Я. Седова и вторая — «ложная».

Летом 1937 г. на месте предполагаемого захоронения Седова советскими полярниками были обнаружены топор, молоток, истлевший национальный флаг и бамбуковый флашток с медной соединительной втулкой с частично сохранившейся надписью «*Polar Expedit... Sedov. 1914*» (Фёдоров, 1979. С. 96).

В 2007 г. сотрудники МАКЭ пытались определить место захоронения останков Г. Я. Седова (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

Мыс Бророк находится на юго-западе острова Рудольфа. Ледники стеной обрываются в море, между ними небольшое пространство берега. На свободных ото льда участках, на склонах у подножия базальтового плато, распространены развалы породы и осыпи. Растительность разрежена и представлена накипными лишайниками, кустистыми лишайниками, мхами и единичными цветковыми растениями. На мысе находится птичий базар из люрика и чистика (Боярский, Кулиев, 2011. С. 21, 26).

Открыт в 1874 г. австро-венгерской полярной экспедицией Вайпректа — Пайера и назван именем венгерского графского рода Бророк (Попов, Троицкий, 1972. С. 92).

25 августа 1929 г. экспедиция под руководством О. Ю. Шмидта на л/п «Г. Седов» тщательно осмотрела мыс Бророк в надежде найти могилу Г. Я. Седова, но никаких её следов не обнаружила (Из дневников..., 1962. С. 35). Экспедицией был установлен знак с надписью: *«Место, где погиб Г. Я. Седов, погибший во время похода на Северный полюс»* (Белов, 1977. С. 63).

В начале мая 1933 г. на мыс Бророк вышла группа полярников под руководством Е. К. Фёдорова со станции в бухте Тихой после длительного исследовательского похода. Фёдоров осмотрел мыс с целью поисков могилы Г. Я. Седова (Фёдоров, 1979. С. 91).

Мыс Флигели является северной оконечностью архипелага. Это крайняя северная точка России и Европы как части света. Мыс представляет собой базальтовые скалы, обрывающиеся в море. По кромке скалистого берега висят снежники. Поверхность мыса выровненная, с развалами крупных камней и базальтового щебня. Между грудями камней, на мелкозёме, встречаются мхи и лишайники, единично цветковые растения, на камнях накипные лишайники.

Открыт и нанесён на карту в 1874 г. отрядом участников австро-венгерской полярной экспедиции под руководством Ю. Пайера. В расщелине одной из скал участники экспедиции поместили бутылку с запиской: *«Участники австро-венгерской экспедиции к Северному полюсу достигли здесь, на 82° 5', своей наиболее северной точки после семнадцати дней пути от зажатого на 79° 51' сев. широты судна...»*. (Пайер, 1935. С. 218, 219).

На мысе находятся остатки каменного гурия этой экспедиции (Боярский, Кулиев, 2011. С. 31).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и многие арктические территории, архипелаг Земля Франца-Иосифа подвергся археологическим исследованиям всего несколько десятилетий назад. Но даже сейчас археологическими исследованиями территория архипелага затронута в очень малой степени. Это объясняется не только удалённостью территории, но и большими финансовыми затратами на организацию и проведение исследований, суровым климатом, большим риском, связанным как с передвижением на маломерных судах, так и пешими маршрутами. Трудности проведения исследований на этой территории представлены не только суровыми природными условиями, но и наличием большого количества белых медведей.

Наиболее древние археологические объекты на Земле Франца-Иосифа представлены несколькими местонахождениями единичных каменных орудий на островах Нортбрук, Алджер, Ньютона и Белл.

Первооткрыватель памятников, археолог МАКЭ Г. В. Иванов отмечал, что весь собранный подъёмный материал неоднократно переотложен, поэтому какие-либо определённые «привязки» к поверхности, на которой он собран, преждевременны. Датировать находки сложно из-за их малого количества и отсутствия аналогичных форм на известных памятниках Заполярья. Несмотря на некоторую архаичность приёмов техники обработки камня и форм орудий (зубчатые, клювовидные), следует принимать во внимание морфотипологический динамизм и иметь в виду то, что архаичная техника может довольно долго и устойчиво сохраняться в поздних памятниках (Иванов, 1993. С. 54).

На данный момент археологическими методами исследовано крайне небольшое количество объектов, обладающих археологическим потенциалом. Основной частью объектов культурного наследия на архипелаге, которые обладают археологическим потенциалом, являются лагеря полярных исследователей, которые датируются концом XIX — нач. XX вв. Для них характерно наличие небольшого по мощности культурного слоя, в котором благодаря холодному климату хорошо сохраняются изделия из органических материалов. Наиболее хорошо изученным памятником является лагерь американской экспедиции Болдуина — Фиалы 1903–1905 гг. («Восточный лагерь Циглера») на о. Алджер, раскопки на котором проводила совместная экспедиция национального парка «Русская Арктика» и Архангельского областного краеведческого музея. Здесь был выявлен достаточно мощный культурный слой, который образовался, однако, за счёт эоловых песков.

Остальные объекты исследованы методами археологической разведки со сбором подъёмного материала. Это объясняется природными условиями архипелага — почти полным отсутствием покровных почв.

Почти неизвестны находки, относящиеся к более ранним временам, кроме нескольких каменных орудий, найденных археологом МАКЭ Г. В. Ивановым во время полевых исследований 1990, 1992 гг.

Однако, судя даже по немногочисленным находкам каменного археологического материала, территория архипелага имеет перспективу археологического исследования.

Многие памятники, располагаясь в прибрежной зоне, находятся под угрозой исчезновения. Происходит активное разрушение береговой линии, что в ближайшие годы может привести к полному разрушению некоторых объектов. Лагерь Ли Смита на м. Флора острова Нортбрук уже в конце 90-х гг. XX в. исчез вследствие абразии берега. Под угрозой исчезновения находится «Восточный лагерь Циглера» на о. Алджер.

Проведение археологических исследований на архипелаге позволит выявить, изучить и сохранить данные об уникальных в своём роде памятниках археологии Арктики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбанов В. И. На Юг, к Земле Франца-Иосифа! — П. : 1917.
2. Альбанов В. И. На юг, к Земле Франца-Иосифа. — М. : Paulsen, 2007. — 272 с.
3. Барышев И. Б., Боярский П. В., Бутакова Е. Ю., Грузинов В. С., Заверина Т. К., Рябинов В. В., Химичук Н. В., Шумилкин В. Н. Отчёт о проведении работ Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) на островах, архипелагах и побережье Баренцева, Карского морей и моря Лаптевых Северного Ледовитого океана (сентябрь — ноябрь 2007 г.) / Архив Института Наследия. — М. : Институт Наследия, 2007.

4. Белов М. И. По следам полярных экспедиций. — Л. : Гидрометеиздат, 1977. — 142 с.
5. Боярский П. В. Введение в памятниковедение. — М. : Центр «Культура и Мировой океан», 1990. — 218 с.
6. Боярский П. В. Морская арктическая комплексная экспедиция. Комплексные исследования историко-культурной и природной среды Арктики. — М. : НИИК, 1990 а. — 80 с.
7. Боярский П. В. Маршрутами В. Ю. Визе и героев его книги // Визе В. Ю. Моря Российской Арктики / Под общ. ред. П. В. Боярского, Ю. К. Бурлакова. — М. : Европейские издания, 2008.
8. Боярский П. В., Кулиев А. Н. Архипелаг Земля Франца-Иосифа. Природное и культурное наследие : Указатели к карте, летопись Земли Франца-Иосифа / Под. общ. ред. П. В. Боярского. — М. : Paulsen, 2011.
9. Боярский П. В., Грузинов В. С., Зеленцов П. О., Кулиев А. Н., Пятницкая А. В. Карта «Архипелаг Земля Франца-Иосифа. Природное и культурное наследие». — М. : Paulsen, 2011.
10. Визе В. Ю. Некоторые данные по гляциологии Земли Франца-Иосифа // Изв. Государственного Гидрологического ин-та. — № 22. — Л. : 1922.
11. Визе В. Ю. История исследований Советской Арктики. — Архангельск : Сев. изд-во, 1932. — 212 с.
12. Визе В. Ю. Моря Российской Арктики : Очерки по истории исследований / Под общ. ред. П. В. Боярского, Ю. К. Бурлакова. — М. : Paulsen, 2008.
13. Водопьянов М. В. На крыльях в Арктику. — М. : Географгиз, 1954. — 334 с.
14. Дановский А. А. Каждый нормальный человек должен поехать на Землю Франца-Иосифа // Полярный альманах. — М. : Paulsen, 2011. — С. 112–121.
15. Дановский А. А. Археологические разведки на Земле Франца-Иосифа // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н. В. Лопатин. — М. : ИА РАН, 2015. — 840 с.
16. Диксон — снежной Арктики столица : Сб. стат. / Науч. ред. В. Г. Реданский. — Красноярск : Красноярское книжн. изд., 2005. — 171 с.
17. Есипов В. К. Земля Франца-Иосифа. — Архангельск : Севкрайгиз, 1935. — 72 с.
18. Земля Франца-Иосифа : Монография / Под общ. ред. П. В. Боярского. — М. : Paulsen, 2013. — 680 с.
19. Иванов Г. В. Находки каменных орудий на островах европейской Арктики (1989–1992) // AD Polus. Археологические изыскания : Сборник статей. Вып. 10. — СПб. : Фарн, 1993. — С. 47–54.
20. Иванычук М. Н. 14 месяцев на Земле Франца-Иосифа. Впечатления зимовщика. — Харьков : Украинский робітник, 1934. — 122 с.
21. Из дневников и статей О. Ю. Шмидта // Летопись Севера. Т. III. — М. : Географгиз, 1962. — 286 с.
22. Муров М. С. На Земле Франца-Иосифа // Летопись Севера. Т. V. — М. : Мысль, 1971. — 304 с.
23. На Земле Франца-Иосифа: (по материалам исторической экспедиции 1985 г.) / А. В. Окоороков, В. В. Тепляков, А. А. Казаков, Р. Р. Гайдовский, В. И. Скок. — Мурманск : РУСМА (ИП Глухов А. Б.), 2021. — 192 с.
24. Нансен Ф. Во мраке ночи и во льдах. Путешествие Норвежской экспедиции на корабле «Фрам» к Северному полюсу. Т. 2. — СПб. : О. Н. Попова, 1901. — 304 с.
25. Нансен Ф. «Фрам» в полярном море. — М. : Географгиз, 1956.
26. Новая Земля. Труды Морской арктической комплексной экспедиции / Под общ. ред. П. В. Боярского. Том 2. Вып. III. — М. : Институт Наследия, 1993.
27. Отчёт арктической комплексной историко-географической экспедиции на островах Земли Франца-Иосифа 1985 г. «АКИЭ ГО». — М. : 1985.
28. Пайер Ю. 725 дней во льдах Арктики. — Л. : Изд-во Главсевморпути, 1935. — 300 с.
29. Пасецкий В. М., Блинов С. А. Руал Амундсен. 1872–1928. — М. : Наука, 1997. — 201 с.

30. *Пинегин Н. В.* В ледяных просторах с экспедицией Седова к Северному полюсу. – Л. : Гос. изд-во, 1924. – 272 с.
31. *Продан О. Л.* Комплексная экспедиция на Землю Франца-Иосифа // Полярный альманах. – М. : Paulsen, 2011. – С. 108–111.
32. *Соколов-Микитов И. С.* У края земли. – Петрозаводск : Карелия, 1984. – 375 с.
33. *Степанов М. А.* Археологическая разведка на месте крушения паровой яхты «Эйра» // На Земле Франца-Иосифа: (по материалам исторической экспедиции 1985 г.) / А. В. Око-роков, В. В. Тепляков, А. А. Казаков, Р. Р. Гайдовский, В. И. Скок. – Мурманск : РУСМА (ИП Глухов А. Б.), 2021. – 192 с.
34. *Фёдоров В. К.* Полярные дневники. – Л. : Гидрометеиздат, 1979. – 312 с.
35. *Шаврин С. А., Ермолов Е. О., Плеханов А. В.* Археологические исследования на о. Алджер архипелага Земля Франца-Иосифа в 2018 г. // Археология в музейных коллекциях : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Археология в музейных коллекциях» / Сост. А. Г. Едовин. – Архангельск : Лоция, 2019. – 232 с.
36. *Carlsen E.* Aufzeichnungen von der österreichisch-ungarischen Poiarexpedition 1872–74 (Franz Josef Land). Accounting Records of the Austro-Hungarian Polar Expedition 1872–74 (Franz Josef Land). Übersetzt und herausgegeben von Frank Berger und Haiivard Stangeland. – Francfurt am Main – Oslo : 2010. – 170 p.
37. *Fiala A.* Fighting the polar ice. – New York : Doublday, 1907. – 296 p.
38. *Gordon W. J.* Round about the North Pole. – London, 1907.
39. *Hanssen O., J. Lid.* Flowering plants of Franz Josef Land. Collected on the Norvegian Scientific Expedition 1930 // Skrifter om Svalbard og Ishavet. – Oslo, 1932. – № 39.
40. *Jackson F. G.* Three Year's Exploration in Franz Josef Land // The Geographical Journal. – 1898. – Vol. 11, № 2.
41. *Jackson F. G.* A thousand days in the Arctic. Vol. 1. London and New York, 1899.
42. Journal of the American Geographical Society of New York. – Vol. 32, No. 5. – New York, 1900.
43. *Markham A. H.* The Arctic Campaign of 1879 in the Barents Sea // The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers) Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. – Blackwell Publishing, 1880. – Vol. 2. – № 1.
44. *Savoia L. A. Di, Cagni U., Cavalli Molinelly A.* La «Stella Polare» nel mare Artico. 1899–1900. – Milano, 1903.

ОТКРЫТИЕ ШПИЦБЕРГЕНА И СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ ВОПРОСЫ

Насколько обоснованны исторические притязания Норвегии на далёкий арктический архипелаг, который позже был переименован в мифический Свальбард? Этой спорной проблеме, точнее её картографическому аспекту, посвящена недавно опубликованная статья автора. Несколько лет назад на русский язык была переведена книга норвежского историка Тура Арлова «История архипелага Шпицберген». В ней последовательно излагался взгляд автора на его 400-летнюю историю, начиная с момента его открытия экспедицией В. Баренца в 1596 г., который нанёс его на карту и дал привычное на слух название. В переводе с голландского оно означает «острые горы». К тому же мореплаватель считал открытую землю частью, то есть продолжением, Гренландии. Этой точки зрения придерживались почти все картографы и мореплаватели вплоть до XIX в. Т. Арлов излагает эту версию наряду с другими (первобытной и поморской). Да и поморское название архипелага Грумант восходит, как считают, к искажённому поморами топониму Гренландия. Первобытная версия возникла в середине XX в., когда скандинавские археологи обнаружили в районе Ис-фьорда кремневые сколы, дав-

Илл. 1. Карта полярных областей (и Шпицбергена в т.ч.) Баренца, 1598 г.

шие основание считать их свидетельством для подтверждения гипотезы о пребывании людей эпохи каменного века на Шпицбергене (Державин, 2016. С. 151–161; Арлов, 2016). И даже появилась необычная теория о миграции первобытного человека из бассейна Печоры по льду Баренцева моря на архипелаг. А через несколько лет советский геолог М. Соловьева нашла на северо-западе Шпицбергена фрагмент наскального рисунка с изображением, как она думала, кита, как бы свидетельствующий в пользу первобытной концепции. Но проведённые норвежцами трасологические анализы этих находок не подтвердили их рукотворного происхождения.

Поморская версия открытия Шпицбергена до плавания явилась в работах ещё дореволюционных авторов. Дату первых походов русских на Грумант относят обычно к XII в., но никаких документальных данных не приводится. Поэтому она вряд ли может считаться исторически достоверной. После работ Шпицбергенской экспедиции Института археологии, начавшей исследования поморских памятников в 1978 г., были получены данные дендрохронологии, позволившие датировать появление самых ранних становищ на архипелаге серединой XVI в. Этому мнению придерживался и такой авторитетный учёный, как В. Ю. Визе, хотя дендрохронологические датировки ему не могли быть известны, а опирался он исключительно на исторические документальные источники (Визе, 2008. С. 111).

Свальбардская версия получила широкую популярность в норвежском обществе во второй половине — конце XIX в., когда страна переживала небывалый всплеск национального самосознания и двигалась в сторону выхода из Шведско-Норвежской унии, в которой занимала зависимое положение. Именно тогда Норвегия дала миру многих выдающихся деятелей в разных сферах общественной и культурной жизни и, что важно, в первую очередь полярников, сыгравших впоследствии огромную роль в деле установления норвежского суверенитета над Шпицбергом, как, например, Фритьоф Нансен, который перед Первой мировой войной был назначен норвежским посланником в Лондоне и много сделал для просвещения британского истеблишмента в отношении полярной истории своей страны в целом и Шпицбергена в частности. Версию об открытии Шпицбергена викингами впервые выдвинул норвежский историк и филолог Густав Сторм, которого безоговорочно поддержал Ф. Нансен, пользовавшийся безупречным авторитетом (Хенниг, 1961. С. 463). Но одновременно существовала «параллельная» гипотеза об открытии Свальбарда викингами, но размещали его на острове Ян-Майен, расположенном между Шпицбергом и Гренландией. Этот небольшой островок вулканического происхождения, раньше также никому не принадлежавший и открытый в начале XVII в. голландцами, сейчас является владением Норвегии, которая аннексировала его в 1929 г. Наиболее убеждённым сторонником этой гипотезы был русский полярный исследователь В. А. Русанов, но его точка зрения не получила широкой поддержки. В 90-х гг. XIX в. Сторм опубликовал в норвежском переводе исландские саги, в которых упоминался берег Свальбард. Первое сведение о нём содержится в хрониках 1194 г. и весьма лаконично: «*Найден Свальбард*», по которому судить, где точно находилась эта земля, практически невозможно. Свальбард упоминается в сагах всего шесть раз, но ни в одном случае нет и намёка на Шпицберген, о котором викинги, конечно, не могли знать. Свальбардская версия, помимо Нансена, приобрела немало сторонников, но и оппонентов у неё было более чем достаточно. В первую очередь, это датские учёные, а также другие европейские и североамериканские исследователи. Они опирались преимущественно на исландские карты XVI–XVIII вв., изданные датским придворным историком Тормоди Торфаусом (*Torfæus*, 1706. 6 tab.).

Несколько позже карты Гренландии с указанием Свальбарда появились в других странах Европы. И на всех «Ледяной берег» нанесён на восточно-гренландском побережье между 68° и 74° северной широты. Появление этих карт объяснялось попытками Датского королевства в XVI–XVII вв. вторично открыть Гренландию и узнать судьбу норманнских поселений и их жителей, связь которых с материком прервалась ещё в XV в. Датский король беспокоился, что потомки викингов Гренландии, если они к тому времени ещё были живы, могли отойти от христианской веры. Но главная задача исландских историков заключалась в детальной локализации географических названий, встречающихся в сагах, для приведения их в соответствие с данными карт того времени. В свою очередь Свальбард ими рассматривался как один из обычных историко-географических топонимов, и особого значения ему не придавалось. Но к тому времени картографы хорошо себе представляли, где расположены Шпицберген и остров Ян Майен. Помимо этого, им предстояло определить местонахождение Западного (Westerbugd) и Восточного (Osterbugd) поселений викингов, погибших в XIV–XV вв., а также земли Винланд, Маркланд, Хеллеланд, упоминавшиеся в сагах.

Наиболее подходящей в климатическом отношении зоной для поселений викингов являлось юго-западное побережье Гренландии, где они в конце X в. основали два поселения с многочисленными усадьбами и фермами между ними и вокруг них: Западное и Восточное, расстояние между которыми составляло около 300–400 км абсолютно необжитой земли. Чтобы привлечь колонистов, как считают многие исследователи, когда Эрик Рыжий прибыл в конце X в. в Гренландию, то назвал её Зелёной землёй. Численность населения в этих посёлках, по разным оценкам специалистов, колебалась от 3 до 5 тысяч человек. В научной литературе встречается и цифра 10 000, но для определения реальной численности всё же нет чётких данных. В XIV в. из-за похолодания (начало Малого ледникового периода) норвежские корабли, раньше регулярно привозившие колонистам хлеб, металл, древесину и другие необходимые товары, стали всё реже посещать остров. Связь с Европой ежегодно ослабевала и настолько, что в конечном счёте оборвалась из-за блокировки льдами южного побережья Гренландии. А суровый климат вынудил эскимосов-инуитов, двигавшихся со стороны Северной Америки, кочевать с севера Гренландии по западному побережью острова в южном направлении вслед за мигрировавшими оленями и ластоногими — традиционными объектами их охоты. В результате этого передвижения эскимосы вступили в неизбежный контакт с викингами, в первую очередь с жителями обоих поселений на юго-западе острова, и, видимо, отношения между ними вряд ли были миролюбивыми. В результате в XV в. европейские посёлки окончательно обезлюдели. Последний норвежский корабль, по официальным данным, вернулся из Гренландии в Европу в 1410 г. (Файнберг, 1971).

Т. Арлов ошибочно считал, что гипотезу об открытии Шпицбергена викингами первым выдвинул не Г. Сторм, а норвежский натуралист-геолог Б. Кейльхау, который посетил архипелаг с научными целями в первой трети XIX в. на голландском китобойном судне. Однако он предполагал, что норманны, вероятно, могли знать о таких землях, как Гренландия, Шпицберген, Свальбард и другие, но в его представлении это были разные полярные области (Keilhau, 1831. P. 225).

Географические знания в Европе в то время были таковы, что даже в конце XVIII в. некоторые географы считали, будто Гренландия представляла собой огромный полуостров, который включал не только Шпицберген — Свальбард (Гренландию), но и Новую Землю, а соединялся с материком в северной Евразии. Это наглядно показал Ф. Нансен на одной своей гипотетической карте, знако-

мый с материалами исландских историков, локализовавших Свальбард в восточной Гренландии, но ему надо было как-то подтвердить концепцию Г. Сторма (Krawczyk, 1987. III. 2), поскольку исландские карты не вписывались в его версию, а наоборот, противоречили ей. Самыми слабыми звеньями «свальбардской» версии являются сведения исландских хроник (саги) о четырёх днях морского пути из Исландии до Шпицбергена — Свальбарда и заселённости открытой викингами земли. Однако напомним, что постоянного населения на архипелаге не было, а расстояние до него в 1 600 км (почти 900 миль) суда викингов никак не могли преодолеть за четыре дня. Их драккары и кнорры в X–XII вв. не были столь быстроходны, поскольку косой парус, позволявший двигаться против ветра, а также руль ещё не были изобретены. Вместо последнего использовали рулевое весло. Датский гидрограф и этнограф Густав Хольм в статье об исландских лоциях Свальбарда пришел к выводу, что викинги могли всё же достигнуть Шпицбергена, но только в том случае, если он действительно находился в восточной Гренландии. Ближайшее расстояние от Исландии составляло приблизительно 300 км, что подтверждается исландскими картами (Holm, 1926. P. 18). На одной из них (копия карты Йенса Бьорна 1669 г.) чётко указано расстояние до Свальбарда — 24 старых скандинавских мили (без малого 300 км), а это и есть кратчайшее расстояние до «Ледяного берега», которое норманнское судно реально могло пройти за четыре дня. К этому можно добавить, что путь от Исландии до европейских колоний в юго-западной Гренландии сопоставим по расстоянию до современного Шпицбергена. Между тем суда викингов преодолевали его только за две недели согласно информации, содержащейся в сагах, а значит, и до Свальбарда потре-

Илл. 2. Карта расстояний от Исландии до Шпицбергена и норманнских колоний Дж. Байока

бывалось бы примерно столько же времени, но, конечно, не четыре дня (Байок, 2012. Карта 2. С. 912).

Касаясь исландских карт, нельзя не сказать о замечательном норвежском миссионере и крестителе эскимосов XVIII в., лютеранском священнике, а впоследствии епископе Хансе Эгеде, который провёл пятнадцать лет в Гренландии, куда он был послан датским королём Фредериком IV в 1721 г. для просвещения местного населения, где становится их апостолом. Его также обязали выяснить судьбу Западного и Восточного поселений и их обитателей. Эгеде был автором книги «Описание Гренландии», в которой размещал Свальбард на восточном побережье острова. Его данные использовали европейские картографы XVIII в. (англичанин Эммануэль Боэн в 1747 г., австриец Франц-Иоганн Рейли в 1791 г. и др.). Сын Х. Эгеде, занимавшийся миссионерством среди эскимосов, в 1788 г. издал свою карту Гренландии, отличающуюся от карт Боуэна и Рейли, но непринципиально. И на ней Свальбард также показан на восточном берегу острова (Higgins, 2010. S. 3).

Таким образом, все европейские карты XVI–XVIII вв. практически не имеют существенных расхождений, а их составители везде обозначали «Ледяной берег» в одном месте: между 68° и 74° северной широты. Таким образом, легендарный Свальбард, на наш взгляд, находился на восточном побережье Гренландии, а если его локализовать более конкретно — в районе Скорсби-фьорда, самого крупного фьорда мира. Об этом также писал известный датский этнограф, исследователь эскимосов Гренландии Кай Биркет-Смит: *«Имеются указания на то, что они (викинги) знали местность в окрестностях залива Скорсби, которая, несмотря на северное положение, все же является одной из наиболее доступных частей побережья. Во всяком случае, вероятно, здесь надо искать Свальбард, независимо от того, что в более поздние времена это наименование было перенесено на Шпицберген»* (Гренландия, 1953. С. 37). Канадский полярный исследователь Вильямур Стефанссон пошёл ещё дальше, но высказался примерно в том же духе: *«Норвежцы выдвинули свою версию главным образом по политическим причинам — для утверждения своего суверенитета над Шпицбергеном»* (Stefansson, 1944. P. 232, 251).

Практически все исследователи, напомним, сходятся во мнении, что на Шпицбергене не было постоянного населения. Тогда как относиться к сообщениям исландских хроник о населении Свальбарда? Их сведения об заселённости «Ледяного берега» (Свальбарда) приверженцами теории Сторма Нансена не принимаются всерьёз (Хенниг, 1960. С. 463). Во-первых, они ссылаются на фантастические черты, которыми составители саг наделили их жителей, а во-вторых, на якобы абсолютную недоступность восточного берега Гренландии из-за дрейфующего льда (Ледяного барьера), вдоль которого суда викингов были вынуждены двигаться только на северо-восток и в результате, по мнению Ф. Нансена, неизбежно выйти к Шпицбергену. А в качестве подтверждения этой гипотезы ссылаются на экспедицию англичанина Генри Гудзона 1607 г., пытавшегося найти северо-восточный проход, и который почти этим же маршрутом (вдоль восточного гренландского берега) вышел к северо-западной оконечности архипелага. Однако плавание викингов проходили в период Малого климатического оптимума (потепления), и, несмотря на сложные ледовые условия, им всё же удавалось его достигнуть, о чём говорят найденные в эскимосских погребениях находки залива Скорсби (70°–71° с.ш.), которые имеют норманнское происхождение и указывают на контакты, хотя и случайные, викингов с эскимосами (Торнøе, 1944. P. 79).

Эти артефакты подтверждают сведения исландских письменных источников о присутствии автохтонного (эскимосы) и случайного (викинги), т. е. пришлого, населения в восточной Гренландии. Интересно в этой связи сопоставить хронологические фазы пиков Малого ледникового периода (МЛП) Шпицбергена и Новой Земли с аналогичными климатическими аномалиями Гренландии, где, по данным изотопии ледниковых кернов, он начался почти на 250 лет раньше, чем в восточной Приатлантической Арктике. Но именно с ними исследователи связывают гибель норманнских поселений на юго-западном побережье Гренландии (Корякин, 1988. С. 123–124). В свою очередь Малому ледниковому периоду предшествовал Малый климатический оптимум, во время которого Эрик Рыжий в X в. открыл Гренландию, основав на юго-западе первое норманнское поселение. Этот район побережья в ландшафтно-климатическом отношении был наиболее благоприятным для занятия викингами, помимо охоты, скотоводством и в допустимых рамках ограниченным земледелием.

После открытия голландцами Шпицбергена в XVI в. его население сменялось несколько раз, но никогда не проживало там постоянно, за исключением XX столетия. Это было связано с тем, что представители ряда европейских стран, включая Россию, вели на архипелаге лишь сезонные промыслы, да и климатические условия проживания там желали оставлять лучшего. Следом за Баренцем появились первые китобойи из Англии и Голландии. Но родоначальниками китобойного промысла на Шпицбергене были англичане, которых этому ремеслу обучили баски, занимавшиеся охотой на китов в Бискайском заливе и северной Атлантике. Большую роль в отправке судов к Шпицбергену сыграла Московская компания купцов в Лондоне, которая была создана после экспедиции Уиллоуби — Ченслера 1553 г., основной целью которой было открытие северо-восточного прохода для налаживания торговых отношений с Индией и Китаем. Но вышло так, что англичане вместо заманчивых восточных стран открыли через гавани Мурман и Поморья обширный российский рынок, а вскоре оказались в акватории Шпицбергена, где оценили все перспективы и выгоды китобойного промысла (китовый жир, китовый ус и проч.).

Англичанин Йонас Пул (а не Г. Гудзон) стал первым, кто обратил внимание на большие стада китов в районе Шпицбергена, отчитавшись о результатах своего плавания в Московской компании. Но до этого он несколько раз в начале XVII в. из Колы ходил к Медвежьему острову, где англичане добывали моржей (Гаммель, 1869. С. 188). А на архипелаг Й. Пул впервые попал в 1610 г., попытавшись найти морской путь в Индию и Китай через Северный полюс, считавшийся, по географическим понятиям того времени, свободным ото льда, и, пройдя который, он планировал затем достигнуть и Японии. Таким образом, англичане, как и голландцы, очутились в районе архипелага вследствие своих неоднократных попыток открыть северо-восточный проход (Северный морской путь).

Полярные экспедиции европейцев в XVI–XVII вв. (Кабот, Уиллоуби, Барроу, Баренц, Фробишер, Дэвис, Гудзон, Баффин, Мунк и др.) носили преимущественно рекогносцировочный характер, как и большинство подобных плаваний, конечная цель которых всё-таки сводилась к приобретению новых земель. Вот почему они прикладывали огромные усилия, чтобы пробиться через крайне опасные полярные моря в Индию и Китай, традиционные пути к которым контролировались Испанией и Португалией — самыми мощными тогда морскими державами (Державин, Шумкин, 2016. С. 418–423).

Что касается появления поморов на архипелаге до плавания Баренца, то эта точка зрения разделяется в основном отечественными исследователями, но была

обстоятельно обоснована на археологическом материале В. Ф. Старковым (Старков, 2009. С. 32.).

Если, однако, опираться на археологические артефакты, то её всё-таки весьма сложно подтвердить из-за консервативности поморской промысловой культуры. Поэтому российский исследователь использовал в качестве решающего, по его мнению, аргумента дендрохронологию. Но данный метод подвергся резкой критике (и для этого были основания) европейскими археологами и историками, в т. ч. норвежскими и польскими (Я. Хохоровский, М. Ясински, Т. Хелтгрэн, А. Кравчик, Т. Арлов). Интересно также заметить, что польские археологи вели на Шпицбергене в 80-х — начале 90-х гг. прошлого века крупномасштабные исследования поморских памятников. Но какие конкретно задачи они тогда перед собой ставили и почему ими изучались главным образом объекты русского историко-культурного наследия, можно только догадываться. Очевидно то, что взгляды польских и норвежских археологов в итоге странным образом совпали. У нас не вызывает сомнения, что их совместные исследования в рамках общей научной программы («Русские охотничьи станции Свальбарда») проводились исключительно в противовес работам советских археологов с целью опровержения гипотезы о поморском «следе» в «добаренцев» период (Chochorowski, 1999. P. 6).

По подсчётам В. Ф. Старкова, ранних поморских памятников XVI–XVII вв., как он их датирует, на архипелаге насчитывается не более десятка. Практически все они сосредоточены в южной и средней частях западного побережья Шпицбергена. Оппоненты российских археологов также ссылаются на отсутствие в судовых журналах Баренца, а позднее и европейских китобоев, упоминания о поморах. Надо вместе с тем заметить, что оба корабля Баренца, по данным его судового журнала, и близко не подходили к этим берегам, ограничившись тремя краткосрочными высадками на берегу, в то время как на Новой Земле голландские моряки фиксировали русские становища и православные кресты, о чём оставляли запись. А что касается судовых журналов европейских моряков, то на китобойный промысел к архипелагу уходили в XVII в. десятки и даже сотни судов ежегодно из разных стран Европы. Но справедливости ради следует заметить, что палеографический анализ найденных на поморских памятниках Шпицбергена русских надписей, проведённый в своё время известными российскими специалистами, всё-таки не подтверждает достоверно их раннюю («добаренцевскую») датировку. Разумеется, полностью исключить версию появления поморов на архипелаге в XVI в. нельзя, но ей тоже не хватает аргументов, как в своё время и свальбардской (Саватюгин, 2009. С. 8). Вместе с тем составители словаря по топонимике Свальбарда не скрывали, что с 1933 г. официально проводилась норвегизация (norwegianizing) географических наименований Шпицбергена для того, чтобы исторические топонимы иностранного происхождения соответствовали норвежской грамматике (*The Place Names of Svalbard...* 2003. P. 15).

Подчеркнём, что вскоре после открытия Шпицбергена В. Баренцем первыми его сезонными обитателями были англичане, занявшиеся китобойным промыслом. Переименование в 1925 г. стортингом архипелага Шпицберген в Свальбард имело далеко идущие политические цели. А за два года до этого состоялось признание Норвегией Советской России. За переименованием последовала искусственная трансформация исторической топонимики архипелага. Изменения коснулись в основном английских и голландских географических наименований, когда, по выражению российского историка полярных экспедиций и гляциолога В. С. Корякина, «все ненорвежские топонимы на архипелаге получили норвежское звучание на архипелаге в XVII в. китобойным промыслом. На английских картах

Шпицберген назывался «Новая земля короля Якова I»», хотя об открытии В. Баренца они уже тогда знали. Дав архипелагу новое название, англичане тем самым хотели монополизировать своё право на китобойный промысел как «первооткрывателей». Но наибольший импульс он получил после установления торговых и дипломатических связей между Русским государством и европейскими странами, в первую очередь Англией и Нидерландами.

В XVI в. благодаря неутомимым поискам северо-восточного прохода мореплаватели этих государств открыли для своих стран обширный российский рынок, а следом стали осваивать акваторию Шпицбергена. Правда, голландцы не обратили тогда внимание на возможность добычи китов, поскольку не ставили перед собой такой цели и опыта у них не было. В этом деле их опередили англичане. Сначала Генри Гудзон в 1607 г. заметил большие стада китов у Западного Шпицбергена, а затем Йонас Пул после плавания 1610 г. сообщил о них купцам Московской компании, которая к тому времени более полувека вела торговлю с Русским государством. В начале XVII в. англичане приобрели практические навыки для охоты на моржей, за которыми организовали несколько экспедиций на небольшой остров Медвежий, открытый голландцами вместе со Шпицбергом (остров Черри на английских картах), где в течение короткого времени выбили почти всю их популяцию. Однако при этом они поняли, что значительно больше ворвани можно извлечь из одного кита, нежели из многих десятков туш ластоногих. Но и голландцы, пользуясь своими, как они справедливо считали, правами первооткрывателей архипелага, приступили к добыче китов в 1612 г., которую организовала Северная Ост-Индская компания, основанная в Амстердаме. Однако англичане постоянно оспаривали первенство голландцев, что приводило к военным столкновениям, известным в истории Шпицбергена как «китовые войны», из-за чего суда китобоев часто отправлялись в Арктику под охраной военных кораблей. Обе страны не обладали опытом в новом и необычном для них ремесле, поэтому первое время пришлось прибегать к услугам басков, бывших родоначальниками европейского китобойного промысла. Однако быстро овладев всеми приёмами китовой охоты, европейцы отказались от их услуг. А довольно скоро в водах Шпицбергена появились датчане, немцы, французы, испанцы. Китобойные станции европейцев были раскинуты во многих районах Западного Шпицбергена и острова Эдж, а расцвет их промысловой деятельности в целом пришёлся на XVII в. и отчасти XVIII в., пока прибрежные воды ещё изобиловали китами. На Шпицбергене были известны два типа китобойных станций. Это наблюдательные пункты, т. е. смотровые площадки, которые назывались «*look out*» (Фестнингсоден, остров Серкапп, залив Хорнсунн), и сезонные станции, где разделявали туши китов, а в печах вытапливали ворвань. На смотровых площадках печей не было. Собственно, станции представляли собой промысловые относительно крупные поселения с домами, жиротопнями и соответствующей инфраструктурой (Гаммель, 1869. С. 18).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арлов Т. История архипелага Шпицберген. — М. : 2016. — 592 с.
2. Байок Д. Л. Исландия в эпоху викингов. — М. : Астрель, 2012. — 909 с.
3. Визе В. Ю. Моря Российской Арктики. Т. 1. — М. : Paulsen, 2008. — 339 с.
4. Гаммель И. Х. Англичане в России в XVI–XVII столетиях. Т. 2. — СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1869. — 129 с.

5. Гренландия / Под ред. К. Биркет-Смит. – М. : Издательство иностранной литературы, 1953. – 307 с.
6. Державин В.Л. Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVII вв. // Российская археология. – 2016. – № 4. – С. 151–161.
7. Державин В.Л., Шумкин В.Я. Приморская адаптация от истоков до освоения арктических островов // Материалы XIII конференции «Комплексные исследования природы Шпицбергена и прилегающего шельфа». – Мурманск, 2016.
8. Корякин В.С. Ледники Арктики. – М. : Наука, 1988. – 156 с.
9. Саватюгин Л.М., Дорожкина М.В. Архипелаг Шпицберген. Российские имена и названия. – СПб. : Наука, 2009. – 259 с.
10. Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Шпицберген. Т. I. – М. : Научный мир, 2009. – 96 с.
11. Файнберг Л.А. Очерки этнической истории зарубежного Севера. – М. : Наука, 1971. – 279 с.
12. Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. – М. : Иностранная литература, 1961. – 516 с.
13. Chochorowski J. Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. – Krakow, 1999.
14. Higgins A. K. Exploration history and place names of northern East Greenland // Geological survey of Denmark and Greenland bulletin. – № 21. – Copenhagen, 2010. – S. 3.
15. Holm G. De islandske Kursforskrifters Svalbarde // Geografisk Tidsskrift, 1926. – Bind 29. – С. 18.
16. Keilhau B. M. Reise i Øst-og Vest Finnmarken samt til Beeren-Einland og Spitsbergen i årene 1827 og 1829. – Christiania, 1831.
17. Krawczyk A. Zagadnienie nomsmskfego Svalbardu // XIV Sympogum Polarne, Lublin. 1987. – Rys. 2.
18. Stefansson V. Greenland. – New-York, 1944.
19. The Place Names of Svalbard // Rapportserie. – Norwegian Polar Institute. Tromsø. 2003. – № 122.
20. Torfæus T. Gronlandia Antiqua. – Havnæ, 1706. 6 tab.
21. Tornøe J. K. Lysstreif over Norgesveldets historie. Meddelelser Norges Svalbard og Ishavsundersøkelser. – Oslo, 1944. – P. 79.

АРХИПЕЛАГ НОВАЯ ЗЕМЛЯ. ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Новая Земля является самым крупным архипелагом в европейской части Арктики и административно входит в состав Архангельской области Российской Федерации.

Архипелаг состоит из двух островов — Северного и Южного, которые разделены узким проливом Маточкин Шар, протяжённостью около 100 км, и его площадь составляет 83 тыс. км². С запада архипелаг омывает Баренцево море, а с востока — Карское. На юге Новая Земля отделяется от о. Вайгач проливом Карские Ворота. Протяжённость архипелага с севера на юг составляет около 930 км.

Илл. 1. Архипелаг Новая Земля. Карта

В геологическом отношении архипелаг продолжает структуры Урала. Горы, занимающие значительную его часть, возвышаются более чем на 1200 м, а высшая точка имеет высотную отметку 1547 м.

Горы покрыты мощным оледенением, на долю которого приходится около четверти всей площади архипелага. Особенно значительны размеры оледенения Северного острова, где обширный ледниковый покров расположен на уровне 900 м и обрамлён по краям гребнями гор. Крупные ледники стекают с гор к берегам Баренцева и Карского морей. Во многих местах горы почти вплотную подступают к морю, особенно на западном побережье, где широко развиты узкие и длинные заливы-фьорды. Кроме гор, рельеф Новой Земли на крайнем севере, юге и местами на востоке представлен обширными плато и равнинами.

В ландшафтном и геоботаническом отношении крайний север и возвышенные районы Новой Земли относят к полярным пустыням, остальная территория — к арктическим тундрам. На юго-западе архипелага растут карликовая берёза и кустарниковая ива, встречаются типичные плоскобугристые болота со сфагновыми мхами.

Животный мир Новой Земли довольно богат. Особенно разнообразен видовой состав птиц, среди которых здесь зарегистрированы белоклювая гагара, беркут, орлан-белохвост, несколько видов казарок и чаек. В прибрежных водах обитают четыре вида китов, сёмга, омуль, голец. Среди редких видов млекопитающих — несколько видов тюленей, моржи, белый медведь. Водятся олени, лемминги (Новая Земля, 2009. С. 9, 351).

ИСТОРИОГРАФИЯ

Если естественно-научные, исторические и этнографические исследования Новой Земли начались достаточно давно, то археологические исследования архипелага насчитывают всего несколько десятков лет.

Время открытия русскими архипелага исследователи относят к XII–XV вв. Первые письменные сведения о Новой Земле и промысловой деятельности на ней русских поморов относятся к 1594 и 1596–1597 гг., когда упоминание о них появляется в дневниках участника голландских экспедиций Херрита де Вейра (Геррит де-Фер). Есть сведения о Новой Земле и у других иностранных мореплавателей, ходивших к её берегам в течение XVI–XVII вв.

Однако ни письменных, ни материальных свидетельств пребывания русских на Новой Земле в XII–XV вв. пока не найдено.

Первые русские исследователи отправились на архипелаг во второй половине XVII в. для поиска драгоценных камней, серебра и жемчуга, однако потерпели неудачу, так и не добравшись до него.

Во 2-й пол. XVIII в. путешествия на Новую Землю с промысловыми и научными целями совершили поморы Савва Лошкин, Яков Чиракин, Иван Шухобов, Фёдор Рахманин, Алексей Откупщиков, штурман Фёдор Розмыслов.

Ф. Розмыслов первым выполнил карту пролива Маточкин Шар, дал первое описание природной среды пролива: окружающих гор, озёр, некоторых представителей растительного и животного мира, проводил регулярные наблюдения за погодой, фиксировал время замерзания и вскрытия льда в проливе.

В конце XVIII в., в XIX–XX вв. на архипелаг с каждым годом направляется всё больше промысловых и научных экспедиций, как отечественных, так и иностранных. Среди них такие известные мореплаватели и учёные, как А. П. Ла-

зарев (1819 г.), Ф. П. Литке (1821–1824 гг.), П. К. Пахтусов (1832–1835 гг.), К. Бэр (1837 г.), А. К. Циволька (1838–1839 гг.), К. Н. Посьет (1870 г.) и многие другие.

По нарастающей выходят научные, научно-популярные труды, посвящённые Новой Земле, дневники путешественников. Однако все эти работы были посвящены природе, географии, геологии, редко этнографии.

Непосредственно археологические исследования на Новой Земле начались в конце 80-х гг. XX в.

В 1988 г. к комплексным исследованиям культурного и природного наследия на Новой Земле приступила Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ) под начальством и научным руководством П. В. Боярского. МАКЭ были впервые здесь начаты научные исследования (включая археологические работы) памятников истории освоения Арктики (Новая Земля, Т. 2, 1993. С. 112).

В 1993 г. начинается выход в свет под общей редакцией П. В. Боярского трудов Морской арктической экспедиции под общим названием «Новая Земля», посвящённых результатам комплексных исследований МАКЭ природного и культурного наследия архипелага. Всего вышло семь томов из серии «Труды МАКЭ», посвящённых изучению культурного и природного наследия архипелага, в которых описаны в том числе и объекты археологического наследия (Новая Земля, Т. 1, 1993; Новая Земля, Т. 2, 1993; Новая Земля, Т. 3, 1993; Новая Земля, 1994; Новая Земля, 1998; Новая Земля, Ч. 1, 2000; Новая Земля, Ч. 2, 2000).

В 1995 г. выходит в свет первая карта «Новая Земля. Культурное и природное наследие» (масштаб 1:1 000 000) и книги-приложения к ней под общей редакцией П. В. Боярского и А. А. Лютого.

В 2003 г. вышло в свет научное издание «Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле» под авторством В. Ф. Старкова и В. Л. Державина, которое посвящено уникальному памятнику археологии — зимовке экспедиции Баренца 1596–1597 гг. В книге обобщены материалы различных экспедиций за период с 1871 г. по 1995 г. Большая часть издания основана на результатах археологических экспедиций 1993 и 1995 гг. под руководством В. Ф. Старкова (Старков, Державин, 2003).

В 2009 г. в издательстве «Европейские издания — PAULSEN» вышел в свет первый том предложенной П. В. Боярским фундаментальной научной серии «Острова и архипелаги Российской Арктики» — монография под названием «Новая Земля» под общей редакцией П. В. Боярского; редакторы-составители — П. В. Боярский, Ю. К. Бурлаков (Новая Земля, 2009. 410 с.).

В 2020 г. в издательстве Paulsen вышел в свет пятый том серии «Острова и архипелаги Российской Арктики» — монография под названием «Архипелаг Новая Земля» под общей редакцией П. В. Боярского. Это исправленное и дополненное издание первого тома серии (Архипелаг Новая Земля, 2020. 599 с.). В обоих томах в разделе «Памятники истории освоения архипелага» среди прочих объектов культурного наследия представлены и памятники археологии.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

История археологических исследований на территории архипелага насчитывает всего несколько десятков лет. В конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. самостоятельные исследования в Ледяной гавани Северного острова проводились под

руководством Д. Ф. Кравченко. К тому времени от дома оставались лежать лишь одни нижние венцы. В основном он ограничился сбором подъёмного материала, но в общей сложности было собрано несколько сотен вещей, которые хранятся в Архангельском краеведческом музее. Экспедиция Кравченко извлекла из слоя галечных отложений фрагменты деревянного судна. Они были оставлены на месте раскопок и только в 1992 г. вывезены в Москву Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ).

В 1988 г. археологические исследования на Новой Земле проводились археологами МАКЭ Г. В. Ивановым и А. А. Фараджевым. За время полевых сезонов 1988, 1991, 1992 гг. обнаружены памятники каменного века, археологическими методами были исследованы объекты, связанные с освоением архипелага русскими поморами и ненцами, с деятельностью отечественных и зарубежных мореплавателей и путешественников.

В губе Каменка Северного острова архипелага, на территории зимовья П. К. Пахтусова, найдено 21 кремневое орудие и их фрагменты: нуклеусы, резчики, скребки, скобели, нож, мелкие отщепы. По характеру материал отнесён авторами к эпохе мезолита. В заливе Мелком найдены каменные орудия: два отщепа и орудие-резец. Хронологические рамки не установлены. Культурный слой в обоих случаях отсутствует (Новая Земля, т. 1, 1992. С. 115, 128).

Были исследованы объекты, связанные с освоением архипелага русскими поморами и ненцами, с деятельностью отечественных и зарубежных мореплавателей и путешественников. К ним относятся поморские кресты и их остатки, поморские и ненецкие кладбища, поморские становища, остатки лагерей первопроходцев. Наиболее интересные из них — руины зимовья кормщика Иванова (1759 г.) и П. К. Пахтусова (1832 г.) в губе Каменка, навигационные знаки в виде гурьев в заливе Моллера, поморские кресты XVIII–XIX вв. в заливе Мелком и кресты экспедиции Г. Я. Седова 1913 г. (Новая Земля, т. 1, 1992. С. 115–136), зимовье экспедиции В. Баренца 1596–1597 гг. (Виллем Баренц ..., 1996. С. 2–32).

В 1993 г. Институт археологии РАН организовал российско-голландскую археологическую экспедицию на мыс Спорый Наволок, начальником которой был Хенк Ван Веен, а держателем Открытого листа на право производства археологических исследований — сотрудник Института археологии (ИА) РАН профессор В. Ф. Старков. В 1995 г. в составе МАКЭ под руководством П. В. Боярского археологическими работами также руководил В. Ф. Старков. Активное участие в археологических изысканиях принял специалист ИА РАН В. Л. Державин.

В 1993–1998, 2007, 2017 гг. археологические исследования на территории архипелага проводили археологи МАКЭ С. В. Гусев, Е. А. Саликов, И. Б. Барышев. За эти годы исследованы восточное и западное побережья архипелага, причём первое гораздо меньше. Наиболее интересными объектами изучения стали зимовье Ф. Ф. Розмыслова 1768–1769 гг. в губе Тюленьей в проливе Маточкин Шар, зимовье П. К. Пахтусова 1834–1835 гг. в устье р. Чиракина в Маточкином Шаре, повторное исследование зимовья В. Баренца в Ледяной гавани в 1995 г., зимовье Саввы Лошкина 1742 г., навигационные знаки-гурии XVII–XX вв., поморские кресты XVIII–XX вв.

За годы исследований были найдены и изучены несколько десятков памятников, которые датируются от финальной стадии палеолита до начала 20-х гг. XX в.

ОБЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АРХИПЕЛАГА

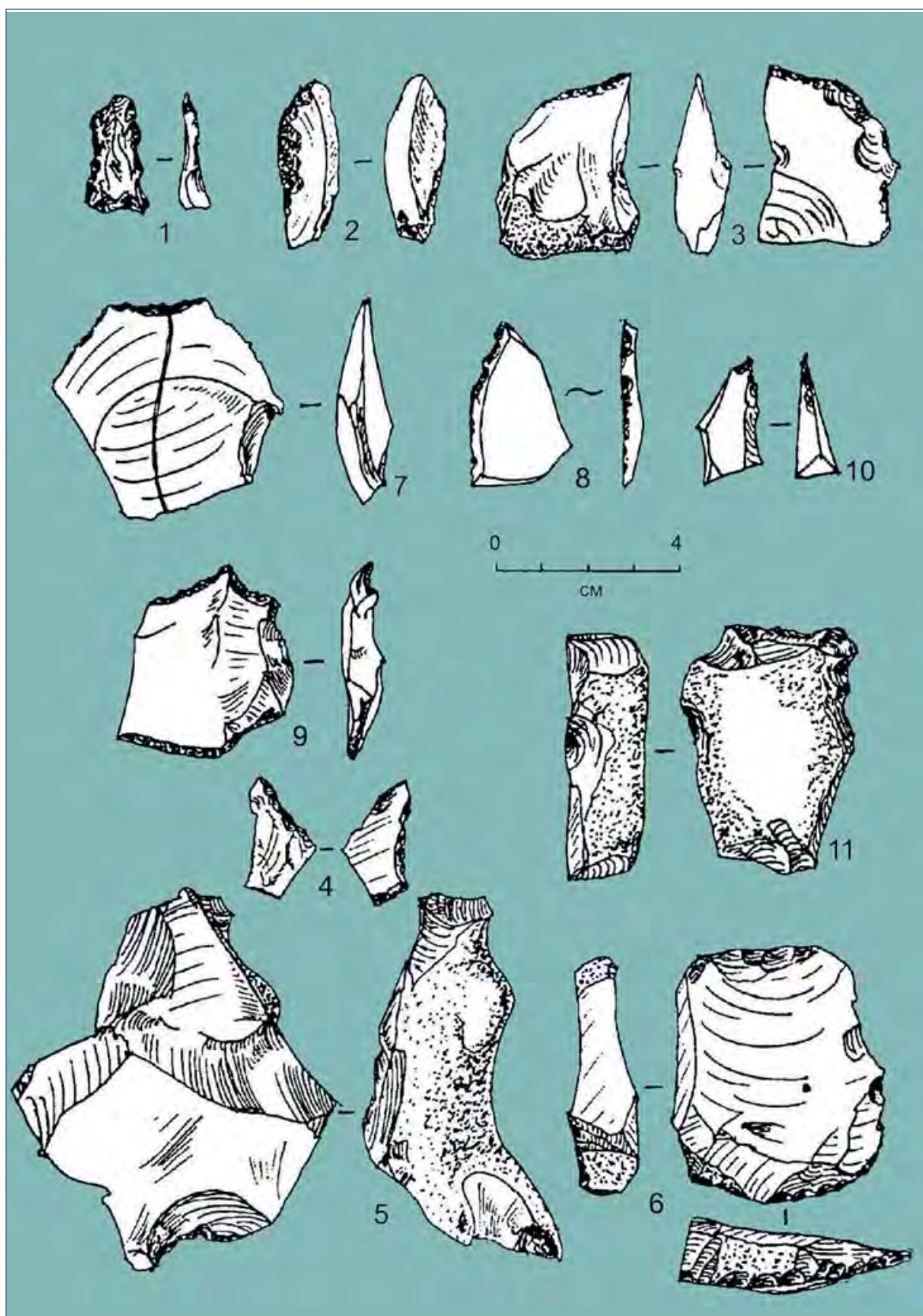
В 1992 г. на архипелаге были предприняты первые археологические поиски следов пребывания древнего человека. Несмотря на фрагментарность осмотра побережья и кратковременность пребывания в пунктах обследования, археологом МАКЭ Г. В. Ивановым в четырёх местах был обнаружен кремневый археологический материал (Иванов, 1993. С. 49).

Илл. 2. Архипелаг Новая Земля. Карта местонахождений каменных орудий

Местонахождение на мысе Желания является самым северным на Новой Земле. Найдено и исследовано археологом МАКЭ Г. В. Ивановым в 1992 г. Расположено на оконечности мыса, где было найдено одно орудие из окремнённого песчаника (илл. 3, 11). Удлиненный скол с выпуклой корочной спинкой подработан в тейякского типа зубчато-скребковое орудие со скребковыми поперечными и боковым двусторонне обработанными режущими краями (лезвиями), с оформлением на стыке двух лезвий рабочего клювовидного конца с брюшковым приостряющим поперечным сколом (Иванов, 1993. С. 47–54).

Стоянка каменного века Каменка расположена в юго-восточной части губы Каменка, к северо-западу от бывшего острова Избной, в 50 м от бровки уступа террасы, на поверхности второй террасы высотой 8–10 м над уровнем моря, в пределах зимовья Иванова — Пахтусова. Имеет географические координаты: $70^{\circ} 37'$ с. ш., $57^{\circ} 27'$ в. д. Найдена и исследована археологом МАКЭ Г. В. Ивановым в 1992 г.

Илл. 3. Архипелаг Новая Земля. Каменные орудия

На участке площадью 6–7 м², среди мусора зимовья Пахтусова, найдено 21 кремневое орудие (илл. 3, 1–6). Культурный слой, синхронный кремневному материалу, отсутствует. Все кремневые изделия были выположены на поверхности.

Изделия из кремня представлены в виде фрагментов 9 сколов и 12 орудий, среди которых можно выделить: три нуклеуса на кремневых конкрециях с негативными следами снятия отщепов, резчики, скребки, скобели на небольших кремневых отщепах, нож, мелкие отщепы. По характеру материала памятник можно отнести к эпохе мезолита.

Орудия: ножевидное двулезвийное мелкозубчатое орудие с поперечно скошенным приострѣнным лезвием на отщепе светло-серого кремня (илл. 3, 1).

Археологический культурный слой представлен в руинах. Историческая территория памятника искажена. Этническая принадлежность неизвестна (Иванов, 1993. С. 47–54; Новая Земля, т. 1, вып. II, 1993. С. 115; Новая Земля, 2009. С. 126, 127).

Стоянка Фактория находится в юго-западной части Новой Земли, на западном берегу зал. Цивольки, на юго-восточной оконечности п-ова Рахманова, недалеко от фактории 30–50-х гг. XX в. Стоянка расположена на восьмиметровой цокольной террасе, покрытой щебнисто-обломочным материалом. Найдена и исследована археологом МАКЭ Г. В. Ивановым в 1992 г.

Собранный на площади 8×20 м² подъёмный материал представлен обломками белого кремня невысокого качества. Практически весь материал является продуктом морозобойного раскалывания. Природные выходы подобного материала в окрестностях стоянки не встречаются.

Из собранных более 30 шт. обломков кремня размером не более 3–4 см, на 10 экземплярах были выявлены явные характерные черты антропогенного использования. На пяти сколах ясно была видна ретушная подработка:

- треугольный заострѣнный скол, по боковой грани которого со стороны боюшка у острого конца нанесена вертикальная обработка поперечными крупными фасетками, приостряющими и делающими зубчатым боковой край, примыкающий к острому концу;
- отщеп из кварцита, противлежащие рабочие края которого обработаны крутой мелкой ретушью;
- уплощенный отщеп, морозобойно расколотый надвое, на одном из участков которого со стороны брюшка отретуширована выемка;
- треугольный отщеп, один из краёв которого частично подработан крутой ретушью;
- отщеп с подработкой по зубчатому краю мелкой крутой ретушью.

Материал стоянки Фактория в целом невыразительный. Для него характерна та особенность, что использовались не только куски естественно расколотого камня, но и сколы, уже преобразованные в орудия, которые в дальнейшем подвергались мерзлотобойному раскалыванию, возможно, не один раз, и, естественно, как отмечал Г. В. Иванов, такой материал для каких-либо определений и интерпретаций достаточно сложен (Иванов, 1993. С. 47–54).

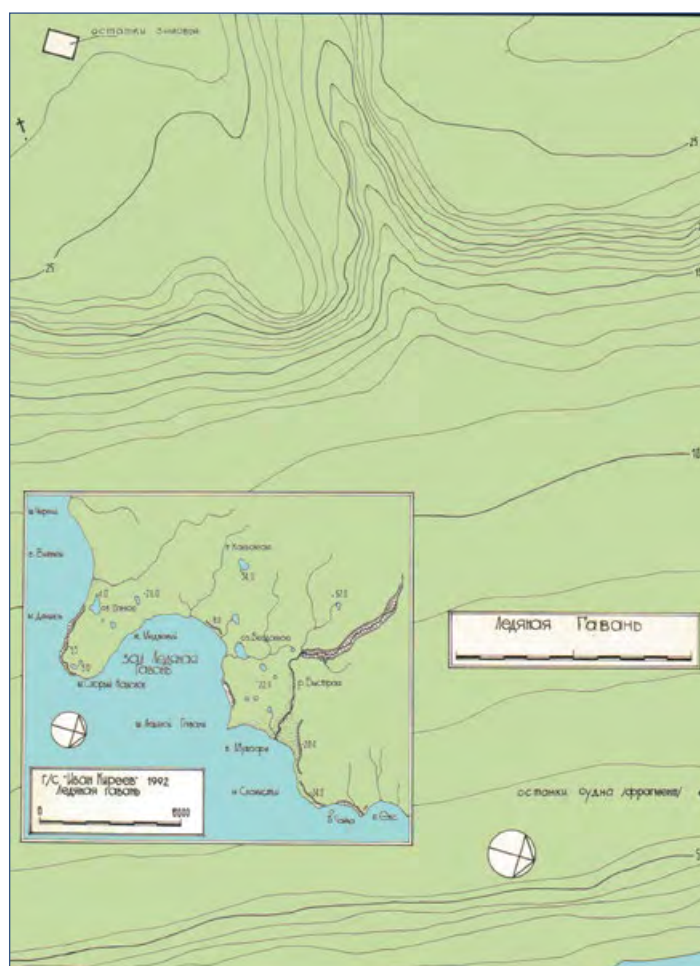
Местонахождение у залива Мелкого находится на небольшом мысу, круто обрывающемся в сторону моря, в 200 м к востоку от мыса Цивольки. Найдено и исследовано археологом МАКЭ Г. В. Ивановым в 1992 г.

Изделия из кремня обнаружены на поверхности пологого склона, сложенного коренными породами и имеющего чехол из щебнисто-суглинистого материала. Террасы имеют высоту от 5 до 10–12 м и примыкают с одной стороны к мысу Цивольки, а с другой — к устью р. Мелкой.

В 1,5 м от северо-западного края мыса на поверхности слегка пологого склона были найдены два отщепа серого кремня (краевой и фрагмент поперечного, каждый размером до 2-х см) и небольшой осколок на кремневом сколе, по правой

границ которого в верхней её части идёт полукруглая приостраивающая обработка поперечными фасетками, а у конца противоположного края оформлена выемка, превращающая скол в острие-проколку. Кремний в коренных породах всей обследованной территории отсутствует. Возможно, что основной кремневый материал стоянки смыт, поскольку процессы разрушения поверхности отложений протекают довольно интенсивно. Археологический культурный слой разрушен (Иванов, 1993. С. 47–54; Новая Земля, т. 1, вып. II, кн. 2, 1993. С. 128; Новая Земля, 2009. С. 207).

Зимовье В. Баренца 1596–1597 гг. Памятник расположен у северо-восточной оконечности мыса Спорый Наволок (илл. 4), в 220 м от линии уреза воды, на поверхности первой морской террасы высотой 4 м, в 400 м от маяка Спорый Наволок. Севернее места зимовки голландской экспедиции находится глубокий овраг, по которому, по определению МАКЭ, в 1992 г. транспортировались грузы от затёртого во льдах судна. Обрывистый мыс Спорый Наволок окаймлен каменным рифом, часть которого надводная. К северу от мыса находится бухта Ледяная гавань.

Илл. 4. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань.

Местоположение зимовья В. Баренца 1596–1597 гг. и место находки борта деревянного судна

Зимовье расположено на второй морской террасе, в 40 м от её бровки. По периметру зимовья прослеживается зелёная полоса мхов шириной до 5 м. На поверхности лежат глыбы и мелкий обломочный материал песчаника, реже — щебенка алевролитов. Проективное покрытие мхов составляет 60–70%. Зелёные мхи образуют подушки. На моховой подстилке рассеяны отдельные куртинки высших

растений. На разложившейся древесине и вокруг остатков избы (несколько брёвен) формируются чисто моховые группировки.

В начале 90-х гг. XVI в. Северо-Восточным проходом заинтересовалась Голландия. В 1594, 1595 и 1596 гг. из Голландии этим путём направляются три торговых экспедиции в Индию и Китай. Один из руководителей всех трёх экспедиций — Виллем Баренц.

В 1596 г. два судна были отправлены Голландией в Китай. На одно из них назначили главным штурманом Баренца. Баренц решил обогнуть Новую Землю с севера. Второе судно пошло другим маршрутом. 26 августа 1596 г. судно Баренца было затёрто у северо-восточного побережья архипелага в Ледяной гавани. Голландцы выстроили на берегу жилище из плавника и судовых досок (илл. 5; 6). Только 14 июня 1597 г., бросив затёртое во льдах побережья судно и покинув зимовье, голландцы на лодках направились на север, чтобы с востока на запад обогнуть архипелаг и вдоль западного побережья спуститься на юг. У северо-западного побережья Новой Земли скончались заболевшие во время зимовки В. Баренц и два матроса. На юге Новой Земли голландцы встретили два судна русских поморов и получили от них помощь. Из 17 участников экспедиции на родину вернулись 12 человек.

Место зимовки голландской экспедиции 1596–1597 гг. в Ледяной гавани — *Het Behouden Huys* (голл. — «Дом спасения») было открыто в 1871 г. норвежскими промысловиками на судне под командованием капитана Э. Карлсена: «...дом стоял в таком виде, как будто он только вчера был построен. Внутри все было на своем месте и представлялось в совершенно таком же виде, как это изображено на одной из картин в книге *Де-Фера*» (Г. де Фер, 1936. С. 2). Он со своими спутниками расчистил внутреннее помещение ото льда, что вскоре привело к расконсервации памятника, и извлёк множество предметов, которые позже продал англичанину Э. К. Листеру, а тот передал их голландскому правительству. В числе находок были матросские сундуки, содержавшие плотницкие инструменты, навигационные приборы, часы, венецианское стекло, одежду, книги. Среди находок оказались даже гравюры известных голландских художников — современников мореплавателей. В 1872 г. Карлсен описал по памяти «дом Баренца» и начертил его схему, которую голландские исследователи впоследствии использовали при реконструкции постройки (Х. де Вейр, 2011. С. 220).

В 1875 г. здесь побывал норвежский промышленник Гундерсон, а на следующий год — английский яхтсмен Гардинер. Дом превратился в руины, но Гардинер, как и Гундерсон, нашёл на месте зимовья уникальные вещи, принадлежавшие участникам голландской экспедиции: часы, астрономические приборы, детали мушкетов, алебарды, монеты, столовую и кухонную керамическую посуду, металлические блюда, а также записку Баренца, оставленную в 1597 г. в мушкетной гильзе перед отплытием из Ледяной гавани.

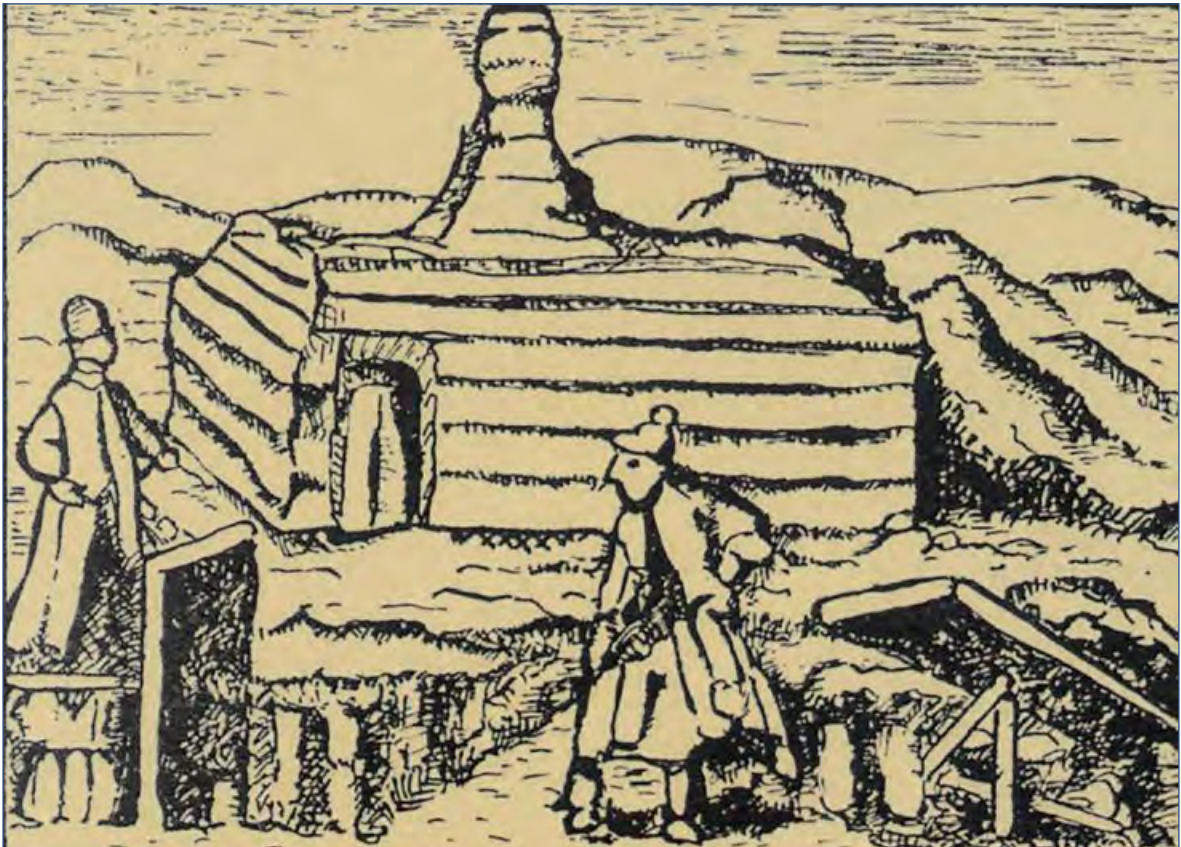
В 1933 г. на месте зимовки работала Восточноземельская экспедиция Арктического института под руководством Б. В. Милорадовича (Милорадович, 1934. С. 187–190).

В 1979, 1980 и 1983 гг. в Ледяной гавани побывала самодеятельная экспедиция под руководством Д. Ф. Кравченко и провела самодеятельные раскопки.

Впервые на основе Открытого листа археологические исследования руин голландского зимовья на мысе Спорый Наволок проводились сотрудниками МАКЭ в 1992 г., которые, не производя раскопок, собрали на руинах зимовья более семисот находок, в т. ч. и часть корпуса судна, лежавшего в большом углублении и покрытого небольшим слоем гальки на берегу.

Илл. 5. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань. Интерьер зимовья В. Баренца 1596–1597 гг. Старинная голландская гравюра из книги Х. де Вейра (Х. де Вейр, 2011. С. 102)

Илл. 6. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань. Внешний вид зимовья В. Баренца 1596–1597 гг. Старинная голландская гравюра из книги Х. де Вейра (Х. де Вейр, 2011. С. 105)

В том же 1992 г. на памятнике с краткосрочным визитом побывал голландский археолог Лоуренс Хакеборд (г. Гронинген), который ограничился фотосъёмкой объекта и составлением его плана.

В 1993 г. Институт археологии РАН организовал под руководством В. Ф. Старкова российско-голландскую археологическую экспедицию на мыс Спорый Наволок (начальник — Хенк Ван Веен, держатель Открытого листа — В. Ф. Старков). Исследования предусматривали:

- 1) раскопки зимовочного дома в Ледяной гавани;
- 2) подводные исследования, связанные с розыском остатков судна;
- 3) поиск захоронений Виллема Баренца и матроса Андриаса Гаутейка на западном побережье архипелага.

В 1995 г. в составе МАКЭ под руководством П. В. Боярского (держатель Открытого листа — В. Ф. Старков) была организована совместная российско-голландская экспедиция, которая комплексно исследовала зимовье и окружающую среду (илл. 7; 8). Работой нидерландской группы специалистов непосредственно руководил Е. Гавронски. Активное участие в археологических изысканиях приняли специалисты Института археологии РАН — профессор В. Ф. Старков и В. Л. Державин. Хотя работы носили комплексный характер, но археологические исследования дома Баренца были приоритетными, так как предстояло полностью завершить его изучение. Большая часть находок российско-голландской экспедиции хранится в Институте археологии РАН, а наиболее яркие из них — временно в музее «Помор» в Баренцбурге на Шпицбергене (Норвегия).

Остатки зимовья (илл. 9) представляли собой развал брёвен нижнего венца однокамерного деревянного строения прямоугольной формы. Основание жилища имело размер $8 \times 6,5$ м и было ориентировано по оси юго-юго-восток — северо-северо-запад. Строение было сооружено из брёвен, досок, деталей судна и другого подручного материала. Диаметр брёвен нижнего венца 25–28 см. В развале жили-

*Илл. 7. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань. Лагерь экспедиции.
Фото МАКЭ, 1992 г.*

Илл. 8. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань.
Остатки зимовья В. Баренца 1596–1597 гг. Вид с юга. МАКЭ, 1995 г.

Илл. 9. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань.
План остатков зимовья В. Баренца 1596–1597 гг. МАКЭ, 1995 г.

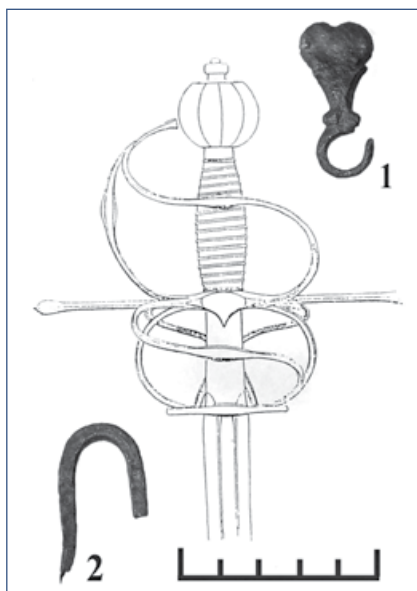
ща прослежено скопление необработанных камней средних размеров. Скопление имеет ширину 0,8–1 м, пересекает по диагонали, с северо-запада на юго-восток, основание жилища.

На территории зимовья в 1992 г. были обнаружены (илл. 10, 11): фрагменты оружия, кованые железные гвозди длиной 4–15 см и сечением 0,3–1,5 см, кованые железные обручи от бочек, фрагменты поливной и неглазурованной посуды (горшки, миски), кожаной обуви и тканей, судовых концов, стеклянных сосудов.

По всей территории памятника встречались кости морского зверя, песка и домашних свиней. Наиболее интенсивное скопление костей животных находилось у северо-западного угла жилища.

В 1995 г. во время раскопок были обнаружены восемь миниатюрных статуэток мифологических персонажей, изготовленных из олова, костяная декоративная панель ружья, свинцовый диск с надписью, суконная печать, книжный замок, чугунная весовая гиря в один амстердамский фунт, различные типы свинцовых пуль, железные гвозди и многочисленные фрагментированные находки.

Памятник руинирован, историческая территория искажена, археологический культурный слой нарушен (Новая Земля, 2009. С. 22–30, 142–144; Боярский, 2011. С. 192–244; Боярский, 2015. С. 7–8; Карта «Новая Земля», 1996; Gawtonsky, Boyarsky (et al.), 1997. С. 192–44). Видимо, он наиболее сильно пострадал в годы Второй мировой войны, когда в районе мыса Спорый Наволок действовали немецкие подводные лодки (Новая Земля, 2009. С. 155–59).

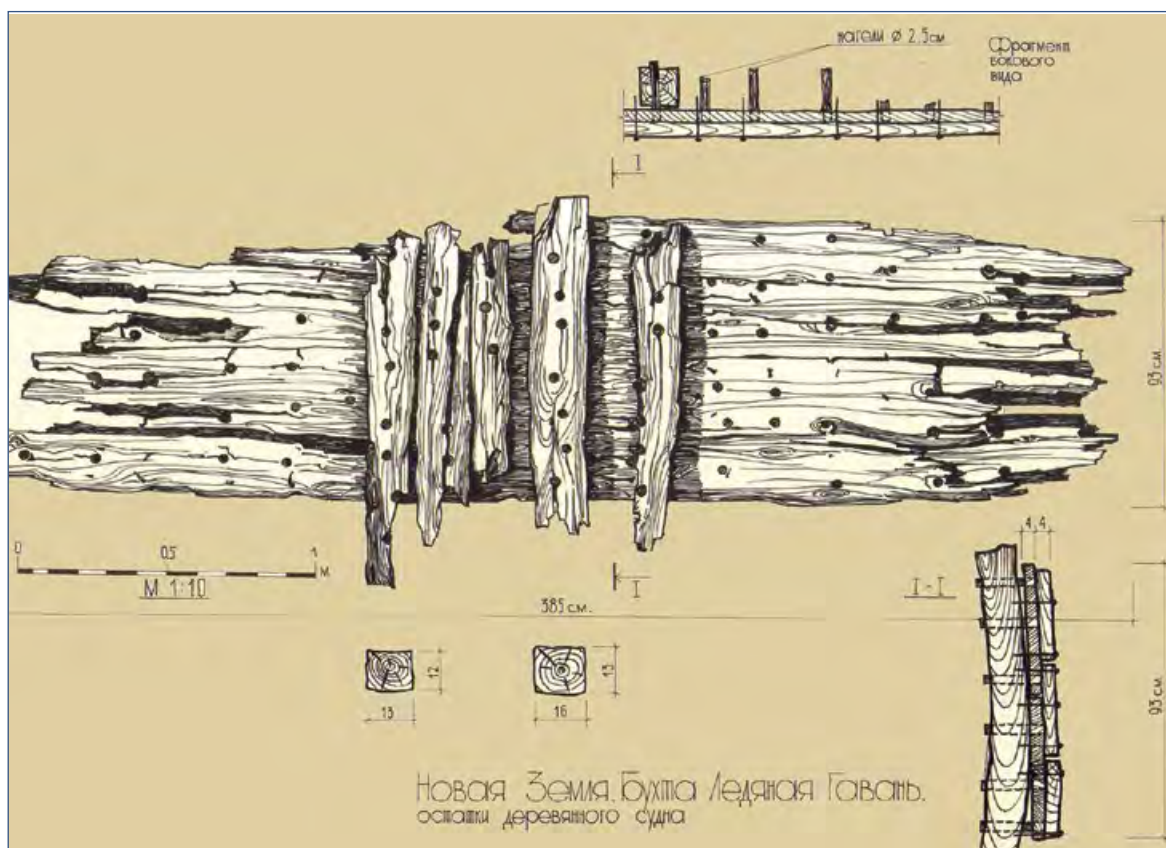
Илл. 10. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань. Зимовье В. Баренца 1596–1597 гг. Детали эфеса шпаги. МАКЭ, 1995 г.

Илл. 11. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань. Зимовье В. Баренца 1596–1597 гг. Находки экспедиции Б. В. Милорадовича. 1933 г. Рисунок с сайта музея Арктики и Антарктики: <http://www.polar-museum.ru/sketches/barentz/barentz.htm>

Фрагменты деревянного судна (илл. 12) обнаружены на расстоянии 30 м от береговой линии, на высоте около 3 м относительно уреза воды. Находка располагалась в районе второго крупного берегового вала, сложенного галечными отложениями.

Затёртое во льдах и сидящее на мели судно экспедиции было оставлено у побережья Ледяной гавани. Окружающий его мощный лёд с торосами мог оставаться на мели, отмеченной в 1992 г. сотрудниками МАКЭ, не один год. Судно постепенно ветшало и разваливалось. И часть его остатков и тяжёлого снаряжения (балласт, пушки, якоря и т. п.) оказалась неподалёку на дне, а плавающие

Илл. 12. Архипелаг Новая Земля. Бухта Ледяная гавань. Зимовье В. Баренца 1596–1597 гг.
Фрагмент деревянного судна. МАКЭ, 1995 г.

детали конструкции и снаряжения были частично выброшены волнами на берег, унесены в море.

На поверхности вала была обнаружена сотрудниками МАКЭ в 1992 г. яма, в которой лежал крупный фрагмент судна длиной до 1,5 м. Фрагмент состоит из трёх рядов широких досок обшивки корпуса и пяти сохранившихся шпангоутов. Доски борта, каждая толщиной 4 см, уложены в два слоя. Расположенные вплотную друг к другу шпангоуты указывают на приспособленность судна к плаванию в ледовых условиях. Подобные шпангоуты применялись на поморских судах ледового класса.

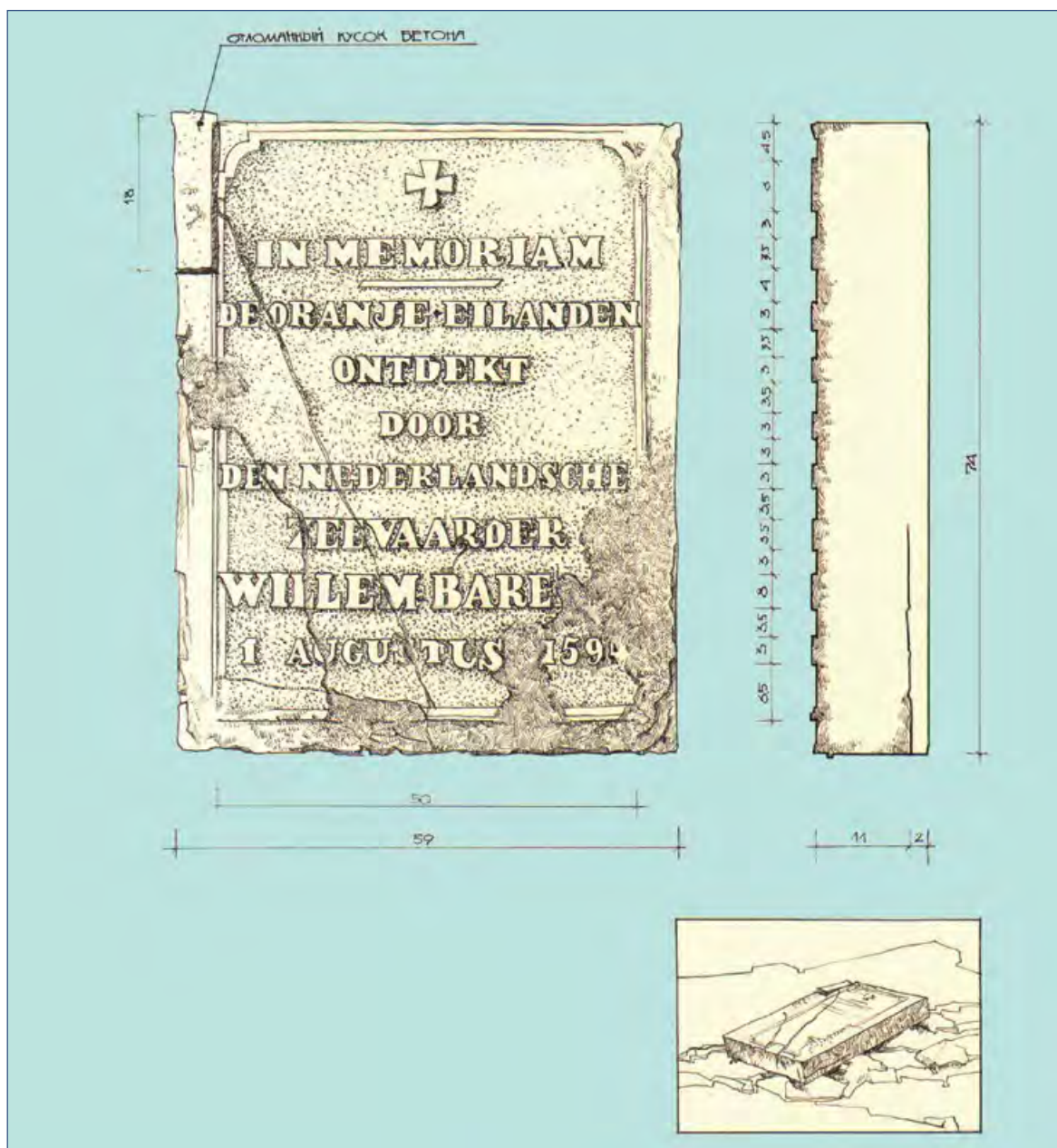
Детали корпуса корабля выполнены из дуба. Сохранившаяся длина борта 3,85 м, ширина 0,93 м, толщина 30–45 см. Доски обшивки скреплены между собой коваными железными гвоздями. Шпангоуты крепятся к внутреннему слою обшивки судна на деревянных нагелях (шпонках).

Борт судна доставлен сотрудниками МАКЭ в Москву и хранился в РНИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, а позже был передан в Музей Арктики и Антарктики (г. Санкт-Петербург) (Новая Земля, т. 1, вып. II, 1993. С. 143, 144; Державин, 2020. С. 174–181).

Мемориальная плита в память об экспедиции В. Баренца. Находится на Малом Оранском острове, на вершине высокого скалистого утеса (илл. 13). Географические координаты: 77° 00′ с. ш., 67° 57′ в. д.

Была установлена в 1881 г. голландской экспедицией на судне «Виллем Баренц» под руководством К. ван Бхейзена у остатков гурия на самом западном из группы Малых Оранских островов.

Летом 1933 г. это место посетили участники экспедиции Всесоюзного арктического института (ВАИ) под руководством Г. В. Горбацкого. По его описанию,

Илл. 13. Архипелаг Новая Земля. О-в Малый Оранский. Мемориальная плита в память об экспедиции В. Баренца. Рис. МАКЭ, 1988 г.

плита стояла прислонённой к скальному обрыву в 50 м от уреза воды. Слева от доски находилась плоская груда камней, куда было воткнуто измочаленное весло. Несколько букв на плите из песчаника откололись и были найдены тут же на песке. Рядом с мемориальной плитой лежала деревянная доска с бледной надписью «WILLEM BARENTS, 1881», причём последняя цифра была исправлена с 0 на 1 (Горбачский, 1933. С. 352; Визе, 1936. С. 19–20). Обследована МАКЭ в 1988 г. (Боярский, 1990 а. С. 167; Боярский, 1990 б. С. 26, 61).

Мемориальная плита представлена монолитным каменным блоком в форме параллелепипеда размерами 59 × 74 × 13 см. Плита уложена с небольшим наклоном на каменистую поверхность вершины утеса. На лицевой стороне выбиты рельефная надпись и рельефное изображение четырёхконечного креста. По периметру лицевой поверхности плиты вокруг надписи выбиты рельефная рамка и надпись:

«IN MEMORIAM
DE ORANJE EILANDEN
ONTDEKT
DOOR
DEN NEDERLANDSCHE
ZEEVAARDER
WILLEM BARENTS
1 AUGUSTUS
1594»

(«В память об Оранских островах, открытых голландским мореплавателем Виллемом Баренцем 1 августа 1594»).

В слове «BARENTS» три последние буквы сколоты (Новая Земля, т. 1, вып. II, кн. 2, 1993. С. 138–139; Карта «Новая Земля», 1996; Новая Земля... Указатели..., 1996. С. 129; Новая Земля, 2009. С. 176).

Мемориальная плита в память об экспедиции В. Баренца на о. Баренца. Находится в центральной части острова (вост.), в 250 м северо-западнее триангуляционного знака «*Баренц. пир. восточн., 4 кл, 55 г.*», в точке с географическими координатами: 76° 17' 33'' с. ш., 61° 21' 30'' в. д.

Установлена в 1881 г. голландской экспедицией на парусном судне Willem Barents под руководством К. ван Брекхейзена.

Летом 1933 г. это место посетили участники Северной новоземельской экспедиции ВАИ под руководством Г. В. Горбачкого (Горбачкий, 1933. С. 352). Аналогичная плита установлена в 1881 г. на Малых Оранских островах той же голландской экспедицией.

В 1988 г. обследована Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ) Института Наследия.

Мемориальная плита представлена монолитным каменным блоком из серого камня в форме параллелепипеда с размерами 60 × 76 × 13 см. Плита без значительных повреждений, в хорошем состоянии, уложена с небольшим наклоном на груду камней, торчала из земли одним лишь своим углом, находясь нижней правой частью на 1/4 в грунте, и рёбрами, обращёнными на север-юг. На лицевой стороне выбиты рельефная надпись и рельефное изображение четырёхконечного креста.

По периметру лицевой поверхности плиты вокруг надписи выбиты рельефная рамка и надпись:

«IN MEMORIAM
KAAP NASSAU ONTDEKT DOOR DEN
NEDERLANDSCHE ZEEVAAR DER WILLEM BARENTS
1 AUGUSTUS 1594»

(«В память
Мыс Нассау
открыт голландским мореходом Виллемом Баренцем
10 июля 1594 г.»)

В слове «BARENTS» три последние буквы сколоты (Новая Земля, 2009. С. 177). На тыльной стороне плиты выцарапано «Шлюндин», «Сидоркин» (?) и ещё две фамилии, которые не читаются.

выходах коренных пород — песчаников и алевроитов. Географические координаты объекта: 71° 34′ с. ш., 55° 44′ в. д.

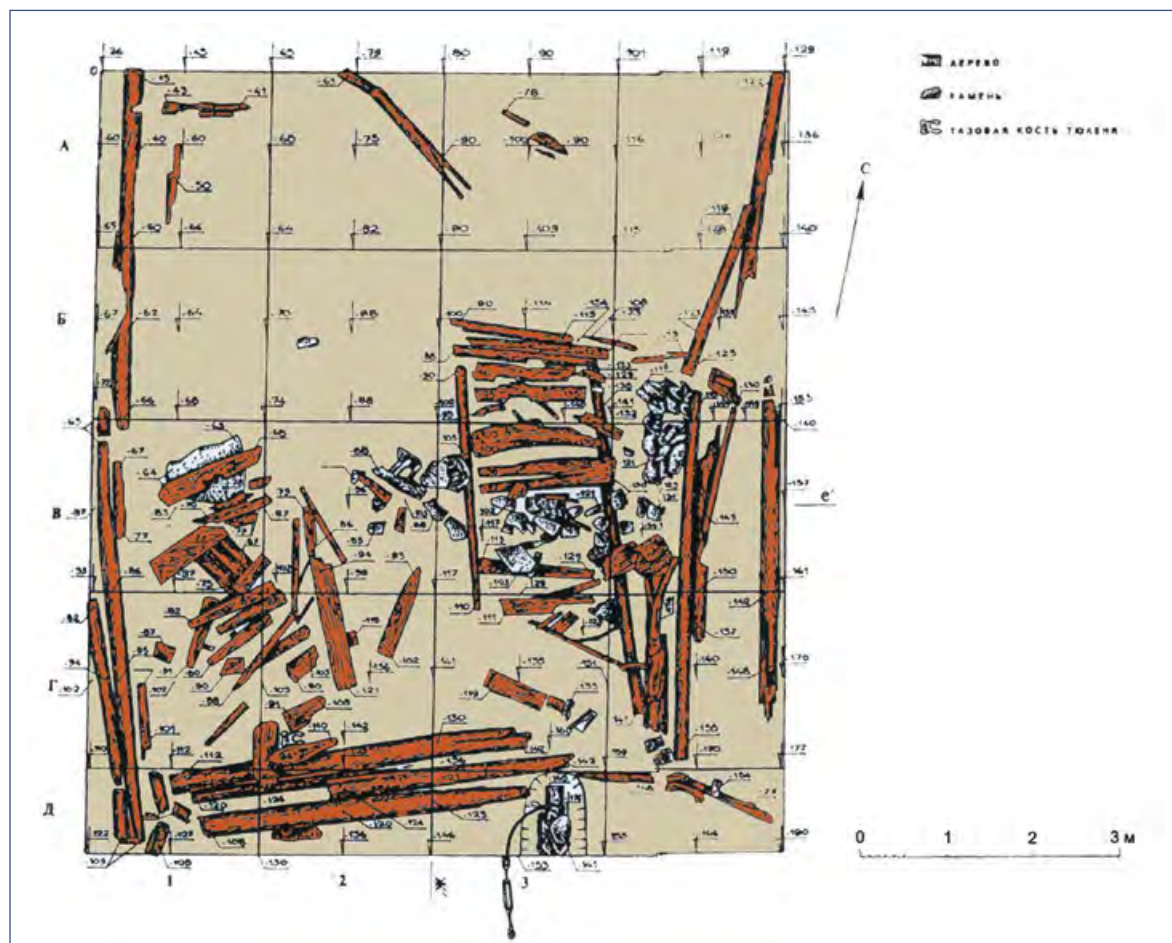
В 1833 г. П. К. Пахтусов обнаружил остатки зимовья экспедиции Саввы Лошкина (Дневные записки..., 1956. С. 64). На кресте прочёл надпись: «Поставили сей животворящий крест на поклонение православным христианам зимовщики, 12 человек, кормщик Савва Θ...анов, на Новой Земле, по правую сторону Кусова Носа».

На большой поперечине креста была вырезана дата: «З С Н оду июля 9 дня», что соответствует 7250 г. от сотворения мира и 1742 г. по нашему летоисчислению. Из-за выветривания поверхности дерева П. К. Пахтусов с трудом мог прочитать фамилию. Пахтусов предложил, что на кресте написана фамилия «Θофанов» или «Θеофанов». По его мнению, это была фамилия Саввы по прозвищу Лошкин.

В 1911 г. В. А. Русанов (Русанов, 1945. С. 184) обнаружил развалины избы размером 8 × 3,5 м.

В 1924 г. Р. Л. Самойлович отметил остатки креста на месте зимовья Саввы Лошкина, написав, что «дерево креста ... в верхних слоях довольно сильно пострадало, вследствие чего надпись, расположенная ниже косо́й перекладины, неясна. Я мог разобрать: "...поставил сий крест... Θ...нов"» (Самойлович, 1929. С. 51).

На месте зимовья был заложен раскоп (илл. 15). Общая длина избы по оси север — юг составляла 8 м, ширина по оси запад — восток — 6 м. Сохранившиеся в грунте нижние венцы западной и восточной стен сруба, а также заметное отличие в составе самого грунта и местоположение находок указывают на то, что изба состояла из двух половин — северной (длиной 6 м) и южной (длиной 5 м).

Илл. 15. Архипелаг Новая Земля. Устье р. Саввиной.
Планиграфия раскопа предполагаемого зимовья С. Лошкина середины XVIII в. МАКЭ, 1991 г.

Солифлюкционные процессы привели к тому, что часть венцов восточной стены избы и часть каменной кладки печи оползли вниз по склону террасы в восточном направлении до двух метров; юго-западный угол избы на метр сместился к югу. В северо-восточном углу жилого помещения находится развал печи. Основная площадь жилого помещения усеяна фрагментами досок плохой сохранности.

Выявленный материал не позволяет судить о расположении окон и дверей. В окна избы, вероятно, вставлялась слюда, сохранившаяся в четырёх небольших фрагментах. Обилие остеологических останков даёт представление о пищевом рационе и объектах промысла обитателей зимовья.

Илл. 16. Архипелаг Новая Земля. Устье р. Саввиной.
Предполагаемое зимовье С. Лошкина середины XVIII в. Находки. МАКЭ, 1991 г.

Помимо 68 обзоров кости, 2 клыков медведя и одного фрагмента кости со следами обработки, в процессе раскопок на месте зимовья найдены еще 74 артефакта. Среди них: отходы перекройки одежды, обуви и снаряжения, которой занимались поморы во время зимовки; кованые гвозди, рыболовный крючок, перо коловорота и железный кованый румпель от руля гребного судна; шесть свинцовых шаровидных пуль диаметром от 1,0 до 1,3 см, отлитых в двухсторонней форме; 4 кремневых отщепов от огнестрельного оружия и кремень для добывания огня; точильный камень из местного сырья и т. д. (илл. 16) (Новая Земля, кн. 2, ч. 1, 1998. С. 96–97, 123–132).

Поморское зимовье XVIII–XIX вв. Зимовье расположено на северном берегу губы Грибовой, в кутовой части, в бухте Заповедной, за береговым валом и на первой морской террасе высотой 3–4 м над урезом воды, на расстоянии 20–25 м от кромки прибоя (илл. 17). Территория становища занята пятнистой кустарничково-моховой тундрой с проективным покрытием около 60%. На пологом склоне ко второй террасе, выше изб, развиваются полигональные тундры. На склоне первой террасы, ниже изб, формируются моховые группировки с латками и разреженным травостоем (Новая Земля, кн. 2, ч. 1, 1998. С. 61–74).

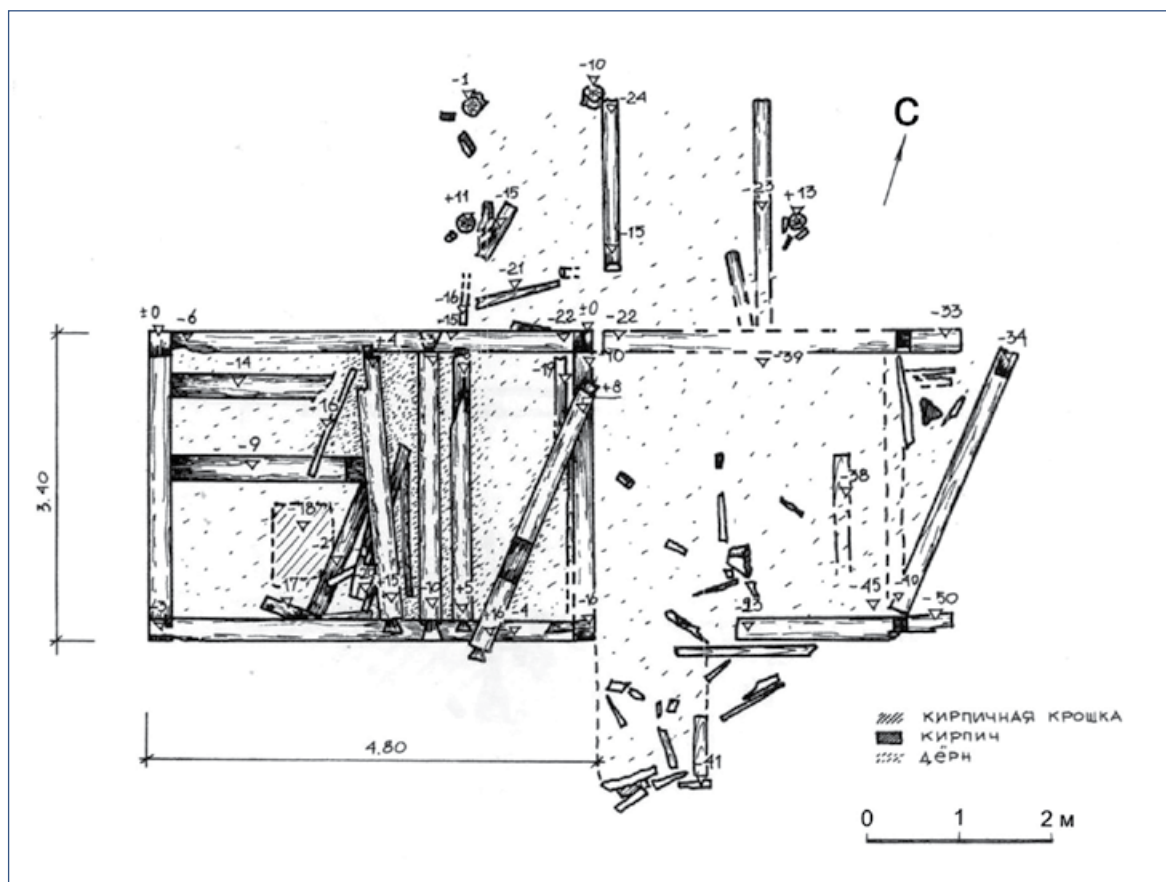
Илл. 17. Архипелаг Новая Земля. Губа Грибовая.
Схема расположения поморского зимовья XVIII–XIX вв. МАКЭ, 1994 г.

Бухта имеет идеальное дно для причаливания небольших судов, есть источники пресной воды, богата запасами рыбы, морского зверя, птицы и поэтому была выбрана для устройства зимовья (Новая Земля, 2009. С. 78; Боярский, 2015).

Впервые зимовье упоминается в 30-е гг. XIX в. С. А. Моисеевым. В 1923 г. в губе Грибовой побывал Р. Л. Самойлович и кратко описал зимовье (Дневные записки..., 1956. С. 195; Самойлович, 1929. С. 28).

Зимовье включает остатки двух изб, баню и захоронения. Избы и баня находятся в центральной части бухты на правом берегу ручья, на расстоянии 15–20 м от него, на высоте 3–4 м над урезом воды. Строения расположены у самого основания галечниковой косы и частично на первой морской террасе, сложенной глеевыми глинами и покрытой тонким флювиогляциальным чехлом.

Изда № 1 и баня (илл. 18) размещены частично на гальке, другая изба (№ 2) — на глинистом грунте. Сохранились остатки нижних венцов и развалов печей строений. На прилегающей к избам территории встречаются кости птиц и морского зверя (лахтак, нерпа), деревянная щепка, угольки. При зачистке нижних венцов одной из изб найдена янтарная бусина.

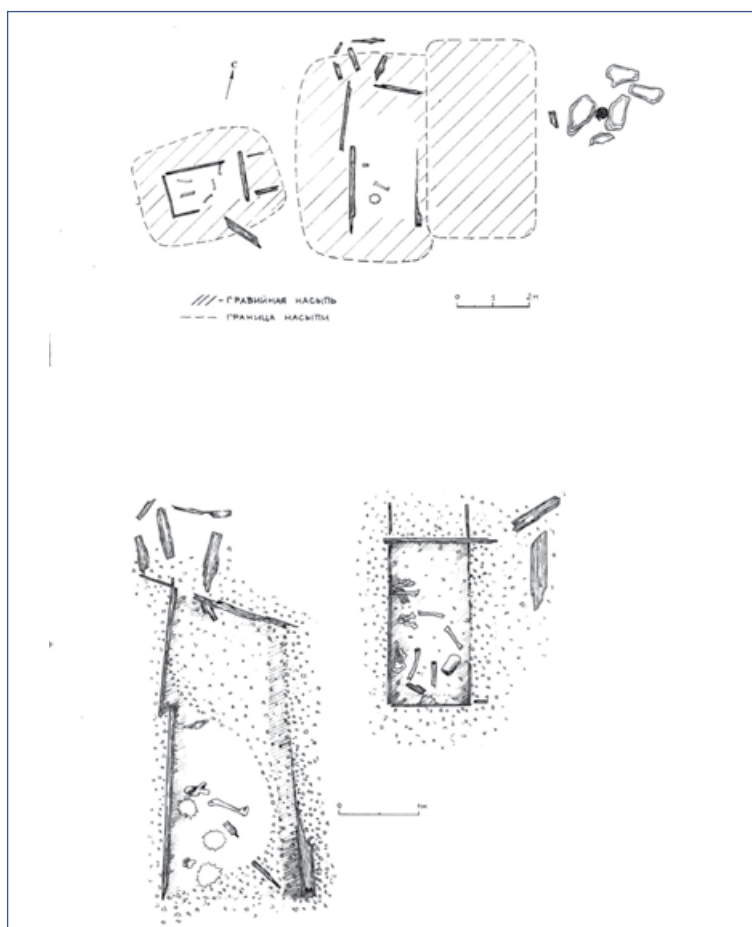

Илл. 18. Архипелаг Новая Земля. Губа Грибовая. План избы № 1. МАКЭ, 1994 г.

Могилы (илл. 19) расположены на левом берегу ручья, к востоку от жилого комплекса, на галечниковом берегу бухты, на высоте 2,5–3 м над урезом воды и на расстоянии 20 м от кромки прибоя.

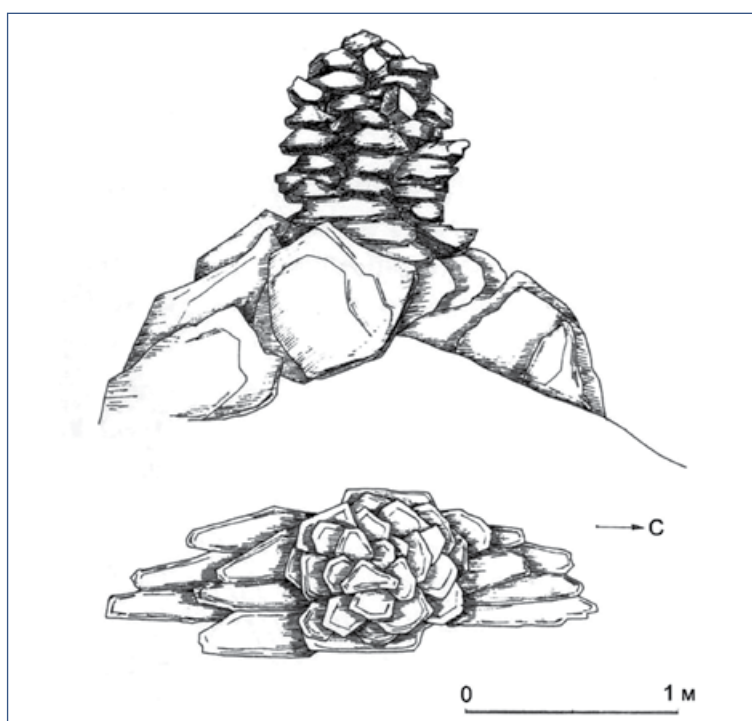
Археологические раскопки на территории зимовья выявили сильно гумусированный культурный слой до 15 см, насыщенный костями птиц и морского зверя. Артефакты представлены железными гвоздями, фрагментами керамики, фрагментом изделия из кости (рукоять и пластина), кремневыми орудиями, точильным бруском из сланца. Кремневые орудия представлены ружейными кремнями, кресалами и отщепами. По фрагментам керамической столовой посуды зимовье возможно датировать XVII — 2-й пол. XIX вв.

Могильник представлен тремя могилами (илл. 19) и фрагментом опорного столба надмогильного креста, вертикально заглублённого в береговой вал. Остатки деревянного креста имеют диаметр 16 см и обложены крупными плитами и валунами. Крест был спилен (Новая Земля, кн. 2, ч. 1, 1998).

Илл. 19. Архипелаг Новая Земля. Губа Грибовая. Планиграфия могил. МАКЭ, 1994 г.

Гурий (илл. 20), сложенный из каменных плит, расположен в 300 м к северу от зимовья, на холме.

Илл. 20. Архипелаг Новая Земля. Губа Грибовая. *Гурий*. Вид с востока. Рис. МАКЭ, 1994 г.

*Илл. 22. Архипелаг Новая Земля. Губа Грибовая. Крест на острове Кремера.
МАКЭ, 1994 г.*

стороны основания креста вырезана надпись: «*Киреев В. 1966*». С лицевой стороны вырезана надпись: «*ЦЫБИН... 70 г. ГАЛЯ... КИРЕЕВ*».

Остатки креста расположены на северо-западном побережье губы Грибовой, на юго-западной оконечности полуострова Панькова Земля, в 500 м северо-восточнее кабельного бункера, на краю крутого обрыва.

Крест представляет собой сильно расщеплённый остаток бревна высотой 100 см, диаметр сохранившейся нижней части — 50 см. Бревно находится в небольшом углублении, на дне которого лежат камни. Вокруг в радиусе 50 см также разбросаны камни различной величины, ранее, видимо, служившие опорой креста (Новая Земля, кн. 2, ч. 1, 1998. С. 136; Новая Земля, 2009. С. 83).

Зимовье 1834–1835 гг. экспедиции П. К. Пахтусова расположено на узкой горизонтальной площадке коренного обрывистого берега р. Чиракина, на расстоянии 60–70 м от её впадения в пролив Маточкин Шар (илл. 23).

Растительный покров в окрестностях памятника представлен злаковыми, осоковыми и моховыми группировками с проективным покрытием 30–40%, в основном по контурам солифлюкционных образований. Из животных в районе зимовья отмечены белый медведь, гуси, утки. В реке обычен голец, попадаются омуль и горбуша. Долина р. Чиракина находится на пути сезонных миграций оленя (Новая Земля. Т. 3, 1994. С. 93–97; Новая Земля, 2009. С. 65–70; Боярский, 2015. С. 65–70).

Зимовье экспедиции П. К. Пахтусова 1834–1835 гг. было выстроено из плавника и брёвен избы, разобранной в Староверской (Поморской) губе. Жилье опи-

Илл. 23. Архипелаг Новая Земля. Устье р. Чиракина. Зимовье 1834–1835 гг. экспедиции П. К. Пахтусова. План расположения зимовья. МАКЭ, 1993 г.

сано П. К. Пахтусовым следующим образом: «Построенная нами изба состояла из двух покоев. Большой, длиною 21, шириною 17 фут, заняли 14 человек служителей; в меньшем, длиною 12, шириною 10 фут, поместился я с Циволькою и фельдшером Чуповым.

По стенам обоих покоев сделаны были нары. В большой избе сложена русская печь, в малой поставлена чугунная... Крыша, служившая и потолком, была настлана в два ряда из свежих досок, взятых мною из Архангельска и покрытых землею. Высота стен избы была до 6,5 фут, а посередине — 8,5 фут. Пазы между венцами бревен проложены мхом... после того внутри избы все пазы проконопачены пенькою. В каждом покое было по одному небольшому окну. Перед дверьми, в двух саженьях, была выстроена баня, в квадрате 1,5 сажени. Баня и изба соединялись сенями и коридором... из бочек, весел, рангоута» (Дневные записки..., 1956. С. 113).

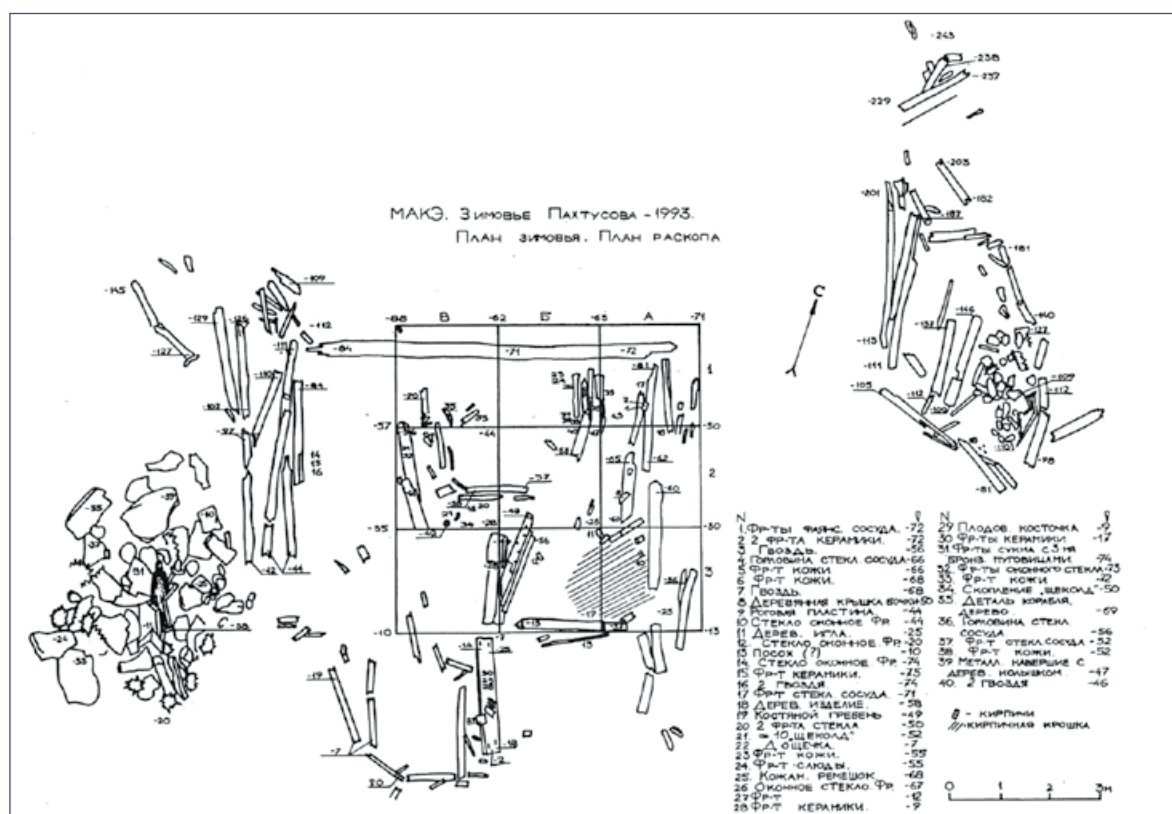
Наряду с зимовьем и баней, в комплекс входили элементы берегового навигационного оборудования. В материалах экспедиции 1834–1835 гг., отмечалось, что подходы с моря к зимовью были обозначены специальными знаками, крестами и гурием (Дневные записки..., 1956. С. 142). В «Лоции Карского моря и Новой Земли» 1930 г. указано: «К югу от западного рукава реки Чиракина, на склоне возвышенности... стоит приметный крест высотой в 20 фут на месте зимовья исследователя Новой Земли Пахтусова» (Евгенов, 1930. С. 69).

В феврале 1835 г. у некоторых членов экспедиции появились признаки цинги. Весной на зимовочной базе умерли от цинги служитель Самсонов и плотник Постников. О месте их погребения в отчёте П. К. Пахтусова ничего не говорится.

На плане западного устья Маточкина Шара «по съёмке поручика Пахтусова 1835 г. и промеру шхуны «Бакан» 1889 г.» (масштаб: 1900 саженьей в дюйме) на западном берегу устья р. Чиракина, у края обрыва над участком песчаного пляжа, отмечено два креста и два строения. Здесь же надпись: «Изба и баня Пахтусова — развалины» (План..., 1898).

Памятник исследован МАКЭ в 1993 г. проведены раскопки зимовья под руководством археолога МАКЭ С. В. Гусева.

Зимовье П. К. Пахтусова представлено остатками избы с баней, ориентированными по сторонам света, от которых остались нижние венцы из брёвен (илл. 24).

Илл. 24. Архипелаг Новая Земля. Устье р. Чиракина. Зимовье 1834–1835 гг. экспедиции П. К. Пахтусова. Планиграфия раскопа зимовья. МАКЭ, 1993 г.

Изба имела размеры $8 \times 5,7$ м, вход с сенями располагался с южной стороны. В юго-восточном углу избы хорошо прослеживается развал кирпичной печи.

На поверхности выступают фрагменты деревянных конструкций и битый кирпич. Археологические раскопки избы выявили наличие культурного слоя в виде сильно гумусированного суглинка коричневого цвета с обильным включением мелкообломочного материала, костей млекопитающих и птиц.

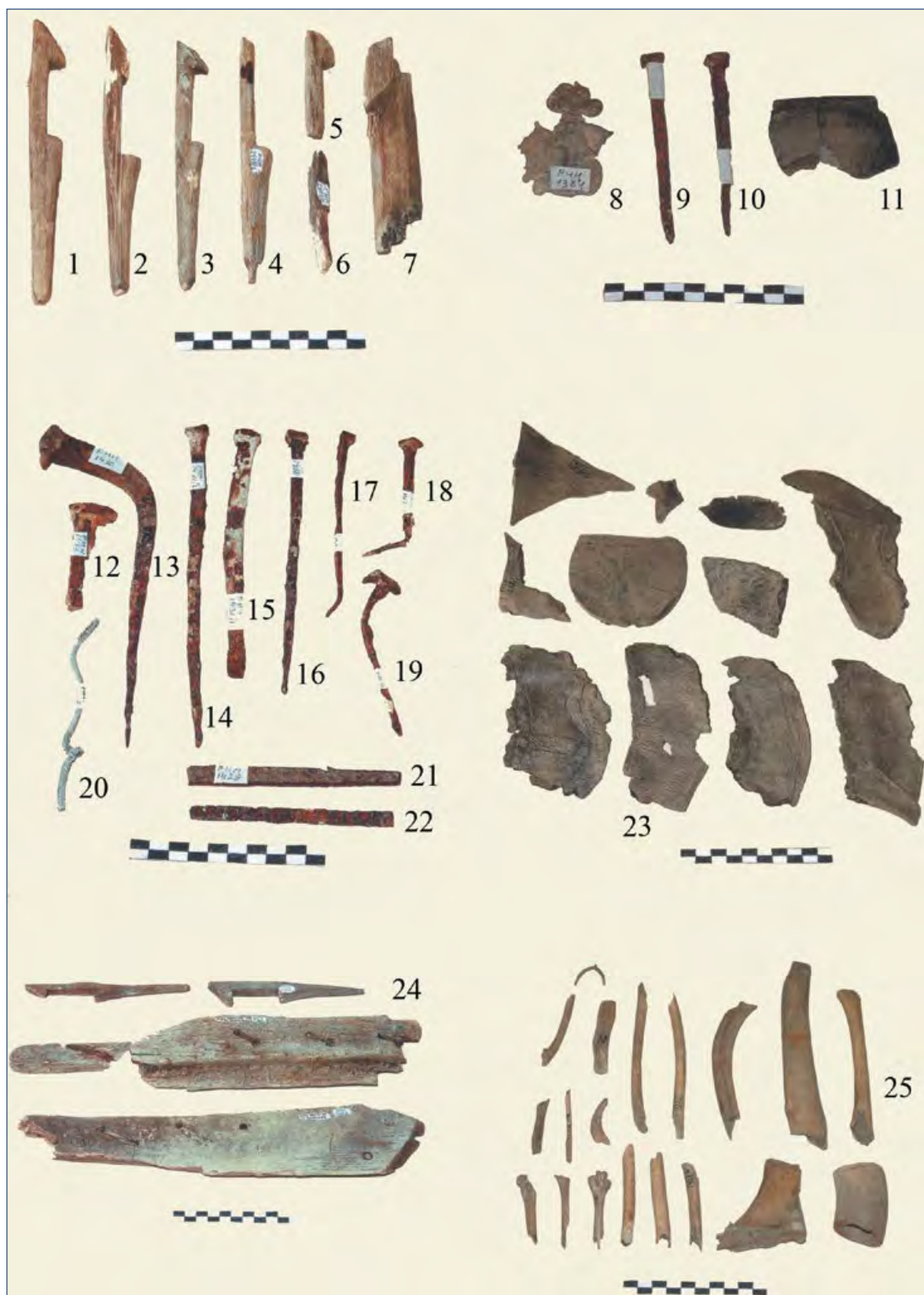
Находки представлены коваными гвоздями, фрагментами оконного и столового стекла, керамики, изделиями из дерева, кости, кожи. Найдены горловины стеклянных сосудов, фрагменты фаянсовой посуды, кожаной обуви, сукна с медными пуговицами, железная пряжка ремня, медные пластины, спицы, свинцовая проволока, фрагмент гребня из оленьего рога, изготовленного зимовщиками (илл. 25, 26).

Часть половых досок представляет собой детали судов: доска с деревянными нагелями, доски с остатками шитья вицей (ивовой лозой).

На нижней границе стерильной прослойки и грунта культурного слоя темно-коричневого цвета, лежащего непосредственно над досками пола, найдены два ружейных кремня, кремневые отщеп и резец по кости.

Остатки бани находятся в 4,5 м к востоку от избы в виде фрагментов брёвен и досок, битого кирпича, прокалённых булыжников.

Остатки креста находятся в 2,5 м к западу от избы. Основание обложено булыжниками и плитами.

*Илл. 25. Архипелаг Новая Земля. Устье р. Чиракина.
Зимовье 1834–1835 гг. экспедиции П.К. Пахтусова. Находки. МАКЭ, 1993 г.*

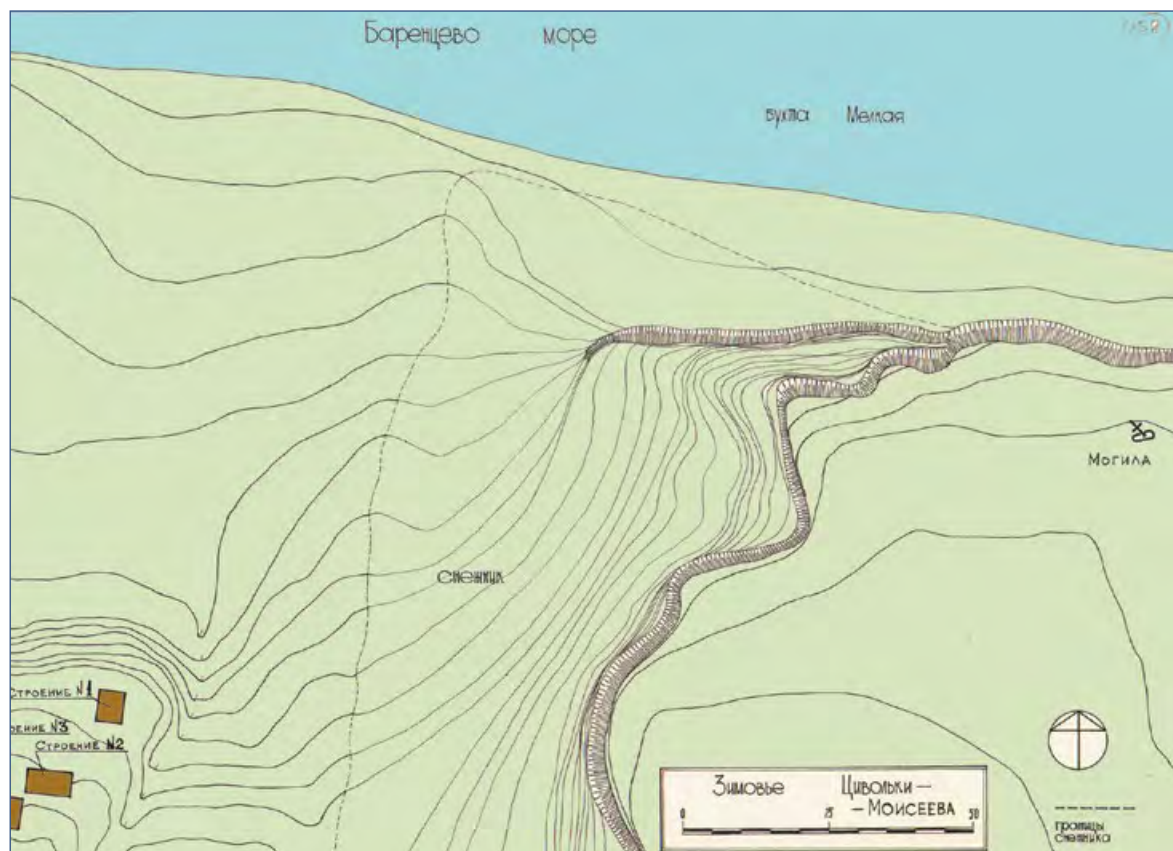

Илл. 26. Архипелаг Новая Земля. Устье р. Чиракина. Зимовье 1834–1835 гг. экспедиции П. К. Пахтусова. Находки. МАКЭ, 1993 г.

Выкладки из камней находятся в 120 м к западу от зимовья. Выкладки покрыты мхом и травой. Возможно, они представляют собой могилы участников экспедиции П. К. Пахтусова. Не исключено также, что восточная выкладка является могилой, а западная — остатками приметного креста (Новая Земля, 2009. С. 66–71).

Зимовье экспедиции А. К. Цивольки и С. А. Моисеева 1838–1839 гг. расположено на южном берегу зал. Мелкого, в 100 м от береговой линии, на 5-ме-

тровой террасе, сложенной щебнисто-суглинистым материалом и задернованой на 80% (илл. 27). Терраса обрывается к морю крутым уступом, в основании которого находятся скопления крупных угловатых обломков и валунов разного петрографического состава (конгломераты, известняки и др.). К югу от зимовья находится пологий задернованный склон двенадцатиметровой террасы, а с запада — русло небольшого ручья, к которому примыкает склон десятиметровой террасы. В растительном покрове пятиметровой террасы выделяются зелёные мхи и камнеломки. На поверхности десятиметровой террасы у могилы А. К. Цивольки распространен травяно-моховый покров (Карта «Новая Земля», 1996; Новая Земля... Указатели..., 1996. С. 133, 170–172; Новая Земля, 2009. С. 207–214). Географические координаты объекта: 73° 57′ с. ш., 54° 33′ в. д.

Илл. 27. Архипелаг Новая Земля. Залив Мелкий. Зимовье экспедиции А. К. Цивольки и С. А. Моисеева 1838–1839 гг. Схема расположения объектов. МАКЭ, 1992 г.

Август Карлович Циволька участвовал во второй экспедиции П. К. Пахтусова на Новую Землю (1834–1835 гг.), а в 1837 г. командовал судном экспедиции на Новую Землю, которую возглавлял выдающийся русский учёный, академик К. М. Бэр.

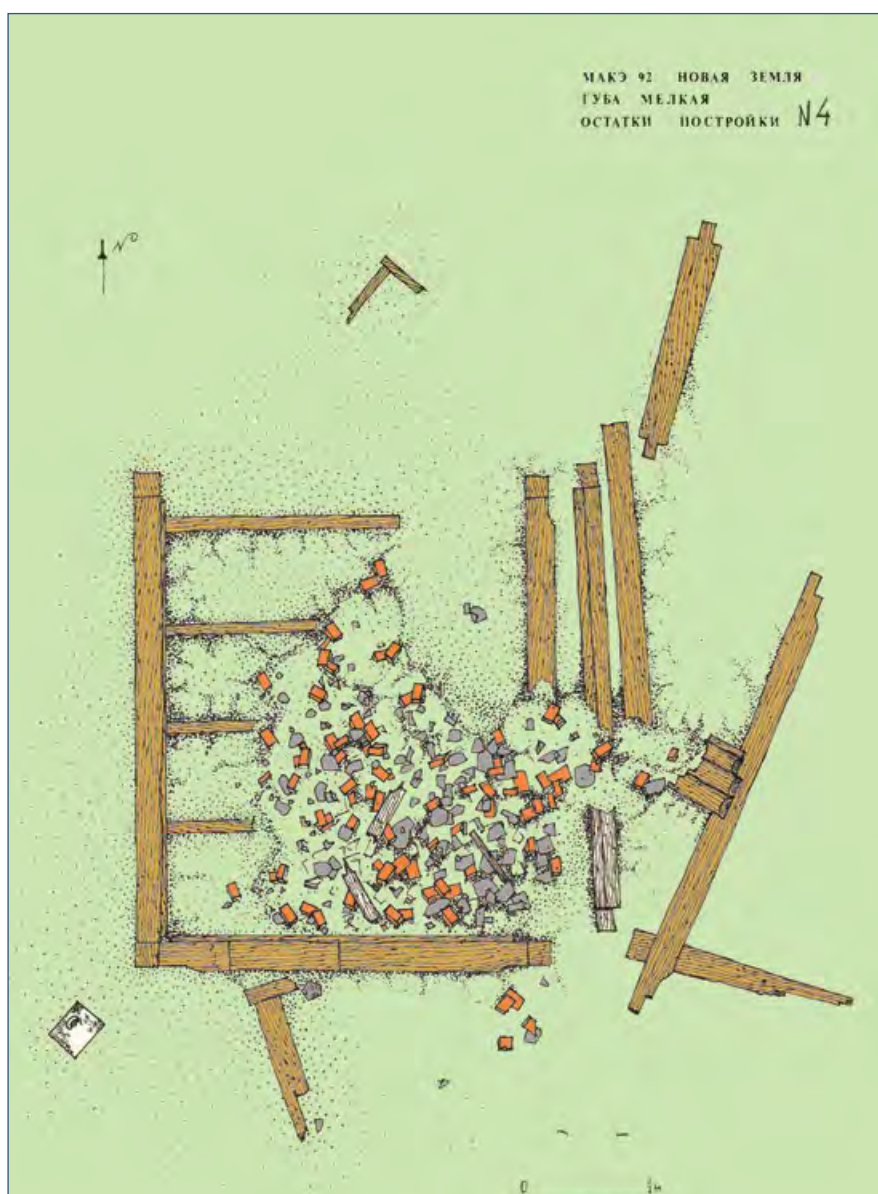
В 1838 г. по ходатайству Гидрографического департамента на Новую Землю была отправлена экспедиция на шхунах «Новая Земля» и «Шпицберген». Начальство над экспедицией и первой шхуной поручили прапорщику А. К. Цивольке. Второй шхуной командовал прапорщик С. А. Моисеев. Для доставки на архипелаг запасов продовольствия и разборной избы была нанята ладья известного кормщика И. Я. Гвоздарева. В юго-западной части Северного острова в губе Мелкой решено было зазимовать. Этот залив был известен русским поморам с XVI в. В губе Мелкой под руководством С. А. Моисеева были построены две избы и деревянная баня из привезённого с собой леса (Дневные записки..., 1956. С. 172–173).

В дневниках Моисеева дано описание зимовья: «Строение помещено на восточном скате перешейка, или разлога, между утесом южного берега губы и выдавшимся от него к северу отдельным утесом. Длина этого разлога на О и W — около 1,5 версты, а ширина между утесами — до 100 саженьей. Высота северного — 40 фут, ... возвышался над водою фут на 30, а строение было от восточного берега долины, прилегающего к нашей гавани, во ста саженьях, на высоте до 20 фут. Большая изба наша из здоровых сухих бревен имела длиною 5, шириною 3,5 сажени; высота стен внутри — 8 фут, довольно крутая крыша; потолок и пол из сухих досок. Направление длинной стены было почти на О и W, т. е. вдоль ложбины. Северная стена избы имела 3, восточная — 1 окно, двери в южной стене. Внутри, в NW углу — каютка для аптеки. Посередине южной стены — большая русская печь с трубою; по северной и восточной стенам шла широкая скамья или нары для постелей. В 3 саженьях к югу поставлена малая изба, квадратная, в 2,5 сажени, высотой 7 фут, с хорошею крышею, потолком и полом; освещалась двумя окнами с западной и одним с восточной стороны. У восточной же стены — печь. Баня, из бревен старых изб, поставлена между избами с восточной стороны.

Она имела по 2 сажени в обе стороны и 6 фут высоты. Пространство между строением, служащее сенями, забрано с западной и частью с южных сторон бочками с провизиею и покрыто рангоутом со шхуны «Новая Земля». Вход в сени — с восточной стороны, между банею и большою избею. Привезенные нами из Архангельска 15 собак укрывались от вьюги в сенях. Четыре из них привязывались к углам жилищ, чтобы лаем своим извещали нас о приближении зверей» (Дневные записки..., 1956. С. 174–175).

Илл. 28. Архипелаг Новая Земля. Залив Мелкий. Зимовье экспедиции А. К. Цивольки и С. А. Моисеева 1838–1839 гг. Остатки строения № 2. Рис. МАКЭ, 1992 г.

Илл. 29. Архипелаг Новая Земля. Залив Мелкий.
Зимовье экспедиции А.К.Цивольки и С.А.Моисеева 1838–1839 гг.
Остатки строения № 4. Рис. МАКЭ, 1992 г.

Во время зимовки 1839 г. скончался Циволька и ещё 8 человек. Моисеев выполнил съёмку побережья Южного острова от Гусиной Земли до Саввиной Ковриги и в 1839 г. благополучно возвратился в Архангельск.

В работах конца 20-х гг. XX в. также указывается на то, что в губе Мелкой сохранились изба Цивольки и деревянный крест с надписью (Матусевич, Соколов, 1927. С. 30–31).

В 1992 г. на месте зимовья сотрудниками МАКЭ были проведены раскопки. От зимовья остались фрагменты первых венцов срубов трёх строений. Поверхность террасы и остатков зимовья плотно задернована. На поверхности встречаются отдельные фрагменты конструкций трёх строений, предметы быта и пищевые отходы (Новая Земля, т. 1, вып. II, кн. 2, 1993. С. 126, 127).

Строение № 1 (илл. 30) расположено у самого северо-восточного края пятиметровой террасы. Сохранились брёвна первого венца с северной стороны строения и частично с западной. С восточной и южной сторон в дерновом покрове про-

Илл. 30. Архипелаг Новая Земля. Залив Мелкий. Зимовье экспедиции А. К. Цивольки и С. А. Мусеева 1838–1839 гг. Остатки строения № 1. Рис. МАКЭ, 1992 г.

слеживаются фрагменты первого венца. Вокруг строения, с восточной, северной и западной сторон, хорошо заметна подсыпка стен (завалинка), ограниченная с севера деревянной плашкой и кирпичной выкладкой на всю длину стены.

В середине строения находится развал из красных целых и фрагментированных кирпичей. Размеры строения по первому венцу сруба 4×5 м, ширина завалинки 0,7 м; на дерновой поверхности лежат части чугунной печки. У юго-западного угла избы находится деревянная дверь с креплениями в виде металлических стержней. Здесь же лежат фрагменты круглой чугунной печки, досок, брусьев. С южной стороны, в 3 м от стены, расположены остатки наклонно врытых столбов.

Остатки строения № 2 (илл. 28) находятся в 8 м к югу от строения № 1. Поверхность строения плотно задернована. Сохранились шесть венцов трёхчастного сруба, на которых видны концевые подтесы. Размеры строения $4,5 \times 7,5$ м, планировка трёхчастная.

В среднем помещении размером $4,5 \times 2$ м частично сохранились доски пола. Внутри помещения лежат несколько металлических обручей от бочек.

Западное помещение наиболее крупное и имеет размеры $4,5 \times 3,5$ м. Фрагменты досок встречаются повсеместно — как внутри строения, так и снаружи.

Остатки строения № 3 расположены в 3 м к юго-западу от строения № 2. Оно ограничено сохранившимися выступающими из дёрна брёвнами с северной и западной сторон и подсыпкой-завалинкой с восточной. Размеры строения $4,5 \times 5$ м. В центре находится скопление битого и целого красного кирпича прямоугольной формы. Из дёрна выступают части брёвен и досок.

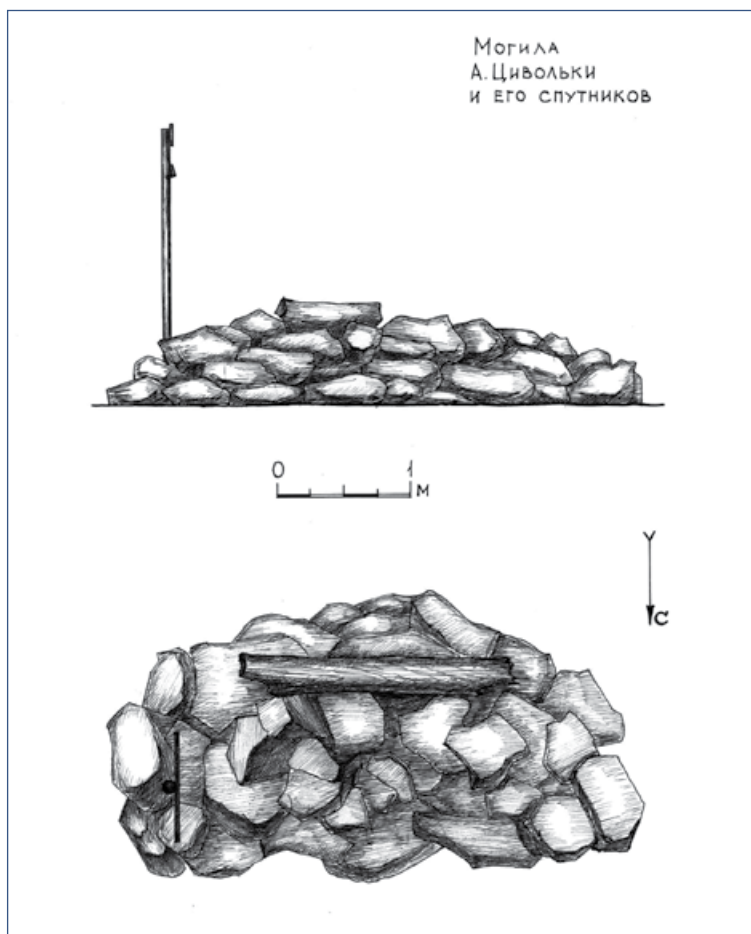
Подъёмный материал в виде строительных и бытовых остатков рассредоточен на поверхности в радиусе 20 м от строения. Скопление различных предметов прослеживается с запада. В числе артефактов — много досок, брёвен, различных сильно корродированных металлических предметов, осколков стекла.

Первые два строения несут на себе следы сильного пожара — обгоревшие деревянные конструкции, оплавленные куски стекла и кирпичи.

Захоронение А. К. Цивольки и его спутников расположено к северо-востоку от строений, на расстоянии 250 м, на высоте 5 м над уровнем моря, на скальном выходе, в 35 м от береговой линии.

В 1910 г. захоронение Цивольки и его спутников было расширено. Здесь похоронили трёх русских промышленников и ненецкую семью из 4-х человек, умерших во время зимовки (Боярский, Сметанин и др., 2005. С. 63).

Могила (илл. 31) представляет собой сложенный из больших камней холмик размерами $3,2 \times 1,3$ м и высотой 0,6 м, ориентированный по линии запад — восток. Кладка могилы явно позднего происхождения. К востоку от неё в 1992 г. было

Илл. 31. Архипелаг Новая Земля. Залив Мелкий. Зимовье экспедиции А. К. Цивольки и С. А. Моисеева 1838–1839 гг. Могила А. К. Цивольки. Рис. МАКЭ, 1992 г.

вертикально установлено бревно. У восточного края могилы стоит металлический крест с закреплённой у верхнего края табличкой с надписью: «*Покоится здесь прах Цивольки, могилы чуть заметен след, его хранить еще настолько, с друзьями постарался Эд. 11.08.76*».

На могиле и рядом с ней лежат две деревянные доски-плахи и остатки охотничьего ружья. Доски предположительно были частью первоначального захоронения. Прежний могильный крест не сохранился. Часть деревянного креста с надписями обнаружена на побережье.

Первоначально Циволька был похоронен в забое снега под южным утёсом рядом с зимовьем (Дневные записки..., 1956. С. 181). 18 июня 1839 г. Моисеев записал в дневнике: «*В продолжение предшествующих наших товарищей, лежащих по сю пору в забое снега. Работа эта была очень медленна и трудна. При всем старании не могли мы вырыть ямы глубже 3 фута, так тверда была мерзлая глина. Раскладываемый на ней огонь пособлял мало. Кончив эту работу, переложили мы тела усопших в землю, помолились об них и зарыли. Крест укажет место их покоя и их имена*» (Дневные записки..., 1956. С. 188). 24 июля 1909 г. экспедиция В. А. Русанова посетила губу Мелкую. Один из участников поездки А. А. Быков пишет: «*На берегу стоят 2 дома. Первый, маленький, в три квадратных сажени, дом, где жил сам Циволька, перенесен рабочими Масленникова на несколько сажений ближе к берегу и почти отремонтирован, предназначенный для жилья оставшимся здесь самоедам и одному из промышленников. Вид дома и план оставлены в точности прежние. Второй, большой, дом, где жила команда зимовавшего здесь судна экспедиции Цивольки, полуразрушенный, с выбитыми рамами и уничтоженными дверями, сильно запрокинулся местами и грозит рухнуть. Между этими двумя домами находится куча гнилой древесины — остатки бывшей здесь более 100 лет назад старинной избы промышленников. После осмотра остатков зимовки смелого моряка мы идем на его могилу. ...*

На упавшем кресте надпись: “Здесь покоится прах Н. Э. К. Ф. Ш. Прапорщик Циволька кончил свою жизнь марта 16 дня 1839 г. и еще 8 человек умерло во время зимовки от цынготной болезни из служителей. Крест поставлен К. Ф. Ш. прапор. Моисеевым”» (Русанов, 1945. С. 118–119).

В 2004 г. экспедиция МЧС России, работающая в тесном контакте с МАКЭ, установила на могиле А. К. Цивольки изготовленный Центральным полигоном РФ на Новой Земле деревянный восьмиконечный крест, украшенный резьбой и надписями, выточенными рельефными буквами (Боярский, Сметанин и др., 2005. С. 67, 68). Высота креста 4,7 м, сделан из бруса со стороной 17 см. У основания креста закреплена мемориальная доска с надписью: «*Исследователю Новой Земли начальнику экспедиции корпуса Флотских штурманов прапорщику Цивольке А. К. (1811–1839) на шхунах “Новая Земля” и “Шпицберген”. Восьми участникам его экспедиции (1838–1839) и трем промышленникам, погибшим от цинги (1909–1910) в заливе Мелкий, от благодарных потомков.*

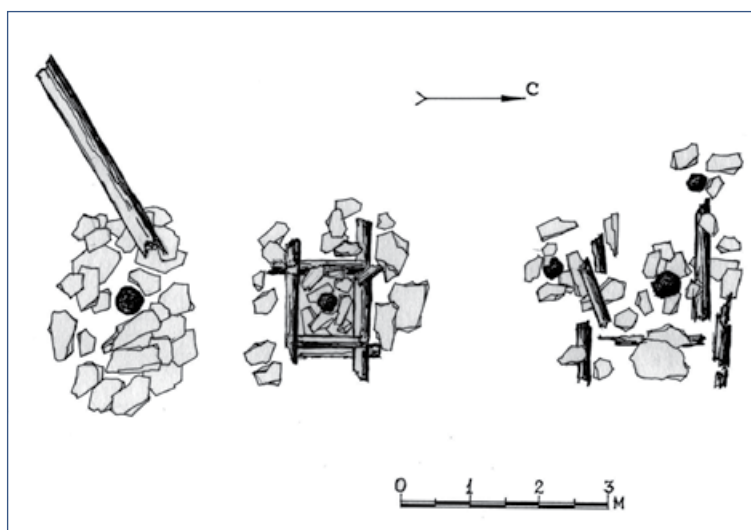
ЦП РФ. МАКЭ

Установлен экипажами яхт МЧС РОССИИ “Тим” и “Волга” МЧС РОССИИ

Август 2004 года

Охраняется государством»

Кресты XVIII — начала XIX вв. в заливе Мелком (илл. 32) расположены в 1,5 км к западу от зимовья Пахтусова — Моисеева, на краю безымянного полуострова, на гребне небольшого скального останца высотой 10–12 м.

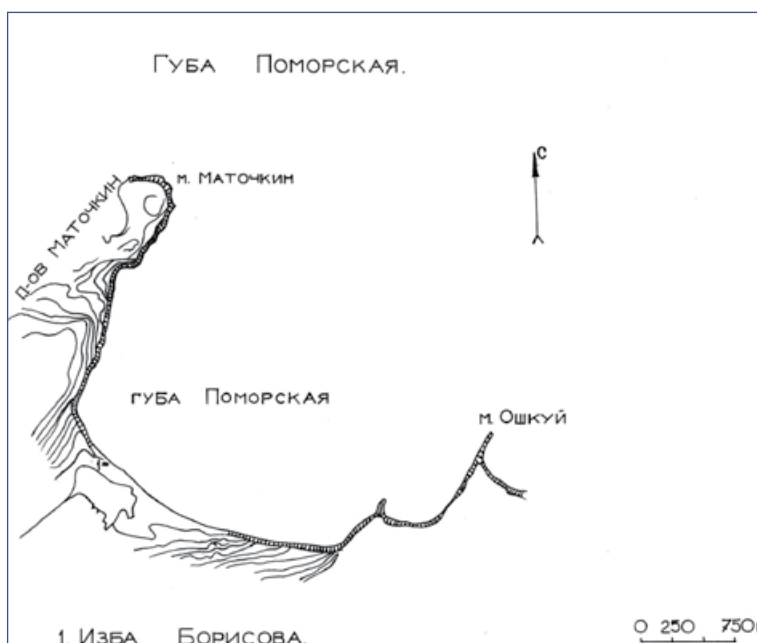

Илл. 32. Архипелаг Новая Земля. Залив Мелкий. Кресты XVIII – начала XIX вв.
Рис. МАКЭ, 1992 г.

Кресты упоминаются в отчетах экспедиции А. К. Цивольки — С. А. Моисеева и нанесены ими на карту (Дневные записки..., 1956. С. 137).

Вдоль берега по направлению север — юг в линию стояло четыре креста, а пятый располагался на расстоянии 1,4 м к северо-западу от основной группы крестов. Все кресты явно горели. Сохранились только обгоревшие нижние части крестов из брёвен диаметром 25–30 см и их обкладки из камней или деревянных венцов (Новая Земля, т. 1, вып. II, кн. 2, 1993. С. 127, 128; Боярский, 2001. С. 160, 161; Новая Земля, 2009. С. 214).

Руины избы 1900 г. художника А. А. Борисова расположены на старом береговом валу, узкой полосой протянувшемся от коренного берега губы Поморской до левого берега р. Маточки в его крайней устьевой части, на расстоянии около 50 м от берега залива, на высоте 3–3,5 м над уровнем моря, на крайней северо-западной периферии Южного острова архипелага (илл. 33).

Илл. 33. Архипелаг Новая Земля. Губа Поморская. Руины избы А.А. Борисова 1900 г.
Схема расположения объекта. Рис. МАКЭ, 1993 г.

в 1900 г. с прибытием основного состава экспедиции во главе с А. А. Борисовым (Борисов, 1983. С. 93).

В зимовку 1900–1901 гг. дом использовался в качестве экспедиционной базы и художественной студии одновременно. «Размер пять на пять сажень, срублен из очень толстых (семь-восемь вершков в диаметре) сосновых бревен, хорошо проконопачен, нижние ряды бревен просмолены. Полы двойные, промежуток засыпан песком. Дом имел три жилые комнаты, встроенную баню, кладовую и даже хлев для коров» (Борисов, 1983. С. 104).

В доме А. А. Борисова останавливались многие исследователи Новой Земли, например, В. А. Русанов в 1908 г. (Русанов, 1945. С. 27). Различные экспедиции использовали дом вплоть до 1960-х гг. (Новая Земля, вып. IV, т. 3. С. 91–93; Новая Земля, 2009. С. 72–73; Боярский, 2015).

Развалины дома сохранились в виде прямоугольного фундамента из бруса размером 11,5 × 11,5 м. Внутри периметра сохранились остатки развалов печей и дощатого пола. При постройке избы использовалась древесина хвойных пород.

В доме имелось как минимум три жилых комнаты, выходившие окнами на море (на северо-восток) — центральная комната-мастерская, комната-светёлка, столовая и подсобное помещение (Новая Земля, 2009. С. 72).

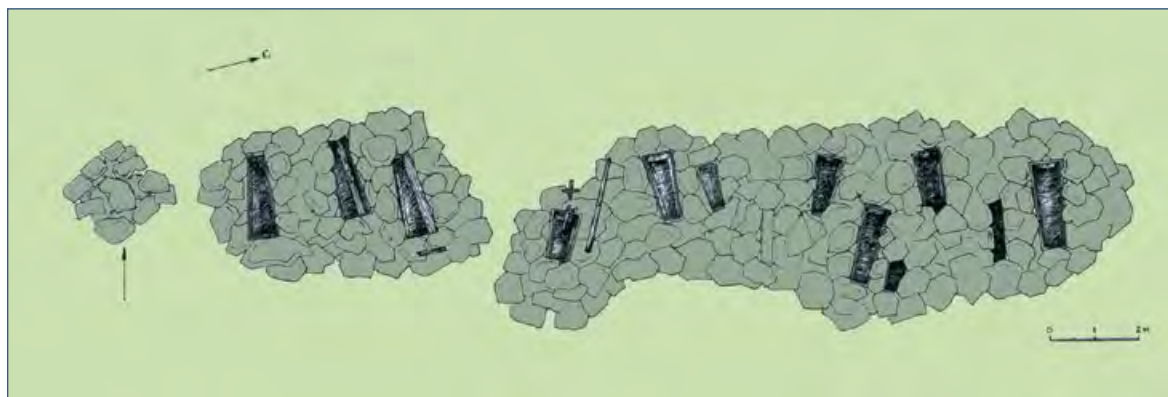
Памятники мыса Маточкин

Группа объектов археологического наследия располагается в 4 км к востоку от мыса Столбовой, на мысу Маточкин, отделяющем бухту Бакан от Поморской губы. Мыс представляет собой плоскую каменистую гряду высотой до 40 м на северном продолжении отрогов горы Пила.

Памятники расположены на плоской каменистой гряде высотой до 40 м над уровнем моря. Растительный покров сильно разрежен и представлен мохово-лишайниковыми и травяно-моховыми группировками с проективным покрытием до 10–20% (Новая Земля, 2009. С. 74, 75).

Памятники на мысе Маточкин сохранялись продолжительное время, что следует из описания одного из участников плавания на ледокольном пароходе «Малыгин» в навигацию 1931 г., отметившего во время стоянки в Поморской губе наличие каменного гурия и двух деревянных крестов (Соколов-Микитов, 1954. С. 800–801).

Кладбище у креста 1889 г. К. Д. Носилова (илл. 35) расположено в 400 м к востоку от предшествующей точки, к северу от креста К. Д. Носилова.

Илл. 35. Архипелаг Новая Земля. Губа Поморская. Кладбище у креста 1889 г. К. Д. Носилова. Планиграфия. Рис. МАКЭ, 1994 г.

Гробы, установленные на каменном субстрате, практически без заглублений, частично завалены каменными кладками высотой до 0,7 м. Тринадцать захоронений образуют две группы — южную из трёх захоронений, и северную. В пределах указанных групп захоронений бросается в глаза разная ориентировка могил.

Захоронение № 4 занимает в комплексе особое место наличием креста с датой 1929 г., именем и определённым обособлением от обеих групп захоронений. На верхней и средней перекладинах креста вырезано: «*На сим месте покоится тело раба Божия Изосима Вылка. Скончался ноября 1 дня 1929 года*». В гробу сохранились лишь отдельные кости, обломки керамики, а также целая фарфоровая тарелка. В ногах гроб сильно деформирован и завален камнями настолько, что его размеры установить не удалось.

Развал каменных глыб на месте креста К. Д. Носилова, установленного в 1889 г., расположен в 2 м к югу от кромки кладбища, имеет округлые очертания диаметром 2,5 м.

Остатки гурия на восточном побережье мыса Маточкин располагаются в 400 м юго-восточнее предшествующего памятника. Уцелели два яруса каменной кладки общей высотой до 0,4 м из плитчатых обломков глыб 4 × 2 м. Судя по историческим сведениям, гурий разрушен после 1931 г. (Новая Земля, кн. 2, ч. 1, 1998. С. 58–59).

Деревянные кресты и могилы у мыса Кусов Нос XIX в. (илл. 36). У мыса Кусов Нос, крайней южной оконечности острова Кусова Земля, находятся три приметных креста и рядом с ними могила, приуроченные к фрагменту 7-метровой террасы. Останец, на котором расположен памятник, имеет длину 40–50 м и ширину 15 м. Поверхность сложена щебнистым песчаным материалом (продуктами субаэрального выветривания сланцев) и практически лишена растительного

Илл. 36. Архипелаг Новая Земля. Мыс Кусов Нос. Деревянные кресты и могилы XIX в. Фото МАКЭ, 1992 г.

покрова. Останец имеет общий слабый наклон к югу, к морю обрывается крутым уступом (Новая Земля, вып. IV, т. 3, 1994. С. 156–161; Новая Земля, 2009. С.113–115). Географические координаты: 70° 25′ с. ш., 57° 68′ в. д.

В 1927 г. на острове Кусова Земля побывала научная экспедиция на судне «Персей». Участник экспедиции С. В. Обручев описывал памятники: *«На самом Кусовом Носу находится несколько гуриев — каменных столбообразных куч, которые промышленники ставят на всех приметных местах. ... Тут же стоят три больших креста и под ними — могила с деревянным срубом, в которой мы находим человеческий череп. На самом большом кресте — титулы Христа, изображение копья с губкой, след от ног Христа, инициалы ставившего крест (или похороненного) — Н. Ю. Т. Год, когда поставлен крест, разобрать не удалось. На двух других — также остатки надписей — возможно, что под ними похоронены поморы»* (Обручев, 1929; Новая Земля, т. 1, вып. II, 1993. С. 117, 153–159; Новая Земля, вып. IV, т. 3, 1994. С. 156–161; Боярский, 2001. С. 150–151).

Три креста сохранились фрагментарно, были вкопаны в грунт и обложены камнями.

Крест № 1 сохранился в первоначальном положении и имеет высоту 5,4 м. Основание креста в сечении — 25–28 см. Отсутствуют две горизонтальные перекладины.

Крест № 2 обломан на высоте 1 м от земли. Верхняя часть креста без двух горизонтальных перекладин лежит рядом на земле. Крест имел высоту около 4 м. Основание креста в сечении — 30 см.

Крест № 3. От него сохранилась каменная обкладка основания. Вертикальная часть креста лежит на земле.

Погребение, расположенное рядом с крестами, представлено остатками досок в земле, которыми было обшито, и фрагментами человеческого черепа в нём.

Погребения находятся на одной территории с приметными крестами. Одна из могил, размерами 1 × 0,5 м, завалена сверху камнями. На могиле лежит восьмиконечный деревянный надмогильный крест высотой около 1,5 м с надписью: *«Здесь зарыт труп 27 июня 1935 г. Лида Ивановна Вылко 1 год от роду»*.

Зимовье кормщика Иванова 1759 г. и подпоручика П. К. Пахтусова 1832 г. расположено на северо-восточном побережье губы Каменки, на поверхности второй террасы высотой 8–10 м над уровнем моря. Терраса в данной местности далеко выступает в сторону губы, обрываясь крутым скалистым уступом-контрфорсом. К подножию уступа подходит галечниковая перейма, причленившая бывший остров Избной (илл. 37). Поверхность террасы сложена маломощным чехлом щебнисто-суглинистого материала мощностью 5–7 см, которые ложатся на коренные породы — чёрные аспидные сланцы нижнего палеозоя, обнажающиеся в береговом уступе террасы. В составе поверхностных отложений выделяются тяжёлые суглинки и щебень. Щебнистая поверхность террасы слабо наклонена в сторону губы. Разреженный растительный покров представлен кустарничковой мохово-лишайниковой тундрой, а в понижениях рельефа — моховыми болотами. Географические координаты: 70° 37′ с. ш., 57° 27′ в. д. (Новая Земля, т. 1, вып. II, 1993. С. 115; Новая Земля, кн. 2, ч. 1, 1998. С. 126).

В августе 1832 г. экспедиция на карбасе «Новая Земля» под руководством подпоручика П. К. Пахтусова проводила исследования южного побережья Новой Земли и обнаружила в губе Каменке *«промышленническую избу и при ней крест, поставленный кормщиком Ивановым в 1759 г.; надпись еще можно было прочитать без труда. При кресте найдены нами две могилы. Изба была так ветха, что едва ли десяток бревен годилось на дрова»* (Дневные записки..., 1956. С. 32). 31 августа

Илл. 37. Архипелаг Новая Земля. Губа Каменка. Зимовье кормщика Иванова (1759 г.) и подпоручика П. К. Пахтусова (1832 г.). Карта-схема расположения зимовья. МАКЭ, 1992 г.

карбас «Новая Земля» из-за сложной ледовой обстановки был перегнан в губу Каменку, «где у небольшой кошки, состоящей из мелкого камня, остановились на дрег [четырёхлапый якорь, кошка. — Авт.], в 55 сажнях к SW от знакомой уже нам избы» (Дневные записки..., 1956. С. 35).

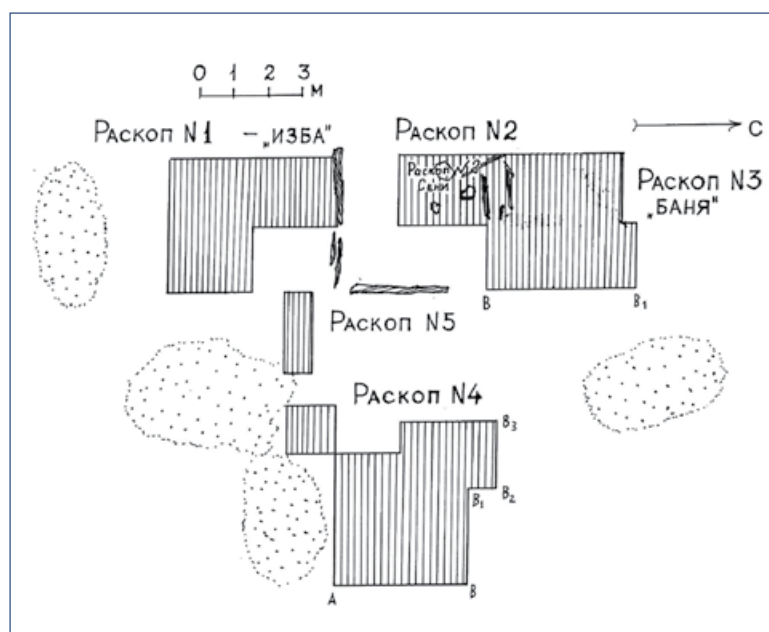
Небольшая кошка в указанном месте сохранилась до наших дней. Напротив неё, на берегу, вбит кусок ствола дерева, который мог использоваться экспедицией Пахтусова для закрепления судна. Ледовые условия не позволяли продолжить плавание, и с 1 сентября были начаты работы по сбору плавника для строительства новой избы на месте остатков строения 1759 г. Пахтусов писал: «Изба наша поставлена на окладных бревнах старой промышленнической избы. ... Из них могли мы употребить в дело только три венца; остальные должны были пополнить из собранного нами выкидного леса. ... Окладные бревна старой избы расположены были по компасному меридиану, лицом к полудню и занимали пространство квадрата на 13 футах. Вышина выведенных нами стен была 5,5 фут; крыша, настланная привезенными нами из Архангельска досками, служила также потолком; вышина избы на середине была 7 фут. На крышу накинаны песок и не пригодные к постройке штуки бревен, а пазы проконопачены. Около боковых стен, лежащих к О и W, сделаны нары из тех же досок на 1,5 фута от земли; на пол досок не достало. В северо-западном углу поставлена печка из привезенных кирпичей; на смазку употребили мы здешнюю прибрежную глину, которой изобилует Новая Земля. Эта глина оказалась лучше привезенной нами из Архангельска. Песок, очень хороший, есть около одного из озер, но по дальности от избы мы его не брали и довольствовались архангельским. Для конопати пазов употребили мох. В 2,5 или 3 сажнях к северу от дверей избы построили баню, также из старого набранного леса.

Эти два строения соединены небольшими сенями или коридором шириной 4 фута. Западная сторона сеней осталась старая, а восточную составили мы из бочек с провизиею. На крышу сеней, или коридора, употребили весла, негодные доски и паруса» (Дневные записки..., 1956. С. 39).

В мае 1833 г. умерли два участника экспедиции, которые были захоронены 5 июня 1833 г. (Дневные записки..., 1956. С. 55–56, 58). В сентябре 1833 г. Пахтусов вернулся в Архангельск.

В 1911 г. в губе Каменке побывала Новоземельская экспедиция на яхте «Полярная» под начальством В. А. Русанова, описавшая крест: «Это большой восьми-конечный крест с обломившейся вершиной одиноко и сумрачно стоит на плоском низменном берегу над черным утесом... Другой крест, поставленный над могилой спутников Пахтусова, уже повалился» (Русанов, 1945. С. 179). Во время экскурсии Русанов нашёл обломки шлюпки, которая разбилась у Пахтусова. Развалины избышки Пахтусова и груды печных кирпичей поросла травой (Русанов, 1945. С. 180). Р. Л. Самойлович в 1924 г. так описывал место зимовки Пахтусова: «На мысу стоит крест без верхней перекладины, а в небольшом от него расстоянии — обломки другого креста. Очень хорошо еще виден нижний венец избы Пахтусова (Самойлович, 1929. С. 41).

В 1991 г. МАКЭ обнаружила руины зимовья Пахтусова в губе Каменка, а в 1992 г. здесь были проведены археологические исследования (илл. 38; 39).

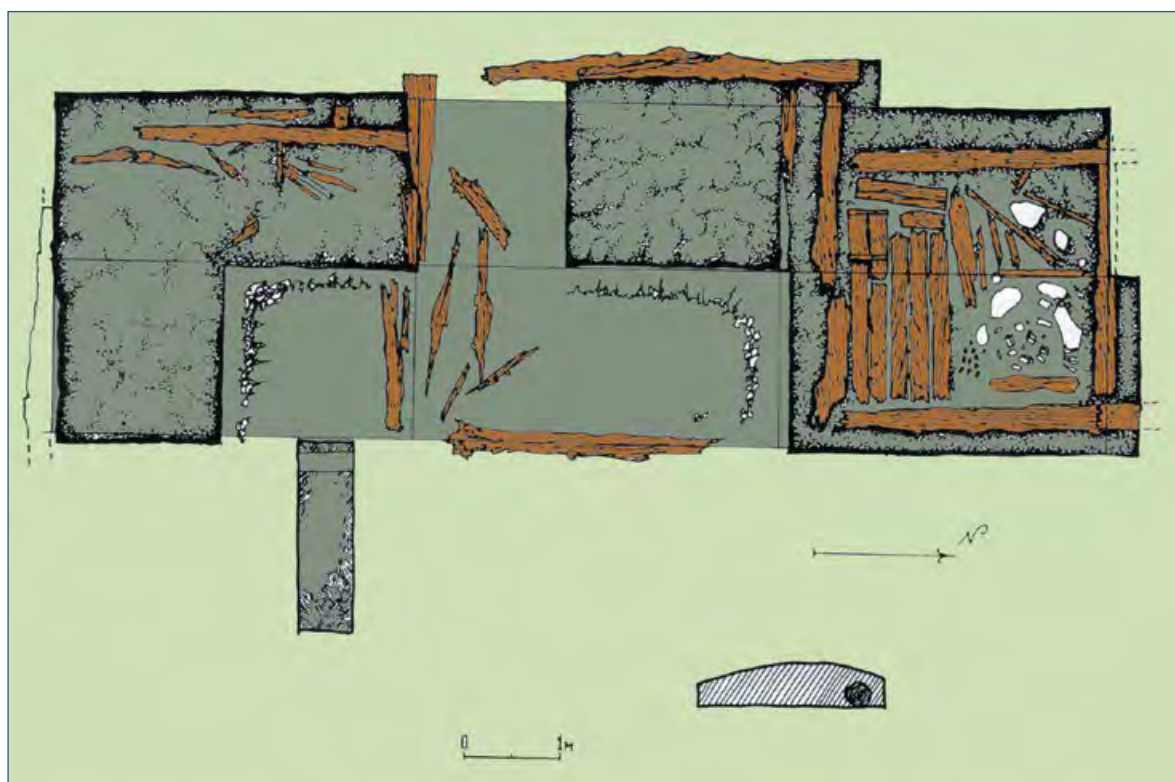

Илл. 38. Архипелаг Новая Земля. Губа Каменка. Зимовье кормщика Иванова (1759 г.) и подпоручика П.К. Пахтусова (1832 г.). Планиграфия раскопов. МАКЭ, 1992 г.

Остатки избы представляют собой небольшое возвышение размерами 7 × 14 м с выступающими на поверхность брёвнами и ориентированное по оси север — юг. По краям возвышения тянется вал, по внутренней стороне которого выступают брёвна. Относительная высота вала 20–45 см. В северо-восточной части на протяжении 2,5 м вал не выражен. Поверхность вала задернована слабо.

С восточной стороны к остаткам строения примыкает хорошо задернованный участок. С восточной и северной сторон зимовки прослеживается скопление костей животных и птиц, мелких фрагментов стекла, керамики, сильно корродированные железные предметы.

Прямоугольный в плане холм, представляющий собой остатки зимовья, четко делится на три части — северную, центральную и южную. Зимовье представляло собой трёхкамерную постройку с жилыми и хозяйственными помещениями, от которой сохранились брёвна первого венца. В северо-западном углу северного помещения выделяется холмик из обломков красного кирпича и прокалённых

Илл. 39. Архипелаг Новая Земля. Губа Каменка. Зимовье кормщика Иванова (1759 г.) и подпоручика П.К. Пахтусова (1832 г.). Планиграфия раскопа зимовья. МАКЭ, 1992 г.

камней — остатки печи. С восточной стороны к строению примыкает холмик, образовавшийся в результате подсыпки.

На территории объекта заложено 4 раскопа.

Раскоп № 1 размером 12×2 м был разбит в южном помещении и выявил наличие культурного слоя мощностью от 20 до 30 см, представленного гумусированным щебнистым грунтом с включениями мелкой дресвы. Сверху культурный слой покрыт плотным слоем дёрна. Материк — мелкий сланцевый щебень.

В культурном слое выявлены фрагменты дерева, бревно, плашка, 5 крупных плоских камней, найдены кусок кожи и латунный нательный крестик.

Раскоп № 2 размером 2×2 м, заложенный в центральном помещении, выявил наличие культурного слоя мощностью 5–15 см. В северной части раскопа, на материковой поверхности, прослежен плотный слой древесной щепы мощностью до 2,5 см. В культурном слое найдены железные кованые гвозди, бронзовая пластинка, фрагменты стекла и донца керамического сосуда, куски кожи, кремневый отщеп с щербинками — ружейный кремль.

Раскоп № 3 полностью вскрыл северное помещение размером 4×4 м и показал наличие культурного слоя мощностью до 50 см. В северо-восточной части помещения выявлен развал печи в виде битого кирпича и прокалённых камней. С южной стороны развала, на глубине 15 см, выявлено скопление угля. Развал печи с запада ограничен вертикально поставленной доской, закреплённой вбитыми в материк кольями, а с востока — вертикально стоящими плитами из камня.

Раскоп № 4 размером 4×4 м заложен в 4 м к востоку от строения. Культурный слой мощностью 10–14 см включает кости зверей и птиц, железные гвозди, фрагменты железных предметов, стекла, слюды, закопченной керамики.

Раскоп № 5 размером $2 \times 0,5$ м заложен на насыпи завалинки, располагающейся с внешней стороны восточной стены южного помещения, были найдены

кости зверей и птиц, дресва. Насыпь представляет собой материковую породу из суглинка серого цвета с щебнистым сланцем.

На основании проведённых исследований северное помещение можно идентифицировать с баней зимовья, южное — с жилой избой, построенной на основании промысловой избы XVIII в., центральное — с сенями, соединявшими избу с баней. Выход располагался с восточной стороны центрального помещения, со стороны моря. В северном помещении находилась печь-каменка.

Зимовье было разобрано и вывезено, на что указывает отсутствие брёвен и досок из конструкции стен и крыши, а также незначительное количество предметов быта зимовщиков в культурном слое (Новая Земля, т. 1, вып. II, 1993. С. 112–114; Новая Земля, 2009. С. 122–125; Боярский, 2015. С. 19–22).

В 2014 г. парусный отряд МАКЭ под руководством В. В. Кудрявцева провёл на отвалах раскопа зимовья работы с применением металлодетекторов. На отвалах раскопа на глубине до 15 см от погребённой дневной поверхности были найдены:

- свинцовые шаровидные пули диаметром от 1,0 до 2,0 см, отлитые в двухсторонней форме;
- 10-сантиметровый свинцовый прут в виде иглы, капли свинца и обрезки меди, фрагменты стекла и слюды;
- нательный серебряный крест типа «листик»;
- восемь монет середины XVIII в.;
- посеребрённая пряжка;
- три медные пуговицы типа «гирька»;
- пуговица мундирная бронзовая с остатками позолоты на лицевой стороне и надписью на тыльной стороне по большой и малой окружности: «*Treble Gilt Stand Colour*» («Тройная позолота, устойчивый цвет». — *Авт.*), найденная на поверхности.

Большая часть предметов соответствует периоду середины XVIII в. (Отчет ..., 2014. С. 27–31).

Остатки двух деревянных крестов. К юго-востоку от зимовья П. К. Пахтусова, на расстоянии 8 и 10 м, ближе к обрыву, находятся остатки двух деревянных крестов, неоднократно описанных позднейшими исследователями.

Кресты вкопаны в грунт и обложены необработанными камнями.

Крест № 1. Крест у могилы В. Федотова и П. Подгорского, участников экспедиции П. К. Пахтусова. Высота 3,5 м, диаметр основания 0,25 см. На сохранившейся части креста вырезаны череп и надписи: «Г Г А, И У, Ж, Р».

Крест № 2, поставленный кормщиком Ивановым в 1759 г., сохранился на высоту 1,2 м, диаметр основания 0,22 м. Перекладина лежит на земле (илл. 88) (Новая Земля, 2009. С. 126).

Радиоуглеродный анализ (1991 г.) нижней перекладины большого креста определил возраст дерева в 470 ± 30 лет. Это указывает на то, что крест был изготовлен из плавника, который и в наши дни выбрасывает здесь на галечниковую перейму.

Изба Носилова 1888 г. расположена севернее залива Абросимова на побережье Карского моря.

Надпись «Изба Носилова» имеется на карте Новой Земли, составленной членом Императорского Русского географического общества (ИРГО) К. Д. Носиловым в 1888 г. В 1996 г. руины этой избы были найдены сотрудниками МАКЭ (Боярский, Сметанин и др., 2005. С. 81–82; ГААО, ф. 30, оп. 2, д. 51, л. 11).

Зимовавший в 1887–1891 гг. в губе Поморской залива Маточкин Шар К. Д. Носилов проводил регулярные метеорологические наблюдения, но часть времени он

провёл в построенной им избе на восточном побережье Южного острова Новой Земли. Местонахождение избы в районе залива Абросимова связано с расположением западнее кута этого залива весеннего стойбища ненцев. Именно здесь на карте Носилова указаны «весенние чумы».

Руины избы представляют собой частично задернованный прямоугольник, состоящий из нижних брёвен строения (Новая Земля, 2009. С. 139; Боярский, 2015). Археологические исследования не проводились.

Остатки зимовья Ф. Т. Розмыслова 1768–1769 гг. и захоронения. Развалины зимовья Ф. Т. Розмыслова находятся на восточном берегу полуострова Чиракина, примерно в 50 м от береговой черты зал. Тюлений. Географические координаты: 73° 18′ с. ш., 56° 02′ в. д.

В июле 1768 г. экспедиция под начальством Ф. Т. Розмыслова отправилась на трёхмачтовой кочмаре к западному устью пролива Маточкин Шар, чтобы составить карту пролива и измерить его глубину (Новая Земля... Указатели..., 1996. С. 162–165; Боярский, 1997. С. 9–10; Боярский, Сметанин и др., 2005. С. 32–39). В задачи экспедиции входило пройти до устья р. Оби и изучить возможность открытия пути из Карского моря к Северной Америке. В экспедиции участвовали кормщик Яков Чиракин, подштурман М. Губин и одиннадцать сотрудников.

В 1768–1769 гг. гидрографическая экспедиция Ф. Розмыслова с двумя зимовочными базами в Тюленьей бухте (губа Белужья) и на мысе Дровяной положила на карту Маточкин Шар.

После тяжёлой зимовки, во время которой из его команды в 14 человек две трети погибло от цинги, он возвратился в 1769 г. в Архангельск. Извлечение из его путевого журнала напечатано в «Записках Государственного адмиралтейского департамента» за 1820 г. (Гусев, 1994).

Зимовье расположено в Восточном устье пролива Маточкин Шар, в губе Белужья, залив Тюлений. Пролив разделяет Северный и Южный острова Новой Земли примерно по 73° 20′ с.ш. Ширина устья между входными мысами Рок (на юге) и Выходной (на севере) — 14 км. Очертания губы Белужья в плане на восточном берегу осложнены полуостровом Чиракина, который представляет собой томболо общей протяжённостью немногим более километра с максимальными высотами на юге до 53 м. Восточнее полуострова располагается залив Тюлений, который образует удобную стоянку для маломерных судов. Полуостров Чиракина представляет собой две расположенные на одной линии и вытянутые с севера на юг возвышенности, разделённые седловиной и причлёрненные к восточному берегу Белужьей губы узким (до 30–40 м шириной) томболо длиной 250–300 м. Подножие возвышенностей окаймлено узкой полосой аккумулятивного берега.

На южной оконечности и на западе это прислонённый пляж шириной 5–10 м, сложенный гравием, галькой и валунами с россыпями слабоокатанных и неокатанных глыб на поверхности. На юго-востоке полоса аккумуляции расширяется, образуя наволок 50–70 м, большая часть которой занята современной низкой террасой высотой 1–1,5 м над уровнем моря.

Со стороны залива Тюлений терраса окаймлена полосой современного пляжа шириной чуть более 5 м, представляющего собой на оконечности мыса единый береговой вал высотой около 1 м. Пляж состоит из плоской гальки и мелкого гравия, образовавшегося из чёрных сланцев (Гусев, 1994).

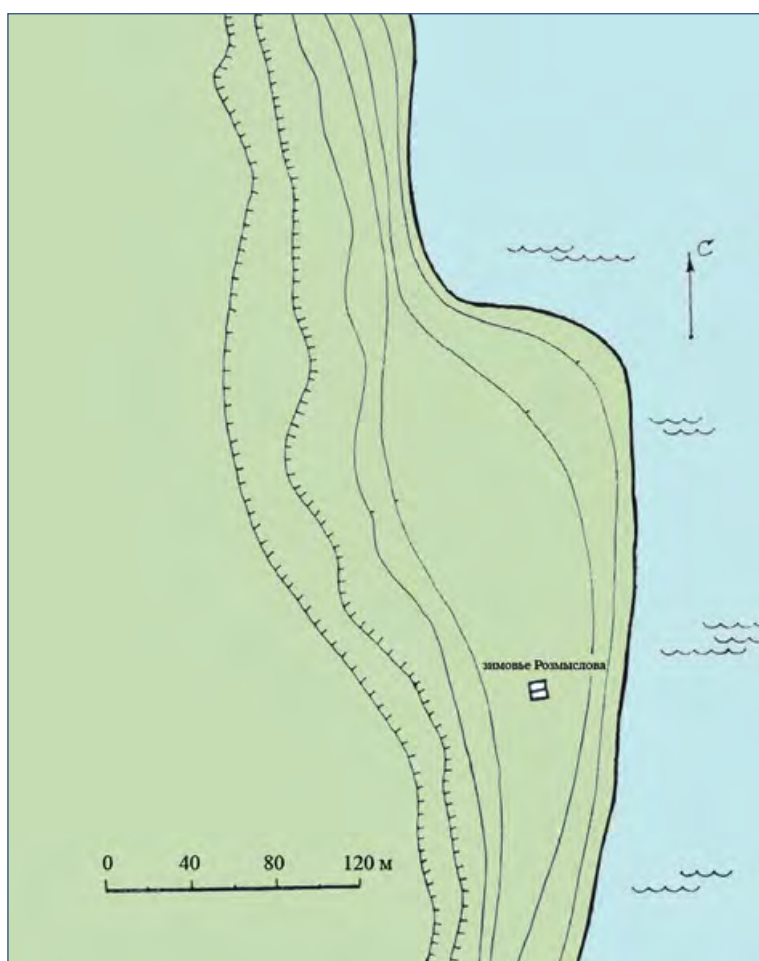
Зимовье экспедиции Ф. Т. Розмыслова было выстроено 9–12 сентября 1768 г. (Чулков, 1898). Для него была использована поморская изба, перевезённая от устья р. Медвянки из западного устья Маточкина Шара (Белов, 1956). В зимовье поселились семь человек из состава экспедиции, включая Ф. Т. Розмыслова

и кормщика Я. Я. Чиракина. Остальные во главе с подштурманом М. Губиным поселились на мысе Дровяном, в избе, взятой на борт судна из Архангельска.

С наступлением зимы среди зимовщиков началась цинга, от которой из состава экспедиции умерли кормщик Я. Я. Чиракин и ещё 7 человек. Зимовье было оставлено только 3 августа 1769 г. (Чулков, 1898).

В августе 1833 г. на месте зимовки Розмыслова побывал П. К. Пахтусов, который нашёл избу *«почти разрушенную: потолок и стены ее обвалились»* (Дневные записки..., 1956. С. 81).

Посетившие место зимовки Розмыслова летом 1897 г. участники английской экспедиции на яхте «Лаура» детально описали его. Они упомянули *«...гурий, сложенный из очень больших камней, внутри которого находился гроб. Несколько камней упали на крышку и проломили ее; удалив их, мы нашли внутри гроба прекрасно сохранившийся скелет человека очень небольшого роста. Гроб был сделан очень тщательно из досок, выпиленных, вероятно, из бревен плавника. Старание, приложенное при погребении, показывало, что это был не простой человек, так как рядом находился другой скелет, прикрытый одними камнями; при дальнейших поисках мы нашли еще пять таких же простых могил без гробов. Тогда мы пришли к убеждению, что эти могилы нужно рассматривать в связи с развалинами русской избы, выстроенной неподалеку... Найдена была... часть деревянной доски с надписью ... “Лета... воздвигнут крест сей на поклонение православным христианам, и лежит под ним тело раба Божия Чиракина”... Крыша, которая*

Илл. 40. Архипелаг Новая Земля. Полуостров Чиракина. Остатки зимовья Ф. Т. Розмыслова 1768–1769 гг. План-схема. МАКЭ, 1994 г.

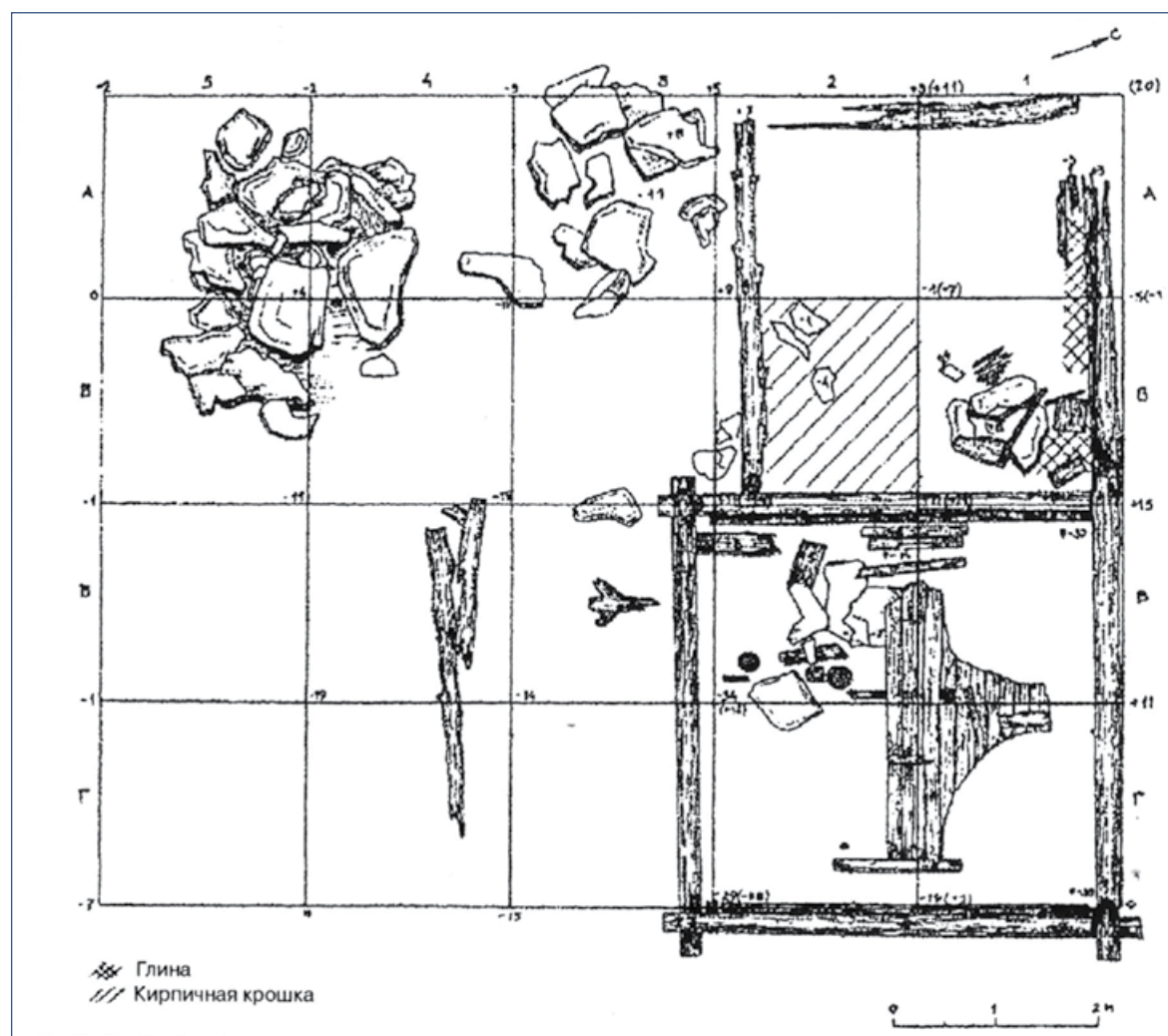
была сделана из бревен, просто положенных на стены избы и покрытых камнями, упала, самые бревна обратились в прах. Размеры избы еще легко установить: она состояла из сеней и комнаты; и та и другая — квадратные, первая со сторонами 12 фут, вторая по 14 фут. В комнате была сложена кирпичная печь. Удалив камни и добравшись до пола хижины, мы нашли много предметов, оставленных здесь русскими; некоторые из них мы привезли с собою...» (Чулков, 1898. С. 53–55).

В 1898 г. зимовье Ф. Розмыслова было обследовано английской экспедицией Пирсона, нашедшего здесь руины. Остатки зимовья были погребены и по большей мере уничтожены потоками грязи. Экспедиция нашла разбитую глиняную посуду, куски рогожи, плотничий отвес, счёты (Pearson, 1899. Р. 136–138).

В 1901 г. экипажем гидрографического судна «Пахтусов» на могиле Я. Я. Чиракина был установлен крест (Варнек, 1902).

Археологические исследования памятника проводились под руководством археолога МАКЭ, заместителя начальника экспедиции С. В. Гусева в 1994 г.

Остатки избы зимовья находятся на восточном песчано-галечном берегу полуострова Чиракина (илл. 40–42), на высоте 1,5–2 м над урезом воды (Новая Земля, кн. 2, ч. 1, 1998. С. 37–45). Изба размером 8,59 × 4,72 м ориентирована по сторонам 8,59 × 4,72 м восток-юго-восток — запад-северо-запад — запад-юго-запад — восток-северо-восток.

Илл. 41. Архипелаг Новая Земля. Полуостров Чиракина. Остатки зимовья Ф. Т. Розмыслова 1768–1769 гг. Планиграфия раскопа зимовья. МАКЭ, 1994 г.

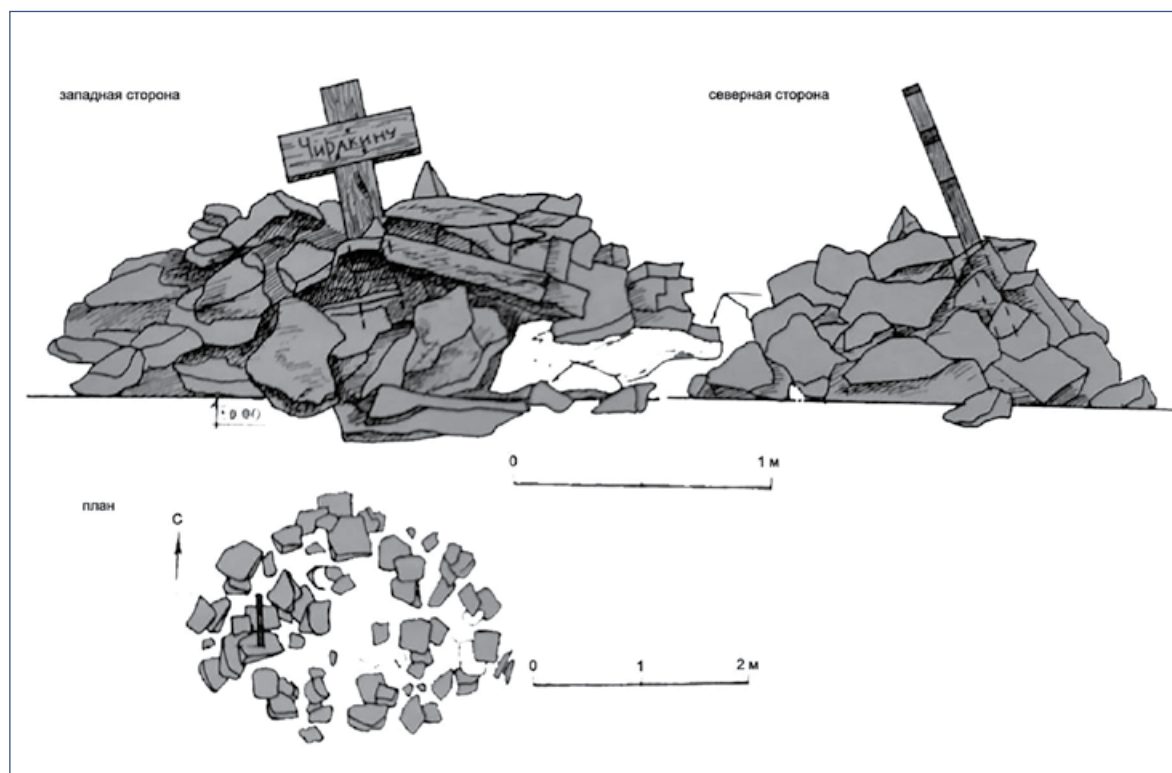
Илл. 42. Архипелаг Новая Земля. Полуостров Чиракина.
Остатки зимовья Ф. Т. Розмыслова 1768–1769 гг. Находки. МАКЭ, 1994 г.

По периметру основания избы МАКЭ в 1994 г. был разбит раскоп 80 м². Исследована вся площадь строения с прилегающей округой. Культурный слой тёмно-серого цвета, песчанистый, с пятнами глины и включениями органики, костей животных и птиц. Находки представлены фрагментами керамики, обработанных костей, берестяных туесков; железными гвоздями. Мощность слоя — до 0,5 м. Материк — аккумулятивный материал (галька, песок, мелкий гравий), составляющий береговой вал.

Изба двухкамерная из брёвен, рубленных «в обло». Сохранились остатки трёх нижних венцов сруба, развалы двух печей, фрагмент пола, выстланного досками. Во внутренней части жилищ сохранились 2 скопления крупных каменных плит, судя по всему, уложенных в конструкции печей. Судя по стратиграфии, культурный слой нарушен в результате перекопов.

Из находок особо отметим сероглиняный черпак с залощённой поверхностью, с длинной горизонтальной ручкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Другие фрагменты керамики представлены кухонными горшками. Фрагменты кожаной обуви, железная кованая скоба и гвозди, фрагмент обработанной кости, изделия из берёсты дополняют инвентарь зимовщиков. Изделия из берёсты, видимо, имеют отношение к обуви зимовщиков (Гусев, 1994).

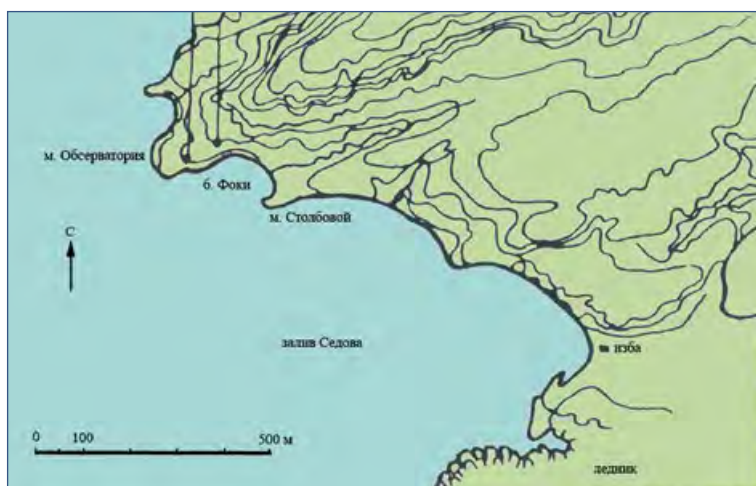
Могилы 1768–1769 гг. Я. Я. Чиракина и его спутников (илл. 43) расположены на восточной стороне возвышенности. В 1994 г. МАКЭ зафиксированы кладка каменных плит и четырёхконечный крест высотой около 60 см с надписями: «*Чиракину*», «*Пароход Пахтусов*». Крест установлен экипажем гидрографического судна «Пахтусов» в 1901 г. Неподалёку находятся кладки ещё нескольких могил участников экспедиции 1768–1769 гг. Ф. Т. Розмыслова (Новая Земля, кн. 2, ч. 1, 1998. С. 37–45).

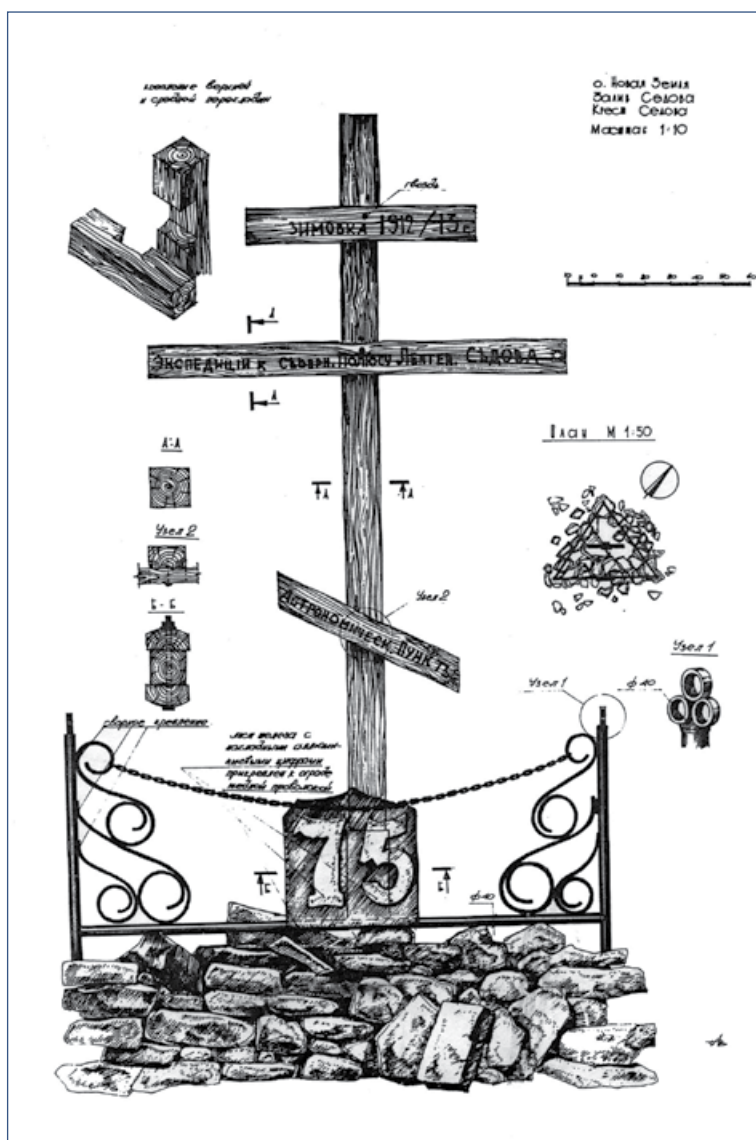
Илл. 43. Архипелаг Новая Земля. Полуостров Чиракина. Остатки зимовья Ф. Т. Розмыслова 1768–1769 гг. Могилы 1768–1769 гг. Я. Я. Чиракина и его спутников. Рис. МАКЭ, 1994 г.

Кресты экспедиции Г. Я. Седова 1912–1913 гг. расположены на мысе Обсерватории, на берегу бухты Фоки, в юго-западной части полуострова Панкратьева (илл. 44). Географические координаты, по Г. Я. Седову: $76^{\circ} 00'$ с. ш., $59^{\circ} 55'$ в. д.

В 1912 г. на частные средства была организована экспедиция Г. Я. Седова к Северному полюсу. Во второй половине сентября судно экспедиции «Св. Фока» было затёрто льдами около полуострова Панкратьева. Экспедиция осталась на зимовку в бухте, названной в честь судна «бухтой Святого Фоки». Только в начале сентября 1913 г., почти через год, «Св. Фока» смог покинуть бухту и пробиться к островам Земли Франца-Иосифа. Во время зимовки на Новой Земле проводились разнообразные научные исследования, изучение и картирование северо-западного и северного побережий Новой Земли. Во время зимовки 1912–1913 гг. участниками экспедиции было установлено два памятных креста, один из которых находится на месте астропункта. В 1988 г. кресты были обследованы МАКЭ

Илл. 44. Архипелаг Новая Земля. Бухта Фоки. П-ов Панкратьева. Кресты экспедиции Г.Я.Седова 1912–1913 гг. Топоплан. МАКЭ, 1988 г.

Илл. 45. Архипелаг Новая Земля. Бухта Фоки. П-ов Панкратьева. Крест экспедиции Г.Я.Седова 1912–1913 гг. на месте астрономического пункта. МАКЭ, 1988 г.

(Пинегин, 1924. С. 30–138; Самойлович, 1929. С. 77; Боярский, 1990. С. 24–25; Боярский, 1990 а. С. 119–120).

Два деревянных креста расположены на расстоянии около 300 м друг от друга.

Крест № 1 высотой 3,7 м сделан из квадратного в сечении бруса, основание заглублено в грунт и обложено камнями на высоту 0,6 м. Три перекладины прикреплены к основанию железными гвоздями. На перекладинах креста имеются вырезанные надписи: «Зимовка 1912/13 г.», «Экспедиции к Северн. Полюсу. Лейтен. Съдова», «Астрономическ. Пункт» (илл. 45).

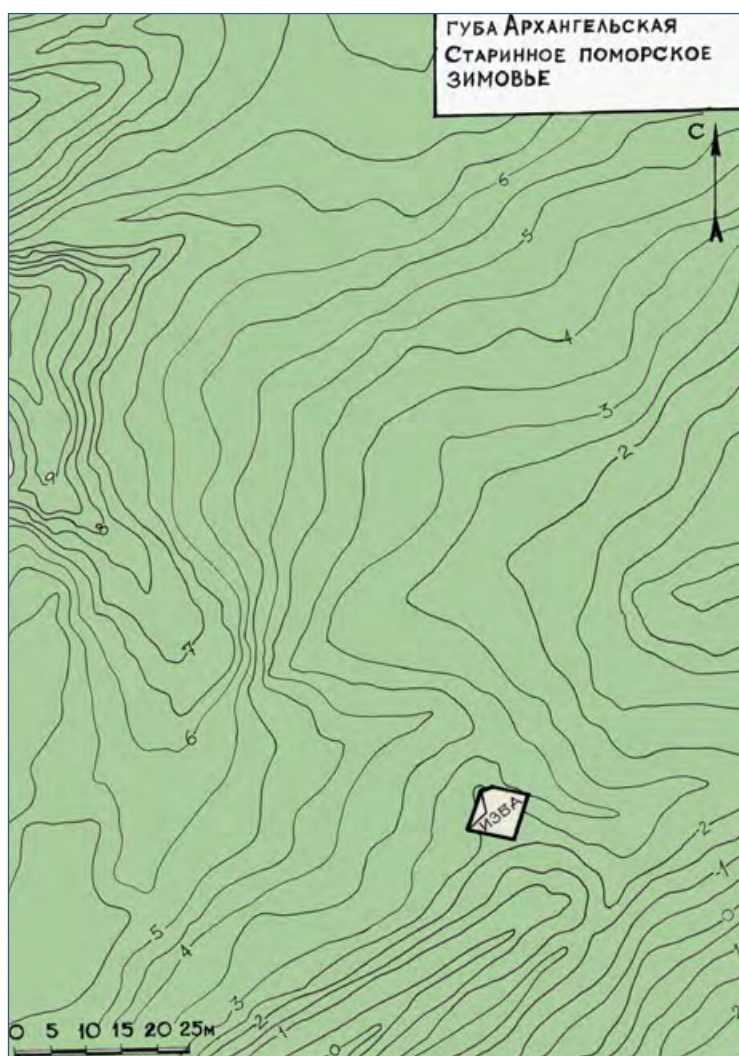
Вокруг креста по периметру каменной обкладки имеется металлическая оградка из стоек и цепей. У основания креста установлена металлическая табличка размером 50 × 50 см с алюминиевыми цифрами «75». Табличка и оградка установлены в 1987 г. в память 75-летия зимовки Г. Я. Седова.

Крест № 2 высотой 2 м расположен на расстоянии около 300 м от креста № 1 на возвышающейся каменистой гряде и представляет собой вертикальное основание и одну горизонтальную перекладину из деревянного бруса квадратного сечения. Нижний конец основания заглублён в каменистый грунт и обложен камнями на высоту 45 см. На опорном столбе и с боковых и нижней сторон перекладины вырезаны надписи: «Соор вь память бывлой зимовки. Экспед. Лейт. Седова къ Полюсу». Здесь же вырезаны фамилии участников зимовки: «Кушаковымъ», «В. Лебедевым», «А. Инютиным», «И. Коршуновым», «Н. Кузнецовъ», «...ковым Коноплевым». По торцам перекладины вырезаны даты: «1912» и «1913» (Новая Земля, т. 1, вып. II, кн. 2, 1993. С. 136–137; Боярский, 2001. С. 162–164; Новая Земля, 2009. С. 186, 187; Боярский, 2015. С. 44–45).

Поморское зимовье в Архангельской губе. Памятник расположен в куте губы на юго-восточном берегу, на высоте около 13 м и в 250 м от берега приледникового

Илл. 46. Архипелаг Новая Земля. Архангельская губа. Поморское зимовье. Карта-схема расположения зимовья. МАКЭ, 1992 г.

Илл. 47. Архипелаг Новая Земля. Архангельская губа. Поморское зимовье. Топоплан. МАКЭ, 1992 г.

озера, в зоне краевых моренных образований с плащом молодых морских осадков (илл. 46). Географические координаты: $75^{\circ} 54'$ с. ш., $59^{\circ} 20'$ в. д.

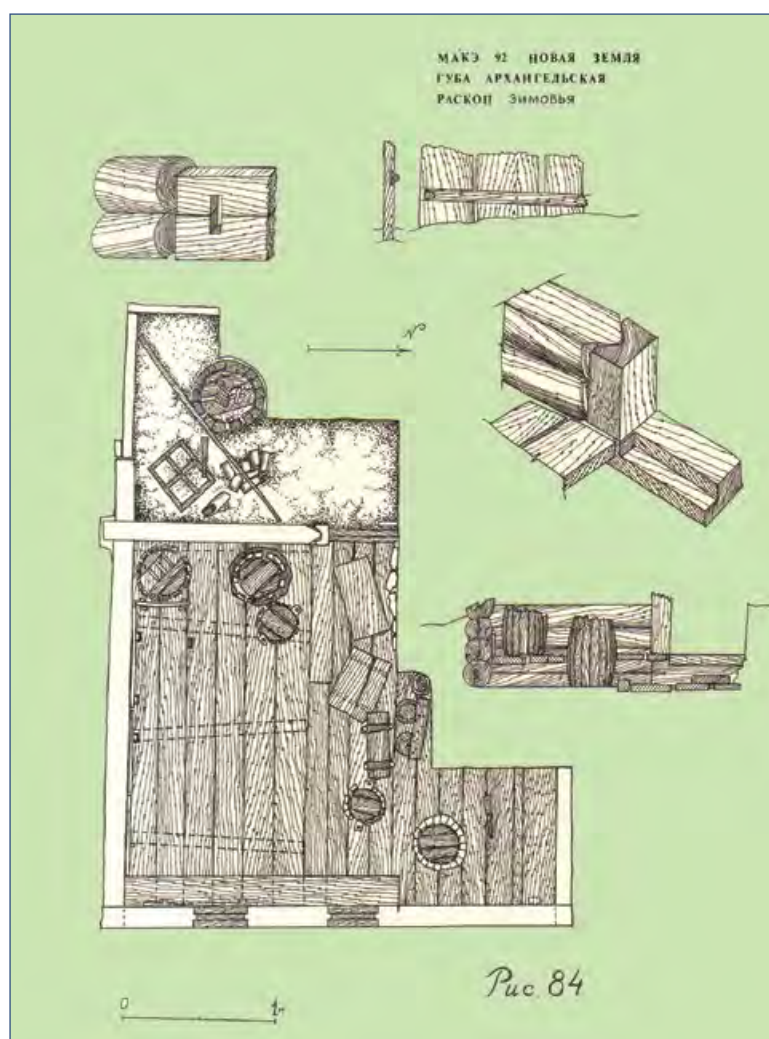
От зимовья сохранилась площадка дома, вместе с рухнувшими деталями конструкций погребённого под песчано-галечниковым субстратом. Предположительно водоснежный поток с большим содержанием рыхлого материала разрушил избу в её верхней части на две трети, а оставшиеся четыре венца нижней части были засыпаны мелкозёмом с примесью гравия.

На современной дневной поверхности находились хаотично лежащие брёвна, плахи, доски и их фрагменты. По частично сохранившимся брёвнам прослеживаются контуры избы, имевшей квадратную форму, размером 5×5 м и пристройку, располагавшуюся с западной стороны.

Внутри остатков сруба, в северо-западном углу, находится развал крупных камней, возможно, остатки печи. В северо-восточном — юго-западном углах избы, а также в северной и южной частях пристройки прослеживались замкнутые деревянные бочки. В 5 м к западу от пристройки выявлено скопление костей птиц и рыбьих позвонков размером 60×60 см и толщиной 10–12 см.

Археологическими исследованиями вскрыта юго-восточная часть пристройки и избы. Мощность культурного слоя составила 0,8 м (илл. 48). Грунт представляет собой крупнозернистый песок, вымытый водным потоком из субстрата конечных

морен. Изба была срублена «в лапу». Часть разрушенной избы была снесена водным потоком и замыта за пределами раскопанного участка.

Илл. 48. Архипелаг Новая Земля. Архангельская губа. Поморское зимовье. План раскопа. МАКЭ, 1992 г.

Выявлены четыре венца сруба. Средняя толщина брёвен (20–25 см) позволяет предположить, что сруб был высотой 160–170 см. В пристройке обнаружены: оконная рама с крестообразным переплётom и мелкими фрагментами стекла, остатки кожаной обуви, фрагмент оленьего рога, фрагмент веника из веток, роговой гребень-расчёска, сделанная из бревна скамейка. На дне расчищенной бочки, находившейся в пристройке, найдены фрагменты плетёной циновки и кожаной обуви, кости животных.

При расчистке внутреннего помещения избы выявлен дощатый настил, крупные камни от печи, бочка с деревянными обручами, деревянная шахматная фигура, развал кадки, железный нож с деревянной ручкой, стамеска, выдолбленный рог быка со срезом, нож без ручки, обтёсанные китовые позвонки, вытесанная целиком из бревна скамейка.

Конструкция строения и отдельные найденные предметы позволяют предположить, что становище было поставлено промысловиками в XIX в. Неподалёку видны занесённые моренным субстратом верхние брёвна ещё одного строения.

Поморское становище XVII–XVIII вв. в устье ручья Широкий. В 12 км к западу от становища Ольгинское, на южном берегу губы Крестовой, на травер-

се о. Врангеля, на левом берегу руч. Широкого, возле устья выявлены остатки строений становища. Они находятся на краю пологого выступа первой морской террасы, на высоте 4–5 м над урезом воды, в 3–4 м от берега ручья и в 20 м от кромки морского прибоя, в 30 м от подножия круто поднимающейся второй террасы (илл. 49).

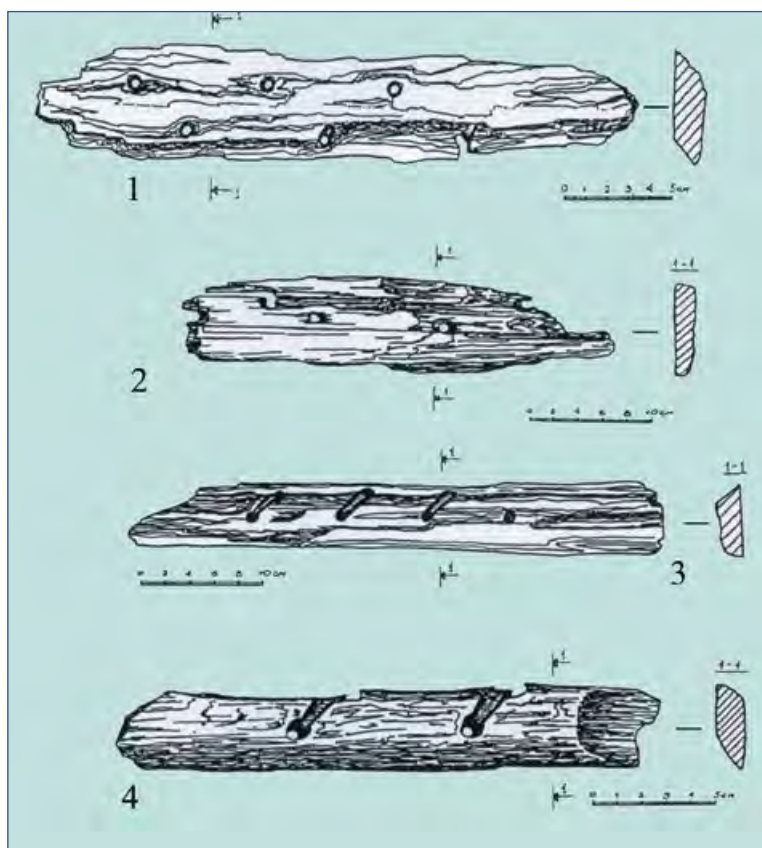
Илл. 49. Архипелаг Новая Земля. Губа Крестовая. Поморское становище XVII–XVIII вв. в устье руч. Широкого. План-схема расположения становища. МАКЭ, 1992 г.

Остатки строений становища находятся на вышеописанной террасе, на высоте 4–5 м над урезом воды, в 3–4 м от берега ручья и в 20 м от кромки морского прибоя. Территория зимовья покрыта растительностью (проективное покрытие — до 60%) и по интенсивности растительного покрова и его высоте резко выделяется на фоне окружающего пространства (Новая Земля, 2009. С. 202–203). Географические координаты: 74° 08′ с. ш., 55° 18′ в. д.

Во время исследований в 1839 г. С. А. Моисеев записал в дневнике: «*На меридиане острова Врангеля, по южному берегу залива, вытекает небольшая речка пресной воды; при устье ее стоят три развалившиеся избы и несколько могильных крестов*» (Дневные записки..., 1956).

Зимовье представлено фрагментами нижних венцов трёх деревянных строений — двух изб и бани, и могилами. На поверхности лежат фрагменты дерева и кирпичей, кости животных. Внутри строений размещаются развалы печей в виде мелких фрагментов кирпича и щепы.

На территории зимовья обнаружены: фрагменты обшивки старинных судов, перевитые вицей (илл. 50), фрагменты глиняного сосуда, сероглиняного лощёного сосуда и оконного стекла, гвозди, кирпичная крошка, тлен брёвен и досок, фрагменты керамической посуды, кости морского зверя и птиц.

Илл. 50. Архипелаг Новая Земля. Губа Крестовая. Поморское становище XVII–XVIII вв. в устье руч. Широкого. Фрагменты деревянных судов. МАКЭ, 1992 г.

Культурный слой темно-серого цвета мощностью до 0,5 м сильно гумусирован и насыщен костями морских млекопитающих (нерпа, лахтак), деревянной трухой и щепой, битым кирпичом.

Замыкающий становище с запада ряд плоских валунов, вытянутый в том же направлении, вероятно, место захоронения поселенцев. Истлевшие остатки брёвен между валунами являются, видимо, остатками намогильных крестов.

Наиболее выраженная «могила» размером 2,6 × 1,2 м с ориентацией север — юг на поверхности читается по каменной обкладке овальной формы и частично выступающим из-под дёрна, лежащим плашмя доскам гробовины.

Ещё один крест (или створный знак) стоял, по всей видимости, на скалистом, очень узком, до двух метров шириной, мысу с обрывистыми краями к востоку от становища (Сидоров, 1957; Атлас географических..., 1964; Мутафи, 1941; Новая Земля, кн. 2, ч. I, 1998. С. 11–15).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наиболее ранние археологические объекты на Новой Земле представлены несколькими местонахождениями каменных орудий и стоянками Каменка и Фактория на юге архипелага. Для этих объектов характерно отсутствие культурного слоя, крайняя невыразительность каменных орудий из некачественного кремня, изготовление этих орудий на естественных (морозобойных) сколах, которые в дальнейшем снова подвергались морозному раскалыванию. Первооткрыватель памятников Г. В. Иванов отмечал, что в собранном подъёмном материале отсут-

ствуют определяющие формы, поэтому найденный материал достаточно сложен для каких-либо определений и интерпретаций, датировка затруднительна, и только высказал предположение о позднеголоценовом возрасте орудий (Иванов, 1993. С. 49, 53).

Наиболее изученным археологическими методами объектом стало зимовье Баренца в Ледяной гавани на восточном побережье Северного острова. Здесь в продолжение двух сезонов 1993 и 1995 гг. были изучены остатки зимовья и сопредельной территории, давшие большое количество массового материала, дополняющего письменные сведения о жизни голландских зимовщиков на арктическом архипелаге в конце XVI в.

Основную часть объектов культурного наследия на архипелаге, которые обладают археологическим потенциалом, являются поморские становища, которые датируются временем от XVII в. до 20-х гг. XX в. Для них характерно наличие небольшого по мощности культурного слоя, в котором, благодаря холодному климату, хорошо сохраняются изделия из органических материалов.

Объекты культурно-исторического наследия достаточно легко выявляются на поверхности по более развитому почвенному покрову. На любых объектах, оставленных человеком, от кострища и ловушки на зверей до остатков постройки, присутствует более богатая растительность, чем на окружающей местности, что визуально резко выделяет их на фоне ландшафта.

Все объекты археологического наследия архипелага подвергаются активному разрушению под воздействием внешних факторов — антропогенной деятельности, ветровой и водной эрозии, солифлюкционных процессов.

Пока более ранних средневековых поморских памятников на Новой Земле не обнаружено, хотя по письменным свидетельствам, промыслы здесь русские вели, по крайней мере, начиная с XV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипелаг Новая Земля : Монография / Под общ. ред. П. В. Боярского. — М. : Паулсен, 2020. — 600 с.
2. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / Под ред. А. Ефимова. — М. : Наука, 1964. — 134 с.
3. Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. — М. : Морской транспорт, 1956. — 592 с.
4. Борисов Н. П. Художник вечных льдов. — Л. : Художник РСФСР, 1983. — 268 с.
5. Боярский П. В. Морская арктическая комплексная экспедиция. Комплексные исследования историко-культурной и природной среды Арктики. — М. : НИИК, 1990. — 80 с.
6. Боярский П. В. Русский крест в сакральном пространстве Арктики // Ставрографический сборник. Кн. 1. — М. : Изд-во Московской Патриархии, 2001. — С. 130–165.
7. Боярский П. В. История освоения арктического архипелага Новая Земля / Под общ. ред. К. С. Зайкова. — Архангельск : САФУ, 2015. — 113 с.
8. Боярский П. В., Сметанин В. В., Соколов Ю. Н., Химичук Н. В. История освоения полярного архипелага Новая Земля. — М. : Белушья Губа, 2005. — 256 с.
9. Визе В. Ю. Предисловие редактора // Де-Фер Г. Плавание Баренца (DIARIUM NAUTICUM). 1594–1597 / Под ред. проф. В. Ю. Визе. — М. — Л. : Изд-во Главсевморпути, 1936. — 308 с.
10. Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. — М. — Л. : Главсевморпуть, 1948. — 414 с.
11. Виллем Баренц на Новой Земле. Находки и исследования / Авторы-составители П. Боярский, Е. Дмитриева, С. Енчинова, Т. Зубковская; ответ. ред. Е. Дмитриева. — М. : Институт Наследия, 1996. — 32 с.

12. ГАОО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 51. Л. 11.
13. Горбачкий Г.В. Следы экспедиции на судне «Willem Barents» // Бюллетень Всесоюзного арктического института. – № 11. – Л. : ВАИ, 1933.
14. Гусев С.В. Отчёт об археологических исследованиях на архипелаге Новая Земля в составе Морской арктической комплексной экспедиции в 1994 году. – М. : Институт Наследия, 1994 / Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 18795.
15. Державин В.Л. Краткая история открытия и исследования зимовья Баренца на Новой Земле // Архипелаг Новая Земля / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Паулсен, 2020. – С. 174–181.
16. Де-Фер Г. Плавания Баренца (DIARIUM NAUTICUM). 1594–1597 / Под ред. проф. В. Ю. Визе. – М. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1936. – 308 с.
17. Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева / Отв. ред. В. М. Пасецкий. – М. : Географгиз, 1956. – 212 с.
18. Евгенов Н.И. Лоция Карского моря и Новой Земли. – Л. : Гидрографич. управление, 1930. – 181 с.
19. Житков Б., Бутурлин С. По северу России // Землеведение. – № 3–4, 1901.
20. Иванов Г.В. Находки каменных орудий на островах европейской Арктики (1989–1992) // AD Polus. Археологические изыскания : Сборник статей. Вып. 10. – СПб. : Фарн, 1993. – С. 47–54.
21. Карта «Новая Земля. Культурное и природное наследие. История открытий» (масштаб 1:1 000 000) / Ответ. ред. П. В. Боярский и А. А. Лютый. – М. : Институт Наследия, 1996.
22. Матусевич Н.Н., Соколов А.В. Новая Земля. – Вологда : Сев. печатник, 1927. – 101 с.
23. Милорадович Б.В. Посещение зимовки В. Баренца в Ледяной гавани на Новой Земле // Арктика. – 1934. – № 2. – С. 187–190.
24. Мутафи М.Н. Геолого-петрологический и металлогенический очерк Крестовой. – Труды ГГУ ГУСМП, т. 13, 1941.
25. Новая Земля. Выпуск II. Том 1. Книга 1. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Институт Наследия, 1993. – 111 с.
26. Новая Земля. Выпуск II. Том 1. Книга 2. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Институт Наследия, 1993. – 225 с.
27. Новая Земля. Выпуск III. Том 2. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Институт Наследия, 1993. – 247 с.
28. Новая Земля. Выпуск IV. Том 3. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Институт Наследия, 1994. – 239 с.
29. Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Книга 1. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Институт Наследия, 1998. – 280 с.
30. Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Книга 2. Часть 1. Культурное наследие. Радиоэкология. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Институт Наследия, 2000. – 276 с.
31. Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Книга 2. Часть 2. История изучения и освоения Новой Земли. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Институт Наследия, 2000. – 212 с.
32. Новая Земля : Монография / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Изд-во «Европейские издания – Paulsen», 2009. – 410 с.
33. Обручев С.В. На «Персее» по полярным морям. – М. – Л. : Моск. т-во писателей, 1929. – 221 с.
34. Отчёт о научно-исследовательской работе «Теория и методы комплексного выявления, исследования, мониторинга, сохранения и использования культурного, природного и морского наследия Арктики». Тема 9.4. «Проведение работ Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) в рамках яхтенной экспедиции «Арктика. Эксперимент

- XXI века» на островах, архипелагах и побережье Баренцева моря (15 июля – 7 августа 2014 г.). – М. : Институт Наследия, 2014 / Архив Института Наследия.
35. *Пинегин Н.В.* В ледяных просторах с экспедицией Седова к Северному полюсу. – Л. : Гос. изд-во, 1924. – 272 с.
 36. План губы Грибовой по описи шхуны «Бакан» 1889 г. // Планы якорных мест средней части W-го берега Новой Земли с описей 1821–1893 годов. – СПб., 1898.
 37. *Русанов В.А.* Статьи, лекции, письма. – М. – Л. : Главсевморпуть, 1945. – 427 с.
 38. *Самойлович Р.Л.* Краткие сведения об экспедициях на Новую Землю в 1921, 1923, 1924, 1925 и 1927 гг. // Новая Земля. Экспедиция 1921–1927 гг. под нач. Р.Л. Самойловича. Труды Ин-та по изучению Севера. Вып. 40. – Л. : 1929. – С. 5–110.
 39. *Сидоров К.В.* Новая Земля на картах XVII в. // Летопись Севера. Т. 2. – М. : ГИГЛ, 1957. – 280 с.
 40. *Соколов-Микитов И.* На тёплой Земле. – М. : ГИХЛ, 1954. – 851 с.
 41. *Старков В.Ф., Державин В.Л.* Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). – М. : Научный мир, 2003. – 212 с.
 42. Указатели к карте «Новая Земля. Культурное и природное наследие. История открытий» (масштаб 1 : 1 000 000). / Ответ. ред. П. В. Боярский и А. А. Лютый. – М. : Институт Наследия, 1996.
 43. *Херрит де Вейр.* Арктические плавания Виллема Баренца / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Рубежи XXI, 2011. – 280 с.
 44. *Чулков Н.* Экспедиция на Новую Землю под начальством Розмыслова в 1768–1769 гг. – Архангельск : Губернская типография, 1898. – 55 с.
 45. *Gawronsky J. H. G., Boyarsky P. V. (et al.)* Northbound with Barents. Russian – Dutch Integrated Archeological Research on the Archipelago Novaya Zemlya. – Amsterdam, 1997. – 255 p.
 46. *Pearson H. J.* Beyond Petsora eastward. Two summer voyages to Novaya Zemlya and Islands of Barents Sea. – London, 1899.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРЫШЕВ Илья Борисович (15 декабря 1958 г.), старший научный сотрудник Отдела «Морская арктическая комплексная экспедиция и морское наследие России» Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (г. Москва). Научные интересы — археология и история Арктики. Проводил археологические исследования на Новой Земле, берегах Белого моря, на Соловецких островах, на о. Вайгач, в Большеземельской и Малоземельской тундрах, на Городецком озере, в том числе на Пустозерском городище (Ненецкий автономный округ), на Земле Франца-Иосифа, Таймыре, Ямале, Северной Земле, Сахалине, Камчатке, Карелии, в Архангельской и Магаданской областях и Республике Коми, Южной Якутии. Участвовал в раскопках в Московской области в составе Подмосковной экспедиции Государственного исторического музея, археологических исследованиях Института археологии РАН в Троице-Сергиевой лавре и г. Ярославле.

Имеет более 70 публикаций, в том числе является соавтором 5 монографий из серии «Острова и архипелаги Российской Арктики», автором монографии «Языческие святилища острова Вайгач» (2011 г.), соавтором научно-популярной книги «Полярный лётчик А. Д. Алексеев. Страницы биографии» (2023 г.).

ДЕРЖАВИН Виктор Леонидович (16 апреля 1949 г.), кандидат исторических наук. Место работы — Институт археологии РАН (г. Москва), старший научный сотрудник. Научные интересы — археология и история Арктики. Места археологических исследований — архипелаг Шпицберген.

Основные публикации:

1. *Державин В.Л.* Северо-Восточный проход и экспедиция В.Я. Чичагова. — М. : изд-во «Юлис», 2019. — 76 с.
2. *Державин В.Л., Колесников А.Б.* Археологическая коллекция музея «Помор» на Шпицбергене. Исследования в Арктике Института археологии Российской академии наук : Каталог. — М. : 2020. — 160 с.
3. *Старков В.Ф., Державин В.Л.* Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). — М. : Научный мир, 2003. — 179 с.

МУРЫГИН Александр Михайлович (27 ноября 1947 г.), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр» Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар). Научные интересы — материальная культура и этногенез древнего финно-угорского и самодийского населения европейского Северо-Востока. Проводил археологические исследования в Республике Коми, Архангельской области, Ненецком автономном округе.

Основные публикации:

1. *Мурыгин А. М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. — М. : Наука, 1992. — 182 с.
2. *Мурыгин А. М.* Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. — Екатеринбург, УрО РАН. 2001. — 151 с.
3. *Мурыгин А. М.* Поселение Югорская сопка. Древности Городецкого озера. Вып. I / Департамент образования, культуры и спорта Ненецкого автономного округа, ГБУК «ИКИЛМЗ «Пустозерск», Институт ЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН». — Нарьян-Мар — Сыктывкар : ООО «Коми Республиканская типография», 2019. — 96 с.
4. *Мурыгин А. М.* Некоторые вопросы освоения крайнего северо-востока европейской части России в эпоху железа по археологическим данным // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». — № 5 (45). — Сыктывкар : 2020. — С. 17–23.
5. *Мурыгин А. М., Липс С. А., Кардаш О. В.* Древнее святилище на реке Море-Ю : каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. / Департамент образования, культуры и спорта Ненецкого автономного округа. — Сыктывкар : Издательская группа «Караван», 2016. — 311 с.
6. *Мурыгин А. М., Астахова И. С.* Шлаки из раскопок археологического памятника — городище Кобылиха (Ненецкий автономный округ) // Вестник геонаук. — 2022. — 3 (327). — С. 31–41.
7. *Murygin A. M.* On the problem of formation the cultures of the Early Iron Age and the Middle Ages of the taiga and tundra zones in the extreme North-East of Europe // 5th International Scientific Conference “Arctic: History and Modernity”. IOP Conf. Series : Earth and Environmental Science 539 (2020) 012010 / IOP Publishing.
8. *Murygin A., Astakhova I.* Experience of Microprobe Research of Archaeological Items from the Excavations of the Yugorskaya Sopka Settlement (Nenets Autonomous Area) / In: Beskopylny, A., Shamtsyan, M., Artiukh, V. (eds) // XV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2022”. INTERAGROMASH 2022. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 574. Springer, Cham. (Опубликовано 5 февраля 2023 г.)

ОКОРОКОВ Александр Васильевич (22 апреля 1958 г.), доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук, действительный член Русского географического общества, член-корреспондент Международного комитета по подводному культурному наследию, заместитель директора по научной работе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (г. Москва). Проводил комплексные подводные исследования в составе Морской Арктической комплексной экспедиции, работал на Чёрном, Белом, Каспийском, Баренцевом, Азовском, Балтийском морях, акватории арктических островов, внутренних водоёмах России. Сфера профессиональных интересов — подводная археология, памятниковедение, история российского зарубежья, военная история. К настоящему времени — автор 56 книг и брошюр, более 300 научных и научно-популярных статей в отечественных и зарубежных изданиях.

рии арктических островов, внутренних водоёмах России. Сфера профессиональных интересов — подводная археология, памятниковедение, история российского зарубежья, военная история. К настоящему времени — автор 56 книг и брошюр, более 300 научных и научно-популярных статей в отечественных и зарубежных изданиях.

Основные публикации:

1. *Окороков А. В.* Материалы по истории деревянного судостроения XVIII–XIX вв. (на основе археологических исследований) / АН СССР, М-во культуры РСФСР, НИИ культуры и др. — М. : НИИК, 1991. — 48 с.
2. *Окороков А. В.* Древнейшие средства передвижения по воде. — Калининград, 1994. — 218 с.
3. *Окороков А. В.* Затонувшие корабли. Затопленные города. — М. : Евразия+, 1996. — 120 с.
4. *Окороков А. В.* История отечественной подводной археологии / Отв. ред. В. Г. Сташевский. — М. : Кнорус, 2008. — 160 с.
5. *Окороков А. В.* Сокровища на дне. — М. : Вече, 2011. — 320 с.
6. *Окороков А. В.* Ока и окское судоходство. — М. : Вече, 2017. — 544 с.
7. *Окороков А. В.* Свод объектов подводного культурного наследия России. Ч. I. Черное и Азовское моря. — М. : Институт Наследия имени Д. С. Лихачёва, 2016. — 440 с.
8. *Окороков А. В.* Свод объектов подводного культурного наследия России. Ч. II. Моря российской части Арктики и Дальнего Востока. — М. : Институт Наследия имени Д. С. Лихачёва, 2018. — 224 с.
9. *Дубровин Г. Е., Окороков А. В., Старков В. Ф., Черношвитов П. Ю.* История северорусского судостроения / Институт археологии РАН, Российский институт культурологии. — СПб. : Алетейя, 2001. — 404 с.

ШУМКИН Владимир Яковлевич (10 июля 1947 г.), кандидат исторических наук. Работает старшим научным сотрудником в отделе палеолита ИИМК РАН в должности руководителя неолитической группы отдела палеолита. Научные интересы исследователя — археология каменного века и эпохи раннего металла Фенноскандии (поселения, наскальное творчество, могильники, этногенез саамов). Проводил археологические исследования в Лапландии (Россия, Норвегия, Швеция, Финляндия), Ирландии, Испании, Италии, Франции. Имеет более 200 публикаций.

Основные публикации:

1. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера / Rock Carvings of Kanozero. — СПб. : Искусство России, 2012. — 424 с.
2. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Петроглифы Чальмн-Варрэ / Calmn-Varre Petroglyphs. — СПб. : ИИМК РАН, 2018. — 160 с.
3. Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И., Шумкин В. Я. Кольский Оленеостровский могильник: 1925–2013. — СПб. — Вологда : Древности Севера, 2019. — 480 с.
4. Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Сокровища древнего Ковдора : Каталог выставки (Археологический комплекс Лива 1). — СПб. : Издательство «ЛЕМА», 2022. — 104 с.
5. Шумкин В. Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. — 1986. — № 2. — С. 15–33.
6. Шумкин В. Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. — СПб. : Петербургское востоковедение, 1993. — С. 34–59.
7. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012. — 1 (49). — С. 76–81.
8. Shumkin V.Y. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi. 2000. — P. 202–241.
9. Shumkin V.Y. On the ethnogenesis of the Saami: An archaeological view // Acta Borealia. — 1990. — Vol. 2. — P. 3–20.

Научное издание

Археология Российской Арктики

Том 1

Под общей редакцией
Окорокова Александра Васильевича,
Барышева Ильи Борисовича

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Корректор: *И. А. Птицын*
Компьютерная вёрстка: *О. В. Клюшенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
info@heritage-institute.ru

Тираж 100 экз. Заказ № 150.
Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5.

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте Института Наследия —
www.heritage-institute.ru, раздел «Издания».